

Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт,
Энтони Макгрю, Джонатан Перратон

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

David Held, David Goldblatt, Anthony McGrew, Jonathan

Perraton

GLOBAL TRANSFORMATIONS

Politics, Economics and Culture

Polity 1999

Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю,
Джонатан Перратон

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Политика, экономика и культура

Праксис Москва 2004

ББК 60.5 Г 54

*Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project» при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса — Россия) и Фонда «Next Page»
(Институт «Открытое общество» — Будапешт).*

Перевод с английского В. В. Сапова (предисл., введ., гл. i—8, закл., метод, прил.),

Б. Л. Рубанова (введ., гл. 4—5) > Л. В. Саповой (гл. 3), М. В. Соколовой (гл. 1—2, 8, закл., метод, прил.), Л. В.
Ясной (гл. 6—7)

Хелд Д. и др.

Г 54 Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В. В. Сапова и др. — М.:

Праксис, 2004. — xxiv, 576 с.

ISBN 5-901574-35-4

Книга представляет собой самое систематическое из существующих на сегодняшний день исследование процессов глобализации. Авторы рассматривают, как нынешняя фаза глобализации трансформирует современные общества в сферах политики, экономики, культуры и коммуникации, а также в областях миграции, охраны окружающей среды, войны и международного права. Книга будет полезна ученым и студентам, а также людям, занятым в сфере политики и управления.
ББК 60.5

© 1999 David Held, Anthony G. McGrew, David Gold-blatt and Johnathan Perraton. Публикуется по соглашению с Blackwell Publishing Ltd, Oxford.

© В. В. Сапов, Б. Л. Рубанов, Л. В. Сапова, М. В. Соколова, Л. В. Ясная, пер. с англ., 2004

© А. Кулагин, оформление обложки, 2004

© А. В. Иванченко, оригинал-макет, 2004 ISBN 5-901574-35-4
2004

© Издательская группа «Праксис»,

СОДЕРЖАНИЕ

Текстовые таблицы	xii
Диаграммы и карты	xiii
Таблицы	xv
Врезки	xviii
Предисловие	xix
Список сокращений	xxi
Список сокращений в порядке английского алфавита	xxiv
ВВЕДЕНИЕ	1
Дискуссии о глобализации	2
Источники споров в обсуждениях глобализации	12
Переосмысление глобализации: аналитическая схема	17
Определение формы современной глобализации	25
Структура книги	34
1 ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	37
1.1 От империй до современных национальных государств	37
1.1.1 Ранние государственные формы: изменяющийся охват политического правления	38
1.1.2 Ранние современные государства: абсолютизм и зарождение межгосударственной системы	4 ¹
1.1.3 Европейское «сообщество государств»	42
1.1.4 Изменение форм политической глобализации: инфраструктуры, скорость и стратификация	45
1.1.5 Современное национальное государство и мировой порядок	52
1.2 Возникновение глобальной политики	57
1.2.1 Глобализация политики	57
1.2.2 Интернационализация и транснационализация: протяженность, интенсивность и институционализация	61
1.2.3 Средства связи глобальной политики: развивающиеся инфраструктуры и скорость политического взаимодействия	68
1.3 Разветвленная система правления и диффузия политической власти	73
Организации Объединенных Наций	74
1.3.2 Режим прав человека	76
1.3.3 От международного права к праву космополитическому	83
Регионализм: новые ответвления системы правления	87
1.4 Исторические формы политической глобализации: трансформация политического сообщества	9 ¹
VI СОДЕРЖАНИЕ	
1.5 Степень участия разных стран в глобализационных процессах	96
1.6 Заключение: политическая глобализация и структурные влияния	100
2 УВЕЛИЧЕНИЕ МАСШТАБОВ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ	102
2.1 Введение	102
2.2 Что такое военная глобализация?	103
2.3 Глобализация войны: геополитика и эволюция мировой военной системы	105
2.3-1 Распространение европейской военной мощи: начальные этапы экспансии (1492—1800)	106
2.3.2 Возникновение геополитики: военные инфраструктуры и стратификация военной мощи	109
2.3.3 Эпоха глобального конфликта. 1914—199°	111
Дезорганизованная геополитика: распад на регионы и глобальная безопасность	117
2.4 Глобальная динамика вооружений	120
2.4.1 Система торговли оружием в Новое время: географический размах, интенсивность и стратификация	122
2.4.2 Торговля оружием в XIX — начале XX в.: индустриализация	

войны и глобальный рынок оружия	126
2.4-3 Современная торговля оружием: географические масштабы, интенсивность и стратификация	130
2.4-4 Глобальное распространение технологических возможностей для производства вооружений в Новое время	134
2.4.5 Современные модели глобального производства оружия: географические масштабы, интенсивность, стратификация и институционализация	136
2.5 Возникающие формы геоправления: организованное насилие	144
2.5-1 Геоправление вооруженными силами: режимы международной безопасности	144
2.5-2 Геополитическое управление вооруженными силами: войны и конфликты	152
2.5-3 Геоправление вооруженными силами: средства ведения войны	154
2.6 Исторические формы военной глобализации: сравнительный анализ	156
2.7 Современные национальные модели вхождения в мировой военный порядок	160
2.7.1 Первый эшелон: США	163
2.7.2 Страны второго эшелона: Япония, Великобритания, Франция, Швеция и Германия	165
2.8 Современная военная глобализация и ее политические последствия	168
2.8.1 Влияние глобализации на процесс принятия решений о применении военной силы и на оборонную политику	169
2.8.2 Институциональные воздействия: национальная или коллективная безопасность?	171
2.8.3 Воздействие военной глобализации на товародвижение: влияние военных закупок и военного производства на систему поставок	172
2.8.4 Структурные воздействия: от государства, обеспечивающего национальную безопасность, к «поствоенному» обществу?	174
3 ГЛОБАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ РЫНКИ	176
3-1 Торговля и глобализация	176
3-1.1 Понятия	177
3-1.2 Показатели	178
3-2 Развитие торговли с древних времен до возникновения национального государства	1
3-3 От промышленной революции до Второй мировой войны: взлет и падение мировой торговли	183
3-3-1 Международная торговля в период классического золотого стандарта, 1870—1914 гг.	184
3-3-2 Период между мировыми войнами: свертывание мировой торговли	186
3-3-3 Экономическое воздействие торговли	
3-3-4 Глобализация торговли: от эпохи золотого стандарта до Великой депрессии	192
3-4 Возникновение глобального порядка торговли	193
3-4-1 Развитие мировой свободной торговли	193
3-4-2 Экстенсивность торговли и появление мировых рынков	195
3-4-3 Растущая интенсивность послевоенной торговли	198
3-4-4 Смена моделей стратификации торговли	201
3-4-5 Инфраструктура и институционализация мировой торговли	206
3-5 Исторические формы глобализации торговли: преобразование глобальной торговли	207
3-6 Национальная вовлеченность в глобальную систему торговли	207
3-7 Воздействие глобальных торговых отношений	213
3-7-1 Воздействие в сфере принятия решений: управление макроэкономикой	213
3-7-2 Институциональные воздействия: торговая политика и государство всеобщего благоденствия	214
3-7-3 Дистрибутивные воздействия: труд	215
3-7-4 Структурные воздействия: глобальная конкуренция, деиндустриализация и изменение	

моделей промышленного производства	217
3-8 Заключение: государственная независимость и суверенитет	220
4 ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ	221
4-1 Показатели финансовой глобализации и финансовой вовлеченности	221
4-1-1 Структура исследования	222
4-2 Ранние модели глобальной финансовой деятельности	223
4-3 Период классического золотого стандарта: 1870—1914	225
4-3-1 Международный капитал: обширность, интенсивность и стратификация финансовых потоков	
4.3.2 Мировые деньги: функционирование классического золотого стандарта	228
4-3-3 Финансовая глобализация в эпоху классического золотого стандарта	231
4-4 Период между мировыми войнами: глобальный валютный хаос	232
4-5 Бреттон-Вудская эпоха: новое изобретение глобальной финансовой системы	233
4-6 Контурные современной финансовой глобализации	236
4-6.1 Мощность и разнообразие глобальных финансовых потоков	237
4-6.2 Обширность и стратификация глобальной финансовой системы	245
4-6-3 Инфраструктура, институционализация и организация глобальной финансовой системы	250
4.6.4 Современная финансовая глобализация: либерализация и развитие глобальных финансовых рынков	252
4-7 Сопоставление исторических форм финансовой глобализации	258
4-8 Глобальная финансовая система и вовлеченность в нее разных стран	263
4-9 Экономическая независимость и суверенитет в эпоху глобальной финансовой системы	266
4-9-1 Последствия для процесса принятия решений: макроэкономическая политика	267
4-9-2 Последствия для процесса принятия решений: регулирование валютных курсов	269
4-9-3 Институциональные и дистрибутивные последствия: государство всеобщего благосостояния	272
4-9-4 Структурные последствия: системный риск и изменяющийся баланс финансовой власти	273
4-ю Заключение	275
5 КОРПОРАТИВНАЯ ВЛАСТЬ И СЕТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА	277
5-1 Многонациональные корпорации и глобальное производство	277
5-2 Международная коммерческая деятельность до промышленной революции	279
5-3 Международное производство в индустриальную эпоху: распространение транснационального бизнеса (1850—1939)	281
5-3-1 ПЗИ и международный бизнес в эпоху классического золотого стандарта: обширность, мощность и стратификация	281
5.3.2 Международный бизнес в период между мировыми войнами: обширность, мощность и стратификация	282
5-3-3 Воздействие международного бизнеса до 1945 года	283
5-4 Увеличение роли многонациональных корпораций и транснационализация производства	284
5-4-1 Обширность международных деловых операций	285
5-4-2 Мощность ПЗИ и многонациональное производство	287
5-4-3 Модели стратификации прямых зарубежных инвестиций	290
5-4-4 Многонациональное производство: модели стратификации	294
5-4-5 Инфраструктура и институционализация глобализации бизнеса	5-5
Многонациональные корпорации и сети глобального производства	
5.5-1 Глобальная конкуренция и глобализация организации бизнеса	306
5-5-2 Сеть глобального производства: сравнения отраслей промышленности	308
5-5-3 Глобализация бизнеса: организационные формы	315
5-5-4 «Вольные» многонациональные корпорации и глобальное	

производство	317
5-6 Исторические формы глобализации бизнеса	
319 5-7 Современные модели национального вхождения в сети глобального производства	3 ²⁴
5-8 Внутренние воздействия глобализации бизнеса	326
5-8.1 Воздействия на процесс принятия решений: глобальный бизнес и проведение национальной экономической политики	3 ²⁷
5-8.2 Институциональные воздействия: глобальная конкуренция	3 ²⁹
5-8.3 Распределительные воздействия: труд и глобальное производство	329
5.8.4 Структурные воздействия: ПЗИ, многонациональные корпорации и национальная экономическая эффективность	33i
5.8.5 Структурные воздействия: корпоративная власть против государственной?	333
5-9 Выводы	334
6 ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	335
6.1 Глобализация и миграция	336
6.2 Исторические формы глобальной миграции	339
6.2.1 Глобальная миграция в досовременный период: экстенсивность и интенсивность	339
6.2.2 Региональные и глобальные миграции раннего современного периода	341
6.2.3 Возникновение массовых миграций: модели миграции раннесовременной и современной эпохи	342
6.2.4 Работоторговля	346
6.2.5 Азиатская диаспора: труд по контракту	347
6.2.6 Региональные миграции и ранний период индустриализации	349
6.2.7 Миграция в периоды мировых войн	351
6.3 Современные модели миграции	352 6.3-1
Глобализация и регионализация миграционных потоков	352 6.3-2 Стратификация
миграционных потоков	354
6-3-3 Тенденции и модели современной миграции: разнообразие и сложность	358
6.4 Сравнение исторических форм глобальной миграции	360 6.4-1
Исторические формы: пространственно-временные сравнения	361
6-4-2 Исторические формы: организационные сравнения	370
6-5 Миграция и смешение наций	375
6.6 Глобализация, миграция и национальное государство	379
6.6.1 Последствия для принятия решений: пограничный контроль versus надзор	379
6.6.2 Институциональные последствия: международная кооперация и пограничный контроль за миграцией	382
6.6.3 Распределительные последствия: дифференциальные модели занятости и благосостояния	382
6.6.4 Структурные последствия: национальная идентичность и национальное гражданство	383
6.7 Заключение	384
7 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА И СУДЬБА НАЦИЙ	3&6
7-1 Анализ культурной глобализации	386
7.1.1 Понятия	388
7-2 Культурная глобализация в исторической перспективе	391
7-2.1 Мировые религии	391
7-2.2 Империи	393
7.2.3 Современные национальные культуры и вненациональные светские идеологии	396
7.2.4 Сравнение досовременных и современных форм культурной глобализации 4 ^o i	
7.3 Модель современной культурной глобализации	402
7-3-1 Глобальные инфраструктуры: телекоммуникации и язык	403

7-3-2 Культурные многонациональные корпорации, глобальные культурные рынки	408
7-3-3 Радио- и музыкальная индустрия	413
7-3-4 Кино	416
7-3-5 Телевидение	420
7-3-6 Туризм	424
7-4 Исторические формы культурной глобализации: резюме	426
7-5 Современная культурная глобализация и ее политическое воздействие	434
7-5-1 Воздействия на институты и сферу принятия решений: культурные потоки и культурная автономия	435
7-5-2 Распределительные и структурные воздействия: популярная культура и национальная идентичность	437
7-6 Заключение	44°
8 НАДВИГАЮЩАЯСЯ КАТАСТРОФА: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	442
8л Глобализация и окружающая среда	443
8.1.1 Формы глобализации окружающей среды	444
8.1.2 Основные понятия	448
8.2 Исторический очерк глобализации окружающей среды	449
8.2.1 Глобализация и окружающая среда: от начала европейской экспансии до промышленной революции	449
8.2.2 Глобальная деградация окружающей среды в XX веке	451
8.2.3 Глобальные проблемы, глобальные способы решения	454
8.3 Изменяющиеся исторические формы глобализации проблем, связанных с окружающей средой	458
8.4 Стратификация деградации окружающей среды и участие в этом процессе разных стран	
8.4-1 Участие разных стран в деградации «ничейных компонентов» окружающей среды: глобальном потеплении, истощении озонового слоя и загрязнении морей	465
8.4.2 Национальное смешение и перенаселенность: демография и ресурсы	469
8.4-3 Смешение наций и трансграничное загрязнение	474
8.5 Современная модель глобальных изменений окружающей среды и ее политическое воздействие	481
8.5-1 Влияния в области принятия решений и институциональное воздействие: экологическая политика в теории и на практике	482
8.5.2 Дистрибутивные и структурные воздействия: глобальное сообщество с единой судьбой?	483
8.6 Заключение	486
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	488
Исторические формы глобализации: что нового?	488
Досовременная стадия глобализации	489
Раннесовременная стадия глобализации (ок. 1500—1850)	493
Современная эпоха глобализации (ок. 1850—1945)	497
Новейший этап глобализации	501
или трансформация государственной власти? 516 Новые ограничения политики? «Цивилизующая»	
или демократизирующая глобализация	527
<i>Методологическое приложение</i>	538
<i>Благодарности</i>	543
<i>Библиография</i>	545

ТЕКСТОВЫЕ ТАБЛИЦЫ

1.1 Мировой политический порядок: исторические сравнения	92
--	----

1.2	Исторические формы политической глобализации	93
2.1	Мировой военный порядок: исторические сравнения	157
2.2	Основные черты военной глобализации	158
3.1	Исторические формы глобализации торговли	208 4.1
	Исторические формы финансовой глобализации	260
5.1	Исторические формы глобального производства	3 ²⁰
6.1	Ключевые исторические потоки глобальной миграции	362
6.2	Исторические формы глобальной миграции	3 ³ y.1
	Основные движущие силы и проявления культурной глобализации	4 ²⁸
7.2	Исторические формы культурной глобализации	430
8.1	Основные исторические типы и факторы деградации окружающей среды	4 ⁶⁰
8.2	Исторические формы глобализации экологических проблем	461
3л	Основные глобальные потоки и структуры	5И
3.2	Основные свойства исторических форм глобализации (в обобщенном виде)	513
3.3	Кумулятивные воздействия новейшего этапа глобализации на развитые капиталистические страны	519

ДИАГРАММЫ И КАРТЫ

ДИАГРАММЫ

B.i	Пространственно-временные параметры глобализации (i)	26
8.2	Пространственно-временные параметры глобализации (z)	27
8.3	Логические типы глобализации	28
8.4	Типология глобализации	29
1.1	Рост численности государственных, межправительственных и неправительственных организаций в XX в.	бз 2. i Мировая
	торговля оружием в период между двумя мировыми войнами	129
2.2	Глобальный экспорт обычного тяжелого вооружения, 1983—1997	131
2.3	Число стран, торгующих оружием, 1960—1990	132
2.4	Число стран, поставляющих оружие в развивающиеся страны, 1960—1990	132
2.5	Объем мирового лицензионного производства основных конвенциональных систем вооружения, 1960—1988	140
2.6	Связи между фирмами, задействованными в глобальной оборонной промышленности, 1961—1993	141
2.7	Виды производственной деятельности, отражающие процесс глобализации производства оружия, 1961—1993	141
2.8	Военные расходы в процентном отношении ко всем правительственным расходам, 1890—1990	162
3.1	Торговля в процентах к ВВП шести стран, 1870—1939	187
3.2	Торговля в процентах к внутреннему ВВП шести стран, 1870—1939	188
3.3	Объем мирового экспорта в процентах к ВВП, 1956—1994	199
3-4	Объем торговли в процентном отношении к ВВП шести стран, 1950—1995	210
3-5	Объем торговли в процентном отношении к внутреннему ВВП шести стран, 1950—1995	211
4.1	Распределение международных банковских кредитов по заемщикам, 1970—1995	239 8. i Общая
	численность международных экологических организаций и служб, 1870—1970	457
8.2	Глобальные объемы выбросов углерода, 1950—1995	464
8.3	Мировое производство хлорфторуглеродов, 1950—1995	464

8.4	Ежегодный выброс в атмосферу парниковых газов в начале 1990-х	466
8.5	Объемы мирового рыбного промысла, 1950—1995	473
8.6	Темпы исчезновения тропических лесов, 1960—1990	474
8.7	Глобальные выбросы окислов серы и азота в конце 1980-х	475

XIV

ДИАГРАММЫ И КАРТЫ

КАРТЫ

1.1	Мировые империи	46
1.2	Британская империя: колонии и инфраструктура, 1900	48
1.3	Участие в межправительственных организациях, 1991	66
2.1	Соотношение сил во времена Холодной войны: биполярный мировой военный порядок	ИЗ
2.2	Холодная война: глобальная военная инфраструктура	114
2.3	Модели военно-дипломатического присутствия, 1985—1986	116
2.4	Торговля оружием в начале Нового времени	124 3-1
	торговые связи, 1990	196
6.1	Основные направления глобальных миграционных потоков, 1600—1915	343
6.2	Основные глобальные миграционные потоки, 1945—1995	353

ТАБЛИЦЫ

B.1	Три концептуальных подхода к глобализации организации в 1914 г. (по основным сферам деятельности и датам основания)	и B.2 Всемирные
		51
1.2	Свидетельства демократизации, 1975 и 1995	55
1.3	Дипломатическая взаимосвязь государств, 1950—1991	64
1.4	Современные модели участия стран в мировом политическом порядке: сравнение по основным показателям	98
2.1	Военный мировой порядок: структура производства оружия	137
2.2	Миротворческая деятельность ООН	148 3.1
	Направление мировой торговли, 1876—1928	185
3.2	Тарифные уровни, 1820—1931	186
3.3	Интенсивность торговых связей, 1928—1990	197 3-4
	Процентное соотношение объема торговли и величины ВВП в развитых странах	199
3.5	Снижение показателей затрат на транспорт и связь, 1920—1990	200
3.6	Направление мировых экспортных потоков, 1965—1995	202 3-7
	развивающихся стран в мировом экспорте промышленных товаров, 1963—1995	203
3.8	Показатели внутриотраслевой торговли для стран ОЭСР, 1964—1990	204
3.9	Импорт готовых промышленных изделий, 1899—1985	204 3.10
	Нормы таможенных торговых тарифов, 1965—1985	210 3.11
	Величина экспорта в процентном отношении к ВВП, 1913—1997	210
4.1	Иностранные капиталовложения стран-инвесторов, 1825—1938>	
	в процентах от общего объема инвестиций в мире	226
4.2	Объемы иностранных капиталовложений в отдельные страны	
	в процентах от общего объема инвестиций в мире, 1914 " 1938	226 4-3
	чистых зарубежных инвестиций в процентах от ВВП, 1870—1920	227 4-4
	рост объемов международных рынков капитала, 1963—1995	238 4-5
	международных банков в мировом производстве, 1964—1991	239 4.6
	Иностранное владение центральным правительственным долгом	
	в процентах от общего количества, 1980—1992	241
4-7	Чистые трансграничные потоки ценных бумаг, 1986—1994	242

4-8 Торговля дериватами, 1986—1996	244 4-9
Предполагаемый ежегодный товарооборот иностранной валюты, 1979—1995	² 45 4-10
Финансовые потоки в развивающиеся страны, источники в процентах от общего количества, 1960—1994	² 46 4.11 Чистые
потоки частного капитала в развивающиеся страны, 1977—1995	² 48
4-12 Объемы выпускаемых международных облигаций, 1989—1995	² 49
XVI ТАБЛИЦЫ	
4-13 Выпуски международных ценных бумаг, 1989—1995	² 49
4-14 Страны, осуществляющие управление отдельными статьями капитала, 1997	² 53
4.15 Валовые потоки прямых зарубежных и портфельных инвестиций, 1970—1995	² 62
4-16 Трансграничные операции с облигациями и ценными бумагами, 1970—1995	² 62
4.17 Иностранный актив и пассив в процентах от совокупного актива и пассива коммерческих банков, 1960—1997	² 66
5.1 Ежегодные темпы роста ПЗИ, 1960—1993	² 84
5.2 Доли различных регионов в трансграничных слияниях и приобретениях, 1990 и 1995	² 86
5-3 Количество родительских корпораций и иностранных филиалов по регионам и странам (по последним данным)	288
5-4 Объемы производства иностранных филиалов в процентах к ВВП	289
5-5 Инвестиционные фонды, направляемые главными странами-инвесторами в экономику других стран, 1960—1994	² 91 5.6
Процентное соотношение внутренних накопленных инвестиционных вложений в развитых и развивающихся странах, 1960—1994	² 93 5.8
² 93 5-7 Накопленные инвестиционные вложения, 1960—1994	² 93 5.8
Региональная интенсивность исходящих инвестиционных вложений, 1990	294
5-9 Доля иностранных предприятий в объемах производства в обрабатывающей промышленности, 1970—1991	² 95
5.10 Входящие ПЗИ в странах с переходной (бывшей плановой) экономикой, 1993	² 98
5.11 Распределения вложений ПЗИ по первичному, вторичному и третичному секторам, 1970—1994	² 99
5-12 Исходящие вложения ПЗИ в процентах от ВВП страны-инвестора, 1914—1994	³ 25
5.13 Входящие вложения ПЗИ в процентах от ВВП страны-получателя, 1914—1994	³ 25
7.1 Рост числа речевых каналов на основных глобальных телекоммуникационных магистралях, 1986—1996	405
7-2 Глобальная неравномерность инфраструктуры и использования телекоммуникаций, 1995	406
7-3 Количество переводов книг в 1983—1985 (в среднем)	408
7-4 Деловое участие в секторе производства и распространения массовой информации ведущих мировых корпораций, 1997	410
7-5 Ведущие медиа-компании и их основные совместные предприятия, середина 1990-х	41 ²
7.6 Наличие радиоприемников у населения, 1950—1986	414
7-7 Распределение продаж фильмов по основным странам-экспортерам, начало 1980-х.	
418	
7-8 Наличие у населения телевизоров, 1959—1992	422
8.1 Основные потребители хлорфторуглеродов, 1986—1994	467

8.2	Потребление природных ресурсов в Соединенных Штатах и Индии, 1991	472
8.3	Сравнительные уровни потребления ресурсов в промышленных и развивающихся странах, 1986—1990	472
3,1	Цивилизующая и демократизирующая глобализация новейшего времени: краткое резюме трех политических проектов	532
ВРЕЗКИ		
<i>B.i</i>	Исторические формы глобализации: основные параметры	24
<i>1.1</i>	Волны демократизации по Сэмюэлю Хангтингтону	54
<i>1.2</i>	Региональные межправительственные телекоммуникационные организации	7°
<i>1.3</i>	Модель Устава ООН	75
<i>1.4</i>	Комитеты и специализированные учреждения ООН	77
<i>1.5</i>	Транснациональная борьба за соблюдение прав человека	80
<i>1.6</i>	Правила ведения войны	84 3-1
	Открытость для торговли: экономические и дистрибутивные последствия	191
<i>4-1</i>	Специальные термины финансовой глобализации	223
<i>4-2</i>	Теоретические представления о функционировании золотого стандарта	229
<i>4-3</i>	Международные облигации	240
<i>4-4</i>	Фьючерсы, опционы, свопы	242
<i>4-5</i>	Паритет процентных ставок	254
<i>4-6</i>	Европейские валютные органы с 1979 г.	264
<i>4-7</i>	Стерилизация иностранной валютной интервенции	270
<i>§.1</i>	Британская Ост-Индская компания	280
<i>5-2</i>	Модель «Бенеттона»	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является результатом почти десятилетнего исследования и необычного переплетения научных интересов.

В середине 80-х гг. Дэвид Хелд и Энтони Макгрю часто и подолгу обсуждали изменение природы и форм устоявшихся либерально-демократических национальных государств перед лицом усиливающихся региональных и глобальных взаимосвязей. И как же часто результатом этих бесед оказывалось взаимное непонимание! Дэвид Хелд, как правило, рассматривал мир региональных и глобальных отношений как внешний по отношению к сфере политической теории, тогда как Энтони Макгрю, будучи специалистом по вопросам международных отношений, имел обыкновение подходить к внутренней политике как малозначительному элементу межгосударственной системы. Целый ряд замечательно проведенных бесед и дискуссий показал, что позиция ни одной из сторон, как она была представлена в дискуссии, не способна адекватно отразить изменяющуюся природу политики в мире, элементы которого стали куда более взаимосвязанными, и что подходы и концептуальный аппарат сторон, участвовавших в диалоге, требуют совершенствования.

Затем последовала заявка на исследовательский грант в Совет по экономическим и социальным исследованиям (ESRC). Предметом заявки была разработка концептуальной схемы, позволяющей теснее увязать политическую теорию с теорией международных отношений в изучении острых проблем, возникающих в результате изменения роли современного государства. В частности, авторы ставили своей целью выяснить, насколько глубоко регионализация и глобализация меняют природу мирового порядка и как этот новый мировой порядок влияет на национальный суверенитет и автономию.

Исследование было профинансировано ESRC (грант № Ro00 23 339*)> и мы чрезвычайно благодарны за возможность, которую предоставил нам Совет, так же как и за ряд ценных указаний, сделанных несколькими анонимными рецензентами.

После того, как проект получил финансирование, беседы между Дэвидом Хелдом и Энтони

Макгрю продолжились уже невзирая на междисциплинарные границы и затронули ряд актуальных проблем, решение которых стало целью данного исследования. Дэвид Гольдблатт обогатил проект своими знаниями основ социальной теории и проблем, связанных с окружающей средой, а Джонатан Пер-ратон принял участие в работе над проектом в качестве экономиста. Они оба внесли вклад в разработку концептуальной схемы проекта, как и в каждый аспект исследовательской программы. Это была поистине коллективная работа, результатом которой является синтез нашей совместно проведенной экспертизы. Множество людей внесло свой вклад в работу над этой книгой. Анна Хант прекрасно отредактировала огромную рукопись и внесла в нее некоторые поправки; Рэй Манне рисовал и копировал карты и таблицы, проявляя исключительное терпение, когда ему приходилось сталкиваться с фактом быстро меняющейся действительности; Ребекка Хант оказала нам неоценимую помощь в деле создания базы данных для книги; Бренда Мартин чрезвычайно помогла нам на заключительных этапах работы над проектом; Джулия Харсант, Сью Поуп и Джилл Мотли с исключительной добросовестностью и заботливостью содействовали процессу публикации рукописи; Энн Бон с необыкновенным терпением и усердием подготовила книгу к печати; Серена Темперли с большим профессионализмом содействовала успешному прохождению книги через все стадии производственного процесса, а Джейн Роуз помогла реализовать наши планы по привлечению к книге внимания широкой читательской аудитории. Мы чрезвычайно благодарны всем этим людям и многим коллегам, друзьям и членам семьи за оказанную нам поддержку, за советы и (почти всегда!) конструктивную критику.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПЕК/АРЕС АСЕАН/ASEAN

БВС/BWS ВМП/BIS

ВВП/GDP ВМО/WMO

ВНП/GNP ВОЗ/WHO ВПП/WFP

ВПС/UPU ВТО/WTO ГАТС/GATS

ГАТТ/GATT

ГДР/GDR

ЕАСТ/EFTA

ЕВС/EMS

ЕС/EU

ЕЭС/ЕЕС

И К АО/ІСАО ІКТУ/ІСТU

имко/imco

КАФОД/CAFOD

МАГАТЭ/IAEA

МАР/IDA

Экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона/Asia-Pacific Economic Cooperation Ассоциация государств Юго-Восточной Азии/Association of South East Asian Nations

Бреттон-Вудская система/Bretton Woods system Банк международных расчетов/Bank for International Settlements

Внутренний валовый продукт/gross domestic product Всемирная метеорологическая организация/World Meteorological Organization

Валовый национальный продукт/gross national product Всемирная организация здоровья/World Health Organization Всемирная продовольственная программа/World Food Programme

Всемирный почтовый союз/Universal Postal Union Всемирная торговая организация/World Trade Organization Генеральное соглашение по торговле и услугам/General Agreement on Trade and Services

Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле/ General Agreement on Tariffs and Trade

Германская демократическая республика/German Democratic Republic

Европейская ассоциация свободной торговли/European Free Trade Association

Европейская валютная система/European Monetary System Европейский союз/European Union

Европейское экономическое сообщество («общий рынок»)/ European Economic Community
Международная организация гражданской авиации/ International Civil Aviation Organization
Международная конфедерация свободных профсоюзов/ International Confederation of Trade Unions
Межправительственная морская консультативная организация/International Maritime Consultancy Organization
Католический фонд зарубежного развития/Catholic Fund for Overseas Development
Международное агентство по атомной энергии/International Atomic Energy Agency
Международная ассоциация развития//International Development Agency
МБРР/IBRD
МВФ/IMF
МЕРКОСУР/
MERCOSUR
МНК/MNC
МОТ/ILO
МСП/SMEs
МСЭ/ITU
МФК/IFC
НАТО/NATO НАФТА/NAFTA
ОАГ/OAS ОАЕ/OAU
ОАЭ/UAE ОБСЕ/OSCE
ООН/UN ОПЕК/OPEC
ОЭСР/OECD
ПЗИ/FDI СЕАТО/SEATO
СИТЕС/CITES
СЕНТО/CENTO
СОПЕМИ/
SOPEMI
СПИД/AIDS
СЭВ/COMECON
ТПИС/TRIPS
ФАО/FAO
Международный банк реконструкции и развития/
International Bank for Reconstruction and Development
Международный валютный фонд/International Monetary Fund
Южноамериканский общий рынок/Southern Cone Common Market
Многонациональная корпорация/multinational corporatin
Международная организация труда/International Labour Organization
Малые и средние предприятия/small and medium-sized enterprises
Международный союз электросвязи/International Telecommunication Union
Международная финансовая корпорация/International Finance Corporation
Североатлантический союз/North Atlantic Treaty Organization
Североамериканское соглашение о свободной торговле/North American Free Trade Organization
Организация американских государств/Organization of American States
Организация африканского единства/Organization of African Unity
Объединенные арабские эмираты/United Arab Emirates
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе/
Organization of Security and Cooperation in Europe
Организация объединенных наций/United Nations

Организация стран-экспортеров нефти/Organization of Petroleum Exporting Countries
 Организация экономического развития и сотрудничества/Organization for Economic Cooperation and Development
 Прямые зарубежные инвестиции/foreign direct investment
 Организация договора Юго-Восточной Азии/South East Asia Treaty Organization
 Конвенция о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения/Convention on International Trade in Endangered Species
 Организация Центрального договора/Central Treaty Organization
 Система постоянного контроля над миграцией/Systeme d'observation permanente des migrations
 Синдром приобретенного иммунного дефицита/Acquired Immune Deficiency Syndrome
 Совет экономической взаимопомощи/Council for Mutual Economic Assistance
 Соглашение ВТО о торговле правами интеллектуальной собственности/Trade in intellectual property rights
 Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН/Food and Agriculture Organization
 ФРГ/FRG Федеративная республика Германии/Federal Republic of Germany
 ЮНЕП/UNEP Программа ООН по окружающей среде/United Nations Environment Programme
 ЮНЕСКО/UNESCO Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры/United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
 ЮНИДО/UNIDO Организация ООН по промышленному развитию/United Nations Industrial Development Organization
 ЮНИСЕФ/UNICEF Детский фонд ООН/United Nations Children's Fund
 ЮНДП(ПРООН)/UNDP Программа развития ООН/United Nations Development Programme
 ЮНКТАД/UNCTAD Конференция ООН по торговле и развитию/United Nations Conference on Trade and Development

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ПОРЯДКЕ АНГЛИЙСКОГО АЛФАВИТА

AIDS
 APEC
 ASEAN
 BWS
 BIS
 CAFOD
 CENTO
 CITES
 COMECON
 EEC
 EFTA
 EMS
 EU
 FAO
 FDI
 FRG
 GATS
 GATT
 GDP

GNP
GDR
IBRD
ICAO
IAEA
ICTU
IDA
IFC
ILO
IMCO
СПИД
АПЕК
АСЕАН
БВС
БМР
КАФОД
СЕНТО
СИТЕС
СЭВ
ЕЭС
ЕАСТ
ЕВС
ЕС
ФАО
ПЗИ
ФРГ
ГАТС
ГАТТ
ВВП
ВНП
ГДР
МБРР
ИКАО
МАГАТЭ
ИКТУ
МАР
МФК
МОТ
ИМКО
IMF
ITU
MERCOSUR
MNC
NAFTA
NATO
OAS
OAU
OECD
OPEC
OSCE
SEATO
SMEs
SOPEMI
TRIPS
UAE
UN
UNCTAD

UNDP
UNEP
UNESCO
NICEF
UNIDO
UPU
WFP
WHO
WMO
WTO
МВФ
МСЭ
МЕРКОСУР
МНК
НАФТА
НАТО
ОАГ
ОАЕ
ОЭСР
ОПЕК
ОБСЕ
СЕАТО
МСП
СОПЕМИ
ТПИС
ОАЭ
ООН
ЮНКТАД
ЮНДП (ПРООН)
ЮНЕП
ЮНЕСКО
ЮНИСЕФ
ЮНИДО
ВПС
впп
вот
вмо
вто

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация — одна из тех идей, о которых можно сказать, что пришло их время. Впервые это понятие появилось в работах французских и американских авторов в 60-х г. XX в., а сегодня вошло во все основные языки мира (ср.: Modelski, 1972). Тем не менее, оно нуждается в точном определении. В самом деле, глобализации грозит опасность превратиться в расхожее клише нашего времени (если этого еще не случилось), стать расплывчатой идеей, которая охватывает все — от мировых финансовых рынков до Интернета, — но которая мало что дает для понимания современных условий человеческого существования.

И все же с помощью расхожих слов можно «ухватить» элементы живого опыта эпохи. В этом отношении глобализация отражает широко распространенное представление о том, что мир стремительно превращается в социальное пространство, в котором господствуют экономические и технологические силы, и что изменения в одной части планеты могут иметь далеко идущие последствия для судеб отдельных людей или сообществ на другом конце земного шара. Для многих глобализация ассоциируется также с ощущением политического фатализма и постоянной угрозы того, что подлинные масштабы современных социальных и экономических изменений, по-видимому, превосходят способность национальных

правительств или граждан контролировать, оспаривать или оказывать сопротивление этим изменениям. Иными словами, глобализация действительно накладывает ограничения на национальную политику.

Наряду с обыденными рассуждениями о глобализации, отражающими некоторые аспекты нынешнего «духа времени», ведутся (хотя еще довольно робко) и научные дискуссии по поводу того, дает ли глобализация в качестве аналитического понятия что-то ценное для поиска четкого понимания тех исторических сил, которые на заре нового тысячелетия участвуют в формировании социально-политических реалий повседневной жизни. Несмотря на обширную и все растущую литературу, не существует — что весьма удивительно — ни убедительной теории глобализации, ни даже систематического анализа ее главных особенностей. Более того, некоторые исследователи глобализации прибегают к историческому изложению, чтобы показать различие между преходящими и сиюминутными событиями и теми тенденциями, которые свидетельствуют о возникновении новых условий, т. е. об изменении природы, формы и перспектив человеческих сообществ. Осознавая недостатки существующих подходов, авторы настоящего труда пытаются обосновать особый подход к глобализации, который учитывал бы ее историческую подоплеку и вместе с тем опирался бы на точную аналитическую схему. Такая схема будет представлена во Введении. В последующих главах она используется для того, чтобы описать историю глобализации и оценить ее результаты применительно к внутренней и внешней политике современных национальных государств. В этом отношении введение предлагает методологические основания, позволяющие ответить на вопросы, которым посвящено исследование в целом:

2

- Что такое глобализация? Как она должна быть выражена концептуально?
- Представляет ли собою современная глобализация некое новое состояние?
- С чем ассоциируется глобализация: с гибелью, возрождением или изменением государственной власти?
- Устанавливает ли современная глобализация новые ограничения в политике? Каким образом можно ввести глобализацию в рамки «цивилизации» и демократии?

Как вскоре станет ясно, перечисленные вопросы составляют суть множества споров и противоречий, возникающих в ходе дискуссий о глобализации и ее последствиях. Ниже речь пойдет о разных подходах к решению этих вопросов.

ДИСКУССИИ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Для начала глобализацию можно представить как процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной. То, что компьютерные программисты в Индии обслуживают в кратчайшие сроки и в реальном масштабе времени своих нанимателей в Европе и США или что маковые плантации в Бирме могут быть связаны с употреблением наркотиков в Берлине или Белфасте, все это примеры того, как благодаря современной глобализации сообщества, находящиеся в одном конце мира, подключаются к достижениям или событиям, происходящим на другом континенте. Однако признание данного факта не исключает различных точек зрения относительно того, каково наиболее адекватное концептуальное выражение глобализации, как охарактеризовать ее причинно-следственную динамику и ее структурные последствия, если они есть. Обсуждение этих вопросов получило широкий резонанс, и на сегодня можно выделить три школы, представителей которых мы называли *гиперглобалистами*, *скептиками* и *трансформистами*. Каждая из этих школ, пытаясь понять и объяснить глобализацию, дает собственную оценку этому социальному феномену. Для гиперглобалистов, например, таких, как К. Омаэ, современная глобализация означает новую эру, отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во все большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке (Ohmae, 1990; 1995). Скептики — например, П. Херст и Дж. Томпсон — напротив, доказывают, что глобализация — это на самом деле миф, за которым скрывается тот факт, что в рамках мирового хозяйства все более и более выделяются три основных региональных блока, где национальные правительства остаются очень сильными (Hirst and Thompson, 1996; 1996b). Наконец, для трансформистов, главными фигурами среди которых являются Дж. Розенау и Э. Гид-денс, современная глобализация представляется исторически беспрецедентной. С их

точки зрения, государства и общества во всех уголках земного шара испытывают глубокие изменения по мере того, как пытаются адаптироваться к более связанному изнутри, но весьма изменчивому миру (Giddens, 1990.1996; Rosenau, 1997).

Примечательно, что ни одна из этих трех школ не смыкается ни с одной традиционной идеологией и ни с одним традиционным воззрением. Так, внутри лаге-

3

ря гиперглобалистов наряду с марксистскими можно обнаружить ортодоксально неолиберальные взгляды на глобализацию, а концепции скептиков включают в себя как консервативные, так и радикальные мнения о природе современной глобализации. Более того, в рамках каждой великой традиции социальных исследований — либеральной, консервативной и марксистской — нет единых представлений о глобализации как социально-экономическом феномене. Марксисты, объясняя глобализацию, обращаются к совершенно несовместимым понятиям, таким как, например, расширение монополии капиталистического империализма или, наоборот, радикально новая форма глобализованного капитализма (Callinicos et al., 1994; Gill, 1995; Amin, 1997).

Аналогичным образом, вопреки своим явно ортодоксальным неолиберальным исходным позициям, Омаэ и Редвуд приходят к совершенно разным заключениям о динамике современной глобализации и чуть ли не противоположным ее оценкам (Ohmae, 1995; Redwood, 1993)-

Гиперглобалисты, скептики и трансформисты демонстрируют широкое разнообразие интеллектуальных подходов и нормативных оценок. И все же, несмотря на такое разнообразие, любая из этих перспектив отражает общую систему аргументов и заключений о глобализации с учетом ее

- концептуального оформления;
- причинной динамики;
- социально-экономических последствий;
- выводов, касающихся власти и управления;
- исторического пути развития.

Полезно подробнее рассмотреть наиболее типичные аргументы, выдвигаемые сторонниками разных подходов, поскольку это прольет свет на фундаментальные положения, находящиеся в центре споров о глобализации¹.

АРГУМЕНТЫ ГИПЕРГЛОБАЛИСТОВ

Для гиперглобалистов глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда «традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики» (Ohmae, 1995. P- 5; *ср.*: Wriston, 1992; Guehenno, 1995). Сторонники такого подхода используют преимущественно экономическую логику и, если они стоят на позициях неолиберализма, приветствуют возникновение единого мирового рынка и законов глобальной конкуренции как свидетельство человеческого прогресса. Гиперглобалисты доказывают, что экономическая глобализация влечет за собой «денационализацию» экономики путем установления транснациональных сетей производства, торговли и финансов. В этой экономике «без границ» национальным правительствам отводится роль чуть ли не «приводных ремней», обслуж-

1. Подходы, рассматриваемые ниже, представляют собой общие краткие изложения различных точек зрения на глобализацию: они не полностью характеризуют те или иные позиции и оставляют в стороне множество различий, существующих между конкретными теоретиками. Цель изложения — подчеркнуть основные тенденции и ошибочные направления в текущей полемике и литературе.

4

живающих мировой капитал, или, главным образом, всего лишь посреднических институтов, обеспечивающих связь между все более крепнущими местными, региональными и глобальными механизмами управления. Как пишет С. Стрейндж, «безликие силы мировых рынков ныне более могущественны, чем государства, которым якобы принадлежит высшая политическая власть... Уменьшение влияния государств находит отражение в том факте, что власть все больше переходит к другим институтам и объединениям, к местным и региональным органам» (Strange, 1996, p. 4; *ср.*: Reich, 1991). По мнению многих гиперглобалистов, экономическая глобализация порождает новые формы социальной организации, которые вытесняют и постепенно вытеснят национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества.

Внутри этой схемы существует значительное нормативное расхождение между неолибералами, которые приветствуют победу автономии личности и законов рынка над государственной властью, с одной стороны, и радикалами или неомарксистами, для которых

современная глобализация означает торжество деспотического глобального капитализма, — с другой (ср.: Ohmae, 1995; Greider, 1997) — Но, несмотря на идеологические разногласия, приверженцы данного подхода единодушны во мнении, что глобализация — в первую очередь, экономическое явление; что глобальная экономика все более интегрируется; что требования глобального капитала обязывают все правительства соблюдать неолиберальную экономическую дисциплину, так что политика является уже не «искусством возможного», а лишь практическим навыком «рационального экономического управления».

Кроме того, гиперглобалисты утверждают, что экономическая глобализация создает новый тип как победителей, так и терпящих поражение в глобальной экономике. Старое разделение на Север и Юг все в большей степени становится анахронизмом, а новое, охватывающее весь мир, разделение труда заменяет традиционную структуру «центр-периферия» на более сложное устройство экономической власти. На этом фоне правительства должны, тем не менее, «управлять» социальными последствиями глобализации или теми, кто, «оказавшись позади, стремится не столько получить шанс двигаться вперед, сколько удержать других» (Ohmae, 1995. Р- 64). Однако они обязаны учитывать и то, что в такой ситуации демократические модели социальной защиты оказываются несостоятельными, а государственная политика, направленная на достижение всеобщего благосостояния, сводится на нет (J. Gray, 1998). Глобализацию связывают с растущей поляризацией между победителями и побежденными в глобальной экономике. Но так не должно быть, поскольку, как считают неолибералы, глобальное экономическое соперничество необязательно приводит к нулевым результатам. Определенные группы внутри страны могут быть бесцеремонно вытеснены в результате глобальной конкуренции, однако почти у всех стран есть относительное преимущество в производстве тех или иных товаров, что впоследствии может сыграть положительную роль. Неомарксисты и радикалы расценивают подобный оптимистический взгляд как необоснованный. Они убеждены, что глобальный капитализм создает и усиливает структурное неравенство как внутри отдельной страны, так и между странами. Но в конечном счете они разделяют вывод своих двойников-неолибералов, — согласно которому традиционные методы социальной защиты становятся все более устаревшими и трудно выполнимыми.

Среди элит и «работников умственного труда» новой глобальной экономи-

5

ки возникла негласная межнациональная «классовая» лояльность, скрепленная идеологической привязанностью к неолиберальной экономической ортодоксии. У тех, кто в настоящее время становится маргиналом, всемирное распространение идеологии потребителя также вызывает новое ощущение идентичности, заменяющее традиционные культуры и стили жизни. Глобальное распространение либеральной демократии еще больше укрепило ощущение возникающей глобальной цивилизации с ее универсальными стандартами экономической и политической организации. Этой «глобальной цивилизации» присущи собственные механизмы управления мировой экономикой, будь то Международный валютный фонд или законы мирового рынка, вследствие которых государства и народы во все большей степени оказываются в подчинении у новых публичных и частных — глобальных или региональных — властей (Gill, 1995; Ohmae, 1995; Strange, 1996; Cox, 1997).

Соответственно, многие неолибералы рассматривают глобализацию как предвестие первой поистине глобальной цивилизации, тогда как для многих радикалов она представляет собой первую глобальную «рыночную цивилизацию» (Perlmutter, 1991; Gill, 1995; Greider, 1997). Таким образом, возникновение глобальной экономики, зарождение всемирных институтов управления и повсеместное слияние культур гиперглобалисты интерпретируют как неоспоримое доказательство появления абсолютно нового мирового порядка, предвосхищающего конец национального государства (Luard, 1990; Ohmae, 1995; Albrow, 1996). Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требования своих граждан. По мере того, как институты глобального и

местного управления претендуют на все большую роль, суверенитет и автономия государства все заметнее разрушаются. С другой стороны, условия, способствующие межнациональной кооперации народов, расширению глобальных инфраструктур коммуникации и более глубокому осознанию многочисленных общих интересов, никогда не были столь благоприятны. В связи с этим очевидно возникновение «глобального гражданского общества».

Экономическая и политическая власть, с точки зрения гиперглобалистов, удачно денационализируются, и национальные государства, чего бы ни требовали интересы внутренней политики, все больше становятся «разновидностью переходной организации для управления экономическими процессами» (Ohmae, 1995> p. 149). На какую бы систему взглядов — либеральную, радикальную или социалистическую — ни опирались аргументы гиперглобалистов, все они рисуют глобализацию как нечто такое, что означает фундаментальную перестройку «структуры человеческого действия» (Albrow, 1996, p. 85).

АРГУМЕНТЫ СКЕПТИКОВ

Сравнивая статистические данные, которые начиная с XIX в. характеризуют мировые потоки товаров, инвестиций и рабочей силы, скептики приходят к выводу, что современный уровень экономической взаимозависимости не является бес-

6

прецедентным в истории. Для скептиков глобализация означает интегрированную мировую экономику, в которой преобладает «закон единой цены», а история в лучшем случае подтверждает лишь углубление ее интернационализации, т. е. усиление взаимодействий между национальными по преимуществу экономиками (Hirst and Thompson, 1996). Доказывая, что глобализация — это миф, скептики опираются на исключительно экономическое представление о глобализации, согласно которому она приравнивается в первую очередь к совершенно интегрированному мировому рынку. По их мнению, достигнутый ныне уровень экономической интеграции ниже этого «идеального типа» и менее значителен по сравнению с тем, что был в конце XIX в. (в эпоху классического золотого стандарта). Отсюда скептики вправе сделать вывод, что степень современной «глобализации» в целом преувеличена (Hirst, 1997)- По этой причине они считают систему аргументов гиперглобалистов в корне несостоятельной и политически наивной, поскольку она недооценивает способность национальных правительств регулировать международную экономическую деятельность. Вне контроля со стороны национальных правительств, обеспечивающих экономическую либерализацию, эта деятельность была бы менее активной.

Большинство скептиков считает, что если текущие события о чем-то и свидетельствуют, так только о том, что экономическая активность подвергается значительной «регионализации» по мере того, как мировая экономика все больше сосредоточивается в рамках трех основных финансовых и торговых блоков, таких как Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион и Северная Америка (Ruigrok and Tulder, 1995; Boyer and Drache, 1996; Hirst and Thompson, 1996). Поэтому по сравнению с классической эпохой золотого стандарта сейчас мировая экономика гораздо менее интегрирована (Boyer and Drache, 1996; Hirst and Thompson, 1996). Скептики воспринимают глобализацию и регионализацию как две противоположные тенденции. Д. Гордон и Л. Вейсс приходят к выводу, что по своему географическому охвату нынешняя международная экономика значительно менее глобальна, чем во времена мировых империй (Gordon, 1988; Weiss, 1988). Скептики, кроме того, не разделяют мнения о том, что интернационализация предвосхищает возникновение нового мирового порядка, При котором государство будет играть более скромную роль. Они далеки от того, чтобы считать национальные правительства скованными требованиями международного права, и указывают на их растущую роль в регуляции и активном содействии экономической активности, пересекающей границы отдельных государств. Правительства — не пассивные жертвы интернационализации, а, напротив, ее главные архитекторы. Так, например, Р. Гилпин рассматривает интернационализацию в значительной степени как побочный продукт инициированного Соединенными Штатами многостороннего экономического порядка, который по окончании Второй мировой войны породил импульс к либерализации национальных экономик (Gilpin, 1987). А. Каллиникос и его соавторы, занимая совершенно иную позицию, объясняют недавнюю интенсификацию мировой торговли и зарубежных капиталовложений как новую фазу западного империализма, в которую глубоко вовлечены национальные правительства в качестве институтов власти монополистического капитала (Callinicos et al, 1994)-

Несмотря на различия в акцентах, скептики едины во мнении, что, какими бы ни были направляющие силы интернационализации, она не сопровожда-

7

ется ликвидацией неравенства между Севером и Югом. Напротив, по мере того как торговые и инвестиционные потоки на богатом Севере усиливаются, исключая большую часть остального земного шара, наблюдается рост экономической маргинализации многих государств «третьего мира» (Hirst and Thompson, 1996b). П. Кругман идет еще дальше: он подвергает сомнению распространенное представление о том, что возникает якобы новое международное разделение труда, при котором деиндустриализация на Севере может дойти до такой степени, что многонациональные корпорации будут экспортировать рабочую силу на Юг (Krugman, 1996). Точно так же У Рейгрок и К. ван Талдер, Дж. Томпсон и Дж. Аллен пытаются развеять «миф» о «глобальной корпорации», выдвигая на первый план тот факт, что зарубежные инвестиционные потоки концентрируются в развитых капиталистических странах и регионах (Ruigrok and Tulder, 1995; Thompson and Allen, 1997). Таким образом, скептики, выдвигая свои аргументы, как правило, обходят вопрос о том, что интернационализация несет с собой глубокую или даже коренную реструктуризацию глобальных экономических отношений. В этом аспекте позиция скептиков является еще одним свидетельством того, насколько глубоко укоренились представления о неравенстве и иерархии в мировой экономике, которые в структурном отношении изменялись в течение прошлого века лишь в своих второстепенных аспектах.

Подобное неравенство, по мнению многих скептиков, способствует развитию фундаментализма и агрессивного национализма, что, в свою очередь, в большей степени, чем предрекаемое гиперглобалистами возникновение глобальной цивилизации, разделяет мир на цивилизационные блоки и культурные и этнические анклавы (Huntington, 1996). Таким образом, представления о культурной гомогенизации и глобальной культуре в еще большей степени являются мифами, развеивающимися под напором аргументации скептиков. К тому же увеличение глобального неравенства, реальная политика в области международных отношений и «конфликт цивилизаций» разоблачают иллюзорную природу «глобального правления», поскольку управление мировым порядком остается — как это сложилось еще в XIX в. — главным образом в руках западных государств. В этом контексте скептики, как правило, понимают под глобальным правлением и экономической интернационализацией преимущественно западные проекты, поддерживать которые должен приоритет Запада в мировых делах. Как заметил однажды Э. Х. Карр, «международный порядок и „международная солидарность“ всегда будут девизами тех, кто чувствует себя достаточно сильным, чтобы навязывать их другим» (Сагг, 1981, р. 8/).

В общем, скептики расходятся со всеми основными утверждениями гиперглобалистов, указывая на сравнительно более высокий уровень экономической взаимозависимости и более обширный географический охват мировой экономики в начале XX в. Они отвергают популярный «миф» о том, что власть национальных правительств или государственный суверенитет разрушены сегодня экономической интернационализацией или глобальным управлением (Krasner, 1993; 1995). Некоторые доказывают, что «глобализация» чаще все-таки отражает политически приемлемую подоплеку, необходимую для реализации непопулярных ортодоксальных неолиберальных экономических стратегий (Hirst, 1997). По мнению Л. Вейсса, Р. Шарпфа и К. Арминжена, происходящее в действительности опровергает распространенное представление о том, что в мировом масштабе име-

8

ет место конвергенция макроэкономики и политики благосостояния (Weiss, 1998; Scharpf, 1991; Armingeon, 1997). Если международные экономические условия могут ослаблять усилия правительств, то это ни в коем случае не означает, что они вообще лишаются возможности действовать. Интернационализация капитала, как утверждает Л. Вейсс, способна «не только ограничить имеющийся политический выбор, но и расширить его» (Weiss 1998, р. 184—186). Скептики стремятся разоблачить не утверждение гиперглобалистов, что взаимосвязи в мире крепнут, а мифы, которые создаются вокруг глобализации.

АРГУМЕНТЫ ТРАНСФОРМИСТОВ

В основе аргументов трансформистов лежит убеждение в том, что на заре нового тысячелетия

глобализация — это основная движущая сила, стоящая за бурными социальными, политическими и экономическими переменами, которые преобразуют форму современного общества и мирового порядка (Giddens, 1990; Scholte, 1993; Castells, 1996). По утверждению сторонников этой точки зрения, современные процессы глобализации исторически беспрецедентны. Правительства и общества на всем земном шаре вынуждены адаптироваться к миру, в котором нет больше четкого разделения между международными и «доместикальными», внешними и внутренними делами (Rosenau, 1990; Camilleri and Falk, 1992; Ruggie, 1993; Linklater and MacMillan, 1995; Sassen, 1996). Для Дж. Розенау рост «интермес-тикальных» проблем ведет к установлению «новой границы», расширяющей политическое, экономическое и социальное пространство, на котором решаются судьбы обществ и сообществ (Rosenau, 1997. Р- 4—5). В этом отношении глобализация рассматривается как мощная трансформирующая сила, ответственная за «всестороннее перетряхивание» обществ, экономики, институтов и мирового порядка (Giddens, 1996).

Однако, по мнению трансформистов, направленность этого «перетряхивания» остается неопределенной, поскольку глобализация понимается ими как случайный по своей сути исторический процесс, полный противоречий (Mann, 1997). Предметом спора является динамическое и незавершенное представление о том, могла ли глобализация быть руководящей силой, и о том, какой тип мирового порядка она могла бы предвосхитить. В отличие от скептиков и гиперглобалистов, трансформисты не пытаются предугадать будущий путь развития глобализации. Не стремятся они и оценить настоящее по сравнению с неким отдельным, фиксированным, идеальным типом «глобализованного мира», будь то глобальный рынок или глобальная цивилизация. Более того, трансформистский подход придает особое значение глобализации как длительному историческому процессу, который отмечен противоречиями и в значительной мере сформирован ситуативными факторами.

Тем не менее подобная осмотрительность относительно будущего глобализации сочетается у них с убеждением, что современные образцы глобальных экономических, военных, технологических, экологических, миграционных, политических и культурных потоков исторически беспрецедентны. Как выразился Т. Нироп, «фактически все страны мира если не на всей своей территории и не во всех сегментах их социальной структуры, то в том или ином отношении являются теперь функциональной частью этой большой [глобальной] системы» (Nierop, 1994).

9

р. 171). Но существование единой глобальной системы не принимается как доказательство глобального сближения или появления единого мирового сообщества. Напротив, для трансформистов глобализация связана с новыми моделями глобальной стратификации, в которых одни государства, общества и сообщества все более и более опутываются «глобальным порядком», в то время как другие все более и более оттесняются на второй план.

Считается, что новое распределение глобальных властных отношений кристаллизуется по мере того, как деление на Север и Юг стремительно уступает дорогу новому международному разделению труда, при котором «знакомая иерархическая пирамида „центр—периферия” оказывается уже не географическим, а социальным аспектом мировой экономики» (Hoogvelt, 1997> Р- xii). Говорить о Севере и Юге, о «первом мире» и «третьем мире» — значит не замечать тот факт, что глобализация переиначила традиционные способы классификации стран, создав новые иерархии, которые пронизывают все общества и регионы мира. Север и Юг, «первый мир» и «третий мир» больше не «где-то там», они сцеплены друг с другом во всех крупных городах мира. Если традиционная модель мировой социальной структуры похожа на пирамиду с небольшой верхней частью и широким массивным основанием, то глобальную социальную структуру можно рассматривать как трехъярусное образование из концентрических кругов, каждый из которых пересекает национальные границы, представляя соответственно элиты, электорат и маргиналов (Hoogvelt, 1997).

Новые модели глобальной стратификации связаны с растущей детерриториализацией экономической активности, тогда как производство и финансы все в большей степени становятся глобальными и транснациональными. Опираясь на несколько иные основания, М. Кастельс и Дж. Рагги доказывают, что национальная экономика перестраивается в ходе экономической глобализации таким образом, что национальное экономическое пространство перестает совпадать с территориальными границами государства (Castells, 1996; Ruggie, 1996). В этой гло-

бализирующей экономике системы межнационального производства, обмена и финансов еще теснее сплетают друг с другом судьбы сообществ и хозяйств, находящихся на разных континентах.

По существу, доводы трансформистов сводятся к тому, что современная глобализация перестраивает или «переиначивает» власть, функции и полномочия национальных правительств. Не оспаривая того, что государство все еще остается основным законным претендентом на обладание «действенной верховной властью над тем, что происходит в пределах его собственных границ», трансформисты доказывают, что эта власть в той или иной мере сочетается с растущей юрисдикцией институтов международного правления и давлением международного права, равно как и с проистекающими отсюда обязанностями. Это особенно проявляется в странах ЕС, где суверенная власть разделена между интернациональными, национальными и местными органами, а также в деятельности Всемирной торговой организации (ВТО) (Goodman, 1997). Тем не менее, даже там, где суверенитет государства еще не затронут, оно больше не обладает (если вообще когда-либо обладало) исключительным правом распоряжаться тем, что происходит в пределах его собственных территориальных границ. Комплексные глобальные системы, от финансовых до экологических, связывают судьбу сообществ в одном регионе с судьбами сообществ в других регионах мира. Кроме того, глобаль-

10

ные транспортные и коммуникационные инфраструктуры поддерживают новые формы экономической и социальной организации, которые пересекают национальные границы без какого-либо последующего снижения эффективности или контроля. Местонахождение власти и субъекты власти могут оказаться как в буквальном, так и метафорическом смысле слова по разные стороны океана. В таких условиях понятие национального государства как самоуправляемой, автономной единицы, по-видимому, в большей степени является нормативным требованием, нежели дескриптивным утверждением. В наше время институт территориально ограниченной суверенной власти на фоне транснациональной организации многих аспектов современной экономической и социальной жизни воспринимается как нечто аномальное (Sandel, 1996). Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, или, если воспользоваться термином Дж. Ратти (Ruggie), с «разрывом» связи между суверенитетом, территориальностью и государственной властью (Ruggie, 1993; Sassen, 1996).

Конечно, немногие государства когда-либо обладали полной или абсолютной властью в пределах своих собственных территориальных границ, о чем свидетельствует хотя бы практика дипломатического иммунитета (Sassen, 1996). Разумеется, практика суверенной государственности, в противоположность доктрине, всегда быстро адаптировалась к изменяющейся исторической реальности (Murphy, 1996). Доказывая, что глобализация преобразовывает или перестраивает власть и авторитет национальных правительств, трансформисты отвергают как рассуждения гиперглобалистов о конце суверенного национального государства, так и утверждение скептиков о том, что «изменилось не слишком многое». Вместо этого они утверждают, что новый «режим суверенитета» заменяет традиционные концепции государственности как абсолютной, неделимой, территориально замкнутой общественной власти, следящей за соблюдением правил игры с нулевой суммой (Held, 1991). Соответственно, они полагают, что суверенитет сегодня лучше всего понимать «не столько как территориально ограничивающий барьер, а как переговорный инструмент, необходимый для проведения политики, для которой в наше время характерны сложные межнациональные отношения» (Keohane, 1995).

Не стоит, конечно, доказывать, что сегодня территориальные границы не имеют прежнего политического, военного или даже символического значения, надо скорее полагать, что, хотя в современной жизни они и признаются в качестве главных пространственных маркеров, в эпоху интенсивной глобализации они становятся все более спорными. Таким образом, суверенитет, государственная власть и территориальность состоят сегодня в более сложных отношениях друг с другом, чем в ту эпоху, когда формировалось современное национальное государство. Разумеется, трансформисты доказывают, что глобализация связана не только с новым «режимом суверенитета», но также с возникновением полновластных нетерриториальных форм экономической и политической организации в глобальной сфере, таких как многонациональные корпорации, транснациональные общественные движения, интернациональные органы регулирования и т. д. В этом смысле мировой порядок не может более восприниматься как вращающийся только вокруг государств или даже как в первую очередь управляемый государством,

поскольку власть все более и более распределяется между общественными и частными органами на местных, национальных, региональ-

11

ных и глобальных уровнях. Национальные государства не являются отныне единственными центрами или главными формами правления или органами власти в мире (Rosenau, 1997)- В условиях меняющегося глобального порядка формы и функции государства должны адаптироваться к нему, а правительства находить соответствующие стратегии для налаживания связи с глобализирующимся миром. Существуют разного рода стратегии, начиная с модели неолиберального минимального государства и заканчивая моделями государства-наблюдателя (правительство как главный

Таблица В.1 Три концептуальных подхода к глобализации

	Гиперглобалисты	Скептики	Трансформисты
<i>Что нового?</i>	Глобальный век	Торговые блоки, более слабое, чем ранее, правление	Исторически беспрецедентные уровни глобальной взаимосвязанности
<i>Доминирующие черты</i>	Глобальный капитализм, глобальное правительство, глобальное гражданское общество	Мир, менее взаимозависимый, чем в 90-е гг. XIX в.	«Глубокая» (интенсивная и экстенсивная) глобализация
<i>Власть национальных правительств</i>	Снижается или разрушается	Усиливается	Перестраивается
<i>Движущие силы глобализации</i>	Капитализм и технология	Государства и рынки	Комбинированные силы современности
<i>Модели стратификации</i>	Разрушение старых иерархий	Увеличение маргинализации Юга	Новая структура мирового порядка
<i>Доминирующий мотив</i>	Макдональдс, Мадонна и т. д.	Национальный интерес	Трансформация политического сообщества
<i>Концептуальное осмысление глобализации</i>	Как переделывание схемы человеческого действия	Как интернационализация и регионализация	Как переделывание межобластных отношений и действий на расстоянии
<i>Исторический путь развития</i>	Глобальная цивилизация	Региональные блоки/конфликт цивилизаций	Неопределенно: глобальная интеграция и фрагментация
<i>Итоговый аргумент</i>	Конец национального государства	Интернационализация зависит от государственного согласия и поддержки	Глобализация трансформирует государственную власть и мировую политику

12

покровитель экономической экспансии) и государства-катализатора (правительство как координатор коллективных действий). Кроме того, правительства стали в большей степени считаться с окружающим миром, стараясь следовать совместно выработанным стратегиям и создавая международные механизмы регулирования, чтобы более эффективно решать растущую массу проблем, которые регулярно всплывают на поверхность, когда речь заходит о внутренней ситуации национальных государств. Это обстоятельство в большей мере, чем глобализация, грозящая «концом государству», способствовало появлению адаптивной стратегии и в каком-то смысле активизации деятельности государства. Соответственно, власть национальных правительств не обязательно уменьшается в результате процесса глобализации,

напротив, власть преобразуется и реструктуризируется, приспособляясь к возрастающей сложности процессов управления в мире, пронизанном более тесными взаимосвязями (Rosenau, 1997).

Приведенные выше преобладающие точки зрения в спорах о глобализации обобщены в таблице В.1. Чтобы подняться над спорами между этими подходами, необходима модель исследования, дающая возможность оценить принципиальные утверждения каждого из них. Но, чтобы создать такую модель, в качестве первоначального условия требуется понимание тех ошибочных направлений, по поводу которых и ведется спор. Вопросы, возникающие в ходе этих дебатов, заставляют задуматься о том, каким образом глобализация может быть концептуально выражена и каковы конкретные основания для продолжения обсуждения.

ИСТОЧНИКИ СПОРОВ В ОБСУЖДЕНИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Главным источником споров между существующими подходами к глобализации является пять принципиальных вопросов. Вопросы эти суть следующие:

- общая концепция глобализации,
- ее причинная обусловленность,
- периодизация,
- воздействия,
- пути развития глобализации.

В результате исследования каждого из этих вопросов постепенно будет вырисовываться картина, которая поможет нам выйти за пределы дебатов между тремя подходами, которые в общих чертах были обрисованы выше.

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Как скептики, так и гиперглобалисты, как правило, опираются на такую концепцию глобализации, согласно которой она заранее представляется как исключительное состояние или конец государства, т. е. полностью интегрированный глобальный рынок с одинаковым уровнем цен и тарифов. Соответственно, современные образцы экономической глобализации оцениваются, как уже ранее отмечалось, в зависимости от того, насколько они соответствуют этому идеальному типу (Berger and Dore, 1996; Hirst and Thompson, 1996b). Но даже по своей внутренней логике этот подход оказывается ущербным, поскольку нет никакой

13

априорной причины предполагать, что мировой рынок обязательно должен быть более «конкурентным», чем какие бы то ни было национальные рынки. Возможно, национальным рынкам и не хватает абсолютной конкурентности, но это все равно не мешает экономистам квалифицировать их именно как рынки, хотя и с различными типами недостатков. Мировые рынки, как и внутренние рынки, также могут иметь недостатки.

Кроме того, такого рода подход к глобализации с позиции «идеального типа» чрезмерно телеологичен и эмпиричен: он неприемлемо телеологичен, поскольку настоящее интерпретируется (и, очевидно, должно интерпретироваться) как очередная ступень в процессе некоего линейного движения вперед к заданному будущему конечному состоянию, несмотря на то, что не существует логических или эмпирических причин предполагать, что глобализация — более, чем индустриализация или демократизация — имеет единственное зафиксированное конечное состояние; и неприемлемо эмпиричен по той причине, что статистические данные о глобальных тенденциях привлекаются только для того, чтобы подтвердить, квалифицировать или отвергнуть систему тезисов о глобализации, несмотря даже на то, что такая методология может породить значительные затруднения (Ohmae, 1990; R. J. B. Jones, 1995; Hirst and Thompson, 1996b). Например, тот факт, что большее количество людей в мире говорит на китайском языке (или его диалектах) как на своем основном, чем на английском, не обязательно подтверждает тезис о том, что китайский является глобальным языком.

Подобным образом, даже если можно было бы утверждать, что торговые коэффициенты валового национального продукта западных стран в 90-е гг. XIX в. были такими же или даже выше, чем на протяжении 90-х гг. XX в., это само по себе мало что даст для понимания социальной и политической роли торговли в каждом из этих периодов. Делая заключения о, казалось бы, явных глобальных тенденциях, необходимо проявлять чрезвычайную внимательность и теоретическую осторожность. Любой убедительный подход к глобализации

должен взвешивать значимость соответствующих данных качественного характера и выводов, которые являются результатом их интерпретации.

Социально-исторические подходы к изучению глобализации расценивают ее как процесс, у которого нет строго фиксированного или определенного исторического «назначения», будь то полностью интегрированный мировой рынок, глобальное общество или глобальная цивилизация (Giddens, 1990; Geyer and Bright, 1995; Rosenau, 1997). Нет ни малейшего априорного основания полагать, что глобализация должна развиваться в одном-единственном направлении или что она может пониматься лишь в связи с единственным идеальным требованием (в совершенстве отрегулированными мировыми рынками). Соответственно, для таких трансформистов глобализация представляет собой скорее случайный и открытый исторический процесс, который несовместим с ортодоксальными линейными моделями социального изменения (ср. Graham, 1997). Более того, сторонники такого подхода, как правило, также скептически относятся к мнению, что только доказательства количественного характера могут подтвердить или опровергнуть «реальность» глобализации, так как они заинтересованы в тех качественных сдвигах, которые он может породить в природе обществ и власти, сдвигах, которые лишь в редких случаях полностью охватываются статистическими данными.

14

Вопрос о том, следует ли понимать глобализацию в единых или дифференцированных категориях, связан с проблемой глобализации как исторического процесса. Большая часть литературы, написанной скептиками и гиперглобалистами, направлена на то, чтобы представить глобализацию в значительной степени как процесс, затрагивающий какую-то одну сторону жизни — чаще экономическую или культурную (Ohmae, 1990; Robertson, 1992; Krasner, 1993; Boyer and Drache, 1996; Cox, 1996; Hirst and Thompson, 1996b; Huntington, 1996; Strange, 1996; Burbach et al., 1997). Однако чтобы представить ее таким образом, приходится игнорировать процессы глобализации, происходящие в других аспектах социальной жизни, — от политических до культурных. В этом смысле глобализацию лучше было бы понимать как глубоко дифференцированный процесс, который находит свое выражение во всех ключевых областях социальной деятельности (включая политическую, военную, законодательную, экологическую, криминальную и т. д.). Совершенно не понятно, почему следует полагать, что это чисто экономический или культурный феномен (Giddens, 1991; Axford, 1995; Albrow, 1996). Соответственно, описания глобализации, допускающие, что это процесс дифференцированный, могут оказаться более приемлемыми при объяснении ее форм и динамики по сравнению с теми подходами, которые этой дифференциации не замечают.

ПРИЧИННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одним из главных спорных вопросов, когда речь заходит о глобализации, является вопрос о ее причинной обусловленности: что управляет процессом глобализации? Существующие подходы, которые предлагают ответ на этот вопрос, как правило, сводятся к двум способам объяснения: одни выдвигают единственную или основную движущую причину, например, капитализм или технологические изменения; другие объясняют глобализацию как результат совместного действия ряда факторов, таких как технологические изменения, рыночные силы, идеология и политические изменения. Проще говоря, различие между ними на самом деле состоит в их приверженности к монокаузальному или мультикаузальному подходу к процессу глобализации. Несмотря на то, что в большей части существующей литературы, как правило, предпринимаются попытки соединить глобализацию и распространение законов рынков или капитализма, такой подход тоже вызвал серьезную критику, суть которой сводится к тому, что подобного рода объяснение является чересчур редукционистским. В качестве ответа на эту критику был сделан ряд серьезных попыток разработать более полное объяснение глобализации, которое выдвинуло бы на первый план сложное пересечение многочисленных движущих сил, охватывающих экономические, технологические, культурные и политические изменения (Giddens, 1990; Robertson, 1992; Scholte, 1993; Axford, 1995; Albrow, 1996; Rosenau, 1990; 1997). Любая убедительная версия современной глобализации не может обойти основной вопрос ее причинной обусловленности и поэтому должна предложить свой четкий ответ на этот вопрос.

Но разногласия по поводу скрытых причин глобализации связаны с более широкими

проблемами современности (Giddens, 1991; Robertson, 1992; Albrow, 1996; Connolly, 1996). Для одних глобализация — это просто распространение по всему миру достижений современной западной цивилизации, так сказать, вестернизация. Теория мировых систем, например, приравнивает глобализацию к распро-

15

странению западного капитализма и западных институтов (Amin, 1996; Benton, 1996). Другие, напротив, проводят различия между вестернизацией и глобализацией и отвергают представление, согласно которому эти понятия являются синонимами (Giddens, 1990). На карту в этом обсуждении поставлен достаточно фундаментальный вопрос: должно ли понимать сегодня глобализацию как нечто большее, нежели только расширение сферы влияния и могущества Запада? Никакой убедительный анализ глобализации не может избежать столкновения с этим вопросом.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Любая попытка дать простое «описание» современной глобализации обязательно — в явном или неявном виде — опирается на тот или иной тип исторического изложения. Такие изложения, будь то грандиозные исследования цивилизаций или мировой истории, имеют существенное значение для того, какие выводы могут быть сделаны относительно исторически уникальных либо характерных черт современной глобализации (Mazlish and Buultjens, 1993; Geyer and Bright, 1995). В частности, от той или иной периодизации всемирной истории существенным образом зависят те выводы, к каким приходят в результате любого исторического исследования, особенно если речь идет о том, что является новым в современной глобализации. Ясно, что при ответе на этот вопрос важное значение имеет то обстоятельство, что хронологически понимается под современной глобализацией: послевоенное время, эпоха, берущая начало в /о-х гг. XX в., или XX в. в целом. Недавно произведенные исторические исследования мировых систем и образцов взаимодействия цивилизаций подвергают сомнению общепринятую точку зрения, согласно которой глобализация прежде всего — явление современного периода (McNeill, 1995; Roudometof and Robertson, 1995; Bentley, 1996; Frank and Gills, 1996). Факт существования мировых религий и торговых сетей Средневековья заставляет внимательнее отнестись к идее о том, что глобализация — это процесс, который имеет длительную историю. Это означает, что при любой попытке объяснения новых черт современной глобализации следует выходить за пределы современной эпохи. Но для этого необходима какая-то аналитическая схема, дающая основания для противопоставления и сравнения различных стадий или исторических форм глобализации на протяжении того периода, который французский историк Ф. Бродель называет *longue duree* — т. е. отрезок времени, охватывающий скорее столетия, нежели десятилетия (Helleiner, 199/)-

ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Существует обширная литература, рассматривающая экономическую глобализацию как приемницу социальной демократии и современного государства всеобщего благоденствия (Garrett and Lange, 1991; Banuri and Schor, 1992; Gill, 1905; Amin, 1996; J. Gray, 1996; Cox, 1997). Согласно этому подходу, глобальные и противоречащие друг другу тенденции вынудили правительства сократить государственные расходы и вмешательство, ибо направленность давления, оказываемого этими тенденциями на правительства всех стран, несмотря на различие между ними, была одной и той же. В основе этого тезиса лежит детерминистская концепция

16

глобализации как «железной клетки», вынуждающей правительства подчиняться глобальной финансовой дисциплине, строго ограничивающей сферу действия прогрессивной политики и подрывающей социальное равновесие, на котором после Второй мировой войны было построено государство всеобщего благосостояния. Таким образом, экономические и внутривнутриполитические стратегии западных стран, по-видимому, сближались друг с другом независимо от идеологии официальных правительств.

В вопиющее противоречие с этим тезисом вступает целый ряд недавно проведенных исследований, которые заставляют серьезно усомниться в том, что глобализация буквально-таки «парализует» экономическую политику, проводимую национальными правительствами

(Scharpf, 1991; R-1- B. Jones, 1995; Ruigrok and Tulder, 1995; Hirst and Thompson, 1996b). Как замечают Г. Милнер и Р. Кохан, «воздействие мировой экономики на страны, которые открыты ее влиянию, по-видимому, является неодинаковым» (Milner and Keohane, 1996, p. 14). Такие исследования добились значительного успеха в плане понимания того, какое социальное и политическое воздействие оказывает глобализация на внутренние институциональные структуры, государственные стратегии и положение страны в общей глобальной иерархии (Hurrell and Woods, 1995; Frieden and Rogowski, 1996; Garrett and Lange, 1996). Кроме того, некоторые авторы внесли существенный вклад в понимание способов, какими государства и народы оказывают сопротивление процессу глобализации (Geyer and Bright, 1995; Frieden and Rogowski, 1996; Burbach et al., 1997). Подобного рода исследования подтверждают необходимость создания комплексной типологии влияния глобализации на национальную экономику и политику, типологии, предусматривающей различные последствия глобализации и способы, которыми ею управляют, пытаются ей противостоять и оказывают сопротивление (Axford, 1995)-

ПУТИ РАЗВИТИЯ

Каждая из названных выше трех «школ», принимающих участие в дискуссиях о глобализации, опирается на определенные представления о динамике и направлении глобальных изменений. Это дает возможность построить обобщенную модель глобализации, благодаря чему складывается мнение о ней как об историческом процессе. В этом отношении гиперглобалисты склонны представлять глобализацию как извечный процесс мировой интеграции (Ohmae, 1995; R- P- Clark, 1997)- Такой подход нередко связан с линейным взглядом на исторические изменения; глобализация молчаливо отождествляется с относительно плавным ходом человеческого прогресса. По сравнению с гиперглобалистами скептики, как правило, представляют себе глобализацию как процесс, в котором акцентируются как ее характерные стадии, так и повторяющиеся черты. Отчасти по этой причине скептики затрудняются дать оценку современной глобализации по сравнению с предшествующими историческими периодами, особенно по сравнению с последними десятилетиями XIX в., которые они считают «золотым веком» глобальной взаимозависимости (R. J. B. Jones, 1995; Hirst and Thompson, 1996b).

Ни одна из этих моделей исторического изменения не находит поддержки в лагере трансформистов, так как они представляют себе историю как процесс, отмеченный драматическими переворотами или резкими изменениями. Подоб-

17

ный взгляд подчеркивает непредсказуемость истории и то обстоятельство, что эпохальные изменения являются результатом совместного действия определенных исторических условий и определенных социальных сил. Этим и объясняется склонность трансформистов описывать процесс глобализации как случайный и противоречивый. Согласно их системе аргументов, глобализация воздействует на мировые сообщества наподобие «тяги-толкая»: она разделяет их в той же мере, в какой и объединяет, порождает как сотрудничество между ними, так и конфликты; унифицирует их, равно как и способствует росту партикуляризма. Таким образом, направление процессов глобальных изменений в значительной степени неопределенно и неясно (Rosenau, 1997)-

Очевидно, что попытка создать аналитическую схему, которая вывела бы дискуссии о глобализации за пределы их нынешней интеллектуальной ограниченности, должна в первую очередь учитывать те пять основных спорных вопросов, которые были описаны выше. Любая более или менее приемлемая оценка глобализации должна включать в себя: ее концептуальное осмысление, правдоподобное изложение причинной логики, четкую историческую периодизацию, убедительную детализацию воздействий и предполагаемые пути развития самого процесса. Решение перечисленных проблем и является основной задачей при создании новых концепций глобализации.

Решению этих задач и посвящены нижеследующие главы; и мы еще раз вернемся к ним в заключении. А теперь обратимся непосредственно к первому из этих вопросов — о природе и форме глобализации — и попытаемся дать на него ответ.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ СХЕМА

Что такое глобализация? Несмотря на то, что в самом простом смысле глобализация — это

расширение, углубление и ускорение общемировых связей, подобное определение требует дальнейшего уточнения. Вопреки обилию определений, которые дают глобализации в ходе современных дискуссий — среди них такие, как «ускоряющаяся взаимосвязь», «действие на расстоянии», «уплотнение пространства и времени»² (см. соответственно: Ohmae, 1990; Giddens, 1990; Harvey, 1989). — в существующей литературе почти не встречается попыток дать точное определение, что такое «глобальное» применительно к глобализации. Например, все вышеприведенные определения вполне подходят к таким процессам, которые гораздо больше ограничены в пространственном отношении — таким как рас-

2. Под «ускоряющейся взаимосвязью» понимается возрастающая интенсивность международного переплетения национальной экономики и обществ таким образом, что достижения в одной стране непосредственно оказывают влияние на другие страны. «Действие на расстоянии» относится к способам, с помощью которых в условиях современной глобализации действия социальных агентов (индивидов, коллективов, корпораций и т. п.), осуществляемые в одном месте, могут повлечь за собой значительные — как ожидаемые, так и неожиданные — последствия, отражающиеся на поведении других людей — «дальних других». Наконец, «уплотнение пространства и времени» относится к способу, благодаря которому глобализация, по-видимому, сокращает географическое расстояние и время; в мире мгновенных коммуникаций расстояние и время больше не являются главными ограничителями, влияющими на структуру социальной организации и взаимодействия между людьми.

18

ширение национальных или региональных взаимосвязей. Пытаясь справиться с этим концептуальным затруднением, мы начинаем наше исследование с такого понимания глобализации, которое признает за ней ее особые пространственные атрибуты и способ, с помощью которого они раскрываются во времени.

Глобализацию можно поместить в один ряд с такими понятиями, как локальное, национальное и региональное³. На одном конце этого ряда располагаются социальные и экономические структуры и отношения, которые организованы на местной и/или национальной базе; на другом — социальные и экономические структуры и отношения, которые формируются при укрупнении масштабов региональных и глобальных взаимосвязей. Глобализацию можно рассматривать как те пространственно-временные процессы изменений, которые служат фундаментом для такого преобразования человеческой деятельности, когда она оказывается единой и осуществляется во всех регионах и континентах. Без учета таких пространственно широких связей дать четкое и непротиворечивое определение этому понятию невозможно. Соответственно, концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активностью *пространственных* границ — так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара. В этом смысле она олицетворяет межрегиональную взаимосвязанность, расширяющиеся границы структуры социальной деятельности и власти и возможность действия на расстоянии. Кроме того, когда говорят о глобализации, то имеется в виду, что связи, не зависящие от государственных границ, не просто случайны или редки, а становятся все более регулярными, так что наблюдается заметная интенсификация или возрастающая значимость взаимосвязей, образцов взаимодействия и потоков, которые преодолевают границы обществ и государств, существующих в рамках мирового порядка. Далее: возрастающая экстенсивность и интенсивность глобальных взаимосвязей может также предполагать *ускорение* глобальных взаимодействий и процессов, так как развитие общемировых систем транспорта и коммуникаций способствует увеличению скорости глобального распространения идей, товаров, информации, капитала и перемещения людей. И растущие *экстенсивность, интенсивность и скорость* глобальных взаимодействий также могут быть соотнесены с углубляющимся переплетением местного и глобального, так что *воздействие* отдаленных событий увеличивается, в то время как даже сугубо локальные достижения могут иметь огромные глобальные последствия. В этом смысле границы между внутренними и глобальными проблемами могут оказаться размытыми. Удовлетворительное определение глобализации должно охватить каждый из этих элементов: ее экстенсивность, интенсивность, скорость и воздействие. А удовлетворительное ее описание должно опираться на их доскональное исследование. Мы будем и впредь ссылаться на эти четыре элемента как на «пространственно-временные» показатели глобализации.

3. Под регионами здесь понимаются географические и функциональные группировки государств и обществ. Такие региональные группировки можно классифицировать по общим для них характеристикам (культурные,

религиозные, экономические и т. п. группировки) и по общему для всех членов группировки способу взаимодействия с внешним для них миром.

19

Зная эти показатели, можно предложить более точное определение глобализации. Соответственно, глобализации может быть осмыслена как *процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий — измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и воздействие, — порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.*

Потоки, о которых идет здесь речь, относятся к перемещениям физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени, а под структурами понимаются отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти (Modelska, 1972; Mann, 1986; Castells, 1996).

Эта формулировка помогает понять ошибочность существующих подходов к глобализации, не способных отделить ее от процессов, которые носят более ограниченный в пространственном отношении характер — от того, что можно назвать «локализацией», «национализацией», «регионализацией» и «интернационализацией». Ибо, как это уже было установлено выше, глобализацию можно отличить от более ограниченных социальных процессов. Локализация относится к объединению потоков и структур в пределах только определенного района. Национализация является процессом, посредством которого социальные взаимоотношения и взаимодействия развиваются в пределах закрепленных территориальных границ.

Регионализацией можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически, в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими национальными государствами независимо от их географического местоположения (см.: Nierop, 1994; Buzan, 1998). Таким образом, с помощью понятия современной глобализации описываются, например, торговые и финансовые потоки между крупными экономическими регионами мира, в то время как те же потоки внутри регионов могут классифицироваться как локальные, национальные и региональные.

Для того чтобы уточнить эти понятия, отметим в первую очередь, что глобализация понимается здесь не как нечто противоположное процессам, имеющим более ограниченный в пространственном отношении характер, а напротив, как процесс, находящийся с ними в сложных и динамических отношениях. С одной стороны, такие процессы, как регионализация, могут создавать необходимые виды экономических, социальных и материальных инфраструктур, которые способствуют углублению глобализации и дополняют ее. В этом отношении, например, экономическая регионализация (такая, как Европейский Союз) стала не барьером на пути глобализации торговли и производства, а еще одним стимулом для нее. С другой стороны, такие процессы могут накладывать ограничения на глобализацию, а то и способствовать процессу деглобализации. Тем не менее не существует априорной причины полагать, что локализация или регионализация противоположны или находятся в отношениях противостояния с глобализацией. Вопрос о том, как именно эти процессы взаимодействуют в экономической и других сферах, носит скорее эмпирический характер, и ответ на него будет дан в последующих главах.

20

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Когда в ходе дискуссий о глобализации скептики обращают наше внимание на тот факт, что международные или глобальные взаимосвязи ни в коем случае не являются чем-то новым, они все же допускают возможность, что конкретная форма, которую принимает глобализация, может быть различной в зависимости от исторической эпохи. Чтобы отличать характерные черты глобализации в том или ином периоде, нужна какая-то аналитическая схема для осуществления такого рода сравнительно-исторического исследования. Ибо без такой схемы было бы трудно распознать наиболее значимые черты разных эпох, установить сходство или различия между ними. Так, подход, который используется здесь, ставит в центр идею *исторических форм глобализации* как основание для построения систематического

сравнительного анализа развития глобализации во времени. Использование этой идеи помогает создать механизм для нахождения и систематизации соответствующих различий и аналогий. В этом смысле исторические формы глобализации относятся к *пространственно-временным и организационным атрибутам глобальных взаимосвязей в различные исторические периоды*.

Чтобы сказать что-либо значимое об уникальных особенностях или же о преобладающих чертах современной глобализации, требуются ясные аналитические категории, с помощью которых можно дать ее описание. Опираясь непосредственно на те различия, которые были указаны выше, мы можем сделать предварительное описание исторических форм глобализации и сравнить их по четырем пространственно-временным параметрам:

- протяженность глобальных структур;
- интенсивность глобальных взаимосвязей;
- скорость глобальных потоков;
- направленность воздействий, оказываемых глобальными взаимосвязями.

Такой подход дает возможность произвести как количественную, так и качественную оценку исторических моделей глобализации, поскольку с его помощью можно проанализировать: 1) пространственную распространенность структур взаимодействия и взаимосвязей; 2) интенсивность потоков и уровней активности в рамках этих структур; 3) скорость или быстроту взаимоизменений и 4) воздействие этих явлений на те или иные сообщества. Систематический анализ того, как эти явления развивались, обеспечивает понимание изменяющихся исторических форм глобализации, а это открывает возможность для более точной идентификации и сравнения их основных атрибутов и главных различий между разными формами глобализации в разные исторические периоды. Такой исторический подход к глобализации помогает избежать крайностей современной мысли, согласно которой глобализация или является чем-то принципиально новым, или же что современная глобальная экономика и уровень социальных взаимосвязей никакой новизной не отличаются, поскольку они чем-то похожи на то, что было в более ранние периоды.

Конечно, само понятие исторических форм глобализации предполагает, что можно очертить, в буквальном смысле слова, протяженность, интенсивность, скорость и направленность воздействий глобальных потоков, структур и взаи-

21

модействий во времени. В последующих главах мы попытаемся операционализировать каждый из этих параметров, используя различные статистические и другие показатели, чтобы оценить, например, географический размах торговых потоков — их объем, скорость, влияние и т. д. Но один специфический параметр глобализации особенно трудно поддается операционализации — направленность воздействий глобальных потоков, структур и взаимодействий. Тем не менее без сколько-нибудь ясного понимания характера этого воздействия понятие глобализации осталось бы неточным. Каким же образом следует понимать направленность воздействия?

В рамках настоящего исследования мы выделяем четыре разных типа воздействия: *воздействие в сфере принятия решений, институциональное, распределительное (дистрибутивное) и структурное воздействия*. Под воздействием на сферу принятия решений имеется в виду степень, в какой относительные затраты и выгоды от политического решения, выбранного правительством, корпорацией, коллективом или отдельным хозяйством, зависят от глобальных сил и обстоятельств. Так, глобализация может сделать некий политический выбор или образ действия более или менее дорогостоящим и таким образом повлиять на то, какое решение — индивидуальное или организационное — будет принято. В зависимости от восприимчивости тех, кто принимает решение, и тех коллективов, от чьего имени они принимаются, или от их уязвимости со стороны глобальных условий их политический выбор будет затруднен или облегчен в большей или меньшей степени⁴. Воздействия в сфере принятия решений могут быть оценены по шкале с отметками: «высокая степень влияния» (когда глобализация существенно влияет на политические предпочтения, существенно изменяя величину затрат и выгод в зависимости от того или иного образа действий) и «низкая степень влияния» (когда политические предпочтения испытывают лишь незначительное воздействие со стороны глобализации).

Но воздействие глобализации не всегда лучше всего может быть оценено с точки зрения ее влияния на принятие или отказ от принятия решений, поскольку неясным остается вопрос о составляющих самого процесса принятия решений и, следовательно, о вариантах выбора, которые

те, кто принимает решения, могут или не могут на самом деле предпочесть. Другими словами, глобализация может быть связана с тем, что Э. Шаттшнейдер называет «мобилизацией пристрастий» правительства, отрасли и корпорации, когда они сталкиваются с проблемами и альтернативами, диктуемыми глобальными условиями (Schattschneider, 1960, p. 71). Так, если понятие воздействий на сферу принятия решений обращает наше внимание на то, как глобализация непосредственно влияет на предпочтение и выбор со стороны субъектов принятия решений, то понятие институционального воздействия больше связано с тем, как организационные и коллективные повестки дня реагируют на тот факт, что в результате глобализации их возможность выбора увеличилась. В этом отношении данное понятие помогает понять, почему

4. «Восприимчивость означает способность данной политической структуры реагировать на изменения во внешнем мире — от этого зависит, насколько быстро перемены в одной стране сопровождаются значимыми переменами в другой и насколько значимы эти перемены... Уязвимость может быть определена как способность действующего лица нести издержки, обусловленные внешними обстоятельствами даже после того, как политика изменилась» (Keohane and Nye, 1977. P.¹²)-

22

те или иные альтернативы вообще никогда не могут рассматриваться хотя бы как возможность выбора.

Помимо всего этого глобализация может иметь значительные последствия для распределения власти и богатства внутри той или иной страны и между странами. Распределительные (дистрибутивные) воздействия связаны со способами, какими глобализация влияет на расстановку социальных сил (групп, классов, сообществ) в пределах и за пределами тех или иных стран. Так, например, торговля может подорвать благосостояние одних категорий работающих и в то же время способствовать его увеличению у других. В этом смысле некоторые группы и общества оказываются более уязвимыми со стороны глобализации, чем другие.

Наконец, глобализация может оказывать заметные структурные воздействия, поскольку она обуславливает модели социальных, экономических и политических учреждений и соответствующих форм поведения внутри той или иной страны. Соответственно, глобализация может быть вписана в структуры институтов и модели повседневного функционирования обществ (Axford, 1995)- Например, распространение западных концепций современного государства и капиталистических рынков обусловило развитие большей части обществ и цивилизаций во всем мире. Они стимулировали адаптацию традиционных образцов государственной власти и полномочий или вынуждали к ней, порождая новые формы правления и распределения ресурсов. Структурные воздействия глобализации могут проявляться как на коротких, так и на длительных отрезках времени в том, как государства и общества приспосабливаются к действию глобальных сил. Но приспособление, конечно, не происходит автоматически: глобализация требует посредничества, управляется, встречает противодействие и сопротивление со стороны правительств, организаций и народов. Государства и общества могут обладать разной степенью «чувствительности» к глобальным процессам или уязвимости по отношению к этим процессам, так что их модели внутренней структурной корректировки тоже будут разными по степени и продолжительности.

Оценивая четыре типа воздействия глобализации на государства и сообщества, нужно учитывать, что глобализация может непосредственно изменять их форму и «modus operandi» или влиять косвенно — изменяя контекст и баланс сил, с которыми государства вынуждены сталкиваться.

Влияния в сфере принятия решений и институциональные влияния, как правило, бывают в этом смысле непосредственными, несмотря на то что они могут иметь последствия для экономических и социальных условий, в которых действуют государства. Дистрибутивные и структурные влияния обычно бывают косвенными, но от этого, конечно, несколько не менее значимыми.

Существуют другие важные особенности исторических форм глобализации, которые необходимо различать. В дополнение к пространственно-временным параметрам, которые дают возможность создать крупномасштабный эскиз глобализации, существует еще четыре параметра, которые отображают ее специфический организационный профиль: *инфраструктуры, институционализация, стратификация и виды взаимодействия*. Картина экстенсивности, интенсивности, скорости и направления воздействия структур глобальных взаимосвязей обязательно включает в себя изображение *инфраструктур*, которые обеспечивают движение глобальных потоков, структур и отношений или способствуют им. Структуры не могут существовать без той или иной поддержки со стороны

инфраструктур. Инфраструктуры могут быть материальными, регулятивными (правовыми) или символическими, например инфраструктура транспортировки, закон ведения войны или математика как общий язык науки. Но в большинстве сфер инфраструктуры являются некоторой комбинацией всех этих типов содействия. Например, в финансовой сфере есть всемирная информационная система для банковских расчетов, регулируемая общими правилами, нормами и процедурами и обладающая своим собственным техническим языком, с помощью которого весь задействованный в ней персонал общается между собой.

Инфраструктуры могут облегчать или сдерживать экстенсивность и интенсивность глобальных взаимосвязей в любой отдельной сфере, потому что они служат посредниками между потоками и соединениями: инфраструктуры влияют на всеобщий уровень способности взаимодействия в каждом секторе и тем самым на степень глобальных взаимосвязей. Способность взаимодействия, под которой понимается степень потенциального взаимодействия, определяемая существующими техническими возможностями, зависит прежде всего, но не исключительно, от технологических возможностей и технологии коммуникаций (см.: Buzan et al., 1993. P- 86). Например, возможности взаимодействия средневековой мировой системы, сдерживаемые, помимо всего прочего, ограниченными средствами коммуникации, были значительно меньше, чем в современную эпоху, в которую спутники и Интернет облегчают мгновенную и практически в масштабах реального времени глобальную связь (Deibert, 1997)- Таким образом, изменения в инфраструктуре имеют важные последствия для разработки и развития способности глобального взаимодействия.

Инфраструктурные условия облегчают также институционализацию глобальных структур, потоков и отношений. Институционализация включает в себя регулирование моделей взаимодействия и, следовательно, их воспроизводство в пространстве и во времени. Размышлять о моделях глобальных связей (торговле, альянсах и т. п.) в терминах институционализации — значит признавать способы, с помощью которых глобальные структуры и отношения становятся регулируемыми и внедряются в практику и действия исполнителей (государств, общностей, хозяйств, личностей) в каждой социальной сфере — от культурной до криминальной (см. Giddens, 1979. P- 80). Институционализация, стало быть, является еще одним важным параметром исторических форм глобализации.

Проблема инфраструктур и институционализации непосредственно связана с темой власти. Под «властью» имеется в виду способность социальных исполнителей, организаций и институтов утверждать или изменять свое положение, социальное или материальное; и зависит она от ресурсов, которые укрепляют эту способность, и тех сил, которые ее составляют и влияют на ее проявления. Соответственно, власть — это явление, которое можно обнаружить как внутри любых групп, учреждений и обществ, так и в отношениях между ними, явление, пронизывающее всю общественную и частную жизнь. Поскольку такое понимание власти ставит ряд сложных вопросов, то полезно будет рассмотреть в первую очередь природу власти как универсального фактора человеческой жизни, не зависящего ни от местоположения, ни от характера учреждений (см.: Held, 1989,1995).

Но власть исполнителя, организации или института, где бы они ни находились, никогда не существует в изоляции. Власть всегда осуществляется, и политические результаты всегда определяются в контексте относительных возможностей

Врезка В.1 Исторические формы глобализации: основные параметры

Пространственно-временные параметры: 1 обширность глобальных структур, 2 интенсивность глобальных взаимосвязей, 3 скорость глобальных потоков, 4 преимущественные воздействия глобальных взаимосвязей.

Организационные параметры: 5 инфраструктура глобализации, 6 институционализация глобальных структур и использование силы, 7 модель глобальной стратификации, 8 доминирующие виды глобального взаимодействия.

сторон. Власть следует понимать как явление относительное (Giddens, 1979. ch. 2; Rosenau, 1980, ch. 3). Отсюда следует, что власть выражает одновременно как намерения и цели исполнительных органов и институтов, так и относительный баланс средств, которые они

могут использовать в отношении друг друга. Однако власть нельзя понимать, исходя только из того, что исполнители или властные органы делают или не делают. Ибо власть — это также и структурное явление, сформированное и в свою очередь формирующее социально структурированное и культурно смоделированное поведение групп и деятельность учреждений (Lukes, 1974. P- 22). Любая организация или институт может обусловить и ограничить поведение своих членов. Правила и средства, которые воплощаются в таких организациях и институтах, редко оказываются структурой, безразличной к тому или иному действию, поскольку они устанавливают образцы власти и авторитета и дают право принять такое-то, а не другое решение. В действительности они институционализируют властные отношения между «правлящими» и «управляемыми», «подданными» и «правителями» (McGrew, 1988, p. i8—19).

Глобализация трансформирует организацию, распределение и осуществление власти. В этом отношении глобализацию в разные эпохи можно связать с разными моделями глобальной *стратификации*. При описании исторических форм глобализации особое внимание должно быть обращено на модели стратификации. В этом смысле стратификация обладает как социальным, так и пространственным параметром: это, соответственно, иерархия и неравномерность (см.: Falk, 1990, p. 2—12). Иерархия характеризует асимметрию в деле управления глобальными структурами и инфраструктурами, в степени их доступности и участия в них, тогда как неравномерность обозначает асимметричность влияний процессов глобализации на условия жизни и уровень благосостояния народов, классов, этнических групп и полов. Эти категории обеспечивают нас механизмом для выяснения специфики властных отношений в мире в разные исторические периоды.

Существенные различия наблюдаются и в преобладающих *формах взаимодействия*, характерных для того или иного периода глобализации. Вполне отчетливо можно различать господствующие типы взаимодействия — такие как имперский или принудительный, совместный, конкурентный, конфликтный — и главные инструменты власти, например, военные или экономические. Так, например,

25

известно, что в эпоху западной экспансии в конце XIX в. империализм и военная мощь были преобладающими формами и инструментами глобализации, тогда как в конце XX в. экономические механизмы, конкуренция и кооперация, по-видимому, имеют приоритет перед военной силой (Morse, 1976).

В целом исторические формы глобализации можно проанализировать с помощью восьми показателей (см. таблицу i.i). В совокупности они дают представление о характерных особенностях глобализации в каждый исторический период.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На основании схемы, приведенной выше, можно создать типологию глобализации.

Глобальные потоки, структуры и отношения могут быть описаны с помощью их основных пространственно-временных параметров: протяженности, интенсивности, скорости и направленности воздействия. На диаграммах В.1 и В.2 показаны соотношения между этими четырьмя параметрами. На этих схемах высокая степень протяженности относится к межрегиональным и межконтинентальным структурам и потокам, а низкая степень — к локальным структурам и контактам. Соответственно, как показано на диаграмме В.3, конфигурации этих измерений могут быть разными; четыре самых верхних сектора на диаграмме представляют, на одном пространственном уровне, различные типы глобализованных миров (т. е. различные конфигурации высокого уровня протяженности, интенсивности, скорости и воздействия); тогда как ниже расположенные сектора представляют, на другом пространственном уровне, различные конфигурации локальных структур. Этот несложный набросок дает нам основание для разработки более систематической типологии глобализации, которая выводит дискуссии за пределы экономического идеального типа и «общемировых» моделей скептиков и гиперглобалистов. Ибо четыре верхних сектора на диаграмме В.3 показывают, что имеется логически допустимое разнообразие форм, которые может принимать глобализация, поскольку высокая степень протяженности может сочетаться с различными возможными величинами ее интенсивности, скорости и воздействия.

Четыре из этих возможных форм вызывают особый интерес, так как они представляют собой крайние пределы этого типологического наброска, будучи сочетанием высшей степени протяженности с высшими уровнями интенсивности, скорости и воздействия. В этом отношении диаграмма В.4 устанавливает четыре разных логических типа глобализации, которые воплощают собой самые разные модели межрегиональных потоков, структур и взаимодействий. Они дают упрощенную типологию глобализации, которая показывает, что она не обязательно имеет одну строго зафиксированную форму:

- Тип 1 представляет мир, в котором обширный охват глобальных структур сопровождается их высокой интенсивностью, высокой скоростью и высокой степенью воздействия во всех областях или аспектах общественной жизни, начиная с экономической и заканчивая культурной. Этот тип можно было бы назвать *глубокой глобализацией*. По мнению некоторых скептиков, к этому типу вплотную приближается эпоха мировых империй конца XIX в. Но, как показы-

26

Диаграмма В.1 Пространственно-временные параметры глобализации (1)

вает диаграмма В.4, существуют и другие возможные формы глобализации, из которых эта представляет лишь частный случай.

Тип 2 относится к глобальным структурам, в которых сочетается высокая протяженность с высокой интенсивностью и высокой скоростью, но в которых степень воздействия является низкой. Этот тип можно назвать *диффузной (рассеянной) глобализацией*, поскольку ее воздействия носят весьма опосредованный и регулируемый характер. Хотя этот тип и не имеет исторических эквивалентов, это такое положение вещей, которое с нормативной точки зрения могли бы одобрить многие из тех, кто критикует перегибы современной экономической глобализации. Тип 3 характеризуется высокой протяженностью глобальных взаимосвязей, сочетающейся с низкой интенсивностью, низкой скоростью, но высокой степенью воздействия. Этому типу можно было бы присвоить наименование *расширяющаяся глобализация*, так как он в большей степени характеризуется своим охватом и воздействием, нежели скоростью потоков. К этому типу ближе всего подходит ранний период западной имперской экспансии, во время которого европейские империи приобрели почти глобальный масштаб, а влияние разных цивилизаций друг на друга было весьма значительным. Тип 4 охватывает то, что можно назвать *поверхностной глобализацией*, так как высокая степень протяженности глобальных структур не подкреплена столь же высокой интенсивностью, скоростью и воздействием, ибо все эти парамет-

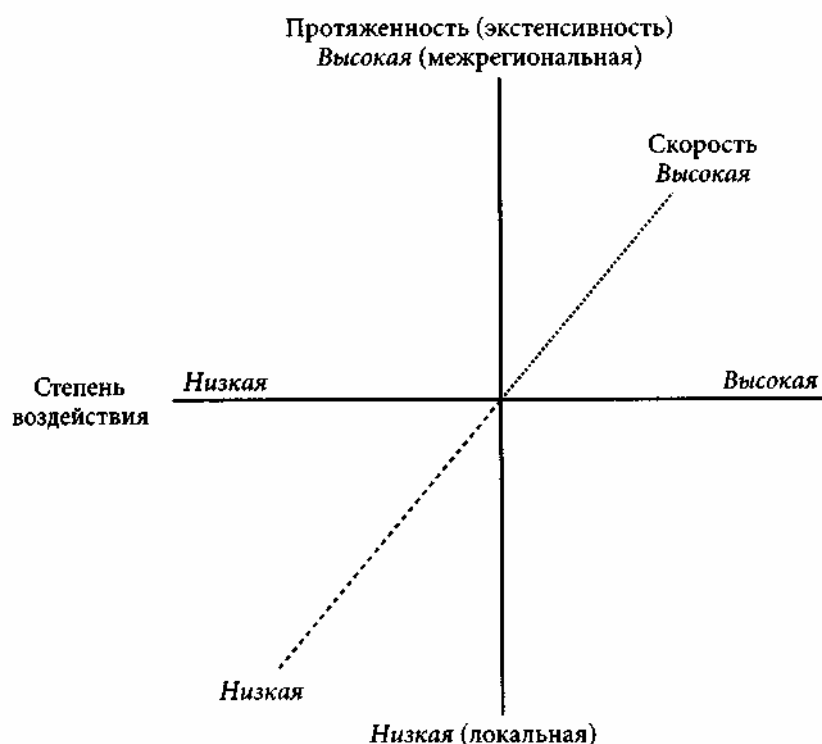

Диаграмма В.2 Пространственно-временные параметры глобализации (2)

ры остаются довольно низкими. Ранняя торговля шелком и предметами роскоши, носившая челночный характер и связывавшая Европу с Китаем и Востоком, представляет собой близкую аналогию этому типу.

Данная типология представляет четыре альтернативных способа понимания глобализации, но существует множество других возможных конфигураций. «Мысленный эксперимент», в результате которого появились эти четыре типа, может произвести и ряд других возможных вариантов в зависимости от величин, присвоенных каждому пространственно-временному параметру. Какой тип (если таковой существует) наиболее точно описывает реальные исторические формы глобализации — это задача, которая будет решаться в последующих главах. Глобализация, как старались мы доказать, не является ни чем-то уникальным, ни линейным процессом. Более того, лучше всего представлять ее себе как чрезвычайно дифференцированное явление, в состав которого входят такие разные сферы деятельности и сотрудничества, как политическая, военная, экономическая, культурная, миграционная и экологическая. Каждая из этих сфер обладает своей моделью отношений и поведения и может считаться «зоной действия власти» — тем контекстом или средой, в которой и посредством которой действует власть с тем, чтобы обеспечить народам и сообществам возможность деятельности, т. е. чтобы направить ее в какое-то русло, дать шансы и распределить основные ресурсы. Элементы отдельной зоны способны проявлять широкую самосто-

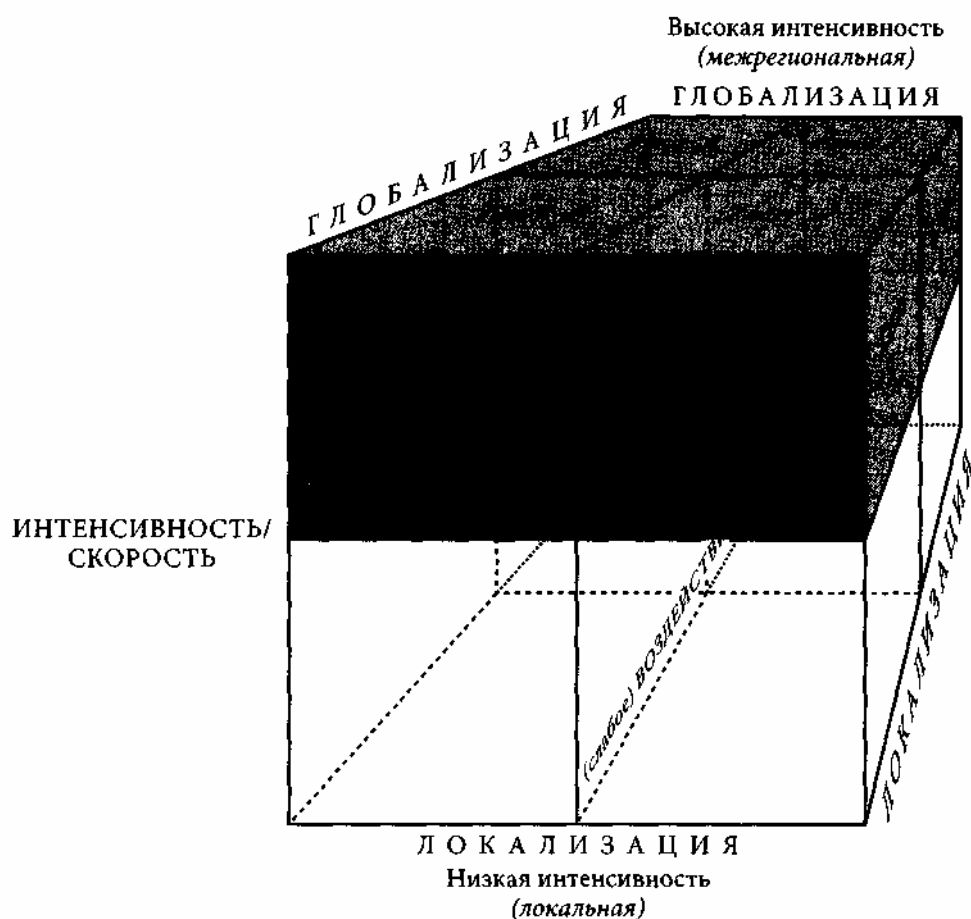

Диаграмма В.3 Логические типы глобализации

тельную активность, т. е. внутри себя создавать властные структуры и отношения. Образцом тому могут служить некоторые аспекты военной организации, в которой внутренние иерархические структуры могут создавать ресурсы, укреплять власть и осуществлять чисто силовое вмешательство лишь в крайне ограниченных пределах. Однако некоторые зоны власти могут оказывать давление и вторгаться в другие зоны, лежащие по ту сторону их границ, формировать и ограничивать их. Одни структуры взаимодействия имеют большую возможность для организации интенсивных и экстенсивных, прочных и диффузных социальных отношений, чем другие (см.: Mann, 1986, ch. i). Такие зоны власти становятся в определенной степени источниками власти для других сфер. Вмешательство средневековой церкви в экономическую жизнь или влияние могущественных корпораций, промышленных и финансовых, на правительства в современную эпоху служат тому примером.

Политические, военные, экономические и культурные области и сферы труда, миграционных перемещений и экологии — вот те основные зоны действия власти, которые составят предмет нашего дальнейшего исследования. Мы не утверж-

последующих страницах этой книги мы еще вернемся к вопросу о преимуществах дифференцированного и мультикаузального подхода, а в Заключении сделаем окончательный вывод о его значении.

Типология глобализации (представленная на диаграммах В.і—4) легла в основу метода описания глобализации, избегающего как упрощенных скептических и гиперглобалистических оценок, так и ловушек умозрительного анализа глобальных тенденций. В этом отношении данная типология признает сложность глобализации, так же как и ее историческую случайность. Но, несмотря на то, что такая типология дает возможность выработать основы понимания современной глобализации, полностью осмыслить ее она позволяет только в контексте — и в результате — систематического сравнительного анализа исторических форм глобализации.

В последующих главах широко используются элементы этой схемы для описания и объяснения исторических моделей глобализации в каждой из ключевых областей человеческой деятельности. При этом сравниваются четыре продолжительных периода глобализации: досовременный период, ранний современный период западной экспансии, современный индустриальный период и новейший период, начавшийся после 1945 г. и продолжающийся до настоящего времени. Основные процессы глобализации, как будет показано в дальнейшем, раскрывались в течение ряда столетий медленными темпами и неравномерно, поэтому трудно, если вообще возможно, установить какую-либо одну исходную точку. Есть интересные закономерности, свойственные разным историческим периодам, равно как и нарушения, разрывы и попятные движения. Разные процессы глобализации, происходящие в разное время, двигались по различным траекториям и с разными темпами. Это нашло свое отражение в том, что в каждой главе этой книги используется своя особая периодизация. Например, в главе і рассматривается история политической глобализации начиная с эпохи античных империй. Глава 2, посвященная организованному насилию и вооруженным силам, начинается с описания ключевых изменений, происшедших в раннем современном периоде.

Главы 3—5, в которых исследуется глобализация торговли, финансов и производства, начинаются с этого же периода. Глава 6 — о миграциях населения — начинается с самых ранних миграционных перемещений, в результате которых планета оказалась заселенной людьми, но особенно изучает миграции, обусловленные европейской экспансией. Глава 7 начинается с глобализации культуры, обусловленной территориальным расширением Римской империи и распространением мировых религий, но особое внимание уделено в ней процессам, начавшимся в конце XIX в. И наконец, в главе 8 основное внимание уделено ухудшению экологической ситуации во второй половине XX в., хотя затрагиваются и более ранние периоды, имеющие отношение к этой теме. В Заключении, при исследовании сходств и различий тех изменений, которые происходили в более ранние периоды и в разных сферах, все эти исторические экскурсы соединяются в единое целое. Здесь история разных временных отрезков приобретает характер целостности благодаря тому, что исследуются некоторые из их основных соединений и сочленений. Последнее является важным опытом, так как потенциальная синергия между процессами глобализации, происходящими в каждой области, может выработать свою собственную системную логику. Если необходимо отобразить глобализацию в каждой сфере, то важно не пренебречь и способами, которыми вся совокупность этих потоков, структур, взаимодействий и взаимосвязей производит свои собственные императивы. Поэтому в Заключении будет предпринята попытка более подробно сравнить процесс глобализации в каждой из сфер с основными историческими формами глобализации. Важно подчеркнуть, что только после того, как будут описаны исторические формы глобализации в ключевых областях человеческой деятельности, появится возможность оценить, насколько поддаются группировке различные типы и формы глобальных взаимосвязей во всех этих областях. Только посредством анализа этой общности можно будет представить полную картину современной глобализации, т. е. выяснить, насколько адекватными для описания современных моделей глобального изменения являются такие ее характеристики, как «глубокая», «рассеянная», «расширяющаяся», «поверхностная», или для этого больше подходят какие-то другие понятия.

РЕЗЮМЕ

Подход к глобализации, развиваемый в последующих главах, строится на основе тех положений, которые были сформулированы в настоящем Введении:

1 Наиболее глубокое понимание глобализации дает представление о ней как о процессе или ряде процессов, а не каком-то уникальном состоянии. Она не является результатом упрощенной логики линейного развития, так же как не служит и прототипом всемирного общества или мирового сообщества. Скорее, глобализация означает возникновение межрегиональных структур и систем взаимодействия и обмена. В этом отношении подключение национальных и социальных систем к более широким глобальным процессам следует четко отличать от глобального объединения, как бы оно ни понималось.

2 Пространственный охват и плотность глобальных и межнациональных взаимосвязей образуют сложные паутины и структуры отношений между со-

32

обществами, государствами, международными учреждениями, неправительственными организациями и многонациональными корпорациями, которые образуют глобальный порядок. Эти частично совпадающие и взаимодействующие структуры определяют пути развития сообществ, государств и социальных сил, которые одновременно и принуждают их, и наделяют полномочиями. В этом отношении глобализация родственна процессу структуризации, поскольку она является продуктом как индивидуальных действий, так и совокупных взаимодействий между бесчисленными исполнителями и учреждениями, разбросанными по всему земному шару (Giddens, 1981; Buzan et al., 1993; Nierop, 1994; Jervis, 1997). Глобализация связана с развивающейся динамической глобальной структурой, предоставляющей возможности и налагающей ограничения. Но это также и строго стратифицированная структура, так как процесс глобализации происходит крайне неравномерно: он учитывает и существующие модели неравенства и иерархии и в то же время создает новые правила включения и исключения, новые представления о победителях и проигравших. (Hurrell and Woods, 1995)- Таким образом, глобализацию можно понимать как воплощение процессов структурирования и стратификации.

3 Немногие области общественной жизни остались незатронутыми процессами глобализации. Эти процессы нашли свое отражение во всех социальных сферах: культурной, экономической, политической, законодательной, военной — вплоть до экологической. Наиболее адекватным является понимание глобализации как многоаспектного или дифференцированного социального феномена, который надо понимать не как некое уникальное состояние, а как нечто связанное с моделями усиливающихся глобальных взаимосвязей во всех ключевых областях социальной деятельности. Следовательно, чтобы понять динамику и последствия глобализации, необходимо какое-то знание о разных моделях глобальных взаимосвязей в каждой из этих областей. Например, модели глобальной экологической взаимозависимости радикальным образом отличаются от моделей культурного или военного глобального взаимодействия. Любая общая концепция процессов глобализации должна исходить из того, что глобализацию лучше представлять себе не в виде какого-то уникального состояния, а в виде дифференцированного и многопланового процесса.

4 Поскольку глобализация отменяет и нарушает политические границы, она ассоциируется с разрушением и перераспределением территориальности социально-экономического и политического пространства. А так как экономическая, социальная и политическая активность все в большей степени «распространяется» по земному шару, она уже неспособна организовываться только по территориальному принципу. Каждая такая активность может быть укоренена в тех или иных регионах, но территориально не закреплена. В условиях глобализации «локальное», «национальное» и даже «континентальное» пространство (политическое, социальное и экономическое) перестраивается так, что уже не обязательно совпадает с юридически закрепленными территориальными границами. С другой стороны, по мере того как глобализация усиливается, она все больше стимулирует социально-экономическую активность, не связанную с определенной территорией, путем создания субнациональных, региональных и вненациональных экономических зон, механизмов управления и культурных комплексов, что также может усиливать «локализацию» и «нацио-

33

нализацию» обществ. Соответственно, глобализация включает в себя элементы разрушения и

перераспределения территориальных границ политической и экономической власти. В этом отношении ее лучше всего описывать как процесс *внетерриториальный*.

5 Глобализация связана с возрастанием масштабов властного вмешательства, т. е. она увеличивает пространственную протяженность властных органов и структур. Действительно, власть — один из основных атрибутов глобализации. В глобальной системе, элементы которой становятся все более зависимыми друг от друга, осуществление властных полномочий путем принятия решений, совершение тех или иных действий или бездействие исполнительных органов власти на одном континенте могут иметь существенные последствия для народов, сообществ и домохозяйств на других континентах. Властные отношения глубоко укоренены в самом процессе глобализации. Фактически увеличение протяженности властных отношений означает, что властные центры и само осуществление власти все более и более отдаляются от субъектов и областей, испытывающих на себе их последствия. В этом отношении глобализация означает структуризацию и реструктуризацию властных отношений, действующих на расстоянии. Модели глобальной стратификации играют роль посреднических звеньев, обеспечивающих доступ к центрам власти, несмотря на то что в этом отношении плоды глобализации распределяются не поровну. Политические и экономические элиты главных мировых метрополий гораздо сильнее интегрированы в глобальные структуры и имеют больше возможностей их контролировать, чем земледельцы Бурунди, озабоченные проблемой выживания.

Пункты, изложенные выше, помогают наиболее точно понять смысл глобализации. В частности, они заставляют обратить внимание на опасности замещения глобализации такими понятиями, как «взаимозависимость», «интеграция», «универсализм» и «конвергенция». Если понятие взаимозависимости предполагает симметричность властных отношений между социальными или политическими силами, то понятие глобализации включает в себя возможность иерархии и неравенства, т. е. процесс глобальной стратификации. Интеграция также имеет весьма специфический смысл, поскольку она относится к процессам экономической и политической унификации, которые предполагают чувство общности, единство исторической судьбы и единые институты власти. Как уже отмечалось, представление о глобализации как предтече единого мирового общества или сообщества имеет серьезные изъяны. Не менее ошибочным является и отождествление глобализации с «универсализмом», поскольку глобальное — это, конечно же, не синоним универсального; глобальная взаимосвязь ощущается всеми народами и сообществами не в равной степени и даже не одинаковым образом. В этом отношении глобализацию необходимо отличать и от конвергенции, так как она не предполагает увеличения однородности и гармонии. Напротив, как утверждают это Б. Балл и Б. Бизен, усиливающаяся взаимосвязь может быть как источником напряженного конфликта (скорее даже, чем сотрудничества), так и продуктом взаимных опасений и глубоко скрытой враждебности (Bull, 1977; Buzan, 1991)-

34

СТРУКТУРА КНИГИ

Том начинается с исследования политических аспектов глобализации (гл. 1). Есть несколько причин, чтобы начать именно с этого. Во-первых, государства и империи, которые вели завоевательную политику, активно создавали региональные и глобальные связи и поэтому являются важными элементами изменяющихся исторических форм глобализации. Во-вторых, разные типы государств создали различные способы оформления территориального пространства — от открытых до намертво закрытых границ — что значительно повлияло на формирование моделей региональных и глобальных отношений, структур и потоков. В-третьих, одна специфическая форма политического правления — национальное государство нового и новейшего времени — радикально изменила природу, форму и перспективы глобализации, поскольку именно возникновение и развитие современного национального государства превратило центральную власть национального государства в ключевой элемент всей системы правления, позволило этой власти добиваться верховного суверенитета и автономии и выработать различные типы ответственности и подчинения власти в пределах определенной ограниченной территории. На этом последнем обстоятельстве стоит немного задержаться. Современные национальные государства, как будет показано в 1-й и 2-й главе, отличаются от предыдущих форм политического господства, претензией на полную

симметрию и соответствие между суверенитетом, территорией, легитимностью и — в течение XIX—XX вв. — демократией. Понятие суверенитета предъявляет определенные требования к законному осуществлению политической власти в пределах ограниченной территории (см.: Skinner, 19/8> vol. 2; Held, 1995, ch. 2). Суверенитет означает строгое распределение властных политических полномочий в рамках сообщества, которое имеет право разрабатывать систему норм, правил и политических отношений на данной территории и управлять в соответствии с ними. Однако, размышляя о воздействии глобализации на современное национальное государство, необходимо различать требование суверенитета, т. е. права властвовать в пределах ограниченной территории, и государственную автономию, т. е. фактическую власть, которой обладает национальное государство, имеющее возможность самостоятельно формулировать свои политические цели и достигать их. Фактически государственная автономия означает способность представителей государственной власти, администраторов и исполнителей внятно выражать свои политические предпочтения и следовать им, несмотря даже на то, что иногда они могут вступать в конфликт с предписаниями метрополии и международными социальными силами и обстоятельствами (Nordlinger, 1981). Более того, в зависимости от степени демократичности современных национальных государств принято считать, что они являются носителями суверенитета и автономии, которые соответствуют системе либерального демократического правления, осуществляемого в границах определенной территории: «правлящие» — избранные представители — являются ответственными перед «управляемыми» — гражданами территориально ограниченного государства. Фактически существует «национальное сообщество с единой судьбой», благодаря чему члены данного сообщества осознают себя и признаются другими народом, живущим в пределах территориальных границ национального государства, а само сообщество становится субъектом местной и внутренней демократической политики.

35

По мнению многих участников дискуссий по поводу глобализации и ее последствий, масштабы современной экономической, социальной и политической активности, по-видимому, делают территориальную политику все более и более бессильной. В западных обществах такое впечатление складывается из-за беспокойства по поводу снижающейся эффективности действий правительства, усиливающегося раскола гражданского общества, нарастающей — несмотря на окончание холодной войны — угрозы личной безопасности. Реальные или воображаемые, но эти волнения отражают «страх перед тем, что мы — каждый в отдельности и все вместе — теряем контроль над силами, которые управляют нашей жизнью» (Sandel, 1996, p. 3). Так, гиперглобалисты и трансформисты доказывают, что глобализация связывает воедино — в чрезвычайно сложные и абстрактные системы — судьбы отдельных хозяйственных единиц, сообществ и народов в отдаленных регионах земного шара, так что «сообщества с единой судьбой» не могут быть идентифицированы с помощью только таких понятий, как «нация» и «территория». Это означает, что в условиях глобализации нельзя понять природу и возможности политического сообщества с помощью одних только национальных структур.

Конечно, необходимо признать, что суверенитет, особенно в юридическом смысле слова, может быть утрачен лишь в том случае, если его место занимает какая-то другая независимая и (или) «более законная» юридическая власть, которая сокращает правомочное основание для принятия решений в рамках национальной политики. Но для гиперглобалистов и трансформистов сама идея суверенного государства как независимой самоуправляемой единицы, которая сама определяет свое будущее, несовместима с глобализацией экономического производства и обмена, растущим значением международных режимов, сотрудничеством в области права и глобальными институтами, интернационализацией внутренней политики и «доместикацией» политики международной. Глобализация ставит вопрос о том, отменяет ли участие национальных государств в глобальных и региональных процессах «понятие суверенитета как неограниченной, неделимой и единственной формы публичной власти», так что «сам суверенитет должен рассматриваться сегодня как уже поделенный между рядом исполнительных институтов — национальных, региональных и международных — и ограниченный самой этой множественностью» (Held, 1991» P- 222). Тем не менее, возражают на это скептики, хотя глобализация и может каким-то образом

ограничивать действия правительств, но она ни в коем случае их не парализует и не обязательно ущемляет их суверенитет. Кроме того, глобализация оказывает разного рода воздействия; политические ее последствия в разных странах, равно как и в разных политических сферах, носят весьма различный характер. Влечет ли глобализация за собой общее уменьшение, расширение или преобразование суверенитета и автономии государств — это остается вопросом спорным. По этой причине мы будем неоднократно возвращаться к этой теме в последующих главах.

Дать общую картину глобализации и ее политических последствий — вот основная задача нижеследующих глав. Но список государств, которые станут предметом нашего рассмотрения, будет ограничен — прежде всего и в основном — государствами с развитыми капиталистическими отношениями. Есть два основания для того, чтобы сузить предмет нашего исследования таким образом.

36

Во-первых, если глобализация влияет на государственный суверенитет, то развитые капиталистические государства представляют собой лучший образец современной государственности, которая обеспечивает наиболее достоверную проверку ее политических видоизменений под влиянием глобализации. Во-вторых, при обсуждении глобализации гиперглобалисты, трансформисты и скептики делают диаметрально противоположные выводы относительно судьбы развитых капиталистических стран. Мы попытаемся проанализировать эти противоречащие друг другу утверждения и дать им оценку. Но наше исследование ведется на примере шести развитых капиталистических государств, а именно: США, Великобритании, Швеции, Франции, Германии и Японии. Такой набор государств был обусловлен наличием у них сходств и различий по ряду параметров, таких как место, занимаемое каждым из них в мировой иерархии государств, внутренняя политическая структура и культура, стратегическая и оборонная политика, степень участия в процессе глобализации, промышленно-экономическая структура, а также стратегия приспособления к глобализации и обусловленные ею мероприятия (см. Методологическое приложение). В соответствии с этим выбором в предпоследних и заключительных разделах всех последующих глав мы будем стремиться связать анализ формы и истории глобализации в той или иной сфере человеческой деятельности с судьбой шести вышеперечисленных государств. Для этого будут проведены специальные исследования с целью установить степень их участия в глобальных процессах, происходящих в той или иной сфере деятельности, и то значение, которое имеет это участие для их государственного суверенитета и автономии. Основная цель этого анализа состоит в том, чтобы выработать более систематическое понимание природы и различных политических последствий современной глобализации. Там, где это необходимо, мы будем обращаться для сравнения и к некоторым другим конкретным странам, особенно странам с развивающейся экономикой.

Тематические сюжеты книги соединятся в последней главе, в которой, как уже отмечалось, будет предложена общая картина современной глобализации и дана ее оценка. В этой же главе будет дана и оценка значения глобализации для суверенитета и автономии выбранных нами шести стран с развитыми капиталистическими отношениями. Кроме того, в ней мы направим дискуссию о глобализации в нормативное русло и исследуем некоторые из ее основных требований, которые она предъявляет к интеллектуальной, институциональной и политической сфере. Наши выводы направлены, в частности, против политического фатализма, которым окрашены многие дискуссии о современной глобализации, и мы предлагаем решение ряда проблем, которые помогут ввести разворачивающиеся перед нами процессы «глобальных преобразований» в демократическое и цивилизованное русло.

1 ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Цель этой главы — описание исторических форм политической глобализации, т. е. процесса распространения политического господства, полномочий и форм правления. В этой главе (без объяснения причин, которые будут предъявлены позднее) показано, что самые ранние стадии политический глобализации сопровождались медленным и в значительной степени случайным развитием территориальной политики. Появление современного национального

государства и объединение всех цивилизаций в рамках межгосударственной системы, тем не менее, оставило мир разделенным на свои и чужие сферы, организованные по-своему: «внутренний мир» территориально ограниченной национальной политики и «внешний мир» дипломатии, войн и проблем безопасности. Эти сферы, ни в коем случае не будучи непроницаемо изолированными, стали основанием, на котором современные национальные государства создали свои политические, правовые и социальные институты. С начала XX в. это деление стало более условным и постепенно размывалось региональными и глобальными потоками и процессами. Для современной эпохи характерно разрушение территориальной политики, правления и руководства, хотя наряду с этим становятся очевидными новые формы организации территории, например, такие как регионализм.

Глава состоит из шести разделов. В первом разделе исследуются меняющиеся формы политического правления и, в частности, возникновение современного национального государства. Во втором разделе рассматривается усиление транснациональных и межправительственных политических процессов и проблем. В третьем разделе наше внимание сосредоточено на развитии международных механизмов, институтов и правил принятия политических решений, которые порождают новые формы глобального и регионального правления. Основные исторические формы современной политической глобализации в обобщенном виде представлены в четвертом разделе. В пятом разделе сделан обзор разнообразных способов вовлечения каждой из шести выбранных нами стран в глобальные процессы. В шестом, заключительном, разделе исследуется влияние меняющихся форм политической глобализации на характер государственного суверенитета, автономии и ответственности.

1.1 ОТ ИМПЕРИЙ ДО СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Общепризнанные политические карты современного мира свидетельствуют о весьма своеобразной концепции, лежащей в основе географического распределения политической власти, поскольку существуют четко обозначенные территории, на которых располагаются отдельные государства, обладающие границами, признанными международным сообществом. Только приполярные области, находятся, по-видимому, за пределами этого лоскутного одеяла, хотя некоторые карты фиксируют претензии некоторых государств и на эти области. На рубеже I тыс. н. э. подобная картография показалась бы странной и непостижимой. Люди

38

того времени с их ограниченными познаниями в области картографии, которыми располагали даже самые космополитические цивилизации, были бы ошеломлены обилием подробностей сегодняшней карты мира. Существование других континентов — Америки и Австралии, — изолированных от Евразии и Африки, удивило бы жителей каждого из этих материков. Имей они хоть малое представление о легкости и скорости путешествий и степени взаимосвязей и обмена между регионами в современном мире, они бы пришли в настоящее изумление.

В начале II тыс. н. э. мировые цивилизации развивались в относительной изоляции. Наиболее глубоко укоренившиеся древние цивилизации, особенно китайская, японская и исламская, были совершенно «оторванными мирами» (Fernandez-Armesto, 1995. ch. 1). Несмотря на то, что они были, конечно же, высокоразвитыми и по многим показателям сложными в культурном отношении мирами, у них был сравнительно слабый контакт друг с другом, хотя нельзя сказать, что между ними не было никаких прямых контактов (Mann, 1986; Watson, 1992; Fernandez-Armesto, 1995; Ferro, 1997). Например, торговля между странами разных культур и цивилизаций превращала экономические достижения той или иной из них в общее достояние, способствуя в то же время распространению идей и технологического опыта.

Широко распростертые торговые связи нередко соединяли древние цивилизации в большие причинно-следственные петли (см. далее гл. 3 и 4; Abu-Lughod, 1989). Один из наиболее замечательных тому примеров — развитие китайских океанских флотилий, которые уже в XIII в. могли преодолевать огромные морские просторы, благодаря чему стала возможной торговля предметами роскоши, такими как шелк, серебро и домашние туфли, с Индией, Западной Азией и Восточной Африкой (Kennedy, 1988, p. 7; см. также ниже, гл. 3). Но, несмотря на эти случаи взаимообмена, древние цивилизации развивались, главным образом, под воздействием внутренних сил и причин; они оставались изолированными и в значительной степени автономными цивилизациями, оформленными в виде империй, власть которых

распространялась на население, разбросанное по обширным территориям (Fernandez-Armesto, 1995> гл. 1).

1.1.1 РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ: ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ОХВАТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ *Ранние имперские системы*

Имперские системы или империи, отличавшиеся своими размерами и величием, доминировали в истории государственного образования на протяжении столетий. Некоторые из них, особенно китайская, сохраняли одни и те же институциональные формы на протяжении длительных периодов. Чтобы обеспечить свою сохранность, они должны были накапливать и сосредотачивать средства принуждения — прежде всего, вооруженные силы, находящиеся в состоянии боеготовности. Когда эти средства приходили в упадок, имперские системы распадались. Все «традиционные» империи развились в результате расширения зоны власти, ограниченной сначала довольно узкими пределами государственных границ. Более того, наращивание военной мощи было главным условием для установления и удержания территориальных рубежей, хотя последние, как правило,

39

постоянно изменялись и переносились согласно договорам или в результате восстаний и вторжений (Giddens, 1985. Р- 80—81).

Хотя по территориям империй нередко проходили тянувшиеся на далекие расстояния торговые пути, их экономические потребности в значительной степени удовлетворялись за счет сбора дани, часть которой шла на то, чтобы откупиться от соседей, угрожающих нападением, если военной мощи не хватало для его отражения. Податная система обеспечивала существование императора, его административного аппарата и армии. Но сколь бы ни велика была мощь империй по сравнению с другими государственными устройствами, они могли поддерживать лишь весьма ограниченную административную власть. Империи охватывали области, населенные множеством племен и народов, которые сильно отличались друг от друга своими культурами. Над империями *властвовали*, но ими не *управляли*, т. е. императоры господствовали над ограниченным социальным и географическим пространством, но испытывали недостаток административных средств — институтов, организаций, информации, персонала и т. д., — чтобы создать эффективно действующую администрацию на всех территориях, которые они считали своей собственностью. Даже при наличии сильной политической власти пространственная сфера ее досягаемости нередко оказывалась весьма ограниченной. Тем не менее посредством заключения династических браков, культурной или религиозной ассимиляции, происходившей между приближенными императора и местной элитой, связи расширялись и увеличивали сферу досягаемости имперской власти (см. гл. ~f). Имперская администрация сама занималась интригами и устраивала конфликты между господствующими слоями или классами местных городских центров; другим главным механизмом объединения и интеграции народов и территорий была военная сила. И, хотя эта сила часто оказывалась эффективной, ее значение не следует преувеличивать. Так, численность, мобильность и боеготовность воинских подразделений зависели от наличия воды и местных урожаев, которые можно было бы грабить. Армии зависели от сельской местности и не могли передвигаться быстрее, нежели чем за день могут пройти люди, нагруженные пищевыми запасами.

Нанесение границ таких государств на современную географическую карту сталкивается со значительными трудностями. Во-первых, зоны досягаемости военной мощи и политической власти не совпадали друг с другом. Большинство империй могли перебрасывать вооруженные силы и распространять свою военную угрозу на более далекие расстояния, чем те, в пределах которых они могли установить свою политическую власть и наладить административный контроль. Да и сами зоны действия политической власти и зоны контроля территориально не совпадали друг с другом. Политический контроль зависел от транспортных путей; как правило, он был лучше налажен вблизи основных дорог и рек, а чем дальше от них, тем он был слабее. Кроме того, он изменялся с появлением альтернативных центров власти в пределах одной и той же территории и зависел от частично совпадавших друг другом требований, которые предъявляли к законной власти теократические институты и местные аристократии. К тому же по мере того как военная и политическая сила государства на периферии его владений становилась слабее, она могла частично переплетаться с местными

системами политического правления или периферийными системами других империй. В этих
40

приграничных областях, несмотря на незыблемость установленных границ, местные политические традиции и традиции сопредельных империй начинали постепенно приходить к общему знаменателю и со временем менялись.

В следующем разделе мы опишем некоторые из ключевых процессов, в результате которых эти изолированные и многообразные миры постепенно изменялись и были, в конце концов, поглощены меняющимися европейскими политическими и экономическими структурами — теми самыми, которые породили весьма своеобразную концепцию политического правления и политического сообщества, позднее полностью подчинившую себе всю политическую мысль.

Системы разделения власти в средневековой Европе

Основные государственные образования, возникшие на европейской территории тысячу лет назад — такие как, скажем, королевство Франция, Германская империя, княжество Польское, — способствовали, по видимости, преодолению территориальной раздробленности и разрозненности политического ландшафта. Те, кто становились господами на этих территориях, добивались этого, прежде всего, как победители в войне и завоеватели, захватившие право собирать дань и взимать налоги; они были далеки от мысли стать главами государств, управляющими точно обозначенными территориями и народами (ТШу, 1990, р. 38—39). Если вообще можно говорить о политическом строе Европы того времени, то следует отметить, что для него были характерны родственные узы и взаимные обязательства, а также территории, раздробленные на множество небольших автономных единиц (Poggi, 1978, р. 27). Политическая власть, как правило, носила локальный и персональный характер, образуя мир «взаимных претензий и взаимодействующих сил» (P. Anderson, 1974[^], р. 149). Некоторые из этих претензий и сил конфликтовали между собой. Принцип территориального политического правления еще не превалировал над другими принципами политического порядка, и, соответственно, ни правитель, ни государство не были суверенны, т. е. не являлись верховной властью на данной территории и по отношению к данному населению (Bull, 1977» Р- ²54)- Несмотря на это обстоятельство, войны и напряженные отношения были довольно частыми явлениями.

В экономической жизни средневековой Европы преобладало сельское хозяйство, и любой излишек, появлявшийся в хозяйстве, становился яблоком раздора. Успех в деле *изъятия* этих излишков и создавал основу для захвата и удержания политической власти. Зоны действия власти, расширяясь, превращались в королевства, княжества, герцогства и прочие государственные структуры. Эта властная структура впоследствии усложнилась, когда возникли альтернативные им политические структуры в мелких и крупных городах. Города и федерации городов зависели от торговли и ремесленного производства и нередко имели свои собственные средства и автономные системы управления, закрепленные за ними законодательным путем. Самыми известными были итальянские города-государства, однако по всей Европе было разбросано множество городских центров, заявлявших свои претензии на политическую самостоятельность. Тем не менее нигде — во всей структуре феодальных отношений, характерных для сельской местности, — они не были единственной и основной формой правления и политического контроля. Ибо средневековую Европу точнее было бы называть

«латинским христианством», а единство этому христианскому миру придавали папство и Священная Римская империя. К последней относились как к «организации международного христианского сообщества» (Bull, 1977, Р- ²⁷). Ибо прежде всего это сообщество было христианским, оно обращалось к Богу для получения полномочий при решении споров и конфликтов, его основной политической отправной точкой была религиозная доктрина, и исходило оно из предположения об универсальной природе человеческой общности.

1.1.2 РАННИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА: АБСОЛЮТИЗМ И ЗАРОЖДЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Процессы, которые способствовали разрушению средневековых представлений о политике, были сложны и многочисленны. Среди них — борьба между монархами, принцами и баронами за расширение своей сферы власти, крестьянские восстания против тяжести налогов и феодальных повинностей, распространение торговли, коммерции и рыночных отношений,

расцвет культуры Ренессанса, снова пробудившей интерес к политическим идеям античности, появление новых технологий, особенно в военной сфере, консолидация национальных монархий, религиозная борьба и вызов универсальным притязаниям католицизма, а также борьба между церковью и государством. В разделах, которые следуют ниже, мы подробно остановимся на некоторых из этих изменений, но сначала следует выяснить, какой тип государства возник в этот период.

В Европе XV—XVIII вв. можно различить две преобладающие формы политического режима: «абсолютистские» монархии, сложившиеся во Франции, Пруссии, Испании, Австрии, России и Швеции и некоторых других странах, и «конституционные» монархии и республики, возникшие в Англии и Голландии (Mann, 1986, р. 4/6). Между этими политическими режимами есть существенные различия, хотя с точки зрения истории государственных или общественных отношений некоторые из этих различий в значительной мере носят чисто внешний характер, не затрагивая существа дела. Мы остановимся здесь именно на абсолютизме, который сыграл главную роль в формировании современной политики и межгосударственной системы.

Процесс становления абсолютистского государства состоит из нескольких элементов, таких как поглощение меньших и более слабых политических единиц более крупными и более сильными политическими структурами, способность управлять объединенным территориальным пространством, единая система права и порядка, признаваемая на всей территории; наличие единого, суверенного главы государства, в руках которого находится почти вся централизованная и прочная власть, сравнительно небольшого числа государств, участвующих в «борьбе за власть, которая сопряжена с риском и исход которой не предreshen» (Poggi, 1978, р. 60—61). Хотя фактическая власть абсолютистских правителей часто и бывала преувеличенной, но происшедшие изменения означали существенное усиление публичной власти на верхах⁵. Конечно, абсолютный монарх претендовал на то, чтобы быть высшим авторитетом во всех вопросах человеческого права, хотя

5. Можно провести интересные различия между абсолютизмом на Западе и на Востоке (см.: P. Anderson, 1974b).

42

нужно отметить, что это чрезмерное притязание обосновывалось Божественным правом и благодаря этому становилось легитимным.

Непосредственными источниками современного политического мира — т. е. самой структуры современного национального государства — был европейский абсолютизм и система отношений между государствами, которую он установил. Ибо, сосредотачивая политическую и военную мощь в своих собственных руках и пытаясь создать централизованную систему управления, абсолютизм подготавливал условия для появления светской и национальной формы правления. Концентрация власти дала начало ряду процессов, имевших большое значение для истории политических сообществ, в том числе таких, как все более частое совпадение территориальных границ с границами единой системы правления, концентрация и расширение зоны действия фискальной службы, централизация административной власти, постепенная монополизация государством военной силы, создание регулярных армий, выработка новых механизмов принятия и осуществления законов, формализация отношений между государствами путем развития дипломатии и создания дипломатических институтов (P. Anderson, 19740, р. 15—41; Giddens, 1985, ch. 4; Mann, 1986, chs. 12—15). Абсолютизм дал толчок процессу становления государства, который начался с уменьшения социальных, экономических и культурных различий *внутри* государств и увеличения различий *между* ними, т. е. способствовал появлению политических сообществ, члены которых обладали четко выраженным и усиливающимся чувством тождества — национальной идентичности (Tilly, 1975. P- 19).

Природа и форма межгосударственной системы выкристаллизовалась на пересечении «международных» условий и «национальных» процессов (эти термины взяты в кавычки, поскольку до начала эпохи строго зафиксированных границ, т. е. периода национальных государств, они не имели того значения, которое мы вкладываем в них сегодня). Подобного рода пересечение в значительной степени предопределило форму государства — его размер, внешние границы, этнический состав, организационную структуру, материальную базу и т. д. (см.: Hintze, 1975> chs. 4—6,11). В основе этого процесса лежала способность государств

защищать и усиливать свои властные полномочия и, таким образом, решать свои внутренние и внешние проблемы, что, в свою очередь, зависело от их способности создавать средства принуждения (армию, военно-морской флот и другие военные формирования) и применять их в случае необходимости (см. следующую главу). Именно те государства, которые обладали большими ресурсами населения и умели управлять им, имели более или менее стабильную коммерческую экономику и поощряли технологические инновации, стали господствующими политическими силами, диктующими другим правила политической игры и расширяющими, насколько это возможно, круг своей политической юрисдикции (Tilly, 1975).

1.1.3 ЕВРОПЕЙСКОЕ «СООБЩЕСТВО ГОСУДАРСТВ»

К концу XVII в. Европа из простой мозаики государств превратилась в развивающееся «сообщество государств», в основе которого лежали принципы суверенности и территориальности. Совокупная мощь каждого отдельного государства была в то же самое время частью общей межгосударственной системы (Giddens, 1985. Р- 91)- Ибо стремление каждого быть полностью независимым сопровожда-

43

лось признанием того, что и другие государства имеют равное право на автономию и признание в пределах своих собственных границ. Право на государственный суверенитет лежало в основе процесса взаимного признания, в ходе которого государства взаимно признавали друг за другом право осуществлять юрисдикцию над принадлежащими им территориями и подчиненными им обществами. Суверенитет давал право осуществлять властные полномочия на ограниченной территории, а насколько эффективно они осуществлялись, т. е. обладало ли государство достаточной автономией, чтобы четко формулировать и достигать свои цели в отношении к другим ключевым факторам и социальным силам, — это уже другой вопрос (Krasner, 1995). Но в сфере межгосударственных отношений принцип равного права всех государств на самоопределение стал главной формальной нормой поведения государств в их отношениях друг с другом. Конечно, весьма спорными были формальные отношения между наиболее могущественными государствами — привилегии и право на суверенитет ни в коем случае не предоставлялись всем тем народам и сообществам, с которыми эти государства вступали в контакт (см. ниже).

Возникновение европейского сообщества государств сопровождалось появлением новой концепции международного права, которая известна под названием «Вестфальской модели» (названной так по Вестфальскому миру, подписанию которого в 1648 г. закончилась Тридцатилетняя война) (Falk, 1969; Cassese, 1986). Эта модель международного права и международных отношений действовала в течение периода с 1648 по 1945¹⁷ (хотя некоторые настаивают, что она еще и сегодня остается в силе). Хотя можно подвергнуть сомнению, что все элементы данной модели (как увидим в дальнейшем) на самом деле присутствовали в тех соглашениях, которые были подписаны в Вестфалии, здесь нет необходимости входить в подробности этой дискуссии (см.: Krasner, 1995; Keohane, 1995)- Ибо к этой модели следует относиться как к *нормативной траектории* международного права, которая была полностью описана лишь к концу XVIII — началу XIX в., когда территориальная независимость, формальное равенство государств, невмешательство во внутренние дела других признанных государств и государственное согласие как основа международных правовых обязательств стали основополагающими принципами международного сообщества (см.: Crawford and Marks, 1998).

Модель описывает структуру мирового порядка, состоящего из территориальных, суверенных государств, над которыми нет никакой высшей власти: государства самостоятельно улаживают возникающие в них конфликты, в том числе и силой, если это необходимо; они участвуют в системе дипломатических отношений, в противном случае сотрудничество с ними сводится к минимуму; они стремятся поставить свой собственный (национальный) интерес выше всех других; они признают справедливость принципа эффективности, т. е. принципа, который, в конечном счете, только и признается в сфере международных отношений: приобретенное становится законным. Вестфальская модель может быть сведена к следующим пунктам (см.: Falk, 1969; Cassese, 1986, p. 396—399; Held, 1995, p. 78):

1 Мир состоит из суверенных территориальных государств, которые не признают никакой вышестоящей власти.

2 Законодательные процессы, урегулирование внутренних конфликтов и кон-

44

троль за соблюдением законов по большей части находятся в ведении отдельных государств.

3 Международное право ориентируется на установление минимальных правил сосуществования; создание длительных и прочных отношений между государствами и народами является одной из его целей, но только в той степени, в какой это позволяет государству достигать свои цели.

4 Ответственность за неправомерные действия за пределами государственных границ есть «частное дело» тех, кого это касается.

5 Все государства признаются равными перед законом: правовые нормы не принимают в расчет неравенство сил.

6 Противоречия, возникающие между государствами, нередко решаются силой; в этом отношении по-прежнему действует принцип «победителя не судят». Фактически нет никаких законодательных препон, способных обуздать применение силы; международные юридические нормы обеспечивают лишь минимальную защиту.

7 Минимизация препятствий на пути к государственной свободе пользуется «коллективным приоритетом».

Это новое устройство государств, обеспечив возможность расширения государственной системы, вместе с тем закрепило право каждого государства действовать самостоятельно и независимо. Государства понимались как «отдельные и изолированные политические устройства», над которыми нет никакой общественной власти, уполномоченной направлять или ограничивать их деятельность (Beitz, 1979> P- 25). Согласно этой концепции, мир состоит из отдельных политических единиц, преследующих собственные интересы, поддерживаемые дипломатическими инициативами и, в конечном счете, их вооруженными силами.

Поддержание и регулирование межгосударственных отношений посредством дипломатии восходит к итальянским городам-государствам XV в., хотя истоки дипломатии обнаруживаются гораздо раньше (Bull, 1977; Derian, 1987; Watson, 1992). Однако лишь после заключения Вестфальского мира по всей Европе начал постепенно налаживаться обмен послами как официально аккредитованными представителями государств, стали возникать постоянные дипломатические представительства и были приняты законы о дипломатическом иммунитете. В частности, были приняты две правовые нормы, защищающие национальный суверенитет в международных делах: «иммунитет от юрисдикции» и «иммунитет официальных представителей государства». Первая из них означала, что «ни одно государство не может преследоваться в судах другого государства за действия, совершенные в пределах его собственной компетенции», а вторая предусматривала, что «если человек нарушил закон другого государства и предстал перед судом этого государства, будучи официальным представителем своей страны, то он не признается „виновным“, поскольку действовал не как частное лицо, а как уполномоченный своего государства» (Cassese, 1988, p. 150—151).

Скрытой целью этих установлений было стремление защитить автономию правительства во всех вопросах внешней политики и предотвратить вмешательство судебных органов той или иной страны во внутренние дела иностранных государств (при этом осознавалось, что внутренние судебные органы стран лишены такой возможности). Результат, как всегда, был таков, что правительствам и их дипломатам предо-

45

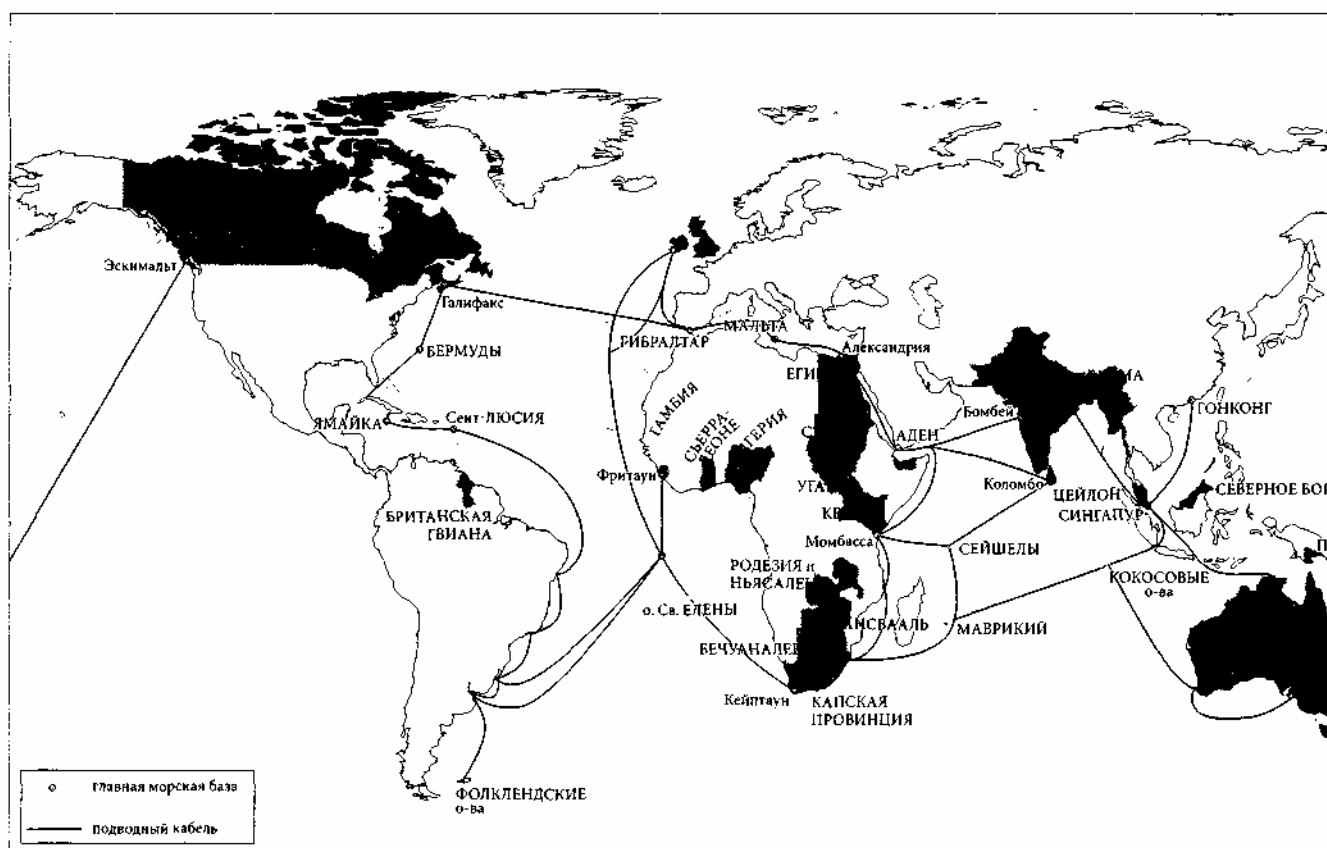
ставлялась свобода преследовать собственные интересы, подчиняясь только тем условиям, которые выдвигало перед ними «искусство возможного». В этом отношении государства могли взаимодействовать друг с другом на основе предсказуемой, в принципе, системы отношений. Посольства оставались неприкосновенными, и акты, ущемляющие чужие права, расценивались как грубое нарушение суверенитета и грозили серьезными дипломатическими осложнениями. Соответственно, государства могли пользоваться относительно безопасными нишами на территориях друг друга, предназначенными для представительства и соблюдения их интересов. В результате дипломатическое значение всех государств в межгосударственной системе (измеряемое количеством дипломатических миссий, направленных за границу и принятых на своей территории) неуклонно возрастало (см.: Small and Singer, 1973; Nierop, 1994).

Конечно, принципы и правила Вестфальского политического порядка не были просто сведены к какой-то одной концепции международных отношений (см. ниже, гл. 2; Hall, 1996). Да и консолидация системы национальных государств не была единообразным процессом, который в

бедных потоков, в рамках которой почти весь финансовый капитал и товары со всего мира проходили через британские руки и институты, перевозились с континента на континент на британских судах и оценивались в фунтах стерлингов» (Hobsbawm 1969, p. 14 ср.: p. 314). Британская морская и военная мощь укрепила позицию Лондона как центра мировой торговли и финансов (см. гл. 3 и 4). Однако до настоящего времени ни одна держава не обладала единоличной гегемонией; по крайней мере, два мощных государства всегда боролись за влияние в самой Европе, а их интересы постоянно сталкивались на колониальных территориях. К тому же расширение мировой торговли вовлекло в эту борьбу не только представителей государства (ТШУ, 1990, p. 189). Колонии стали «драгоценными камнями в короне» новых империй (см.: Furnivall, 1948; Spear, 1960; Fieldhouse, 1966; Pakenham, 1992; Ferro, 1997). Каждая империя стремилась обеспечить себе монопольное управление торговым и ресурсным потоком для собственного обогащения, облагая налогами торговые монополии и заключая специальные коммерческие соглашения. Другим движущим фактором в этих процессах являлось, конечно, повышение национального престижа.

Экспансия Европы по всему земному шару, как заметил один обозреватель, «усилила требования к организациям, способным к действиям подобного масштаба. Все основные институты современного общества — государство, корпоративное предпринимательство, наука — были сформированы благодаря этой экспансии и извлекли из нее огромную пользу» (Modelski, 1972. P- 37). В частности, имперская экспансия стала главным источником роста государственной активности и власти. В то время как оснащение, планирование и финансирование заморских путешествий, равно как и налаживание административного управления на новых территориях истощали национальные ресурсы, правительства пожинали кое-какие плоды «открытия» и эксплуатации неевропейских стран. Исполнительная власть и государственная бюрократия набирались опыта и вместе с тем обогащались в имущественном отношении, что поднимало их авторитет в глазах местной общественности и местного населения. Преимущество оказывалось на стороне тех государств, где наряду с военной и судостроительной отраслями промышленности была надежная административная инфраструктура, состоятельное население и широкая база налогообложения. В XVII—XVIII вв. этим преимуществом обладали государства с абсолютистским и конституционным строем; в XIX в. оно перешло на сторону возникших национальных государств.

Хотя ранний современный колониализм опоясал многие части мира, а экспансия европейско-атлантических морских империй установила прочные связи между регионами, исторический водораздел в усиливающейся взаимосвязи политических сообществ наступил, вероятно, во второй половине XIX в. Толчком к формированию глобальных процессов как в смысле протяженности, так и интенсивности послужила стремительная экспансия европейских держав, начавшаяся тогда же с борьбы разных региональных центров за возможность максимально расширить свою экспансию (Geyer and Bright, 1995; Ferro, 1997, p. 345—350). Несомненно, быстро развивающаяся Британская империя и другие колониальные европейские государства были самыми мощными движущими силами глобализации в конце XIX в. К концу этого столетия территория Британской империи была настолько велика, что включала в себя почти четверть всей мировой суши, на которой проживало более четверти населения земного шара (см. карту 1.1). Бри-

Карта 1.2 Британская империя 1900: колонии и инфраструктура (источник: Kennedy, 1988)

49

танская империя, если воспользоваться словами одного исследователя, «простерла свои длинные когти над миром» (Fernandez-Armesto, 1995, P- 264). Речь шла не просто об интенсификации европейской экспансии в пределах временного континуума, который охватывает и более ранние века, а о создании новой системы отношений господства и подчинения между главными регионами мира, обеспеченной новыми коммуникационными и транспортными инфраструктурами, которые облегчили работу новых механизмов политического контроля. Европейский колониализм нередко был движим духом «первопроходцев», усиливаемым и поддерживаемым заинтересованностью в эксплуатации местных условий и инфраструктур. В Африке, например, империалисты больше всего преуспевали тогда, когда следовали рекомендациям Британской парламентской комиссии: «Сохраняйте то местное правительство, которое уже существует; ограничьтесь контролем за их конфликтами и поддерживайте мир между ними» (цит. по: Fernandez-Armesto, 1995. P- 419; см.: Pakenham, 1992). Управление и контроль над обширными заморскими территориями были необычно дороги и совершенно непрактичны до тех пор, пока везде, где возможно, не было введено использование существующих политических структур и ресурсов. До конца XIX в., когда стали доступными и получили широкое распространение новаторские достижения в области связи и передвижения: новые поколения паровых двигателей, азбука Морзе, телеграф, кабельная связь и т. д. — связь с разбросанными по всему свету территориями поддерживалась с трудом, на них царил произвол никем не контролируемых колониальных администраторов и происходили такие события, о которых в имперских центрах знали очень мало или узнавали слишком поздно. Хотя изменения в коммуникационной и транспортной технологиях были далеко не достаточны для того, чтобы стать панацеей для политических элит и классов в Лондоне, Париже и Вашингтоне, они полагали, что без капиталовложений в них и развертывания их всюду, где только представлялось возможным, не смогут полностью соблюдать свои растущие интересы на заморских территориях и управлять персоналом (см., например: Pakenham, 1992, ch. 3). Но, возможно, самое важное, чем был отмечен этот период экспансии — это, как ни странно, начало перехода от имперских и территориальных форм контроля, которые были весьма проблематичными и уже изживавшими себя, к новым, отнюдь не территориальным формам власти

и господства. Постепенно, в течение последней трети XIX и в начале XX в., европейские империи изменили свои способы управления, дополнив непосредственное вмешательство или непосредственное администрирование новыми формами инфраструктурного взаимодействия и управления. М. Гейер и К. Брайт пишут об этом следующее: «После пространственной экспансии и захвата территорий... новая попытка, с учетом новых возможностей, синхронизировать глобальное время и скоординировать взаимодействия во всем мире... что стало возможным благодаря коммуникационным системам контроля... и к концу столетия мир начал опутываться глобальными цепями властных структур» (Geyer and Bright, 1995. P- 1047)- Европейские государства развивались в направлении от экстенсивного распространения их власти над другими территориями к формированию механизмов и организаций, которые могли бы обеспечить им контроль инфраструктурный. Со временем режимы личной власти и непосредственного контроля, с их случайностью и ненадежностью, уступили место новым транснациональным формам организации. Чаще все-

50

го это были более анонимные системы власти — управляемые и контролируемые новыми транснациональными организациями и/или многонациональными корпорациями, — которые постепенно начали жить своей жизнью независимо от национальных государств, которые способствовали их появлению. Вместо территориальных империй, охватывающих множество регионов и стремящихся подчинить их единой политической системе, начал складываться новый политический порядок, опирающийся на многочисленные правительственные организации, межнациональные традиции и структуры обмена — в промышленности и банковском деле, в сфере информации и связи, в области туризма и культурного обмена. Влияние западной коммерции, торговли и политической организации должно было пройти период непосредственного правления и вызвать к жизни новые модели нетерриториальной глобализации — глобализации без территории (см.: Pieterse, 1997). Насущные национальные экономические интересы часто побуждали европейские страны сохранять свое главенствующее положение на бывших колониальных территориях, заменяя «явную власть» «невидимым правлением» банков, компаний и международных организаций (Ferro, 1997, P- 349—350; см. ниже, гл. 3—5)- Конечно, во многих случаях этот процесс мог окончательно завершиться лишь после Второй мировой войны и формального признания независимости бывших колоний.

Тем не менее, со времени основания Международного телеграфного союза в 1865 г., стало появляться множество межправительственных учреждений, ответственных за регулирование и упорядочивание различных областей деятельности. Речь шла не о создании единой власти для управления мировыми делами, а, скорее, об установлении регулирующих режимов с целью оказывать предсказуемое, в принципе, и организованное влияние на транснациональные процессы. К 1914 г., как показывает таблица i.i, существенные аспекты глобальных отношений уже стали предметом международной регуляции со стороны мировых организаций, которые тем самым создавали новую инфраструктуру для транснационального управления и контроля за экономическими, социальными и культурными процессами. В течение всего этого периода, когда формировалась система международного правления, регулирующая деятельность постепенно распространялась за пределы европейских стран, все больше приобретая характер глобальной юрисдикции. Распространение этих различных форм публичной и частной интернациональной регуляции имело серьезные последствия: «Телеграммы, письма и посылки наводнили международные сети... Тоннаж товаров — особенно промышленных изделий, — отправляемых по железным дорогам и транспортным коммуникациям Европы, все время увеличивался. Национальные суды защищали иностранных владельцев авторских прав, патентов и торговых марок. Производители все чаще пользовались такими же нормами. Отвечали они и интересам наиболее квалифицированных рабочих Европы. Торговля рабами пришла в упадок. Меньшее эпидемий стало заноситься из-за границы» (Murphy, 1994, P.106).

Создавая структуру международного порядка, способствующего устойчивости и распространению промышленного капитализма, новые международные учреждения заложили основы более всесторонней, хотя все еще фрагментарной, системы глобальной регуляции XX в.

Таблица 1.1 Всемирные организации в 1914 (по основным сферам деятельности и датам основания)
СВЯЗЬ И КОММУНИКАЦИИ

Инфраструктура

1865	Международный телеграфный союз
1875	Всемирный почтовый союз
1884	Международная ассоциация железнодорожных путей сообщения
1890	Центральный офис международного железнодорожного транспорта
1894	Постоянная международная ассоциация мореходных союзов
1905	Дипломатическая конференция по международному морскому праву
1906	Всемирный радиотелеграфный союз
1909	Постоянная международная ассоциация дорожных союзов

Промышленные стандарты и интеллектуальная собственность 1875 Международная палата мер и весов

1883	Международный союз по защите индустриальной собственности
1886	Международный союз по защите литературных и художественных произведений
1912	Международный комитет аналитической химии питания людей и животных

Торговля

1890	Международный союз по публикации таможенных тарифов
1893	Гагская конференция по международному праву частной собственности
1913	Международный комитет по коммерческой статистике

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Труд

1901	Международное ведомство труда
------	-------------------------------

Сельское хозяйство

1879	Международная комиссия по тополям
1901	Международный совет по изучению океана
1902	Международный сахарный союз
1905	Международный институт сельского хозяйства

УСИЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Общественный порядок и администрирование

1875	Международная пенитенциарная комиссия
1910	Международный институт административных наук

Регулирование межгосударственных конфликтов 1899 Постоянный арбитражный суд

1907	Международный дворец правосудия
------	---------------------------------

52

Таблица 1.1. продолжение

УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Права человека

1890	Международный комитет по борьбе с работорговлей
------	---

Социальное обеспечение

1907	Информационно-исследовательское бюро по оказанию помощи иностранцам
------	---

Здоровье

1900	Ревизионная комиссия по установлению причин смерти
1907	Международная служба общественной гигиены
1912	Международная ассоциация общественных бань и чистоты

Образование и научные исследования

1864	Международная геодезическая ассоциация
1903	Международная ассоциация сейсмологов
1908	Международная комиссия по преподаванию математики
1909	Центральное бюро международной картографии

Источник: Murphy, 1994> P- 47—48

1.1.5 СОВРЕМЕННОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Центральное место в этом новом международном порядке занимает современное национальное государство. Современное государство, будучи государством национальным, представляет собой политический механизм, отличающийся как от управляющих, так и от управляемых, обладающий высшей юрисдикцией на всей отведенной ему территории, претендующий на монополию принудительной власти и признаваемый легитимным в результате минимальной поддержки или хотя бы лояльности со стороны своих граждан. Как и все другие дефиниции, используемые при анализе политической реальности, эта тоже является противоречивой (см.: Held, 1995> ch. 3)- Но для наших целей здесь она особенно полезна, поскольку подчеркивает ряд действительно новых

особенностей как самого современного государства, так и международного сообщества государств. К числу этих особенностей, каждая из которых нуждается в кратком пояснении, следует отнести территориальность, монопольный контроль над средствами насилия, безликую структуру власти и четко выраженное требование легитимности.

Во-первых, следует отметить, что, хотя все государства заявляли о своем праве на обладание определенной территорией, только при современной системе национального государства были постепенно установлены точные границы. Процесс деколонизации, начавшийся после войны, сыграл в этом отношении особую роль. Во-вторых, претензия на монопольное владение силовыми структурами и средствами принуждения (воплощенными в регулярной армии и полиции) могла быть удовлетворена только после «умиротворения» народа и ликвидации альтернативных силовых и властных центров в пределах национального государства. Это условие современного государства не соблюдалось в полной мере в Европе вплоть до XIX в., оставаясь во многих странах самым хрупким элементом го-

53

сударственной системы. В-третьих, идея безликого и суверенного политического порядка, т. е. структуры власти, ограниченной рамками закона и обладающей высшей юрисдикцией на данной территории, не могла стать превалирующей, пока политические права и обязанности рассматривались как нечто тесно связанное с религией и претензиями традиционно привилегированных слоев общества, таких как монархи и дворянство. Этот вопрос оставался спорным в Европе в XVIII и XIX вв. и до сих пор еще остается спорным в тех странах, где о «верховенстве закона» можно говорить лишь условно. В-четвертых, когда апелляция к «божественному» или «светскому» праву перестала восприниматься и оказывать воздействие, именно лояльность граждан стала тем, чем должно было заручиться современное государство, непременно претендующее на легитимность, поскольку оно отражает и/или представляет потребности, желания и интересы своих граждан.

Со Второй мировой войны современное национальное государство стало основным типом политического правления на всем земном шаре. С распадом колониальной системы и крахом советской империи число национальных государств стремительно возросло (см. диаграмму 1.1 на с. 63). Кроме того, современное национальное государство приобрело специфическую политическую форму, основным вариантом которой является *либеральная* или *представительная демократия*. Либеральная демократия означает, в первую очередь, что решения, оказывающие воздействие на сообщество, принимаются группой представителей, которые были избраны путем голосования, т. е. являются лицами, легитимно уполномоченными управлять страной, руководствуясь нормами права. В сфере внутренней политики либеральная демократия характеризуется тем, что имеется набор правил и установлений, каждое из которых необходимо для ее успешного функционирования и без которых она не может быть реализована в полной мере. Эти правила и установления таковы: 1) гарантированный конституцией контроль за деятельностью правительства, осуществляемый избранными представителями; 2) учрежденные механизмы мирного замещения избранных представителей путем регулярно проводимых, равных и свободных выборов; 3) право голоса для всего взрослого населения, участвующего в таких выборах (кроме законно лишенных права голоса, что может быть обусловлено серьезным психическим расстройством или приговором суда за совершенное уголовное преступление); 4) право выдвигать свою кандидатуру или быть выдвинутым на общественную должность. Кроме того, либеральная демократия предполагает: 5) реальное право каждого гражданина на свободу слова, включая критику действий правительства и социально-экономической системы, которую оно представляет; 6) доступность источников информации, неподконтрольных правительству или любой другой единственной организации или группе; и, наконец, 7) обладание правом формировать и присоединяться к независимым объединениям, будь то политические, социальные или культурные, которые могли бы оказывать влияние на общественную жизнь законными и мирными способами (Dahl, 1989, p. 221,223).

Число стран, руководствующихся этими правилами и установлениями, значительно увеличилось в XIX и XX вв., в результате чего либеральная демократия стала преобладающим типом современного национального государства (см.: Ware, 1992; Held, 1993; Potter et al., 1997).

Можно выделить три «волны» демократизации (с некоторыми заметными по-

54

Врезка i.i Волны демократизации по Сэмюэлю Хантингтону (Huntington, 1991)

Первая продолжительная волна, 1828 — 1926 Примеры: США, Британия, Франция, Италия, Аргентина, британские доминионы

Первая попятная волна, 1922 — 1942 Примеры: Италия, Германия, Аргентина

Вторая короткая волна, 1943 — 1962 Примеры: Западная Германия, Италия, Япония, Индия, Израиль

Вторая попятная волна, 1958 — 1975 Примеры: Бразилия, Аргентина, Чили

Третья волна, 1974 — Примеры: Португалия, Испания, многие страны Латинской Америки, Азии, Африки, Восточной Европы

Источник: Potter et al., 199/, P- 9

пятными движениями), которыми отмечена консолидация и распространение либеральной демократии в течение определенного отрезка времени; первая — с начала XIX в. до середины 20-х гг. XX в.; вторая — со Второй мировой войны до начала 60-х гг.; и третья — с 1974 и далее (см. врезку i.i; Huntington, 1991)-

Самая последняя волна привела к тому, что либеральная демократия заняла доминирующее положение во многих мировых регионах. В 1974 г. по крайней мере 68% всех стран с полным основанием можно было назвать авторитарными; к концу 1995^г - почти 75% всех стран приняли за норму процедуру альтернативных выборов и предоставили своим гражданам некоторые формальные гарантии политических и гражданских прав. При нынешнем стечении обстоятельств число либеральных демократических государств, по-видимому, еще больше возрастет. «Третья волна» началась в Южной Европе и перекинулась в Латинскую Америку, в некоторые части Азии и африканские страны, расположенные южнее Сахары, в Восточную Европу и — в конце 80-х — начале 90-х гг. — в бывший Советский Союз. Таблица 1,2 дает представление о распределении этих изменений по мировым регионам и по отношению к трем типам режима: авторитаризму (который характеризуется всемоуствием государства, отсутствием альтернативных выборов и серьезными ограничениями гражданских и политических прав); частичной демократии (с некоторой подотчетностью правительства по отношению к гражданам, осуществляемой путем выборов, но с сокращенными процедурами выборов, правами и автономией объединений) и либеральной демократии (с подотчетным правительством, свободными и справедливыми альтернативными выборами, гражданскими и политическими правами, автономными ассоциациями и т. д.). Конечно, не существует никакого обязательного эволюционного пути от авторитаризма к либеральной демократии; установление либеральной демократии в том или ином политическом сообществе нередко оказывалось пробным и потенциально обратимым.

55

Таблица 1.2 Свидетельства демократизации, 1975 и 1995

Страны в 1975 (количество = 147)				Страны в 1995 (количество = 164)		
	Автори- тарные	Частич- ная демокра- тия	Либе- ральная демокра- тия	Автори- тарные	Частич- ная демокра- тия	Либе- ральная демокра- тия
Западная Европа, Северная Америка и Австралия	2	0	22	0	0	24
Латинская Америка	15	2	5	2	5	15
Азия	18	4	3	11	5	9
Африканские						

страны южнее Сахары Средний Восток и страны Персидского залива Восточная Европа и СССР/быв- ший СССР Всего Процентное соотношение	43 14 9 101 68,7%	2 3 0 11 7,5%	3 2 0 35 23,8%	12 13 5 43 26,2%	16 3 14 43 26,2%	20 2 8 78 47,6%
--	-------------------------------	---------------------------	----------------------------	------------------------------	------------------------------	-----------------------------

Источник: Potter al., 1997,
et P- 7

Будучи построено на основе возникшей концепции современного национального государства, развитие либеральной демократии происходило внутри весьма ограниченного политического пространства (ср.: Walker, 1988; Connolly, 1991; McGrew, 1997)- Ибо современная демократическая теория и практика основывалась на Вестфальских принципах. Национальные сообщества и теории национальных сообществ основывались на предположении, что политические сообщества, в принципе, могут управлять своими судьбами, а граждане вполне могут идентифицироваться друг с другом и благодаря этому предпринимать совместные действия, ориентируясь на то, что по их представлению является наилучшим для всех и каждого из них, т. е. на идею общественного блага (Sandel, 1996, p. 202). Считается само собой разумеющимся, что преодоление внутренних противоречий, народ, обладающий правом голоса, форма и возможности представительства, характер и значения согласия — фактически, все основные элементы политического самоопределения — могли быть точно определены в географическом отношении: системы представительства и демократической подотчетности

55

Таблица 1.2 Свидетельства демократизации, 1975 и 1995

Страны в 1975 (количество = 147)				Страны в 1995 (количество = 164)		
	Автори- тарные	Частич- ная демокра- тия	Либе- ральная демокра- тия	Автори- тарные	Частич- ная демокра- тия	Либе- ральная демокра- тия
Западная						
Европа, Северная Америка и Австралия Латинская Америка Азия	2 15 18	0 2 4	22 5 3	0 2 11	0 5 5	24 15 9
Африканские страны южнее Сахары Средний Восток и страны Персидского залива Восточная Европа и СССР/быв- ший СССР Всего	43 14 9 101	2 3 0 11	3 2 0 35	12 13 5 43	16 3 14 43	20 2 8 78

Процентное соотношение	68,7%	7,5%	23,8%	26,2%	26,2%	47,6%
<i>Источник: Potter et al., 1997. P- 7</i>						

Будучи построено на основе возникшей концепции современного национального государства, развитие либеральной демократии происходило внутри весьма ограниченного политического пространства (ср.: Walker, 1988; Connolly, 1991; McGrew, 1997)- Ибо современная демократическая теория и практика основывалась на Вестфальских принципах. Национальные сообщества и теории национальных сообществ основывались на предположении, что политические сообщества, в принципе, могут управлять своими судьбами, а граждане вполне могут идентифицироваться друг с другом и благодаря этому предпринимать совместные действия, ориентируясь на то, что по их представлению является наилучшим для всех и каждого из них, т. е. на идею общественного блага (Sandel, 1996, p. 202). Считается само собой разумеющимся, что преодоление внутренних противоречий, народ, обладающий правом голоса, форма и возможности представительства, характер и значения согласия — фактически, все основные элементы политического самоопределения — могли быть точно определены в географическом отношении: системы представительства и демократической подотчетности

56

должны быть четко связаны с пространственными границами зон действия власти на данной территории. Кроме того, как следствие этого, могли быть проведены четкие различия — и на их основе созданы национальные институты — между «внутренней» и «внешней» политикой, между внутригосударственными и иностранными проблемами.

Конечно, конструкция национального демократического сообщества нередко подвергалась серьезным испытаниям в ходе той борьбы, которую вели между собой различные социальные, экономические и культурные группы, споря о природе такого рода объединения и о своем собственном статусе в его рамках. Если бы не массовая и часто жестоко подавляемая борьба рабочего класса, активистов феминизма и поборников гражданских прав в XIX—XX вв., действительно всеобщее избирательное право не было бы принято во многих странах (см.: Potter et al., 1997)- Структура наций и национальных идентичностей служит предметом не менее горячих споров. Мы еще раз обратимся к культурной политике национального строительства и национализма в гл. 7> но сейчас стоит остановиться ненадолго на сложных взаимоотношениях между этими явлениями и процессом образования современного государства. Государства — это институты, нации — коллективы, состоящие из представителей различных классов, которым свойственно чувство идентичности и общей политической судьбы, разделяемой реальными, воображаемыми и сконструированными культурными, лингвистическими и историческими общностями людей. Национализм предписывает личности страстную преданность как этой идентичности и этому сообществу, так и политическому плану построения такого государства, в котором данная нация стала бы господствующей. Закрепленные границы современного территориального государства почти всегда охватывают разные этнические, культурные и лингвистические группы, которые по-разному ощущают свою идентичность и преданы разным ценностям; отношения между этими двумя сущностями — нациями и национальным государством — складывались по-разному, а иногда вступали в резкое противоречие. Кое-где национализм оказывал существенную помощь в деле построения благополучного государства — французский национализм и Франция служат тому примерами. Некоторые нации и некоторые разновидности национализма вступили в оппозицию с другими национальными проектами — таков каталонский национализм в Испании. Некоторые националистические движения выступали в качестве оппозиции по отношению к многонациональным имперским государствам, как, например, венгерский национализм, направленный против Австро-Венгерской империи; другие возникли как оппозиция иностранным колониальным властям — вспомним хотя бы индийский национализм. Тем не менее, вопреки разнообразию видов национализма и его неоднозначным отношениям с государствами, теория демократии, особенно в XIX и XX вв., считала совершенно естественной связь между народом, гражданством, избирательными механизмами, природой согласия и границами национального государства. Судьбы разных политических сообществ могут противостоять друг другу и друг с другом переплетаться, но наиболее подходящим местом, определяющим дальнейшую «национальную судьбу» народа, является именно политическое сообщество в рамках закрепленных за ним территориальных границ. В современном мире ключевые принципы и практическая деятельность либеральной демократии остаются связанными преимущественно с принципами и

институтами суверенного национального государства. Кроме того, современная демократическая теория и демократическая политика предполагают симметрию и соответствие между гражданами-избирателями и теми, кто принимает решения. Через урну для избирательных бюллетеней граждане-избиратели, в принципе, могут контролировать тех, кто принимает решения; а те, в свою очередь, получив одобрение своего электората, могут принимать законы и проводить легитимную политику в интересах своих непосредственных избирателей, а в конечном счете — всех людей, живущих на данной территории с четко зафиксированными границами.

Соответственно, сердцевину или «глубинную структуру» современной системы демократических национальных государств характеризует ряд поистине поразительных особенностей: демократия в национальных государствах и недемократические отношения между государствами; укрепление подотчетности и демократической законности внутри государственных границ и преследование национальных интересов (и максимального политического преимущества) за пределами этих границ; демократия и права гражданства для тех, кого считают «своими», и сплошь и рядом отрицание этих же прав за теми, кто живет по ту сторону границы. Однако в наше время эти различия не кажутся уже столь четкими, поскольку сама политическая глобализация способствует усилению «глобальной политики».

1.2 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сегодня фактически все национальные государства постепенно переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков (Nierop, 1994, Р- 171)- Межнациональные структуры и отношения охватили фактически все сферы человеческой деятельности. Товары, капитал, люди, знания, связь и оружие, так же как и преступления, загрязняющие вещества, моды и верования, быстро пересекают территориальные границы (McGrew, 1992). Из состояния «изолированных цивилизаций», или просто международного сообщества государств, мир превратился в глобальную, внутренне взаимосвязанную систему с интенсивными моделями обмена и отчетливыми моделями власти, иерархии и неравенства.

Чтобы понять преобразования, которые воздействовали и продолжают воздействовать на государственное и политическое принятие решений, необходимо уточнить некоторые понятия, в частности, такие понятия, как «глобальная политика», «глобальное управление», «международный режим», «государственный суверенитет». Без ясного представления о том, что означают эти термины, трудно понять многочисленные глобальные процессы и структуры, которые изменили природу политики и, в особенности, природу современного политического объединения, по той причине, что с их помощью можно установить показатели глобализации политики.

1.2.1 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ

«Глобальная политика» — термин, характеризующий протяженность политических отношений в пространстве и времени, а также распространение политичес-

58

кой власти и политической активности за пределами современного национального государства. Политические решения и действия в одной части мира могут довольно быстро отразиться во всем остальном мире. Кроме того, центры политического действия и/или принятия решений могут, благодаря современным средствам коммуникации, превращаться в сложные системы совместного принятия решений и политического взаимодействия. Подобного рода «дальнобойность» часто способствует «углублению» глобальных политических процессов, так что, в отличие от древних и современных империй, «события, происходящие вдалеке» оказывают более интенсивное воздействие на социальную жизнь и состояние умов тех или иных мест или политических сообществ. Вследствие чего события, происходящие на глобальном уровне, часто приводят к почти мгновенным локальным последствиям, и наоборот.

Идея «глобальной политики» меняет традиционные представления о различии между внутригосударственной и международной, внутренней и внешней, территориальной и не территориальной политикой, укоренившиеся в общепринятых концепциях «политического» (см.: Walker, 1993). Эта идея проливает свет на богатство и сложность взаимосвязей, которые — в условиях глобального строя — выходят за рамки государств и обществ. Хотя правительства и государства все еще остаются мощными действующими единицами, они теперь делят глобальную

арену с массой других властных институтов и организаций. Государству противостоит огромное число международных правительственных организаций (IGO — International Governmental Organization), международных властных институтов и структур, которые действуют независимо от расстояния посредством квази-наднациональных институтов, таких, например, как Европейский Союз. Негосударственные участники или транснациональные образования, подобные многонациональным корпорациям, транснациональным группам давления, межнациональным профессиональным ассоциациям, социальным «движениям» и т. д., — также принимают активное участие в глобальной политике. И так же поступает множество субнациональных акторов и национальных групп давления, действия которых часто выплескиваются на международную сцену. Соответственно, глобальная политическая арена может восприниматься как многовластная «смешанная система действующих лиц», в которой политическая власть и источники политического действия распространены повсеместно (Mansbach et al., 1976; Rosenau, 1997). Выше изложенная концепция сама по себе бросает вызов общепринятой Вестфальской системе международных отношений, в основе которой лежит государство, и представлениям о глобальном политическом порядке с позиций реализма.

Глобальная политика ориентируется сегодня не только на традиционные геополитические интересы, включающие в себя оборону и военные отношения, но также и на множество разнообразных экономических, социальных и экологических проблем. Загрязнение окружающей среды, наркотики, права человека и терроризм находятся в числе все возрастающего количества межнациональных политических проблем, которые не вписываются в рамки юрисдикции, действующей на определенной территории, нарушают сложившийся баланс глобальных политических сил, требуют международного сотрудничества для своего эффективного разрешения. Оборона и проблемы безопасности не занимают первого места в списке основных глобальных проблем, не находятся они даже и в центре

59

внимания национальных правительств. Понятие «глобального управления» помогает сформулировать и осмыслить эту проблему.

Под глобальным управлением понимаются не только официальные институты и организации, которыми создаются и поддерживаются (или не создаются и не поддерживаются) правила и нормы, управляющие мировым порядком — государственные институты, межправительственное сотрудничество и т. д., — но также и все те организации и группы влияния — от многонациональных корпораций, транснациональных социальных движений до множества неправительственных организаций, — которые преследуют цели и задачи, достижение и решение которых зависит от транснациональных правящих и властных институтов (см.: Rosenau, 1997). Понятно, что Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация и множество акций национальных правительств входят в число главных компонентов глобального управления, но ими список ни в коем случае не исчерпывается. Если из понятия глобального управления исключить социальные движения, неправительственные организации, региональные политические ассоциации и т. д., то нельзя будет вполне адекватно понять его формы и динамику. Глобальная политика предполагает широкое понимание глобального управления как необходимого элемента в изменяющейся констелляции факторов политической жизни.

Увеличение числа новых форм политического воздействия и организаций отражает быстрое распространение транснациональных связей и возникающее у большинства государств желание иметь дело с коллективными политическими проблемами (см.: Luard, 1977; Krasner, 1983). Кроме того, как будет показано ниже, это отражает и растущее давление неправительственных образований, способствующее развитию новых форм подотчетности в международной политической жизни. Чтобы уловить некоторые из скрытых изменений в этой области, важно понять, что такое «международный режим».

Международный режим может быть определен как «неявные или явные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, по поводу которых в данной сфере международных отношений предполагается общее согласие» (Krasner, 1983, p. i). Режимы являются не просто временными или *ad hoc* — специально для данного случая выработанными — соглашениями; скорее, их можно считать «промежуточными переменными» между основными властными и экономическими структурами международной системы, с одной стороны, и определенными результатами — с другой. Например, неудача рынков в регулировании поставок и распределении товаров и услуг или при решении неотложных транснациональных проблем может стать для государств и политических деятелей побудительной причиной установления особых режимов.

Режимы могут устанавливать систему правовой ответственности, использовать доступную информацию, сокращать согласованную стоимость сотрудничества и обеспечивать некоторую степень предсказуемости — «анархических» в противном случае — отношений (см. Keohane, 19843). Международные режимы — следствие необходимости найти новые формы сотрудничества и регулирования общих проблем.

Международные режимы свидетельствуют о росте институционализации глобальной политики (Young, 1989) p. 11). Они создают формы глобального управления, отличающегося от традиционных понятий правления, которые предполагают наличие определенных центров суверенной политической власти. Современ-

ная международная система не обладает, конечно, каким-то одним политическим центром власти, превышающим власть государства. Но, несмотря на это, международные регулирующие режимы быстро развиваются, отражая интенсификацию моделей глобального и регионального переплетения. Как замечает О. Юнг: «Международные режимы охватывают широкий спектр проблем функциональной сферы, географической территории и членской принадлежности. С функциональной точки зрения они ранжируются от соглашений по частным вопросам, таким как охота на белого медведя, до соглашений, затрагивающих более широкие проблемы, например, соглашения по Антарктике и космическому пространству. Охватываемая режимом географическая область может быть и ограниченной, как строго обозначенный район в северной части Тихого океана, на территории которого разрешен промысел пушнины; и гораздо более обширной, как, например, зона действий глобальных режимов, затрагивающих проблемы международного воздушного сообщения (Международная организация гражданской авиации или Международная система ассоциаций воздушного транспорта — the International Civil Aviation Organization/International Air Transport Association system) или контроля за ядерными испытаниями. Что касается членства, то число участников режимов колеблется от двух-трех, если речь идет о ловле рыбы в экстерриториальных водах, согласно Международному соглашению о рыболовстве в северных районах Тихого океана, до сотни и более, как в режиме нераспространения ядерного оружия. Что, однако, больше всего поражает, так это то, что существует довольно много международных режимов. Это отнюдь не нечто необычное, режимы — весьма распространенная вещь в международном обществе» (Young, 1989, p. и).

Международные режимы охватывают большой круг участников, включая правительства, правительственные органы и неправительственные властные структуры. Кроме того, если некоторые режимы по своей сути являются межправительственными организациями, то многие представляют из себя гораздо более расплывчатые образования, будучи результатом определенных соглашений, попыткой совместного решения политических проблем или транснациональными объединениями по интересам. Так, режим международной безопасности в Европе возник в результате сложных отношений между несколькими институтами, такими как Северо-Атлантический блок (НАТО), ЕС, Союз западноевропейских государств (WEU: коллективная оборонительная организация, состоящая из девяти западноевропейских государств, созданная в 1948 г.) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), состоящая из пятидесяти стран (европейских, за исключением США и Канады), основная функция которой — поддерживать политическое равновесие и военную безопасность в Европе. По сравнению с ними международный режим нераспространения ядерного оружия, по сути дела, не является формальной международной организацией, а представляет собой международное соглашение в сочетании с регулярными международными конференциями, на которых принимаются ключевые решения. Это очень похоже на морской правовой режим, регулирующий проблемы, связанные с эксплуатацией ресурсов морского дна. Кроме того, международные режимы выполняют множество самых разных функций. Одни занимаются чисто контролирующей деятельностью, как большинство режимов контроля за вооружениями, вроде тех, что следят за сокращением вооружений в Европе (CFE — Conventional Forces

61

in Europe Treaty), тогда как другие созывают форумы для принятия коллективных решений относительно международных прав собственности, как в случае локализации радиочастот или распределения орбит искусственных спутников. Несмотря на это разнообразие форм, функций и правовых статусов, международные режимы представляют собой систему правления — или, лучше сказать, систему «правления без правительства» в современном мировом порядке

(Rosenau, 1992, p. 5).

В данном случае, говоря о глобальной политике, глобальном управлении и международных режимах, нужно сделать одну серьезную оговорку. Оценивая их влияние, особенно их отношения с государствами и мировым порядком, важно не упустить две проблемы, о которых шла речь во Введении. Первая состоит в том, что национальное государство лишается части своего суверенитета лишь тогда, когда на его месте возникает другая — «более высокая», более независимая, экстерриториальная и более функциональная форма власти, которая сокращает правовую основу принятия решений, руководствуясь только национальными интересами. Ибо, как уже отмечалось ранее, национальный суверенитет включает в себя, помимо всего прочего, и право осуществлять властные полномочия на ограниченной территории, и политическое руководство в рамках сообщества, которое имеет право определять систему правил, инструкций и политики и соответствующей формы правления. Вторая проблема, с которой мы сталкиваемся, размышляя о воздействии глобализации на национальное государство, связана с тем, что необходимо различать суверенитет и государственную автономию — способность государства независимо формулировать свои политические цели и достигать их. Соответственно, важным представляется такой вопрос: сохраняет ли национальное государство весь свой суверенитет, если меняются пределы его автономии, или же оно действительно лишается части суверенитета в результате глобализации политики? Этот вопрос имеет фундаментальное значение для тех проблем, которые решаются во многих главах этой книги, — и мы еще вернемся к нему в заключительной главе. Тем временем важно подчеркнуть следующее: исследуя глобализацию политики, не обязательно исходить из того, что современное национальное государство увядает, или что его суверенитет существенным образом разрушен, или же что автономия государства резко сокращается. Это — фундаментальные вопросы, которые еще подлежат изучению. В нижеследующих разделах, посвященных исследованию этих вопросов, мы проследим процесс возникновения глобальной политики, рассмотрим изменяющиеся модели институционализации и развитие инфраструктуры принятия политических решений на международном, транснациональном и глобальном уровнях.

1.2.2 ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ: ПРОТЯЖЕННОСТЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ

В 1997 г. министры ведущих капиталистических стран (так называемой «большой семерки») по вопросам финансов и занятости встретились в Лондоне, чтобы обсудить проблему безработицы. Основная цель этой «рабочей встречи» состояла в том, чтобы согласовать усилия в области национальной экономики стран «большой семерки» с целью увеличения рабочих мест. В то время эта встреча обрела символическое значение благодаря тому, что вопросы безработицы были по-

62

ставлены на первое место в повестке дня западной политики. Действительно, на ежегодных встречах руководителей стран «большой семерки» все больше и больше внимания уделялось тем проблемам, которые раньше считались исключительно «внутренними», затрагивающими интересы лишь той или иной страны. Фактически это представляет собой попытку регулировать или «управлять» теми аспектами политической жизни, которые ускользают от контроля любого отдельного государства, и знаменует возрастающее внимание скорее к вопросам экономической, экологической и социальной безопасности, чем к традиционным проблемам геополитики и военной безопасности. Встречи «большой семерки» выдвигают на первый план то, что в наше время стало уже очевидностью: рост «институционализации» глобальной политики по мере того, как правительства и граждане вступают в контакт с миром межнациональных потоков и связей.

Этот вид институционализации — не просто явление XX в. Как уже было установлено ранее, международные механизмы для «управления» теми или иными аспектами глобальных отношений возникли еще в середине XIX в. (и даже гораздо раньше, если считать таким механизмом «равновесие сил»: см. гл. 2). Однако лишь со времен Второй мировой войны началось небывалое распространение подобных механизмов. Наряду с существенным увеличением потоков торговли, прямых зарубежных инвестиций, финансов, туризма,

культурных связей, опасных отходов и знаний (обо всем этом речь пойдет в последующих главах) произошла соответствующая интенсификация форм международного сотрудничества в деле управления, регулирования, содействия, а иногда и предотвращения этих все увеличивающихся потоков и связей. Считается, что такая регуляция — результат или следствие именно этих новых потоков, однако есть основания думать, что она сама могла бы быть серьезной причиной их появления (см.: Murphy, 1994). Предпочтительнее все-таки считать, что между историческими моделями социально-экономической глобализации и историческими моделями политической глобализации существует отдельная связь.

Развитие международных агентств и организаций привело к значительным изменениям в том аспекте мировой политики, который касается процедуры принятия решений. Возникли новые формы многосторонней и многонациональной политики, включающие в себя правительства, правительственные организации, многочисленные транснациональные группы давления и международные неправительственные организации. В 1909 г. было всего 37 правительственных и 176 неправительственных организаций, тогда как в 1996 г. их уже было, соответственно, около 260 и 5472. Некоторое представление о масштабах этого роста, начиная с 1945 г., дает диаграмма 1.1. Кроме того, интересно заметить, что в период с 1946 по 1975 г. число действующих международных соглашений между правительствами более чем удвоилось: с 6351 возросло до 14061, в то время как число таких соглашений, охватывающих межправительственные организации, увеличилось с 623 до 2303.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что быстрый процесс, включающий «интернационализацию» процедуры принятия политических решений, подспудно шел и в прежние времена. Неудивительно, что все эти достижения сопровождалось усилением дипломатических связей. После Второй мировой войны этот рост был особенно интенсивен: средняя дипломатическая взаимосвязь государств увеличилась почти вдвое, в то время как общее количество дипломати-

63

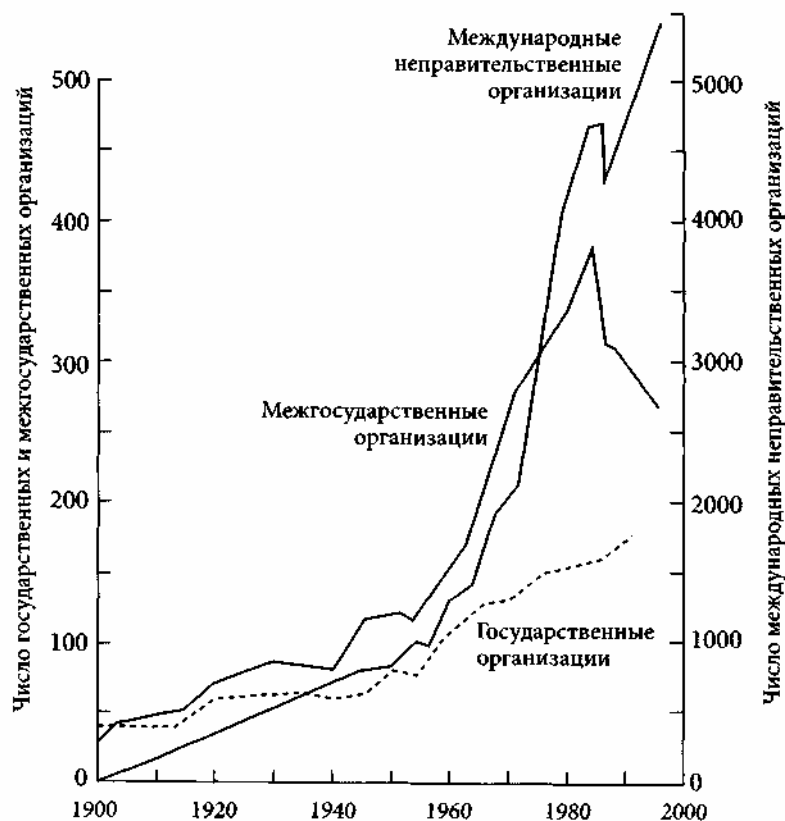

Диаграмма 1.1 Рост численности государственных, межгосударственных и неправительственных организаций в XX в. (источник: Union of International Associations, 1996)

ческих миссий более чем утроилось (см. таблицу 1.3), хотя распространенность дипломатических отношений осталась неравномерной. Например, недавние данные показывают, что и государство

принимает у себя от 0 до 100 послов; 79 — от 11 до 50; 46 — от 51 до 100, в то время как 9 — от 101 до 150 (Kidron and Segal, 1995. p. 76—77)-

Но даже эти данные не отражают лавинообразный рост правительственных и межправительственных связей и взаимодействий — т. е. политических или коммуникативных структур, которые связывают министерских чиновников одного государства с их коллегами из других стран или с межгосударственными организациями. Эти политические структуры чрезвычайно обширны и активны в своих повседневных контактах, которые становятся все более легкими благодаря электронным коммуникациям. Как замечает М. Кларк, говоря о Великобритании, «чтобы справляться со своими обязанностями, министерства вынуждены во все возрастающей степени действовать в условиях международной среды. Каждый месяц примерно две сотни чиновников только из Министерства сельского хозяйства, рыбного хозяйства и продовольствия должны побывать в Брюсселе» (Clarke, 1992, p. 96). Это создает огромные проблемы политической координации-

64

Таблица 1.3 Дипломатическая взаимосвязь государств, 1950—1991 (включая те государства, которые связаны между собой хотя бы одним постоянным эмиссаром)

1950	1960	1970	1980	1991		
Число государств		81	90	134	159	167
Общая взаимосвязь		2140	3566	5388	7163	7762
Средняя взаимосвязь		26	40	40	45	46
Взаимосвязь отдельных государств:						f
США		70	80	115	136	150 f
Франция		70	75	117	133	142 \
ФРГ		^a	69	99	125	135 ^b \
Великобритания		67	80	115	131	132 1
Япония		^a	65	90	104	111 I
Швеция		50	73	73	86	94

^aФРГ и Япония в 1950 г. еще не имели права устанавливать дипломатические отношения

^b ФРГ в 1991 г. — Германия

Источник: Niegor, 1994. приложение 2

нации, так что государство часто выступает на мировой сцене не столько в качестве единственного действующего лица, а как множество действующих лиц, принимающих участие в работе многочисленных форумов. Например, в 1989 г. британское Министерство здравоохранения и социального обеспечения заявило о своем признании устава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по проблемам окружающей среды, не зная о том, что это подрывает позиции Министерства охраны окружающей среды, которое на переговорах с ЕС протестовало против ужесточения стандартов, предъявляемых к окружающей среде (Clarke, 1992, p. 165).

Если Министерство иностранных дел с давних пор отвечало прежде всего за все аспекты международных отношений и внешней политики, то теперь эта ответственность все более и более распределяется между различными министерствами и департаментами. Это повлекло за собой быстрое увеличение не только численности и разнообразия исполнителей, заключающих международные соглашения, но также числа и форм соглашений, заключаемых между государствами. Действительно, должностные лица многих министерств с большим трудом могут решить сегодня, что является, а что не является внутренней проблемой; они находят, что ряд соглашений, заключенных на различных региональных и международных уровнях, трудно контролировать и практически невозможно уследить за всеми многочисленными международными встречами, которые имеют существенное значение для понимания соответствующих политических проблем. В известной степени это явление не новое. Например, Всемирный почтовый союз был основан в 1874 г. как объединение почтовых служб с целью подписания и соблюдения соглашений между государственными министерствами, ответственными за быструю и регулярную доставку почты. Но с ростом числа организаций, работающих в международной и межнациональной сфере, министерств и агентств, вовлеченных в международные отношения, система международного принятия решений и дипломатии в целом стала гораздо более слож-

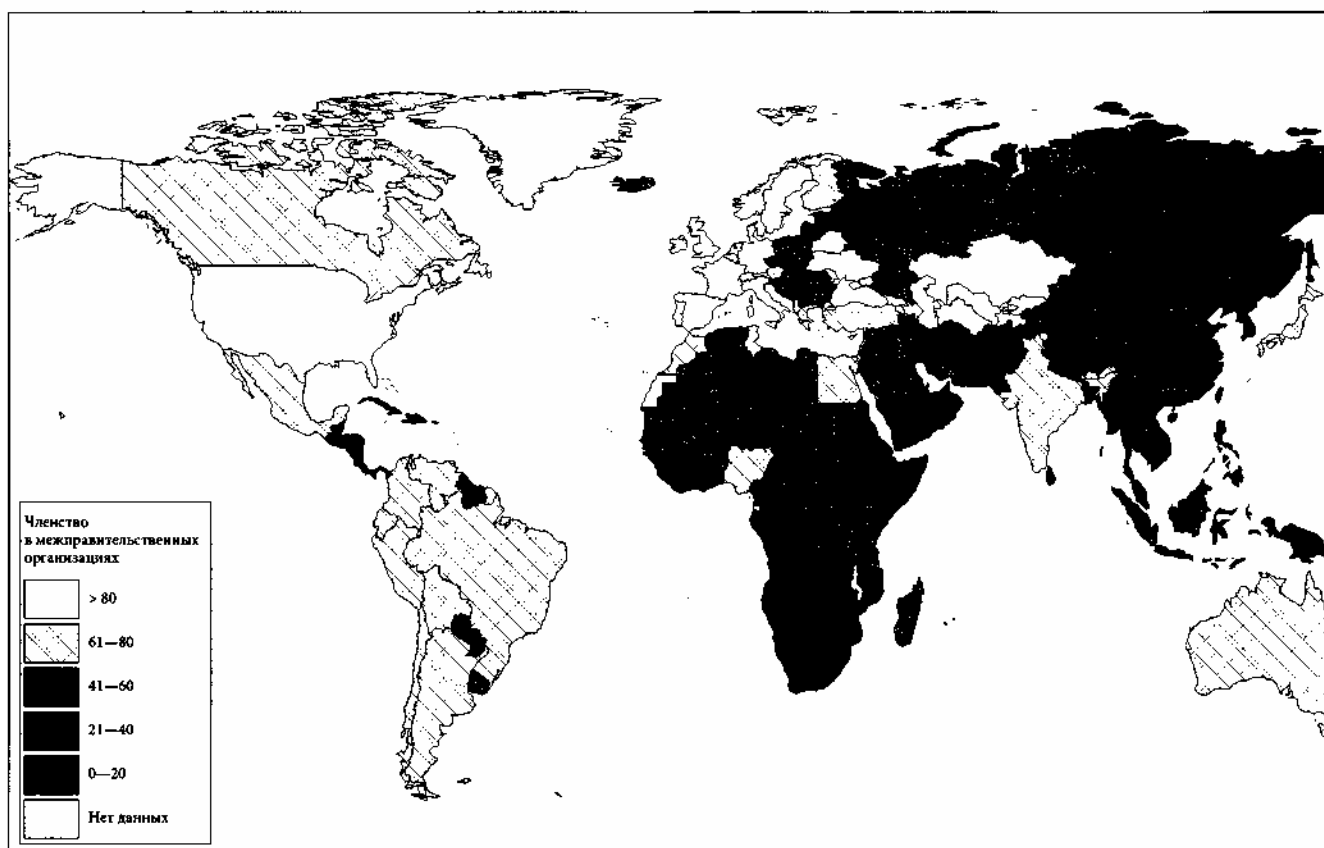
65

ной и разнообразной. Департаменты и министерства иностранных дел превратились лишь в одну из групп исполнителей, работающих в этой сложной системе, так что теперь даже сами дипломаты поговаривают о «конце внешней политики» (Talbot, 1997, p. 81).

Если добавить к этой обширной правительственной и межправительственной деятельности ключевые многосторонние конференции послевоенного периода, ежегодные саммиты стран «большой семерки» и стран, входящих в состав ЕС, МВФ, ОПЕК, Регионального форума АСЕАН, Общего рынка стран Латинской Америки, и многие другие официальные и неофициальные встречи, то перед нами возникает образ чрезвычайно интенсивных и перекрестных структур глобального, регионального и многостороннего правления. В качестве иллюстрации можно привести пример, что в середине XIX в. проводилось две или три конференции или конгресса в год, которые поддерживались межправительственными организациями; сегодня общее число ежегодно проводимых конгрессов и конференций приблизилось к 4000 (Zacher, 1993)- Такие мероприятия и соответствующие политические структуры сильно отличаются друг от друга в плане своего пространственного распространения, функционального охвата, юрисдикции, власти и политической ориентации (см., например, карту 1.3). Однако модель интернационализации институтов современного национального государства, его действий и процессов принятия решений вырисовывается вполне отчетливо. Национальное правительство замкнуто в матрице глобальной, региональной и многосторонней системы правления.

Эта тенденция подтверждается и все большим переплетением норм международного права с национальным законодательством и национальными юридическими процессами. Исследование, посвященное выяснению вопроса о том, какую долю в национальном законодательстве занимают нормы, совпадающие с международными стандартами или отвечающие их требованиям, дало весьма интересные результаты. При изучении ссылок, прямых и косвенных, на международное право в уставах Великобритании и Австралии XX в. выяснилось, что доля национального законодательства, которая совпадает с международными юридическими стандартами или соответствует этим стандартам, существенно увеличилась в течение столетия. Проведенное исследование позволяет сделать вывод: «Количество ссылок на международные правовые нормы и инструменты в законодательстве этих двух стран довольно внушительно; это опровергает упрощенные версии разделения муниципального и международного права» (Crawford, 1979b, p. 646; см. также: Alston and Chiam, 1995)- Кроме того, имеются данные, свидетельствующие о том, что значительно возросло число случаев, когда в национальных судах ссылаются на нормы международного права. Внушительно выросло и число тех случаев, когда в федеральных судах затрагиваются проблемы международного права, требующие истолкования соглашений и других международных правовых документов. Существующие на сей счет данные указывают на то, что число такого рода случаев значительно возросло с начала 70-х гг. XX в. (см.: Crawford 1979a). В этом отношении больше не существует строгого разграничения между внутригосударственными и международно-правовыми нормами.

Соответственно, международное обязательство не является сегодня чем-то таким, что конкретное государство или его министерство иностранных дел может соблюдать или игнорировать по своему усмотрению, поскольку на уровне само-

Карта 1.3 Участие в межправительственных организациях, 1991 (Источник: Nierop, 1994)

67

го международного права международное обязательство не оставляет выбора. Все большее число правительственных ведомств, федеральных судов и законодательных органов в своей деятельности ориентируется на политику, стандарты и традиции международного процесса выработки формальных и неформальных правил.

Институционализация глобальной политики и глобального управления не ограничивается интернационализацией правительственной и государственной деятельности. Наряду с последней происходит соответствующая транснационализация экономики, гражданских обществ и национальных сообществ. Почти в каждой сфере социальной активности, от экономической до культурной, наблюдается существенная институционализация межнациональных отношений и структур, т. е. деятельности и отношений, пересекающих территориальные границы национальных государств. Новые транснациональные организационные формы возникли в процессе объединения людей и координации ресурсов, информации и центров социальной власти независимо от национальных границ в политических, культурных, экономических, технологических или социальных целях (Lash and Urry, 1994),

Эта транснационализация наиболее заметна в отношении глобализации финансов и в производственной деятельности многонациональных корпораций (см. ниже, гл. 4—5). Например, в 1973 г. 239 национальных банков учредили Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций (SWIFT — Standardized Worldwide Interbank and Financial Telecommunications), создав тем самым всемирную сеть для быстрой межбанковской связи. А в 1989 г. в составе этой организации насчитывалось уже 1000 членов из 51 государства (Ward, 1989, p. 263). То же самое происходит и во многих других областях. В сфере политики существует множество транснациональных групп давления, международных неправительственных организаций, начиная с Гринписа и заканчивая Международной конфедерацией профсоюзов (ICTU); в культурной сфере существуют такие группы, как Всемирный мусульманский конгресс и различные христианские объединения; в социальной

сфере — многочисленные организации, подобные Международному Красному Кресту, Католическому фонду зарубежного развития (CAFOD) и OXFAM; в научной сфере тоже возникают профессиональные организации такого типа, как Международная ассоциация наук о питании и Международная ассоциация политических наук. Начиная с 50-х гг. XX в. рост транснациональных организаций, т. е. неправительственных организаций (за исключением корпораций и компаний), членами которых являются представители более чем двух стран, носил лавинообразный характер: количество их возросло с 832 в 1951 г. до 5472 в 1996 г. (см. выше диаграмму i.i).

Несмотря даже на то, что эти данные могут быть не вполне точными во всех отношениях (существуют проблемы, связанные с установлением дефиниций, и проблемы со сбором информации), они указывают на тенденцию к институционализации социальных, культурных и политических отношений на большей части земного шара, которая выходит за пределы национальных границ. Многие из этих транснациональных организаций функционируют с целью координации действий на расстоянии, организуя сообщества по интересам, независимо от территориальных границ и охватывая основные мировые регионы (см., например, описание групп защиты окружающей среды в гл. 8). Некоторые представляют собой

68

специфические транснациональные сообщества, например Католическая церковь или такие общественные движения, как экологическое или женское. Другие представляют собой менее полезные формы транснациональных организаций — скажем, террористические и криминальные. Несмотря на то, что конфликт между контрабандистами и политическими властями продолжается уже много веков, рост межнациональных преступных организаций, занимающихся торговлей наркотиками (годовой оборот которой оценивается ныне в сумму, превышающую 300 млрд. долларов), и вообще рост разветвленной организованной преступности (такие «интернациональные» группы, как Триады, Коза-Ностра и т. д.), стал главным предметом беспокойства правительств и сил безопасности во всем мире (см. ниже, гл. 3; Williams, 1994; Castells, 1998).

Какими бы ни были основополагающие причины этой драматической интернационализации государственной деятельности и транснационализации социальных и политических отношений, почти нет сомнений в том, что происходит растущая интернационализация процесса принятия политических решений и различных аспектов глобального правления, т. е. отмеченное выше распространение глобальных инфраструктур, политических структур и институтов, законодательной и иного рода деятельности.

1.2.3 СРЕДСТВА СВЯЗИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РАЗВИВАЮЩИЕСЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ И СКОРОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Нации, люди и организации связываются друг с другом с помощью многочисленных новых средств коммуникации и сообщения, которые не знают государственных границ. Революция, произведенная открытиями в микроэлектронике, информационной и компьютерной технологии, дает возможность фактически мгновенно связаться с любым уголком мира, что в сочетании с технологиями телефонной связи, телевидения, кабельной, спутниковой связи и реактивных транспортных средств поразительно изменило характер политического общения. Новые формы коммуникации дают возможность отдельным людям и группам преодолевать географические границы, которые некогда служили препятствием на пути установления контакта, и открывают доступ к широкому спектру социального и политического опыта, который прежде ни индивид, ни группа никогда не могли бы получить непосредственно (см.: Giddens, 1991. P- 84—85). Тесная связь между «физической средой», «социальной ситуацией» и политикой, свойственная большей части политических ассоциаций прежних времен, была разорвана. Современные системы коммуникаций создают новый опыт, новые способы мышления и новые схемы политических отношений независимо от непосредственного контакта и знакомства с теми или иными людьми, с теми или иными проблемами (Meyrowitz, 1985, P- 7; см. ниже, гл. j). В то же время неравный доступ к новым способам связи создал новые модели политического участия и неучастия в глобальной политике. Появление и развитие новых систем связи создает мир, в котором особенности места и индивидуальности постоянно подчеркиваются и интерпретируются региональными и глобальными коммуникационными сетями. Но, как бы ни была важна эта сторона дела, значение новых систем связи выходит далеко за ее пределы, поскольку они являются способом, если не сказать — единственным способом усиления многих процессов политического изменения, о которых речь шла

в предыдущих разделах и пойдет в последующих; иначе говоря, их фундаментальная роль состоит в том, чтобы открывать возможности для организации политических акций и осуществления политической власти на огромных расстояниях и вообще преобразовывать современные политические сообщества и системы территориальных государств (Deibert, 1997). Например, распространение международных и транснациональных организаций, норм международного права и правовых механизмов — их устройства и контролирующих функций, — все это получило толчок от новых систем связи, и все зависит от них как от средства дальнейшего достижения их целей (см. ниже, гл. 2, 4 и 7),

Современные телекоммуникации перестраивают характер и форму политических организаций, а также объединяют сообщества друг с другом в рамках новых структур взаимодействия (см. гл. 7, в которой эта мысль подробно излагается и доказывается). Тем не менее, они не только удлиняют дистанцию, на которой устанавливаются политические отношения, или расширяют связи между политическими сообществами, они, кроме того, принимают участие в увеличении скорости политического взаимодействия. Быстрая информация о событиях, инцидентах и катастрофах может привести к почти немедленным региональным или глобальным последствиям. Десятки миллионов людей на всех континентах были свидетелями того, что происходило в Китае на площади Тяньаньмынь в 1989 г., вокруг Белого Дома в России в 1991 г. и у побережья Англии в 1995 г., когда участники движения Гринпис протестовали против намерения британской корпорации Шелл затопить в Северном море гигантское нефтехранилище и грузовую платформу (Brent Spar). Тот факт, что телевизионные камеры регистрировали эти события по мере того, как они развивались, создавал впечатление участия в событиях, которые, хотя и происходили в отдаленных местах, быстро и непосредственно становились известными во многих частях мира. Это, в свою очередь, послужило причиной сложных и разнообразных реакций исполнительных институтов государства и гражданского общества.

Существующая в настоящее время сеть глобальных телекоммуникаций охватывает все страны, хотя все еще и незначительный слой населения земного шара, что отражает, как и многие другие глобальные структуры, географию власти и привилегий. Персональная или прямая международная телефонная и факсовая связь, существующая в развитом капиталистическом мире, до сих пор не доступна во многих местах. Например, в небольшом городке Виллес-де-Браво, расположенном на западе от Мехико, большинство населения пользуется услугами коммунальной телефонной службы, в то время как в других местах страны даже эти службы являются редкостью.

Неравенство доступа и возможностей свойственно всей сети глобальных коммуникаций. Интересно, что сама глобальная сеть — один из наиболее хорошо регулируемых секторов транснациональной деятельности. Он управляется режимом международных телекоммуникаций, включающим в себя Международный союз электросвязи (ITU, который в свою очередь охватывает Сектор радиосвязи, Мировые конференции по радиосвязи и Международную организацию спутниковой связи) и различные региональные организации (см. врезку 1.2). Все эти организации представляют собой механизмы международной координации, облегчающие работу всей системы всемирной телефонной, телеграфной, радио- и спутниковой связи. Каждый раз, когда делается международный телефонный звонок или по-

Врезка 1.2 Региональные межправительственные телекоммуникационные организации *Азиатско- Тихоокеанское телеобъединение* (The Asia-Pacific Telecommunity — APT), основано в 1979 г., располагается в Бангкоке, количество стран-участниц — 26. В Африке — *Панафриканский телекоммуникационный союз* (Pan- African Telecommunications Union — RATU), был основан в 1977 г. с целью установить континентальную институциональную координацию развития телекоммуникаций в Африке. *Постоянный Комитет телекоммуникаций* (Telecommunications Permanent Committee) в арабоязычном мире, созданный группой министров связи стран-участниц Арабской лиги. *Конференция европейских почтовых и телекоммуникационных управлений* (Conference of European Postal and Telecommunications Administrations — CEPT), созданная вначале как консультативная группа западноевропейского Управления почтой, телеграфом и телефоном (PTT — Post, Telegraph and Telephone administrations); недавно приняла в свой состав членов из Восточной Европы. Вместе со структурной реформой, происходящей во многих странах этого региона, CEPT постепенно превратилась в группу министерств связи и регулирующих агентств, а операторы создали свою собственную группу. *Межамериканская телекоммуникационная комиссия* (Inter-American Telecommunications commission — CITEL) является ответвлением Организации Американских государств; в состав комиссии входят все страны этого региона, за исключением Кубы. *Региональное коммуникационное содружество* (Regional Commonwealth for Communications — RCC), основанное в Москве, объединяет министерства связи стран СНГ. *Источник.*: ITU, 1994b, box 5.9

сылается международный факс, этот процесс обеспечивается не только техническими средствами и программным обеспечением глобальной коммуникационной инфраструктуры, но косвенным образом и эффективным применением правил и положений режима международных коммуникаций.

Со времени образования Международного союза электросвязи в 1865 г. международная коммуникация была предметом интенсивного европейского, а впоследствии и глобального контроля. Ревниво оберегающие свой национальный суверенитет и в то же время стремящиеся обеспечить военную и коммерческую безопасность своих стран европейские правительства строго контролировали свои «телеграфные порты» на заре коммуникационной революции. Сложность правового обеспечения двусторонних телеграфных сообщений послужила серьезным препятствием на пути к созданию единой международной сети. Это, в свою очередь, приводило к тому, что телеграммы, пройдя таможенный пост, где с них взымались установленные тарифом пошлины, и будучи дословно переданными в телеграфный офис соседней страны, расположенный на противоположной стороне таможенного поста, при расшифровке на границе звучали абсурдно (Cowhey, 1990). После образования Международного союза электросвязи (ITU) в 1865 г. в

71
результате сотрудничества между странами появилась возможность обеспечить бесперебойный поток телекоммуникаций, что было обусловлено «международным телеграфным режимом, требующим от своих членов принимать все международные сообщения и соединять провода отдельных национальных систем в единую сеть» (Murphy, 1994, P- 86—87). Преимущества этой системы позволили в начале XX в. превратить европейский режим ITU в глобальный.

К концу XX в. проблемы поддержания эффективной сети глобальных связей стали намного более сложными и гораздо более политизированными. Ставки очень высоки, так как мировой рынок, предлагающий коммуникативные услуги, огромен: его стоимость в 1997 г. была оценена в 600 млрд. долларов. Значение его для национального суверенитета и автономии также велико и заключается в том, что, в отличие от первых лет существования телеграфа, никакое государство не может эффективно контролировать те транснациональные потоки электронной почты, информации теле- и радиовещания и т. д., которые пересекают его границы. Особенно интересный в этом отношении случай представляет собой Интернет (см. гл. 7).

Даже если судить по разрозненным данным, масштаб телекоммуникационной активности производит впечатление: в 1980 г. международных звонков, сделанных из Германии, было 240000 млн., а к 1988 г. их число возросло до 600352 млн.; для Таиланда и Китая цифры, соответственно, таковы — с 873 ДО 12646 млн. и с Ю75 ДО 45030 млн. (Zacher, 1992; см. также гл. 7). В течение шести лет — с 1990 по 1996 г. — только число телефонных линий увеличилось с 520 до 718 млн., причем наибольший рост отмечен в Азии (по оценке ITU; см.: Financial Times, 17 March 1998, p. i). Следует подчеркнуть, что по мере того, как мировые воздушные пути и околоземные орбиты становились все более оживленными, возрастала и роль режима международных телекоммуникаций в распределении международных прав на использование свободных радиочастот и орбит. Без такого рода международной регулирующей деятельности целостная система глобальных связей становилась бы все более и более раздробленной и, возможно, все менее и менее эффективной. Даже такие страны, как Япония, США и Великобритания, которые могли бы и не соблюдать тех или иных требований режима, соблюдают их полностью из-за тех громадных преимуществ, которые предоставляет международная координация в столь важном коммерческом секторе.

Значимость международного телекоммуникационного режима обусловлена тем, что он помогает сохранять равновесие между государственной и корпоративной властью на арене глобальной политики. До 70-х гг. режим функционировал, не сталкиваясь с серьезными противоречиями. С тех пор, как глобальные финансовые службы пережили революцию, а телекоммуникационный бизнес в США и Великобритании был дерегулирован, режим стал игрищем политических страстей. Его основополагающие нормы — стандартизация сетей, коллективное принятие решений по общим глобальным проблемам (спектр вещания и траектории спутниковых орбит), совместно обеспечиваемые службы и многосторонняя координация — остаются нетронутыми. По большей части сохраняются также правила и механизмы принятия решений. В результате всем государствам гарантирован минимальный уровень доступа к системе, особенно спутниковым коммуникациям, которого режим, движимый исключительно интересами рынка, не мог бы обеспечить. Режим в определенном смысле обладает элементами гло-

72

бальной системы в том своем аспекте, который связан с международным принятием решений. Обусловлено это различными видами институциональной политики режима, что дает странам «третьего мира» и их национальным монополиям, владеющим средствами связи, большее право голоса, чем мог бы им обеспечить их экономический статус, хотя большинство решений принимается путем выработки консенсуса.

Тем не менее, поскольку в экономически развитых странах быстрыми темпами идет процесс дерегуляции сферы коммуникации, транснациональная коалиция, состоящая из многонациональных корпораций, выступила с требованием установить более либеральный режим международных телекоммуникаций. Стремление к либерализации рынка глобальных коммуникаций — что еще больше удалит его от принципа равенства голосов при принятии решений, — нашедшее поддержку и среди транснациональных финансовых и банковских кругов, которые заинтересованы в дешевой коммуникации, не ослабевает. Наиболее яркое отражение оно нашло в соглашении, заключенном в рамках ВТО, о либерализации международного рынка основных телекоммуникационных услуг, которое вступило в силу 5 февраля 1998 г. Несмотря на это, даже США, будучи наиболее решительными сторонниками глобального дерегулирования, вынуждены были на тот момент признать «принцип планирования постоянной системы спутниковых служб, который предоставляет каждой нации собственное место на орбите» для того, чтобы избежать полного крушения порядка регулирования (Vogler, 1992> P-13)-

Политика режима определяется в основном соотношением сил между сравнительно небольшой коалицией правительств, корпоративных интересов и технических специалистов, настаивающих на углублении либерализации, и гораздо более многочисленной группой государств с их национальными монополиями, владеющими средствами связи, и техническими специалистами, которые хотят ограничить дальнейшую либерализацию, но необязательно остановить ее вообще. Результатом является сложное взаимодействие международных и транснациональных политических сил, политические последствия которого зависят от институциональной динамики самого режима.

Природа современного телекоммуникационного режима представляет собой картину динамического взаимодействия между внутригосударственными и международными сферами. Более того, она настолько усиливает представление о глобальной политике, что политическое

пространство не может больше восприниматься просто как географическая карта с нанесенными на ней границами национальных государств: политика и управление «выплескиваются» за пределы национальных границ, так что довольно трудно отделить внутреннее от внешнего или внутригосударственное от межгосударственного. Телекоммуникационный режим представляет собой тип функционального политического пространства, который превосходит национальные территориальные границы и создает в данном случае ощущение политической общности, корнями своими уходящей не в территориальную логику *per se*, а скорее в транснациональное объединение по интересам, члены которого занимают общую позицию в качестве поставщиков, потребителей или регуляторов международных телекоммуникационных услуг. В этом отношении инфраструктура глобальных телекоммуникаций скрепляет Вестфальскую систему отношений между государствами и помогает согласовывать их политические интересы, структуры и результаты.

73

1.3 РАЗВЕТВЛЕННАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ И ДИФФУЗИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Две мировые войны привели к пониманию того, что международная система правления не может рассчитывать на равновесие сил, если не будут объявлены вне закона наиболее экстремальные формы насилия над человечеством и не будет осознана растущая взаимосвязь между нациями и их зависимость друг от друга. Постепенно все — и содержание, и сфера действия, и сама суть Вестфальской концепции международной регуляции, особенно ее концепция международного права, — были подвергнуты сомнению (см.: Bull, 1977, ch. 6). Полезно поэтому рассмотреть некоторые из основных юридических преобразований, которые произошли, поскольку они показательны для основополагающих изменений в глобальной политике.

Во-первых, было отвергнуто учение, согласно которому международное право, по словам Л. Оппенгейма, признавалось «действующим только и исключительно между государствами» (см.: Oppenheim, 1985, ch. 1). Индивиды и группы были признаны субъектами международного права на основе таких инновационных соглашений, как устав Международного военного трибунала, на основе которого происходили Нюрнбергский и Токийский процессы над военными преступниками (1945). Всеобщая декларация прав человека (1948), Соглашение о гражданских и политических правах (1966) и Европейская конвенция по правам человека (1950).

Во-вторых, было отвергнуто представление о том, что международное право занято в первую очередь политическими и геополитическими проблемами. Согласно новой концепции, международное право в большей степени связано с координированием и регуляцией экономических, социальных и коммуникативных проблем, а также проблем, связанных с охраной окружающей среды. В связи с существенным увеличением числа организаций, участвующих в мировой политике, таких как Организация Объединенных Наций, Международный банк, Международный союз электросвязи, Продовольственная и сельскохозяйственная организация и Всемирная организация здравоохранения, — появилось множество препятствий на пути к расширению сферы действия международного права. Вместе с тем раздаются голоса тех, кто считает, что изменение сферы действия международного права меньше всего связано со свободой государств, а гораздо больше с общим благосостоянием тех участников глобальной системы, которые способны заставить услышать их голоса, — таких как корпорации, группы давления и т. д. (ср., например: Roling, 1960; Friedmann, 1964; Cassese, 1986, ch. 7—9).

В-третьих, было подвергнуто сомнению распространенное в правовой науке представление о том, что подлинным источником международного права являются только соглашения между государствами, будь то соглашения зарегистрированные или подразумеваемые. Сегодня целый ряд источников международного права добивается признания. В их число входят традиционные источники, такие как международные договоры и соглашения, которые признаны государствами, международная традиция или распространенная практика, предполагающая очевидность общепринятого правила или свода правил, и основополагающие принципы права, признанные «цивилизованными народами». Однако наряду с этими источниками теперь можно найти и «волю международного сооб-

74

щества», которая при определенных условиях может обрести «статус закона» или лечь в «основу международного правового обязательства» (ср.: Bull, 1977, P-147—158; Jenks, 1963, ch. 5; Falk, 1970, ch. 5). Это мнение представляет собой принципиальный разрыв с требованием, согласно которому необходимым условием создания международных норм и обязательств является их официальное признание со стороны каждого отдельного

государства. Кроме того, целый ряд формальных и неформальных норм и правил, с которыми соглашаются и которых твердо придерживаются в межправительственных и транснациональных отношениях, вносит страшную путаницу в работу регулирующих механизмов, что имеет далеко идущие организационные последствия (см., например, разделы 1.2.2 и 1.3.2 этой главы).

1.3.1 СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Если Вестфальская модель международного права подвергалась критике на протяжении всей современной эпохи, то новую модель регуляции международных отношений повсеместно принимали и отстаивали вплоть до окончания Второй мировой войны, что увенчалось принятием Устава ООН. Изменения, внесенные Уставом, подняли фундаментальные вопросы относительно природы и формы международного права, вопросы, которые указывали на возможность существенного разногласия между правом национальных государств — государственной системы — и более широкого международного сообщества. Ибо в основе этих изменений лежит конфликт между требованиями, выдвигаемыми от имени отдельных государств, и требованиями, которые выдвигаются в интересах всего мирового сообщества — в конечном счете, сообщества государств, имеющих равное право голоса в Генеральной Ассамблее ООН, открыто и совместно регулирующих международную жизнь и соблюдающих Устав ООН и пакты по правам человека. Однако этот конфликт далек от разрешения, и сделать вывод о том, что эпоха модели устава ООН просто пришла на смену Вестфальской логике международного правления, означало бы впасть в заблуждение.

Образом международной регуляции, проектируемым Уставом (и связанными с ним документами), были «государства, все еще ревностно оберегающие свой „суверенитет“, но соединенные теперь „мирадами отношений“», признающие в принципе жесткие ограничения на применение силы, вынужденные решать разногласия мирными средствами и согласно юридическим критериям и обязанные соблюдать „определенные стандарты“ в отношении всех лиц, находящихся на их территории, включая их собственных граждан» (Cassese, 1991. P-256). Конечно, большой вопрос — насколько сдерживающими явились положения Устава по отношению к государствам. Прежде чем обратиться к этому, рассмотрим основные элементы Устава (см. врезку 1.3).

Организации и процедуры ООН были разработаны отчасти так, чтобы избежать недостатков, которые были очевидны в Лиге Наций (см.: Zimmern, 1936; Osiander, 1994> ch. 5), и создать такую международную властную структуру, как представляли ее себе в 1945 г. Политическое разделение земного шара на полновластные национальные государства с разными геополитическими интересами было осуществлено в духе Устава ООН. Одним из наиболее очевидных проявлений этого духа было особое право вето, предоставленное постоянным членам

75

Врезка 1.3 Модель Устава ООН

1 Мировое сообщество состоит из суверенных государств, связанных плотной сетью взаимоотношений, как возникающих *ad hoc*, так и институционализированных. Индивиды и группы признаются полноправными участниками международных отношениях (хотя и с ограниченными ролями).

2 Народам, угнетаемым колониальными властями, расистскими режимами или иностранными оккупационными силами, предоставляется право самим выбирать свое будущее и соблюдать свои интересы. Принцип самоопределения является законным.

3 Декларируется постепенное принятие стандартов и ценностей, которые ставят под вопрос принцип эффективной государственной власти; соответственно, серьезные нарушения данных международных правил теоретически должны оцениваться как незаконные. Вводятся ограничения на применение силы, в том числе и на неоправданное использование экономической силы.

4 Создаются новые правила, процедуры и институты, предназначенные для разработки законов и оказания правового давления в международных отношениях.

5 Принимаются юридические принципы, определяющие формы и разнообразие участия всех членов международного сообщества и представляющие собой совокупность директив для структурирования международных правил.

6 Подчеркивается фундаментальное значение прав личности и создается свод международных правил, вынуждающих государства соблюдать определенные нормы в обращении со всеми, в том числе и с собственными гражданами.

7 В качестве общих приоритетов признаются сохранение мира, строгое соблюдение прав человека и установление большей социальной справедливости; «общественные отношения» включают в себя

международное сообщество в целом. В отношении некоторых ценностей — мира, запрещения геноцида — международные правила в настоящее время предусматривают индивидуальную ответственность государственных чиновников и возможность государства совершать преступные деяния.

8 Признается систематическое неравенство между народами и государствами, и устанавливаются новые правила, включая концепцию «общего наследия человечества»*, с целью выработать способы управления процессами распределения, владения и эксплуатации территории, собственности и естественных ресурсов.

* Впервые выдвинутая в конце 60-х гг. XX в. концепция «общего наследия человечества» была предложена с целью предотвратить присвоение государством или частным лицом права использовать некоторые ресурсы и обеспечить возможность их использования на благо всех с должным вниманием к защите окружающей среды.

Источники: Held, 1995. P. 86; Cassese, 1986, p. 398—400

Совета Безопасности ООН. Этот привилегированный политический статус придавал особый вес и законность позиции каждой из великих держав, ибо, хотя в принципе им было запрещено применять силу в случаях, противоречащих Уставу, они были застрахованы своим правом вето от осуждения и санкций в случае односторонних действий. В результате в годы холодной войны ООН фактически оставалась безучастной при решении многих неотложных проблем (см.: Falk, 1975a. p. 169—196) 1975b, p. 69—72; Cassese, 1986, p. 142—143> 200—201, 213—214.246<— 250). Более того, Устав (в соответствии со статьей 51) фактически предоставлял право на односторонние военные действия, поскольку не было дано четкого оп-

76
ределения понятию «необходимой самообороны». Поэтому в каких-то аспектах структура международных отношений, выстроенная в соответствии с Уставом, представляет собой дальнейшее развитие межгосударственной системы.

Однако в ряде случаев система Устава ООН была совершенно новаторской и довольно влиятельной. Благодаря ей возник международный совещательный форум, на котором, в принципе, все государства в определенных отношениях являются равными, — форум, представляющий собой особую ценность для многих развивающихся стран и тех стран, которые стремятся найти основу для «консенсуса» при решении международных проблем. Она предоставила формальные основания для процесса деколонизации и проведения реформы международных институтов. Кроме того, система ООН способствовала созданию системы управления, призванной следить за состоянием «международных общественных благ», начиная с контроля за международным воздушным сообщением, телекоммуникациями и почтовой службой (взяв под свое покровительство некоторые из ранее учрежденных международных организаций) и заканчивая контролем за инфекционными болезнями, гуманитарной помощью беженцам и жертвам стихийных бедствий, охраной окружающей среды (особенно озонового слоя атмосферы и климата) (см.: Imber, 1997; а также гл. 2 и 8). Производство и эффективная охрана всех этих «благ» требуют международного сотрудничества. Для этого, в свою очередь, необходимо было создать всеобъемлющую систему глобального управления (см. врезку 1.4), несмотря на то, что она со временем постепенно менялась и испытывала напряженный политический конфликт и финансовые затруднения (см.: Childers, 1993)-

ООН, тем не менее, выработала ценный, несмотря на все его ограничения, взгляд, согласно которому принципы глобального управления, альтернативные по отношению к традиционным принципам геополитики, должны быть основаны на коллективном принятии решений правительствами и неправительственными организациями, — взгляд, согласно которому во всех мировых делах присутствует независимая, при определенном стечении обстоятельств, от национальных интересов забота о защите прав человека. Действительно, этот взгляд, если довести его до логического конца, полностью отрицает принцип, согласно которому человечество может или должно быть организовано прежде всего как сообщество независимых государств. Впрочем, все эти положения нуждаются в дальнейшем рассмотрении (см. ниже, гл. 2 и Заключение).

1.3.2 РЕЖИМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В результате изменений, происшедших в международном праве, индивиды, правительства и неправительственные организации оказались в новой системе правового регулирования. Международное право признает дееспособность и принуждение, права и обязанности, которые в ряде важных аспектов ограничивают принцип государственного суверенитета; суверенитет *per se* — сам по себе — не является больше абсолютной гарантией международной легитимности. Точка зрения, согласно которой легитимное государство должно быть демократическим, таким, которое придерживается неких общепризнанных ценностей, закреплена в некоторых правовых документах (см.: Crawford, 1994). В этом отношении существенную роль играет закон о правах человека и режимы прав человека.

Врезка 1.4 Комитеты и специализированные учреждения ООН

КОМИТЕТЫ ООН

Созданные Генеральной Ассамблеей после 1945^r -> эти организации финансируются из собственного бюджета ООН, который образуется из членских взносов и добровольных пожертвований. В совокупности они охватывают все социальные и экономические функции ООН.

<i>Аббревиатура</i>	<i>Название</i>	<i>Штаб-квартира</i>
UNCTAD	Конференция по торговле и развитию	Женева
UNICEF	Детский фонд ООН	Нью-Йорк
UNHCR	Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев	Женева
UNDP	Программа развития	Нью-Йорк
UNEP	Программа в области окружающей среды	Найроби
WFP	Всемирная продовольственная программа	Рим
UNFPA	Фонд занятости населения	Нью-Йорк

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ООН

Юридически самостоятельные организации со своими собственными штатами, бюджетами и программами, многие из которых были созданы еще до возникновения ООН.

Номинально работа этих специализированных учреждений координируется Экономическим и социальным советом ООН; ежегодные встречи глав этих учреждений называются Административно-координационным комитетом.

<i>Аббревиатура</i>	<i>Название</i>	<i>Год основания</i>	<i>Штаб-квартира</i>
ITU	Международный союз электросвязи	1865	Женева
WMO	Всемирная метеорологическая организация	1873	Женева
UPU	Всемирный почтовый союз	1874	Берн
ILO	Международная организация труда	1919	Женева
ICAO	Международная организация гражданской авиации	1944	Монреаль
IMF	Международный валютный фонд	1944	Вашингтон
IBRD	Международный банк реконструкции и развития	1944	Вашингтон
РАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН	1945	? ^{им}
UNESCO	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры	1945	Париж
WHO	Всемирная организация здравоохранения	1946	Женева
IMCO	Межправительственная морская консультативная организация	1948	Лондон
GATT (WTO)	Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ныне — Всемирная торговая организация)	1948	Женева
IFC	Международная финансовая корпорация	1956	Вашингтон
(филиал IBRD)			
IAEA	Международная организация по атомной энергии	1957	Вена

Врезка 1.4 продолжение

<i>Аббревиатура</i>	<i>Название</i>	<i>Год</i>	<i>Штаб-</i>
---------------------	-----------------	------------	--------------

аттура		основания	квартира
IDA	Международная ассоциация развития	1960 1967	Вашингтон
UNIDO	Организация ООН по промышленному развитию		Вена
Источник: Imber, 1997. P- 206—207			

«Защита человеческого достоинства не знает границ», — замечает Эмилио Миньон (Mignone), аргентинский борец за права человека (цит. по: Brysk, 1993> P- 28i)-Это утверждение схватывает важные аспекты международного режима прав человека как глобальной политической и правовой структуры, призванной поддерживать справедливость. Кроме того, оно проливает свет на потенциальный конфликт, который может возникнуть между общепринятым пониманием прав человека и политической организацией мира, состоящей из независимых государств. Активисты борьбы за права человека, такие как Миньон, категорически отвергают представление о национальном государстве как политическом пространстве с определенными границами, внутри которого политические власти могут обращаться со своими гражданами, как им угодно. Суверенитет же как раз предполагает не только высшую власть над политическим сообществом внутри ограниченной территории, но и наличие у государства права не допускать в свои внутренние дела никакого вмешательства извне. Само существование международных прав человека может поэтому рассматриваться (и рассматривается многими правительствами) как неоправданное вмешательство во внутренние дела государств. Тем не менее после окончания Второй мировой войны подавляющее большинство государств поддержало или признало общеобязательность международного режима прав человека.

В настоящее время этот режим состоит из глобальных, региональных и национальных соглашений и институтов, тесно сотрудничающих друг с другом. На глобальном уровне права человека прочно закреплены в Международном билле о правах человека, который включает в себя Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и ряд соглашений по гражданским, политическим и экономическим правам, принятых преимущественно в 60—70-е гг. XX в. В 80-е гг. они были дополнены Конвенцией о недопущении дискриминации женщин и Конвенцией по правам ребенка. Комиссия ООН по правам человека (UNCHR) отвечает за охрану этой системы и постоянно собирает сведения о случаях нарушения этих прав, готовя их к рассмотрению в Совете Безопасности ООН. Кроме того, Международная организация труда (ILO/MOT), в принципе, следит за соблюдением прав трудящихся.

В большинстве регионов мира существуют аналогичные юридические структуры и механизмы. Что касается Европы, то здесь за соблюдением прав человека наблюдают и в случае их нарушения выносят соответствующие решения европейский уполномоченный по правам человека, Европейский суд по правам человека и Организация за безопасность и сотрудничество в Европе (ОБСЕ). Аналогичные функции в Африке выполняет Банжильский устав (Banjul Charter, Гамбия), а

79

на американском континенте — Межамериканский комитет по правам человека Организации американских государств (OAS/OAG). Но, возможно, более существенную, если не сказать, самую существенную роль в области соблюдения прав человека играют многочисленные международные неправительственные организации, такие как Международная Амнистия, Лига по правам человека и Международная комиссия юристов.

Начиная с 70-х гг. «как численность неправительственных организаций по правам человека, так и их активность невероятно возросли» (Donnelly, 1993> P-14)-В настоящее время существует более двухсот американских неправительственных организаций, связанных с проблемами прав человека, примерно такое же их количество в Великобритании и во всей Европе, растет численность таких организаций и в развивающемся мире. Значение этих неправительственных организаций состоит не просто в том, что они контролируют и предают гласности случаи нарушения прав человека, но в том, что в отдельных случаях устраивают целые кампании и — все вместе — образуют глобальную сеть организаций по правам человека. Они могут действовать независимо от каких бы то ни было национальных интересов, поэтому способны обходить правительства и создавать дееспособные группы активистов на глобальном и региональном уровнях. В результате эти неправительственные

организации по правам человека оказываются особой разновидностью транснационального общественного движения, которое во многих странах расценивается как радикальное, поскольку его сторонники не только выступают в защиту прав отдельных индивидов, но и выдвигают требование оградить автономию гражданского общества от возможного диктата со стороны государства.

Каждый из основных договоров ООН по правам человека в настоящее время ратифицирован более чем в 140 из 190 стран, и ожидается, что число ратификаций станет еще больше.

Увеличивается и число государств, высказывающих принципиальное согласие принять на себя основные обязанности по защите и обеспечению прав человека, а также ввести соответствующие ограничения в свои судебные процедуры и действия (см.: Beetham, 1998).

Несмотря на то, что обязательства по соблюдению прав человека редко соблюдаются под нажимом, требования, выдвигаемые новым международным режимом прав человека — формальные и неформальные, — способствовали возникновению множества групп, движений, организаций, правозащитников, которые полностью посвятили себя делу перестройки природы национальной политики, национального суверенитета и государственной ответственности.

Однако было бы неверным делать отсюда вывод, будто бы глобальный режим прав человека является мощным средством устрашения для тех стран, где происходит нарушение прав человека. Даже международная акция против Аргентины в конце /0-х —• начале 80-х гг. (см. врезку 1.5) сама по себе не привела к прекращению нарушений прав человека. Более того, даже официальные органы режима, такие как UNCHR (Комиссия ООН по правам человека), не имеют никаких средств принуждения для поддержания прав. К тому же, поскольку государства по-прежнему настаивают на неприкосновенности своего суверенитета, нередко оказывается, что сделать можно немного, помимо того, чтобы предать гласности вопиющие случаи и вести агитацию на международных форумах за проведение двусторонних и многосторонних акций. Тем не менее, политическое и право-

80

Врезка 1.5 Транснациональная борьба за соблюдение прав человека

Яркой иллюстрацией глобальной роли неправительственных организаций в области проблем, связанных с правами человека, может служить ситуация в Аргентине в конце 70-х — начале 80-х гг., сложившаяся после военного переворота 1976 г.

В 1977 г. госсекретарь США Сайрус Вене во время своего визита в Аргентину вручил главе военной хунты список, в котором было перечислено 75°о случаев необъясненных «политических исчезновений», который был составлен аргентинскими активистами по правам человека и сначала отправлен в неправительственные организации по правам человека, расположенные в Вашингтоне. (Эти цифры составляют лишь около четверти того количества людей, которые, согласно проведенным подсчетам, «исчезли» в течение почти восьми лет диктатуры.) С помощью мобилизации механизма международного режима по правам человека и глобальным сетям неправительственных организаций по правам человека аргентинские активисты смогли привлечь внимание всемирных СМИ и мировой общественности к ситуации с правами человека в своей стране. Совместное международное давление, оказанное через транснациональные сети, Комиссию ООН по правам человека, Организацию американских государств (ОАС/ОАГ) и правительства отдельных стран, привели к необычайной вспышке политической активности как на глобальном, так и региональном уровнях (см.: Fisher, 1989). Представительницы организации «Las Madres de Plazo de Mayo» («Матери Плазо де Майо»), или «Матери всех пропавших», — одной из наиболее известных групп борцов за права человека в Аргентине — «в 1978 г. посетившие с визитом США, Канаду и Европу, в 1979 г. были делегатами Католической церковной конференции в Пуэбло (Pueblo Conference), ОАГ и ООН, в 1980 г. дали свидетельские показания перед Конгрессом США, и в том же году трое из них были выдвинуты кандидатами на получение Нобелевской премии. Когда они посетили Европу, то были

приняты в качестве высоких официальных лиц премьер-министром Испании, французским президентом и Папой Римским» (Brysk, 1993. P- 265)

В свою очередь, их деятельность привела к тому, что на Аргентину было оказано все-стороннее давление со стороны правительств США и европейских стран, которое заключалось в сокращении помощи, «инспекциях» со стороны ООН и ОАГ и применении других санкций. Внешняя помощь, поступавшая из самых разных источников, таких как Фонд Форда, Всемирный совет церквей, Международная Амнистия, норвежский парламент, голландские церкви, правительства США, Франции, Швеции, Дании и Швейцарии и ООН, тоже способствовала тому, что движение за гражданские свободы и права человека в Аргентине сохраняли свою высокую активность на протяжении всего периода военной диктатуры. На основании всего этого можно утверждать, что «международный режим прав человека был одновременно и союзником и ареной аргентинского движения за права человека» (Brysk, 1993. P- 266). Другими словами, в каком-то смысле он оказался и продолжением национального политического пространства, и новой сферой, в которой может вестись успешная борьба за гражданские права.

вое значение режима при формировании представления о правовом государстве не следует недооценивать. В этом отношении особое значение имеет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950)- Весьма показательно, что в отличие от Всеобщей декларации и последующих конвенций ООН по правам человека Европейская конвенция была намерена, как отмечается в ее пре-

81

амбуле, «сделать первые шаги в сторону коллективного принуждения для соблюдения тех прав, которые заявлены во Всеобщей декларации». Европейская инициатива была и остается наиболее радикальным правовым нововведением — инновацией, которая впервые в истории государства позволяет отдельным гражданам предъявлять судебный иск своему правительству. В рамках этой структуры государства отныне не имеют права обращаться со своими гражданами, как им хочется (Capotorti, 1983, p. 977)-

Соответственно, в региональном и международном праве наблюдается постепенный отход, — осуществляющийся, правда, неравномерно, — от принципа, согласно которому государственный суверенитет следует отстаивать независимо от последствий для индивидов, групп и организаций. Уважение к автономии субъекта и ко всему спектру прав человека создает новый набор принципов, которыми руководствуются в политической жизни и которые могут ограничить пределы государственной власти и видоизменить само представление о ее эффективности. Все это служит показателем изменения значимости, придаваемой тем претензиям, которые предъявляются от имени государств, с одной стороны, а с другой, — тем, что исходят от лица альтернативного организационного принципа мирового порядка, в котором неоспоримый государственный суверенитет больше не обладает высшими прерогативами.

Еще один показательный в этом отношении пример — это тенденция в современном международном праве, направленная на укрепление представления о том, что легитимное государство должно быть государством, которое признает некоторые общие демократические ценности (см.: Crawford and Marks, 1998). Например, в статье 21-й Всеобщей декларации прав человека наряду с перечисленными в ней правами фигурирует и демократический принцип как «общий образец, к которому должны стремиться все нации и народы» (см.: UN, 1988, p. 2, 5). Однако само слово «демократия» в декларации не упомянуто, а прилагательное «демократический» появляется еще раз лишь однажды (в статье 29-й). В отличие от декларации, Международная конвенция ООН по гражданским и политическим правам (1966) (вступившая в силу в 1976 г.) разрабатывает этот принцип в статье 25-й, превращая ряд различных соглашений и конвенций по правам в обязывающий договор (см.: UN, 1988, p. 28). Согласно 25-й статье Конвенции, «каждый гражданин должен иметь право и возможность без... необоснованных ограничений:

- а) принимать участие в общественной жизни непосредственно или через свободно избранных представителей;
- б) иметь право голоса и право быть избранным в ходе периодически производимых выборов,

которые должны осуществляться на основе всеобщего и равного избирательного права тайным голосованием, гарантирующим свободное выражение воли избирателей;

с) иметь равное со всеми право занимать общественные должности в своей стране».

Американская конвенция по правам человека, наряду с другими региональными конвенциями, почти дословно воспроизводит статью 21 Всеобщей декларации, так же как и статью 25 Конвенции по гражданским и политическим правам, тогда как Европейская конвенция по правам человека напрямую связывает демократию с государственной легитимностью, равно как и устав Совета Европы,

82

согласно которому непременным условием членства той или иной страны в Совете является соблюдение ею демократических принципов правления. Хотя соблюдение этих принципов нередко оказывается слабым, само требование является еще одним признаком, свидетельствующим о начале нового подхода к понятию законной политической власти в международном праве; иначе говоря, оно закрепляет в международном праве представление о том, что законная политическая власть должна быть, с одной стороны, подотчетной членам того политического сообщества, воплощением которого она является, а с другой, должна содействовать соблюдению основных прав человека.

Еще один вызов юридическому представлению о государственном суверенитете бросает признание необходимости соблюдать определенные права разного рода меньшинств или лиц, принадлежащих к таким меньшинствам (см.: Crawford and Marks, 1998). Начиная с 1989 г., события, развернувшиеся вокруг межэтнических конфликтов, породили стойкое ощущение, что некоторые меньшинства нуждаются в защите. В 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию по правам лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам. Провозгласив, что государства «должны защищать существование и национальную, культурную, религиозную и языковую идентичность меньшинств», Декларация закрепила за членами меньшинств право «эффективно участвовать в культурной, религиозной, социальной и общественной жизни». Хотя Декларация еще не обладает обязательной юридической силой, она повсеместно признана как документ, рисующий прообраз будущего международного права. С другой стороны, особого внимания заслуживает стремление гарантировать защиту прав меньшинств. В рамках Совета Европы была разработана Декларация по языкам регионов и меньшинств и основополагающая конвенция о защите национальных меньшинств. Кроме того, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) приняла ряд документов, подтверждающих права меньшинств, и учредила должность Верховного комиссара по национальным меньшинствам, чтобы обеспечить «своевременное обнаружение» и «принять заблаговременные меры» в отношении «напряженностей, влекущих за собой проблемы национальных меньшинств» (Crawford and Marks, 1998, p. 76—77).

Все эти изменения — важные симптомы перехода от Вестфальского международного права, главная роль в котором отведена государству, к новому праву, которое, как правило, стремится ограничить пределы государственного суверенитета. Последний яркий пример, о котором стоит здесь упомянуть — разрушение традиционного представления о том, что гуманитарное вмешательство с целью предотвратить серьезные нарушения прав человека недопустимо просто потому, что оно нарушает принцип национального суверенитета. Это показало санкционированное ООН вторжение в Ирак, Сомали и Боснию. Например, резолюция № 688 Совета Безопасности ООН от 5 апреля 1991 г., которая придает законный статус понятию зон безопасности для курдов на территории Ирака, «дает новое обоснование тому, до какой степени Совет Безопасности может принимать участие в оказании сопротивления государству, которое издевается над собственным народом» (Greenwood, 1993: Р- 36). Вследствие этого пересматривается традиционное представление о том, что государственному суверенитету принадлежит приоритет над гуманитарными требованиями. Конечно, влияние этого

83

пересмотра по-разному сказывается в разных уголках земного шара. Тем не менее, разумно будет прислушаться к тому, что «ныне есть сфера внутренней политики, связанная с соблюдением прав человека... которая находится под пристальным вниманием

международного права. Происходящее в этой сфере не является еще основанием для вмешательства... Но позволяет всем членам международного сообщества давать юридическую оценку внутреннего режима любой страны, входящей в состав этого сообщества» (Vincent, 1986, p. 152). Разумно учитывать и то, что «международное право, — как отмечают Дж. Кроуфорд и С. Маркс, — с его расширяющейся нормативной базой, возрастающей требовательностью предписаний и возрастающей институционализацией, есть проявление процесса глобализации» (Crawford and Marks, 1998, p. 82).

1.3.3 ОТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА К ПРАВУ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМУ

Под правом космополитическим, или глобальным, или — что то же — глобальным гуманитарным правом, подразумевается область права, отличающаяся по типу от права государств и права, установленного между одним государством и другим для расширения их геополитических интересов и при обоюдном согласии (см.: Held, 1995. ch. 10). Космополитическое право относится здесь к тем элементам права — хотя и созданного государствами, — которые определяют полномочия и ограничения, права и обязанности, превышающие требования национальных государств и имеющие далеко идущие национальные последствия. Элементы такого права определяют и стремятся сохранить основные гуманитарные ценности, которые вступают в противоречие, а иногда и в конфликт с внутригосударственными законами. Эти ценности устанавливают основополагающие стандарты или границы, которые никакой политический деятель, будь то член правительства или государство, в принципе, не могут переступить. В предыдущем разделе уже говорилось о том, что режимы прав человека и законы о правах человека плохо уживаются с представлением о государственном суверенитете как единственном надежном принципе организации отношений в рамках политических сообществ и между ними. Они были рассмотрены отдельно (раздел 1.3-2) ввиду того центрального положения, которое они занимают в современной глобальной политике. Но их можно было бы представить как составную часть космополитического права наряду с законами войны, законами о военных преступлениях и преступлениях против человечности и законами об охране окружающей среды. В совокупности все эти отрасли права составляют развивающуюся систему стандартов и сдерживающих норм, которые затрагивают и ограничивают представление о нерушимости принципа государственного суверенитета. Хотя соблюдение этих стандартов часто оказывается формальным, они все-таки свидетельствуют о тех изменениях, которые влияют на понятие законной государственной власти в рамках регионального и глобального права.

Основой для формирования правил ведения войны послужила мысль о том, что если войну и нельзя отменить полностью, то некоторые из ее наиболее страшных проявлений, касающиеся в равной мере как солдат, так и мирного населения, должны быть признаны противозаконными, и, тем самым, война должно вестись как можно более гуманно. Цель правил ведения войны состоит в том, чтобы ограничить военные действия минимальными нормами цивилизованного поведения,

Врезка 1.6 Правила ведения войны

«Основные документы, которые устанавливают „законы войны" и основные сферы их применения, суть следующие: 1) Парижская декларация 1856 г., которая ограничила ведение морской войны, запретив каперство и определив, что блокада будет считаться эффективной в том случае, если она будет юридически обязывающей; 2) Женевская конвенция 1864 г. (пересмотренная в 1906 г.), которая гарантировала гуманное обращение с ранеными на поле боя; 3) Гаагская конвенция 1899 г. -> которая кодифицировала многие из общепринятых норм ведения сухопутной войны; 4) Гаагская конвенция 1907 г., которая переработала конвенцию 1899 г. - в части, касающейся прав и обязанностей воюющих сторон и нейтральных государств и отдельных лиц, и установила правила применения новых видов оружия, таких как разрывные пули „дум-дум", отравляющий газ и аэростаты, используемые для бомбардировки; 5) Женевская конвенция 1929 г., которая обеспечила хорошее обращение с военнопленными, а также больными и ранеными. 6) Лондонский протокол 1936 г., который ограничил использование подводных лодок против торговых судов; и 7) Женевская конвенция 1949 г., которая модернизировала правила, касающиеся гуманного обращения с пленными, больными и ранеными и защиты гражданского населения. Помимо этих и других, более частных конвенций и региональных договоров воюющие стороны в современном мире связаны обычным международным правом и «правом человечности», запрещающими неоправданную жестокость и другие действия, противоречащие общественной морали, но не охватываемые ни обычным, ни договорным правом».

Источник: Piano and Olton, 1988, p. 193

которых будут придерживаться все стороны, участвующие в вооруженном конфликте. И хотя эти правила часто нарушались во время войны, в прошлом они все-таки помогли удерживать от некоторых наиболее безжалостных актов уничтожения, которые в принципе могли быть совершены. Основные многосторонние соглашения, устанавливающие правила ведения войны, приведены на врезке 1.6.

Правила ведения войны образуют развивающуюся схему предписаний, стремящихся сдерживать поведение воюющих сторон в ходе международных вооруженных столкновений. Правила эти исходят из двоякого рода предпосылок о том, что «жестокое проявление войны должно быть сведено к минимуму (в той степени, в какой позволяет это сделать военная необходимость) и что свобода воюющих сторон в выборе методов и средств ведения войны не является безграничной» (Dinstein, 1993> P- 966). Со временем большинство правил войны превратилось в нормы обычного права, и теперь они входят в состав многочисленных международных соглашений. Эти соглашения, в принципе, отмечают существенное изменение, которое произошло за это время в юридическом представлении о современном государстве, поскольку они оспаривают безоговорочность военной дисциплины и ставят под сомнение принцип национального суверенитета в одном из самых чувствительных его пунктов: в том, что касается отношений между военными и государством и способности военных отстаивать «интересы государства» независимо от последствий, которые будет это иметь для других народов. Использование государственного насилия во время межгосударственной войны, в принципе, ограничено.

85

Об этом же процессе постепенного «правового ограничения» государства свидетельствует и тот факт, что некоторые государства сами признали права тех, кто отказывается служить в национальной армии. Признав юридическое право на сознательный протест, многие государства согласились и с тем, что бывают случаи, когда индивид безусловно должен следовать нормам нравственности независимо от его или ее обязанностей как гражданина государства (см.: Vincent, 1992. P- 2.69— 292). Об этих «свободных обязанностях» шла речь и на Международном трибунале в Нюрнберге (и на происходящим почти одновременно с ним трибунале в Токио). Трибунал впервые в истории постановил, что когда нормы *международного права*, которые охраняют основные гуманитарные ценности, вступают в конфликт с *государственными законами*, любой индивид обязан их нарушить (кроме тех случаев, когда нет возможности «морального выбора») (Cassese, 1988, p. 132). Современное международное право в общем подтвердило положение, сформулированное трибуналом, и утвердило его отказ признать смягчающим обстоятельством выполнение приказа, полученного сверху, в случае, если речь идет об ответственности за преступления против мира и человечности.

«Со времен Нюрнбергского процесса было признано, что ссылка на официальную позицию и

приказ, поступивший сверху, не может служить основанием для освобождения военных преступников от уголовной ответственности. Даже выполнение обязательных норм национального законодательства не является оправданием с точки зрения международного права. Кроме того, военные преступления не подпадают под действие норм обычного права о сроках давности. Поэтому не существует никаких временных ограничений на судебные разбирательства, которые могут возбуждаться спустя многие десятилетия после совершения преступления» (Dinstein, 1993. Р- 968)

Системы правил, регулирующих ведение войны и определяющих состав преступления против человечности, касаются в основном случаев совершения насилия против людей во время войны. Однако многие случаи насилия, совершаемого против отдельных лиц, и многие случаи злоупотребления властью не укладываются в официальные сроки объявления войны и прекращения военных действий. Фактически, как недавно было доказано, различия между войной и миром, между агрессией и репрессией стерлись в результате изменения форм насилия (Kaldor, 1998). Виды насилия, зафиксированные во время конфликта в Боснии в 1993—1995 гг., проливают свет на роль полувоенных формирований, организованной преступности и тех подразделений национальных армий, которые могут больше и не находиться под непосредственным контролем со стороны государства. Подобного рода группировки совершают такие акты насилия по отношению к гражданскому населению, которые зачастую носят рассредоточенный и случайный характер. Они совершают зверства, изнасилования и устанавливают длительные осады, нередко прикрываясь лозунгом борьбы за сохранение собственной нации и принимая форму этнической чистки. О чем свидетельствуют такие методы «ведения войны», так это о том, что между явными и форменными преступлениями, совершенными на войне в ходе военных действий, и нападениями на гражданское население, в ходе которых его лишают имущества и угрожают его жизни и здоровью, которые нередко принимают крупные масштабы и могут не сопровождаться объявлением войны со стороны государства, лежит очень тонкая грань. Если многие из новых форм ведения войны не соответству-

86

ют никаким классическим правилам ведения войны, то они являются массовыми нарушениями международных прав человека. Соответственно, правила ведения войны и законы о правах человека могут рассматриваться как необходимые *дополнительные* нормы международного права (см.: Kaldor, 1998). Основная мысль, которая подчеркивается в настоящее время в международных правовых соглашениях, состоит в том, что обуздать вооруженную агрессию и злоупотребления властью можно только двумя способами: с помощью контроля за ведением военных действий и предотвращения нарушений прав человека. О бесполезности силового давления для установления режимов прав человека уже говорилось. Бесполезность принудительных мер в деле соблюдения правил ведения войны тоже совершенно очевидна. Тем не менее правила ведения войны и режимы прав человека в сочетании друг с другом устанавливают принципы и нормы национального и международного политического поведения, которые, по сути дела, ограничивают государственный суверенитет, придавая ему определенную форму и очерчивая сферу действия. Ибо любые ограничения силового давления влекут за собой существенные изменения. Если бы те нормы и права, о которых идет здесь речь, были по справедливости претворены в жизнь, то это представляло бы собой весьма заметное развитие международного права и характера организационных принципов, регулирующих отношения между политическими сообществами.

Вызов принципу государственного суверенитета можно проиллюстрировать на примере, взятом еще из одной — находящейся в стадии становления — сферы регуляции: из отрасли права, в ведении которого находятся проблемы, связанные с окружающей средой и использованием природных ресурсов. В этой области тоже произошел пересмотр традиционных принципов, устанавливающих права собственности на территорию и ресурсы. Сущность классического Вестфальского международного права составляло представление о том, что земли, моря и воздух признаются по праву принадлежащими суверенному государству на условии, что «кто бы ни владел территорией и ни осуществлял фактический контроль над ней, он должен быть носителем соответствующего юридически закрепленного титула» (см.: Cassese, 1986, р. 376—377)– Хотя принцип государственного суверенитета недавно был расширен и стал предполагать контроль над ресурсами в разных областях,

включая континентальный шельф и эксклюзивные «экономические зоны» (территории, удаленные на расстояние до 200 морских миль от берегов того или иного государства), в 1967 г. новое понятие стало предметом обсуждения с целью переосмысления законного основания для присвоения и эксплуатации ресурсов — «общего достояния человечества» (см. выше, врезку 1.3). Поскольку этот принцип был предметом интенсивных обсуждений в Организации Объединенных Наций и других местах, он в конечном итоге нашел свое воплощение в двух важных соглашениях: в Конвенции о Луне и других космических телах (1979) и Конвенции о морском праве (1982). Представленный сначала как способ осмысления влияния новой технологии, открывающей возможность эксплуатации природных ресурсов — на дне моря или на Луне и других планетах, — находящихся вне национальной юрисдикции, этот принцип для первых его сторонников послужил основанием для доказательства того, что обширная область неиспользованных до настоящего времени ресурсов должна разрабатываться для всеобщей выгоды, особенно — бедных и развивающихся стран.

87

Из числа основных элементов понятия «общего наследия» исключены права владения, зато присутствует обязанность использовать ресурсы в интересах человечества и обязательство исследовать и использовать их только в мирных целях (Cassese, 1986, p. 390). Введение понятия общего наследия указывает на возможность правопорядка, основанного на справедливости и сотрудничестве. Хотя еще остается много спорных вопросов относительно того, где и как этот принцип должен применяться и каким образом должна распределяться прибыль, получаемая от эксплуатации новых ресурсов, введение этого понятия было поворотным пунктом в международной правовой мысли.

Подводя итоги, можно сказать, что правила ведения войны, законы о преступлениях против человечности, новшества в правовом мышлении относительно использования ресурсов и режимов прав человека — все это означает колоссальный сдвиг, происшедший в понимании предмета и сферы действия международного права. Понимание развивалось в направлении развенчания доктрины, согласно которой международное право должно быть законом, регулирующим отношения только и исключительно между государствами. Усомниться в этой доктрине заставляет появление многочисленных и разнообразных правил, квазиправил и правовых поправок, которые начинают менять основы сосуществования и сотрудничества в глобальном порядке. Правовые инновации способствовали развенчанию представления о том, что высшим нормативным принципом политической организации человечества может и должен быть исключительно принцип суверенной государственности. Выдвинутое совсем недавно предложение создать международный уголовный суд стало еще одним свидетельством постепенного перехода ко «всемирному конституционному строю» (см.: Crawford, 1995; Dugard, 1997; Weller, 1997). Возникли новые правовые структуры, созданные для того, чтобы сократить и ограничить государственный суверенитет, и разработан ряд основных норм и ценностей, которыми должны руководствоваться все страны во время войны и во время мира. Эти новые стандарты и ценности являются основой того, что мы называем здесь зарождающимся кодексом космополитического права. Конечно, основные положения этого права признаются далеко не всеми, но само его существование указывает на развитие поствестфальского порядка — новой глобальной политики, закладывающей новую юридическую основу для налаживания и регулирования отношений между политическими сообществами.

1.3.4 РЕГИОНАЛИЗМ: НОВЫЕ ОТВЕТВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Возникновение глобальной политики и элементов космополитического права шло параллельно с развитием новых форм регионализма. Многие из них будут рассмотрены в последующих главах (см. гл. 3^я 5). Здесь же мы остановимся на развитии регионализма *политического*. Под политическим регионализмом понимается географическая группа смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт, высоким уровнем взаимодействия и институционализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры. Так, в пределах Европы можно указать на Европейский Союз с политическими и экономическими границами, общими для регионального объединения государств и сообществ, а в Южной Азии — на Ассоциа-

88

цию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН/ASEAN), ограниченную рубежами

развивающегося регионального политического комплекса.

ЕС, вероятно, лучше всего охарактеризовать не как международный режим или федерацию государств, а как систему государств, каждое из которых обладает суверенитетом (см.: Keohane and Hoffmann, 1990, p. ю). ЕС основан на серии «межправительственных сделок» — таких ранее заключенных «сделок», как Единое Европейское Действие (1986), Маастрихтское (1991) и Амстердамское соглашение (1997). По сравнению с любой другой международной организацией политические процессы, происходящие в ЕС, с большим на то правом могут быть охарактеризованы как «наднациональные». Важно иметь в виду, что полномочия Союза были обреты благодаря «добровольному отказу» от тех или иных аспектов суверенитета отдельными государствами — «отказу», который, возможно, на самом деле помог европейским национальным государствам устоять под натиском США в первые три десятилетия после Второй мировой войны и выдержать нарастающую экономическую конкуренцию со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (см.: Wallace, 1994). Кроме того, государства, являющиеся членами Европейского Союза, полностью сохраняют всю свою власть во многих сферах внутренней жизни, тогда как уточнение понятия «взаимопомощи» («subsidiarity») в рамках юридической системы ЕС после Маастрихта увеличило для государств возможности политического выбора в некоторых сферах (см.: Neunreither, 1993). Тем не менее суверенитет в пределах Союза тоже теперь четко ограничен: всякого рода концепции, трактующие суверенитет как неделимую, неограниченную, исключительную и бессрочную форму публичной власти, воплощенную в пределах отдельного государства, вышли из моды.

Государства, входящие в состав Европейского Союза, больше не являются единственными центрами власти в пределах своих собственных границ. Как отметил Европейский Суд, «создав сообщество с неограниченным сроком действия, имеющее свои собственные институты, собственное лицо... и, если говорить о более частных вещах, реальную власть, которая зиждется на ограничении суверенитета отдельных государств и передачи их полномочий Сообществу, государства-члены Сообщества тем самым ограничили свои суверенные права» (Mancini, 1990, p. i80). Среди институтов Сообщества особо важное положение занимает Совет министров, поскольку он имеет в своем распоряжении мощные правовые инструменты, которые позволяют ему формулировать и проводить политику с минимальным ущербом для национальной демократии. Из всех этих инструментов самыми значительными являются «регулятивные», так как они имеют статус закона независимо от каких бы то ни было дальнейших переговоров или действий со стороны государств, являющихся членами Сообщества. Споры, возникающие по поводу истолкования и применения этих регулятивных правил (или директив) тем или иным национальным государством, решаются в Европейском Суде; и Суд же берет на себя основную роль при согласовании закона в пределах Сообщества. Кроме того, с принятием Единого Европейского Соглашения принцип единогласия в рамках Совета министров был заменен — для значительного числа проблемных сфер — «мнением квалифицированного большинства» (см.: Noel, 1989). Хотя этим изменением и предусмотрены некоторые механизмы, охраняющие национальный суверенитет (решения по поводу того, какие проблемы могут решаться большинством голосов, сами должны приниматься единогласно),

89

но может быть принята и такая политическая линия, с которой те или иные правительства не согласны. Таким образом, приоритет национального суверенитета больше не гарантируется. Соглашение, принятое на встрече в Маастрихте в 1991 г., направлено, помимо всего прочего, не только на то, чтобы расширять сферу действия экономического и валютного союза, но и чтобы расширять рамки политической интеграции и в других сферах. В частности, оно существенным образом расширяет понятие гражданства ЕС: любой гражданин страны-участницы системы ЕС является теперь и гражданином Сообщества с правом передвигаться и проживать где бы то ни было в пределах ЕС и с правом голосовать и занимать политический пост в стране своего пребывания. Соответственно, значение старых политических границ снижается еще больше, а процесс детерриторизации продолжается. Свобода передвижения и право на повсеместное участие в политической жизни по месту жительства бросает вызов традиционным основам лояльности по отношению к одному-единственному государству (см.: Khan, 1996). Если бы Маастрихтское соглашение было полностью реализовано, то вместе с социальными условиями, предусмотренными Амстердамским соглашением (касающимися, помимо всего прочего, запрета на дискриминацию, основанную на половой, расовой, религиозной и национальной принадлежности), государства, участвующие в Европейском сообществе, сделали бы несколько

больших шагов на пути к созданию высокоинтегрированной наднациональной политической ассоциации (см.: Finder, 1991; Ross, 1995)-

Интенсивность политических взаимосвязей в Европе отличается по ряду важных аспектов от возрастающей интенсивности международных взаимосвязей во всем мире. У Уоллес объясняет это таким образом: «Что составляет отличительный признак Европы, так это... создание относительно устойчивой институциональной сети для межправительственных переговоров по поводу согласования общих интересов, составляющих довольно внушительный список, и... наличие общих традиций, истории, культуры и политических ценностей, к которым политические лидеры и представители институтов могут апеллировать, доказывая легитимность тех правил, которые они согласились претворять в жизнь, и преодолевая трудности, которые они согласились разделять» (Wallis, 1994. Р- 30).

Таким образом, Европейский регион отличается от всего остального мира, охваченного процессом возрастания глобальных потоков и взаимосвязей, не только плотностью своих внутренних политических взаимосвязей, но также и своими культурными и историческими взаимосвязями. Наличие и усовершенствование официальных межправительственных институциональных рамок обеспечивает возможность дальнейшего развития этих взаимосвязей и общей истории. Однако было бы неправильно преувеличивать степень, в какой Европа, как в географическом, так и в функциональном отношении, представляет собой обыкновенный политический, социальный и культурный союз.

Европейский регион состоит из ряда областей и режимов, которые наверху сходятся друг с другом, что производит эффект лоскутного одеяла. Пятнадцать членов ЕС и их совместные институты образуют ядро, вокруг которого все более и более сосредотачиваются взаимосвязи остальных стран Европы. Однако даже в пределах Сообщества имеются глубокие различия между изначальными шестью членами и странами, вступившими в ЕС позднее. За пределами ядра ЕС

второй

90
концентрический круг взаимосвязей и институциональных форм в Европейском регионе образуют члены Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ/ ЕФТА) и члены НАТО: в случае с НАТО институты смыкают Европу с глобальной военной структурой, тогда как в случае со скандинавскими странами существуют институты и взаимодействия, который противоречит режимам ЕС. Наконец, Восточная и Центральная Европа, Балканы и государства бывшего Советского Союза — все они устанавливают ряд разнообразных отношений и взаимосвязей с европейским ядром.

После окончания холодной войны наблюдалось существенное ускорение процесса институционализации региональных отношений за пределами Европы: на американском континенте, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в меньшей степени, в Африке. Но формы, которые принял этот регионализм, радикально отличаются от интеграционной модели ЕС. Действительно, к настоящему моменту весь остальной мир в значительной степени отвергает модель ЕС в качестве примера для простого подражания. В отличие от вестфальского принципа суверенной государственности, брюссельский принцип «суммарного суверенитета» получил небольшой резонанс в Куала-Лумпуре, Бразилии и Лагосе. Вместо него за пределами Европы получила развитие более открытая форма регионализма, которую принято называть «новым регионализмом». В наиболее чистом виде он представлен в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Окрыленные относительным успехом государств, входящих в состав региональной группы АСЕАН (ASEAN), представители нескольких стран Тихоокеанского побережья собрались в конце 1989 г. с целью учредить многосторонний форум для расширения межправительственного сотрудничества. АПЕК (АРЕС) — Экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона, — как известно, рассматривалось сначала как «четыре прилагательных в поисках существительного». Но с тех пор его первоначальный состав расширился, и в него вошли все основные государства региона, что привело к образованию многочисленных рабочих групп и межправительственных структур, цель которых состоит в расширении границ свободной торговли и либерализации экономической деятельности в пределах региона. Управление делами АПЕК осуществляется на регулярных встречах министров всех ключевых областей политики и на ежегодных встречах глав государств, которые совместно составляют список региональных проблем. АПЕК, текущими делами которого занимается небольшой секретариат в Сингапуре, представляет собой пример «нового регионализма» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который, хотя и ограничен экономическими вопросами, развивается скорее в направлении значительного

институционализированно-го форума для многостороннего сотрудничества («открытый регионализм»), чем в сторону региональной политической интеграции («закрытый регионализм») (Ravenhill, 1998). Хотя АПЕК не имеет юридически обязательных соглашений, оно приняло программу действий по расширению экономического сотрудничества и развития «духа единства в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которая включает в себя определенные обязательства по региональной свободной внешней торговле ДО 2010 Г.

Помимо АПЕК, существует еще развивающийся региональный диалог по проблемам безопасности, который институционализирован в Региональном форуме АСЕАН (ARF) (см. гл. 2).

Параллельно с АПЕК и ARF есть также ряд других реги-

91

ональных транснациональных ассоциаций, таких как РЕСС (Тихоокеанский экономический совет сотрудничества), РВЕС (Экономический совет Тихоокеанских стран), RAFTAD (Тихоокеанская торговля и сотрудничество) и CSCAP (Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона) (Yamamoto, 1995)- Эти элитные ассоциации сказываются и на развитии региональных связей и сотрудничества между общественными движениями и группами гражданских активистов, начиная с женского движения, религиозных групп и групп по защите окружающей среды и кончая такими коалициями, как «Верховное народное собрание» («Peoples Summit»), которое проводило свои мероприятия одновременно с официальным ежегодным саммитом АПЕК в Ванкувере в ноябре 1997 г. (Woods, 1998).

Этот «новый регионализм» проявляется и в Латинской Америке, о чем со всей очевидностью свидетельствует создание Южноамериканского общего рынка (MERCOSUR) в 1991 г.

Основная цель MERCOSUR состоит в том, чтобы способствовать более тесной экономической интеграции южноамериканских государств, отчасти — в ответ на подписание

Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA) (Grugel, 1996). Помимо Латинской Америки, более скромные региональные инициативы имеют место на Ближнем Востоке — например, Объединенный совет стран Персидского залива (GCC), Союз арабских стран Магриба (AMU) и Арабский совет экономического сотрудничества (ACC) (Tripp, 1995)- К тому же, когда закончилась холодная война, региональные инициативы, начавшиеся в Африке, в странах Карибского моря, в Азии и на островах Тихого океана, обрели второе дыхание, и процесс регионализации повсюду стал еще более интенсивным.

Кроме того, набирает силы межрегиональная дипломатия, так как и «старые» и «новые» региональные группировки стремятся консолидировать свои связи друг с другом, открывая доступ к рынкам или же просто вступая в дипломатический диалог. На Азиатско-Европейской встрече (ASEM), устроенной в 1996 г., страны ЕС и АСЕАН вступили в дипломатический диалог друг с другом по поводу проблем, представляющих общий интерес во всех областях: от экономики до прав человека, а ЕС к тому же заключил ряд соглашений с MERCOSUR и начал переговоры с NAFTA о создании Атлантической зоны свободной торговли (AFTA). Точно так же и США как основной участник NAFTA вступили в диалог с MERCOSUR по поводу установления более тесного сотрудничества. В этом отношении «новый регионализм» не является барьером на пути политической глобализации, а, напротив, вполне уживается с ней, если даже не оказывает косвенной поддержки.

1.4 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Фундаментальные преобразования, о которых шла речь до сих пор, представлены ниже в текстовых таблицах 1.1 и 1.2, которые подводят итог тем сдвигам, которые произошли, во-первых, на пути развития территориально ограниченных политических сообществ и, во-вторых, ознаменовали начало эпохи глобальной политики и многостороннего глобального и регионального правления. Первый сдвиг отмечен возрастающей централизацией политической власти внутри Европы, осе-

Текстовая таблица 1.1. Мировой политический порядок: исторические сравнения

	<i>Ранний современный период (XIV—XVIII вв.)</i>	<i>Современный период (XIX—XX вв.)</i>	<i>Новейший период (с 1945 г.)</i>
--	--	--	------------------------------------

<i>Изменение государственных форм</i>	Разрозненные политические объединения — взаимопересекающиеся властные структуры Растущая политическая централизация в Европе: конституционные монархии и абсолютизм Империи, города-государства, власть, рассеянная/разрозненная повсюду	Консолидация современных национальных государств и либерально-демократических режимов в Европе и США Распространение национализма	Дальнейшее распространение демократических государств в Латинской Америке, Азии, Африке и Восточной Европе Укрепление формы национального государства
<i>Межгосударственная система</i>	Внутритерриториальное соперничество Внутрирегиональное соперничество Минимальное международное регулирование и сдерживание государственного насилия Равновесие сил	Глобальные империи Развитие многостороннего дипломатического и правового регулирования Геополитика	Декolonизация Интенсивное распространение многостороннего обмена дипломатическими миссиями Регионализм: ЕС, АПЕК, НАФТА Развитие глобальных политических институтов: система ООН
<i>Возникновение глобальной политики</i>	Начальная европейская империалистическая экспансия — расширение сферы политического господства	Начало глобального политического взаимодействия: начальная институционализация международного и транснационального процесса принятия политических решений, особенно касающихся вопросов торговли, войны и мира	Растущая интернационализация и транснационализация политики, правления и властных полномочий Обилие международных и транснациональных регулирующих режимов Разветвленная система правления Возникновение элементов космополитического права Глобальная политика: новое Средневековье?

Текстовая таблица 1.2 Исторические формы политической глобализации

	<i>Ранний современный период (XIV—XVIII вв.)</i>	<i>Современный период (XIX—XX вв.)</i>	<i>Новейший период (с 1945 *•)</i>
--	--	--	------------------------------------

<i>Географический масштаб</i>	По преимуществу внутритерриториальный и внутрирегиональный, но начинается имперская экспансия	Глобальные империи Возникает глобальная система национальных государств	Глобальная система государств Возникает глобальный политический порядок Регионализация политики и интеррегионализм
<i>Интенсивность</i>	Низкая, кроме тех узловых точек, где встречаются и сталкиваются политические и/или экономические конкуренты	Увеличивающийся объем и экспансия потоков /связей	Беспрецедентный уровень потоков, соглашений, структур (формальных и неформальных) и связей
<i>Скорость</i>	Ограниченная, спорадическая	Возрастающая	Ускорение глобального политического взаимодействия по мере того, как возникают средства коммуникации, позволяющие общаться в режиме «реального времени»
<i>Предрасположенность к влияниям</i>	Низкая, но есть концентрированные точки влияния	Увеличивающаяся по отношению к институциональным и структурным влияниям	Высокая: взаимосвязанность, чувствительность и уязвимость
<i>Инфраструктуры</i>	Минимальные; очень медленное возникновение многосторонних структур, от договоров до совещательных органов	Возникновение интернациональных и транснациональных организаций и режимов	Стремительное изменение размера, формы и диапазона режимов, международных и транснациональных организаций и правовых механизмов Глобальные коммуникационные и информационные инфраструктуры, работающие в режиме «реального времени»
<i>Институционализация</i>	Минимальная, но начинают появляться дипломатические и регулирующие межгосударственные структуры	Пробное и хрупкое развитие правил, режимов и международного права	Заметное развитие режимов, международного права, элементов космополитического права, межправительственных и транснациональных организационных структур

94

Текстовая таблица 1.2 продолжение

	<i>Ранний современный период (XIV—XVIII вв.)</i>	<i>Современный период (XIX—XX вв.)</i>	<i>Новейший период (с 1945 г.)</i>
<i>Стратификация</i>	Развитие евроцентричного мирового порядка Политическая организация слабая, расплывчатая и неодинаковая	Иерархия политической, военной и экономической власти, сконцентрированной на Севере/Западе	От двусторонней холодной войны к многополярному миру Иерархия Севера-Юга, разрушаемая по мере того, как обществен-

	вая на разных территориях		ные и негосударственные организации меняют властную структуру Политические организации в каждой части земного шара при сохранении весьма значительного неравенства возможностей
<i>Виды взаимодействия</i>	Соперничество, «ограниченная война» Конфликтное/принудительное Империалистическое	Территориальное Дипломатическое Геополитическое/принудительное Империалистическое Конфликтное и соревновательное Развитие тотальной войны	Отмена и возвращение принципа «территориальности» «Интересы государства» перестают играть главную роль в рамках возникающей структуры кооперативных и совместных усилий Кооперация и соревнование Геоэкономика Конец империй

данием политического правления в государственных структурах, установлением территориальных границ политики, усилением подотчетности внутри определенных государств и в то же время отрицанием такой подотчетности по отношению к другим, что проявлялось в колониальной экспансии, завоеваниях и войнах. Второй сдвиг далеко не во всех отношениях заменяет первый; ответвления властных структур появляются как в пределах, так и за пределами политических границ, образуя новую, многослойную или разветвленную систему правления. Тем не менее, второй сдвиг отмечен интернационализацией и транснационализацией политики, устранением территориальных аспектов принятия политических решений, свойственных государствам, развитием региональных и глобальных организаций и институтов, возникновением регионального и глобального права и разветвленной системы глобального правления — формального и неформально-95

го. Этот сложный, спорный, взаимосвязанный порядок оказал глубокое влияние на характер демократического политического сообщества.

В конце второго тысячелетия, как уже отмечалось, политические сообщества и цивилизации больше не могут рассматриваться как чисто «дискретные миры»; они вплетены и встроены в сложные структуры взаимодействующих сил, отношений и движений. Очевидно, что нередко среди них царит неравенство и иерархия. Но даже самые могущественные из них — в том числе и самые могущественные национальные государства — не остаются не затронутыми меняющимися условиями и процессами усиления регионализации и глобализации. Можно отметить пять центральных пунктов, которые помогут охарактеризовать меняющиеся отношения между политической глобализацией и современными национальными государствами. Все отмечают увеличение экстенсивности, интенсивности, скорости и степени воздействия политической глобализации. И все особенно выделяют важные моменты, касающиеся развития демократического политического сообщества.

Во-первых, отныне средоточием дееспособной политической власти нельзя считать национальное правительство — эффективная власть раздроблена и разделена между различными силами и органами, действующими на национальном, региональном и международном уровнях. Во-вторых, представление о политическом сообществе с общей

судьбой — самоопределяющейся общности — не может больше иметь смысла, если локализовать его в границах какого-нибудь одного национального государства. Некоторые из наиболее фундаментальных сил и процессов, от которых зависят превратности судьбы в пределах и за пределами политических сообществ, находятся теперь вне границ отдельных национальных государств. Система национальных политических сообществ, конечно, по-прежнему существует, но сегодня она связана со сложными экономическими, организационными, административными, правовыми и культурными процессами и структурами, которые ее ограничивают и проверяют на эффективность.

В-третьих, смысл полемики, которую мы здесь ведем, состоит не в том, чтобы доказать, что сегодня национальный суверенитет, даже в регионах с интенсивно взаимодействующими и разделенными политическими и властными структурами, был полностью ниспровергнут, — вовсе нет. Мы хотели показать, что существуют важные сферы жизни, где сталкиваются представления о верности, вступают в конфликт истолкования прав и обязанностей, правовые и властные структуры и т. д., которые заставляют отказаться от понимания суверенитета как неограниченной, неделимой и исключительной формы общественной власти.

Функционирование государств в условиях все более усложняющихся региональных и глобальных систем сказывается как на их автономии (изменяя затраты на политику и выгоды от нее и влияя на установление ее первоочередных задач), так и на суверенитете (изменяя равновесие между национальными, региональными и международными правовыми структурами и нормами административного управления). Хотя высокая концентрация власти по-прежнему остается особенностью многих государств, она все чаще оказывается разделенной между разными сферами политического управления, которыми и осуществляется.

В-четвертых, последняя треть XX в. отмечена возникновением целого ряда принципиально новых «пограничных проблем». Мы живем в мире «взаимно пересекающихся сообществ с общей судьбой», в котором пути всех стран перепле-

96

тены сильнее, чем когда-либо прежде. При этом возникают пограничные проблемы нового типа. В прошлом, конечно, национальные государства решали разногласия по поводу границ, руководствуясь главным образом своими интересами и, в конечном счете, силовыми методами. Но подобная логика власти оказывается совершенно неадекватной и неподходящей для решения многих сложных проблем, от экономической регуляции до истощения природных ресурсов и ухудшения экологической обстановки, которые ведут — со скоростью большей, чем когда-либо прежде, — к взаимному сплетению «национальных судеб». В мире, в котором могущественные государства принимают решения, затрагивающие интересы не только их собственных народов, но в равной мере и народов других стран, в котором транснациональные механизмы и силы действуют, так или иначе минуя границы национальных сообществ, — в таком мире вопросы, кто и перед кем должен нести ответственность и на каком основании, не имеют простых ответов.

В-пятых, различия между «своими» и «чужими» делами, внутренними политическими проблемами и внешними вопросами, суверенными делами национального государства и международными соображениями в наше время провести не так просто. Правительства сталкиваются с такими проблемами, как наркотики, СПИД, BSE (губчатый коровий энцефалит), использование невозвратимых ресурсов, захоронение отходов атомной промышленности, распространение оружия массового поражения и глобальное потепление, отнесение которых к той или иной из выше названных категорий не имеет никакого смысла. Более того, такие проблемы, как арендная и инвестиционная политики многонациональных корпораций, регуляция глобальных финансовых рынков, опасность исчезновения базы налогообложения, угрожающая отдельным странам и возникающая в результате глобального разделения труда при отсутствии эффективных средств контроля, — все ставит под сомнение непреходящую ценность некоторых из главных инструментов национальной экономической политики (см. гл. 3—5). Фактически во всех основных областях политики, как это выяснится в последующих главах, участие национальных политических сообществ в региональных и глобальных потоках и процессах включает их систему интенсивной, не знающей границ координации и регуляции. Политическое пространство, на котором осуществляется эффективное правление и существует подотчетность власти в географическом отношении, больше не совпадает с политической территорией, имеющей четко обозначенные границы. Современные формы политической глобализации предполагают

исключение территориального признака из понятия политической власти, хотя точный ответ на вопрос о том, как далеко зашел этот процесс, мы оставляем за рамками нашего дальнейшего исследования.

1.5 СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ РАЗНЫХ СТРАН В ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В период, начавшийся после Второй мировой войны и закончившийся в 1989 г., характер мировой политики и национальной безопасности определялся главным образом под влиянием «великого противостояния» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Во всем мире определяющим было разделение на Запад и Восток. Международная система, построенная в результате холодной войны, имела строго иерархическую структуру (см. гл. 2). Политика США и СССР

97

как мировых держав и возникновение союзов, подобных НАТО и Варшавскому договору, для многих государств было в послевоенные годы сдерживающим фактором при принятии ими тех или иных политических решений. Способность государства проводить в жизнь определенную внешнюю политику, преследовать известные стратегические цели, выбирать между альтернативными военными технологиями и контролировать некоторые системы вооружения, располагающиеся на его собственной территории, была ограничена его местом в международной системе властных отношений (см.: Herz, 1976; Kaldor and Falk, 1987).

Глобальное соперничество между Советским Союзом и США было главным фактором мировой политики на протяжении почти полувека. За это время мир превратился в единую стратегическую арену борьбы за идеологическое и военное превосходство, которая пронизывала каждый географический регион. Как заметил К. Вальц, «в биполярном мире не бывает периферии. При наличии всего двух держав, способных к действиям мирового масштаба, все, что бы и где бы ни происходило, потенциально будет касаться их обеих» (Waltz, 1979> P-¹⁷¹). Даже политическая ориентация тех стран, которые во время холодной войны соблюдали нейтралитет, определялась их позицией по отношению к соревнованию сверхдержав: их стали называть «неприсоединившимися». Нигде это воздействие холодной войны не ощущалось так остро, как в Европе.

В конце Второй мировой войны шесть стран, которые мы выбрали в качестве объектов нашего исследования — США, Великобритания, Франция, Германия, Швеция и Япония, — занимали очень разные исходные положения в глобальной политической системе. Однако с распространением либеральных демократических режимов по всему миру и укреплением либеральных экономических систем среди этих стран наметились некоторые точки совпадения в сферах межгосударственных отношений, геополитики и глобальной политики. В этом отношении интересно взглянуть на таблицу 1.4. Становится совершенно очевидным, что за последние пять десятилетий участие каждой из этих шести стран в глобальной политике менялось по форме и по сути. Хотя каждая из них в первые послевоенные годы начинала жизнь по-своему, все они фактически утратили свои предыдущие колониальные владения, четыре страны являются членами НАТО, а Швеция недавно присоединилась к общенатовской программе сотрудничества за достижение мира. Кроме того, четыре страны стали теперь членами Европейского Союза — причем в качестве ключевых фигур — хотя и с разной степенью участия в межгосударственных и международных неправительственных организациях, — т. е. в международной и глобальной политике.

Конечно, существенные различия сохраняются. Военная гегемония США сохранилась и даже еще усилилась после краха Советского Союза в 1989 г. Хотя Англия и Франция и сохраняют свои ключевые позиции в ООН, будучи постоянными членами Совета Безопасности и обладая правом вето, их положение как глобальных сил постепенно ухудшалось начиная с 1945 г. Обе эти страны некогда выступали на первых геополитических ролях, но теперь играют хотя и существенные, но все же второстепенные роли в международных отношениях и политической деятельности ООН. Расширение экономического «лоскута» Германии и Японии также имеет серьезные последствия. Как страны, побежденные во Второй мировой войне, и Германия и Япония были отстранены от военного участия при решении международных и глобальных проблем. Обе страны приняли коне-

Таблица 1.4 Современные модели участия стран в мировом политическом порядке: сравнение по основным по

	США	Великобритания	Франция	Германия	Швеция	Япония
Предвоенная гео-политическая роль	Региональный гегемон — изоля-	Глобальная империя	Глобальная империя	Ревизионистско-экспансионист-	Независимая нейтральная	Имперс-
						власть

	сионист			ская держава		
Дипломатическая связанность						
1950	70	67	70	0	50	0
1991	150	132	142	135	94	111
Военные союзы/структуры сотрудничества по вопросам безопасности	Основатель НАТО 1949 АНЗЮС 1951 Договор с Японией о взаимной безопасности 1951 СБСЕ 1975—1991 ОБСЕ 1991— ARF 1994—	Основатель НАТО 1949 WEU 1954 СБСЕ 1975-1991 ОБСЕ 1991—	Основатель НАТО 1949 WEU 1954 СБСЕ 1975—1991 ОБСЕ 1991—	Основатель НАТО 1955 WEU 1954 СБСЕ 1975—1991 ОБСЕ 1991—	Прежде нейтральная, присоединившаяся к Программе НАТО Сотрудничество за мир 1993 Наблюдатель WEU(1995) СБСЕ 1975—1991 ОБСЕ 1991—	Договор о взаимной безопасности ARF 1994—
Членство в межправительственных организациях						
1950	59	62	67	25	35	14
1996	64	71	87	83'	87	63
Роль в ООН	Постоянный член Совета Безопасности	Постоянный член Совета Безопасности	Постоянный член Совета Безопасности	Стремится стать постоянным членом Совета Безопасности	Ведущий член движения неприсоединившихся стран	Стремится стать постоянным членом Совета Безопасности
Вклад в бюджет ООН (%)						
1984—1985	25	4,46	6,26	8,31	1,31	9,58
1997	25	5,32	6,42	9,06	1,23	15,65
Таблица 1.4 продолжение						
	США	Великобритания	Франция	Германия	Швеция	Япония
Ключевые, многосторонние экономические форумы	ВТО Большая семерка, ОЭСР МФВ/МБРР	ВТО Большая семерка, ОЭСР МФВ/МБРР	ВТО Большая семерка, ОЭСР МФВ/МБРР	ВТО Большая семерка, ОЭСР МФВ/МБРР	ВТО ОЭСР МФВ/МБРР	ВТО Большая семерка, ОЭСР МФВ/МБРР
Региональные обязательства	NAFTA/АПЕК ОАГ	Присоединилась к ЕС в 1973	Член-основатель ЕС с 1958	Член-основатель ЕС с 1958	Член ЕС с 1995 Совет скандинавских стран 1952 Скандинавский совет министров 1971	ОЭСР МФВ/МБРР АПЕК
Участие в международных неправительственных организациях						
1960	612	742	886	841	651	412
1996	2418	3031	3255	3204'	2733	1970
Участие в международных правовых организациях	ICJ	ICJ ECHR UNCHR	ICJ ECHR UNCHR	ICJ ECHR UNCHR	ICJ ECHR UNCHR	ICJ UNCHR
Современная глобальная роль	В военном отношении державы-гегемон	От глобальной державы к державе среднего уровня	От глобальной державы к державе среднего уровня	Доминирующая держава ЕС, одна из основных гло-	Независимая держава среднего уровня	Экономическая сверхдержава Ограниченная

	Ведущая роль в геополитике и дипломатии	ня	ня	бальных ролей	геопо роль
* данные по ФРГ	до 1996 г.				
—					
Источники: данные по международным межправительственным организациям за 1996 г. и данные по International Associations, Yearbook of International Organizations, 1983 — 1984, 1996 — 1997	неправительственным организациям за 1950 г. и данные по дипломатии — Nierop, 1994> ар	международным неправительственным	организациям за 1960	1996 г	www.
100					

титутции, запрещающие им участвовать в международных военных акциях, в том числе и в акциях, получивших одобрение ООН. Растущая экономическая мощь этих двух государств и постоянный финансовый кризис международных организаций, подобных ООН, означает, что в недалекой перспективе они будут играть более существенную роль. Япония, в частности, давно уже претендует на более серьезную роль в международной политике и стремится связать свой растущий финансовый вклад в международные институты с более существенной политической — а вскоре, может быть, и военной — ролью.

1.6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ

В этой главе были рассмотрены две совершенно разные концепции мирового порядка и политического устройства современного мира: одна из них связана с традиционными межгосударственными или геополитическими соотношениями, другая — с зарождающейся структурой глобальной политики и глобального правления. Мы пытались доказать, что современная глобализация политики преобразует самые основания мирового порядка, реконструируя традиционные формы национальной государственности и перестраивая международные политические отношения. Но эти трансформационные процессы не являются ни исторически неизбежными, ни каким-либо образом абсолютно гарантированными. В результате современный мир надо понимать скорее как чрезвычайно сложный, противоречивый и взаимосвязанный порядок, при котором внутри развивающихся региональных и глобальных политических структур все более прочно укореняется межгосударственная система. Политические структуры представляют собой тот фундамент, на котором возникают механизмы правления, распределяются и перераспределяются властные полномочия.

Говорить о современном мировом порядке как о сложном, противоречивом и взаимосвязанном — значит признать «хаотический вид», который является определяющей чертой глобальной политики на рубеже тысячелетий (Mann, 1993. ?• 4)-Но некоторые тенденции вполне различимы, и о них можно судить по меняющейся форме международных и межнациональных организаций, заметному увеличению числа межгосударственных и неправительственных организаций, стремительному развитию разного рода режимов, которые меняют структуру, содержание, сферу действия и представление о субъекте международного права, по появлению региональных организаций и институтов и т. д. Все эти достижения проливают свет на тот сдвиг, который произошел в сторону от политики, полностью замкнутой на государстве, — к новой, более сложной форме разветвленного глобального правления. При нынешнем стечении исторических обстоятельств происходят многочисленные, частично перекрывающие друг друга политические процессы.

Это стечение обстоятельств позволяет провести некоторые довольно интересные исторические параллели. В частности, эпоха позднего Средневековья в Европе перекликается в чем-то с текущими событиями. Наличие во времена Средневековья целого ряда структур, наделенных властными полномочиями, от местных до транснациональных и наднациональных, сосуществующих с развивающейся системой территориально ограниченных политических образований, имеет ана-

101

логии с тем, что происходит в настоящее время. Это вовсе не значит, что ничто по сути дела не изменилось. Скорее это означает, что «новое Средневековье» может оказаться полезной метафорой при размышлении о нынешней эпохе. Как пишет Х. Булль, «„новое Средневековье" представляет собой современный светский эквивалент той разновидности всемирной политической организации, которая существовала в западном христианском мире в Средние века. В этой системе ни один правитель и ни одно государство не было суверенным в смысле обладания верховной властью над той или иной частью христианского населения.

Каждый должен был делить власть с вассалами, стоящими ниже, и с Папой Римским, а в Германии и Италии еще и с императором Священной Римской империи, стоящими выше» (Bull, 1977. P- 254)- Попытка представить современный светский аналог этого мира перекрещивающихся властных полномочий и многоступенчатой лояльности может, наверное, показаться странной причудой. Но он в некоторых отношениях аналогичен тому типу мирового порядка, который был описан на предыдущих страницах. Кроме того, как отмечает далее Х. Булль, «известно, что сегодня суверенные государства разделяют сцену мировой политики с „другими действующими лицами“, — точно так же, как и во времена Средневековья государство должно было разделять арену с... „другими ассоциациями“... Если современные государства вынуждены разделять свою власть над гражданами и свою способность добиваться от них лояльности, с одной стороны, с региональными и всемирными властными структурами, а с другой — с властями, не имеющими отношения ни к государству, ни к нации, так что к ним уже неприменимо само понятие суверенитета, то значит, можно утверждать, что уже возникла новосредневековая форма универсального политического порядка» (Bull, 1977. P- 254—255)-

Несмотря на то, что понятие суверенитета ни в коей мере еще не было объявлено ненужным, сегодня наряду с государственным суверенитетом добиваются признания новые формы и новые центры политической власти. Вопреки утверждению Х. Булля, мировой порядок «нового Средневековья» можно представить себе как такой, при котором политическое пространство и политическое сообщество по-прежнему формируются в зависимости от территории, на которую простирается государственный суверенитет, но не только от этого. Первой иллюстрацией тому служит Европейский Союз, который допускает и взаимно пересекающиеся полномочия, и конкурирующую лояльность. В этом смысле ЕС представляет собой непрерывную борьбу или «поиск новых политических пространств» и довольно драматично ставит вопрос о том, что же является истинным центром политической власти, политической деятельности и ответственности: национальное государство или международное содружество? (см.: Pattie, 1994> P- loio.) Однако этот вопрос, наряду с дальнейшими исследованиями природы современного мирового порядка, мы рассмотрим более обстоятельно в следующих главах.

2 УВЕЛИЧЕНИЕ МАСШТАБОВ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ

По мнению большинства историков, наиболее характерной чертой XX в. является тотальная война. С 1914 г., отмечает Э. Хобсбаум, человечество «живет и мыслит в условиях мировой войны, даже если молчат пушки и не взрываются бомбы» (Hobsbawm, 1994. P-12). Сочетание «технологизации» войны с геополитической конкуренцией привело к невиданной прежде глобализации вооруженных конфликтов и противостояний. Глядя с позиций наступающего тысячелетия, историки могут рассуждать о «столетии катастроф», в течение которого две мировые войны и холодная война унесли свыше 187 млн. человеческих жизней и принесли тяжкие беды и опустошения во все уголки мира (см.: Hobsbawm, 1994. P-12). Характер современной войны потребовал тотальной мобилизации всего общества, и лишь немногим государствам мировой системы удалось остаться в стороне от нее или от вызванных ею политических последствий. Когда началась ядерная эпоха, постоянная угроза того, что военная конфронтация сверхдержав может привести к уничтожению планеты, усилила представление о человечестве как о едином глобальном сообществе с единой судьбой. Не много найдется других сфер, где глобализация распространилась бы столь широко, охватив практически весь земной шар, или, если взглянуть на этот процесс с точки зрения социальных и политических условий жизни людей, — столь катастрофически.

2.1 ВВЕДЕНИЕ

Начиная с ранних цивилизаций и вплоть до настоящего времени военная сила играла главную роль в процессе глобализации человеческих отношений. Образование первых империй, несомненно, было обусловлено наличием военной техники и организованного насилия (Mann, 1986). История свидетельствует о том, что военная сила сыграла решающую роль в территориальном расширении государств и цивилизаций. Действительно, никакая оценка глобализации не будет убедительной, если она не примет в расчет чрезвычайное насилие и те страдания, которыми сопровождалось формирование современной межгосударственной системы.

Поэтому одна из основных наших задач — исследовать историческую роль военной силы как главного инструмента, благодаря которому социальные отношения людей обрели глобальный характер. Наряду с этим в настоящей главе дается обзор и оценка исторических данных, свидетельствующих об увеличении масштабов организованного насилия. Мы попытаемся обрисовать основные тенденции и наиболее характерные модели военной глобализации, начиная с раннего периода письменно зафиксированной истории до настоящего времени. Она включает в себя исследование мировой военной системы (ее эволюции, структуры и динамики), особенно тех ее аспектов, которые касаются изменений как географических, так и исторических моделей глобальных вооруженных конфликтов (разделы 2.3—5)- На основе этого анализа можно будет произвести обстоя-

103

тельное сравнение исторических форм глобализации (раздел 2.6). Здесь будут высказаны некоторые соображения по поводу современной формы и политического значения современных моделей военной глобализации и дан ответ на вопрос: что в них нового? В дополнение к этому широкому историческому обзору раздел 2.7 будет посвящен оценке сложной национальной модели вхождения в современную мировую военную систему каждого из выделенных нами шести государств (США, Великобритания, Германия, Франция, Япония и Швеция). В разделе 2.8 сделаны некоторые выводы относительно влияния военной глобализации на государственную независимость и характер «национальной» обороны в эпоху, наступившую после холодной войны. Но начать следует с определения военной глобализации.

2.2 ЧТО ТАКОЕ ВОЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?

В течение последних ста лет глобализация в военной сфере проявлялась, помимо всего прочего, в геополитическом соперничестве и империализме великих держав (начиная с борьбы за Африку приблизительно в 90-е гг. XIX в. и заканчивая холодной войной), в эволюции международных систем договоров и структур международной безопасности (от Европейского соглашения до Организации североатлантического договора), в возникновении всемирной торговли оружием наряду с распространением по всему миру военных технологий и институционализации глобальных правовых систем по вопросам войны и безопасности, например, системы международных соглашений о нераспространении ядерного оружия. Можно доказать, что в настоящее время все страны в той или иной степени вплетены в мировую военную систему. Эта система весьма неоднородна и в высшей степени институционализована: неоднородна, ибо в ней есть широкий первый уровень (страны, обладающие сверхмощным оружием), второй уровень (среднеразвитые в военном отношении страны) и третий уровень (развивающиеся страны); институционализована, поскольку отрегулированные модели взаимодействия подкреплены многосторонними военно-дипломатическими договоренностями. В то же время на формирование этой системы влияет относительно независимая динамика вооружений.

Прежде чем исследовать природу современной мировой военной системы, необходимо внести некоторую ясность в использование ключевых понятий. В частности, нужно разграничить такие понятия, как *глобальная милитаризация* и *военная глобализация*. Если первое тесно связано с ростом вооружения в мире (измеряемым уровнем военных расходов, количеством вооружений и численностью вооруженных сил), то второе понятие относится исключительно к процессу (и моделям) военного взаимодействия, которое выходит за пределы крупных регионов мира и отражается на пространственно-временных и организационных характеристиках военных отношений, перипетий и взаимодействий. Хотя эти два процесса при определенном стечении обстоятельств могут тесно переплетаться друг с другом, так что отдельные стадии глобальной милитаризации (например, те, что имели место в начале 80-х гг. XX в.) будут казаться тесно связанными с теми или иными стадиями военной глобализации (новый виток глобального противостояния сверхдержав в 80-е гг. XX в.), каузальная патология остается чрезвычайно сложной (см.: Ross, 1987; Shaw, 1991» особ. ch. i). С учетом этого различия

104

основное внимание в данной главе сосредоточено на процессе военной глобализации. Военную глобализацию в первом приближении можно рассматривать как процесс территориального расширения и интенсификации военных столкновений между

политическими единицами мировой системы. (Военные столкновения и вооруженные силы рассматриваются здесь как формы организованного насилия.) В этом ключе она отражает и расширяющуюся сеть всемирных военных связей и отношений, и конкуренцию ключевых технологических новаций в области вооружения (от пароходов до разведывательных спутников), что со временем превратило мир в единое геостратегическое пространство. Исторически этот процесс пространственно-временного уплотнения привел центры военного могущества к тесному контакту и потенциальному конфликту, поскольку увеличилась возможность демонстрировать колоссальную разрушительную мощь, несмотря на огромные расстояния. Вместе с тем время принятия военных решений и время на ответные действия сократилось, вследствие чего постоянно действующие военные структуры, непрерывно готовящиеся к войне, стали неотъемлемой частью современной общественной жизни. Для того чтобы измерить пространственно-временные характеристики военной глобализации, используются разные количественные показатели, в том числе: масштабы имперской экспансии, иностранное военное присутствие, военное дипломатическое представительство, торговля оружием, расходы на вооружение, расходы на оборону, членство в военных блоках, соглашения о военном сотрудничестве, защита промышленных центров, сфера действия военного вмешательства и методы оказания военной помощи. Подобного рода показатели позволяют проследить существенные сдвиги в исторических формах военной глобализации и особенности участия той или иной страны в мировой военной системе. Обоснованная таким образом оценка открывает возможность для более многостороннего и репрезентативного описания как исторических форм военной глобализации, так и исторически сложившихся мировых военных систем.

В интересах дальнейшего анализа необходимо различать три аспекта военной глобализации: охват военной системой всего мира (противостояние и конфликт великих держав), глобальную динамику вооружений (система военного производства и торговля оружием) и расширение геополитического вмешательства в оборону и военные отношения государств, например, соглашения о контроле над вооружениями. Каждый из этих аспектов отражает одну из сторон процесса военной глобализации, а вместе они дают полное представление об эволюции мировой военной системы. Понятие мировой военной системы сложилось относительно недавно. Оно касается способов, какими военные отношения и действия (от войны до военного производства) между политическими субъектами (будь то национальные государства, города-государства или империи) образуют сложную сферу взаимодействия, имеющую собственную структуру и динамику. Хотя в интересах анализа необходимо различать эти аспекты — военную систему, динамику вооружений и геополитическое вмешательство, — крайне важно осознавать, что как исторически сложившиеся мировые военные системы, так и исторические формы военной глобализации образовались в результате и благодаря их взаимодействию. Поскольку цель этой Главы состоит в исследовании исторических форм военной глобализации, она начи-

105

нается с анализа каждого из указанных трех аспектов, а затем они будут рассмотрены вместе. Анализ начинается с исторического очерка трех главных механизмов, благодаря которым военная глобализация стала очевидной:

- 1 военная система (т. е. геополитический порядок, противостояние великих держав, конфликты и взаимодействия в области обороны);
- 2 динамика вооружений (благодаря которой военный потенциал и технологии производства вооружений распространяются по всему миру);
- 3 геополитическое руководство организованным насилием (охватывающее как формальное, так и неформальное международное управление по вопросам комплектации, развертывания и использования вооруженных сил).

2.3 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ВОЙНЫ: ГЕОПОЛИТИКА И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Для большей части человечества и на протяжении почти всей истории процесс глобализации был процессом кровавым. Еще в 1552 г. Бартоломе де Лас Касас (один из первых европейцев, пытавшийся привлечь внимание властей к злодеяниям, совершаемым на ранней стадии колонизации Нового Света) на основе своих наблюдений писал: «Самый распространенный способ, каким пользуются испанцы, называющие себя христианами и пришедшие сюда, чтобы искоренять эти несчастные племена и согнать их с принадлежащей им земли, — это ведение

жестоких и кровавых войн без соблюдения каких бы то ни было законов» (Las Casas, 1992, p. 31). Будучи процессом далеко не милосердным, глобализация сопровождалась чрезвычайным увеличением масштабов организованного насилия.

В начале XVI в. мир был разделен, главным образом в силу географического фактора, на несколько больших воинственных империй или цивилизаций, политическое и военное взаимодействие между которыми было весьма ограничено. За исключением некоторых жизненно важных торговых связей, взаимодействие между ними ограничивалось в основном «трениями на расстоянии», чему способствовало усиление внимания наиболее продвинутых цивилизаций к своим внутренним проблемам (Black, 1998).

В 1418 г., почти за 100 лет до того, как Колумб открыл Новый Свет, китайский императорский казначейский флот под командованием адмирала Чжэн Хэ причалил к городу Милинда недалеко от Момбасы на восточном берегу Африки (Levathes, 1994. P-19). Как отмечает Л. Леватис, «в то время, когда Европа только-только выбиралась из мрака Средневековья, Китай с его военно-морским флотом, состоящим из гигантских джонок, вполне мог бы стать колониальной державой XVI в. и завладеть богатствами земного шара» (Levathes, 1994. P. 142). Но в связи с внутренними проблемами император издал указ, положивший конец китайской заморской экспансии; примерно в 1436 г., согласно П. Кеннеди, «императорский указ запретил строительство морских судов... Китай принял решение повернуться к миру спиной» (Kennedy, 1988, p. 7). Точно так же и в Японии в эпоху сёгуната проводилась политика «закрытой страны» — «сакаку» — политика, которая привела к прекращению с 1636 г. строительства морских судов (Kennedy,

106

1988, p. 14; Beasley, 1995). Во многих отношениях евроазиатские цивилизации в начале XV в. были слабее связаны друг с другом, чем в эпоху раннего Средневековья (Hodgson, 1993. P-123; Roberts, 1995) P- 140, 305)¹. Действительно, в конце XV в. еще только предстояло совершить первое морское кругосветное путешествие, американская цивилизация оставалась неизвестной Европе, а «азиатский континент в некоторых отношениях был менее доступен для европейцев и христиан, чем за несколько столетий до этого» (Phillips, 1988, p. 246).

На заре современной эпохи мир в политическом отношении состоял из нескольких замкнутых и самодостаточных цивилизаций, каждая из которых обладала собственной уникальной моделью силовой политики и военных отношений. Хотя в течение более ранних столетий первого тысячелетия происходили серьезные военные столкновения между крупными цивилизациями, а экспансия шла как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад (достаточно упомянуть о расширении Монгольской империи, возникновении ислама и крестовых походах), — все это ни в коем случае не означало наличия мировой военной системы (Ferro, 1997; Phillips, 1988). Напротив, до начала современной эпохи мир может быть описан как «преимущественно субсистемный», в котором действовало несколько разных, в основном, оборонительных, мировых военных систем (Black, 1998). История того, как эти мировые военные системы были поглощены единой глобальной системой военных отношений, единым геополитическим порядком, связана главным образом с историей европейской имперской экспансии и вызванным ею соперничеством.

2.3.1 РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЕННОЙ МОЩИ: НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ЭКСПАНСИИ (1492—1800)

Общепринятое мнение о причинах «возвышения Запада», как правило, преувеличивает его военное превосходство и слабость его жертв (Watson, 1992, p. 214; Geyer and Bright, 1995)- С точки зрения историка конца XX в. распространение европейской цивилизации по земному шару может быть представлено как постепенное развертывание «логики» истории. Но такое изложение игнорирует случайности, перерывы и противоречия европейской экспансии. В общепринятом мнении о «возвышении Запада» неявно присутствует европоцентристская концепция всемирной истории, согласно которой заранее можно было предсказать, что европейская цивилизация с ее превосходящим военным потенциалом получит приоритет в мире. Такой взгляд не учитывает того обстоятельства, что контроль европейских держав над занятыми территориями в разных уголках мира нередко бывал очень слабым, а также роль местных сил в имперской экспансии (Fernandez-Armesto, 1995; Geyer and Bright, 1995).

Природа имперской экспансии была рассмотрена в гл. i, поэтому здесь изложение коснется исторической модели военной глобализации и ее связи с отдельными этапами европейской заморской экспансии.

i. Это вовсе не означает, что между ними не было никакого взаимодействия. Наоборот, продолжительный конфликт между Османской империей на Востоке и Европой на Западе сыграл большую роль в том, как сложились дальнейшие судьбы обеих цивилизаций. Тем не менее они оставались полностью изолированными друг от друга мирами (см.: Watson, 1992, p. 216).

107

Можно выделить три стадии военной экспансии европейского международного сообщества: период «открытий» с конца XV до начала XVII в., период консолидации — с XVII до середины XIX в. и период мировой империи — с 1850 г. до начала XX в. (Howard, 1984) P.124). В каждом из этих периодов территориальная экспансия европейской цивилизации была обусловлена сочетанием военных новшеств, экономической логики, внутренней политики и соперничества великих держав. Экспансионизм этот вовсе не был предопределен, ибо в Средние века мировое могущество европейской цивилизации было весьма сомнительным. Сдерживаемая значительной военной мощью Османской империи, монголов и исламских стран, христианская Европа после крестовых походов занимала в основном оборонительную военную позицию. Кроме того, европейские монархи были сильно озабочены внутренними делами и вооруженными конфликтами на континенте. Тем не менее, как это ни удивительно, но к концу XVIII в. ведущие европейские страны в совокупности обладали политическим контролем над 35% всей мировой суши (Headrick, 1981, p. 3).

Начальный этап экспансии сопровождался агрессивным духом военных завоеваний, пробудившимся после первых удачных географических открытий. Благодаря достижениям в области навигационных технологий и появлению мощных и остойчивых военных кораблей ведущие европейские державы вскоре основали поселения в Новом Свете и Азии. Хотя военная мощь играла при этом решающую роль, легкость завоеваний была обусловлена не столько превосходством европейской военной техники, сколько большей расчетливостью при использовании вооруженных сил (наряду с быстрым распространением европейских болезней, заносимых войсками). Кроме того, этому вторжению в значительной степени способствовали местные военачальники и войска, как это было в случае с ужасающим разгромом, нанесенным Кортесом Монтесуме (Diaz, 1963; Fernandez-Armesto, 1995). С появлением возможности строить и оснащать вооружением большие океанические суда произошел существенный сдвиг в балансе мировых вооруженных сил, сдвиг, который наиболее могущественные европейские государства стремились закрепить.

В течение периода с 1500 г. до конца XVII в. вооруженные конфликты бушевали по всей континентальной Европе. Период интенсивных новаций в области военной техники и организации военного дела привел к тому, что каждая из великих держав стремилась вооруженным путем помешать потенциальным соперникам установить гегемонию на континенте. Соревнование в области усовершенствования вооружений сопровождалось развитием военно-оборонительных технологий (например, строительством крепостей) и способствовало усовершенствованию наступательных военных технологий (таких как техника артиллерийского обстрела). Изобретение черного пороха и мушкета изменило характер сухопутной войны, так что прежние методы организации военного дела, прежние стратегия и тактика устарели. Появились регулярные армии, что привело к увеличению финансовых запросов государства. Военные затраты, а также увеличивающийся масштаб и усложнение методов ведения войны все больше требовали централизации и лучшей организации политической власти, способной взимать налоги и имеющей финансовые средства для ведения современной войны. Все это способствовало все большей централизации европейских абсолютистских государств (см. выше, раздел 1.1.2).

108

В конкурентной борьбе за гегемонию великие европейские державы создали огромные и чрезвычайно сложные военные машины. Это обеспечило их значительное военно-техническое превосходство над другими потенциальными центрами мирового господства. Период с конца XVI до начала XVIII в., который некоторые историки называют эпохой «революции в военном деле», отмечен целым рядом крупных событий, которые вскоре изменили баланс военной мощи между основными мировыми цивилизациями (Parker, 1988; Black, 1991.1994).

Эта историческая перегруппировка военной мощи предопределила дальнейшее расширение заморских владений таких европейских стран, как Голландия, Испания, Португалия и особенно Англия. Усовершенствование конструкции военных судов позволило создать большие боевые флоты, способные переносить государственную власть за океаны. Как отмечает Дж. Паркер, «около 1688 г. новые линейные корабли способны были плавать в Карибском море, в Индийском и Тихом океанах, что обеспечивало как тактическое, так и стратегическое преимущество» (Parker,

1988, р. юз). Несмотря на многочисленные колебания, баланс сухопутных вооруженных сил тоже стал склоняться в пользу Запада. Превосходство в огневой мощи, организации военного дела, тактике и тыловом обеспечении внесло решающий вклад в победу Австрии над Османской империей в 1718 г. Заключенный Пассаровицкий мир стал той вехой, какой отмечено наступление «периода, когда европейцы в военном отношении превзошли те народы, которые в прошлом были им равны или даже превосходили их, особенно турки» (Black, 1994, р. 14).

Главные мировые цивилизации, находящиеся за пределами Европы, все больше вставали в оборонительную позицию против растущего военного потенциала и все более совершенствующейся военной техники европейских государств. Вдобавок к новым территориальным приобретениям географические границы образовавшегося колониального правления еще больше продвинулись вглубь континентов земного шара (см. выше карту 1.2; Howard, 1984). И все-таки некоторые колонии были основаны еще до того, как сложилось огромное военное превосходство, а многие по причине серьезных военных материально-технических затруднений удерживались с большим трудом (см.: Black, 1994> P-19—20). Тем не менее, к концу XVIII в. увеличение «разрыва в боевой мощи» между развитыми европейскими государствами и остальной частью мира создало военные условия для достижения Западом «первой в истории глобальной гегемонии» (Parker, 1988, P-154).

Борьба за глобальную гегемонию Европы имела глубокие политические и военные последствия: начала складываться мировая военная система. Во-первых, европейские державы стремились создать новый мировой порядок, отражающий политические принципы и нормы европейской цивилизации. Постепенно вырабатывался всемирный свод правил и норм поведения в межгосударственных отношениях. Он был более или менее ориентирован на Вестфальскую систему 1648 г., которая определила юридический и институциональный строй европейских государств в период позднего Средневековья (см. выше, гл. 1; Osiander, 1994)-Во-вторых, увеличение «разрыва в боевой мощи» и распространение европейских империй на другие континенты способствовало тому, что многие неевропейские страны стали приобретать западную военную технику и усваивать по мере своих возможностей европейские методы ведения войны. На карту было поставле-

109

но само выживание других цивилизаций как независимых политических единиц. В течение этого периода «великие государства Восточной Азии уделяли больше внимания военным изобретениям европейцев, чем любому другому аспекту западной культуры» (Parker, 1988, р. 144). Военные и политические элиты незападных стран стали со все большим вниманием относиться к развитию европейских военных учреждений, к технике и способам ведения войны. В-третьих, по мере того, как европейские империи распространялись на другие континенты, судьбы все большего числа народов мира оказывались в зависимости от хода развития европейской силовой политики. С начала XVIII в. «войны между европейскими великими державами, как правило, сопровождались сражениями на территориях заморских владений, а их колонии все чаще переходили из владений одной империи во владение другой» (Tilly, 1990. P-168).

2.3.2 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ: ВОЕННЫЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ И СТРАТИФИКАЦИЯ ВОЕННОЙ МОЩИ

Период с середины до конца XIX в., несмотря на то что Америка добилась независимости, стал свидетелем имперского могущества Европы. Регионы и цивилизации, которым пока удавалось избежать европейского контроля, испытали на себе военную мощь Европы. К 1878 г. великие державы почти удвоили площадь территорий, находящихся в их владениях (Headrick, 1981, р. з)- Эта лихорадочная экспансия отчасти была вызвана «индустриализацией войны», что не только изменило, но и многократно увеличило военный потенциал великих держав. Пароход, железная дорога, телеграф и системы телеграфных связей революционизировали вооруженные силы и инфраструктуру организованного насилия. Колоссальные военные мощности могли теперь перебрасываться на все большее и большее расстояние.

В Индии сеть железных дорог должна была изменить систему материально-технического снабжения армии, позволив, как объяснял в 1853 г. генерал-губернатор лорд Дальхузи, «сосредоточить... вооруженные силы в любом указанном месте за столько дней, сколько сейчас на это требуется месяцев» (цит. по: Headrick, 1981, р. 82). В 1842 г. британские военно-морские силы были продвинуты вглубь территории Китая не более чем на 200 миль, но уже через 10 лет они

достигли Ханькоу, удвоив это расстояние (Howard, 1984). У. Макнейл отмечает, что, «по мере того как на смену караванам из вьючных животных приходили пароходы и железные дороги, естественные препятствия, обусловленные географией и расстоянием, делались все более легко преодолимыми. Таким образом, европейские армии и военно-морские силы обрели способность перебрасывать свои ресурсы по собственному усмотрению даже в отдаленные и непроходимые места» (McNeil, 1982, p. 257).

Новые виды оружия, такие как винтовка с затвором, многозарядная винтовка, канонерка, пулемет и усовершенствованная артиллерия, наряду с налаживанием массового производства военной техники еще больше увеличили «разрыв в боевой мощи» между Западом и остальным миром. Согласно Кеннеди, с точки зрения военных возможностей «ведущие нации обладали ресурсами в 50 или 100 раз большими по сравнению с теми, кто оказался внизу» (Kennedy, 1988, p. 150). Масштаб трагических последствий такого «разрыва в боевой мощи» можно показать на примере события, случившегося в этот период и являющегося одним

110

из самых неравных военных конфликтов, происходивших во всемирной истории. В 1841 г. во время Опиумной войны с Китаем английский военный корабль «Немезида» в одиночку и за один день «потопил девять боевых джонок, взял пять крепостей, уничтожил два военных гарнизона и одну батарею береговой охраны» (Parker, 1988, p. 154). В течение одного года Китайская империя была побеждена силами нескольких канонерских лодок и превосходящей боевой мощью. В Африке в 1897 г. 31-тысячную армию Нупского эмирата Сокото разгромил отряд Королевской Нигерийской компании численностью в 539 человек (Headrick, 1981, p. 117). Действительно, масштаб военного дисбаланса был таким, что во многих случаях «вооруженные силы могли оставаться в резерве, а то и вовсе не использоваться» (Howard, 1984, p. 7).

Индустриализация войны (постановка производства и технологической разработки вооружений и методов ведения войны на промышленную основу) в сочетании с огромными, хорошо организованными и дисциплинированными вооруженными силами облегчила самую экстенсивную со времен первых географических открытий стадию западного империализма. «Новый империализм» конца XIX в. отмечен колонизацией Африки, установлением европейского контроля в Азии и на Ближнем Востоке, покорением Китая, насильственным выводом Японии из изоляции, расширением влияния США в Латинской Америке и на Тихоокеанском побережье. К началу XX в. мир был переделен и восстановлен в виде «единой сети экономических и стратегических отношений» (Watson, 1992, p. 265).

То, что несколько столетий тому назад началось как ряд разрозненных вооруженных авантюр, к концу XIX в. превратилось в межконтинентальную систему военных и стратегических отношений, возглавляемую западными странами, разработавшими новые инфраструктуры влияния и методы управления. В европейских столицах глобальный (в противоположность просто европейскому) баланс сил отражался преимущественно в цифрах военной и внешней политики, поскольку «теперь великие державы борются не по поводу европейских проблем, а за рынки и территории, которые разбросаны по всему миру» (Kennedy, 1988, p. 195). То, что именно в это время возникла такая дисциплина, как геополитика, вовсе не было исторической случайностью.

Осознав стратегическое значение новых «сжимающих расстояние» технологий, — которые приблизили друг к другу потенциальных противников и облегчили возможность развертывания и применения вооруженных сил в отдаленных частях света, — геополитический дискурс предоставил в распоряжение военных и политических элит Запада рациональный понятийный аппарат, благодаря которому можно осмыслять мир и действовать в нем. Геополитика отождествила государственную власть с контролем над территориями и по-новому определила международную политику как конкуренцию великих держав за господство на море и на суше. В ходе этого соревнования за политическое и военное превосходство, за империалистическую экспансию — господство над пространством — считалось необходимым не только максимально наращивать национальную мощь (и тем самым свою безопасность), но и стабилизировать социальный порядок внутри своей страны (см.: Kearns, 1993; O'Tuathail, 1996, ch. 3). Геополитический дискурс популяризировал и узаконил представление о мире как о едином стратегическом пространстве, на котором

великие державы ведут свою военную и политическую конкуренцию. Как заметил на рубеже XX в. французский

111

государственный деятель Леон Гамбетта (вызвав у слушателей бурю восторгов), «чтобы остаться великой нацией или стать таковой, вы должны захватывать колонии» (цит. по: Joll, 1994> P-148). Поскольку конкуренция великих европейских держав приобрела глобальный характер, то такой же характера обрела и система военных отношений. Все великие державы в той или иной степени сформировали межконтинентальную военную инфраструктуру. В стратегически важных и отдаленных точках земного шара были созданы военные базы и небольшие гарнизоны, отчасти с целью защиты империи, отчасти чтобы обезопасить торговлю и торговые пути. Заграничные базы обеспечивали также материально-техническую инфраструктуру, необходимую для быстрой переброски вооруженных сил в зоны кризиса, находящиеся в стратегически важных районах земного шара. Всемирная сеть коммуникации была проложена и по суше, и по дну моря. К 1900 г. около 19 тыс. миль подводного кабеля было проложено через мировые океаны, и вся Британская империя была непосредственно соединена со своим военным командованием, находящимся в Лондоне (Headrick, 1981, p. 162).

Этот период отмечен также необычным усилением роли военной дипломатии, поскольку военные отношения между государствами приняли в основном политический характер. Правительства систематически, как никогда прежде, начали собирать сведения об иностранных вооруженных силах и военном потенциале других стран. Наличие военных и особенно военно-морских атташе стало обычной нормой во всех главных посольствах с начала 50-х гг. XIX в., хотя практика их официальной аккредитации не была общепринятой до 60-х гг. (см.: Hamilton and Langhorne, 1995> P- 120). Первые английские военные атташе были назначены в 1855 г. в Париж, Турин и Константинополь; у Швеции, Франции и Италии к 80-м гг. XIX в. были военные атташе в ряде европейских столиц. А к 1914 г. их было приблизительно 300 во всем мире (M. S. Anderson, 1993. P-129—130).

Почти в то же время, когда началась институционализация военной дипломатии, получили широкое распространение европейская и американская модель организации военного дела, стратегии и тактики (см.: Ralston, 1990). Во всех странах Латинской Америки, Африки и Азии западные государства обучали и оснащали местные вооруженные силы для того, чтобы пополнить имперские армии или воспользоваться нерегулярными войсковыми соединениями в борьбе за глобальное господство. Даже японские и китайские военные и политические деятели активно добивались и получали западную военную помощь (Beasley, 1995. P- 64; Black, 1998). К началу XX в. накал глобального военного противостояния и расширение сети европейской военной силы превратили земной шар в единое геополитическое пространство.

2.3.3 ЭПОХА ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА. 1914—1990

После распространения европейской цивилизации по всему земному шару культуры, страны и нации планеты оказались в тесной зависимости друг от друга в плане безопасности и выживания. Перспективы достижения мира в каждой части света зависели отныне не только от местных обстоятельств и решений, принятых на местах, но все больше и больше подчинялись сложной динамике глобального соотношения сил и тех позиций, которые складывались между центрами

112

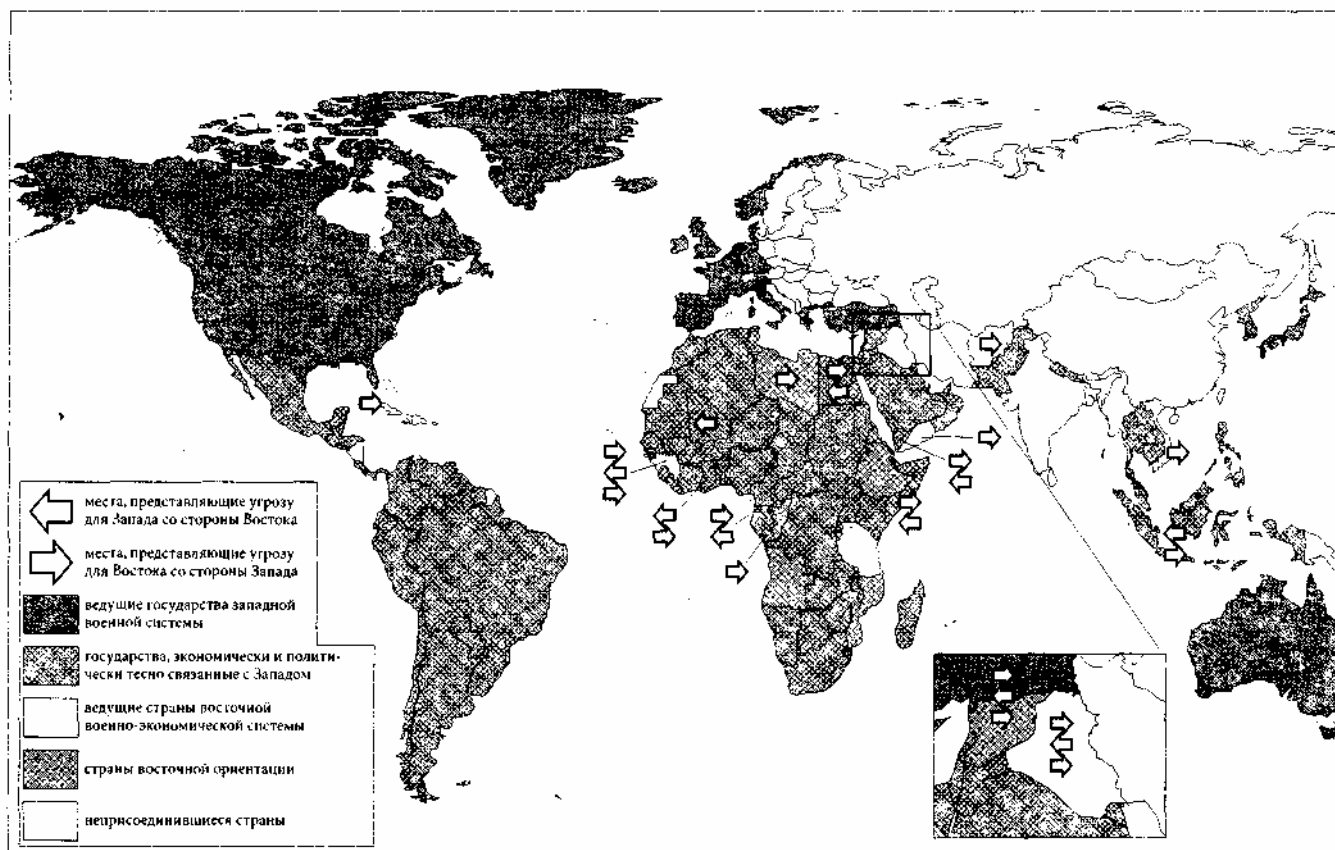
военного и политического принятия решений. В то время как великие державы имели возможность осуществлять больший контроль над стратегической ситуацией в мире, чем второстепенные государства, каждый регион оказался вплетенным в глобальную систему отношений, складывающихся по поводу войны и безопасности, не имея при этом эффективных механизмов разрешения конфликтов и возможности противостоять негативным, не поддающимся контролю кризисным тенденциям, грозящим катастрофическими последствиями.

Когда в 1914 г. разразилась война, она очень быстро вышла за пределы континентальной Европы. Три фактора главным образом повлияли на масштабы этой военной глобализации. Во-первых, с самого начала в конфликт были вовлечены стратегически важные колонии. Боевые действия перекинулись на территории Африки и Ближнего Востока. Во-вторых, индустриализация изменила характер ведения войны. Были созданы колоссальные военные машины, но, чтобы действовать эффективно, они требовали мобилизации целых народов и империй. Ход войны зависел от мировых источников сырья и поставок продовольствия. Ибо и вооружения, и условия ведения современной войны требуют как национальной, так и межнациональной мобилизации всех имеющихся в наличии индустриальных, технологических, человеческих и природных ресурсов. В-

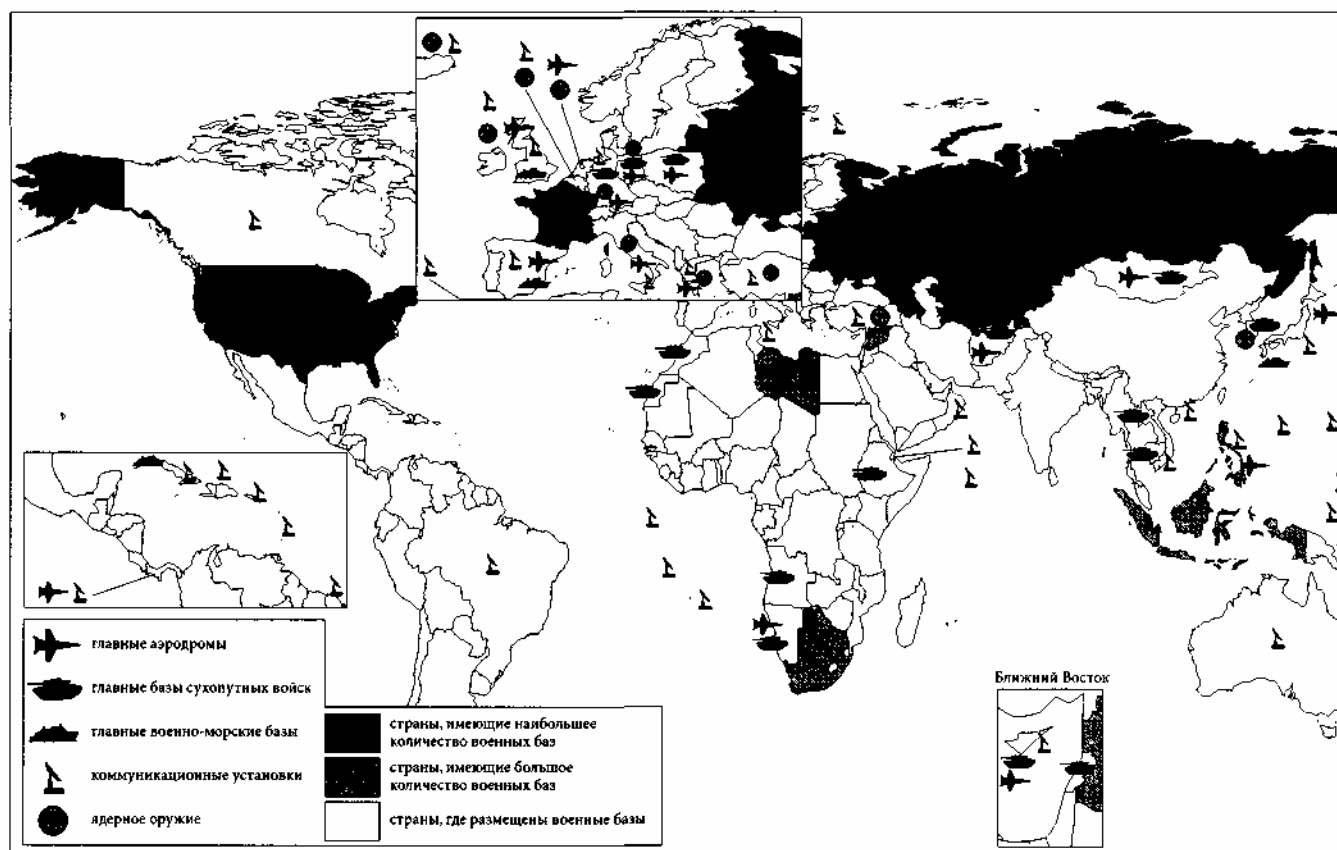
третьих, масштаб и характер индустриальной войны повысили значимость международных альянсов, так как никакое государство в отдельности не обладает ресурсами, необходимыми для достижения победы или избежания поражения. Антанта (Англия, Франция, Россия) и Тройственный союз (Германия, Италия, Австро-Венгрия) функционировали как институциональные механизмы для координации боевых операций, равно как и для организации военных действий в международном масштабе.

Первая мировая война показала, что конфликт между великими державами в индустриальную эпоху не сводится исключительно к столкновению конфликтующих сторон на полях сражений. В отличие от войн XV столетия, война в XX в. и в том, что касается ее ведения, и в том, что касается ее последствий, охватывает обширное географическое пространство: «Война, которую некогда вели военные гении на поле битвы, площадь которого была ограничена, теперь, в эпоху тотальных войн, охватывает целые континенты и требует, чтобы все граждане стали участниками трудового фронта» (Klein, 1994> P. 55). Наступила эпоха глобального конфликта.

Вторая мировая война была, по словам Э. Хобсбаума, «глобальной катастрофой человечества» (Hobsbawm, 1994. P. 52). Масштаб военных действий, разрушений и человеческих страданий не имел прецедентов в истории. Так как война охватила Европу и Дальний Восток, то военные действия распространились почти на все континенты и все океаны, за исключением Латинской Америки и Южной Африки. Но и из тех государств, которые не участвовали в боевых действиях, не многие на самом деле смогли остаться нейтральным, поскольку для обеспечения военных усилий как стран оси (Германии, Италии и Японии), так и союзников (США, Англии, Франции) требовалось все больше источников финансирования. Как отмечает У. Макнейл, «международная организация ведения войны... в годы Второй мировой войны проявила себя в гораздо больших сферах и более эффективно, чем когда бы то ни было прежде» (McNeill, 1982, p. 356). Но самым глубоким последствием войны оказалось итоговое перераспределение сил в ми-

Карта 2.1 Соотношение сил во времена холодной войны: биполярный мировой военный порядок (источник: Kidron)

Карта 2.2 Холодная война: глобальная военная инфраструктура (источник: Kidron and Smith, 1983)

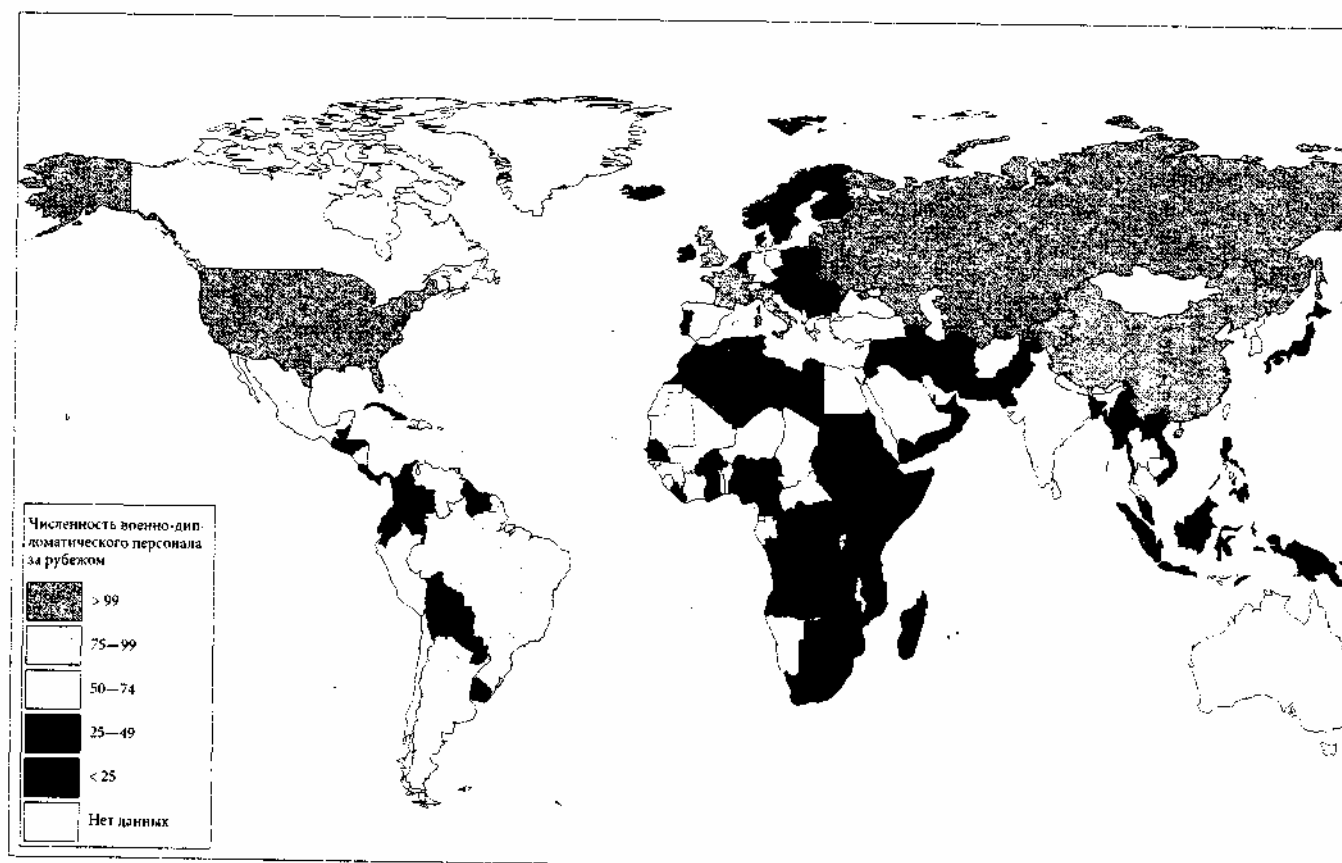
115

ре. 1945 год ознаменован окончанием глобальной гегемонии Европы и превращением США и Советского Союза в мировые сверхдержавы. Это структурное преобразование предопределило драматические последствия для модели послевоенных глобальных отношений по вопросам войны и безопасности.

В течение почти 50 лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, международная политика определялась противостоянием двух сверхдержав — США и Советского Союза. Их представления об устройстве послевоенного мира были полярны, и моделью геополитики очень скоро стала конфронтация между Востоком и Западом, получившая название «холодной войны». Мировая политическая система раскололась на два враждебных блока, в каждом из которых преобладала та или иная система альянсов и региональных пактов о взаимопомощи. Кроме того, США и Советский Союз заключили целый ряд двусторонних и многосторонних соглашений о военном сотрудничестве и договоров о безопасности со многими государствами.

Хотя соперничество между этими сверхдержавами не одинаково ощущалось в разных точках земного шара, из-за того, что некоторые регионы, такие как Ближний Восток, Центральная Америка и Восточная Азия, превратились в главные арены, на которых разыгрывалось «великое противостояние», неотступная возможность ядерного Армагеддона значительно усилила осознание того, что у человечества общая судьба (см. карту 2.1). Поскольку гонка ядерных вооружений сделала войну между двумя сверхдержавами рационально немыслимой (но отнюдь не невероятной), противостояние Востока и Запада переместилось в Африку, Азию и Латинскую Америку. В свою очередь, процесс деколонизации и борьба за национальную независимость наполнились содержанием, отражающим соотношение сил в ходе холодной войны. Там, где опасались прямого вмешательства, вели войну чужими руками. Поскольку военное присутствие европейских стран за границей сократилось, военное присутствие этих двух сверхдержав увеличилось (см.: Harkavy, 1989). Даже космическое пространство и подводный мир океанов стали объектами колонизации для военных целей.

Несмотря на выдающиеся технологические достижения в деле технического оснащения войск и систем коммуникаций, в результате чего можно было бы ожидать сокращения глобального развертывания вооружений, оно на самом деле увеличилось. К 1982 г. число иностранных военных баз и ракетных установок достигло почти 3 тыс. Более того, в 1985 г. в разгар «второй холодной войны» численность военных подразделений США составляла около 500 тыс. человек, дислоцированных по всему миру более чем в 100 странах, в то время как Советский Союз держал за границей более 600 тыс. человек (Harkavy, 1989, ch. 4). Хотя прямые исторические аналогии не всегда имеют смысл, процентное соотношение численности войск, развернутых за границей, и общей численности вооруженных сил у большинства великих держав в середине XX в. было, вероятно, выше, чем в XIX в. (см. карту 2.2). Холодная война создала уникальную систему соотношения мировых сил, которая парадоксальным образом разделила земной шар на два враждебных лагеря и вместе с тем объединила его в рамках единой стратегически взаимосвязанной мировой военной системы. Она состояла из многочисленных и хорошо обученных глобальных и региональных вооруженных сил и, что касается, по крайней мере, сверхдержав, огромных военных инфраструктур, способных продемонстрировать беспрецедентную разрушительную мощь почти в любом отдельно

Карта 2.3 Модели военно-дипломатического присутствия, 1985—1986 (источник: Nierop, 1994)

117

взятом месте земного шара. Она была, кроме того, высоко институционализированной и стратифицированной (состояла из стран первого, второго и третьего мира) (см. карту 2.3). В ноябре 1990 г. обе сверхдержавы подписали Парижскую хартию (после чего последовал крах «народных демократий»), и холодная война закончилась так же внезапно, как и началась. Но ее наследие продолжает оказывать влияние на современный геополитический ландшафт.

2.3.4 ДЕЗОРГАНИЗОВАННАЯ ГЕОПОЛИТИКА: РАСПАД НА РЕГИОНЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
С окончанием холодной войны модель глобальных военных и оборонных отношений изменилась. В некоторых аспектах соотношение вооруженных сил в мире в конце XX в. кажется возвратом к традиционной модели многополярной силовой политики, в других аспектах, особенно относительно статуса США как единственной военной сверхдержавы, оно является уникальным

(см.: Waltz, 1993)-Но при этом необходимо сделать три существенные оговорки.

Во-первых, если говорить о военной мощи, то в этом отношении разрыв между США и остальными странами огромен. С точки зрения военных расходов США, даже с учетом их планируемого сокращения, тратят значительно больше, чем другие великие державы вместе взятые. Более того, что касается военных возможностей (исключая живую силу), то разрыв в области технологии и вооружения между США и другими странами остается значительным. Соответственно США остаются единственной в мире военной сверхдержавой среди многочисленных среднеразвитых в этом отношении стран. Во-вторых, по сравнению с предыдущими историческими эпохами конкуренция между нынешними великими державами происходит не только «под сурдинку» (лишь Китай можно было бы охарактеризовать как «ревизионистскую державу»), но и не формулируется отныне с помощью военных терминов. В-третьих, соображения безопасности, которыми руководствуются в первую очередь нынешние великие державы, кроме США, принимают в расчет исключительно региональные (или даже локальные) интересы. Глобальная безопасность и мировые военные отношения могут поэтому оказаться менее значимыми в политических расчетах великих держав. Эти оговорки наводят на мысль, что современная система, в отличие от многополярной межгосударственной системы конца XIX в., при которой соревнование великих держав приобретало все более и более глобальный характер, может сделаться более региональной, более фрагментарной и, следовательно, более дезорганизованной.

Когда закончилась холодная война и был подписан договор о военном присутствии США и Советского Союза в других странах (в пропорциях, которые производят сильное впечатление), началось формирование новых региональных и локальных моделей межгосударственного соперничества, одним из последствий которого стала «децентрализация системы международной безопасности», фрагментация мира на относительно дискретные (но не вполне автономные) комплексы региональной безопасности (Buzan, 1991 P. 208)². Следствием этого, поми-

2. Комплекс региональной безопасности, согласно Б. Бузану, может быть определен в терминах «моделей дружбы и вражды, которые действуют на территории того или иного географического региона» (Buzan, 1991, P- 190)-

118

мо всего прочего, стала новая вспышка национальных конфликтов и рост напряженности в Европе и на Балканах, на границе между Индией и Пакистаном в Южной Азии, между странами, омываемыми Южно-Китайским морем в Юго-Восточной Азии. Как только сдерживающие механизмы холодной войны перестали работать, исчезли и внешние ограничения, сдерживающие региональные конфликты (истoki которых нередко уходят во времена, предшествовавшие появлению европейских империй). В некоторых случаях, например, в Юго-Восточной Азии последствия окончания холодной войны до сих пор были относительно благоприятными, но во многих регионах напряженность и соперничество возросли. Эта «регионализация» международной безопасности представляет собой существенную особенность мировой военной системы и системы безопасности в период, начавшийся после окончания холодной войны. Значение регионализации, однако, оспаривается, поскольку к современной модели отношений безопасности предъявляются ограничивающие друг друга требования. Одно широко распространенное мнение заключается в том, что глобальная безопасность и военный порядок находятся в состоянии «структурного раздвоения», т. е. фрагментации на две совершенно разные системы, каждая из которых обладает своими стандартами, правилами управления и нормами межгосударственных отношений. Вероятные затраты на войну (обычную или ядерную) между развитыми индустриальными странами, утверждает Дж. Мюллер и другие авторы, будут настолько велики, что она теряет смысл; она непродуктивна и как способ разрешения межгосударственных конфликтов, и как способ изменения международного status quo (см.: Mueller, 1989). В отличие от этого государства второстепенные (т. е. страны развивающегося мира) существуют в рамках системы, которой все еще свойственны политическая нестабильность, милитаризм и государственная экспансия и у которой нет никакого инструмента для обуздания войны как рационального орудия государственной политики. Соответственно модели международных военных отношений и отношений безопасности радикально расходятся, так что мировой порядок в период, начавшийся после холодной войны, все сильнее и сильнее раздваивается (см.: McFail and Goldeier, 1992).

Однако этим процессам фрагментации и регионализации противостоят мощные центростремительные силы, усиливающие стремление мирового военного порядка к единообразию. В связи с этим следует особо отметить четыре фактора.

• Во-первых, во многих регионах мира происходит постепенный сдвиг в направлении к совместной обороне или многосторонним мерам безопасности. Стремление избежать межгосударственных конфликтов и огромных затрат на оборону способствует скорее укреплению, нежели ослаблению многосторонних и коллективных мер оборонного характера, равно как и международному военному сотрудничеству и координации. Конец холодной войны стал свидетелем не кончины НАТО, которую так часто предсказывали в 1990 г., а скорее возрастания роли и значения этой организации. Кроме того, во многих ключевых регионах мира начинают появляться многосторонние схемы безопасности наряду с теми, которые там уже существуют. Подобно Региональному форуму стран АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе, они могут находиться на очень ранней ступени развития и сталкиваться с препятствиями в виде всевозможного рода соперничества, но исторически они представляют собой существ-

119

венную институционализацию военных отношений и отношений безопасности. Кроме того, многие из договоренностей становятся менее специфическими для регионов по мере того, как США усиливает свои глобальные связи (например, с НАТО и Региональным форумом АСЕАН). На глобальном уровне действия ООН по поддержанию мира и коллективной безопасности тоже стали более заметными, хотя и не всегда более эффективными. Эти достижения являются следствием того, что после прекращения холодной войны вопреки изменениям, происшедшим в области современных военных технологий, «способность государства защищать свои границы от вооруженного нападения», возможно, ослабла (Cammilleri and Falk, 1992 p. 152). Конечно, в настоящее время многие государства признают, что национальная безопасность не может быть обеспечена с помощью только односторонних усилий.

Во-вторых, укрепление и расширение финансовых, торговых и экономических связей между государствами (см. гл. 3 и 4 и 5 ниже) повысили потенциальную уязвимость большинства из них со стороны кризисных явлений, возникающих в отдаленных частях земного шара. Соответственно, многие государства, и не только сверхмощные державы, становятся весьма чувствительными (если не уязвимыми) по отношению к тому, что касается безопасности и военного развития в других регионах. Такая чувствительность может быть довольно избирательной, и, конечно, не все части земного шара воспринимаются как имеющие одинаковое стратегическое значение. Однако, как показал кризис 1990 г. в Персидском заливе, военные достижения в стратегически важных регионах по-прежнему имеют глобальное значение. Регионализация и глобализация военных отношений и отношений безопасности ни в коем случае не являются противоречащими процессами и могут способствовать усилению друг друга. В-третьих, угроза национальной безопасности принимает все более разнообразный характер, и одновременно с этим перестает быть исключительно военной (Buzan et al., 1998). Так, стремительный рост запасов оружия массового уничтожения представляет собой потенциальную угрозу всем государствам. Но этот рост отчасти является результатом распространения промышленных и технологических знаний, равно как и торговли оружием. Сдерживание этого стремительного роста представляет собой классический образец мировой проблемы, для решения которой необходимы коллективные усилия. Точно так же проблемы, связанные с охраной окружающей среды, экономикой и культурой, наркотики, терроризм, преступность и другие проблемы, представляющие собой угрозу национальной безопасности, не могут быть решены с помощью только военной силы или средствами отдельного национального государства. Чтобы справиться с этим постоянно сгущающимся мраком, необходим глобальный механизм координации и сотрудничества между странами. В-четвертых, система военной безопасности всех народов, созданная великими державами, испытывает серьезное влияние со стороны системных факторов. Действительно, структура вооруженных сил и политика великих держав остаются главными факторами, влияющими на военное положение друг друга и всех других государств. Хотя бы потому, что великие державы устанавливают стандарты, будь то в военной технологии или на уровне вооруженных сил, по которым все остальные страны в конечном счете выверяют свой оборонный потенциал. Так, американская оборонная доктрина имеет больше

120

разносторонних глобальных последствий, чем доктрина государства Кирибати, расположенного на островах Тихого океана. Поэтому позиция великих держав влияет на безопасность всех регионов мира. Кроме того, при отсутствии общепризнанного авторитета, способного поддерживать стабильность в мире, большинство стран будет осуществлять свое стремление к миру с помощью военной силы. Это порождает серьезную дилемму: стремясь обеспечить соб-

ственную безопасность, совершенствуя и наращивая свои военные потенциалы, государства «вполне могут угрожать безопасности и процветанию других государств» (Buzan, 1991; см. также выше разделы 1.2 и 1.3). В результате международная напряженность растет по спирали, поскольку потенциальные конкуренты реагируют аналогичным образом. Соответственно, национальная безопасность в анархической межгосударственной системе никогда не может быть полностью независимой от глобальных системных условий.

Все это означает, что современный геополитический порядок, далеко не такой уж фрагментарный, по-прежнему отягощен проблемами глобальной стратегической взаимосвязанности. Отсутствие сколько-нибудь серьезной глобальной политической и военной конкуренции типа холодной войны или империализма 90-х гг. XIX в. не следует принимать за процесс военной деглобализации.

Однако мы вернемся к этой проблеме после того, как более подробно рассмотрим другие аспекты мирового военного порядка: глобальную динамику вооружений и режимы международной безопасности.

2.4 ГЛОБАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ВООРУЖЕНИЙ

В разгар второй холодной войны, который пришелся на середину 80-х гг. XX в., военные расходы во всем мире (по курсу доллара США на 1987 г.) приближались к 1000 млрд. долларов в год (почти 190 долларов на каждого жителя планеты), расходы на военную технику превысили 290 млрд. долларов, в то время как доходы от торговли оружием составили более 48 млрд. (см.: Krause, 1992, p. 93; Sivard, 1991. P- 499)- В этот период приблизительно 120 стран участвовали в производстве, покупке и перевозке оружия и военной техники. Вполне логично поэтому сделать вывод, что существует глобальная «система перевозки и производства оружия» со своей собственной «глобальной динамикой» (Krause, 1992, p.1).

Динамика вооружений связана с количественными и качественными изменениями военного потенциала, происходящими в рамках отдельного государства и во всем мире (Buzan, 1987, p. 73). Среди наиболее значимых сил, управляющих этим процессом, помимо геополитических и внутренних факторов — военные технологические инновации. Именно они определяют динамику вооружений и имеют важные глобальные последствия. В частности, мировой стандарт военной технологии установлен наиболее развитыми в военном отношении государствами, обладающими научными, промышленными и техническими возможностями для разработки и внедрения инноваций. Поскольку великие державы создают и совершенствуют передовую военную технологию, другие государства, решая проблему собственной безопасности, сталкиваются с дилеммой: или они стремятся приобрести самые последние образцы и системы вооружений, или, если они этого не сделают, их потенциальная военная мощь сойдет на нет, а следо-

121

вательно, окажется под угрозой и безопасность. Динамика вооружений наглядно демонстрирует свойственную процессу глобализации логику, в силу которой она способствует стремительному росту трансконтинентального военного потенциала и усовершенствованию технологии.

Действительно, она стимулирует своего рода военно-техническую цепную реакцию во всех крупных региональных комплексах безопасности. Прогресс в области военных технологий побуждает государства к стремлению сохранить свое положение на иерархической лестнице регионального и глобального влияния. Понятие «глобальная динамика вооружений» включает в себя взаимосвязь между «прогрессом в деле качественного улучшения военной техники» и «широким распространением технологии и технологических знаний — самым широким с тех пор, как существует система международных отношений» (Buzan, 1987, p. 36). Одним из ярких примеров глобальной динамики вооружений служит то, что произошло после войны в Персидском заливе в 1991 г. В первые часы той войны с целью нанести сокрушительный удар и вывести из строя созданную в Советском Союзе систему противовоздушной обороны Ирака использовались так называемые технологии КККР (т. е. командование, контроль, коммуникации, разведка), действовавшие совместно с новым самолетом-невидимкой. Пройдя испытание в бою, усовершенствованные системы КККР во всем мире стали неотъемлемой частью национальных программ материально-технического обеспечения войск.

Глобальная динамика вооружений действует внутри строго иерархической системы продажи и производства оружия, поскольку существуют большие различия между военно-технологическими возможностями разных государств. К. Краузе, описывая иерархическую структуру этой системы, все государства делит на четыре эшелона, или группы (Krause, 1992, p. 31—32):

- поставщики первого эшелона — военно-технологические инноваторы;
- поставщики второго эшелона — основные производители и адаптеры военных технологий и систем вооружения;

- поставщики третьего эшелона — воспроизводят и копируют существующие военные технологии и аппаратные средства;
- получатели четвертого эшелона — покупатели оружия.

Эта структура по большей части самовоспроизводится, поскольку, как замечает Б. Бузан, «страны, лидирующие в рамках системы, должны оставаться на передовых рубежах технологических достижений, если они не хотят снова очутиться среди стран второго эшелона. Кандидаты на место среди стран первого эшелона должны напрягать все свои силы, чтобы конкурировать на передовых рубежах технологических инноваций» (Buzan, 1987, p. 37)-

Хотя персональный состав этих эшелонов со временем претерпел некоторые изменения, основная структура системы осталась практически такой же, как она сложилась в начале Нового времени. Точно так же в рамках этой структуры долго (почти до конца XX в.) сохранялось западное преобладание; ситуация заметно улучшилась в результате «индустриализации войны» в XIX в. Однако индустриализация и модернизация бросили вызов приоритету западных стран, поскольку в конце XX в. возникли новые поставщики оружия и центры военного производства, находящиеся в других регионах. В результате анализа основных показате-

122

лей глобальной динамики вооружений, торговли оружием и диффузии военной техники мы изобразим более подробную картину этого аспекта военной глобализации.

2.4.1 СИСТЕМА ТОРГОВЛИ ОРУЖИЕМ В НОВОЕ ВРЕМЯ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗМАХ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И СТРАТИФИКАЦИЯ

В исследованиях, посвященных изучению современной системы торговли оружием, причины ее развития объясняются в основном геополитическими условиями, процессами государственной экспансии, меняющимися организационными формами национального военного производства и военно-технологическими инновациями (см.: McNeill, 1982; Creveld, 1989; Pearton, 1982; Krause, 1992). Как правило, в них подчеркивается также непостоянство и стратификация процесса глобального распространения оружия. Этот процесс состоит из разрозненных вспышек экспансионизма, во время которых масштаб и сфера продаж оружия увеличиваются, и следующих за ними длительных периодов, когда масштаб потоков оружия и сфера его распространения стабилизируются. Переход от децентрализованной, спорадической, территориально ограниченной торговли оружием, какой она была до XIV в., к хорошо отлаженной, экстенсивной и интенсивной современной торговле можно объяснить только с помощью ряда разрозненных преобразований на рынке оружия, каждое из которых обусловлено скорее случайными обстоятельствами развития, чем общими закономерностями исторического процесса.

Хотя данные о торговле оружием до начала Нового времени ограничены, они, как правило, свидетельствуют о том, что ее экстенсивность, интенсивность и влияние были весьма ограничены (Black, 1998). К. Краузе отмечает, что в Римской империи основные центры изготовления оружия располагались поблизости от военных гарнизонов и находились под государственным контролем (Krause, 1992, p. 35)- Ни о какой организованной или институционализированной торговле оружием там не могло быть и речи. Действительно, до конца раннего Средневековья торговли оружием между европейскими странами не было, не говоря уж о торговле между Европой и внешним для нее миром. В других регионах, таких как Китайская и Монгольская империи, военные инновации (арбалет, кавалерия) распространялись очень быстро, хотя это не было связано с регулярной торговлей оружием в строгом смысле слова (Pasey, 1991; McNeill, 1982).

Завоевательные и оборонительные войны, которые вели города-государства и королевства Европы, ускорили процесс распространения оружия, а первые крестовые походы, не без помощи со стороны обладателей торговых капиталов, познакомили с европейским оружием население Ближнего Востока и даже, через торговые сети, более далеких регионов. Точно так же столкновение «цивилизаций» на-границах западного христианского мира сопровождалось проникновением в Европу монгольского, мусульманского и китайского оружия и военной техники, наиболее известным из которых является черный порох (Contamine, 1984, p. 139)³- Тем не менее, тот факт, что понадобилось два столетия для того, чтобы

3. Согласно П. Контамайну, формула пороха впервые была выведена в Китае и записана в книге «Wujumg Zonyao» в 1044¹- И только в 1267 г. Роджер Бэкон открыл первую «западную» формулу пороха. Этот разрыв в 200 с лишним лет свидетельствует об отсутствии контактов между существо-

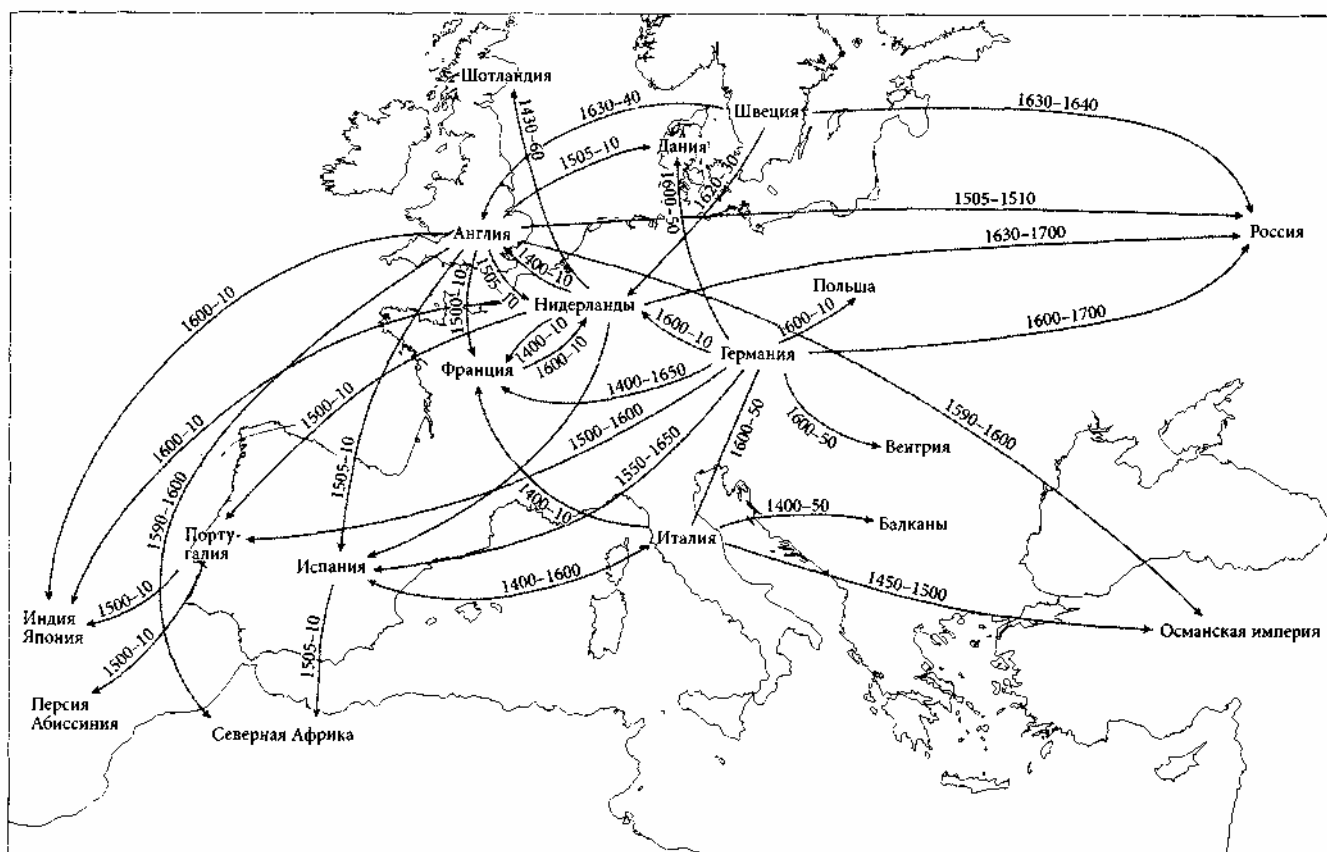
123

сведения о черном порохе дошли из Китая (через Монголию и исламские страны) в Европу, свидетельствует о том, что торговля оружием в раннем Средневековье носила неорганизованный, спорадический, случайный и территориально ограниченный характер, а также о медленной скорости распространения инноваций — достижений «разрозненных миров». Действительно, территориальная ограниченность и низкая интенсивность этой ранней торговли оружием такова, что ее ни в коем случае нельзя рассматривать как систему.

В эпоху Средних веков торговля оружием происходила почти исключительно в пределах отдельных мировых цивилизаций. Р. Бартлетт, например, описывает, как в период с 950 по 1350 гг. французское оружие и военная техника (замки и приспособления для бомбардировки) распространились по всей Европе (Bartlett, 1994) Р- 70—84). Благодаря завоеваниям и соперничеству замки, осадная техника и арбалеты стали обычными средствами ведения войны в средневековой Европе. И, может быть, только после изобретения черного пороха и пушки стала развиваться более опасная торговля оружием, поскольку и черный порох и порожденные им артиллерийские орудия начали производиться в значительных масштабах. Но даже и в этом случае уровень технологии был таков, что нормой, как правило, оставалось местное производство. Местные литейные заводы, принадлежащие отдельным семьям, которые занимались в основном отливкой церковных колоколов, легко переоборудовались и превращались в «оружейные фабрики». В результате к 60—70-м гг. XIV в. в большинстве городов и во всех ведущих странах Европы накопились значительные арсеналы оружия — местного производства или же, напротив, приобретенного в разных уголках Италии, Германии, Франции и Нидерландов (см.: Contamine, 1984, Р-139—150). Эта ранняя торговля оружием носила в основном региональный характер и находилась преимущественно в частных руках при отсутствии регулирования со стороны государства (см.: Krause, 1992, р. 37; Harkavy, 1975. Р- 35)-

Крах феодального строя в Европе подорвал политические основы этого дезорганизованного «рынка оружия». Государства приступили к созданию постоянных форм военной организации, таких как регулярная армия и военно-морской флот, в результате чего увеличилась потребность в более рациональной организации производства оружия. Государственные власти стремились монополизировать производство и торговлю, связанные с изготовлением оружия, взяв курс на достижение автаркии. В Англии, например, фактическая зависимость от зарубежных поставок пороха в XIV в. была успешно ликвидирована, и к 20-м гг. XVI в. страна добилась в этом отношении полной автаркии (Krause, 1992. Р- 40). Точно так же в Швеции, во Франции, в Пруссии, Испании и Португалии процесс формирования буржуазного государства сопровождался стремлением к почти полной автаркии в деле обеспечения оружием. Но, как это ни парадоксально, по

вавшими в то время цивилизациями. Интересно сравнить это с ситуацией в Европе в конце XIX в., когда основные производители оружия, такие как Уайтвортс и Крупп, продавали за границу самые современные виды оружия прямо с конвейера, и нередко еще до того, как оно приобреталось вооруженными силами их собственных стран (см.: Contamine, 1984. Р-139; Krause, 1992, Р- 66; McNeil, 1982, р. 241). Или с тем, как обстоят дела в наше время, когда менее чем через 50 лет после того, как в Германии и США были сконструированы первые ракеты, такие государства, как Китай, Индия, Бразилия и многие другие, получили доступ к технологиям по производству ракетных снарядов.

1543 г.), к 1566 г. обеспечив себя запасом в 300 тыс. единиц. К началу XVIII в. благодаря имперским завоеваниям и активности купечества большое количество огнестрельного оружия оказалось в Западной Африке, Османской империи, Индии, в Северной и Южной Америке. В середине XVII в. голландцы давали двенадцать ружей за одного африканского раба, в результате чего в Африку в период с 1658 по 1750 г. ежегодно вывозилось, как показывают подсчеты, примерно 180 тыс. ружей (Parker 1988, p. 121, Krause 1992, p. 56). Судьба огнестрельного оружия сложилась совершенно невероятным образом. Дж. Блэк рассказывает историю одного американского отряда, который в начале XIX в., наткнувшись на укрытие беглых рабов и индейцев, скрывавшихся в самом глухом уголке Флориды на берегу реки Апалачикола, обнаружил, что «это настоящая крепость, построенная под руководством британского полковника и имеющая на вооружении десять орудий и 3200 единиц огнестрельного оружия» (1994) Р- 21). Зарождающаяся глобальная система перемещения оружия обретала очертания фигуры, в самом центре которой располагалась Европа (см. карту 2.4).

126

2.4.2 *ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ВОЙНЫ И ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ОРУЖИЯ*

После «пороховой революции» совершенствование оружия и методов его производства происходило медленно: военно-технологические инновации носили характер скорее постепенный, нежели революционный. Когда Наполеон вторгся в Италию в 1796 г., его солдаты имели почти такое же оружие, как и то, «с которым армия Карла VIII оккупировала Италию за 300 лет до Наполеона» (Creveld, 1989) p. 87). Даже в начале XIX в. оружие все еще производилось на кустарной основе в мелких мастерских и литейных. Однако начало индустриализации радикально изменило как вооружение, так и характер производства оружия. Разразилась военно-технологическая революция, может быть, даже более глубокая по своим глобальным последствиям, чем «революция пороха», которая произошла шестью столетиями ранее.

С индустриализацией войны в XIX в. наступила принципиально новая стадия глобализации торговли оружием. Она изменилась по всем параметрам: в отношении экстенсивности и интенсивности, скорости и влияния, институционализации и моделей стратификации, другими стали способы перевозки и виды торговли оружием. Этому способствовал ряд факторов, включая процесс постоянного усовершенствования оружия (пулемет «Максим», пароход, пули нового типа и т. д.), в результате которого военно-технологический прогресс, поспеть за которым стремились все страны, значительно ускорился; налаживание массового производства оружия и в результате — существенное увеличение его экспорта; появление особого военно-промышленного сектора в экономике, который производил оружие главным образом с целью получения дохода; начало новой, более интенсивной стадия имперской экспансии; развитие глобальных сетей коммуникаций и транспортной инфраструктуры, что облегчало торговлю вообще (см. выше, раздел 1.1.5). В результате, как замечает У. Макнейл, к 60-м гг. XIX в. «возник... глобальный промышленный бизнес вооружений» (McNeill, 1982, p. 241). С тех пор регулярная, институционализированная и в значительной степени принадлежащая частным лицам глобальная система торговли оружием развивалась и функционировала, почти не сталкиваясь ни с каким политическим противодействием (за исключением периода 1914—1918 гг.) вплоть до 30-х гг. XX в. (Harkavy, 1975) Р- 36). В военно-промышленном секторе Англии, Германии и Франции, которые были основными поставщиками оружия, главную роль играли крупные корпорации, такие как концерны и компании Круппа, Веккерса, Армстронга-Уитворта, Шнейдера, Крезе. Эти компании сосредоточили в своих руках огромные экономические и производственные средства и по праву считались «национальными чемпионами» на рынке глобального экспорта оружия. Технологии производства, начинавшего превращаться в массовое, в сочетании с международной конкуренцией и растущим спросом на оружие во всем мире привели к тому, что разразился бум в экспорте оружия. В конце XIX в. Крупп экспортировал 86,4% своей продукции оружия, в то время как Шнейдер до Первой мировой войны экспортировал 50%, а Веккерс — 33% (McNeill, 1982, p. 302). Поскольку внутренние рынки оборонной промышленности все более и более насыщались, что привело к перепроизводству в военно-

промышленной сфере, стимул для экспорта еще более

127

усилился. Кроме того, правительства фактически санкционировали нерегулируемую торговлю оружием.

Одним из последствий свободной торговли оружием было то, что оно распространялось повсюду в еще больших количествах, чем это обеспечивала межгосударственная система. Имперская экспансия в сочетании со все возрастающими возможностями глобальной торговли и развитием системы коммуникаций улучшила глобальные экспортные перспективы частных производителей оружия. В результате рынки в Южной Америке, Азии, на Ближнем Востоке и в Африке становились все более и более доступными для европейских экспортеров оружия. В начале XX в. Крупп поставлял оружие 52 государствам, французские производители — 23 государствам, тогда как британские компании экспортировали оружие на все континенты (Krause, 1992, p. 59—61). Масштаб торговли оружием также был значителен. Несмотря на то, что сколько-нибудь полные и достоверные статистические данные о торговле оружием для этого периода отсутствуют, некоторое представление о ее масштабах дают следующие данные: в конце XIX в. из Англии в Западную Африку ежегодно поставлялось от 100 до 150 тыс. единиц огнестрельного оружия; французские поставки оружия в период с 1895 по 1913 г. удвоились; к 1914 г. Крупп продал за границу более 26 тыс. артиллерийских орудий (51% всей его продукции); французская же фирма Шнейдер за время с 1885 по 1914 г. экспортировала около 45 тыс. орудий (Headrick, 1981, p. 106; McNeill, 1982, p. 303; Krause, 1992, p. 59—60).

В течение всего этого периода большим стимулом для увеличения экспорта была необходимость возмещения огромных затрат, которые шли на научно-исследовательские работы по созданию новых систем вооружения. В результате получилось так, что некоторые компании продавали самые последние высокотехнологичные образцы оружия на мировом рынке прежде, чем их приобретали вооруженные силы их собственных стран. Британский производитель оружия Армстронг строил и экспортировал крейсера, которые по скорости и вооружению превосходили корабли, принадлежащие Королевскому военно-морскому флоту; первую партию 8-дюймовых орудий, изготовленных на его заводах, он продал русским (Krause, 1992, p. 66). Первая подводная лодка, созданная в Англии, была приобретена Грецией — еще до того, как Королевский военно-морской флот принял ее на вооружение (Harkavy, 1975> P- 3⁶). Задолго до начала Первой мировой войны поставщики оружия, поощряемые правительствами своих стран, создали глобальную систему торговли вооружением, которая функционировала, подчиняясь главным образом финансовой логике, и находилась вне какого-либо контроля со стороны правительства. К. Краузе приходит к выводу, что за период с 1860 по 1914 г. «благодаря той гегемонии, которой в рамках международной системы продажи оружия завладели поставщики из стран первого эшелона, современное оружие распространилось по всему земному шару» (Krause, 1992, p. 72).

После Первой мировой войны система производства и продажи оружия во всем мире быстро адаптировалась к изменившейся геополитической и экономической ситуации. В плане эволюции системы торговли оружием война была не началом какого-то нового исторического этапа, а скорее лишь временным перерывом. Тенденция, обозначившаяся в XIX в., возобновилась, и торговля оружием охватила еще больше стран и стала еще более прибыльным занятием. Чем больше стран вступало на путь индустриального развития, тем больше государств-про-

128

изводителей оружия, таких как Чехословакия и Польша, пополняло ряды уже существующих поставщиков. Соединенные Штаты за время войны превратились в производителей оружия первого эшелона, тогда как Германия, вынужденная соблюдать условия Версальского договора, из числа стран, торгующих оружием, выбыла (по крайней мере, официально).

Политическая и экономическая нестабильность в период между двумя мировыми войнами способствовала увеличению военных расходов во всем мире, которые превысили довоенный уровень (Sloutzki, 1941> P- 23). По мере того, как военные расходы росли, увеличивался — до начала кризиса в 1929 г. — и объем торговли оружием и вооружениями (см. диаграмму 2.i).

Даже во время депрессии 30-х гг. экспорт оружия снижался отнюдь не так резко, как экспорт вообще, восстановился же он намного быстрее (Sloutzki, 1941> P- 67). По сравнению с предыдущим столетием гораздо большее число государств было занято в продаже оружия на мировом рынке. В результате чего структура международного рынка оружия стала, возможно, менее концентрированной и все больше приобретала характер олигополии. Хотя глобальная иерархия военно-технологических возможностей сохранилась, число производителей первого,

второго и третьего эшелонов несколько увеличилось (Harkavy, 1975> P- 90). Около 20 стран занималось экспортом оружия, большая часть которого (почти 90%) приходилось на долю 9 стран (Sloutzki, 1941. P- 7²)- Хотя великие державы по-прежнему лидировали в плане производства и торговли оружием, у них появилась масса конкурентов. Подробное исследование торговли оружием в период между мировыми войнами, проведенное Р. Гаркави, показывает, что практически для каждого вида вооружения было множество потенциальных поставщиков (Harkavy, 1975)- Интересно отметить, что самую сложную военную технику (боевые самолеты и танки) производило, как оказалось, больше стран во всем мире, чем их было после окончания Второй мировой войны. Сложившаяся ситуация имела три серьезных политических последствия: приобретение даже новейших систем вооружения стало сравнительно простым делом для любого государства, обладающего необходимыми для этого средствами; покупатели оружия стремились разнообразить свои источники поставок; для эффективного контроля над торговлей оружием стало необходимым международное сотрудничество.

В этот период сложилась чрезвычайно сложная сеть отношений в сфере торговли оружием. Поскольку правительства стремились расширить свою автономию, они приобретали оружие у множества разных поставщиков. Так появилась многоканальная модель торговли, благодаря которой в конце 30-х гг. XX в. большинство стран мира покупало оружие у враждующих между собой блоков: у демократических государств и у диктаторских режимов (Harkavy, 1975. P- 127)-В свою очередь, эти взаимно пересекающиеся торговые отношения послужили причиной оживления военного сотрудничества как между основными регионами мира, так и внутри них. Ибо там, где существует многоканальная модель поставок, импортеры оружия оказываются хорошими посредниками между конкурирующими группами поставщиков, тем самым еще больше усложняя систему торговли оружием и увеличивая взаимозависимость конкурирующих сторон. В этом смысле торговля оружием в период между двумя войнами превратилась в мощную и стремительно развивающуюся систему и стала таким сложным образованием, какого никогда не было за всю историю человечества.

129

Диаграмма 2.1 Мировая торговля оружием в период между двумя мировыми войнами (источники: Sloutzki, 1941; League of Nations. Statistical Yearbook of the Trade in Arms and Ammunition. Geneva, разные годы)

Число стран, импортирующих оружие, приблизилось к шестидесяти, к этому надо прибавить еще 60 протекторатов или колоний (Sloutzki, 1941, P- 72). Особенно стремительно в этот период развивались китайский и латиноамериканский рынки.

Из особенностей торговли оружием в период между войнами следует отметить появление новых механизмов или способов продажи оружия, таких как лицензирование продукции и транснациональное производство. Начавшаяся во всем мире послевоенная реструктуризация производства оружия, сопровождавшаяся ростом международных картелей (см. гл. 5), во многом способствовала тому, что процесс производства оружия стал транснациональным (Harkavy, 1975- P- 38). Это принимало разные коммерческие формы — от возникновения транснационального совета директоров, сообща владеющего пакетом акций, до продажи лицензий за границу с целью создания зарубежных филиалов. Лицензионное производство, потеснив непосредственную продажу, стало составлять значительную долю в торговле оружием. По сравнению с

традиционными способами поставки оружия продажи лицензий привели к возникновению более институционализированной и регулярной модели отношений между покупателями и поставщиками оружия, так как она предполагает передачу знаний, технических средств и принципов организации производства. В наиболее развитых сферах военного производства, таких как самолетостроение, продажа лицензий стала даже основным способом торговли оружием. Страны, покупающие лицензии, как правило, стремятся приобретать их у нескольких поставщиков, чтобы не быть зависимыми от какой-либо одной компании. В 30-е гг. XX в. Япония приобретала промышленные лицензии британских, немецких и американских компаний, выпускающих авиационные двигатели, в то время как Швеция покупала лицензии на боевые самолеты у Великобритании, США и у немецких компаний (Harkavy, 1975. P-170).

Поскольку потребности внутренних рынков были ограничены, многие компании, занимающиеся производством оружия, движимые духом конкуренции, ста-

130

ли открывать свои филиалы за границей. Британские судостроительные компании вкладывали средства в производство за границей нового оборудования, в то время как Юнкере строил бомбардировщики в Швеции, а Крупп собирал подводные лодки на верфях Голландии (Harkavy, 1975> P- 173 Krause, 1992, p. 77)- Такова была начальная стадия транснациональной реструктуризации оборонной промышленности, которая отчасти была реакцией коммерческих структур на расширяющийся и по большей части нерегулируемый глобальный рынок оружия. Однако с началом войны производство оружия во всем мире было решительно национализировано. В этом отношении Вторая мировая война гораздо сильнее затормозила эволюцию глобальной торговли оружием, чем Первая.

Хотя война 1939—1945гг- не привела к полному прекращению международной торговли оружием, она радикальным образом изменила тот характер торговли, который сложился в период между двумя войнами. Производство оружия определялось исключительно военными нуждами, в результате чего сложившаяся ранее глобальная структура поставок, приобретения и способов транспортировки оружия изменилась. Кроме того, потребовалось серьезное государственное вмешательство в дело организации и перераспределения огромных научных, финансовых и промышленных ресурсов для того, чтобы обеспечить непрерывный поток оружия и военных инноваций (Pearton, 1982). Не удивительно, что на мировом рынке оружия лидировали (вплоть до недавнего времени) две сверхдержавы — США и Советский Союз, — ставшие поставщиками первого эшелона. Торговля оружием снова приобрела глобальные масштабы, поскольку в условиях холодной войны поставки вооружения стали главным инструментом соперничества между Востоком и Западом. Но, по большому счету, система продажи оружия во времена холодной войны может рассматриваться как нечто вроде исторической аберрации, поскольку она находилась под контролем правительств и была обусловлена, главным образом, биполярной структурой мировой политики.

2.4.3 СОВРЕМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МАСШТАБЫ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И СТРАТИФИКАЦИЯ

Перед тем как приступить к анализу особенностей современной системы распространения оружия, было бы полезно вписать ее в контекст современных реалий, т. е. описать основные послевоенные модели и тенденции развития глобальных военных расходов, военного потенциала и продаж оружия. После 1945 г. военные расходы во всем мире росли довольно быстро до начала 50-х гг., к 60-м гг. они стабилизировались и затем снова пошли вверх. Пик военных расходов, составивший около 1000 млрд. долларов США, пришелся на 1987 г., после чего, с окончанием холодной войны, они начали неуклонно сокращаться. За эти три десятилетия, с 1960 по 1990 г., военные расходы во всем мире составили сумму примерно в 21 000 000 000 000 долларов США (по курсу 1987 г.) (Sivard, 1991. P- 11)- Конечно, эти глобальные тенденции обусловлены некоторыми существенными особенностями выделения бюджетных средств на вооружения. В течение почти всего этого периода большая часть военных расходов всего мира приходилась на долю государств, входящих в состав НАТО и стран-участниц Варшавского договора, т. е. по сути дела на долю двух сверхдержав, которые тратили на вооружение больше, чем весь остальной мир. После окончания холодной войны доля США и России в

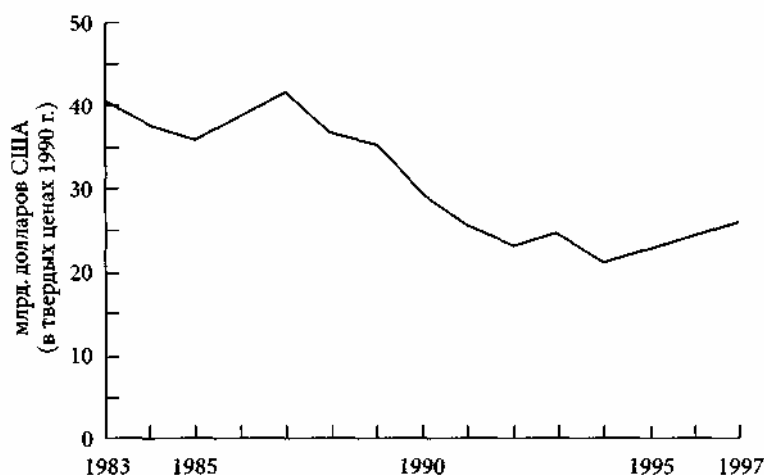

Диаграмма 2.2 Глобальный экспорт обычного тяжелого вооружения, 1983 — 1997 (источник: SIPRI, 1998, р.

мировых военных расходов снизилась. Тем не менее военные расходы западных стран по-прежнему составляют большую часть расходов всего мира. Все более возрастают расходы на оборону у развивающихся стран. Начиная с 60-х гг. XX в. их доля в военных расходах всего мира постоянно увеличивается.

Аналогичные тенденции просматриваются и в мировой торговле оружием. Если после 1945 г. интенсивность торговли оружием резко возросла, то это было непосредственно связано с наращиванием гонки вооружения в начале 60-х, середине 70-х и середине 80-х гг. Экспорт оружия достиг послевоенного пика, составившего 48 — 50 млрд. долларов в середине 80-х гг., после чего он начал стремительно снижаться, упав в 1991 г. до отметки, составляющей меньше половины этой суммы (см. диаграмму 2.2). И все-таки объем мирового экспорта оружия в период, начавшийся после окончания холодной войны, превышает тот, что был в 60-х гг. За этими показателями кроется существенный структурный сдвиг, затрагивающий способы передачи оружия. С конца 60-х гг. XX в. на долю развивающихся стран приходится большая часть мирового импорта оружия, которая намного превосходит объем торговли между основными странами ОЭСР. (Интересно, что эта ситуация является почти обратной по отношению к тенденции, которая в течение всего этого периода наблюдалась в структуре торговли товарами и прямыми зарубежными инвестициями; см. ниже, гл. 3 и 5-) Некоторое представление о масштабах этого сдвига можно получить на основании того, что в 1971 — 1985 гг. развивающиеся страны потратили на закупку оружия 286 млрд. долларов США (по курсу 1985 г.), что в четыре раза превышает общий объем всех закупок оружия в период с 1951 по 1970 г. (Brzoska and Ohlson, 1987, p. i). Но с начала 90-х гг. вследствие прекращения холодной войны и разрядки напряженности в мире объем закупок оружия развивающимися странами уменьшился как в денежном эквиваленте, так и в процентном отношении ко всему мировому импорту вооружений, который в настоящее время обнаруживает скорее циклические, чем структурные тенденции (Laugance, 1992, p. 134)-

В связи с этими сдвигами, затронувшими экстенсивность и интенсивность ми-

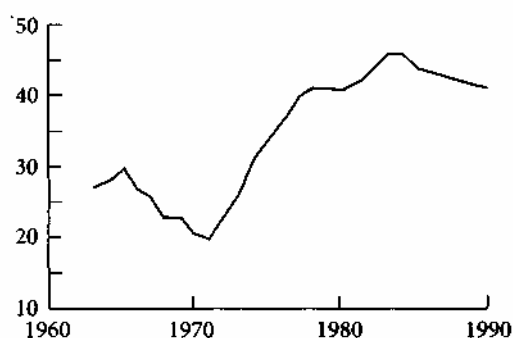

Диаграмма 2.3 Число стран, торгующих оружием, 1960—1990 (источник: Laurantse, 1992)

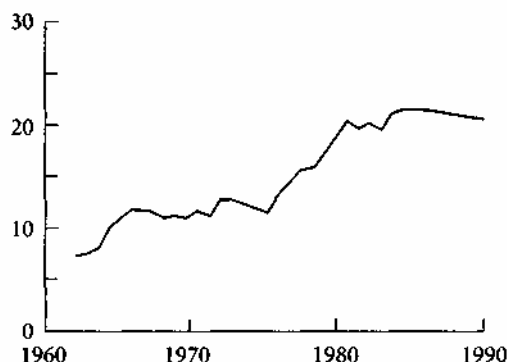

Диаграмма 2.4 Число стран, поставляющих оружие развивающимся странам, 1960—1990 (источник: Laurantse, 1992)

ровой торговли оружием, изменились и модели ее стратификации. После 70-х гг. XX в. число стран, поставляющих оружие на мировой рынок, неуклонно увеличивалось и в 1990 г. составляло уже 40 государств (Laurantse, 1992, Р- 103)- Это значительно больше, чем в любой предыдущий период (см. диаграммы 2.3 и 2.4). Кроме того, до недавнего времени этот рост числа поставщиков сопровождался снижением уровня концентрации на рынке продажи оружия (измеряемой долевым участием той или иной страны в глобальной торговле оружием), поскольку доля новых производителей в мировом экспорте оружия все больше возрастает. В основе этого снижения концентрации рынка лежит агрессивная торговая политика производителей второго эшелона, таких как Франция, Англия, Китай и Германия, а также внезапное появление на мировом рынке производителей третьего эшелона, к числу которых относятся Израиль, Индия, Бразилия, Южная Корея и другие страны- (см.: Krause, 1992, Р- 86; Brzoska and Ohlson, 1987, р. 112). Начиная с 90-х гг., когда резко сократился русский экспорт оружия и усилилась международная конкуренция на рынке вооружений, что было связано с прекращением холодной войны, общая тенденция к снижению уровня концентрации стран-производителей на рынке торговли оружием временно приостановилась (Anthony, 1994a)-

В соответствии с ростом числа производителей оружия в послевоенный период увеличилось и число покупателей оружия. С 70-х гг. XX в. общая числен-

ность покупателей оружия (более 100 стран) остается примерно одной и той же (Laurantse, 1992, р. 135)- Это не намного отличается от численности стран-покупателей в период между двумя войнами, за исключением того, что процесс деколонизации увеличил число независимых государств. В географическом плане ни один регион мира, ни один континент не остается вне рамок современной системы торговли оружием, хотя между регионами и отдельными странами сохраняется значительное неравенство в том, что касается степени их участия в этой системе. Более того, это неравенство особенно бросается в глаза, если речь идет об импорте оружия; на долю десятка крупнейших импортеров оружия в течение всего послевоенного периода приходится примерно 50% всего мирового импорта оружия. Диффузия современного вооружения гораздо более «шероховата», чем это предполагает любая простая картина прогресса глобальной милитаризации (Krause, 1992. Р-188).

Теперь, после распада Советского Союза, лидерство на рынке вооружений перешло к США, как и в начале послевоенного периода, хотя сейчас гораздо больше поставщиков оружия, чем в 1945 г.

Поэтому, несмотря на то, что расходы на оборону у большинства стран сократились, конкуренция, связанная с экспортом оружия, усилилась. Таким образом, современная система продажи оружия остается в значительной степени покупательским рынком, вследствие чего нынешняя позиция США весьма сильно отличается от той, что сложилась после 1945 г., когда они обладали почти полной монополией на продажу оружия.

Хотя на протяжении всей послевоенной эпохи общая тенденция развития рынка вооружений была направлена в сторону увеличения разнообразия поставщиков и покупателей, сама система торговли оружием осталась строго иерархической. В плане того, что касается поставщиков, рынок стал менее концентрированным (Laurance, 1992). И все же, несмотря на это, на долю шести главных поставщиков оружия (США, Великобритании, Франции, Китая, России и Германии) по-прежнему приходится большая часть мирового экспорта оружия. Те же самые модели экспорта оружия воспроизводятся в странах третьего мира, хотя положение с поставками здесь несколько иное (см.: Brzoska and Ohlson, 1987, приложение 4A/B). На рынке импорта оружия есть своя вполне сложившаяся иерархия, хотя это сфера значительно менее концентрированная, чем сфера продаж оружия. Как замечает Энтони, в начале 90-х гг. XX в. на долю 25 государств приходилось 90% импорта оружия — несколько меньше, чем в более ранние годы (Anthony, 1994^a). Наряду с иерархичностью существуют и географические различия: пространственные модели экспорта и импорта оружия сильно отличаются друг от друга. В послевоенные годы происходило явное перемещение географического центра торговли оружием с Севера (где он находился в первые послевоенные годы) на Ближний Восток (в конце 60-х гг.) и в самое последнее время — в сторону Азии (см.: Krause, 1992, p. 184).

Кроме того, как отмечает Э. Лоране, по сравнению с периодом до начала 60-х гг. рынок вооружений «все более коммерциализируется, о чем свидетельствует неуклонное увеличение доли торговли, которая ведется без непосредственного участия правительств в качестве одной из торгующих сторон» (Laurance, 1992, p. 147). Вряд ли это всего лишь случайное явление. Резкий спад, отмеченный на мировом рынке оружия оборонительного назначения после окончания холодной войны, заставляет всех производителей оружия все сильнее конкурировать друг с дру-

гом на экспортном рынке, поскольку правительства рассматривают это как стратегический ход, направленный на поддержание национальной оборонной промышленности. Кроме того, во всех странах, в том числе и в Китае, усиливается тенденция к приватизации и коммерциализации продукции оборонного назначения, что ведет к усилению конкурентной борьбы за экспорт оружия.

Это краткое описание главных тенденций эволюции послевоенной системы торговли оружием можно свести к трем основным пунктам:

- Степень прямого и косвенного участия разных стран мира в торговле оружием (какой бы разной она ни была) такова, что употребление понятия «глобальная система продажи оружия» выглядит вполне оправданным.
- Пространственный размах современной торговли оружием наряду с удельным весом и быстротой связанных с ней трансакций — еще одно доказательство существования всеохватывающего мирового военного порядка. В этом отношении современная система продажи оружия должна была воспринять некоторые характерные особенности системы конца XIX в.
- Современная торговля оружием способствует диффузии новейших систем вооружения и современного сверхмощного оружия. Увеличение числа стран, обладающих мощным военным потенциалом, есть следствие как соперничества в сфере вооружений, так и перехода многих стран мира на индустриальный путь развития. Большая часть оружия, которое теперь продается в развивающиеся страны, является новым, а не подновленным (Brzoska and Ohlson, 1987, p. 11).

Кроме того, все большее число развивающихся стран стремится к наращиванию своей военной мощи. В течение 1980—1990 гг. значительно возросла численность стран, которые обзавелись системами ракет класса «земля-воздух» и новейшими истребителями (см.: Laurance, 1992). Одним из последствий широкого распространения новейших технологий по производству таких видов вооружений, как баллистические ракеты, современные боевые самолеты и военные корабли, стало то, что теперь некоторые развивающиеся страны имеют возможность демонстрировать свою значительную стратегическую мощь независимо от расстояния.

Таким образом, распространение оружия, ставшее возможным в наше время, способствуют перераспределению военных потенциалов в рамках глобальной системы. Но само распространение новейших видов оружия может быть правильно понято лишь с учетом того, что

возможность налаживания военно-промышленного производства распространилась повсеместно.
*2.4.4 ГЛОБАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА
ВООРУЖЕНИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ*

В начале современной эпохи близость к источникам сырья и центрам военной и политической власти были основными факторами, влияющими на географию производства оружия. Основные мировые цивилизации, несомненно, производили оружие в значительных масштабах. Войны, завоевания и расширение империй были теми механизмами, которые в первую очередь обеспечивали процесс распространения военных технологий из одного региона в другие. Когда

более
135

тысячи лет тому назад франки расселились по всей Европе, они принесли с собой новые виды замков и осадного оружия (Bartlett, 1994)- Крестовые походы облегчили диффузию военных технологий между Востоком и Западом. В Средние века пушки и технологии производства артиллерийских орудий распространились из Италии по всей Европе, так что в течение двадцати лет все страны, за исключением самых отдаленных областей, наладили (благодаря конкуренции) собственное их производство (Contamine, 1984, p. 139—150)- Спустя пять десятилетий после первого появления в Европе технология производства артиллерийских орудий достигла Балкан и Османской империи. Но «пороховая революция» была еще и очень важным этапом в становлении институциональных механизмов и инфраструктур, способствующих распространению военных технологий. Для производства артиллерии и огнестрельного оружия требовалась высококвалифицированная рабочая сила. Соответственно, начиная с эпохи позднего Средневековья и в течение первых столетий Нового времени диффузия военной техники «происходила прежде всего благодаря перемещению квалифицированных рабочих» (Krause, 1992. P-44)- Накануне Тридцатилетней войны король Густав-Адольф, закупавший в Голландии военную технику и приглашавший голландских мастеров оружейного дела, превратил Швецию в мощную военную державу (Parker, 1988, p. 23).

Вообще-то в масштабах Европы передача военных технологий носила нерегулярный характер, но вот торговля оружием процветала. Технологии производства оружия — посредством торговцев, миссионеров и первых колонизаторов — «просачивались» и за пределы Европы — в Азию, Латинскую Америку и Африку. Западной военной техникой пользовались и в государстве Великих Моголов, и в Японии, и Османской империи, и в Китае (Parker, 1988, p. 126—129; Krause, 1992, p. 48—53)- Но все равно индийская артиллерия в конце XVIII в. «в технологическом отношении не превосходила артиллерию XV в.» (Krause, 1992, p. 52). Несмотря на распространение европейской военной техники, Западная Европа сохраняла свое технологическое превосходство вплоть до начала XX в.

В эпоху абсолютизма темп военных инноваций, равно как и скорость диффузии военной техники, заметно замедлились. Правители всех европейских стран создавали арсеналы, находящиеся в собственности государства и управляемые представителями власти, и устанавливали контроль над всем военным производством. Однако в связи с начавшейся промышленной революцией военно-технологические инновации оказались в сильнейшей зависимости от достижений в гражданском секторе промышленности (Creveld, 1989, p. 220). Технологии и методы производства, которые обеспечили создание паровозов, железных дорог и телеграфов, изменили не только оружие, применяемое на войне, но и его производство. Между государством и военной промышленностью сложились новые формы отношений, позволявшие использовать гражданские технологии как в военном производстве, так и на полях сражений. По мере развития новых гражданских промышленных технологий и методов производства увеличивались возможности массового производства усовершенствованных систем оружия и боеприпасов.

После Всемирной выставки 1851 г. Англия приобретала американские усовершенствованные технологии и оборудование специально для оружейного завода в Энфилде (в то время еще строившегося), и к 1863 г. он поставлял 100370 винтовок

136

в год (McNeill, 1982, p. 233—2.35)- К 1870 г. остальные страны Европы делали то же самое. Индустриальный капитализм способствовал усилению диффузии военного производства, а также связанных с ним технологий. Этот процесс диффузии уже не находился под непосредственным контролем правительств, как это было в эпоху абсолютизма, поскольку главными действующими лицами были собственники крупных промышленных концернов того времени, такие как Крупп, Вик-керс, Армстронг, Шнейдер, которые были заинтересованы в расширении рынка сбыта своей

продукции и изобретений. Было множество и других, не столь крупных коммерческих предприятий, желающих экспортировать технологии, связанные с военным производством, или технологии гражданские, которые можно было использовать и в военных целях. Россия модернизировала свое военное производство в начале XX в. при содействии главных производителей оружия в Европе (Krause, 1992, р. 66). Точно так же Япония, Китай, Италия, Австро-Венгрия, Османская империя, Испания и недавно ставшие независимыми страны Латинской Америки импортировали зарубежную военную технику, что было частью их политики, направленной на модернизацию экономики (McNeill, 1982; Krause, 1992).

К началу XX в. все регионы мира оказались составляющими единого военно-технологического порядка, при котором военно-промышленные достижения производителей первого эшелона (Англии, Франции, Германии и США) быстро становились достоянием стран второго эшелона (России, Австро-Венгрии, Италии, Испании) и третьего (Японии, Китая, Турции), чему способствовала конкуренция и наличие транснациональных сетей военно-технологических инноваций.

Хотя война 1914—1918 гг. временно приостановила торговлю военно-промышленными технологиями, прежние модели быстро восстановились в период между двумя войнами. В конце 30-х гг. продукция зарубежного лицензионного производства «составляла весьма значительную часть всех продаж оружия — в среднем почти 20% для всех видов вооружений, кроме военных кораблей и подводных лодок» (Harkavy, 1975> P-150). Вместе с тем производство оружия стало более интернационализированным благодаря деятельности международных картелей и созданию зарубежных промышленных предприятий многими из ведущих компаний. С помощью этих двух механизмов технология вооружений и технология военного производства таких ключевых секторов оборонной промышленности, как самолетостроение, из стран-производителей первого эшелона распространились в страны второго и третьего эшелона. Но и в этом случае иерархия военно-производственных мощностей мало изменилась по сравнению с началом 20-х гг. XX в. По мере нарастания угрозы Второй войны диффузия военной техники все более и более регулировалась правительствами, точно так же, как это бы после войны до тех пор, пока лицензионное производство не достигло довоенного уровня.

2.4.5 СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ОРУЖИЯ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МАСШТАБЫ, ИНТЕНСИВНОСТЬ, СТРАТИФИКАЦИЯ И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ

Структура современного глобального военного производства представлена в таблице 2.1. Пять характерных особенностей этой структуры заслуживают более подробного рассмотрения. Во-первых, Советский Союз и США, что не удивительно, лидировали в глобальном производстве оружия большую часть послевоенно-

137

Таблица 2.1 Военный мировой структура производства оружия
порядок:

	1980	1993
Производители оружия первого уровня	Соединенные Штаты Советский Союз	Соединенные Штаты
Производители оружия второго уровня	Британия Франция Германия Япония Польша Италия Канада Чехословакия Нидерланды Испания Швеция Швейцария Бельгия	Россия (СНГ) Британия Франция Германия Япония Китай Италия Канада Швеция Испания Бельгия Швейцария Чешская Республика Польша

Производители оружия третьего уровня		Нидерланды
	Китай	Индия
	Индия	Израиль
	Израиль	Бразилия
	Югославия	Южная Корея
	Южная Африка	Аргентина
	Бразилия	Тайвань
	Южная Корея	Турция
	Аргентина	Пакистан
	Тайвань	Греция
	Турция	Сингапур
	Египет	Южная Африка
	Пакистан	Египет
	Северная Корея	Северная Корея
	Сингапур	Сербия
	Греция	Иран
	Ирак	Ирак
Производители оружия четвертого уровня	Остальные страны	Остальные страны

го периода, но сегодня США являются, без сомнения, главным производителем оружия. Со времен военно-промышленной революции в начале XIX в. разрыв в объемах военного производства между великими державами и второстепенными странами не был столь огромным. Если же принять во внимание военно-технологические возможности (подсчитанные в сумме затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), то разрыв будет еще больше. Во-вторых, несмотря на этот разрыв, число государств второго и третьего эшелона со значительными возможностями военного производства, вероятно, больше, чем когда бы то ни было. В-третьих, увеличение числа государств второго эшелона свидетельствует о восстановлении довоенного status quo (а быть может, и

138

более раннего, отчасти повторяя историческую ситуацию с центрами производства оружия, сложившуюся в Средние века). В-четвертых, производители оружия третьего эшелона теперь находятся преимущественно в тех регионах планеты, которые уже осуществили или осуществляют индустриализацию. Это означает существенное географическое перемещение центров производства оружия, поскольку в предыдущие исторические эпохи страны третьего эшелона располагались, как правило, на окраинах Европы. Наконец, если говорить о распространенности производства оружия, то таблица отражает быструю диффузию военных технологий и военного производства в направлении на запад, на восток и на юг. Ни один регион мира не обходится ныне без двух, по крайней мере, центров местного военного производства, и нет ни одной страны, у которой вообще не было бы своего военного производства.

После окончания Второй мировой войны началось стремительное и широкое заимствование как военных технологий, так и способов производства современных систем вооружения. В своем исследовании войны и военных технологий М. ван Кревелд делает вывод, что современная эпоха «отличается от всех предыдущих тем, что во всем мире признается и доминирует одна и та же военная технология» (Creveld, 1989, p. 290). Каковы те ключевые процессы, которые послужили причиной этого исторического сдвига?

Капиталистическая индустриализация стран Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока, которая с 70-х гг. XX в. происходила в ускоренном темпе, обеспечила их внутренними возможностями для налаживания собственного военного производства⁴. За время с 1960 по 1980 г. число развивающихся стран, производящих сложные военные системы, почти удвоилось (Brzoska and Ohlson, 1986; Newman, 1984). Эксплуатируя свою развивающуюся индустриальную инфраструктуру, государства, подобные Бразилии и Тайваню, сумели создать надежную базу для оборонной промышленности. Эта база позволила им даже выйти на рынок экспорта оружия. Конечно, в большинстве случаев такого рода преобразование осуществлялось не без внешней помощи, и во многих случаях существенную роль в увеличении внутреннего военного потенциала играла и играет непосредственная передача военных технологий. Однако потрясающим фактом

является то, что в 1950 г. суммарная стоимость оружия, произведенного во всех странах развивающегося мира, была «равна стоимости одного боевого танка в середине 80-х гг.», хотя к 1984 г. она увеличилась почти в 500 раз (Brzoska and Ohlson, 1986, p. 7).

До 60-х гг. XX в. передача военных технологий в большинстве случаев происходила от сверхдержав к их сателлитам. Основная цель таких передач состояла в поддержании, восстановлении и укреплении военной промышленной базы внутри государств, входящих в состав соответствующих союзных систем. К 70-м гг. лицензионное производство стало главным механизмом передачи военных технологий не только внутри того или иного союза, но и между основными поставщиками и странами третьего мира. В дальнейшем самым крупным поставщиком 4. Следует отметить, что выражение «внутренние возможности» означает здесь скорее способность производить оружие на территории своей страны, чем возможность (обязательно) самостоятельного производства. Лишь США и Россия могут претендовать на обладание действительно автономной (но все же не полностью) оборонной промышленной базой.

139

лицензий на производство военной техники становятся США (см. диаграмму 2.5), а самыми активными покупателями этих лицензий — Италия и Япония. Но большую часть лицензий приобретают страны, недавно ступившие на путь индустриального развития. В тех развивающихся странах, где налажено военное производство, оружие, изготовленное по лицензиям, составляет значительную часть всего их внутреннего производства и играет гораздо более важную роль при создании новейших систем вооружения. Лишь малое число западных компаний занимается лицензионным производством оружия в развивающемся мире.

Приблизительно с 60-х гг. XX в. по мере увеличения продаж лицензий за границу более мощными факторами глобальной модели передачи военной технологии становятся коммерческие структуры, а не геополитика. Это стало еще более очевидным, когда на смену соперничеству между блоками пришла более расплывчатая международная ситуация, при которой геополитика занимает подчиненное положение по сравнению к геоэкономикой. Кроме того, последовавшее во всем мире резкое сокращение расходов на оборону заставило осуществить реструктуризацию отраслей оборонной промышленности на всех континентах. Но реструктуризация оборонной промышленности была вызвана и постоянно растущими затратами на усовершенствование военных технологий и производство оружия. Эти затраты постепенно начали опережать рост бюджетных средств, выделяемых на нужды обороны. В результате снижения расходов на оборону с конца 80-х гг. оборонная промышленность всех стран столкнулась с проблемой роста цен, равно как и с проблемой промышленного перепроизводства⁵. Окончание холодной войны ускорило этот процесс. Европейские страны в качестве защитных мер от роста цен заключили соглашения по межнациональному сотрудничеству, совместному развитию и совместному производству, но вскоре они столкнулись и с проблемами перепроизводства. В 80-х гг. на Западе обозначилась новая тенденция: транснационализация оборонного производства.

Наряду с распространением лицензионной продукции ведущие американские и европейские оборонные компании намного более активно стали развивать новые формы международного сотрудничества. Заключение субконтрактов, глобальное финансирование, совместное производство, многонациональные консорциумы, совместные предприятия, стратегические союзы и проекты совместного развития — все это получило гораздо более широкое распространение (см. диаграммы 2.6 и 2.7) (Bitzinger, 1994; Skons, 1993). Получил распространение международный субподряд, тогда как для многих крупных проектов военного назначения все большее значение приобретают такие формы, как совместное производство (FSX US General Dynamics и японская компания Mitsubishi), совместное развитие (FSX; Евровертолет; Европейская истребительная авиация), многонациональные консорциумы (Европейская истребительная авиация (Тайфун) и совместные предприятия (Евровертолет)). К тому же, поскольку требования к реструктуризации промышленности все более возрастают, все чаще происходит слияние международных компаний, значительно увеличивается число корпора-

5. Некоторые данные, отражающие этот рост цен, предлагает Э. Б. Капстейн, который отмечает, что в 1970 г. американские компании продали 3500 военных самолетов за 4 млрд. долларов, в 1975 г. — лишь половину этого количества за ту же цену; в 1980 г. количество проданных самолетов снизилось до 600 за 6 млрд. долларов, а в 1985 — до 919 за 18 млрд. (Е. В. Kapstein, 1994a, p. 13—19)-

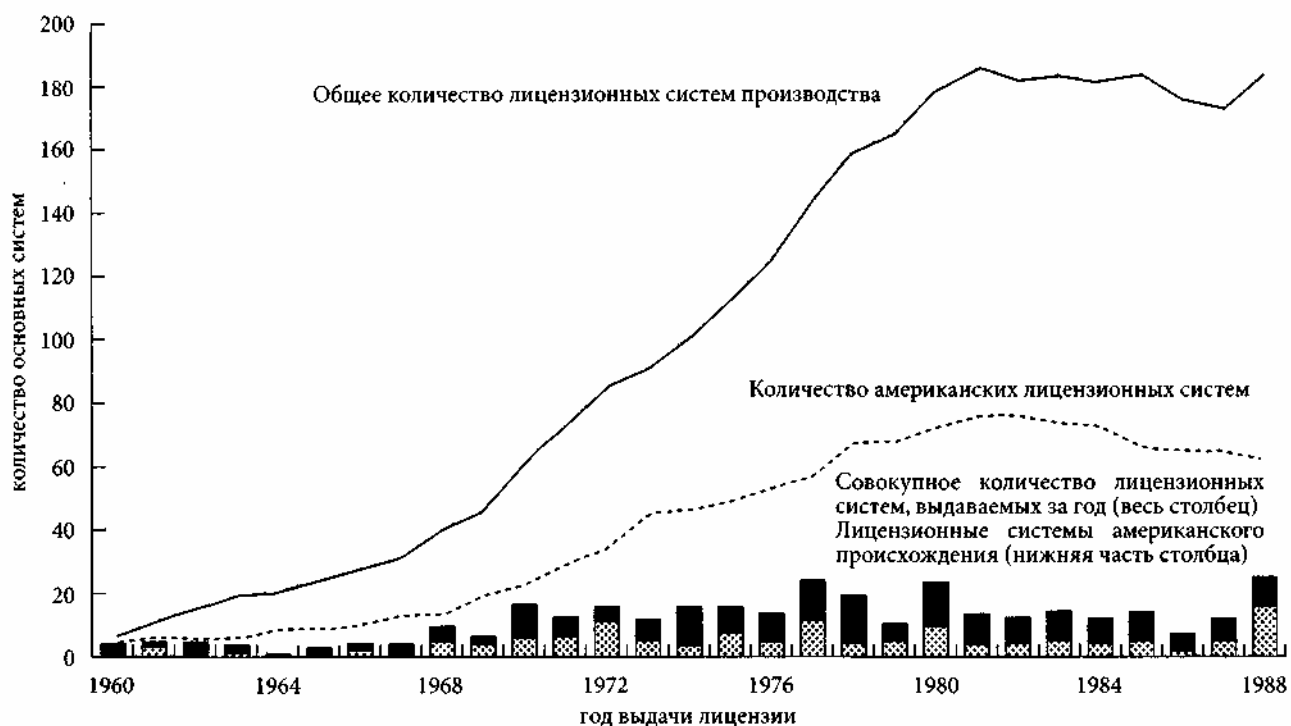

Диаграмма 2.5 Объем мирового лицензионного производства основных конвенциональных систем вооружения, 1960—1988 (источник: US Congress; данные получены от Международного исследовательского Института проблемы мира в Стокгольме (SIPRI))

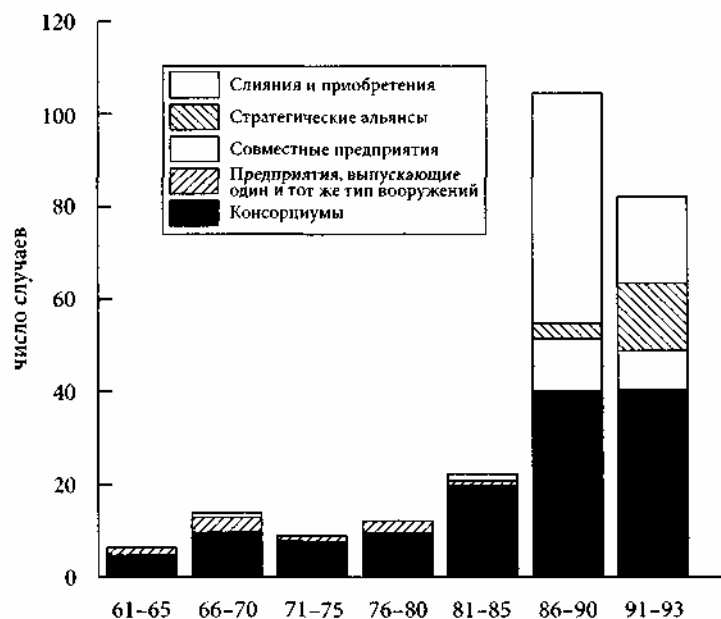

Диаграмма 2.6 Связи между фирмами, задействованными в глобальной оборонной промышленности, 1961—1993 (источник: Bitzinger, 1993)

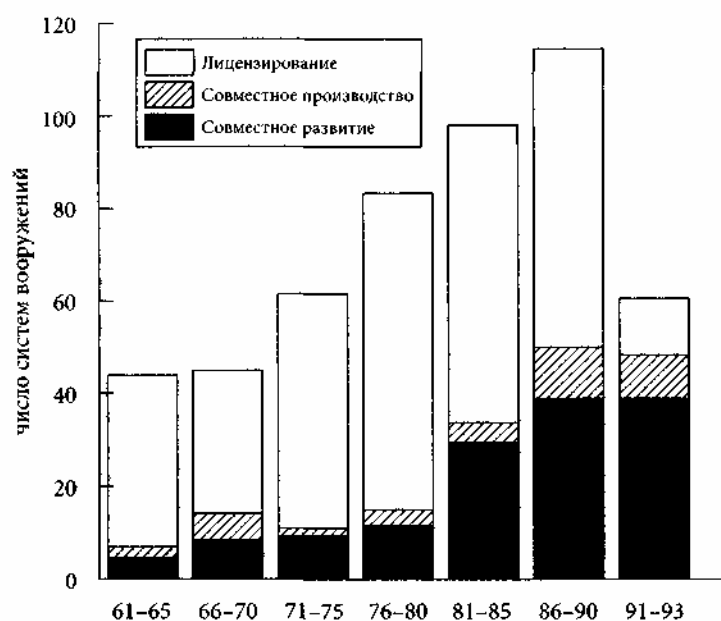

Диаграмма 2.7 Виды производственной деятельности, отражающие процесс глобализации производства оружия, 1961—1993 (источник: Bitzinger, 1993)

тивных стратегических альянсов (Bitzinger, 1994)- Это всего заметнее в таких сферах, как новейшая авиационная промышленность и электроника оборонного назначения. Такое развитие ведет к значительной транснационализации западной оборонной промышленности, и процесс этот управляется коммерческой логикой в отличие от ориентации прежде всего на свои внутренние запросы или потребности национальной безопасности (Skons, 1993)- Но эта транснационализация отражает и более широкую модель капиталистической экономики, свойственную всем развитым странам, которая, начиная с 70-х гг. XX в., свидетельствует о значительной экспансии транснационального производства (см. ниже, гл. 3). Однако нужна некоторая осторожность при интерпретации этих тенденций, так как транснационализация имеет тенденцию концентрироваться скорее локально, чем глобально в подлинном смысле слова. Поэтому точнее было бы назвать этот процесс регионализацией, хотя есть ряд трансатлантических

и транстихоокеанских оборонных проектов и соглашений (кое-кто сказал бы, что число их увеличивается). Однако, как замечает Т. Тейлор, «представление об оборонных корпорациях как национальных предприятиях, зависящих главным образом от правительств тех стран, в которых они расположены, все менее и менее соответствует действительности. Развитие и производство оборудования для оборонной промышленности все чаще и чаще происходит на международной основе» (Т. Taylor, 1990)-

В наше время, когда происходит снижение бюджетных средств на оборону, транснационализация оборонного производства предлагает способ поддержания производственного потенциала «национальной» оборонной промышленности. Стало быть, это не просто процесс, который ограничивается Европой или трансатлантическим побережьем, где он осуществляется в наиболее явной форме, но составляет часть общей тенденции, наметившейся в реструктуризации оборонной промышленности (Bitzinger, 1994)- Это в значительной степени обусловлено тем, что для многих крупных оборонных компаний «интернационализация — единственный способ консолидации, способствующий длительному выживанию на рынке» (Skons, 1993> P- 160). Реструктуризация национальной оборонной промышленности осуществляется параллельно с глобальной перестройкой структуры оборонного производства. В той или иной степени все страны, обладающие оборонной промышленностью, постепенно начинают испытывать на себе последствия этих обоих процессов. Вследствие чего, наряду со многими политическими явлениями, о которых шла речь выше (см. гл. г), начинает размываться различие между зарубежным и «своим». Действительно, наличие чрезвычайно сложной сети взаимоотношений между производственными корпорациями разных стран означает, что произошел «сдвиг от традиционных моделей производства оружия отдельной страной в направлении к транснациональному развитию военных отраслей промышленности и изготовлению оружия» (Bitzinger, 1993. p. 7)- Например, компания Volvo AB, специализирующаяся на производстве авиационных двигателей, производит запчасти для американских истребителей военно-морского флота и в то же время участвует в лицензионном производстве двигателей для новейших моделей шведских истребителей. Будучи частью коммерческого сектора, оборонная промышленность, по мере того как бюджетные затраты на нее сокращаются, все чаще прибегает к помощи глобальных источников финансирования. Для стран, вступивших на путь индустриализации и об-

143

ладающих внутренним оборонным потенциалом, необходимы глобальные источники финансирования для удовлетворения нужд их оборонной промышленности (Brzoska and Ohlson, 1986, p. 285). Но наряду с ними с целью развития или производства «местных» военных систем используются и другие формы сотрудничества — иногда с правительствами других развивающихся стран, иногда — с развитыми государствами (Bitzinger, 1993. P- 35)- В период, начавшийся после окончания холодной войны, глобальная диффузия военной техники и оборонной промышленности оказалась тесно связанной с транснационализацией оборонного производства.

Распространению как оборонной промышленности, так и военной техники способствует то, что роль, которую коммерческие (гражданские) технологии (и гражданские технологические инновации) играют в деле развития и производства новейших систем вооружения, все более возрастает. Военно-технологическая революция конца XX в. — продукт «информационной эпохи». Те же самые технологии, которые революционизируют все аспекты повседневной жизни, начиная с оплаты в универсаме до персональных коммуникаций, преобразуют стратегию и тактику современной войны и вооруженного столкновения, которые, как свидетельствует о том война в Персидском заливе 1991 г., теперь представляет собою скорее «ураган электронных сигналов», нежели «стальную бурю» (Creveld, 1989. p. 282). Стоит ли поэтому удивляться, что, когда генерал-лейтенант Гас Паго-нис, разработавший систему материально-технического обеспечения американской армии во время войны в Персидском заливе, ушел в отставку, он сразу же был принят на работу в Sears Roebuck (компанию розничной торговли, занимающую четвертое место в США по объему операций), чтобы наладить в ней систему товародвижения (Economist Intelligence Unit, 1995. P- 5)-

Современные ключевые технологии в значительной степени являются технологиями двойного назначения. Традиционная граница между гражданским и военно-промышленным секторами, по-видимому, размывается. Как замечает Э. Лоранс, «мы — очевидцы того, как проходит то время, когда промышленность могла быть четко разделена на военную и невоенную» (Laurance, 1992, P- 146). Помимо того, что эти границы никогда не были четкими (что в значительной степени

подтверждается условным делением ядерной технологии на «гражданскую» и «военную»), все большее распространение стали получать технологии двойного назначения, которые начали играть и более существенную роль в процессе функционирования новейших систем вооружения. Некоторые считают, что множество военно-технологических инноваций являются теперь продуктом этого эффекта «сопряжения» («spin-on effect»), поскольку достижения в сфере гражданских технологий сознательно используются для военных целей (Stowsky, 1992). Исследование двадцати крупных американских промышленных корпораций, проведенное в 1990 г., показало, что товары, изготовленные по технологиям двойного назначения, составляют «большую часть продукции, которую фирмы поставили для военных» (Economist Intelligence Unit, 1994. P-13)> Это столь очевидное «приобщение к цивилизации» военно-промышленного потенциала напоминает ситуацию, сложившуюся в XIX в., когда промышленная революция начала вносить свои изменения в военное производство и технологию производства вооружений. То, что происходит сейчас, может иметь столь же глубокие глобальные последствия.

144

Технологии двойного назначения по определению являются коммерческими, и отрасли промышленности, которые их создают, значительно более глобализованы, чем оборонный промышленный сектор. Поэтому большая часть технологий двойного назначения интенсивно продается и покупается во всем мире, а способность их создавать распространяется благодаря деятельности многонациональных корпораций. В результате, согласно У. С. Карусу, «все больше стран получают доступ ко многим из технологий, которые необходимы для осуществления военно-технологической революции» (Cams, 1994)- Это, в свою очередь, трансформирует стратификацию военно-технологической мощи в рамках глобальной системы. Потому что отныне когорта государств и корпораций, занимающих передовые рубежи в деле коммерческих технологических инноваций, не совпадает полностью с когортой великих военных держав или военно-промышленных корпораций. В этом отношении любопытно отметить, что в 1989 г. Америка импортировала 38% полупроводников, необходимых для военных целей, в то время как Пентагон «не может запустить ни одной ракеты и ни одного самолета без помощи трех японских компаний, которые обеспечивают 95% керамических пакетов, которые предохраняют их электронику (ОТА, 1991. P- 38; Economist Intelligence Unit, 1994. P-18).

2.5 ВОЗНИКАЮЩИЕ ФОРМЫ ГЕОУПРАВЛЕНИЯ: ОРГАНИЗОВАННОЕ НАСИЛИЕ

Регулирование военной мощи высвечивает важную политическую, этическую и юридическую область взаимодействия между военной системой и глобальной динамикой вооружений. По существу, оно представляет собой процесс первичного глобального управления мировым военным порядком и разновидность того, что ранее было названо космополитическим законом (см. выше, раздел г.3-3)- Гораздо более глубокое понимание процесса военной глобализации будет достигнуто, если мы опишем характерные особенности исторических моделей геоуправления организованным насилием. Наш анализ будет ограничен тремя аспектами: возникновением режимов международной безопасности, регуляцией войны и военного конфликта и регуляцией средств вооруженных конфликтов.

2.5.1 ГЕОУПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ: РЕЖИМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сэр Роберт Уолпол свято верил в значение международных союзов, утверждая, что «в течение последнего века было слишком много случаев их использования, чтобы спорить против этой истины. Именно благодаря альянсам, которые строго соблюдаются и члены которых находятся в добром согласии друг с другом, слабые защищены от сильных» (цит. по: Kegley and Raymond, 1994> P- 93)- Исторически альянсы были традиционным механизмом, с помощью которого государства координировали использование и развертывание своих вооруженных сил. Как минимум альянс предполагает межгосударственное соглашение о тех «условиях, при которых они [государства] будут или не будут использовать вооруженные силы» (Russett; цит. по: Kegley and Raymond, 1994. P- 90). Как правило, альянсы носили весьма прагматичный характер, что помогало их участникам выбрать правильную линию поведения при возникновении непредвиденных обстоятельств.

145

Но они могут включать в себя гораздо больше пунктов об условиях военного сотрудничества или координации оборонной политики и политики национальной безопасности, могут превратиться в более или менее устойчивые черты геополитического ландшафта. Основные союзнические соглашения, заключенные в послевоенное время, были по сравнению с союзами предыдущих

столетий гораздо более формальными и институционализированными. Союзы представляют собой один из способов регулирования ситуаций, при которых то или иное государство может использовать свои вооруженные силы на межгосударственном уровне. В какой-то степени они представляют собой и процесс интернационализации военной безопасности.

Еще в Средние века союзы и договоры использовались правителями всех основных цивилизаций как один из способов сдерживания или ведения войны (Watson, 1992). С развитием же системы современных государств союзы стали главным механизмом, регулирующим соперничество между европейскими государствами. Ранние союзные образования были двусторонними или трехсторонними пактами между великими державами, оформленными для того, чтобы отразить непосредственную угрозу. Как правило, это были весьма расплывчатые соглашения, в результате чего государства часто меняли своих партнеров по альянсу, когда возникали новые международные ситуации. Такие договоры действовали втайне или включали секретные обязательства, и именно по этой причине их так ненавидел президент Вудро Вильсон, инициатор и создатель Лиги Наций. Но в середине XX в., с наступлением холодной войны, форма и динамика союзных образований существенно изменились.

В частности, две сверхдержавы создали формальные, квазипостоянные региональные и многосторонние союзы. Последние целиком охватили все основные регионы земного шара, превратившись в глобальное «лоскутное одеяло» из соглашений по вопросам войны и безопасности. Эти соглашения носили формальный характер, были законодательно закреплены подписанием тех или иных договоров и более институционализированы, чем соответствующие соглашения предыдущих периодов. Были созданы новые организационные структуры типа НАТО и Варшавского договора, которые требовали от стран-участниц координации политики национальной обороны и безопасности. В результате послевоенная система глобальных союзов определила исторически уникальную форму режима международной безопасности (нормы, правила и процедуры принятия решений, регулирующие отношения в военной сфере и сфере безопасности), которая замыкает страны-участницы в особого типа коллективные соглашения по обороне. Те государства, которые находятся вне этих союзных соглашений, принуждаются либо к неофициальным оборонным пактам со сверхдержавой, либо вместо этого к принятию оборонительной стратегии неприсоединения. В этом смысле наличие глобальных союзнических систем (прямо или косвенно) регулировало состояние обороны во всех государствах международной системы.

После окончания холодной войны общая тенденция в мире к институционализированным союзным соглашениям не ослабла. Что изменилось, так это больший акцент, делаемый теперь на укреплении и распространении регионального механизма коллективной безопасности или многостороннего оборонного механизма. Это особенно очевидно на примере европейской системы безопасности в период после окончания холодной войны. НАТО все еще сохраняет статус главного фо-

146

рума, на котором вырабатываются и согласовываются оборонные стратегии западноевропейских стран. Повседневное функционирование Североатлантического альянса привело к установлению крепких трансправительственных связей, или сообществ по интересам, между национальными оборонными бюрократиями и вооруженными силами. Даже окончание холодной войны не разрушило его, так как НАТО расширилось до того, что включило в свой состав некоторых упоминавшихся выше членов Варшавского договора (Польшу, Венгрию и Чешскую республику), а благодаря соглашению «Партнерство ради мира» — Россию, Швецию и другие европейские страны. И в своей повседневной деятельности, и во времена международных кризисов НАТО являлось институциональным механизмом для принятия решений и многостороннего военного сотрудничества, который существенно влияет на идею национальной безопасности и военной автономии. Безопасность отныне определяется не в терминах защиты национальных границ, а скорее в терминах коллективной обороны и международной безопасности.

Окончание холодной войны в сочетании с нестабильностью в Европе способствовало дальнейшему углублению этого процесса интернационализации или, выражаясь более точно, регионализации оборонной политики. На существующие институты, подобные Западноевропейскому союзу и Организации за безопасность и сотрудничество в Европе, возложены теперь новые обязанности и функции. Среди них — создание особых механизмов для международных консультаций и координации усилий, которые глубоко проникают во внутренние дела стран-участниц. В результате Европа оказывается свидетелем развития новой структуры

коллективной безопасности — возрожденного «Европейского концерта» (см. ниже), — которая побуждает к более тесной интеграции по проблемам вооружений и безопасности. Действительностью на Атлантическом побережье является скорее коллективная, нежели только национальная оборона. Интересно отметить, что даже традиционно нейтральные государства, такие как Швеция, больше не считают возможным сохранять свою военную независимость и нейтралитет. Кроме того, поскольку бюджетные ограничения все увеличиваются, а затраты на средства обороны тоже растут, «в недалеком будущем ни одна европейская страна не сможет провести в одиночку обычную войну и одержать победу над любым противником, способным осуществлять современные военные операции» (см.: Zelikow, 1992. P-12—30). Военно-промышленные факторы усиливают общую тенденцию к коллективной организации функций обороны.

Вне Европы также существуют аналогичные тенденции в направлении к глобализации и регионализации режимов безопасности: в Азии (внутри АСЕАН — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии), Африке (ОАЕ — Организации Африканского Единства) и Латинской Америке (ОАГ — Организация американских государств). Действующий в рамках АСЕАН Региональный форум (ARF) представляет собой развивающееся консультативное соглашение между Азиатско-Тихоокеанскими государствами и ключевыми глобальными силами, такими как США и Европейский Союз, по проблемам региональной безопасности (Leifer, 1996). Это новый важный шаг к институционализации сотрудничества в деле обороны и многостороннего диалога в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Snyder, 1996). Но эта тенденция развивается совершенно по-разному, в некоторых регио-

147

нах она тормозится из-за слабого соблюдения норм международного сообщества, а также существующей региональной вражды и конкуренции.

Наряду с процессом регионализации и глобализации безопасности происходит осознание того, что традиционные концепции безопасности, которые превыше всего ставят понятие «национальной безопасности», сегодня, в период, начавшийся после окончания холодной войны, не соответствуют действительности. В 90-х гг. XX в. была реабилитирована и возобновлена практика коллективной безопасности, следуя заветам неудавшегося «эксперимента» Лиги Наций.

Практика коллективной безопасности своими корнями уходит в «Европейский концерт» (1815—1870), который путем созыва ряда конференций великих держав поддерживал относительный мир и безопасность внутри Европы в течение почти всего XIX в. (I. Clark, 1989, ch. 6). Систему «Концерта» можно охарактеризовать как режим международной безопасности. П. Целиков доказывает, что соглашения по безопасности, заключенные в период, начавшийся после окончания холодной войны, придают Европе черты сходства с новой системой «Концерта» (Zelikow, 1992). Но, в отличие от эпохи «Концерта», современная регионализация мер безопасности (внутри и вне Европы) сочетается еще и с международными инициативами, направленными на восстановление режима коллективной или общей безопасности на глобальном уровне и в контексте реформированной Организации Объединенных Наций.

Теоретически принадлежность к Организации Объединенных Наций предполагает участие в глобальном режиме коллективной безопасности, так как Устав ООН предусматривает, что она может предпринимать действия против агрессоров в целях восстановления мира (см. гл. I и VII Устава ООН). Но холодная война не позволяла ООН выполнять свои функции по поддержанию коллективной безопасности. Однако недавняя феноменальная активизация действий ООН по поддержанию мира (см. таблицу 2.2) и правопорядка в соответствии с нормами международного права, которые регулируют коллективные действия, означает некоторый сдвиг в отношении международного сообщества к коллективной и совместной безопасности. Это свидетельствует о ясном понимании того, что при взаимосвязанном мировом порядке эффективная защита не может быть обеспечена в результате односторонних действий. Скорее, национальная и международная безопасность рассматриваются как в некотором смысле неотделимые друг от друга. При современной глобальной системе решение проблем национальной безопасности имеет значение не только региональное, но и глобальное.

Наличие пересекающихся друг с другом региональных и глобальных режимов меняет традиционную историческую конфигурацию отношений в сфере международной безопасности. Ведь подавляющее большинство стран и уж, конечно, все крупные регионы мира сегодня участвуют в каком-то глобальном или региональном режиме международной безопасности. Кроме того, институционализация и взаимодействие этих разнообразных режимов внесли свой вклад в

формирование глобальной регулирующей инфраструктуры, которая, независимо от ее ограниченных властных полномочий, воплощается (хотя и неравномерно) в деятельности вооруженных сил и систем безопасности большей части государств мира.

Таблица 2.2 Миротворческая деятельность ООН

Миссии ООН в период холодной войны:

БЛИЖНИЙ ВОСТОК — UNTSO

(United Nations Truce Supervision Organization)

Организация ООН по наблюдению за соблюдением условий перемирия

С июня 1948 г. по настоящее время³

ИНДИЯ-ПАКИСТАН — UNMOGIP

(United Nations Military Observer group in India and Pakistan)

Группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане

С января 1949 г. по настоящее время"

БЛИЖНИЙ ВОСТОК — UNEF I

(First United Nations Emergency Force)

Первый контингент Чрезвычайных сил ООН

Ноябрь 1956 — июнь 1967 гг.

ЛИВАН — UNOGIL

(United Nations Observation Group in Lebanon)

Группа наблюдателей ООН в Ливане

Июнь — декабрь 1958 г.

КОНГО — ONUC

(United Nations Operation in Congo)

Операция ООН в Конго

Июль 1960 — июнь 1964 г.

ЗАПАДНАЯ НОВАЯ ГВИНЕЯ — UNSF

(United Nations Security Force in West New Guinea [West Irian])

Войска безопасности ООН в Западной Новой Гвинее (Западном Ириане)

Октябрь 1962 — апрель 1963 г.

ЙЕМЕН — INYOM

(United Nations Yemen Observation Mission)

Миссия наблюдателей ООН в Йемене

Июль 1963 — сентябрь 1964 г.

КИПР — UNFICYP

(United Nations Peacekeeping Force in Cyprus)

Миротворческие силы ООН на Кипре

С марта 1964 г. по настоящее время"

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА — DOMREP

(Mission of the Representative of the Secretary-General in the Dominican Republic)

Миссия Представителя Генерального Секретаря ООН в Доминиканской Республике

Май 1965 — октябрь 1966 г.

ИНДИЯ/ПАКИСТАН — UNIPOM

(United Nations India-Pakistan Observation Mission)

Наблюдательная миссия ООН в Индии и Пакистане

Сентябрь 1965 — март 1966 г.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК — UNFF II

(Second United Nations Emergency Force)

Второй контингент Чрезвычайных сил ООН

Октябрь 1973 — июль 1979 г.

Таблица 2.2 продолжение

ГОЛАНСКИЕ ВЫСОТЫ - UNDOF (United Nations Disengagement Observer Force)

Миротворческие силы ООН, наблюдающие за соблюдением соглашения о выводе израильских войск с Голанских высот С июня 1974 г. по настоящее время"

ЛИВАН - UNIFIL (United Nations Interim Force in Lebanon) Временные вооруженные силы ООН в Ливане С марта 1978 г. по настоящее время"

АФГАНИСТАН/ПАКИСТАН — UNGOMAP (United Nations Good Offices Mission in Afghanistan and Pakistan) Миссия ООН по оказанию помощи населению Афганистана и Пакистана Апрель 1988 — март 199^о г."

ИРАН/ИРАК — UNIMOG (United Nations Iran-Iraq Military Observer Group) Группа военных наблюдателей ООН на границе между Ираном и Ираком Август 1988 — февраль 1991 г.*

Итого: 15 миссий ООН в период холодной войны

Миссии ООН в период после окончания холодной войны

АНГОЛА - UNAVEM I (United Nations Angola Verification Mission) Первая проверочная миссия ООН в Анголе Январь 1989 — июнь 199¹ г.

НАМИБИЯ — UNTAG (United Nations Transition Assistance Group) Группа ООН по оказанию временной помощи Апрель 1989 — 1990 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА — UNOCA (United Nations Observer Group in Central America) Группа наблюдателей ООН в Центральной Америке Ноябрь 1989 — январь 1992 г.

ИРАК/КУВЕЙТ — UNIKOM (United Nations Iraq-Kuwait Observations Mission) Миссия наблюдателей ООН на границе между Ираком и Кувейтом С апреля 1991 г. по настоящее время

АНГОЛА — UNAVEM II (United Nations Angola Verification Mission II) Вторая проверочная миссия ООН в Анголе Июнь 1991 — февраль 1995 г.

САЛЬВАДОР — UNOSAL (United Nations Observer Mission in El Salvador) Миссия наблюдателей ООН в Сальвадоре Июль 1991 — апрель 1995 г.

Таблица 2.2 продолжение

ЗАПАДНАЯ САХАРА — MINURSO (United Nations Mission for the Referendum in Western Sahara) Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре С сентября 1991 г- по настоящее время

КАМБОДЖА — UNAMIC (United Nations Advance Mission in Cambodia) Особая миссия ООН в Камбодже Октябрь 1991 — март 1992 г-

КАБОДЖА — UNTAC (United Nations Transitional Authority in Cambodia) Временная администрация ООН в Камбодже Март 1992 — сентябрь 1993 г.

БЫВШАЯ ЮГОСЛАВИЯ — UNPROFOR (United Nations Protection Force) Миротворческие силы ООН в Югославии Март 1992 — декабрь 1995 г.

СОМАЛИ — UNSOM I (United Nations Operations in Somalia I) Первая операция ООН в Сомали Апрель 1992 — март 1993 г-

МОЗАМБИК — ONUMOZ (United Nations Operation in Mozambique)
Операция ООН в Мозамбике Декабрь 1992 — декабрь 1994 г.

СОМАЛИ — UNSOM II (United Nations Operation in Somalia II) Вторая
операция ООН в Сомали Март 1993 — март 1995 г.

РУАНДА/УГАНДА — UNOMUR (United Nations Observer Mission in
Uganda- Rwanda) Наблюдательная миссия ООН на границе между
Угандой и Руандой Июнь 1993 — сентябрь 1994 г.

ГРУЗИЯ — UNOMIG (United Nations Observer Mission in Georgia)
Наблюдательная миссия ООН в Грузии С августа 1993 г. по настоящее
время

ЛИБЕРИЯ — UNOMIL (United Nations Observer Mission in Angola)
Наблюдательная миссия ООН в Анголе С сентября 1993 г. по настоящее
время

ГАИТИ — UNMIH (United Nations Mission in Haiti) Миссия ООН на
Гаити Сентябрь 1993 — июнь 1996 г.

Таблица 2.2 продолжение

РУАНДА — UNAMIR (United Nations Assistance Mission for Rwanda) Миссия помощи ООН
в Руанде Октябрь 1993 — март 1996 г.

ЧАД/ЛИВИЯ — UNASOG (United Nations Aouzou Strip Observer Group) Группа
наблюдателей ООН на линии прекращения огня между Чадом и Ливией Май — июнь 1994
г.

ТАДЖИКИСТАН — UNMOT (United Nations Mission of Observers in Tajikistan) Миссия
наблюдателей ООН в Таджикистане С декабря 1994 г. по настоящее время

АНГОЛА — UNAVEM III (United Nations Angola Verification Mission III) Третья
проверочная миссия ООН в Анголе Февраль 1995 — июнь 1997 г.

ХОРВАТИЯ — UNCRO (United Nations Confidence Restoration in Croatia) Миссия ООН по
восстановлению доверия в Хорватии Март 1995 — январь 1996 г.

МАКЕДОНИЯ (БЫВШАЯ ТЕРРИТОРИЯ ЮГОСЛАВИИ) — UNPREDEP (United Nations
Preventive Deployment Force) Силы превентивного развертывания ООН С марта 1995 г. по
настоящее время

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА — UNMIBH (United Nations Mission in Bosnia and Herzegovina)
Миссия ООН в Боснии и Герцеговине С декабря 1995 г. по настоящее время

ХОРВАТИЯ — UNMOP (United Nations Mission Observers in Prevlaka) Миссия
наблюдателей ООН в Превлаке С января 1996 г. по настоящее время

ХОРВАТИЯ — UNNAES (United Nations Transitional Administration for Eastern Slavonia, Baranja and Western Sirmium) Временная администрация ООН для Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема С января 1996 г. по настоящее время

ГАИТИ — UNSMIH (United Nations Support Mission in Haiti) Миссия ООН по наведению порядка на Гаити Июль 1996 — июль 1997 г.

ГВАТЕМАЛА — MINUGUA (United Nations Verification Mission in Guatemala) Проверочная миссия ООН в Гватемале Январь — май 1997 г.

152

Таблица 2.2 продолжение

АНГОЛА — MONUA (United Nations Observer Mission in Angola) Наблюдательная миссия ООН в Анголе С июля 1997 г. по настоящее время
ГАИТИ — UNTMIH (United Nations Transition Mission in Haiti) Временная миссия ООН на Гаити С августа 1997 г. по настоящее время
Итого: 30 миссий ООН с момента окончания холодной войны по настоящее время

" В течение холодной войны и после ее окончания *Источник: UN — <http://www.un.org>*

2.5.2 ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ: ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ

По словам А. Уотсона, даже у цивилизаций классической древности существовали механизмы регулирования межгосударственных конфликтов, способные предотвратить войну (Watson, 1992, ch. 12). Тем не менее, война считалась вполне законным механизмом для урегулирования споров и конфликтов, возникавших между полисами и империями. Какое-то время отношение к регуляции войны колебалось между желанием установить нравственные правила ее ведения и стремлением отменить их вообще. Очевидно, что со времен античности субъекты, возможности и механизмы этой регуляции заметно изменились, как и сама природа войны.

Попытки регулировать войну были сосредоточены вокруг трех проблем: способов ведения войны, ее предотвращения и полного запрета. Хотя с начала Нового времени все три проблемы являются объектами политического интереса, но только в современную эпоху акцент решительно переместился на предотвращение и устранение войны. Тем не менее, если предупредительные меры, такие как «горячая» линия между главами сверхдержав, соглашения по предотвращению перерастания холодной войны в настоящую, решение спорных проблем в Международном Суде ООН — если все это и играет роль при улаживании международных конфликтов, то происходит это главным образом в двустороннем порядке или на основаниях, возникающих от случая к случаю. Кроме того, инициативы, направленные на предотвращение войны, такие как Локарнский договор 1925 г. или Пакт Келлога-Бриана 1928 г. о запрещении войны, показали, что они весьма недолговечны. Гораздо более эффективными в течение всего послевоенного периода и позднее, в период, начавшийся после окончания холодной войны, были действия ООН по поддержанию и восстановлению мира. Роль ООН при решении обеих этих проблем чрезвычайно усилилась начиная с 80-х гг. XX в. (см. выше таблицу 2.2). В связи с этим усилением происходит и развитие новых международных норм, наделяющих международное сообщество правом вмешиваться во внутренние дела государств, если предполагается, что на их территории совершались или совершаются преступления против человечности (см. выше, раздел i-3-3). В этом отношении роль ООН в предотвращении конфликтов и войн обре-

153

тает все возрастающее глобальное значение, даже если она зачастую оказывается и не в состоянии добиться позитивного исхода.

Не меньшее значение для глобальной регуляции вооруженных конфликтов, начиная с эпохи Средневековья, играла эволюция общепринятого кодекса поведения во время войны. В Средние века Римская Католическая церковь весьма преуспела в своем стремлении установить

международные правила, регулирующие применение силы и ведение войн. Понятие «справедливой войны» стало «нравственным ориентиром» христианской цивилизации в ее подходе к войне и выработке более последовательного юридического учения о законах войны (Watson, 1992> P- 144—148; Contamine, 1984, p. 280—284). Но доктрина справедливой войны — *jus ad bellum* — имела лишь ограниченное влияние на светские власти и использовалась для того, чтобы узаконить завоевания как внутри, так и вне Европы. Отчасти это происходило потому, что государства оставались скорее пустыми скорлупами, не имевшими постоянных армий, и ведение войны было в значительной степени частным делом. Развитие формальных систем дипломатии и становление государственной монополии на орудия насилия обеспечивали институциональную инфраструктуру для всесторонних и более систематических попыток регулировать ведение войны. Французская революция и последующие за ней наполеоновские войны, завершившиеся Венским конгрессом, еще более усилили этот процесс.

Законодательные основы современных законов войны были заложены в период с 1815 по 1914 г. (Best, 1980, p. 128). Ряд международных конференций, отчасти под влиянием «индустриализации войны», отчасти международного движения за мир, принявшего широкий размах, издал законы, регулирующие правила ведения современной войны, тогда как в более ранний период главное внимание уделялось правилам, определяющим законное использование вооруженных сил (Best, 1980, p. 33¹). Этот процесс завершился на Гаагской конференции, которая разработала и кодифицировала более гуманные нормы международного права, регулирующего ведение войны и ограничивающего применение силы. То, что началось в Европе, распространилось далеко за ее пределы, а в XX в. превратилось в стандарт, установленный европейским международным правом, и жесткий критерий принадлежности того или иного государства к международному сообществу. После создания Лиги Наций и ее преемницы — Организации Объединенных Наций — законы войны были распространены на новые сферы, затрагивающие переговоры и ратификацию более строгих правил поведения во время войны как государств, так и военнослужащих (см. врезку 1.6 на с. 84). Кроме того, в послевоенный период были приняты нормы международного права, направленные на защиту гражданских лиц в условиях тотальной войны. Эти документы составляют общепринятый свод принципов и правовых норм, имеющих силу международного права, и обязывают подписавшие их государства соблюдать признанные всем миром нормы ведения войны. В XX в. международные законы войны обрели статус общепринятых норм. Тот факт, что они, к несчастью, не всеми и не всегда соблюдаются, свидетельствует о том, что нет такой международной власти, которая могла бы гарантировать согласие, а равным образом отражает саму меняющуюся природу войны (Kaldor, 1998).

154

2.5.3 ГЕОУПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ: СРЕДСТВА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Одной из самых ранних письменно зафиксированных инициатив по контролю за вооружениями является постановление Латеранского собора 1139 г., запрещающее использовать арбалеты в армиях христианских государств (Contamine, 1984, p. 274). Это запрещение, подобно большинству предложений о контроле за вооружениями и разоружении, оказало лишь кратковременное и ограниченное воздействие. Однако оно положило начало несколько скучноватой истории межгосударственных попыток регулировать (и предотвращать) приобретение, распространение, использование и развертывание средств войны. История, как правило, настаивает на том, что эти ранние дискуссии о войне и безопасности имеют большое значение, что именно они оказали влияние на серьезные изменения, которые в XX в. претерпели формы, возможности и интенсивность межгосударственной регулирующей деятельности. На самом деле вполне резонно утверждать, что международный контроль над вооружением и разоружением — явления сугубо современные.

До Гаагских мирных конференций (1899 и 1907 гг.) попытки ограничить распространение оружия носили характер односторонних инициатив. Например, в 1660 г. в Англии был установлен контроль за экспортом вооружений (нужно сказать, что он был установлен главным образом для того, чтобы гарантировать внутренние поставки) (Krause, 1992, p. 41). Но к концу XIX в. в результате революции в способах ведения войны усилились политические требования, предъявляемые к международному «законодательству» и поддержанные громогласным движением за мир, запретить негуманные виды оружия и ввести ограничения на торговлю оружием, объемы которой все увеличивались (Howard, 1981). Хотя Гаагские конференции занимались почти исключительно первой из этих проблем, их относительный успех послужил политическим импульсом для дальнейшего усиления контроля, что — после массового побоища Первой мировой войны — было

четко сформулировано на переговорах о всеобщем и полном разоружении в 30-е гг. XX в. Гаагские конференции обозначили существенный водораздел в истории контроля над вооружениями, так как после них контроль над вооружениями сделался задачей многих государств, руководствующихся при этом нормами потенциально глобальной юрисдикции. Если в работе первой Гаагской конференции приняли участие двадцать шесть (в основном европейских) государств, то в работе второй — сорок четыре государства, «представлявшие признанные национальные правительства почти всех стран мира» (S. Brown, 1994> P- 220).

После Первой мировой войны сторонники всеобщего и полного разоружения открыли в Лиге Наций новый институциональный форум, на котором составили проект дальнейшего разоружения (Howard, 1981). С 1932 по 1934 г. представители всех шестидесяти четырех признанных государств мира встречались в Женеве на Всемирной конференции по разоружению, чтобы положить начало процессу всеобщего и полного разоружения. Но «реализм» одержал победу над «идеализмом», и по окончании конференции достигнуто было немного. Пока в Лиге спорили об опасностях, угрожающих Европе, Германия вторглась в Судетскую область, внося свою лепту в проект всеобщего и полного разоружения.

155

С наступлением холодной войны появился новый стимул для разоружения — атомная бомба и другое оружие массового поражения. В результате послевоенный период отмечен самыми настойчивыми, интенсивными — равно как и неудавшимися — попытками установить многосторонний контроль не только над оружием массового поражения, но и над обычными типами вооружений. Контроль над вооружениями стал неотъемлемым атрибутом международной политики. Институты контроля над вооружениями и процессом разоружения (или же отделы в рамках министерств иностранных дел) имеются у всех крупных стран мира, и занимаются они тем, что непрерывно ведут дипломатические переговоры. Постоянно действующая Конференция ООН по разоружению, работающая в Женеве, также свидетельствует о том, что контроль над вооружениями занимает первое место в списке основных проблем глобальной безопасности. Хотя процесс послевоенного контроля вооружений включал переговоры о глобальных ограничениях и запрещении вооружений, подобных Договору о нераспространении ядерного оружия (NPT — Non-Proliferation Treaty on Nuclear Weapons), большая часть инициатив касалась более частных проблем, таких как Соглашение о ядерном оружии среднего радиуса действия (в Европе), или Тихоокеанская зона, свободная от ядерного оружия, или же такие вопросы специфического назначения, как Договор о запрещении испытаний ядерного оружия (CTBT — Comprehensive Test Ban Treaty). И если некоторые соглашения, например, Женевский протокол 1925 г. и Соглашение о запрещении биологического оружия были ратифицированы почти всеми странами мира, то многие другие, такие как Конвенция о негуманных типах оружия или Соглашение об Антарктике, получили чрезвычайно слабую международную поддержку. Контроль над вооружениями стал многосторонним процессом, отражающим широту и интенсивность взаимосвязей между государствами в военной сфере. Даже в «золотую эпоху» двусторонних переговоров сверхдержав (1968—1990 гг.), таких как Переговоры по ограничению стратегических вооружений (OCB/SALT — Strategic Arms Limitations Talks) и Переговоры по сокращению стратегических вооружений (START — Strategic Arms Reduction Talks), формальный дипломатический процесс омрачался как неформальными, так и формальными многосторонними обсуждениями и переговорами с союзными партнерами.

Приоритет многосторонности возникает просто потому, что большинство ключевых проблем контроля над вооружениями обусловлено сегодня тесными взаимосвязями в рамках мирового военного порядка, требующими принятия коллективно согласованных и совместно реализуемых решений. Как уже отмечалось, существование множества производителей оружия, в сочетании с ростом технологий двойного назначения, чрезвычайно усложняет международные попытки контролировать вооружения. Ведь правительства могут приобретать оружие из многих потенциальных источников или производить его на месте, закупив технологии или комплектующие у многочисленных поставщиков. Кроме того, по мере исчезновения различия между гражданскими и военными технологиями, стремление контролировать утечку секретных технологий обязательно требует все большей внутригосударственной и международной регуляции (а также контроля) как внутренней, так и международной торговли. Таким образом, международные режимы контроля вооружений вторгаются и во внутригосударственную, и в гражданскую сферу.

156

Опора на формальные и неформальные многосторонние режимы при решении разнообразных вопросов, связанных с контролем над вооружениями, значительно усилилась в послевоенный период. Неофициальные режимы предлагают механизм для решения тех или иных проблем в той или иной области без помех и сложностей, которые свойственны официальной дипломатии и сопровождают процесс заключения договоров. Так, например, Группа поставщиков ядерного оружия (Nuclear Suppliers Group) и Ближневосточная группа контроля над вооружениями (Arms Control Middle East Group) были созданы с целью облегчить доступ к секретным ядерным технологиям и, соответственно, обеспечить поток оружия на Ближний Восток.

В течение почти всего послевоенного периода контроль над вооружениями пребывал больше в сфере обещаний, чем реальных достижений. Но начиная с конца 80-х гг. контроль стал «напоминать скорее способ осуществления изменений, чем просто способ поддержания status quo» (Sharp, 1991, P- 111). Множество недавних соглашений предусматривают методы проверки или содержат обязательства, которые в значительной степени посягают на национальный суверенитет и национальную военную автономию. С окончанием холодной войны темп изменений значительно ускорился, и было осуществлено подлинное разоружение, а не просто налажен контроль над вооружением. Не подлежит сомнению, что в период после окончания холодной войны регулирование вооружений, вероятно, станет более успешным, чем до этого, но нетрудно понять, что ныне оно весьма серьезно покушается на оборонную политику многих государств. Международное регулирование вооружений заключается не только в том, что происходит на форумах ООН, оно состоит из военной и военно-производственной деятельности многих государств. Общим итогом усилий, направленных в течение всего послевоенного периода на создание системы международного контроля над вооружениями, стало возникновение глобальной инфраструктуры регулирования вооружений.

2.6 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВОЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В этом разделе мы попытаемся привести совокупность доказательств и пояснений для всего вышеизложенного, с тем чтобы описать основные особенности военной глобализации в начале Нового времени, в XIX — первой половине XX в. и в наше время. Хотя эта периодизация весьма произвольна и нестрога, однако она обеспечивает нас простой схемой, позволяющей оформить наши размышления о том, чем отличается военная глобализация сегодня (если она действительно чем-то отличается).

Текстовая таблица 2.1, составленная на основании изложенного выше материала, показывает основные особенности развития мирового военного порядка на каждом из выделенных нами этапов. Особенно удивляет сравнение между периодом, охватывающим позднее Средневековье и начало Нового времени, и новейшей эпохой, тогда как различие между новым и новейшим периодами более неумовимо, хотя ни в коем случае не менее глубоко. Например, если в период между мировыми войнами система продажи оружия была несомненно глобальной по своему масштабу, то в нынешнюю эпоху она гораздо более интенсивна, подвере-

157

Текстовая таблица 2.1 Мировой военный порядок: исторические сравнения

	<i>Ранний современный период (позднее Средневековье — начало Нового времени; XIV—XVIII вв.)</i>	<i>Современный период (XIX — первая половина XX вв.)</i>	<i>Новейший период (пост 1945 г-)</i>
<i>Геополитика</i>	Внутрирегиональное соперничество Начальная имперская экспансия Ограниченная война	Глобальные империи Тотальная война	Глобальное соперничество Совместная оборона и коллективная безопасность Соперничество и соревнование внутри институционализированных кооперативных рамок Взаимопересекающиеся региональные и глобальные комплексы безопасности

<i>Система перемещения оружия</i>	Локализованная, неорганизованная, цеховое производство	Индустриализация войны Возникновение глобальной динамики оружия Неотрегулированный частный мировой рынок оружия Распространение оборонной промышленности	Интенсификация глобальной динамики вооружений Увеличение масштабов и объема торговли оружием Транснационализация производства вооружения Коммерциализация торговли оружием на регулируемом глобальном рынке
<i>Геоправление</i>	В значительной мере отсутствует: цивилизационные и религиозные ограничения	Начало многостороннего и правового регулирования Отсутствие системы коллективной безопасности	Возникновение, легализация и институционализация регулирующих режимов

на весьма многосторонней регуляции, отражает различные механизмы распространения оружия и несет на себе печать высоко институционализированной межгосударственной дипломатии и внешней политики.

Чтобы смысл наших комментариев к историческим моделям военной глобализации был понятен, необходимо вспомнить систему понятий, разработанную во Введении. Она обеспечивает нас достаточно последовательным и строгим методом, позволяющим сравнить исторически меняющиеся фор-

Текстовая таблица 2.2 Основные черты военной глобализации

	<i>Ранний современный период</i>	<i>Современный период</i>	<i>Новейший период</i>
<i>Экстенсивность</i>	Внутрирегиональные потоки оружия в широком масштабе Век открытий и экспансии	Консолидация глобальных империй и соперничающих государств Начало глобальной торговли оружием и многосторонней регуляции	Глобальная система государств Глобальная динамика вооружений Взаимопроникновение глобальных и региональных комплексов безопасности
<i>Интенсивность</i>	Небольшой объем потоков и низкий уровень связей из-за слабых инфраструктурных возможностей	Большой объем и высокая скорость потоков и связей	Беспрецедентный объем потоков/тесная связь между военными сферами и сферами безопасности
<i>Скорость</i>	Измеряется веками и десятилетиями	От низкой к высокой	Высокая: интенсивная диффузия
<i>Предрасположенность влияниям</i>	Низкая: меркантилизм и автаркия	Высокая: чувствительность/уязвимость	Высокая: чувствительность/растущая уязвимость
<i>Инфраструктура</i>	Ограниченная: отсутствие отрегулированных, надежных, эффективных, скоростных глобальных коммуникационных систем	Развитие отрегулированного, надежного глобального транспорта и систем коммуникации	Развитые универсальные коммуникации и транспортные системы, военное присутствие

<i>Институционализация</i>	Чрезвычайно ограниченная: отсутствие систем военной дипломатии, торговли оружием, регулирования	Ограниченная и хрупкая: эволюция и крах глобальной системы торговли оружием, соглашений по коллективной безопасности	Развитая, но хрупкая: консолидация и расширение торговли оружием, коллективной обороны и соглашений по коллективной безопасности, регулирующие режимы
<i>Стратификация</i>	Европейское преобладание и монополия на оружие — европоцентристский порядок. В высшей степени неравномерная	Вооруженные силы сосредоточены главным образом на побережье Атлантического океана. Ограниченное распространение военного производства и вооруженных сил	Ослабление атлантического глобального доминирования — относительно децентрализованная. Существенная глобальная диффузия военного производства и вооруженных сил
<i>Способы взаимодействия</i>	Империалистическое/принудительное	Империалистическое, глобальное соперничество; экспансионистская, тотальная война	Соперничество, соревнование и конфликт внутри совместных, коллективных и коллаборативных структур

159

мы военной глобализации. В текстовой таблице 2.2 представлена обобщенная картина главных особенностей военной глобализации в каждый исторический период.

Основной вопрос, на который мы должны здесь ответить, заключается в следующем: что является (если это что-то вообще есть) отличительной особенностью военной глобализации в новейший период? На этот вопрос можно получить ответ, если внимательно рассмотреть некоторые ключевые параллели, представленные в текстовой таблице 2.2:

- Военная глобализация новейшего времени почти во всех отношениях несет на себе печать более крупных моделей и систем военной/оборонной взаимозависимости, нежели в любое время, начиная с конца XIX в., за исключением периодов мировых войн. Несмотря на окончание холодной войны, сколько-нибудь заметного возврата к более ранним формам национальной военной автаркии не произошло, скорее наоборот, и при этом мир не разбился на дискретные региональные оборонные комплексы. Глобализация и регионализация в военной области кажутся скорее усиливающими друг друга, нежели взаимоисключающими процессами.
- Сумма глобальных военных расходов, объем продаж оружия и усиление военно-дипломатических связей, по историческим стандартам, чрезвычайно высоки для эпохи, отличающейся длительным отсутствием военных конфликтов между великими державами.
- По сравнению с концом XIX в. торговля оружием, военное производство и структуры военных и оборонных отношений гораздо более институционализированы и регулируются.
- Последствия начавшейся военно-технологической революции должны были ускорить динамику глобального вооружения, поскольку военные стандарты, установленные государствами первого и второго эшелона, стремительно приобретают глобальный статус (Buzan, 1987).
- Мировой военный порядок стал более децентрализованным, поскольку глобализация и модернизация способствовали появлению новых центров сосредоточения крупных вооруженных сил. Если в начале XX в. Европа лидировала в мировом военном порядке, то в конце этого же столетия ее потеснили США, и в то же время огромные концентрации военной мощи и военного производства возникли в Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.
- Хотя структура мировой военной мощи и возможностей (с первого по четвертый эшелон) осталась в значительной степени той же самой, что и прежде, произошли довольно серьезные изменения, затрагивающие статус стран, относящихся к тому или иному эшелону. Поэтому модели стратификации, связанные с современной военной глобализацией, совершенно отличаются от тех, что были в начале XX в. или еще раньше. Конечно, интересно отметить, что некоторые страны сохранили свой прежний статус, несмотря на то что глобальная диффузия военной техники и военного производства создала совершенно иную стратегическую среду, тогда как Индия, еще в 1897 г. бывшая британской колонией, теперь обладает ядерным оружием.
- Хотя современная глобальная торговля оружием все больше подчиняется законам рынка, она все еще в гораздо большей степени, чем в любой предыду-

160

щий период, управляется государством и подчинена международному контролю и регулированию.

- В современную эпоху диффузия военной техники, знаний и умений является не побочным продуктом строительства империи, военного завоевания или конфликта между цивилизациями, как это преимущественно было на более ранних этапах военной глобализации, — скорее она обрела свою собственную динамику.
- Существование глобальных и региональных регулирующих режимов или оборонных структур всех видов указывает на высоко институционализированную и регулируемую природу современной военной глобализации. Поэтому многосторонность и транснационализация обороны и политики безопасности возрастают по мере того, как бюрократы, политические деятели, военнослужащие, неправительственные организации и гражданские группы стремятся к достижению своих интересов.
- Понятия национальной и военной безопасности претерпевают существенные изменения в связи со значительными сдвигами по направлению к совместной или многосторонней защите и оборонным механизмам, а в повестку дня, когда речь заходит о безопасности, включается все многообразие угроз, начиная с тех, которые исходят от окружающей среды, и кончая культурной. Это связано с тем, что судьбы и удачи национальных сообществ все более и более переплетаются друг с другом (см. гл. i).
- Сразу же после окончания холодной войны развитые капиталистические государства начали испытывать возрастающее (финансовое, технологическое, индустриальное и политическое) давление, побуждающее их участвовать в многосторонних совместных усилиях с целью рационализации их оборонных промышленных баз. Это способствует (по общему признанию, медленно) денационализации отраслей оборонной промышленности в наиболее развитых государствах и глобализации оборонного производства (Bitzinger, 1994)-
- И наконец, предполагаемая историческая связь между милитаризацией общества и военной глобализацией, по-видимому, больше не наблюдается, так же как и у ведущих государств современная военная глобализация долгое время сопровождалась внутренней демилитаризацией общества (Shaw, 1991)- В современную эпоху военная глобализация и социальная демилитаризация могут быть усиливающими друг друга процессами.

В следующем разделе многие из этих пунктов будут рассмотрены применительно к участию развитых капиталистических стран в современном мировом военном порядке.

2.7 СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВХОЖДЕНИЯ В МИРОВОЙ ВОЕННЫЙ ПОРЯДОК

В предшествующих разделах наше внимание было сосредоточено исключительно на исторических формах военной глобализации. В связи с этим значительное место занимали позиции и роли тех ключевых государств, которые составляют предмет настоящего исследования: США, Великобритания, Швеции, Германии, Японии и Франции. Однако акцент ставился на их статусе в иерархии мирового

161

военного порядка. Здесь предметом анализа является способ вхождения каждого из этих государств в структуру современного мирового военного порядка. Это позволит дать более точную оценку сравнительной значимости военной глобализации для этих государств и обеспечит нас более надежными эмпирическими данными, опираясь на которые мы в заключительном разделе главы сделаем некоторые общие выводы по поводу политических последствий глобализации. Но прежде чем приступить к этому анализу, надо сделать одно замечание по поводу структурных тенденций, проявляющихся в отношениях между вооруженными силами и государственной властью развитых капиталистических государств.

М. Шоу, опираясь на ряд показателей, утверждает, что развитые капиталистические страны эволюционируют в направлении «поствоенных обществ» (Shaw, 1991)- Он имеет в виду не то, что эти общества сами по себе обязательно более миролюбивы, а скорее то, что структурное равновесие между благосостоянием и войной в обществе решительно переместилось в пользу благосостояния. По сравнению с эпохой, охватывающей XIX — начало XX в., когда все капиталистические государства были организованы для тотальной войны, теперь армия как социальный институт (а по определению, и военно-промышленный комплекс) «находится скорее на обочине поствоенного общества» (Shaw, 1991, P- 134)- Некоторые показатели, например сокращение численности военнослужащих и постоянное снижение военных расходов государства, явно свидетельствуют об этой тенден-ции (см. ниже диаграмму 2.8). С окончанием холодной войны эти тенденции в большинстве случаев еще более усилились. Как указывает далее М. Шоу, контраст между милитаристскими обществами периода «индустриализации войны» и нынешними

поствоенными обществами хорошо виден на примере войны в Персидском заливе 1991 г.: в той войне резко проявились различия «между классическим милитаристским Ираком, где даже старики и подростки призывались на военную службу и исповедовали воинственную идеологию, пронизывающую их повседневную жизнь, и поствоенными западными обществами» (Shaw, 1991: Р- 203).

Эту тенденцию нельзя отделить от изменившихся в конце XX в. военных технологий и способов ведения войны. Эпоха тотальной войны, согласно М. ван Кревелду, сменяется эпохой локальных межгосударственных конфликтов малой интенсивности (Creveld, 1991). Более того, ведение войны в век информации, по-видимому, больше не требует тотальной мобилизации общества, достаточно его молчаливого политического согласия, так как тотальная мобилизация является одновременно и более капиталоемкой, и потенциально более ограниченной (С. Gray, 1997). Действительно, как уже отмечалось, возможно, это тот случай, когда мир переживает новую военно-технологическую революцию, так как информационные технологии изменяют существующие военные потенциалы, способы ведения войны и обеспечивают возможность обрушивать военную мощь на значительные расстояния и с большой точностью (Самс, 1994). Как это ни парадоксально, но поражающая сила военной мощи увеличивается по экспоненте, в то время как военные учреждения и военные расходы переживают период относительного упадка. Военно-технологическая революция способствует развитию двух совершенно противоположных тенденций, поскольку она как увеличивает спектр возможностей использования военной силы, так и сокращает самостоятельность военных при ведении войны; последнее происходит потому, что оперативные системы глобальных коммуникаций допускают прямое политическое

162

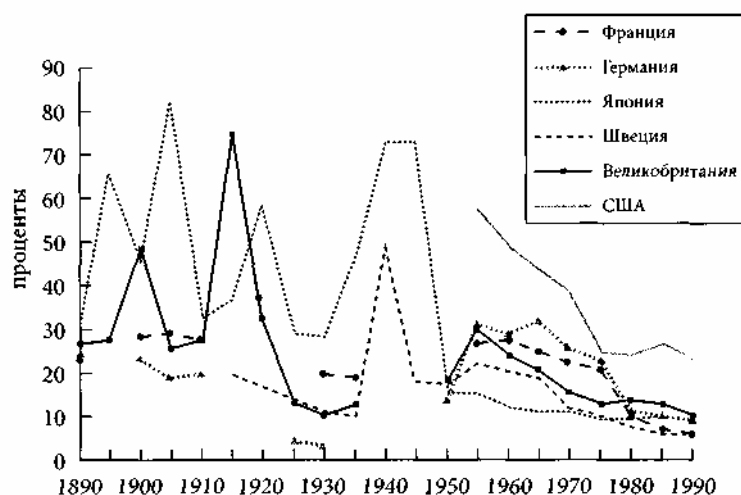

Диаграмма 2.8 Военные расходы в процентном отношении ко всем правительственным расходам, 1890—1990 (источники: Mitchell, 1983, 1992; SIPRI, 1991)

участие и вмешательство в военные действия в такой степени, которая является исторически беспрецедентной.

Наконец, в период, начавшийся после окончания холодной войны, существенные изменения претерпевают и традиционные отношения между военными, государством и промышленностью, нашедшие выражение в учреждении военно-промышленного комплекса. Как уже отмечалось выше, отрасли оборонной промышленности во всех основных государствах переживают серьезную реструктуризацию производства, форм собственности и корпоративной организации. Резкое снижение расходов на оборону и одновременное повышение издержек производства и затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы послужили мощным стимулом для всесторонней реорганизации оборонной промышленности времен холодной войны во всех великих державах. Взаимосвязанный процесс общей национальной и транснациональной корпоративной перестройки оборонного сектора способствует, как было отмечено нами ранее, значительной транснационализации западной оборонной промышленности. Как замечает Э. Сконс, говоря о Европе, «в 90-е гг. XX в. крупные западноевропейские компании становятся все более взаимосвязанными не только на уровне совместного развития или производства, но также и на уровне капиталовложений» (Skons, 1994).

Наряду с этой реструктуризацией происходит приватизация оборонного бизнеса и, как было

отмечено в предыдущем разделе, частичный переход военной промышленности на гражданские рельсы. Правительства, в особенности правительства стран-поставщиков оружия второго эшелона, к числу которых относятся европейские государства, сталкиваются с острой дилеммой оборонного производства, а именно: для того чтобы обеспечивать рентабельные военные возможности, национальный военно-промышленный комплекс должен все больше транснационализироваться, компрометируя тем самым сами понятия национальной оборонной промышленности и национальной обороны (Buzan, 1991; см. гл. 8).

163

Реструктуризация усиливается далее благодаря воздействию со стороны военно-технологической революции, так как «более новые и более мощные обычные типы вооружения... производят двойственный эффект: способствуют повышению затрат на оборону и, увеличивая безопасность, ставят ее в зависимость от импорта» (Haglund, 1989, p. 245). Совокупное влияние этих явлений должно восстановить фундаментальные отношения между государством, промышленностью и армией. Как утверждает Д. Силверберг, холодная война «была уникальна в том плане, что давала возможность администраторам, правительствам и штабным военным рационально планировать, распределять бюджет и последовательно проводить промышленную политику и программы на предсказуемой, регулярной и долгосрочной основе» (Silverberg, 1994). С окончанием холодной войны на смену такому режиму работы приходят более гибкие, регулируемые краткосрочными и коммерческими соглашениями, что приводит к разрушению традиционных отношений между ключевыми фигурами военно-промышленно-бюрократического комплекса.

Эти три тенденции образуют тот исторический контекст, который поможет нам понять национальные модели вхождения развитых капиталистических стран, составляющих предмет нашего рассмотрения, в структуру мирового военного порядка. Эти модели будут описаны после изучения тенденций, проявившихся после войны в развитии национальных ресурсов, выделяемых на оборону, оборонной промышленности, торговли оружием, принадлежности к структурам международной безопасности, внешнего использования или развертывания вооруженных сил. Для каждой из изучаемых стран: США, Японии, Швеции, Великобритании, Германии и Франции — будет создан индивидуальный портрет ее национальной модели вхождения в структуру мирового военного порядка. Анализ начинается с США, поскольку они остаются единственной страной, сохраняющей свой статус первого эшелона по производству и поставкам оружия.

2.7.1 ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН: США

Авторы исследования, озаглавленного «Экономика холодной войны», утверждают, что «для Соединенных Штатов вторая половина XX в. была военно-промышленной эпохой» (Markusen and Yudken, 1992, p. xv). Во многих отношениях как объем, так и тенденции послевоенных расходов на оборону, как правило, не дают полного представления о том, до какой степени вся экономика США определялась политикой «военного кейнсианства», а ее структура зависела от «промышленной политики», проводимой министерством обороны. В то время как расходы на оборону всегда составляли существенную часть бюджетных ассигнований и значительная доля бюджета расходовалась на военное материально-техническое обеспечение и проведение научно-исследовательских и конструкторских работ, общая тенденция после окончания холодной войны состояла в том, что расходы на оборону в процентном отношении к национальному валовому продукту стали уменьшаться (см. диаграмму 2.8), а численный состав военнослужащих — сокращаться. Несмотря на это, США сохраняют свою военную мощь и обладают большим количеством как обычного, так и ядерного вооружения, оставляя позади себя Россию и даже все государства среднего ранга вместе взятые.

После окончания холодной войны оборонный промышленный сектор США

164

остался сверхмощным (он производил до 90% всех ракет). Это заставило начать процесс его реструктуризации, продолжающийся и поныне и особенно затронувший отрасли, занимающиеся производством космического вооружения (Brzoska and Pearson, 1994; Gansler, 1995). В связи с этим усилилось и стремление к заключению «стратегических корпоративных альянсов и субподрядных соглашений между США и европейскими компаниями, владеющими предприятиями оборонного назначения» (ОТА, 1991> Р- 24). Зарубежные военные компании активно приобретали военно-промышленные предприятия США, о чем ясно свидетельствует — как показало исследование, проведенное министерством обороны США, — рост числа приобретений и слияний компаний, включая даже чувствительные для безопасности области (Friedberg, 1991). Эти явления наряду с растущим интересом к совместному производству,

совместному развитию компаний и сотрудничеству с партнерами за границей (главным образом, европейскими) вызвали беспокойство у сотрудников министерства обороны и конгрессменов, озабоченных тем, не вредит ли национальной безопасности США транснационализация (во многом преувеличенная) их военно-промышленного потенциала. Это беспокойство усиливается еще больше из-за того, что нужды обороны все чаще удовлетворяются благодаря использованию технологий двойного назначения. В таких коммерческих отраслях, как электроника, от которой оборонная промышленность полностью зависит, уровень глобального финансирования и зарубежных инвестиций чрезвычайно высок. В результате оказывается, что не только оборонная промышленность подвергается процессу транснационализации, но косвенным образом и ее продукция. Дж. Стowski замечает, что «многое из наиболее превосходного в Америке оружия — от новейших ракет среднего радиуса действия класса „воздух-воздух" до танка М-1 — в буквальном смысле слова не могло бы быть собрано без приобретенного у японцев станочного оборудования» (Stowsky, 1992, p. 137). Важно не преувеличивать масштабы этой транснационализации, ибо — хотя и нет никаких данных для сравнения — это, вероятно, тот случай, который менее значителен, чем в Европе, развивающемся мире или даже Японии. Несмотря на эти оговорки, главное остается в силе: проблема транснационализации, как недавно сообщило Бюро технологической экспертизы при Конгрессе США, является совершенно новым явлением для военных, отвечающих за состояние обороны, и для оборонной промышленности США (ОТА, 1991. Р- 38).

США всегда были главным экспортером оружия, но их положение на глобальном рынке оружия и цель их поставок с течением времени менялись. В самом начале холодной войны они обладали почти монополией на мировом экспортном рынке, но к 60-м и 80-м гг. их догнали Советы. В период, начавшийся после окончания холодной войны, они снова заняли доминирующее положение. В 80-е гг., когда торговля оружием переживала бум, США за четыре года экспортировали военное снаряжение на сумму 59 млрд. долларов в 84 страны (Krause, 1992, p. 102). Но это ничего не говорит о важных сдвигах, которые произошли в географической модели, способе и промышленном значении их торговли оружием. Ибо начиная с 50—60-х гг. XX в. основные потоки оружия шли уже не в Европу. В 70—80-х гг. они переместились на Ближний Восток, а в 90-е — в Азию (Krause, 1992, p. 100). Американские производители оружия стали все больше ориентироваться на его продажу за границу, но эта тенденция, имеющая большое значение, в начале 80-х гг. снизилась. Начиная с 1983 г. значительно возросло число таких коммер-

165

ческих сделок, «когда американская компания продавала оружие непосредственно зарубежной корпорации или правительству» (ОТА, 1991. Р- 11). В связи с резким падением спроса на вооружение на внутреннем рынке, которое произошло в конце 80-х гг., заметно увеличилась зависимость от зарубежных продаж. Произошел явный структурный сдвиг, в результате которого объем внутренних поставок вооружения неизменно сокращался и по сравнению с 1990 г. уменьшился, по крайней мере, на треть. По этой причине крупные компании, которые преимущественно ориентировались на оборонный бизнес, начали все активнее заниматься экспортом оружия (см.: Gansler, 1995). Кроме того, увеличение затрат на новые программы обеспечения оружием и сокращение выделяемых на это бюджетных средств заставляют предположить, что в качестве альтернативы постоянному «снижению» будет отдано предпочтение (или это даже станет необходимым) продаже на экспорт или будут заключаться соглашения о сотрудничестве, которые предполагают разделение затрат (ОТА, 1991; Krause, 1992; Gansler, 1995). Это представляет собой существенный сдвиг в состоянии дел и общей стратегии американских подрядчиков, работающих на оборону, которые в течение почти всего XX в. ориентировались почти исключительно на внутренний рынок.

Как это ни парадоксально, но перенос акцента на конкуренцию на мировом рынке оружия по времени совпал с существенным сокращением контингента американских вооруженных сил в разных регионах мира. По сравнению с 80-ми гг. военное присутствие США во всем мире сократилось, хотя новая технология и возросшие возможности переброски войск и вооружения по воздуху (что было продемонстрировано во время войны в Персидском заливе в 1991 г.) и сократили в нем потребность. Это сокращение не помешало США продолжать использовать свои вооруженные силы там, где и когда они сочтут необходимым. Несмотря на окончание холодной войны, связи между США и их союзниками остаются столь же тесными, как и пятьдесят лет назад. Действительно, в связи с расширением НАТО и событиями, происходящими в Азиатско-

Тихоокеанском регионе, роль США как «гаранта стабильности» во всех основных региональных системах безопасности остается решающей для поддержания глобальной безопасности во всем мире и способствует его интеграции в единую систему военной безопасности.

США продолжают, как это было и в период холодной войны, играть важную роль в военной дипломатии и деле осуществления глобального контроля за вооружениями. Несмотря даже на то, что холодная война уже подошла к концу, американское участие в мировом военном порядке не столько сократилось, сколько подверглось существенной реструктуризации.

2.7.2 СТРАНЫ ВТОРОГО ЭШЕЛОНА: ЯПОНИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ФРАНЦИЯ, ШВЕЦИЯ И ГЕРМАНИЯ

В течение всего послевоенного периода Японии входила в мировой военный порядок прежде всего как крупнейший — среди промышленно развитых стран мира — импортер оружия. Хотя сегодня военные расходы Японии одни из самых больших в мире, ее расходы на оборону (в процентном отношении к валовому национальному продукту), начиная с 1955 г. снижались и лишь совсем недавно снова стали увеличиваться. Даже несмотря на то, что Япония создала свою собственную мощную оборонную промышленность, ее оборонное производство остава-

166

лось ограниченным и в значительной степени зависимым (хотя зависимость эта уменьшается) от приобретения лицензий на производство оружия у США. Действительно, в том, что касается основных систем вооружения, Япония полностью зависит от США, так что «60% ее оружия приобретено у американцев и только остальные 40% произведены самой Японией» (Ikegami-Anderson, 1993> P- 339)-

Но начиная с 80-х гг. все более сильный акцент ставится на внутреннем производстве оружия. Но и в этом случае Японии все еще требуется существенная помощь из-за границы, осуществляемая в виде продажи технологий. Однако союзнические отношения с США по-прежнему накладывают ограничения как на то, что производит Япония, так и на общее состояние ее обороны. Так, американо-японское сотрудничество по созданию и производству усовершенствованного истребителя, осуществляемое компаниями «Мицубиси» и «Дженерал Дай-нэмикс» (General Dynamics), возникло отчасти из-за того, что американцы опасались, как бы Япония не наладила собственное производство таких истребителей. Экспорт оружия остается под запретом согласно 9-й статье японской конституции, но этот запрет не распространяется на оборудование двойного назначения, которое можно использовать в оборонной промышленности. Однако не существует никаких официальных данных об объемах этой экспортной торговли (ОТА, 1991 P- 114—15)- Интересно отметить, что большая часть экспорта электроники и полупроводников из Японии, приобретаемого американскими заказчиками, работающими в сфере обороны, фиксируется как коммерческие операции (ОТА, 1991» p. 116).

Несмотря на то, что формально участие Японии в мировом военном порядке носит ограниченный характер, можно утверждать, что «сегодня она играет более значительную роль в системе международной безопасности, потому что обладает ресурсами, которые главным образом и определяют степень военной мощи, — высокими технологиями» (Vogel, 1992, p. 56). Учитывая к тому же роль Японии в ООН, возросшую активность ее военной дипломатии в Азии в вопросах, относящихся к проблемам региональной безопасности, ее настойчивое стремление усилить свое военное присутствие в районе Южно-Китайского моря, приходится признать, что степень ее участия в системе глобального военного порядка гораздо больше, чем в любой момент ее истории, начиная с периода между двумя мировыми войнами.

Хотя европейские производители оружия представляют собой совершенно различные модели участия в мировом военном порядке, они обнаруживают немало и общих черт. Явные различия между ними заключаются в их оборонных потенциалах и уровнях безопасности. Все развитые европейские страны обладают мощной современной оборонной промышленностью, но состав их вооруженных сил сильно различается по численности, размещению и составу. Кроме того, если Швеция открыто придерживается политики нейтралитета, то Германия, Великобритания и Франция являются членами НАТО⁶. Начиная с момента окончания холодной войны и Франция и Швеция изменили свою позицию по отношению к НАТО (Швеция теперь принимает участие в движении «Партнерство ради мира», а Франция снова вошла в военную организацию блока). Все развитые ев-

6. Официальная политика Швеции обсуждалась совсем недавно (см.: Commission on Neutrality Policy, 1994).

ропейские страны в той или иной степени принимают активное участие в системах военных договоров глобального и регионального уровней. Швеция, Англия и Франция обеспечивают

значительную материальную и военную помощь операциям ООН по поддержанию мира, последние две — в качестве постоянных членов Совета Безопасности. Кроме того, Англия и Франция, бывшие некогда колониальными державами, все еще сохраняют свое военное присутствие за пределами Европы.

Что касается объемов расходов на оборону, то Германия и Швеция с их заметно более низкими затратами на оборону отличаются от Франции и Англии, у которых эти затраты, как правило, составляют гораздо большую часть валового национального продукта. Но всем этим европейским государствам свойственна общая тенденция к снижению расходов на оборону, что становится совершенно очевидным, если посмотреть, какая часть всех бюджетных расходов тратится на оборону (см. диаграмму 2.8). Однако в 90-е гг. между ними появились в этом отношении значительные расхождения, поскольку Франция и Швеция увеличили свои оборонные расходы, а Англия и Германия их сократили, хотя и в разных пропорциях (Т. Taylor, 1994-b, p. no). Эта расхождение проявилось и в их отношении к сокращению вооруженных сил. Подобного рода расхождения отражают различные модели оборонных организаций, обязательств в военной области, оборонной политики и структуры оборонной промышленности.

Все четыре государства Европы столкнулись с одной и той же проблемой реструктуризации национальной оборонной промышленности и ее приспособления к ситуации, сложившейся после окончания холодной войны. Хотя структура оборонной промышленности в каждой стране существенным образом отличается от структур других стран (Германия и Швеция экономически менее зависимы от производства оружия, чем Англия или Франция), тем не менее все они располагают значительной аэро-космической промышленностью, промышленностью по производству военной электроники и военного снаряжения. Во всех случаях предпринимались попытки «вырастить собственных богатырей» в важнейших отраслях военно-промышленного сектора, что привело к высочайшей концентрации военной промышленности в каждой из этих стран (ОТА, 1991; Р- 74)-

С начала послевоенного периода и вплоть до 90-х гг. все европейские страны, за исключением Англии, в значительной степени использовали военное снаряжение, изготовленное по американским лицензиям. Это особенно относится к Франции и Германии. Когда эти страны восстановили свою оборонную промышленность, объем их оборонного производства увеличился, но поскольку затраты на оборону продолжали повышаться, а национальные бюджеты в 90-е гг. сократились, то значительно усилилась тенденция к транснациональному сотрудничеству в области производства оружия. В 90-е гг. эта тенденция еще больше усилилась, поскольку стало ясно, что внутренних ресурсов недостаточно, чтобы создать жизнеспособное национальное оборонное производство, так что в конце 1998 г. началось обсуждение проблемы создания единого воздушного и космического пространства и единой системы безопасности Европы. Послевоенное оборонное производство основных европейских стран — производителей оружия второго эшелона — перестало быть просто зависимым, полузависимым или относительно автономным, а все больше становится функционально взаимосвязанным.

168

Поскольку оборонная промышленность во всех этих государствах становится все больше транснациональной, усиливается и тенденция к более тесному общеевропейскому сотрудничеству и кооперации (Bitzinger, 1994; Skons, 1993)- В 80-е гг. Франция и Великобритания тратили 30% средств своих оборонных бюджетов на совместные проекты, а Германия и того больше — 45% (Bitzinger, 1993. Р- 26). К концу холодной войны процесс регионализации европейской оборонной промышленности под влиянием политики НАТО, с одной стороны, а с другой — политики, направленной в сторону создания единого европейского рынка, ускорился еще больше. Наряду с этой регионализацией имело место и значительное расширение американо-европейского промышленного сотрудничества (Bitzinger, 1993; ОТА, 1991)- Как указывает К. Краузе, эти процессы «свидетельствуют о том, что в результате развития технологии и прогресса в деле производства оружия и транспортной системы страны-поставщики оружия второго эшелона оказались в таком положении, когда они больше не могут поддерживать независимое, автаркичное производство сверхсложного оружия» (Краузе, 1992, p. 150).

Наряду с транснационализацией оборонного производства все четыре европейские страны становятся все более зависимыми от экспорта оружия для того, чтобы поддерживать свой внутренний оборонно-промышленный потенциал. Что касается Франции и Германии, то в 70—80-е гг. XX в. они стали главными экспортёрами оружия в страны третьего мира (Huebner, 1989; Brzoska and Ohlson, 1987), в то время как Великобритания в 80-е гг. также значительно увеличила

объем экспорта оружия (Krause, 1992, p. 134)- Даже Швеция, которая в 80-е гг. придерживалась, пожалуй, самой сдержанной в мире политики экспорта вооружений, начала все более активно выходить на мировой рынок оружия. По мере того, как внутренний спрос на производство вооружения снижался, объемы его производства на экспорт все более увеличивались. Англия, Франция и в какой-то мере Германия находятся теперь в состоянии открытой и жесткой конкуренции с США на всех основных мировых рынках экспорта оружия.

2.8 СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Военная мощь сыграла фундаментальную роль в процессе эволюции и становления институциональной формы современного независимого, национально-территориального государства. Способность самостоятельно с помощью оружия защищать свои национальные границы лежит в основе современной концепции независимой государственности. Но, как уже здесь отмечалось, современная военная глобализация ставит очень глубокие вопросы насчет значения и практики государственного суверенитета и автономии. Поскольку в наше время традиционное представление о том, что пространственная организация вооруженных сил и территориальные границы национального государства совпадают друг с другом, по-видимому, начинает изменяться. Для шести развитых капиталистических государств, о которых шла речь в предыдущем разделе, вхождение в структуру мирового военного порядка имеет важные политические последствия, разрушающие само понятие независимой государственности. Хотя каждое из этих государств входит в систему мирового военного порядка по-своему, чем существенно отличается от остальных государств, имеется нечто

169

общее в плане того, как современная военная глобализация влияет на доктрину и стратегию национальной безопасности, на организацию и руководство сил национальной обороны, на производство и поставку средств обороны, на политику национальной безопасности и «поствоенное общество». Теперь мы приступим к исследованию этих влияний глобализации на процесс и сроки принятия решений о применении военной силы, разработку стратегии обороны, а также ее институциональные, дистрибутивные и структуральные воздействия.

2.8.1 ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ ВОЕННОЙ СИЛЫ И НА ОБОРОННУЮ ПОЛИТИКУ

Организация обороны и политика безопасности для развитых капиталистических стран не является отныне их чисто внутренним делом. Существование НАТО с его многочисленными вспомогательными службами и комитетами и других многосторонних форумов по вопросам обороны (ОБСЕ, Конференция ООН по разоружению, Режим контроля за ракетными технологиями и т. д.) в сочетании с быстрым ростом численности неправительственных или межнациональных бюрократических, военных, индустриально-оборонных и экспертных организаций — все это способствовало тому, что политика безопасности и организация обороны вышли за пределы национальных границ. В шести развитых капиталистических государствах Запада, которые находятся в центре нашего внимания, под воздействием процесса военной глобализации возникла многоуровневая и многосторонняя система управления проблемами Атлантической обороны и безопасности в дополнение к тем структурам и институтам безопасности, которые у них уже были.

Политика национальной безопасности, включающая в себя целый комплекс проблем — от разработки стратегии обороны до принятия решений о развертывании и использовании вооруженных сил, — внедрена в матрицу вновь созданных двусторонних и многосторонних консультативных и общеевропейских механизмов, как официальных, так и неофициальных. Мало какие аспекты стратегии национальной безопасности остаются при этом абсолютно неизменными; даже разведывательные органы выработали свои собственные формы ведения диалога. Хотя США, будучи военной сверхдержавой, по-видимому, сохраняют свою (почти) полную автономию в военных вопросах, следует обратить внимание на тот простой факт, что в качестве основного звена системы европейской и тихоокеанской безопасности они опутали себя целой сетью военных обязательств и договоренностей, так что их автономия становится весьма сомнительной. Поэтому между военной мощью и национальной военной автономией не обязательно существует положительно корреляционная связь. Кооперация и сотрудничество между европейскими государствами, обладающими вооруженными силами средней мощности — Великобританией, Францией и Германией, — продвинулись настолько далеко, что были даже созданы так называемые еврокорпуса — многонациональные вооруженные силы. Акцент, который внутри вооруженных сил НАТО ставится на совместном военном командовании, совместном составлении оперативных сводок, стандартизации, совместном военном планировании и проведении военных

операций, представляет собой существенный отход от традиционного представления о национальной военной автономии. Эти процессы, тем

170

не менее, ни в коем случае не являются предвестием конца национальных вооруженных сил как таковых, не означают они и перехода к своего рода распределению функциональных и специальных военных ролей, и конечно же не свидетельствуют о создании международных вооруженных сил. Тем более, что не все шесть стран одинаковым образом участвуют в этих процессах, а что касается Японии и Швеции, то они вообще остаются в стороне от них. Если в начале XX в., как это показала разразившаяся Первая мировая война, решения о применении военной силы (или угроза ее применения) были неоспоримой прерогативой правительства той или иной страны, и только его, то теперь создание многонациональных систем обороны и мер безопасности делает принятие решений по этим вопросам более сложной задачей для правительств, если не сказать невыполнимой. Союзнические обязательства, обязательства по оказанию военной помощи в случае нападения противника, межнациональная природа военных потенциалов, материального снабжения и вооруженных сил, оборонного производства, обеспечения оружием — все это, наряду с другими факторами, изменяет политический контекст и при выборе той или иной доктрины безопасности заставляет принимать во внимание все ее выгоды и приносимые ею убытки, но больше всего это оказывает влияние на принятие решений об использовании военной силы или объявлении войны. Хотя все шесть развитых стран *de jure* сохраняют за собой полное право объявлять войну и использовать военную силу (или угрожать ею), выгоды и убытки, которые зависят от того, как будет развиваться та или иная военная акция, а в некоторых ключевых моментах формальные и неформальные обязательства это право ограничивают. В этом отношении интересно заметить, что в ходе дебатов, которые в конце 40-х гг. XX в. велись в Конгрессе США вокруг ратификации договора о создании НАТО, сенатор Вандерберг и ряд других сенаторов выразили обеспокоенность по поводу того, что договор может существенным образом ограничить суверенное право США и конституционную власть Конгресса в отношении принятия решений по самым важным проблемам, касающимся войны и мира (Glennon, 1990, p. 209—214). Подобные сомнения стали еще более глубокими в эпоху ракетно-ядерного оружия, когда счет времени при принятии решений относительно войны и мира пошел скорее на минуты, чем на недели.

У каждой из шести развитых стран интенсивность и выбранный ими способ вхождения в структуру мирового военного порядка возбуждает серьезные вопросы относительно того, останется ли у них возможность проводить независимые военные операции. Десятилетиями обсуждались вопросы о том, сохраняет ли Британия свою техническую или политическую «независимость» в сфере ядерного вооружения, может ли Франция использовать свои *force de frappe* [ударные ядерные силы] без консультаций с Вашингтоном или даже без его предварительного уведомления. Более того, в эпоху, начавшуюся после холодной войны, снижение бюджетных затрат на оборону до разумного минимума тоже, вполне естественно, поставило под сомнение способность европейских стран, особенно тех, которые обладают вооруженными силами средней мощности, самостоятельно проводить военные операции обычного типа. Как поясняет М. Шоу, войну за Фолклендские острова в 1982 г. можно считать концом эпохи и «тем исключением, которое лишь подтверждает правило» (Shaw, 1997. P. 34). Но даже в случае США, которые безусловно обладают возможностью действовать в военном отношении независимо, сложная сеть глобальных обязательств, которыми они опутаны, служит ограничением их военной мощи, если речь идет о ее применении за пределами американской территории, как это показал иракский кризис 1998 г. Хотя национальный суверенитет большинства развитых европейских стран в плане принятия ими самых крайних решений, касающихся вопросов национальной безопасности, ни в коем случае не был присвоен никакой другой более высокой властью, он, тем не менее, до такой степени ограничен фактом их участия в структуре мирового военного порядка, существующими военными и оборонными отношениями, обязательствами и договоренностями, соображениями о затратах и убытках, которые повлечет за собой выбор той или иной оборонной доктрины, что все это также заставляет их проводить многосторонние консультации или даже принимать совместное с союзниками решение.

2.8.2 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЛИ КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ?

Доктрина национальной безопасности остается одним из самых важных принципов современной государственности. Способность современного государства самостоятельно защищаться от внешней угрозы есть главный (или наиболее существенный) элемент традиционных

представлений о суверенности. Ибо если государство не может обеспечить неприкосновенность своих границ и безопасность своего населения, то есть очень веские основания поставить под вопрос его право на существование. Таким образом, национальная безопасность традиционно понималась, главным образом, в военных терминах: как мобилизация, развертывание и использование военной силы с целью достижения национальных целей (Buzan, 1991)- Без такой способности сама сущность такого института, как современное государство, была бы совсем иной. Конечно, идеология современной государственности не всегда воплощалась в политических действиях государства (Krasner, 1995)- Но в военной сфере больше, чем в какой бы то ни было другой, современное государство всегда стремилось отстоять свою независимость. Однако в современную эпоху военная глобализация и модели национального вхождения в структуру мирового военного порядка заставили серьезно переосмыслить идею национальной безопасности и практическую ее реализацию. Хотя размышления о национальной безопасности занимают главное место в политических и популярных дебатах, которые ведутся по поводу военных проблем в каждой из шести исследуемых нами стран, это по большей части упрощенное представление или узаконенная схема, чем фактор, определяющий фактическое поведение государств. Для большинства развитых европейских стран стратегия, направленная на достижение «национальной безопасности», почти перестала отличаться от стратегии международной безопасности, поскольку они, вместе с другими развитыми странами, образуют единую систему «коллективной безопасности», в пределах которой военная сила не играет никакой активной роли в отношениях между государствами, являющимися элементами этой системы (Deutsch and Burrell, 1957)-

В границах этого альянса «коллективной безопасности» национальная оборона и стратегия безопасности встраиваются в общеевропейские институциональные системы, которые дополняют национальные механизмы обороны и полити-

172

ки безопасности консультациями и сотрудничеством. Поэтому выработка и достижение целей национальной безопасности в большинстве случаев неотделимы от разработки и достижения безопасности всего альянса. Поэтому национальную безопасность и безопасность альянса лучше всего представлять себе как взаимно обуславливающие (S. Weber, 1993)- Даже у таких государств, как Франция, которая исторически стремилась достичь как можно большей автономии в деле обороны, или Швеция, которая сохраняет верность заявленной ею политике нейтралитета, послевоенная стратегия национальной безопасности почти всегда формировалась (а после окончания холодной войны все более и более формируется) под влиянием этого альянса «коллективной безопасности» (См.: Commission on Neutrality Policy, 1994; Ullman, 1989). Кроме того, для Соединенных Штатов принадлежность к НАТО означает решительный разрыв с их исторически сложившимся представлением о национальной безопасности, в основу которого были положены принципы автаркии, изоляционизма и уклонения от внешних военных обязательств (Ruggie, 1996, p. 43)-Вступление их в НАТО в 1949 г. было первым за всю историю США союзом, заключенным в мирное время. Действительно, если страна, для которой в эпоху, начавшуюся после окончания холодной войны, перестала существовать какая бы то ни было военная опасность, непосредственно угрожающая ее территориальной целостности или безопасности ее населения, подтверждает свое членство в НАТО (и способствует его экспансии), заключает договор с Японией о взаимных мерах безопасности, то это как раз и показывает, как глубоко затронул послевоенный процесс военной глобализации ее исторически сложившееся представление о национальной безопасности. Для военной сверхдержавы национальная безопасность стала неотделимой от поддержания и установления безопасности во всем мире. США, как и другие участники этой системы «коллективной безопасности», принимающие определенные меры по ее обеспечению, должны пересматривать свои традиционные представления о национальной безопасности (S. Weber, 1993)-

2.8.3 ВОЗДЕЙСТВИЕ ВОЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТОВАРОДВИЖЕНИЕ: ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ ЗАКУПОК И ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА СИСТЕМУ ПОСТАВОК

Как уже неоднократно говорилось в предыдущих разделах этой главы, в современную эпоху произошло существенное изменение в организации и характере мировой торговли оружием и поставок вооружения. Для шести развитых европейских стран, о которых идет здесь речь, последние два десятилетия в особенности ознаменованы заметной транснационализацией оборонной промышленности. Снижающийся уровень бюджетного обеспечения обороны и сверхмощная оборонная индустрия заставили каждую из этих стран произвести (и производить) внутреннюю и межгосударственную реструктуризацию оборонной промышленности. По

сравнению с глобализацией гражданского предпринимательства глобализация и регионализация оборонной промышленности и системы торговли оружием очень многое сохраняют в том виде, в каком они были изначально, что наиболее заметно в Европе и странах Атлантического блока.

Транснационализация оборонной промышленности представляет собой со-

173

вершенно новую стадию в организации оборонного производства и его материально-технического снабжения, весьма напоминающую (но совсем иную по своим масштабам) глобальную реструктуризацию промышленного производства (Sassen, 1996; Moravcsik, 1991; Bitzinger, 1994; Skons, 1994;^{см} - также ниже, гл. 3 и 3)- Это подтверждается и тем фактом, что многие из самых важных оборонных технологий, например электронное оборудование и оптические приборы, изготавливаются на предприятиях, относящихся к сектору гражданского производства, которые тем самым подчиняются требованиям, предъявляемым к ним углубляющимся процессом глобализации. Эти процессы оказывают довольно глубокое, хотя не обязательно совершенно новое, воздействие на ортодоксальный подход к организации оборонной индустрии, который, как правило, отдавал предпочтение — наряду с национальной стратегией обороны и ее материально-техническим обеспечением — национальной оборонной промышленности, считая, что она более, чем что бы то ни было, необходима для поддержания способности к «автономной» национальной обороне. Как регионализация, так и глобализация оборонного сектора промышленности заставляют усомниться в такой непосредственно осуществляемой автономии, поскольку ставят сборку (а главное и использование) оружия и систем вооружения (не говоря уже об индустриально-оборонной политике) в зависимость от решений и действий других властных структур или корпораций, находящихся вне рамок национальной юрисдикции.

Однако в некоторых случаях регионализация и глобализация могут способствовать усилению оборонной промышленности и увеличению военной автономии. Швеция, например, привлекая к сотрудничеству американских и европейских подрядчиков и продавая им лицензии на вооружение, обеспечивающее безопасность воздушного и космического пространства, сохраняет свой высокоразвитый оборонно-промышленный потенциал, что в противном случае оказалось бы для нее невозможным. Япония также снизила свою военную зависимость от США, используя для этого те возможности, которые предоставляет жесткая конкуренция на мировом рынке поставок военных технологий и лицензий. В области оборонного производства и его материально-технического обеспечения глобализация и регионализация ни в коем случае не являются сами по себе предвестием конца национальной оборонной промышленности, но они меняют стратегию и политику, которых должны придерживаться правительства, чтобы сохранить ее, изменяя вместе с тем представления о том, что такое победа и проигрыш в сфере производства. В случае европейских государств объединение «национальных лидеров», достигаемое — при поддержке со стороны правительства (но не обязательно им инициированное) — путем слияния и приобретения компаний, дополняется появлением «европейских лидеров», способных конкурировать на мировых и региональных рынках оружия со своими американскими соперниками. Автономия, понимаемая таким образом, достигается скорее благодаря стратегии интернациональной, чем национальной. Уже одно это является значительным отходом от ортодоксальных представлений о военной автономии, понимаемой и осуществляемой исключительно в рамках национальных границ. Это имеет существенное значение и для механизмов национальной демократии и ответственности, к рассмотрению которых мы теперь и приступим.

174

2.8.4 СТРУКТУРНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ОТ ГОСУДАРСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ, К «ПОСТВОЕННОМУ» ОБЩЕСТВУ?

Холодная война никогда не была исключительно межгосударственным явлением. Напротив, она оказывала сильное влияние на социальные и политические институты, существующие внутри обществ, как восточных, так и западных, что имело глубокие последствия для многих аспектов социальной жизни. Если говорить о США, то здесь результаты милитаризации общества, экономики и государственного аппарата представляют собой невиданное в их истории отклонение от нормальных условий мирного времени. Когда президент Эйзенхауэр предупреждал об опасностях военно-промышленного комплекса, он озвучивал беспокойство многих, кто опасался за судьбы американской демократии и американского образа жизни в условиях непрерывной подготовки к войне (Brodie, 1973. P- 290). После окончания холодной войны американские и европейские страны осуществили значительную демилитаризацию социальной, экономической и политической жизни, исторические последствия которой еще не вполне очевидны.

Холодная война — помимо всего прочего — показала, что между сверхжесткой идеологической

борьбой и процессом общественно-политической жизни государств, как восточных, так и западных, существует активная взаимосвязь. В некотором смысле холодная война играла роль своеобразного дисциплинирующего механизма, который помогал упорядочивать политическую жизнь и на Востоке, и на Западе. Это особенно заметно на примере шести развитых европейских стран, постоянно находящихся в центре нашего внимания, политическая жизнь которых была сведена к представлению о титанической борьбе между политическими программами левых и правых (независимо от того, кто считался правым, а кто левым в той или иной стране). Но в эпоху, начавшуюся после окончания холодной войны, эта «дисциплина» была отменена, в результате чего, по мнению некоторых, исчезло старое деление на правых и левых, а кроме того, это исчезновение способствовало возникновению «поствоенной» политики (Shaw, 1991; Giddens, 1995)-

В большинстве развитых капиталистических стран те проблемы политической жизни, что связаны с окружающей средой, идентичностью, гражданством, благосостоянием, образованием, здоровьем и т. д., снова вышли на первое место по сравнению с проблемами обороны, которые ассоциируются с периодом холодной войны (и со многими другими периодами XX в.). В этом отношении изменения, происшедшие в геополитическом порядке, можно рассматривать как изменение политической жизни и природы государства на Западе: как переход от государства, обеспечивающего национальную безопасность, к поствоенному состоянию (Beck, 1997)- Конечно, не стоит доказывать, что конец сверхжесткого противостояния есть единственная или даже главная причина такого поворота событий, а следует просто признать, что по причине их тесного взаимодействия с глобальным военным порядком внутриполитические процессы развитых европейских стран, безусловно, испытывают влияние со стороны преобладающей модели военной глобализации.

Претерпевает ли внутренняя политика развитых европейских стран глубокие изменения — вопрос по-прежнему спорный. Что является менее спорным, так это способ, каким современная военная глобализация способствует системе ми-

175

ровой безопасности. Увеличивающийся список проблем безопасности, вместе с институционализацией системы совместной обороны (и коллективной безопасности) и глобальной регуляцией военной мощи, внесли свой вклад в распространение политики обороны и безопасности. Представление о том, что политика обороны и проблемы безопасности совпадают друг с другом в рамках национального политического пространства, опровергается такими разноречивыми явлениями, как массовые движения, требующие запретить использование противопехотных мин и создать международный уголовный трибунал для расследования преступлений против человечности, лоббирование, которым занимаются предприниматели, заинтересованные в производстве оружия оборонного назначения в рамках НАТО и в Европе с тем, чтобы осуществлять промышленную политику в сфере изготовления оборонительных систем вооружения или правительственную регуляцию по обе стороны Атлантического океана или на Востоке. Политическая деятельность, связанная с проблемами «национальной безопасности», является теперь не просто внутренним делом.

Вряд ли могут быть сомнения насчет того, что современная военная глобализация имеет существенное значение для суверенитета, автономии и политики развитых европейских государств. Хотя они по-разному входят в структуру глобального военного порядка и обладают разными возможностями, чтобы управлять процессом военной глобализации, институт современной суверенной государственности подвергается мощному воздействию со стороны трансформирующих сил. Это не должно наводить на мысль, что конец суверенного национального государства близок; наоборот, государство сохраняет свое центральное место в рамках мирового военного порядка. Скорее, следует сказать, что современная военная глобализация, наряду с другими разновидностями глобализации, способствует реконструкции таких понятий, как суверенитет, автономия и демократия, т. е. реконструкции современного национального государства. Но достижения в военной сфере не должны копироваться где бы то ни было, как это станет ясно после рассмотрения процесса торговой глобализации в следующей главе. Соответственно, этот аргумент будет рассмотрен более подробно в заключительной главе применительно к историческим основаниям всех ключевых сфер власти.

3 ГЛОБАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ РЫНКИ

Сегодня все страны участвуют в международной торговле, и торговля, которую они ведут, составляет, за редкими исключениями, вроде Северной Кореи, значительную часть их национального дохода. Около 20% всей мировой продукции продается, а доля тех товаров, которые могут быть предметом международной конкуренции, гораздо больше: торговля теперь достигла беспрецедентного уровня, как в абсолютных числах, так и в процентном отношении к

мировой продукции. Торговля — основной механизм перемещения товаров, а все больше также и услуг, по всему земному шару, и она же является самым важным механизмом передачи технологий. Самое малое, что делает международная торговля, — это соединяет внутренние рынки с рынками международными. При этом в ходе истории открытие национальных рынков для торговли часто имело самые серьезные последствия, высвобождая новые конкурентоспособные силы и преобразуя внутреннюю экономическую жизнь. Если в прошлом торговля иногда составляла сферу почти изолированную от остальной экономической жизни народа, то теперь это неотъемлемая часть национального производства во всех современных государствах.

3.1 ТОРГОВЛЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Торговля связывает удаленные друг от друга рынки, так что, например, сезонные фрукты и овощи периодически исчезали бы с прилавков западных супермаркетов, если бы источники, разбросанные по всему миру, не сделали их доступными круглый год. Технология, доступная всем, означает, что книгу, выпущенную небольшим издательством в Англии, можно заказать в книжном магазине любой страны мира. Торговля открыла невиданные перспективы для всех отраслей промышленности — сегодня лишь немногие из них целиком полагаются на внутренние рынки и на производимые внутри страны компоненты и сырье. Например, несмотря на то, что строительная индустрия, прежде всего, использует внутренние материалы, нанимает местных рабочих и удовлетворяет внутренний спрос, применяемое оборудование может быть импортным, а с увеличением международной собственности строительных фирм открывается возможность международной торговли и вспомогательными услугами.

Торговля как обмен товарами и услугами между людьми, разделенными расстоянием, имеет длинную историю. Крупные торговые империи возникали периодически с тех пор, как стали возможны регулярные дальние путешествия. Но международная торговля, обмен товарами и услугами между различными нациями появились — по определению — только с возникновением национального государства. Торговля связана с усилением современного государства и ростом его благосостояния: государству нужны доходы, прежде всего для того, чтобы проводить военные операции — и торговля стала одним из самых доступных способов извлечения этих доходов. Основная цель этой главы — установить исторические

177

модели торговой глобализации и тем самым реализовать и усовершенствовать аналитическую схему, изложенную во Введении.

3.1.1 ПОНЯТИЯ

Торговая глобализация — это нечто большее, чем просто обмен товарами и услугами между отдельными хозяйственными субъектами, поскольку она предполагает наличие всемирных рынков товаров и услуг. Конечно, это не значит, что все страны торгуют друг с другом; скорее то, что существует система, посредством которой торговля между двумя любыми странами может оказывать воздействие на торговые отношения между остальными. Говоря точнее, торговая глобализация подразумевает такую степень развития межрегиональной торговли, что рынки продаваемых товаров функционируют скорее на глобальном, чем на внутрирегиональном уровне. Таким образом, глобальная торговля порождает отлаженную систему обмена товарами и услугами на межрегиональном уровне. Исходя именно из такого понимания глобальной торговли, мы в этой главе и попытаемся выяснить, было ли когда-нибудь в истории нечто подобное.

Несмотря на то, что для некоторых товаров глобальная система торговли существовала в течение столетий, и гиперглобалисты, и трансформисты расценивают современную эпоху как уникальную с точки зрения экстенсивности и интенсивности торговых отношений. Насколько современные потоки торговли соответствуют понятию торговой глобализации и в какой степени рынки товаров и услуг работают на глобальном уровне — именно это и есть ключевые вопросы, на которые должен быть дан ответ в ходе исследования. Но что это такое — глобальный рынок?

Для того чтобы можно было говорить о существовании глобального рынка, должна быть достигнута значительная степень развития регулируемого обмена товарами (или услугами) на межрегиональном уровне. Иностранные производители одного региона могут конкурировать с местными производителями из другого региона только там, где торговые барьеры — будь то затраты на транспортировку или протекционистская политика — по большей части устранены. По мере развития межрегиональной конкуренции спрос и предложение на рынке товаров постепенно выходят на глобальный уровень: фирмы предлагают свою продукцию по всему миру и неизбежно сталкиваются с конкуренцией фирм из других стран. Разумеется, эта конкуренция может принимать разные формы, так что глобальные рынки нередко оказываются не в условиях

свободной конкуренции, а в монопольном владении нескольких крупных производителей, доминирующих в том или ином торговом секторе.

Наиболее яркие примеры глобальных рынков — те рынки сырья, управление которыми физически сконцентрировано в нескольких местах, а то и в одном месте, например, основная масса сельскохозяйственных продуктов во всем мире продается через специальные централизованные биржи. Даже если значительная часть продуктов продается и покупается за пределами этих рынков, биржи выполняют функцию сбора и распространения информации о глобальном спросе и предложении и тем самым влияют на уровень мировых цен. Для некоторых видов сырья мировой рынок появился в эпоху классического золотого стандарта. Хотя глобальные сырьевые рынки, такие как рынок нефти в Роттердаме, ра-

178

ботают еще и сегодня, на их долю остается все меньший объем международной торговли. Следует к тому же отметить, что подобного рода рынки не всегда совершенны: некоторые из них периодически попадали в зависимость от международных торговых соглашений, другими становились объектом манипуляции главных производителей, третьи — вошли в состав международных картелей. Глобальные рынки готовых товаров (а впоследствии и продаваемых услуг) появились в послевоенный период в результате глубокого взаимопроникновения национальных рынков, что привело к возникновению многочисленных торговых связей (Perraton, 1999). Таким образом, многие национальные и местные фирмы удовлетворяют мировой спрос и вступают в конкуренцию с фирмами, находящимися в других странах и регионах.

3.1.2 ПОКАЗАТЕЛИ

Исходя из концептуальной схемы, изложенной во Введении, мы понимаем под *экстенсивностью* мировой торговли регулярные межконтинентальные потоки и сети торговых отношений. Данные о торговле между географическими блоками дают возможность судить о том, где и какая тенденция преобладает — тенденция к *регионализации* или же к *глобализации*. Регионализация понимается здесь как такая эволюция торговых рынков, в результате которой интенсивность торговых отношений между соседними странами, имеющими общую географическую границу, оказывается намного выше, чем интенсивность их торговых отношений с другими странами.

Интенсивность торговли — это показатель величины глобальной торговли. Она оценивается по соотношению объема мировой торговли к объему мировой продукции, хотя статистические данные об объемах последней весьма приблизительны. Отношение национальной торговли к объему валового национального продукта шести избранных нами стран представляет собой более точный и устойчивый показатель, позволяющий нарисовать подробную историческую картину развития торговли. Однако соотношение объемов торговли и валового национального продукта — это лишь один из основных показателей, поскольку относительно и того и другого объема нужно сделать две существенные оговорки¹. Во-первых, это соотношение отражает не только объем реализации товаров, являющихся объектом рыночной купли-продажи: в период послевоенного экономического роста ВВП рос во многом за счет роста нетоварных секторов экономики, таких как деятельность государства или услуги, не подлежащие ре-

1. Строго говоря, соотношение объема торговли и объема валового внутреннего продукта является не вполне точным, потому что объем торговли измеряется валовыми показателями, а ВВП — показатель, измеряющий лишь добавленную стоимость. Эта проблема очевиднее всего в тех случаях, когда импорт сырья заново экспортируется без какой-либо обработки, но здесь возникают другие сложности. Вместо использования показателей экспорта, следует подсчитывать объем импорта таким образом, чтобы можно было учесть внутреннюю добавленную стоимость товаров, изготовленных на экспорт. Точно так же, при подсчете объема импорта следует вычитать ту часть продукции, которая снова отправляется на экспорт или используется для производства экспортных товаров, так чтобы можно было установить чистый объем импорта, который покрывает объем товаров внутреннего производства, отправляемых на экспорт. На практике, производя все эти процедуры, следует учитывать структуру импорта-экспорта каждой страны — именно то, что составляет специфику экономики той или иной страны, даже если и не проявляется систематически.

179

ализации на товарных рынках (например, бытовые услуги — такие, как услуги парикмахера). Соответственно, мы исследуем также рост объема торговли в пропорции к *частному* ВВП (т. е. ВВП за вычетом государственных расходов) и учитываем имеющиеся данные о продажах услуг. Во-вторых, поскольку цены на рыночные товары растут по сравнению с непродаемыми товарами другими темпами, то соотношение объема торговли и ВВП оказывается разным во времени, если их оценивать в текущих ценах, так что мы предпочитаем производить оценку этих соотношений в постоянных ценах.

Не существует и простых показателей воздействия торговли на ВВП, поэтому их соотношение служит всего лишь отправной точкой для более качественной оценки. Например, промышленная

экономика с одним и тем же соотношением объема торговли и ВВП на стадии своего развития может легче приспосабливаться к колебаниям цен на рынке. Таким образом, существует различие в уровнях чувствительности и уязвимости по отношению к внешним факторам (см. Введение). В разные времена и в разных странах незначительные, по сравнению с общим уровнем дохода, изменения в торговле оказывали серьезное воздействие на благосостояние разных групп населения. Возможно, что чем меньше соотношение между объемом торговли и ВВП, тем сильнее влияние даже самых незначительных изменений: если из импорта страны изъять жизненно необходимые товары, которые сама она произвести не может, то соотношение торговли и ВВП снизится, но последствия даже небольшого разрыва между ними могут оказаться довольно серьезными. Например, хотя в 70—80-х гг. XX в. восточноевропейские страны имели небольшой торговый оборот, они должны были экспортировать свои товары на Запад, чтобы оплатить жизненно важный импорт, что было для них источником основных экономических трудностей. Поэтому необходимо проводить различия между статистическими, дистрибутивными и структурными воздействиями торговли.

Для того чтобы торговля оказывала существенное влияние на структуру экономики, она должна составлять довольно значительную долю продукции, развиваться за пределами национальной территории и стать составляющей экономического производства в целом. Глобализация торговли предполагает наличие глобальных рынков товаров и услуг, которые так трансформируют национальные экономики, что производство становится все более зависимым от мировой конкуренции. Национальные различия все еще влияют на то, что производит та или иная страна и как быстро растет ее производство, но национальная экономическая деятельность все более опутывается глобальными торговыми сетями. Дистрибутивное воздействие торговли на экономику заключается в том, что она делает одни группы богаче, а другие — беднее. Мы показываем, как внутренние дистрибутивные воздействия изменились под влиянием характера торговли.

Страны, связанные друг с другом торговлей, могут иметь разные уровни доходов, в то время как природа торговых рынков и доступ к ним тоже могут быть довольно разными. Гиперглобалисты и скептики предполагают, что торговля ведет либо к глобальному выравниванию уровней доходов, либо к увеличению международного неравенства. Мы исследовали и меняющиеся образцы *стратификации* международной торговли и установили, что на самом деле все обстоит гораздо сложнее, чем предполагают и те и другие.

Развитие транспортных *инфраструктур* значительно облегчило развитие тор-

180

говли. Более того, трудности, связанные с охраной прав собственности, в конце концов были преодолены подписанием на официальном уровне целого ряда соглашений об условиях торговли. Глобальные торговые сети и рынки возникали в разные времена и принимали разнообразные исторические формы. Кроме того, торговые отношения *институционализировались* по мере появления глобальных юридических структур, регулирующих торговую политику отдельных стран и фирм.

3.2 РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Торговля между континентами происходила еще во времена глубокой древности (Sabloff and Lamberg-Karlovsky, 1975)- Древняя Месопотамия в III тыс. до Р. Х. импортировала сырье; торговля между Вавилоном и Индией имела место еще в 800 г. до Р. Х., а древнегреческая цивилизация Восточного Средиземноморья с V в. до н. э. имела торговые связи как с Востоком, так и с Западом (Curtin, 1984; Bentley, 1993; R- P- Clark, 1997)- Протяженность торговых связей всегда ограничивалась в древности географическими препятствиями и недостатком знаний о том, что находится за пределами известных территорий, а также возможностями сухопутных и морских транспортных средств. Не удивительно, что Австралия и Америка остались за пределами Евразийских и Африканских торговых сетей. В связи с тем, что в Америке не было достаточно крупных домашних животных и не развивались колесные транспортные средства, торговля на континенте была ограничена. Несмотря на то, что Центральноамериканская цивилизация обладала большим опытом в деле дорожного строительства, создала наследственный класс носильщиков и разветвленную речную транспортную сеть, товары по которой перевозились на каноэ, этого было недостаточно для расширения их торговой сети за пределы современной Мексики (Hassiz, 1985). Американские

цивилизации доколумбовой эпохи оставались, по большей части, совершенно изолированными друг от друга мирами.

В Евразии одомашнивание животных и создание упряжи для использования их в качестве рабочей силы, дорожное строительство, обеспечение безопасности в пределах империи и усовершенствование транспортных средств, а также картография и способы навигации обеспечили возможность межконтинентальной и межрегиональной торговли. Около 300 г. до Р. Х. греческие торговцы имели контакты с Северной Индией через Аравию, а между Индией и Китаем развивались торговые отношения. Когда Китайская династия Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) взяла под свой контроль земли между Гималаями и Степью, был открыт Восточно-Западный евразийский торговый коридор, имеющий очень важное значение (Yü, 1997)- Великий шелковый путь — именно под таким названием он известен — был сложным сплетением сухопутных и морских путей, связавших Римскую империю на Западе с Китайской империей Хань на Востоке посредством Анатолии, Месопотамии и Персии, а также торговых путей к северу и к югу от пустыни Тал-киман, и в самом Китае. От этого коридора ответвлялись другие торговые пути, связывавшие Северную Индию, Юго-Восточную Азию, Россию и Аравию. На любом конце этого маршрута существовали местные торговые сети, связывающие периферийные регионы Европы, Японии и Кореи с Великим шелковым путем.

Этот маршрут был чрезвычайно важен для торговли почти исключительно драгоценными металлами и предметами роскоши. Он процветал до падения Западной Римской империи и Империи Хань. Торговля осуществлялась в течение четырех столетий, начавшись в 1000 г. н. э. и достигнув своего расцвета в период между 1000 и 1350 гг. Как заключает Дж. Ден, «китайская торговля на дальние расстояния положила начало системе международного обмена... и фактически... означает существование в средневековой Азии системы торговли, центр которой находился в Китае» (Deng, 1997) •

В течение того же периода активно функционировали морские торговые пути между странами «Плодородного полумесяца» и Аравией, между прибрежными городами Индии, африканскими королевствами и арабскими транзитными портами на восточном побережье Африки. В XIV — нач. XV вв. торговые пути связали исламские страны непосредственно с самим Китаем, способствовали развитию торговли между Европой, Азией и Африкой (Abu-Lughod, 1989; Chaudhuri, 1985; Snow, 1988).

Когда европейские страны, начиная с XVI в., стали расширять свое влияние в Азии, между двумя континентами были установлены более широкие торговые связи, благодаря посредничеству имперских торговых компаний. В течение этого периода Европа постоянно испытывала платежный дефицит в торговле с Азией, покрывая его золотыми и серебряными потоками из Америки, поступающими в Европу после завоевания испанцами «Нового Света». В течение XVII—XVIII вв. существовала атлантическая система торговли — рабский треугольник — между Вест-Индией, Европой и Африкой (см. гл. 6). Хотя торговые отношения этой системы редко расширялись до такой степени, чтобы охватить собою и Азию, почти четверть британского экспорта в Африку производилась в Индии (Findlay, 1990)-Можно в этом смысле утверждать, что система мировой торговли возникла на рубеже XVI в. (Braudel, 1984; A. Smith, 1991)- Торговля на дальние расстояния особенно интенсивно происходила между перевалочными пунктами, расположенными вдоль морских и караванных путей. Главные торговые города, такие как Венеция, были также центрами региональной торговли и стремительно развивающимися связующими звеньями внутренних рынков. В Европе регулярно устраиваемые в разных местах ярмарки поддерживали рынки, торгующие местными, региональными и даже неевропейскими товарами (Braudel, 1982). Между континентами преобладала торговля предметами роскоши, хотя для того, чтобы морская торговля с Азией приносила наибольший доход, необходимо было перевозить смешанный груз: предметы роскоши и товары широкого потребления (Chaudhuri, 1985> ch. 9). В Европе торговля возрастала по мере того, как балтийские страны снабжали остальную часть континента зерном, тканями и железом. Что касается торговли между континентами, то драгоценные металлы Америки покрывали часть дефицита Европы, образующегося в результате ее торговли с балтийскими странами. Технологические инновации, усовершенствованная навигация и лучшая организация торговли снизили транспортные затраты и способствовали тому, что выгоднее стало торговать большим ассортиментом товаров.

Регулярная торговля нуждается в определенных структурах, гарантирующих право собственности

при заключении сделок. Перевалочные пункты были «своими» для торговых сообществ, которые традиционно организовывали торгов-

182

лю. Торговцы высказывали различные суждения относительно настоящих и будущих рыночных отношений, приходя к какому-то единству мнений по поводу цен на предметы потребления в различных областях. Они полагались на обширные, но не очень прочные связи с другими торговыми городами, давая им возможность торговать несмотря на границы. Для финансирования этой торговли развивались и банковские системы (см. гл. 4)- Торговые суды рассматривали споры между торговцами. Когда появились законы о торговле (*lex mercatoria*), возникла международная юридическая система обеспечения торговли.

В течение этого периода торговля играла существенную роль в процессе роста и развития городов и формирования современного государства. Не говоря уже о тех торговых городах, которые существовали в течение столетий, рост и процветание других городов, за исключением городов Китая и Японии с их сравнительно закрытой экономикой, часто оказывался связан с развитием торговли. Развитие экономической динамики в этих городах зависело от их промышленного и торгового процветания. Торговля по своей природе, как правило, увеличивала экстенсивность и интенсивность рыночных отношений между различными регионами. С появлением абсолютистского государства в Европе (см. гл. i) правительство стало играть активную роль в деле взимания налогов с торговли и в то же время поощряло деятельность своих собственных торговцев и оказывало им покровительство. Торговля стала основным источником дохода, за счет которого покрывались военные затраты.

Протекционизм появился в конце XVII в. не просто потому, что это был удобный способ увеличения государственных доходов, но и потому, что меркантилистские доктрины получили политическое господство (Magnusson, 1994)- Меркантилизм исходил из убеждения, что государство якобы могло увеличивать свое богатство, продавая больше, чем покупая, и постоянно накапливая драгоценные металлы. Торговля, таким образом, представлялась как игра с нулевой суммой: потери одного государства оборачивались выгодой для другого. Это не была чисто анти-торговая стратегия, — скорее стремление максимизировать экспорт и минимизировать импорт, развивая промышленность внутри страны и одновременно с этим ограничивая импорт.

Не удивительно, что *интенсивность* торговли и ее *воздействие* на экономику в течение этого периода носили ограниченный характер. В начале XIX в. мировой экспорт, согласно подсчетам С. Кузнец (Kuznets, 1967), составлял всего лишь 1—2% от мирового валового национального продукта, что опровергает представление, согласно которому сложившаяся капиталистическая мировая экономика появилась в XVI в. в связи с развитием торговли (Wallerstein, 1974> 1980). Хотя Абу-Лугход указывает на то, что есть свидетельства о том, что еще в XII в. торговля влияла на производство основных европейских стран, это влияние было в значительной степени ограничено товарами, которые не производились в Европе, и поэтому торговля ими не вызывала непосредственной конкуренции (Abu-Lughod, 1989)- В этом отношении, если отвлечься от развития экспорта, основанного на труде рабов в Америке и странах Карибского моря, межконтинентальная торговля в этот период не привела к специализации в области производства: трудовая деятельность и производимая продукция по-прежнему носили в основном сельскохозяйственный характер. Таким образом, торговля еще не была тем единственным фактором, который сам по себе мог создавать неравенство меж-

183

ду странами и регионами, о чем свидетельствует тот факт, что некоторые регионы, которые впоследствии оказались на периферии мировой экономики, в этот период процветали благодаря торговле. Как отмечает Ф. Фернандес-Арместо, до XVIII в. Индия и Китай опережали Европу по уровню производства и экономических возможностей (Fernandez-Armesto, 1995)- Торговля была необходима для экономического процветания главных торговых городов, которые составляли мировую факторию, но воздействие торговли на экономическую деятельность было ограничено.

3.3 ОТ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Внешняя торговля играла второстепенную роль во время промышленной революции в Англии. Политический и интеллектуальный климат радикально изменился после того, как идеи меркантилизма были постепенно вытеснены под влиянием опубликованного в 1776 г. трактата Адама Смита «Богатство народов» (и последующих трактатов), в которых показаны большие перспективы для получения обоюдной прибыли от свободной торговли. Триумф фритредеров и эпоха свободной торговли в Англии начинается с середины XIX в., с отмены в 1846 г. «хлебных

законов» (которые устанавливали тарифы на импортируемое зерно), с отмены в 1849 г. Навигационных Актов и подписания англо-французского торгового соглашения в 1860 г. Желание других стран участвовать в торговле удовлетворялось подписанием двусторонних соглашений, что способствовало росту торговли и аналогичному снижению уровня протекционизма. Хотя тарифы остались в общем высокими, фундаментальное изменение было ознаменовано почти повсеместным установлением режима наибольшего благоприятствования (most favoured nation — MFN) (Bairoch, 1989).

Режим наибольшего благоприятствования подразумевает, что торговые льготы, которые какое-нибудь государство предоставляет своему наиболее благо-приятствуемому торговому партнеру, в равной степени предоставляются и всем другим странам, чтобы торговая политика между странами не носила дискриминационного характера. Эффект режима наибольшего благоприятствования следующий: если одна страна договаривается с одним из своих партнеров о снижении тарифа, то эта договоренность применяется ко всем другим его торговым партнерам. В конце XIX в., когда граничащие между собой страны и давнишние торговые партнеры заключали друг с другом договора о снижении тарифов, применение принципа наибольшего благоприятствования подразумевало, что выгоды от таких снижений носят гораздо более широкий характер, способствуя снижению уровня тарифов вообще. Хотя степень протекционизма была разной, после 1814 г. она в целом снизилась в результате заключения нескольких крупных торговых соглашений, особенно в период между 1860 и 1879 гг.

По сравнению с довольно низким и устойчивым уровнем начала XIX в. объем торговли выросал приблизительно на 2,3% ежегодно в период с 1820 по 1850 гг., а затем его рост составил приблизительно 5% в период с 1850 по 1870 гг. (Rogowski, 1989). Хотя точных данных о росте мирового дохода не существует, на протяжении всего XIX в. объем торговли возрастал быстрее, чем мировой доход (Kuznets, 1967; Rogowski, 1989) ch. 2). Для западных государств экспорт вырос приблизительно-

184

но до 5% от валового национального продукта к середине века и до 10% к 1880 г, (Krugman, 1995)- Расширение торговли в связи с прекращением протекционистской политики и уменьшением транспортных затрат было подкреплено Промышленной революцией и усовершенствованием коммуникационных инфраструктур.

3.3.1 МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В ПЕРИОД КЛАССИЧЕСКОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА, 1870—1914 ГГ.

Расширение торговли с конца XIX в. до начала Первой мировой войны было отчасти следствием индустриализации. Появление паровозов и пароходов значительно улучшило транспортное сообщение между странами. Зарубежные инвестиции и приобретение технологии позволили странам за пределами Великобритании произвести индустриализацию и, таким образом, выйти на международные рынки. Индустриализация привела к увеличению спроса на сырье. Это создавало условия для расширения торговых отношений, так как все большее число стран и колоний нуждалось в поставках сырья. Впервые за все время стала выгодной массовая торговля товарами первой необходимости, а не только предметами роскоши. Число стран, участвующих в торговле, стремительно увеличивалось: к 1913 г. было зарегистрировано 155 стран-участниц международной торговли, тогда как в начале XIX в. их число было, вероятно, в два раза меньше (Kuznets, 1967)- Таким образом, широкая международная система торговли стала реальностью к началу XX в.

Расширение торговых отношений было связано и с увеличением интенсивности торговли. Развивающиеся страны использовали свои доходы от экспорта сырья для того, чтобы покупать изделия у промышленно-развитых стран, а те, в свою очередь, стремились выйти на новые рынки. Такова была модель торговой стратификации перед Второй мировой войной, когда объем торговли между развитыми и развивающимися странами составлял почти половину всего объема мировой торговли (таблица 3-1). В эпоху классического золотого стандарта и в период между мировыми войнами сырье — особенно продовольствие и полезные ископаемые — составляло большую часть всей мировой торговли, тогда как товары промышленного производства — менее 40% (Yates, 1959; Kuznets, 1967).

Золотой стандарт, установленный в 70-х гг. XIX в., гарантировал стабильную международную систему платежей, зафиксировав цены основных мировых валют в золоте. Интенсивность торговли в период с 1870 по 1914 гг. возрастала на 3,5% в год, а рост мирового производства составлял около 2,7% (Kitson and Michie, 1995)- С. Кузнец считает, что к началу

Первой мировой войны мировой экспорт составлял 16—17% от мирового дохода (Kuznets, 1967)²- Более современные оценки говорят о том, что это число ниже — в пределах 12%, причем предполагается, что рост торговли относительно производства продукции замедлился в годы Первой мировой войны (Krugman, 1995)- Эти оценки более совместимы с другими процессами того времени.

2. Такие оценки рожают слишком смелые предположения о размерах мировой торговли и доходах, следовательно, они имеют большую погрешность. Это отношение чересчур завышено, при этом недооценивается величина ВВП, так как многие непроданные товары остались неучтенными.

185

Таблица 3.1 Направление мировой торговли 1876—1928 (в процентах)

	Между развитыми странами	Между развивающимися странами	Между и развивающимися странами
1876 1913	45,0 43,0 40,0	51,0	4,0 52,0
1928		5,0 49,0	11,0

Источник: Kuznets, 1967

Транспортные затраты на перевозку грузов морем уменьшились наполовину с середины 70-х до начала 1900-х гг., а затем начали снова повышаться перед Первой мировой войной (Isserlis, 1938)- Уровни тарифной защиты колебались в течение 1879—1892 гг. и выросли перед Первой мировой войной так, что снова появилась дискриминационная защита, а некоторые страны отказались от практики предоставления статуса «наибольшего благоприятствования» (Baigoch, 1989). Это было возвращение к протекционизму: немецкий экономист Фридрих Лист (1789—1846) писал о том, что необходимо защищать отрасли промышленности, пока они не разовьются до уровня наиболее развитых стран. Несколько ведущих стран приняли протекционистскую политику. Однако мировая система торговли в течение этого периода была такова, что мировое производство в значительной степени было предметом торгового обмена.

С ростом торговли внутренние рынки становились все более связанными друг с другом, кроме того, появились мировые рынки, в частности для некоторых сырьевых товаров типа риса и пшеницы. В больших объемах этими товарами торговали в определенных центрах Европы и США, регулируя мировые цены (Latham, 1986). Существовала обширная межконтинентальная торговля между развитыми и развивающимися областями и между Европой и Северной Америкой. Хотя К. О'Рурк и Дж. Вильямсон указывают на выравнивание цен на основные товары, большинство же других товаров еще не вышло на мировой рынок (O'Rourke and Williamson, 1994)- Кроме того, торговля между континентами следовала за существующими системами предпочтения империй и их сфер влияния. Торговые потоки часто концентрировались между странами, которые заключили торговые соглашения (Irwin, 1993)- Эти торговые связи расширялись для того, чтобы включить в себя большее количество стран, но их ограниченная географическая досягаемость предполагала торговлю между группами стран, а не создание подлинно мировых рынков.

Интенсивность торговли среди развивающихся стран значительно повысилась в течение этого периода. Развивающиеся страны сильно различались между собой по уровню внешней торговли: от практической автаркии до превращения их в «платформы для экспорта» — базу для производства зарубежными фирмами продукции на экспорт в третьи страны. Среди стран Латинской Америки экспорт повысился приблизительно с ю до 18% ВВП за период с 1860 по 1900 гг., в то время как среди стран Азии экспорт были намного ниже: он вырос с 1 до 5% ВВП в течение того же периода (Hanson, 1980). Большинство африканских стран, вероятно, находятся где-то между ними. Экспорт развивающихся стран — это легко добы-

186

Таблица 3-2 Тарифные уровни (%), 1820 — 1931

Таблица 3-2 Тарифные уровни (%), 1820 — 1931					
1820'	1875"		1913	1926	1931
Франция	^Ь	12—15	18	12	38,0
Германия	8 — 12	4 — 6	12	12	40,7
Япония	^Ь	5	20	16	24,0
Швеция	^Ь	3 — 5	16	13	26,8

Великобритания	45 — 55	0	0	4	10,0 ^c
США	35—45	40—50	33	29	53,0

• только товары промышленного производства

^b большие ограничения на торговлю

^c1932

Источники: Bairoch, 1989; Panic, 1988, p. 149 — 5¹; 1988, 25; Minami, 1994, ch. 7
Pomfret, р.

ваемые полезные ископаемые или продукты сельского хозяйства. Большинство развивающихся стран имеют низкие экспортные уровни; в некоторых из них экспортный сектор представляет собой анклав, мало связанный с остальной экономикой. Действительно, связь между экспортной деятельностью и национальной экономикой весьма разнообразна (Morris and Adelman, 1988, ch. 3, 6). Таким образом, хотя к началу Первой мировой войны торговали многие страны, большинство из них не было полностью включено в международную систему торговли.

Никакого институционализированного международного режима торговли в течение этого периода не было. Международная торговая дипломатия сводилась в основном к двусторонним переговорам и применению формальных юридических мер. Однако расширение торговли вынуждало согласовывать стандарты и правила торговли. Международные соглашения заключались таким образом, чтобы общие стандарты и методы торговли развивались на международном уровне (Murphy, 1994² гл. 2—4). Иногда эти соглашения принимались правительствами, но чаще всего они возникали по частной инициативе. Кроме того, принимались международные меры по регулированию и расширению международных транспортных и коммуникационных инфраструктур, что имеет существенное значение для ведения торговли. Относительная независимость этих институтов от национальных правительств способствовала тому, что они продолжали функционировать и после Первой мировой войны.

3.3.2 ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: СВЕРТЫВАНИЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Многие торговые связи, прерванные Первой мировой войной, оказались невосстановимыми. С 1913 г. до краха в 1929 г. объем мировой торговли вырос на 2,2% в год, в то время как тарифы оставались на предвоенном уровне (Kitson and Michie, 1995). После краха 1929 г. протекционизм стал широко распространяться, поскольку страны подняли торговые барьеры и отказались от практики предоставления статуса наибольшего благоприятствования в пользу дискриминационных мер. Тарифы и другие барьеры наращивались, так как страны старались свалить затраты друг на друга. Торговля резко упала после 1929 г.: в период с 1929 по 1937 гг. ее объем сокращался по 0,4% в год. Мировая продукция также росла мед-

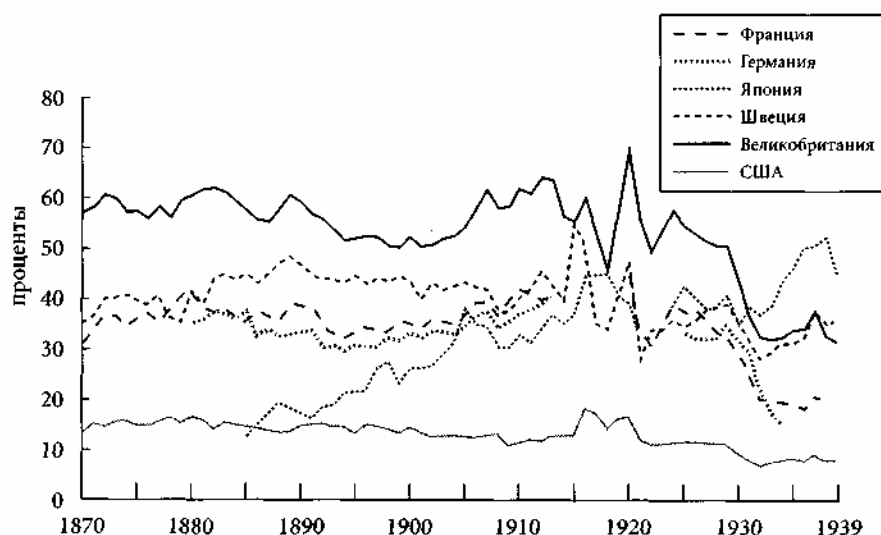

Диаграмма 3,1 Торговля в процентах к ВВП шести стран, 1870—1939 (источники: для Франции — Mitchell, 1992; Levy-Leboyer and Bourguignon, 1990; для Германии — Mitchell, 1992; для Японии — Ohkawa and Shinohara, 1979; для Швеции — Johansson, 1967; для Великобритании — Feinstein, 1972; для США — Mitchell, 1983)

ленно — 0,8% в год в течение всего этого периода (Kitson and Michie, 1995). Падение уровня торговли усиливало спад экономической активности. Когда рост возобновлялся, это было прежде всего результатом усилий внутри той или иной страны. Особенно сильно пострадали экспортеры товаров первой необходимости. Так же, как рост производства увеличивал спрос на эти предметы

потребления, так, в свою очередь, спад и протекционизм вели к понижению спроса а, следовательно, и цен. Падение цен способствовало расширению поставок, чтобы производитель мог получать какие-то доходы и при дальнейшем падении цен.

Там, где страны уменьшали тарифы, торговля восстанавливалась. Часто это были внутрирегиональные или внутриимперские меры для оживления торговли, хотя даже и империи иногда увеличивали защиту, поднимая барьеры против других стран и сокращая при этом барьеры внутренние (Pomfret, 1988, ch. 2; Eichengreen and Irwin, 1995). Появление изолированных имперских или региональных блоков полностью изменило тенденции мировой торговой системы. Мы можем рассмотреть эти процессы более подробно на примере шести выбранных нами стран. Этот метод является более надежным, чем использование глобальных данных, так как здесь нет необходимости оценивать объемы мировой экономики. Тенденции защиты, приведенные в таблице 3-2, совместимы с общей картиной тарифных уровней, снижающихся до /о-х гг. XIX в., а потом повышающихся до 1929 г. (за исключением Англии). При использовании ежегодных данных мы можем проследить тенденции как в экспорте, так и в других видах торговли (стоимость которой подсчитывается нами как стоимость экспорта плюс импорт) относительно национального дохода как индикатора интенсивности торговых отношений для этих стран. Так как деятельность правительства была

188

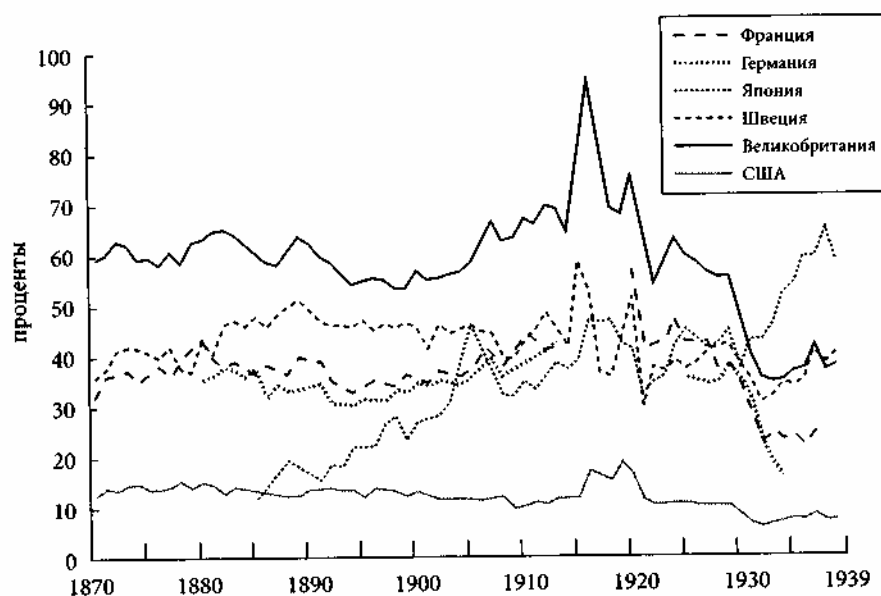

Диаграмма 3.2 Торговля в процентах к внутреннему ВВП шести стран, 1870—1939 (источники: те же, что для диаграммы 3-1)

направлена против торговли, важно также исследовать торговые уровни относительно частной национальной экономической деятельности.

В эпоху классического золотого стандарта Англия имела самый высокий уровень торговли по отношению к национальному доходу среди развитых стран. Британское индустриальное превосходство и доступ к обширным колониальным территориям обеспечили экспортерам готовые рынки. Экспорт товаров и услуг составлял 30% ВВП и, как изображено на диаграмме зл, объем торговли достигал почти 60% ВВП. Объем экспорта составлял 25—33% от внутреннего ВВП (см. диаграмму 3-2). Первоначально Англия поддерживала эти уровни торговли и после Первой мировой войны, но в 20-х гг. они снизились, поскольку экспортный рост замедлился, а затем потерпел крах в 30-х гг. Защита тарифов была повторно установлена в 20-х гг. и увеличена в 30-х гг. К началу Второй мировой войны Британская экономика стала плохо ориентироваться на внутреннем и мировом рынке и столкнулась с увеличивающейся конкуренцией.

Французская торговля значительно выросла относительно дохода после 1860 г. (см. диаграмму 3,1). Уровень торговли во Франции был высоким согласно стандартам развитых стран XIX в. Тарифы повысились в 80-х и 90-х гг. XIX в., а затем снова упали в первой половине XX в. В период классического золотого стандарта экспорт составлял около 15% ВВП, в то время как торговля по отношению к частному ВВП была выше (см. диаграмму 3.2). После Первой мировой войны уровень торговли относительно ВВП восстановился достаточно быстро, а к середине 20-х гг. был достигнут уровень периода золотого стандарта. Впоследствии он снизился в связи с

экономической депрессией конца 20-х гг. и сошел до нуля после 1929 г.

В 70-х гг. XIX в. в Германии был один из самых либеральных торговых режимов

в мире. Он полностью изменился в 80-х гг., поскольку доля торговли относительно ВВП снизилась, что, как показывают диаграммы 3-1 и 3-2, привело к сокращению и ее объема. Начиная с 90-х гг. экспорт возрастает не только в связи с развитием немецкой промышленности, но также благодаря агрессивной экспортной политике. Этот новый протекционизм был попыткой гарантировать национальную самостоятельность в сельском хозяйстве и строить индустриальную базу в обход тарифных барьеров. Гиперинфляция в начале 20-х гг. XX в. серьезно подорвала торговлю, так что даже в конце 20-х гг. ее объем относительно ВВП был все еще ниже, чем в период золотого стандарта. Уровень торговли резко снизился в 30-е гг. в результате общего упадка мировой торговли, а также протекционистской политики нацистов.

В США в начале XIX в. был относительно высокий уровень соотношения торговли и ВВП, сопоставимый с Британским, но, как показывают диаграммы 3,1 и 3-2, уровень торговли резко снизился с началом Гражданской войны, и экспорт в период классического золотого стандарта так и остался ниже 10% ВВП, в то время как торговля составляла приблизительно 15% от ВВП. В течение всего этого периода торговля продолжала играть важную роль, и американский экспорт возрастал в соответствии с национальным доходом. Эта ситуация сохранилась и после Первой мировой войны. Экспорт продолжал расти, и в итоге США стали всемирно признанной торговой державой, но уровень торговли (по отношению к ВВП) упал в начале 20-х гг., так как рост дохода превысил рост торговли. В начале 30-х гг. торговля фактически продолжала снижаться. В 1929 г. было принято решение увеличить тарифы, что стало началом протекционистской политики 30-х гг.

Как показывает диаграмма 3,1, уровень торговли Японии устойчиво повышался. В 80-х гг. XIX в. ее уровень был незначительным. Накануне Первой мировой войны экспорт товаров и услуг уже составлял 10%, а вся торговля — более 20% ВВП. В 1899 г. Япония утвердила тарифную автономию и до 1911 г. несколько раз повышала тарифы, используя протекционизм как стратегию для развития промышленности внутри страны. После Первой мировой войны уровень торговли упал, но затем, в конце 20-х гг. XX в., поднялся до предвоенного уровня и продолжал повышаться в 30-х гг., приблизительно до 25% ВВП (если учитывать только экспорт) или более чем до 50% внутреннего ВВП (см. диаграмму 3.2). Рост торговли Японии в 30-х гг. можно объяснить изменениями как в структуре и географии ее торговли, так и изначальной девальвацией (Minarni, 1994> ch. 7)– Японский экспорт быстро рос в 30-е гг. в результате ее экспансии в сферу «Великой Сопроцв-тающей Восточной Азии».

В Швеции уровень соотношения торговли и ВВП в эпоху классического золотого стандарта был около 40% — выше, чем в любой другой стране, за исключением Англии. Как показывают диаграммы 3,1 и 3.2, уровень соотношения торговли и ВВП быстро повышался в 60-е и в начале 70-х гг. XIX в., а затем объем экспорта товаров и услуг колебался вокруг средней отметки в 20% ВВП, в то время как уровень соотношения торговли и ВВП в два раза превысил уровень эпохи золотого стандарта. К концу 20-х гг. уровень соотношения торговли и ВВП в Швеции достиг той отметки, на какой он был до Первой мировой войны, и хотя объем ее торговли в начале 30-х гг. сократился, это отчасти покрывалось тем, что в конце 30-х гг. соотношение торговли и ВВП было сопоставимо с уровнем 60-х гг. Высокие уровни торговли Швеции не являются следствием низких

уровней про-

тектионизма — в 90-х гг. XIX в. она повысила тарифы до размера, который был слишком высок для менее крупных европейских стран (Bairoch, 1989)–

3.3.3 ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТОРГОВЛИ

В течение XVIII — начала XIX вв. уровень развития торговли был еще слишком низким, чтобы играть заметную роль в экономическом развитии торгующих стран. Кроме того, даже в эпоху золотого стандарта шли споры о том, в какой мере торговля является причиной, а в какой — следствием быстрого экономического роста. Торговля обеспечивала большие рынки и дешевый импорт сырья. Тот факт, что депрессия 30-х гг. XX в. отразилась на всей мировой экономике, показывает как глобальный масштаб, так и экономическую роль системы торговли.

Для шести вышеупомянутых стран торговля была вторичным фактором в национальном экономическом росте в течение 1870—1939 гг. Даже в Великобритании высокий уровень торговли был результатом скорее успешного экономического развития, чем ее главенствующего положения

в мире. В Швеции рост экспорта был обусловлен экспортом природных ресурсов. Растущая интенсивность торговли способствовала развитию национальных рынков (Schon, 1986). Спрос на экспортируемое сырье был главным источником роста для многих развивающихся стран, богатых природными ресурсами, и для более развитых стран, таких как Австралия, Канада, Аргентина и Южная Африка. Спрос на их товары связан с развитием отраслей обрабатывающей промышленности. Правительства использовали экспортные доходы для развития инфраструктуры. Однако, хотя есть примеры успешного развития экспорта в период классического золотого стандарта, высокий уровень торговли не был ни необходим, ни достаточен для роста. Моррис и Адельман считают, что положительное воздействие торговли на экономику развивающихся стран зависело от того, были ли их внутренние рыночные структуры достаточно продвинуты, чтобы реализовать доходы от торговли и направить их на нужды народного хозяйства (Morris and Adelman, 1988, ch. 3, 6). Торговля нередко стимулировала развитие рыночных отношений, но это никогда не происходило автоматически.

Торговля, однако, была существенной детерминантой доходов различных отраслей экономики той или иной страны и в конечном счете имела решающее воздействие на внутреннюю политику. Падение защитных барьеров и транспортные затраты привели к необходимости договариваться о ценах на товары, продаваемые различными странами, таким образом, страны стали специализироваться в тех отраслях, где они были конкурентоспособны. Так появился образец торговой стратификации: страны, богатые природными ресурсами, расширили экспорт сырьевой продукции, в то время как индустриальные страны специализировались в производстве. Это международное разделение труда сильно повлияло на благосостояние различных секторов и групп в индустриальных и развивающихся странах. Согласно предсказаниям стандартной теории торговли (см. врезку 3,1), по мере того как страны будут становиться более открытыми для торговли, уровень прибыли на различные факторы производства будет выравниваться. Недавние исследования подтверждают, что вследствие развития торговли уровни заработной платы, арендной платы и норм прибыли в течение периода классического золотого стандарта в разных странах сбли-

Врезка 3.1 Открытость для торговли: экономические и дистрибутивные последствия

Стандартная экономическая теория торговли делает ряд предположений. Как только страна открывается для свободной торговли, цены ее ходовых товаров начинают отражать скорее мировые цены, чем внутренние (с поправкой на курс национальной валюты). Мировые цены отражают относительные затраты для производства ходовых товаров скорее на глобальном рынке, чем в национальной экономике. В зависимости от структуры относительных затрат каждой стране выгодно расширять производство некоторых товаров, в то время как внутреннее производство других товаров, которые за границей стоят дешевле, заменяется импортом. Таким образом, открытие страны для торговли ведет к увеличению производства ходовых товаров, если страна имеет здесь *сравнительное (конкурентное) преимущество*, и падению производства, иногда до нуля, там, где имеются какие-либо неблагоприятные для производства обстоятельства. Что определяет относительные затраты производства в стране и, соответственно, ее конкурентное преимущество? Согласно учебнику (Heckscher-Ohlin), определяющим фактором является наличие всего необходимого для процесса производства, т. е. прежде всего рабочей силы (различной квалификации) и капитала, кроме того, наличие избыточных факторов (или избыточного фактора), которые являются относительно дешевыми. Открытие для торговли ведет к тому, что каждая страна начинает специализироваться на тех товарах, в производстве которых интенсивно используется избыточный фактор, с учетом его относительной дешевизны для производства внутри страны, и ввозятся импортные товары, для производства которых необходимо было бы использовать дефицитный фактор, делающий их для страны относительно дорогими. Поэтому открытость страны для торговли влияет на распределение дохода между землей, трудом и капиталом. Согласно теореме Столпера-Самюэльсона, открытость для торговли увеличивает доходность избыточных факторов и уменьшает стоимость дефицитных факторов. Нетрудно заметить, что, поскольку торговля увеличивает спрос на изделия, которые используют избыточный фактор, и уменьшает спрос на товары, которые используют дефицитный фактор, можно было бы увеличить спрос на избыточный фактор, увеличивая его прибыльность, и уменьшить спрос на дефицитный фактор, уменьшая его прибыльность. Доход страны будет все еще повышаться благодаря прибыли от торговли, но распределение такой прибыли будет неравномерным. В принципе, получившие выгоду (акции с повышающимся курсом) могли бы полностью компенсировать проигравшим их потери и все равно остаться с прибылью, но для этого потребовалось бы государственное вмешательство. Однако при благоприятных условиях величина эффекта воздействия на распределение дохода будет в несколько раз больше, чем размер выгоды от торговли. Кроме того, согласно теореме уравнивания стоимости факторов, при некоторых условиях прибыльность различных факторов производства, таких как арендная плата за землю, уровень заработной платы и норма прибыли на капитал, выравнивается во всем мире. Нетрудно заметить, что торговля будет увеличивать в каждой стране прибыльность ее избыточных факторов, а факторов дефицитных — снижать. Так как избыточный фактор сравнительно дешевый, а дефицитный фактор — дорогой, то подразумевается, что стоимость факторов повышается там, где прежде они были сравнительно дешевыми, и падает там, где прежде они были сравнительно дорогими, таким образом, будет наблюдаться тенденция к глобальному выравниванию. Теоретически заработная плата или норма прибыли на капитал будет выравниваться во всем мире, если рабочая сила или капитал имеют возможность свободно перемещаться из стран с низкой заработной платой или нормой прибыли в страны с высокой заработной платой или нормой прибыли, но выравнивание стоимости факторов международной торговлей указывает на то, что это может происходить и без такой подвижности факторов производства. Однако уравнивание стоимости факторов опирается на целый ряд предположений и в отсутствии всех необходимых условий выглядит скорее как тенденция к сглаживанию международных различий в стоимости факторов, нежели как реальное полное выравнивание.

жались (O'Rourke and Williamson, 1994; O'Rourke et al, 1996). Торговля, объединенная с миграцией и международными потоками капитала, привела к существенному уменьшению различий в заработной плате между странами, поскольку они стали подчиняться глобальному конкурентному давлению (Williamson, 1995)- Вследствие увеличения торговли сельскохозяйственной продукцией снизилась стоимость продовольствия, что и явилось главным источником увеличения реальной заработной платы. Таким образом, в то время как доходы наиболее успешных американских фермеров повышались, во многих европейских странах было длительное снижение производства сельскохозяйственной продукции, поскольку стали доступными более дешевые сельскохозяйственные товары из США³. Тенденция к международным договоренностям прекратилась во время войны, поскольку протекционизм усилился, а заработная плата, прибыль и арендная плата претерпевали

изменения во всем мире в конце 30-х гг. XX в. В европейских странах с избыточными трудовыми ресурсами реальная заработная плата упала, в то время как богатые землей США испытали серьезную сельскохозяйственную депрессию.

3.3.4 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ: ОТ ЭПОХИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА ДО ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

В период с 1870 по 1939 гг. рынки основных товаров начали приобретать глобальное значение, и, в отличие от более ранних периодов, эта тенденция привела к специализации стран, поскольку национальные модели производства начали испытывать все большее влияние мировой конкуренции. В результате уровень дохода все более подчинялся глобальным рыночным отношениям, что оказывало серьезное влияние на внутреннюю политику. Группы, которые выигрывали от свободной торговли, активно выступали в ее защиту, группы, терпевшие от нее потери, организовывались в поддержку протекционизма (Rogowski, 1989). Но эти тенденции значительно ослабли после Первой мировой войны, а в 30 гг. исчезли совсем.

Хотя экстенсивное измерение торговли на протяжении этого периода росло, так что в конце концов торговля охватила большую часть мира, для большинства товаров торговля имела географические ограничения. Кроме того, большинство стран сохраняло определенные защитные барьеры даже в период классического золотого стандарта. Все это ограничивало развитие глобальных рынков, а также частично изолировало экономики разных стран от воздействия торговли. *Интенсивность* торговли сильно варьируется. Для развитых стран доля торговли в их национальном доходе выросла от небольшой до весьма значительной. Для многих других стран торговля носила ограниченный характер и практически не

3. В странах с избыточными трудовыми ресурсами заработная плата повысилась относительно арендной платы, в странах же, где много земли, арендная плата повысилась относительно заработной. Это соотношение в период с 1870 по 1910 гг. удвоилось во Франции, более чем удвоилось в Англии и Швеции и повысилось до 40% в Германии. Согласно стандартной теории торговли, эта динамика выше всего в странах с наименьшими защитными барьерами. В США, где много земли, этот уровень составляет половину в течение того же периода; это — следствие влияния торговли, поскольку, как уже было сказано, соотношение объема торговли и ВВП оставалось в Америке на протяжении всего этого периода довольно низким.

193

влияла на экономику. Таким образом, система торговли была высоко стратифицирована.

3.4 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА ТОРГОВЛИ

В течение послевоенного периода уровень торговли поднимался быстрее, чем производство продукции. В течение этого «золотого века» (1950—1973) уровень торговли возрастал на 5.8% в год, намного быстрее, чем на протяжении всего XIX в., в то время как рост производства продукции в мире достиг беспрецедентного уровня — 3.9% в год (Kitson and Michie, 1995). Впоследствии темпы упали, и в течение 1973—1976 гг. среднегодовые темпы роста торговли составляли 4Д%⁴ а роста производства — 3.3%⁴ кроме того, отмечается существенно возросший уровень в конце 80-х гг., а также в 90-х гг. XX в. Но остается еще определить, до какой степени современный уровень и модели торговли являются отличительным признаком новой стадии глобализации.

3.4.1 РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Бреттон-Вудское соглашение 1944 г.¹ не только установило систему фиксированных курсов валют, но и послужило основой для многостороннего порядка торговли. Стремясь избежать протекционизма 30-гг., Гаванская Хартия 1947 г.¹ предоставила Всемирной Торговой Организации наблюдать за действием системы мировой торговли. Президент Трумэн внес это предложение в тот момент, когда сторонники протекционизма и сторонники свободной торговли (те, кто боялся, что торговля будет регулироваться) объединились, чтобы выступить против него в Конгрессе. Первыми международными торговыми агентствами стали более слабое Общее соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) и многосторонний форум по тарифным переговорам. Фактически ГАТТ мало чем отличался от простого торгового соглашения с небольшим секретариатом, который выполнял технические функции в процессе переговоров по либерализации. В 1995 г. ГАТТ был вытеснен более сильной Всемирной торговой организацией (ВТО).

ГАТТ, на основе которого впоследствии была построена ВТО, базировался на четырех главных принципах:

- *неприятие дискриминации* (принцип предоставления статуса наибольшего

благоприятствования);

- *взаимодействие*, т. е. понижение тарифов одной страной должно соответствовать понижениям их во всей системе торговли;
- *прозрачность*, т. е. природа торговых мер должна быть ясна;
- *справедливость*, т. е. меры, подобные демпингу товаров ниже рыночных цен, или хищническое установление цен со стороны экспортеров считались недопустимыми, и страны имели право применять в этих случаях протекционистские меры.

Статьи ГАТТ предусмотрели некоторые исключения из правил. Для защиты на-4. Подсчитано по: IMF, *International Financial Statistics Yearbook* за 1998 г.

194

ционального платежного баланса и промышленности ГАТТ сформировал базу послевоенной торговли и структуру семи уровней мировых переговоров по снижению тарифов. Число стран-участников постоянно росло: так, в «раунде Кеннеди» в 1967—1970 гг. их было более 80, в то время как во время «уругвайского раунда» 1986—1993 гг. переговоры охватили большую часть стран во всем мире. Эти многосторонние переговоры последовательно уменьшали тарифы, так что к концу «токийского раунда» в 1979 г. в странах ОЭСР они были ниже, чем в период классического золотого стандарта, а соглашения, подписанные во время «уругвайского раунда», снизили их еще больше.

Хотя тарифы теперь стали минимальными, многие утверждают, что понижение тарифов среди стран ОЭСР было, по меньшей мере, сведено на нет различными нетарифными барьерами. Нетарифные барьеры — это любые правительственные меры, которые отражаются на объеме, содержании и характере торговли; поскольку же почти любая правительственная мера могла отражаться на торговле, ранжировать эти меры и оценивать их последствия тоже можно по-разному. Существуют прямые барьеры в виде квот на импорт, договорных ограничений на количество импорта, поддержки экспортеров, таможенных задержек и процедур, а также — правительственной политики закупок у внутренних производителей. Косвенно торговлю можно контролировать при помощи правительственной поддержки отраслей промышленности и регулирования продукции, например, по вопросам здоровья, безопасности или экологии. Оценки показывают, что в 1992 г. эти барьеры затрагивали только 18% мирового экспорта (Page, 1994> p. 51). В связи с несовершенством статистических данных оценить воздействие нетарифных барьеров довольно сложно. Дж. Хэрриган, например, считает, что их воздействие на торговлю стран ОЭСР было довольно слабым (Harrigan, 1993). Вероятно, они выше в развивающихся странах и имеют большее воздействие на их торговлю, поскольку эти страны фактически лидируют в сфере сельского хозяйства, текстильной промышленности и некоторых других отраслях, в которых многие развитые страны не имеют абсолютного преимущества (Page, 1994> ch. 3). В то же время они, по-видимому, покрывают лишь меньшую часть экспорта развивающихся стран, и некоторые из этих барьеров были уменьшены в результате Уругвайского саммита, особенно в Соглашении о мультиволокне (MFA), ограничивающем торговлю текстилем. Не только ГАТТ производило большие снижения тарифов и таким образом освобождало торговлю, впоследствии то же самое стало происходить и в других отраслях, особенно в сфере услуг. Режим ВТО стремился устранить целый ряд нетарифных барьеров и различий в условиях торговли между странами. Кроме того, ВТО — гораздо более мощное учреждение, так как его участники имеют полномочия решать проблемы, связанные с применением правил торговли. В этом отношении ВТО — существенная движущая сила либерализации торговли (Hoekman and Kostecki, 1995; Qureshi, 1996).

До 80-х гг. XX в. стремление к более открытой торговле среди промышленно развитых стран не поддерживалось в развивающемся мире. Развивающиеся страны, появившиеся между мировыми войнами, скептически относились к выгодам открытой системы торговли и считали приоритетным построение национальной индустриальной базы. Протекционизм, вытекающий отсюда, возможно, был в тот момент обусловлен не долгосрочными национальными интересами, а пого-

195

ней за сиюминутными выгодами, но он имел решающее воздействие на торговую политику этих стран. С 80-х гг. произошло резкое изменение политики развивающихся стран, в результате чего, как, впрочем, и под давлением таких международных институтов, как Мировой банк, МВФ и ВТО, торговые барьеры снизились. Дж. Сакс и А. Уорнер (1995) утверждают, что начиная с 60-х и до конца 80-х гг. XX в. доля национальных экономик, придерживавшихся открытой торговой политики, была более или менее постоянной и составляла чуть меньше четверти населения планеты

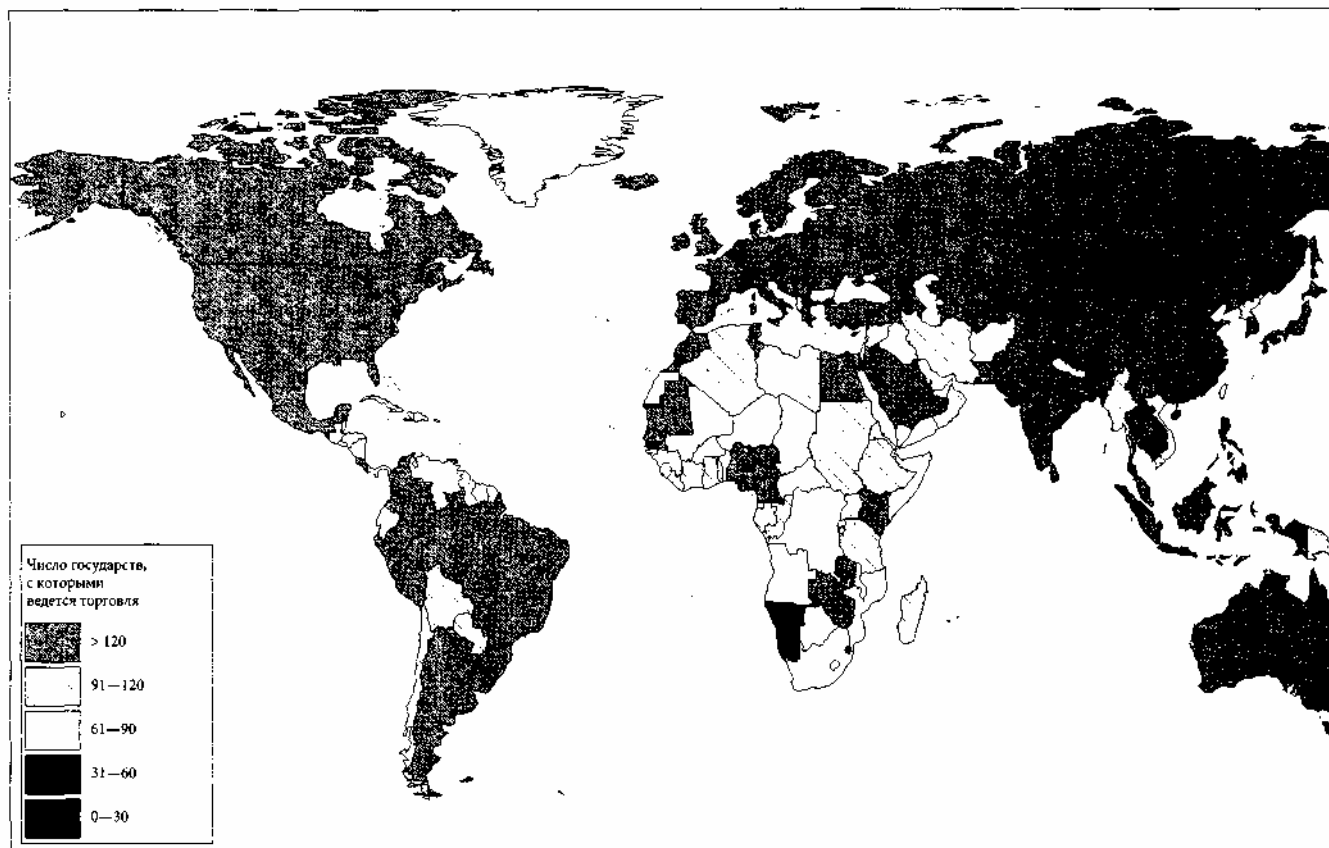
и немного меньше половины мирового внутреннего валового продукта. С тех пор эта доля увеличилась до половины населения и двух третей ВВП (Sachs and Warner, 1995)- Предполагают, что этот рост продолжится со вступлением Китая в ВТО — при условии, конечно, что сохранится и тенденция к либерализации торговли.

После краха Совета Экономической Взаимопомощи большинство восточноевропейских стран сделало свою торговлю более свободной, их тарифы стали теперь немного выше, чем в странах ОЭСР. Несмотря на отмену региональных торговых соглашений между бывшими странами СЭВ, основные его участники все же сумели расширить экспорт в европейские страны, достигнув при этом доли внешней торговли в валовом национальном продукте свыше 50%, что является сопоставимым, и даже выше, чем средний уровень для развитых или развивающихся стран с подобным уровнем дохода.

К 70-м гг. XX в. свободный торговый порядок был установлен во всех странах ОЭСР, а с 80-х гг. он был распространен на развивающиеся страны и страны, прежде закрытые для торговли. В итоге образовалась мировая система торговли. В настоящее время уровни защитных барьеров снизились по сравнению с предыдущими периодами, а либерализация торговли продолжается. Ниже мы исследуем рост *экстенсивности* и *интенсивности* мировой торговой системы более подробно.

3.4.2 ЭКСТЕНСИВНОСТЬ ТОРГОВЛИ И ПОЯВЛЕНИЕ МИРОВЫХ РЫНКОВ

Появление мировой свободной торговли способствовало формированию открытых мировых рынков. Чтобы такие рынки появились, необходима торговая сеть между странами и регионами. В послевоенный период торговля стала гораздо более обширной, чем прежде, поскольку развилась всемирная сеть торговых отношений между странами и регионами. Т. Нироп обращает внимание на то, что к 1990 г. большинство стран торговало между собой (Nierop, 1994, с. 3; см. также карту 3,1). Более точно торговые отношения между странами показывает таблица 3-3 на которой представлен процент реальных торговых связей от максимально возможных (когда все страны торгуют со всеми). Для сравнения приведены оценки для 54 территорий с использованием данных за период между войнами. Данные показывают, что послевоенное повышение интенсивности торговых отношений движется к возможному максимуму. Хотя данные из непостоянной выборки не позволяют выявить тенденцию, тем не менее последняя цифра характерна для широты международной торговли и показывает, что географический размах торговых отношений в настоящее время шире, чем в период между войнами. С 80-х гг. XX в. в торговле возросло участие развивающихся стран.

Карта 3.1 Мировые торговые связи, 1990 (источник: Nierop, 1994)

197

Таблица 3-3 Интенсивность торговых связей, 1928 — 1990 (процент от максимально возможных торговых связей в каждый период)

1928	1938	1950	1960	1970	1980	1990			
Постоянная выборка			—	—	64,4	74,4	83,8	89,6	95,3
Непостоянная выборка			55,4	53,5	64,4	62,2	55,5	56,2	66,2

Постоянная выборка измеряет плотность торговых связей для 68 стран в течение данного периода; непостоянная выборка измеряет плотность связей стран, для которых имеются данные по торговле за тот же период. *Источники:* данные за 1928 — 1938 гг. из League of Nations, 1942¹ — данные за 1950 — 1990 гг. — из Nierop, 1994, P- 41

Обширные торговые сети все еще сконцентрированы в пределах некоторых географических областей: в Европе, Америке, тихоокеанском регионе и в трех торговых блоках, включающих большинство промышленно развитых стран. Большинство скептиков интерпретировало этот факт как свидетельство того, что торговля становится регионализованной, а не глобализованной. Регионализация, в противоположность глобализации, подразумевает, что торговые потоки группируются между похожими, географически смежными странами и что рынки в пределах региона частично изолированы от остального мира. Такая ситуация в большей степени характерна для регионального таможенного союза, члены которого ведут общую торговую политику в отношении остальной части мира, чем для регионального соглашения о свободной торговле, когда подписавшие его стороны просто соглашаются уменьшить барьеры друг против друга (открытый регионализм). ЕС — единственный функционирующий таможенный союз в мире. Он не принял протекционистскую позицию по отношению к остальной части мира (кроме сельскохозяйственной продукции). Торговля со странами, не входящими в ЕС, возросла в пропорции к валовому внутреннему продукту ЕС в период с 1973 по *1985 гг. (Jacquemin and Sapir, 1988; Neven and Roller, 1991). NAFTA — зона свободной торговли между США, Канадой и Мексикой. Она не увеличила

защитных барьеров против остальной части мира, как АПЕС или АСЕАН (Petri, 1993)- Со всей очевидностью можно сказать, что регионализация торговли дополняет торговлю межрегиональную и развивается параллельно с ней.

К. Андерсон и Норхейм исследовали рост внутрирегиональной и межрегиональной торговли для главных экономических регионов с 30-х гг. XX в. (Anderson and Norheim, 1993^a; *99зБ). Их результаты не обнаруживают никакой существенной тенденции к обособлению регионов: между ними активно возрастал уровень торговли, также как и в самих регионах. В то время как интенсивность внутрирегиональной торговли повысилась в послевоенный период (показатели для Европы XIX в. не обнаруживают никакого внутрирегионального уклона), в период между 1979 и 1990 гг. было лишь небольшое повышение внутрирегиональной интенсивности в пределах ЕС и заметное ее снижение в Азии и Америке. Интересно то, что интенсивность внутрирегиональной торговли в Западной Европе ниже, чем в Америке или Азии, так что институционализация региональных рынков не вела к замкнутости регионов. Это подтверждено другим свидетельством: индексами склонности к межрегиональной торговле. Индексы пока-

198

зывают повышающуюся тенденцию к межрегиональной торговле в Америке и Азии и неустойчивую тенденцию в Европе за послевоенный период. Эти показатели, также как и другие, не подтверждают тезис о разделении на регионы (ср.: Lloyd, 1992).

Современные региональные торговые соглашения были разработаны, чтобы освободить торговлю, а не строить протекционистские крепости. Они исходят из признания, с одной стороны, потенциальных выгод от более свободной торговли, а с другой — относительной легкости достижения соглашений на региональном уровне, в отличие от глобального. Похоже, что открытый регионализм не ведет к образованию меркантилистских торговых блоков, небольшие и развивающиеся страны противятся ему из опасений, что останутся за пределами соглашений о льготах и преимуществах (Pegioni and Whalley, 1994)- Как это ни парадоксально, переговоры по региональным торговым соглашениям — гарантия того, что региональные торговые блоки созданы не будут. Угроза регионализма, таким образом, оказалась сильно преувеличена.

3.4.3 РАСТУЩАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ ТОРГОВЛИ

В послевоенный период уровень торговли возрастал быстрее, чем мировой доход. Мировые показатели, при всей их грубости, способны поведать одну простую историю. В 50-е гг. XX в. мировой экспорт составлял около 7% всемирного производства, но, как показывает диаграмма 3,3, он постепенно увеличивался в 60-е гг. и резко возрос в 70-е гг., а сегодня, по некоторым подсчетам, достигает 19% (Krugman, 1995)- Данные для стран ОЭСР были очень похожи, как это и ожидалось в связи с их доминирующим положением в мировой экономике. Для развивающихся стран, импортирующих нефть, отношение объемов торговли к валовому внутреннему продукту падало до 70-х гг. XX в., отражая протекционистскую политику, но в течение 70-х и 90-х гг. — повысилось в результате снижения протекционизма и сворачивания политики, ориентированной на экспорт. Для этих стран экспорт эквивалентен приблизительно 20% валового внутреннего продукта. Большая часть этого увеличения приходится на азиатские страны (торговый рост которых был прерван после кризисов 1997—1998 гг.), хотя уровень торговли повышается и в других развивающихся странах.

Эти цифры могут показаться не намного выше, чем показатели периода классического золотого стандарта, что дает возможность скептикам утверждать, будто послевоенный рост торговли был не намного больше, чем в период между войнами (например: Hirst and Thompson, 19960, ch. 2). Однако отношение объема торговли к величине внутреннего валового продукта и частного валового внутреннего продукта для основных стран ОЭСР демонстрируют намного большую интенсивность торговли, чем в эпоху золотого стандарта. Кроме того, сравнение показателей за эти два периода может ввести в заблуждение: текущие ценовые данные занижают рост соотношения между объемом торговли и величиной внутреннего валового продукта, тогда как цены проданных товаров имеют тенденцию повышаться медленнее, чем для непроданных товаров, т. к. первые встречаются с большей конкуренцией и обладают большим потенциалом для технического прогресса (Gregorio et al., 1994)- Ценовые данные также имеют значительную погрешность. В то же время показатели, приведенные в таблице 3-4> относящие-

199

Диаграмма 3-3 Объем мирового экспорта в процентах к ВВП, 1956—1994 (источники: IMF, 1988; IMF, *International Financial Statistics*, разные годы)

Таблица 3-4 Процентное соотношение объема торговли и величины ВВП в развитых странах (в постоянных ценах)

	1913 1973	1950	1985
Доля экспорта в ВВП	11,2	8,3	18,0 23,1

	1880—1900 1958	1901—1913	1948—	1959—1972	1973—1987
Доля импорта в ВВП	12,4	13,3	10,1	15,4	21,7

Источники: Maddison, 1991, P- 3²⁷; McKeown, 1991, P- 15[^]

ся к важнейшим странам ОЭСР, свидетельствуют о том, что отношение торговли к объему ВВП (измеренное в постоянных ценах) было с начала 70-х гг. выше, чем когда-либо ранее. Это касается и развивающихся стран, где отношение объема торговли к величине внутреннего валового продукта, по крайней мере с 70-х гг., также выше, чем в эпоху классического золотого стандарта. Конечно, эти цифры относятся только к торговле товарами. Данные относительно мировой торговли услугами стали доступными лишь с 1980 г. и имели значительные погрешности. Но торговля услугами увеличилась более чем в два раза (1,3 трлн. долларов в год) и теперь составляет более 20% всей мировой торговли (подсчитано по: WTO, 1995). Исходя из этого, оценку доли мирового экспорта в мировом объеме производства следует поднять приблизительно до 21,8% (если при исчислении величины мирового дохода исходить из рыночного обменного курса на 1996 г.) или снизить до 18,6% (если исчислять его на основе паритетов покупательной способности валют, скорректированных так, чтобы можно было учесть различия в ценовых уровнях между странами) (IMF, 1997b). Данные относительно услуг недооценивают торговлю финансовыми услугами и, косвен-

200

Таблица 3-5 Снижение показателей затрат на транспорт и связь, 1920—1990 (в долларах США по курсу 1990 г.).

Морской грузовой транспорт ^a	Воздушный транспорт ^b	Трансатлантическая телефонная связь ^c
1920 95	—	—
1930 60	0,68	244,65
1940 63	0,46	188,51
1950 34	0,30	53,20
1960 27	0,24	45,86
1970 27	0,16	31,58
1980 24	0,10	4,80
1990 29	0,11	3,32

^a средняя стоимость перевозки и погрузки-разгрузки короткой тонны (= 907,8 кг) импортируемых и экспортируемых грузов ^b средняя цена одной человеко-мили полета

^c стоимость трехминутного разговора между Нью-Йорком и Лондоном *Источники*: Hufbauer, 1991
но, мировую торговлю услугами вообще (Moshirian, 1994)- Услуги продаются на мировых рынках в меньших объемах, чем товары, и потому отношение объемов торговли к величине внутреннего валового продукта для услуг ниже, чем для экономики в целом. Но доля продаваемых услуг повысилась, и это существенно изменило характер мировой торговли. Страны ОЭСР и развивающиеся страны торгуют существенной частью производимых ими услуг, по крайней мере, с середины 70-х гг. (Hoekman and Karsenty, 1992). Действительно, некоторые развивающиеся страны имеют сильное сравнительное преимущество в области трудоемких услуг и экспортируют приблизительно одну треть этих услуг.

Из всего этого следует, что в послевоенной торговле произошли качественные изменения, поскольку национальные рынки становятся все более и более связанными друг с другом, а торговля превращается в неотъемлемую часть национального экономического процветания. Как уже отмечалось, национальные барьеры для торговли были резко уменьшены. Транспортные расходы также упали, сокращая затраты на торговлю: как показывает таблица 3-5³ большая часть транспортных расходов послевоенного периода значительно понизилась в результате технического прогресса и появления дешевого топлива. В этом отношении уменьшение затрат на коммуникации и информационная революция сыграли главную роль для улучшения торговли услугами. Поскольку тарифы и транспортные расходы уменьшились, они стали незначительными компонентами цен проданных товаров. При таких обстоятельствах мировые рынки развиваются до тех пор, пока традиционные барьеры не ограничивают иностранную конкуренцию на национальных рынках. Снижение тарифов и транспортных расходов начиная со Второй мировой войны способствовало появлению мировых рынков для более широкого ассортимента товаров (и некоторых услуг), чем в эпоху классического золотого стандарта.

В настоящее время не только выросла доля внутренней продукции, идущей на рынки, но все большая доля внутренней продукции, произведенной в частном секторе, становится потенциальным предметом мировой торговли и, соответс-

201

твенно, подвержена международной конкуренции. Сельскохозяйственные товары в странах ОЭСР пока составляют предмет международной торговли, однако они защищены барьерами, и доля этого сектора в экономике все больше сокращается. Продукция перерабатывающей промышленности повсеместно является предметом торговли, несмотря на то, что рынок для них меняется с изменением транспортных расходов и различиями в национальной политике. В целом крупные и мелкие компании разных стран все более и более проникают на внутренние рынки других стран, что является показателем роста мировой конкуренции и развития системы мировых рыночных отношений.

Кроме того, торговля тесно переплетается с внутренней экономической деятельностью. Существует взаимосвязь не только между большим количеством товаров и услуг, которые покупаются, но также между производством товаров, пользующихся спросом, и нерентабельным производством. Эти связи становятся более глубокими и более тесными: нерентабельное производство часто требует вложений, а нерентабельная продукция часто продается рентабельному сектору. Эта взаимосвязь между рентабельными и нерентабельными секторами усиливает влияние мирового рынка на народное хозяйство.

3.4.4 СМЕНА МОДЕЛЕЙ СТРАТИФИКАЦИИ ТОРГОВЛИ

Хотя подавляющее большинство стран включено в современную мировую систему торговли, разное положение и неравенство между регионами иллюстрирует стратификацию мировой торговли. В послевоенной торговле доминировали развитые государства. В 50-е гг. XX в. на их долю приходилось 64% мирового экспорта, в 1970—1975 гг. 75%, а в 1996 г. — 70%. С 50-х до 80-х гг. любое снижение или колебание их доли в мировой торговле (приблизительно 70%) влияло на изменение доли нефтедобывающих развивающихся стран. Доля других развивающихся стран в мировой торговле уменьшалась с 50-х до 70-х гг. под влиянием протекционистской политики и медленного роста спроса на их экспорт. Хотя некоторые развивающиеся страны увеличили свои доли в мировой торговле в 60-х и 70-х гг., только начиная с середины 80-х гг. развивающиеся страны, импортирующие нефть, расширили свою долю в мировой торговле относительно экспортеров нефти из развитых стран. Кроме того, большая часть этого роста связана с экономическим ростом стран Восточной Азии.

Хотя эти цифры относятся к торговле товарами, они схожи с показателями торговли услугами.

В то время как развивающиеся страны имели сравнительное преимущество в продаже трудоемких услуг, учитывая их низкие уровни заработной платы, страны ОЭСР разделили мировой экспорт услуг подобно торговле товарами. В 1997 г. доля этих стран составляла 70,1% экспорта услуг и 66,8% мирового импорта услуг — почти столько же, как и десять лет тому назад, что говорит о том, что большая часть торговли услугами, как и товарами, происходила между промышленно развитыми странами (WTO, 1995; Daniels, 1993. P- 82). Как показывает таблица 3-6, в течение большей части послевоенного периода мировая торговля была сконцентрирована в странах с развитой экономикой. Только в 90-е гг. нефтяная торговля между развитыми и развивающимися странами увеличилась в пропорциях мирового масштаба; произошло и некоторое повышение уровня торговли между развивающимися странами, что отчасти объ-

202

Таблица 3-6 Направление мировых экспортных потоков, 1965—1995 (в процентах к совокупным мировым объемам)

Между развитыми и развивающимися странами	Между и развивающимися странами	развивающимися странами
1965 59,0	32,5	3,8
1970 62,1	30,6	3,3
1975 46,6	38,4	7,2
1980 44,8	39,0	9,0
1985 50,8	35,3	9,0
1990 55,3	33,4	9,6
1995 47,0	37,7	14,1

В сумме эти показатели не дают 100% из-за погрешностей статистических данных и по той причине, что не учтена торговля со странами СЭВ и теми странами, которые не подходят ни под одну из трех рубрик. *Источник: IMF, Direction of Trade Statistics Yearbook, разные годы*

ясняется заключенными между ними новыми торговыми соглашениями, а также изменением структуры потоков мировой торговли. Если до Второй мировой войны большая часть мировой торговли приходилась на сырье и продовольствие, то в послевоенной торговле преобладают промышленные товары и увеличивающаяся сфера услуг (примерно с 80-х гг.). Но, как уже отмечалось, развитые государства перестали быть просто экспортерами сырья и продовольствия, теперь они в большей степени стали заниматься торговлей промышленными товарами и услугами. Новое международное разделение труда развивается как важная составляющая стратификации мировой торговли.

За исключением торговли топливом, сырьевая торговля стала уменьшаться. После войны непрерывно возрастает доля промышленных товаров. В середине 60-х гг. торговля ими составляла большую часть мирового торгового потока, а на сегодня она составляет около трети всей торговли⁵. До недавнего времени в мировой торговле преобладали страны ОЭСР, но постепенно стала увеличиваться и доля не добывающих нефти развивающихся стран (в значительной степени за счет экспорта готовых изделий). Напротив, развивающиеся страны, которые специализировались на производстве сырья и продовольствия, столкнулись с тем, что их рынки растут крайне медленно, а то и сокращаются. Рост доли развивающихся стран в мировом экспорте товаров промышленного производства (исключая Китай) более подробно показан в таблице 3-7. Без Китая их доля экспорта промышленных товаров составляет около 20%, тогда как в 1980 г. она составляла лишь 10%, а еще десятилетием раньше — вдвое меньше (WTO, 1996). Этот рост в огромной степени определяется экономическим развитием стран Восточной Азии. Доля Латинской Америки в мировом экспорте оставалась постоянной в течение 90-х гг., в то время как доли Африки и Ближнего Востока упали. Подобные тенденции могут быть замечены и в экспорте услуг развивающихся стран. По сравнению с экспортерами промышленных товаров лишь несколько стран-

5. UNCTAD, *Handbook of International Trade and Development Statistics*, разные годы.

Таблица 3.7 Доля развивающихся стран в мировом экспорте промышленных товаров, 1963—1995

1963	6 1973
7 1980	10 1985
13 1990	15,5 1995
20	

Источник: GATT/WTO, *International Trade Yearbook*, разные годы

экспортеров сырья и продовольствия увеличили свою долю экспорта на мировом рынке. Экспортеры промышленных товаров из Восточной Азии достигли быстрого экономического роста и теперь занимают лидирующее положение среди самых богатых индустриальных стран. Структура экспорта стран Восточной Азии заметно отличается от структуры экспорта других развивающихся стран (Noland, 1997)- Страны Восточной Азии имеют относительно высокие уровни инвестиций (внутренних и иностранных). Экспорт на мировом рынке для этих стран является самым важным условием для поддержания доходов страны и соответственно привлечения инвестиций, таким образом поддерживается экономический рост страны, особенно после кризиса 1997—1998 гг.

Торговля играла ключевую роль в процессе становления развивающихся стран, порождая существенные различия в их экономическом положении, так что с экономической точки зрения их больше нельзя рассматривать как гомогенный блок, все страны которого имеют сходные внешние условия. Экономика группы новых индустриальных стран, особенно в Восточной Азии, быстро росла в течение 80-х гг. и до середины 90-х гг. XX в., экспортируя промышленные товары главным образом в страны ОЭСР. По мере того, как наиболее успешные из новых индустриальных стран отказывались от производств, основанных на низкой стоимости рабочей силы, более бедные страны расширяли экспорт таких изделий. Некоторые из них добились с тех пор больших успехов на мировом рынке. Для других индустриальный рост замедлился, так как им пришлось столкнуться с конкуренцией на мировых рынках, а страны с низким доходом, особенно в Африке, которые не сумели развить экспорт промышленных товаров, остались экспортерами сырья. Хотя условия для экспорта этих товаров в послевоенный период колебались, в целом этим странам приходилось действовать на вялых, застойных рынках. В 80-е гг. спрос на сырье резко упал, а с ним упали и цены. Эти падения оказали огромное отрицательное воздействие на экспортеров сырья.

Конкуренция в мировой экономике привела к существенным различиям в уровнях доходов. Группе наиболее успешных новых индустриальных стран удалось достичь уровня доходов на душу населения, приближающегося к доходу некоторых наиболее бедных из промышленно развитых стран, но многие беднейшие страны столкнулись с ухудшением условий торговли. В этом отношении новое международное разделение труда усиливает поляризацию экономического благосостояния в глобальной экономике и порождает новые типы стратификации.

204

Таблица 3-8 Показатели внутриотраслевой торговли для стран ОЭСР, 1964—1990

1964	1970	1980	1990	
Канада	37	52,1	51,5	60,0
США	48	44,4	46,5	71,8
Япония	23	21,4	17,1	32,4
Германия	44	55,8	56,6	72,2 Франция
64	67,3	70,1	77,2 Италия	49
48,7	54,8	57,4		
Великобритания	46	53,2	74,4	84,6 Швеция
—	52,3	58,2	64,2	

Источник: OECD, 1987, p. 273; 1996a, p. 30

Таблица 3-9 Импорт готовых промышленных изделий, 1899—1985 (в процентах)

1899	1913	1950	1959	1963	1971	1985
------	------	------	------	------	------	------

Великобритания	16	17	4	6	7	12	29
Франция	12	13	7	6	12	17	27
Германия	16	10	4	7	10	16	26
Италия	11	14	8	8	13	12	20
США	3	3	2	3	3	9	24
Япония	30	34	3	4	6	4	6
Швеция	8	14	12	17	17	37	46
Канада	20	23	16	20	18	37	45

Источник: OECD, 1987, p. 271

Как уже отмечалось, развитые государства все еще доминируют в мировой торговле. Но даже здесь можно обнаружить существенный сдвиг. Если раньше страны с резко различающимися структурами промышленности продавали одни группы товаров, а покупали совсем другие, то теперь развитые страны во все большей степени продают товары тех же групп, что и покупают. Эта «внутриотраслевая» торговля заставляет внутреннего производителя напрямую конкурировать с иностранными производителями аналогичных товаров. Это укрепляет динамику глобальной конкуренции и вносит вклад в развитие глобальных рынков. «Внутриотраслевая» торговля между промышленно развитыми странами формирует экономику большинства развитых стран и является наиболее динамичным элементом в послевоенный период (см. таблицу 3.8). Однако для развивающихся стран такая торговля составляет лишь незначительную долю их торговых потоков, хотя в некоторых из развивающихся стран на ее долю приходится около трети всей торговли готовыми изделиями (Stone and Lee, 1995)-

«Внутриотраслевая» международная торговля позволяет многое понять в особенностях нового международного разделения труда. Кроме того, она помогает объяснить относительный рост современной торговли и повышение уровня торговли между развитыми государствами (Helpman and Krugman, 1985, ch. 8). Торговля в пределах одной отрасли промышленности подразумевает дифференцирова-

ние изделий и экономических показателей в производстве, так как фирмы стремятся к захвату большего рынка, позволяющего им наращивать производство и снижать издержки на единицу продукции. Кроме того, с повышением доходов непропорционально растет спрос на дифференцированные товары, и этот спрос частично удовлетворяется за счет импортных товаров (Hunter and Markusen, 1988).

Выросли масштабы торговли не только готовыми изделиями, но и полуфабрикатами и отдельными компонентами. Снижение торговых затрат имело важное значение для производственного процесса. Производственный процесс можно разбить на элементы и распределить его по всему миру. Этот процесс П. Кругман назвал «цепочкой начисления стоимости» (Krugman, 1995)> другие называют его «мировой цепочкой создания товара» (Gereffi and Korzeniewicz, 1994)- Появление возможности делить таким образом цепочку начисления стоимости увеличивает долю мировой торговли по отношению к внутреннему производству. Технологические изменения, всемирная организация производственного процесса и низкие издержки торговли делают возможной специализацию на отдельных сегментах производственного процесса. Как видно из таблицы 3-9> в странах «большой семерки» и Швеции стабильно возрастает доля товаров, импортируемых для использования в производственном процессе, так что внутреннее промышленное производство этих стран все сильнее зависит от международной торговли⁶. Особенно поражает недавний переход США от фактически абсолютной самодостаточности к почти такой же зависимости от импорта, что и у других промышленно развитых стран.

Производственный процесс предполагает ныне экстенсивные и интенсивные торговые связи (см. гл. 5). От четверти до трети всей торговли теперь приходится на торговлю между фирмами (UNCTAD, 1995)- «Нарезание» цепочки начисления стоимости повышает также уровень торговли между индустриальными и развивающимися странами, способствуя переходу к новому международному разделению труда (Castells, 1996; Hoogvelt, 1997. ch. 3). Если в прошлом производственные процессы в передовых отраслях промышленности концентрировались в основном в развитых странах, то теперь компании размещают отдельные звенья производственной цепочки в странах с более низкой заработной платой или передают субконтракт на определенные работы местным компаниям в Азии и Латинской

Америке, что способствует повышению уровня торговли между развитыми и развивающимися странами. Таким образом, многие внутренние производственные процессы, где бы они ни осуществлялись, все в большей мере превращаются в звенья мировых производственных цепочек.

Доля торговли по отношению к местному производству росла в течение послевоенного периода не только в связи с уменьшением тарифных барьеров и транспортных затрат (Rose, 1991)> но также из-за изменяющейся структуры глобального производства. Расширение производства в индустриальных странах было основано на возрастающей взаимозависимости национальных экономик, в зна-

6. Кроме того, возрастают и трудности в связи с приведенными выше показателями соотношения объемов торговли и ВВП, поскольку они не учитывают добавленную стоимость при продаже товаров. «Нарезанная ломтиками цепочка начисления стоимости» увеличивает количество продаж товара в самом процессе его производства. Каждая продажа товара увеличивает скорее объем торговли, увеличивая ее соотношение к ВВП, чем долю добавленной стоимости продаваемого товара.

206

читальной степени благодаря «внутриотраслевой» международной торговле, под воздействием которой сложились мировые рынки как для многих готовых изделий, так и для их компонентов. Рост уровня торговли между развитыми и развивающимися странами в 80-х гг. XX в. также отражает изменения в характере производства. Развивается новое международное разделение труда с новыми моделями глобальной стратификации. Этот процесс, однако, неотделим от либерализации торговли, явившейся отчасти результатом институционализации системы торговли.

3.4.5 ИНФРАСТРУКТУРА И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Улучшение транспорта и системы коммуникаций обеспечило *инфраструктуру* для глобальной системы торговли, в то время как *институционализация* свободной торговли увеличила интенсивность торговой деятельности.

Торговый режим ГАТТ был жизненно важен для послевоенного роста торговли, хотя у него было громадное множество институциональных слабостей. Это не была формальная международная организация, кроме того, она не имела достаточно сильного влияния (Jackson, 1989) хотя и обладала определенными формальными полномочиями. Все возникавшие споры регулировались путем переговоров, но она оказалась практически бессильной перед лицом нетарифных барьеров, установленных странами ОЭСР, особенно против сельскохозяйственных товаров и текстильных изделий. Со своей стороны, многие развивающиеся страны чересчур широко толковали нормы об исключительной защите, содержащиеся в соглашениях ГАТТ. В этих условиях можно восхищаться успехом системы ГАТТ, которая с целью развития и поддержания режима свободной торговли (по крайней мере, для промышленных товаров) провела семь раундов переговоров. Можно сделать вывод, что ее структуры сыграли важную роль в формировании послевоенного порядка торговли, но приверженность принципам свободной торговли необходимо было перенести на политический уровень.

С понижением тарифов до минимального уровня и изменением природы торговли структуры ГАТТ стало недостаточно — отсюда и создание Всемирной Торговой Организации (Hoekman and Kostecki, 1995)- Поскольку формальные барьеры, препятствующие торговле, были устранены, возник интерес к различиям во внутренних нормах и законах, регулирующих конкуренцию в различных странах. Так как внутренние законодательные и административные нормы могут создавать преимущество для фирм одной страны перед другими, то это можно рассматривать как потенциальные барьеры, препятствующие торговле. Если на более ранних стадиях меры по либерализации состояли лишь в тех или иных шагах по устранению внешних торговых барьеров, то интенсификация торговли в сочетании с интернационализацией производства потребовала куда более глубокой гармонизации внутренних законов и административных норм, регулирующих структуры бизнеса. Развитие мировых рынков подразумевает наличие общих правил, управляющих этими рынками. Неолибералы считают, что такие рынки появились сами собой благодаря дерегулированию. Но в реальности сложность современной торговли требует хорошо разработанных законов и правил, без чего глобальные рыночные отношения не могут поддерживаться. Это хорошо проиллюстрировано на примере обширных юридических структур, созданных для

207

региональных рынков, таких как Единый Европейский Рынок или NAFTA. Поскольку ВТО и страны ОЭСР ищут больше возможностей для либерализации торговли, то центр их деятельности переместился в сферу гармонизации внутренних законов и норм, регулирующих конкуренцию и

бизнес, поскольку эти нормы рассматриваются как последние оставшиеся барьеры, препятствующие глобальной свободной торговле (Trebilcock, 1996; Jonquieres, 1998).

3.5 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ

В настоящее время в мире существует тенденция перехода торговли на более высокий уровень, чем когда-либо прежде, включая и период классического золотого стандарта. Послевоенный рост торговли и либерализация международных торговых отношений являются беспрецедентными. Сегодня мировая система торговли охватывает интенсивной сетью торговых отношений фактически все страны, развивая глобальные рынки для многих товаров и услуг. Этот переход к глобальным рынкам был облегчен в связи с существованием мировых транспортных и коммуникационных инфраструктур, содействовавших глобальной торговой либерализации при помощи институционализации мировой системы торговли и интернационализации производства (см. гл. 5). Национальные рынки все более и более переплетаются друг с другом, поскольку внутриотраслевая международная торговля включена в глобальную конкурентную борьбу, которая выходит за национальные границы. Здесь индивидуальные фирмы сталкиваются с потенциальными глобальными рынками.

Напротив, в эпоху классического золотого стандарта рынки промышленных товаров были куда более ограничены (см. текстовую таблицу 3-1). Стратификация глобальной системы торговли также отражает эти изменения по мере того, как складывается новое международное разделение труда, которое связано с развитием глобальных рынков. Разговоры о «Севере» и «Юге» искажают современные модели стратификации в том, что касается торговли. В то время как иерархия в объемах торговли сохраняется, географическое деление на «Север» и «Юг» уступило место более сложной структуре торговых отношений. Несмотря на историческую концентрацию торговли среди государств ОЭСР, в современном мире структуры глобальной торговой системы изменились, так что Север и Юг в этом контексте все более становятся пустыми категориями (см.: Castells, 1996; Hoogvelt, 1997). Состав потоков в глобальной системе торговли также меняется, поскольку торговля услугами становится более значительной (Strange, 1996; WTO, 1997). Таким образом, в системе мировой торговли проходят существенные преобразования.

3.6 НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ГЛОБАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ТОРГОВЛИ

На примере шести развитых капиталистических стран можно увидеть вышеупомянутые тенденции к большей широте, интенсивности и воздействию торговой деятельности. Тенденцию к большому количеству открытых рынков в послевоенный период можно проследить по таблице 3-10. Тарифы в этих странах были уменьшены до минимальных размеров, и если бы не Англия, то они были бы ниже, чем в эпоху классического золотого стандарта.

Текстовая таблица 3,1 Исторические формы глобализации торговли

	<i>Период до промышленной революции</i>	<i>Эпоха классического золотого стандарта</i>	<i>Период между мировыми войнами</i>	<i>Период Бреттон-Вудского соглашения</i>	<i>Нынешний</i>
<i>Экстенсивность</i>	Средняя: долговременные связи между Азией, Европой и Африкой распространяются сначала на Северную и Южную Америку, а затем на Австралию	Высокая: к началу XIX в. большая часть территорий участвует в международной торговле	Большое число стран участвует в международной торговле, но разрывает установленные раньше связи и вступает в более тесные торговые блоки	Коммунистические страны в большинстве своем не участвуют в мировой торговле, в которой принимают участие почти все остальные страны мира	Почти все принимают участие в торговле и связаны друг с другом членами ВТО, являясь 1
<i>Интенсивность</i>	Вообще низкая, но в некоторых промышленных странах довольно значительная	Средняя: в некоторых странах очень высокая, но в большинстве — низкая	Сначала ниже, чем перед Первой мировой войной, а в 30-е гг. XX в. резко упала еще ниже	Сначала низкая, но потом возросшая до уровня, сравнимого с эпохой классического золотого стандарта	Высокая: у большинства стран ВВП больше, чем в XIX в. ВВП больше, чем в XIX в. ВВП больше, чем в XIX в.
<i>Скорость</i>	Низкая	Средняя	Низкая	Низкая	Высокая: с 1950-х годов быстрые изменения в технологии мировой торговли

<i>Степень влияния</i>	У большинства стран — низкая; значительная в некоторых отраслях промышленности и почти незаметная в сфере социальных отношений	Высокая: имеет большое значение для развития главных экспортеров и начинает играть все большую роль в деле получения дохода промышленными странами	Сильное первоначальное влияние торговли становится слабее	Влияние растет по мере роста торговли; существенное для промышленного роста	Высокая: торговля существенно стимулирует экономический рост; ее влияние постепенно усиливается, охватывая все сферы экономической деятельности
<i>Инфраструктура</i>	Неразвитые транспортные системы совершенствуются по мере морского судоходства и навигационной техники	Механизированные транспортные средства с применением парового двигателя; существенно снижаются транспортные расходы; новые коммуникационные технологии	Усовершенствование транспорта продолжается, но остается незаметным на фоне других процессов	Снижение стоимости воздушных и морских перевозок	Начавшееся снижение стоимости перевозок. Чрезвычайно быстрый прогресс в области коммуникационных технологий содействует развитию торговли
<i>Институционализация</i>	Торговые компании и купеческие организации Уровень протекционизма низкий, но возрастает с возникновением национальных государств Международное регулирование — минимальное	Увеличивается численность двусторонних соглашений о международных нормах торговли Разные уровни протекционизма; иногда высокие, но постепенно они снижаются благодаря введению принципа наибольшего благоприятствования	Отмена всех международных соглашений В 30-х гг. XX в. усиливается протекционизм, торговля скатывается на уровень регионализма	ГАТТ вводит формальные правила торговли Многостороннее управление торговлей Начало либерализации	Всемирная торговая организация. Организационное сотрудничество. Глобальное управление торговлей. Общие для всех правила и нормы торговли, углубление процесса либерализации
<i>Стратификация Иерархия</i>	Вначале низкая, но начиная с XVII в. торговля все более упорядочивается благодаря империям	Благодаря империям торговля еще более упорядочивается В сфере торговли доминируют основные экспортеры	Крупные страны способны заключать региональные соглашения, так как мировая торговля находится в полном упадке	Между промышленно развитыми странами торговля постепенно налаживается; США — доминирующая торговая страна	Самый быстрый рост торговли приходится на страны ОЭСР. Концентрация торговли в руках немногих стран, особенно стран-экспортеров, а постиндустриальных стран
<i>Неравномерность</i>	Большое неравенство: есть несколько торговых точек, а другие территории торговых путей почти не затрагиваются	Торговля имеет большое значение для наиболее развитых промышленных стран и для главных экспортеров, другие же территории остаются в этом смысле на обочине	Упадок торговли больше всего ударяет по ведущим экспортерам; некоторые страны способны оздоровить свою экономику самостоятельно	Медленный рост рынков для некоторых стран, но мировой рынок постепенно расширяется	Углубляющаяся дифференциация рынков; для одних это основа экономического роста, для других — причина их застоя и деградации

Таблица 2. Нормы таможенных торговых тарифов, 1965 — 1985 (в процентах)

1965	1970	1975	1980	1985
------	------	------	------	------

Франция	6,1	2,6	1,4	1,1	0,9
Германия	4,6	3,0	2,4	1,8	1,3
Япония	7,5	7,0	3,0	2,5	2,4
Швеция	6,3	4,0	2,4	1,7	2,5
Великобритания	6,0	2,8	1,8	2,2	1,7
США	6,7	6,1	4,4	3,1	3,5

Источник: ЕРАС, р. ю
1996,

Таблица 3.1 Величина в отношении к ВВП, 1913 —
экспорта процентом и 1997
(в постоянных ценах)

	1913	1950	1973	1987	1997
Франция	6,0	5,6	11,2	14,3	21,1
Германия	12,2	4,4	17,2	23,7	23,7"
Япония	2,1	2,0	6,8	10,6	11,0
Швеция	12,0	12,2	23,1	27,0	28,0
Великобритания	14,7	9,5	11,5	15,3	21,0
США	4,1	3,3	5,8	6,3	11,4

^a 1995-

Источники: за 1913—1987 — Maddisin, 1991 - P- 3²7J за 1997 — IMF, *International Financial Statistics Yearbook*, 1998

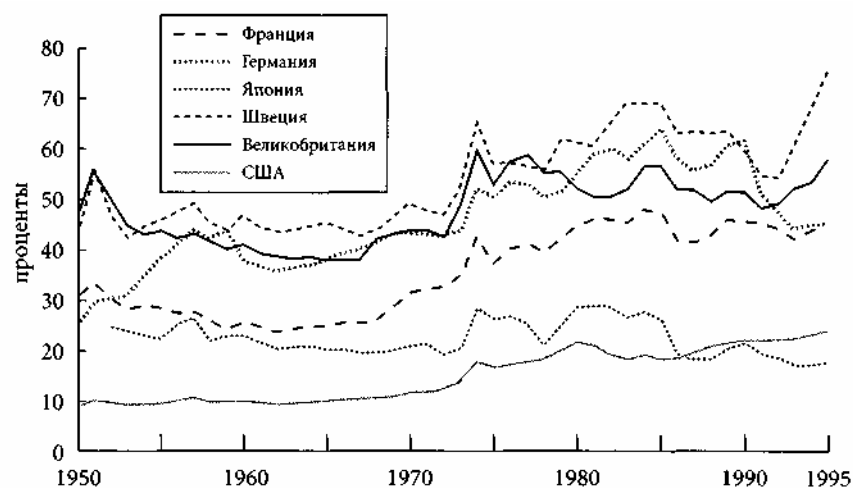

Диаграмма 3.4 Объем торговли в процентном отношении к ВВП шести стран, 1950—1995 (источник: IMF, *International Financial Statistics Yearbook*, разные годы)

211

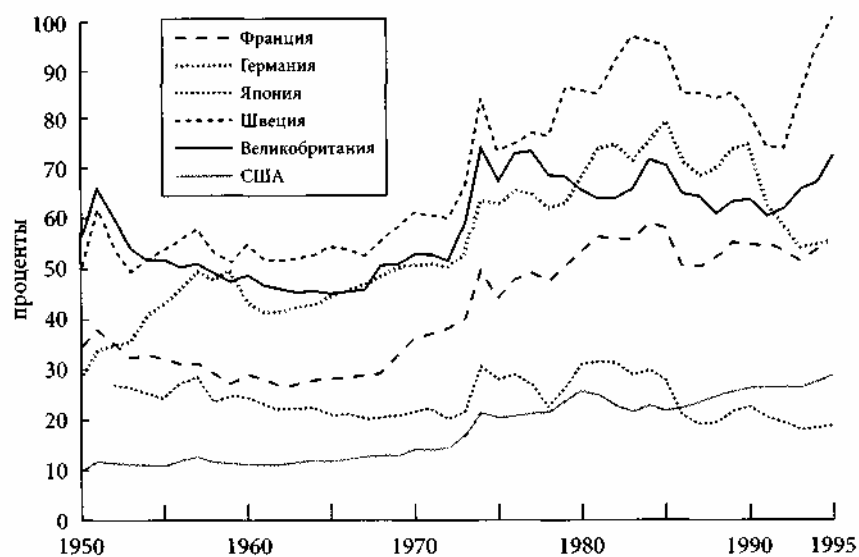

Диаграмма 3-5 Объем торговли в процентном отношении к внутреннему ВВП шести стран, 1950—1995 (источник: IMF, *International Financial Statistics Yearbook*, разные годы)

Объем экспорта этих шести стран в отношении к ВВП в постоянных ценах выше, чем в период золотого стандарта. Это соотношение сохранялось на том же уровне более двадцати лет (за исключением Великобритании). Данные, выраженные в текущих ценах, позволяют проследить развитие интенсивности торговли этих стран более подробно и, в отличие от глобальных и данных, выраженных в постоянных ценах, включают и экспорт услуг. Заметный рост торговли был зафиксирован в течение послевоенного периода, кроме начала 80-х гг. (рост торговли относительно ВВП для данного предприятия).

Французский экспорт в 1950 г. составил около 15% ВВП (в текущих ценах), в то время как доля всей торговли (см. диаграмму 3-4) была вдвое больше. Такое соотношение сопоставимо с уровнем, достигнутым в период золотого стандарта. Экономические трудности привели к перераспределению некоторых протекционистских мер. Отклонение перед стабилизацией было в пределах 12% экспорта к ВВП и вдвое выше относительно торговли к ВВП. Эти цифры удвоились в начале 70-х гг. Для французской внутренней экономической политики важность торговли очевидна. В течение 80-х и 90-х гг. политика конкурентоспособного производства заключалась в том, чтобы уменьшить инфляцию, поддерживая высокую стоимость франка, что принуждало французские компании конкурировать с международными. В результате повысилась экспортная торговля (отношение торговли к внутреннему ВВП или экспорта к ВВП).

Послевоенные немецкие данные относятся к Федеративной республике Германии до объединения, таким образом, их нельзя строго сопоставить с довоенными немецкими данными. После подписания послевоенных торговых соглашений восстановление страны происходит так быстро, что к концу 30-х гг. экспорт и торговля в ВВП (см. диаграмму 3.4) были сопоставимы с уровнем, достигнутым перед Первой мировой войной. В течение послевоенного периода в среднем тор-

говля возрастала быстрее, чем национальный доход. Экспорт в 90-х гг. составил почти 40% от внутреннего ВВП (о торговле см. диаграмму 3.5)- Германия развивала конкурентоспособные отрасли промышленности так, чтобы ее экспортеры продолжали увеличивать рыночные доли. Кроме того, внутренняя макроэкономическая политика частично действовала как сила, подавляющая инфляцию также и на внешнем рынке, особенно в ЕС, имея постоянные источники экспортного спроса. Поскольку напряженные внутренние условия также ограничивают спрос на импорт, результат был хорошим в периоды торгового излишка (активного сальдо), несмотря на устойчивый курс валюты.

Первоначальный рост японской экономики после войны, обусловленный прежде всего внутренними причинами, отражен в таблице 3-4 и описан в других исследованиях (ср.: Boltho, 1996b). Хотя уровень торговли по отношению к ВВП в начале 50-х гг. составлял примерно 25%, он вскоре упал до 20% и оставался таким до начала 60-х гг. В 70-х гг. он повысился до 30%, но затем снова произошло его падение примерно до 20%. Экспорт как доля ВВП обеспечивал более половины этого уровня, отражая устойчивый торговый излишек и очень низкий объем импорта Японии по сравнению с другими странами. В то же время, в отличие от других промышленно развитых стран, она не восстановила торговый уровень ВВП до уровня, достигнутого в эпоху классического золотого стандарта в текущих ценах, или хотя бы до того более высокого уровня, который был у нее в период между мировыми войнами. Послевоенная экономическая стратегия Японии способствовала установлению тесных контактов между главными корпорациями и их поставщиками. В результате спрос на импорт потребительских и промежуточных товаров был низким, поскольку они в достаточном количестве производились внутри страны. Япония постоянно торгует излишками, чем прежде всего и объясняется ее крайне низкий уровень импорта, хотя и уровень ее экспорта относительно ВВП тоже низкий по стандартам ОЭСР. Отчасти в результате правительственной политики торговое преимущество Японии сложилось в области производства высокотехнологических товаров. При этом не был достигнут общий конкурентный уровень во всех отраслях, происходило развитие лишь в некоторых сферах: электронике, полупроводниковой связи и автомобилестроении, где и создавалась большая часть торговых излишков.

Швеция в послевоенный период быстро вернулась к уровню торговли по отношению к ВВП, достигнутому ею в период классического золотого стандарта (см. диаграмму 3.4)- Как и у других стран ОЭСР, уровень ее торговли резко повысился в 70-е гг., снизился в 80-е и снова повысился в 90-е гг. Объем экспорта начал увеличиваться после девальвации кроны в 1992 г. Швеция — маленькая страна, поэтому, чтобы добиться процветания экономики в целом, шведская

послевоенная экономическая политика полагалась на сильный экспортный сектор, остающийся конкурентоспособным в нескольких нишах рынка.

Великобритания после войны занимала сильную позицию на международном торговом рынке, что было следствием ее прошлых усилий, наличия у нее имперских рынков и разрушения экономики континентальных стран Европы. Однако, как показано на диаграмме 3-4> даже в начале 50-х гг. уровень соотношения объемов торговли и ВВП был у нее ниже, чем в период классического золотого стандарта, и продолжал снижаться в конце 50-х и в начале 60-х гг., по мере того как позиция Великобритании на международном торговом рынке становилась сла-

213

бее. В течение всего послевоенного периода объем импорта, как правило, был меньше объема экспорта. Интенсивность экспорта и торговли начала повышаться в конце 60-х гг. после девальвации фунта стерлингов в 1967 г. и последующего вступления Великобритании в состав ЕЭС. Уровень торговли резко повысился в начале 70-х гг., чему способствовал гибкий курс фунта стерлингов. К середине 70-х гг. отношение экспорта и торговли к внутреннему ВВП достигло уровня периода золотого стандарта (см. диаграмму 3.5)- За два прошлых десятилетия доля экспорта во внутреннем ВВП составляла около 33%> что, опять-таки, сопоставимо с уровнем, достигнутым в период классического золотого стандарта.

Послевоенные тенденции экономического развития США кажутся парадоксальными: в течение 30-х и 60-х гг., когда Соединенные Штаты были бесспорными технологическими лидерами среди остальных стран мира, уровень их торговли был низким; когда же в 70-е гг. они утратили это лидерство, уровень торговли поднялся. Этот парадокс объясняется очень просто: в первые годы после войны у США не было необходимости импортировать что-либо, кроме определенных видов сырья. Поскольку экспорт в Европу был ограничен, а обмен иностранной валюты ничтожно мал, американские компании инвестировали капитал непосредственно в производство европейских стран (см. гл. 5). Когда в 70-е и 80-е гг. США в некоторых областях утратили свое технологическое лидерство, они потеряли и свое относительное преимущество в производстве целого ряда товаров, в результате чего объем их импорта увеличился. В то же время они сохранили и усилили свое относительное преимущество в других отраслях промышленности (таких, например, как программное обеспечение), что нашло свое отражение в увеличении экспорта. В целом уровень торговли США относительно ВВП (и внутреннего ВВП) увеличился и в 80-е гг. превысил уровень, достигнутый в период классического золотого стандарта (см. диаграммы 3-4 и 3-5)-

3.7 ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Преобразования глобального порядка в сфере торговли оказывают существенное воздействие на управление национальной экономикой, но больше всего на способность правительства гарантировать национальное процветание. На экономику развитых стран, входящих в состав ОЭСР, торговля оказывает разного рода институциональные, дистрибутивные и структурные воздействия, серьезно влияет она и на сферу принятия решений.

3.7.1 ВОЗДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: УПРАВЛЕНИЕ МАКРОЭКОНОМИКОЙ

По мере того, как под влиянием торговли развивались глобальные рынки и экономика многих стран становилась все более открытой, усиливалось воздействие международной ситуации на внутреннюю экономику стран мира. Макроэкономические колебания в одном государстве, как правило, распространяются на другие страны, а более высокий уровень экспорта означает, что внешние условия оказывают большее воздействие на национальное производство. Передача экономических колебаний отражает не только усилившуюся интенсивность торговли, но и тот факт, что торговля становится все более связанной с внутренней эконо-

214

мической деятельностью. Конечно, воздействие макроэкономических колебаний зависит не только от торговли, но также и от других экономических факторов, особенно от глобальной финансовой системы, и успешность национальной макроэкономической политики зависит от того, как совмещаются друг с другом эти колебания. Тем не менее на экономику развитых стран макроэкономические колебания оказывают теперь более сильное влияние, чем в прежние эпохи, в том числе и в период классического золотого стандарта — и это несмотря на то, что в принципе колебания курса валюты могут обеспечить большую национальную автономию на макроэкономическом уровне (Eichengreen, 1994a). Приспособление к этим колебаниям и составляет основную задачу политики на уровне макроэкономики.

Хотя возросшая интенсивность торговых отношений делает национальную экономику более чувствительной к международным колебаниям спроса и цен на товары, становятся ли они в

результате этого более уязвимыми, зависит от способности экономики адаптироваться к внешним потрясениям, в том числе и от умения вести гибкую макроэкономическую политику. Как уже отмечалось во Введении, между чувствительностью к внешним воздействиям и уязвимостью следует проводить различие в плане материальных затрат и масштабов времени, необходимых для урегулирования этих внешних потрясений. Для любой более или менее точной оценки уязвимости необходимо было бы построить модель экономики каждой страны. В связи с этим стоит напомнить, что повышение цен на импорт в 70-х гг. XX в., особенно цен на нефть, оказало глубокое воздействие на макроэкономическую политику.

3.7.2 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ

Свободная торговля — хрупкое создание, ее выгодность плохо понимают политики и народные массы, ее существование находится под постоянной угрозой, исходящей со стороны социальных групп, выступающих за протекционизм. При таком отношении к свободной торговле внутри разных стран ее устойчивое существование в послевоенный период требует некоторых объяснений. Одно из таких объяснений — стремление политиков избежать протекционизма 30-х гг. XX в. Но преобразование торговли в послевоенный период видоизменило и внутреннюю торговую политику, а та, в свою очередь, способствовала изменению торговли.

Смягчение противостояния про- и анти-свободной торговой политики связано с преобразованием торговли в торговлю внутриотраслевую, в результате чего распределение прибыли и потерь стало в политическом отношении менее значимым. Это открыло гораздо более широкие возможности для свободной торговли. Протекционистские требования приобрели более частный характер и сосредоточились на специфических отраслях промышленности, уже в меньшей степени отражая классовые интересы, а также интересы труда, сельского хозяйства или тяжелой промышленности. Кроме того, спрос на импортные товары, зависимость от экспортных рынков и интернационализации производства, — все это стало существенным противовесом протекционистскому давлению (Milner, 1989). В результате переплетения всех этих интересов и влияний старомодный протекционизм утратил поддержку со стороны широких слоев населения, несмотря на

215

всякого рода популистские выходки. К тому же в условиях многосторонних ограничений на торговую политику и возрастающего во всем мире стремления к большей либерализации проводить политику протекционизма стало значительно труднее.

Более того, поскольку торговля в принципе способствует увеличению совокупного дохода страны, те, кто получают от нее наибольшую прибыль, могли бы компенсировать потери тех, кто несет убытки, и при этом все еще оставаться в выигрыше. Неудивительно поэтому, что, вообще, чем более открыта экономика государства, тем шире слой его граждан, живущих в достатке (Rodrik, 1997). Однако рост торговли и обмена в структуре торговли способствовал тому, что в развитых капиталистических странах усилилась роль тех элементов государственной системы, которые занимаются социальным обеспечением. Хотя нет никаких систематических свидетельств тому, что социальное обеспечение наносит ущерб процессу торговли (ср.: Pfaller et al., 1991).

предприниматели, особенно те, что заняты в отраслях промышленности, продукция которых пользуется спросом на рынке, сопротивляются, когда их вклад в дело социального обеспечения пытаются увеличить, аргументируя это тем, что это снижает их конкурентоспособность на мировом рынке. Однако сокращение перспектив найти работу для неквалифицированных рабочих является значительно более тяжелым бременем для системы, нацеленной на рост благосостояния. И хотя редко когда оказывается истинной правдой, что им не по карману такие затраты по содержанию безработных, затраты на социальное обеспечение безработных увеличились, политической же поддержки они лишились в результате изменения моделей торговли. Таким образом, влияние глобальной торговли довольно противоречиво: с одной стороны — создание государства всеобщего благоденствия, с другой стороны — подрыв политических оснований, позволяющих оказывать этому процессу финансовую поддержку. Как утверждает Э. Капстейн, «именно в тот момент, когда трудящиеся больше всего нуждаются в национальном государстве как буфере, предохраняющем их от мировой экономики, оно и бросает их на произвол судьбы» (Kapstein, 1996, p. 16).

3.7.3 ДИСТРИБУТИВНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ТРУД

По мере того, как торговля способствует развитию глобальных рынков, спрос на труд все больше начинает испытывать на себе влияние глобальных конкурирующих сил. Заработная плата в отраслях, связанных с торговлей, как правило, играет важную эталонную роль для остальных

секторов экономики. Международная конкуренция в области торговли, особенно в развивающихся странах, часто приводит к снижению заработной платы, стандартов социальной и экологической защиты до самого минимального уровня, (см., например, Hines and Lang, 1993)-Стандартная теория торговли, будучи чуть более обнадеживающей, предсказывает, что благодаря торговле уровни заработной платы в разных странах будут выравниваться, повышаясь в тех из них, где имеются избыточные трудовые ресурсы и где она изначально была низкой, и понижаясь в странах, испытывающих нехватку трудовых ресурсов, в которых зарплата была первоначально высокой. Движущей силой торговли являются различия в уровне развития технологии и экономики, а также нехватка тех или иных ресурсов, необходимых для процес-

216

са производства. В период классического золотого стандарта уровень заработной платы в разных странах был примерно одним и тем же. Это объясняется усилившейся специализацией, в результате которой страны обменивались товарам, которые были изготовлены по аналогичным технологиям. Характер послевоенной торговли изменил эти тенденции. Как уже отмечалось, многие товары, которыми торговали между собой развитые страны после войны, были аналогичными, поскольку уровни производства этих стран были примерно одинаковыми. Таким образом, хотя послевоенный период и был отмечен выравниванием заработной платы в развитых странах, но причиной этого выравнивания был скорее одинаковый уровень производства, а не торговля (Dollar and Wolff, 1993; Wolff, 1997). В случае если та или иная страна в какой-то из сфер производства добивалась устойчивого технологического преимущества, она могла позволить себе поднять заработную плату. Если это происходило в сферах производства, не связанных с торговлей, но увеличивающих сумму налоговых средств, направляемых на общественные нужды, то можно было доход от них направить на поддержание сопоставимого уровня заработной платы в других отраслях экономики. То же самое позволяет делать и доход, получаемый от внутриотраслевой торговли, обусловленной разными уровнями экономического развития предприятий. При благоприятных условиях от внутриотраслевой торговли выигрывает как капитал, так и труд (Helpman and Krugman, 1985, ch. 9).

Хотя торговля оказывает на труд благотворное влияние, сильная конкуренция может иметь неблагоприятные последствия для заработной платы и нетрудовых затрат. Наиболее сильное воздействие на труд торговля оказывает в том случае, если технология становится широко распространенной, а относительное преимущество обеспечивается наличием всех необходимых ресурсов. Если же те или иные преимущества становятся достоянием всех и выгоды, обеспечиваемые более высоким уровнем развития производства, исчезают, то возникают условия, при которых происходит устойчивое снижение более высокого уровня заработной платы, и можно ожидать, что произойдет выравнивание ее уровней. Произойти это может при торговле как между развитыми странами, так и между развитыми и развивающимися странами. В тех случаях, когда страны имеют доступ к одинаковым технологиям, межотраслевую торговлю, как отмечено было выше, можно интерпретировать как явление, обусловленное ресурсами квалифицированного труда. Свидетельством тому является следующий факт, наблюдавшийся в послевоенный период: если возрастающий уровень внутриотраслевой торговли увеличил оплату труда и доход от капитала, то межотраслевая торговля увеличила заработную плату квалифицированных рабочих и снизила оплату труда рабочих более низкой квалификации (Oliveira Martins, 1994)-Вследствие того, что развивающиеся страны расширили экспорт продукции, не требующей высокой квалификации, а развитые страны все больше специализировались на производстве товаров, требующих труда высококвалифицированного, произошло почти полное международное выравнивание заработной платы для групп рабочих одной и той же квалификации (Wood, 1994)-Свертывание в развитых странах отраслей промышленности, использующих неквалифицированный труд, резко снизило спрос на чернорабочих, почти обесценило их труд и привело к росту безработицы. По подсчетам А. Вуда, спрос на труд низкой квалификации упал более чем на 20% по сравнению с гипотетической ситуацией,

217

которая могла бы иметь место при отсутствии межотраслевой торговли (Wood, 1994.1995).

Проведенное на сей счет исследование показывает, что сравнительное преимущество развитых стран объясняется их относительной обеспеченностью квалифицированным трудом и передовыми технологиями, хотя практически одинаковый уровень производительности труда в этих странах скрывает устойчивые различия между отраслями промышленности

(Corvens, 1997; Dollar and Wolff, 1993; Gustavsson et al, 1997; Wolff, 1997). Начиная с 80-х гг. XX в. неравенство заработной платы в развитых странах стало увеличиваться: заработная плата квалифицированных и высококвалифицированных рабочих повысилась, тогда как перспективы занятости для неквалифицированных рабочих сильно уменьшились. Причины такого положения вещей являются темой жарких дискуссий, которые по большей части вращаются вокруг вопроса о том, в какой степени их следует приписать торговле с развивающимися странами (повышающими свой уровень оплаты труда), а в какой — изменениям в области технологий (Lawrence, 1996; Learner, 1996). Хотя, по мнению А. Вуда, весьма сомнительно, чтобы столь небольшое увеличение импорта развивающихся стран в страны развитые — порядка 1 или 2% их ВВП — могло послужить причиной этих изменений в оплате труда и уровне занятости (Wood, 1994; 1995)- Исследование, проведенное А. Вудом, показывает, что эти изменения вызваны торговлей. Другое исследование на эту тему приходит к выводу, что причинами указанных выше изменений в одинаковой степени являются как изменения в сфере торговли, так и технологические инновации (Minford et al., 1997)- В любом случае современные модели торговых отношений оказывают серьезное воздействие на положение труда в развитых странах.

3.7.4 СТРУКТУРНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ, ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Развитие глобальных рынков привело к специализации разных стран, так что какие товары им выгодно, а какие невыгодно производить, во многом зависит от тех конкурентных условий, которые складываются в мире. Безусловно, положение ни одной страны не может быть постоянным, — оно меняется по мере развития экономики и изобретения новых технологий. Так как международные модели сравнительного преимущества через какое-то время тоже меняются, экономика любой страны вынуждена постоянно перераспределять ресурсы, а не только давать односторонний ответ на вызов со стороны возрастающего объема торговли. В этом смысле торговля оказывает существенное влияние на структуру национальной экономики.

По мере усиления конкуренции в области экспорта торговля вызывает структурные изменения в экономике развитых странах. Почти на всем протяжении послевоенного «золотого века» многие страны, входящие в состав ОЭСР, в технологическом отношении отставали от США. Эти государства торговали со странами третьего мира, а не с США, поскольку в таком случае их продукция оказывалась и более совершенной, по крайней мере с точки зрения технологии, а кроме того, это давало им возможность снижать затраты на производство, главным образом путем снижения заработной платы. В 70-х гг. Япония и Европа начали

218

догонять США в плане технологий (Dollar and Wolff, 1993 ch. 3—6; Hansson and Henrekson, 1994). Хотя уровень производства в развитых странах в настоящее время вполне сопоставим, за этим скрываются существенные различия между разными секторами экономики. Определенные технологические преимущества продолжают создавать относительные преимущества и в торговле. Однако технология распространяется в мире не только посредством торговли, но и другими способами. Поэтому техническое знание — недолговечный источник относительного преимущества, хотя характер специализации, являющейся результатом технического знания, тех стран, которые лидируют в этой области, может сохраняться. По мере распространения технологий и выравнивания условий производства в развитых странах, происходит и выравнивание торговой специализации, о чем имеется ряд свидетельств (Soete and Verspagen, 1994)-

Поскольку рост экономики способствует возрастанию доли экспорта на мировых рынках, торговля ведет и к усилению конкуренции. Технология же, которая все больше распространяется в мире и позволяет производителям снижать затраты на производство, усиливает ее еще больше. Появление производителей, чьи товары продаются по более низким ценам, практически лишает любого производителя возможности увеличивать цены в одностороннем порядке. Это заставляет производить структурные изменения, такие, например, как контракт между некоторыми отраслями промышленности или же ликвидация одних отраслей и расширение других. Страны не могут быть конкурентоспособны во всех отраслях экономики или ни в одной из них, но внутреннее социальное и экономическое регулирование, связанное с изменениями ресурсов, может быть весьма

значительным, начиная с ликвидации одних секторов экономики и заканчивая расширением других. Именно по той причине, что конкурентное преимущество относительно, изменение конкурентной способности одной страны непосредственно влияет на другие страны. Это можно проиллюстрировать на примере США, которые в 80-х гг. XX в. из страны, ведущей торговлю в незначительном объеме, превратились в страну более или менее открытую для торговли. Хотя, благодаря распространению технологий, США утратили свое относительное преимущество в целом ряде отраслей промышленности, во многих других отраслях они его по-прежнему сохраняют. Некоторые отрасли промышленности быстро выросли на экспорте, но в целом ряде отраслей — особенно в автомобильной промышленности — необходимо было произвести глубокую реструктуризацию. Дело не только в том, что более высокий уровень торговли повлек за собой снижение конкурентоспособности американской промышленности вообще, а в том, что необходимость крупных структурных преобразований в экономике была продиктована большей уязвимостью страны в условиях глобальной конкуренции.

Большая часть радикальных структурных воздействий торговли в развитых странах происходит из-за производителей товаров с более низкими ценами, приобретающих производственные технологии, о чем свидетельствует увеличение количества экспортеров промышленных товаров в новых индустриальных странах. Это, опять-таки, не означает, что все производители из развитых стран окажутся вытесненными с рынка. Даже самые продвинутые из числа новых индустриальных стран все еще технологически отстают от ведущих индустриальных стран, давая им возможность значительно снижать уровни производства (Dollar

219

and Wolff, 1993, ch. 8). По мере того, как новые индустриальные страны приобретали производственные технологии, база для конкуренции в торговле менялась (как это уже отмечалось) и из технологического превосходства превратилась в относительную обеспеченность квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой (Wood, 1994)- Большинство стран ОЭСР стало специализироваться на товарах, требующих высококвалифицированного труда, в то время как новые индустриальные страны расширили экспорт изделий, требующих труда более низкой квалификации. В результате этого из экономических структур развитых стран практически исчезло производство некоторых текстильных изделий, изделий из кожи, детских игрушек и спортивных товаров. Заметим, что это не означает общей утраты конкурентоспособности среди развитых стран, а скорее свидетельствует о том, что по мере того, как торговля с новыми индустриальными странами расширялась, они все больше специализировались в той или иной сфере производства, увеличивая производство одних товаров и заключая контракты на поставку других.

Все выше изложенное заставляет с некоторой осторожностью относиться к дебатам по поводу национальной конкурентоспособности и деиндустриализации развитых стран. Глобальная реорганизация промышленности, вызванная торговлей, привела к глубоким структурным изменениям в экономике развитых стран, которые сводятся скорее к специализации, чем к утрате конкурентоспособности. Даже в тех случаях, когда технология становится достоянием развивающихся стран, конкурентное преимущество развитых стран не утрачивается, поскольку, как это уже отмечалось, сфера конкуренции смещается в сторону относительного избытка квалифицированного труда. На самом деле развитые страны сохранили многие из своих конкурентоспособных и технологических преимуществ.

Деиндустриализация развитых стран, т. е. сокращение промышленного производства в плане снижения объема выпуска продукции и сокращения численности занятых в нем (по крайней мере, в текущих ценах), часто приписывается конкуренции в области торговли, особенно в США и Англии. Некоторое относительное снижение — неизбежное следствие смены торговых моделей и нового международного разделения труда. Доля занятых в промышленном производстве, как правило, уменьшается по мере развития экономики: при повышении производительности труда для поддержания данного объема производства требуется все меньшее и меньшее количество рабочих. Некоторые развитые страны увеличили свою долю в мировом экспорте промышленных товаров, потеснив других, но даже в странах с низкой производительностью труда в сфере индустрии, таких, например, как Британия, это означает снижение лишь доли внутреннего промышленного производства в национальном продукте и уменьшение численности занятых в нем (Rowthorn and Wells, 1987)- Точнее говоря, даже если бы экспорт промышленных товаров стремительно возрос, то же самое изменение произошло бы в сфере торговли услугами в плане ее расширения. Скорее всего, торговля с новыми индустриальными и другими развивающимися стра-

нами вызвала внутреннюю реорганизацию производства, а не общее снижение промышленного производства (деиндустриализацию) развитых стран. Действительно, развитые страны имеют торговые излишки по сравнению с развивающимися странами, также как индустриализация последних способствовала появлению у них потребности в станках, оборудовании и прочих высокочкасных това-

220

рах. Широкое распространение технологии и появление новых производителей ускорило динамику глобальной конкуренции до такой степени, что непрерывная структурная адаптация стала постоянной особенностью экономической жизни развитых стран.

3.8 ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ

Торговля во многом способствовала послевоенному экономическому росту стран ОЭСР, и сегодня уровень их торговли исторически беспрецедентен. Обширная и интенсивная торговая сеть обеспечивает создание условий для функционирования глобальных рынков, внутреннее воздействие которых выходит далеко за рамки торгового сектора и сказывается на всей экономике. По мере того, как институционализируются региональные торговые соглашения, они, как правило, усиливают тенденцию к укреплению более свободной торговли, о чем свидетельствует создание и развитие ВТО.

С самого начала национальное государство принимало протекционистские меры в защиту торговли, чтобы увеличить доходы, управлять платежным балансом и развивать промышленность внутри страны. К концу XX в. институционализация торговли, также как и экономические затраты, строго ограничили возможности той или иной страны проводить политику протекционизма. Сегодня не только тарифы и квоты, но и политика, поддерживающая развитие промышленности внутри страны и даже внутренние законы об экономической конкуренции и страховании привлекают к себе все более пристальное внимание международной общественности и подчиняются правилам международного регулирования. Кроме того, исторический опыт экономического развития с помощью протекционизма пользуется теперь все меньшим кредитом доверия, что можно видеть на примере восточно-азиатского кризиса 1997 г. Автаркия, или «отделение», тоже снята сегодня с политической повестки дня. Нынешний энтузиазм относительно капитализма с человеческим лицом — капитализма просвещающего и воспитывающего — отражает не только академический и политический интерес к тем возможностям, которыми обладают меры, направленные на преодоление некоторых неблагоприятных последствий свободной глобальной торговли, но и тот факт, что никакого иного политического выбора не существует. В этом отношении современная глобализация торговли изменила представление о независимости государства и вызвала изменения в государственной политике. Кроме того, глобальное регулирование торговли такими органами, как ВТО, подразумевает существенный пересмотр Вестфальского определения государственного суверенитета. Как показал экономический хаос конца 90-х гг., в ближайшем обозримом будущем процветание развитых капиталистических стран по-прежнему будет зависеть от динамики глобальной торговли. Но торговая глобализация — лишь одна сторона процесса формирования современной глобальной экономики: другие его стороны — финансы и производство — будут рассмотрены в следующих главах.

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Немного найдется более расхожих образов глобализации, чем люди за столиками в лондонском Сити или на Уолл-Стрите, нажатием кнопки лихорадочно покупающие и продающие валюту и активы всех стран мира. Несмотря на то, что мировые продажи и покупки валюты сосредоточены в трех главных центрах — Лондоне, Токио и Нью-Йорке, — объем этих сделок ошеломляет: в среднем он составляет 1490 млрд. долларов каждый рабочий день. Кроме того, ежедневно во всем мире продаются и покупаются финансовые активы на миллиарды долларов. Помимо текущих активов, появились фьючерсные рынки, благодаря которым стало возможным покупать и продавать активы и валюту по упреждающему курсу, т. е. по такому, каким он предположительно будет через какое-то время. Разработка новых финансовых инструментов, дерегулирование национальных финансовых рынков и развитие международных банков и других финансовых институтов породило функционирующую ныне глобальную финансовую систему. Сегодня мировая торговля валютой и государственными

ценными бумагами означает, что валютные курсы и процентные ставки, две важнейшие переменные, определяющие всю макроэкономическую политику государства, обусловлены положением дел на глобальных финансовых рынках.

4.1 ПОКАЗАТЕЛИ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ФИНАНСОВОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

За многие века возникло множество трансграничных финансовых потоков; чтобы отобразить их во времени и пространстве, в этой главе применяется сразу несколько показателей международной финансовой активности. Существует множество методов измерения обширности и мощности международной финансовой системы, и это поможет нам здесь провести различие между финансовой открытостью, финансовой вовлеченностью и финансовой интеграцией. Открытость национальных финансовых рынков характеризует уровень юридических ограничений международных финансовых операций. Степень вовлеченности характеризует уровень участия страны в глобальной финансовой деятельности: для этого показателя нет никакого единого индикатора — он различным образом выражается в обороте заграничных активов на национальных рынках, в присутствии иностранных финансовых институтов на отечественных финансовых рынках и отечественных финансовых институтов на заграничных финансовых рынках, а также в национальном участии в различных глобальных финансовых потоках. Финансовая интеграция используется здесь только в узком экономическом смысле слова, т. е. как степень, в какой на финансовых рынках разных стран вы-равнена цена и доходность активов. На полностью интегрированном рынке доходы от идентичных финансовых активов также идентичны, но, разумеется, многие активы, являющиеся предметом международной торговли, не идентичны. Уровень процентной ставки или уравнивание стоимости активов не способны отра-

222

зить всю сложность финансовой глобализации как исторического процесса. Лучшим показателем будет степень сближения стоимости или доходности пакетов аналогичных финансовых активов. Эти различные показатели служат основой для описания исторических форм финансовой глобализации и точной оценки того, что именно нового происходит в современную эпоху. Исследуя географический размах мировых финансовых рынков, мы можем оценить *степень обширности* международной финансовой системы. Анализ размеров глобальных финансовых потоков (и валовых, и чистых) позволяет выделить исторические модели *интенсивности* финансовой глобализации. Для определения влияний финансовой деятельности немаловажную роль играет изменяющаяся *скорость* финансовых потоков, связанная с инфраструктурными изменениями в коммуникационных технологиях. Финансовая глобализация, несомненно, может оказывать глубокие *воздействия* на курс экономической политики государства; но типы этих воздействий (связанные с процессом принятия решений, институциональные, дистрибутивные и структурные) могут быть различны в разные эпохи, и при этом влияние глобальных финансовых потоков в значительной степени опосредовано национальными экономическими условиями. Кроме того, мировые финансовые потоки зависят от различных *инфраструктур* и их *институционализации*, а последние, в свою очередь, сами изменяются во времени и пространстве. Наконец, глобальная финансовая система обнаруживает четкие модели стратификации: так же, как, например, во внутренней экономике различные категории заемщиков сталкиваются с разными процентными ставками и условиями займа.

4.1.1 СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Глобальная финансовая система включает в себя кредитные (типа ссуд и облигаций), инвестиционные (иностраннне прямые инвестиции, ценные бумаги) и валютные (иностранная валюта) потоки. Такая широкая трактовка понятия финансовой системы позволит нам в дальнейшем рассказать историю изменения исторических моделей глобальной финансовой деятельности. Опираясь на концептуальную схему, разработанную во Введении, мы рассмотрим в этой главе, как пространственно-временные и организационные формы глобальной финансовой системы развивались, начиная с раннесовременного периода. Соответственно при этом мы стремимся идентифицировать основные признаки финансовой глобализации в раннесовременном периоде, в эпоху классического золотого стандарта, Бреттон-Вудском и современном периодах. На основе этого выявляются новые признаки финансовой глобализации нынешнего времени. Кроме того, рассматривается вовлеченность в эту систему шести рассматриваемых здесь развитых капиталистических стран, а также последствия глобальной финансовой деятельности для государственной независимости и государственного суверенитета. Поскольку в дальнейшем, при изложении истории финансовой глобализации часто используются некоторые специальные

Врезка 4-1 Специальные термины финансовой глобализации

Международные потоки капитала могут быть определены как трансграничные потоки активов и ссуд, долгосрочных и краткосрочных, и разделены на несколько типов:

- *прямые зарубежные инвестиции* — инвестиции в иностранные предприятия (или владение ими), находящиеся в той или иной степени под прямым управлением инвестора;
- *международное банковское кредитование* — кредитование иностранных клиентов в отечественной или иностранной валюте;
- *международные облигации* — кредитные документы, выпускаемые иностранными кредиторами/должниками и содержащие обязательства уплатить в установленные сроки определенную денежную сумму и периодически, через оговоренные промежутки времени, — проценты; таким образом, являются ликвидными ценными бумагами, выраженными в стандартных единицах;
- *инвестиции ценных бумаг* — инвестиции в форме акций или долгосрочных облигаций, которые инвестор держит лишь ради получения прибыли, не играя при этом никакой роли в управлении предприятием;
- *международные обыкновенные акции* — акции компаний, выпускаемые для продажи иностранцам;
- «*новые*» *финансовые инструменты* — дериваты, опционы, свопы;
- *поддержка развития* — официальные потоки от правительства к правительству;
- *международные валютные потоки* — купля-продажа иностранной валюты.

Потоки совокупных капиталовложений определяют полную величину капиталовложений, направленных за пределы того или иного государства или, наоборот, вложенных в его экономику.

Потоки чистых капиталовложений определяются как совокупные исходящие потоки минус совокупные входящие потоки — чистые потоки капиталовложений, фиксируют долговые обязательства данной страны по отношению к остальному миру или остального мира по отношению к ней.

4.2 РАННИЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С самого своего зарождения трансграничная торговля требовала некой общепринятой валюты. Вначале это были, как правило, драгоценные металлы типа золота. Перевозки золота и серебра с континента на континент начались не позднее XII в. (Watson, 1967); увеличивающаяся с этого момента трансграничная торговля способствовала установлению периодических финансовых отношений между торговцами. Зарождение организованной международной финансовой системы датируется XIV в., когда флорентийские торговые банки, как, например, известная компания Перуцци, установили многонациональные связи посредством или организации «зарубежных» учреждений, или заключения взаимовыгодных соглашений с иностранными банками (Abulafia, 1997; Hunt, 1994).- Начиная с XVI в. Европа импортировала значительные объемы драгоценных металлов, немалая часть которых использовалась для финансирования торговли с Азией. В результате монетарные системы Европы и Азии переплелись друг с другом (Vilar, 1991).-Хотя международные кредитно-денежные потоки имеют длинную историю,

224

европейский финансовый порядок как организованные или институционализированные системы кредитных отношений между основными экономиками складывается в основном с XVI в. (Germain, 1997).- В этот период главным центром европейской финансовой системы был Антверпен. Такое его положение объяснялось тем, что он занимал ключевые позиций в торговле (как внутри Европы, так и между Европой и Азией) и, кроме того, придерживался либеральной финансовой политики: на рынках Антверпена открыто работало множество иностранных коммерсантов. Развитие международной финансовой системы в этот период сводилось к двум главным процессам. Во-первых, разрастающиеся торговые сети увеличили спрос на международные финансовые услуги — просто чтобы преодолеть связанные с перевозкой денег затраты и риски. Во-вторых, стоящие перед абсолютистскими государствами проблемы поиска средств на различные нужды, особенно на ведение дорогостоящих войн, породили значительное давление, оказываемое на организованную финансовую систему и способствующее появлению различных возможностей ее развития. Банк Англии, например, был основан в 1694 г. как частный

банк для того, чтобы финансировать войну Англии с Францией. В Европе появление современных государств было тесно связано с созданием единых валют, находящихся под контролем из центра (Goodhart, 1985)-

Как отмечает Р. Гермейн, в этот раннесовременный период основные центры финансовой деятельности располагались, как правило, в областях сосредоточения торговли и, следовательно, повышенного спроса на финансовые услуги (Germain, 1997. ch. 2). Соответственно главный финансовый центр Европы переместился из итальянских городов-государств в Антверпен, отражая изменения, произошедшие в европейской торговле. С развитием в XVII и XVIII вв. голландской и английской экономики международная финансовая деятельность переместилась в новые центры — в Амстердам и Лондон. Первоначально эти сети взаимосвязей международной финансовой системы ограничивались европейским континентом; но вкупе с первыми европейскими империями и их ассоциированными торговыми компаниями они распространились за ее пределы (см. гл. 1 и 5).

Возросший к XVIII в. спрос на международные финансовые услуги привел к тому, что Амстердам и Лондон превратились в чрезвычайно сложные рынки (на них, например, заключались даже фьючерсные сделки), обслуживающие торговлю на севере Европы, а также поддерживающие финансовые системы своих собственных стран. На обмен информацией между этими основными центрами финансовой деятельности уходила примерно неделя, но интенсивность операций была такой, что они образовали единый европейский финансовый рынок (с точки зрения выравнивания стоимости и доходности финансовых активов) (Neal, 1990; Zevin, 1992)- Увеличение объемов торговли делало амстердамские финансовые рынки все более и более ликвидными: из-за относительного спада голландской промышленности, внутренний спрос на финансы не поспевал за темпами увеличения предложения. В течение XVIII в. амстердамские рынки видоизменялись и превратились в главных кредиторов для других европейских государств (Riley, 1980).

Довольно обширные в плане своего межконтинентального охвата, трансграничные финансовые сети в этот период все же ограничивались областью влияния тогдашних империй. Размеры финансовых потоков были существенными, а их воздействия — весьма значительные вследствие ведения войн и укрепления

225

государства — сводились к тому, что у той или иной страны накапливались долги, которые должны были погашаться за счет налогов, собираемых внутри страны, и кредитов, взятых как из иностранных, так и из внутренних источников (Tilly, 1990). Кроме того, как уже отмечалось, имела место конвергенция процентных ставок и стоимости активов.

4.3 ПЕРИОД КЛАССИЧЕСКОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА: 1870—1914

Промышленная революция в Англии и завоевание ею мирового торгового господства помогли Лондону достичь ведущих позиций в международной финансовой системе и закрепиться на них. К концу XIX в. помимо того, что Лондон функционировал как ведущий международный финансовый рынок, английские банки расширяли и развивали свою глобальную деятельность. В течение периода с 1870 г. до Первой мировой войны международные финансовые потоки стали гораздо более обширными и интенсивными. Развитие коммуникационных инфраструктур означало, что внутренние финансовые рынки тесно переплелись друг с другом в рамках международных финансовых сетей. Правительства вводили очень мало (если вообще вводили) ограничений на международные финансовые потоки, в то время как стоимость основных валют регулировалась системой мирового золотого стандарта. Как заметил по этому поводу в 1915 г. сэр Эрнест Баркер, «усовершенствованные средства связи, особенно телеграф, породили единую для всего мира систему кредитования» (Barker, 1915)- Этот период, как часто утверждают, — первый, в течение которого существовала настоящая глобальная финансовая система. Действительно, скептики считают продолжавшуюся до Первой мировой войны эпоху классического золотого стандарта точкой отсчета финансовой глобализации, доказывая, что размеры чистых потоков были в то время больше, чем когда-либо впоследствии, и что соблюдение норм золотого стандарта означало тогда, что страны должны были подчинить свою внутреннюю экономическую политику некому постоянному набору международных норм (Zevin, 1992; Hirst and Thompson, 1996, ch. 2). Но, как показывает нижеследующий анализ, это представление неверно.

4.3.1 МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАПИТАЛ: ОБШИРНОСТЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И СТРАТИФИКАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ

Капитал перемещался в этот период по всему миру, а интенсивность иностранных инвестиций

приобрела решающее экономическое значение как для стран-инвесторов, так и для стран-должников. Хотя существуют разные оценки масштабов трансграничных потоков капитала и предел их погрешности весьма велик, общие модели вполне понятны. Из таблицы 4-1 очевидно существенное увеличение размеров потоков капитала. Англия осталась главным экспортером капитала, хотя в начале этого периода ее доминирование стало постепенно ослабевать. Франция была заметным экспортером капитала, в то время как Германия и США стали таковыми лишь к концу этого периода. Совокупная доля голландских иностранных инвестиций в глобальном инвестировании быстро уменьшалась — по мере того, как на рынке появлялись другие инвесторы. По мере того, как в XVIII — начале XIX вв. зарубежные инвестиции охваты-

226

Таблица 4-1 Иностранные капиталовложения стран-инвесторов, 1825—1938, в процентах от общего объема инвестиций в мире

Англия	Франция	Германия		Нидерланды	США	Итого (в млн. дол.)
1825	55,6	11,1		33,3		900
1840	58,3	25,0		16,7		1200
1855	63,9	27,8		8,3		3600
1870	62,0	31,6		6,3		7900
1885	55,7	23,6	13,6	7,1		14000
1900	51,1	21,9	20,3	4,6	2,1	23700
1914	44,0	19,9	12,8	2,6	7,8	45450
1938	41,7	7,0	1,3	8,7	21,2	54950

Источник: Данные из Woodruff, 1966, p. 150 — 157

Таблица 4-2 Объемы иностранных капиталовложений в отдельные страны в процентах от общего объема инвестиций в мире, 1914 и 1938

	1914	1938
Северная и Южная Америка	43,6	45,4
США	15,8	12,7
Канада	8,2	12,1
Аргентина	6,7	5,8
Бразилия	4,9	3,6
Мексика	4,4	3,3
Европа	24,4	18,7
Азия	17,7	20,4
Ближний и Средний Восток	6,7	1,5
Индия и Цейлон	4,4	5,6
Китай	3,3	4,7
Африка	8,9	7,4
Южно-Африканский Союз	3,8	2,6
Океания	5,3	8,1
Австралия	3,8	6,9

Источник: Данные из Cameron and Vovukin, 1991, p. 13; Woodruff, 1966, ch. 4

вали одну за другой европейские страны, их масштабы становились межрегиональными или даже межконтинентальными. Как показывает таблица 4-2, хотя к началу Первой мировой войны 40% всех иностранных инвестиций было вложено в Северную и Южную Америку, крупные инвестиции направлялись также и в Азию, Африку и Австралию.

Из крупных инвестиционных потоков этого периода образовались накопленные фонды. В развитых капиталистических государствах объемы сбережений со временем превысили внутренний спрос на инвестиции. Во многих же еще только складывающихся экономиках, наоборот, спрос на инвестиции превысил объемы внутренних сбережений: быстрая урбанизация вкупе с относительно молодым населением привела к высокому спросу на инфраструктурные инвестиции. При одной и той же степени риска прибыли от этих зарубежных проектов

Таблица 4-3 Потоки чистых зарубежных инвестиций в процентах от ВВП, 1870—1920

Англия		Франция	Германия	Япония	Швеция	США
1870	+5,6	-0,4	+0,6	+0,1	-1,6	-2,7
1880	+3,2	+2,0	+1,9	-4,2*	-3,7	+0,1
1890	+5,8	+3,8	+2,0	-2,8	-2,5	-0,1
1900	+1,8	+3,6	+1,3	+2,2	-2,7	+1,4
1910	+7,4		+1,3		+0,4	0
1920	+2,6				+0,5	+2,4

+ = отток.

- = приток.

* 1899.

Источники: Green and Urquhart, 1976, p. 244; данные по Японии — Ohkawa and Shinovara, 1979

ожидались более высокие, чем от отечественных. Английские инвестиции вкладывались прежде всего в экономики основных стран-экспортеров с целью финансировать инфраструктурные проекты; только железные дороги составили, вероятно, треть всех английских иностранных инвестиций за этот период. Гораздо большие доли французских и немецких кредитов покрывали дефициты государственного бюджета других стран, как это несколькими столетиями раньше делали голландские кредиты. Около трети всех иностранных инвестиций составляли прямые инвестиции частных компаний, по большей части американских (см. гл. 3).

Возросшая мощность этих инвестиционных потоков между главным кредитором и нациями-должниками очевидна из таблицы 4-3- Англия инвестировала в течение этого периода в экономики других стран в среднем 5% своего ВВП ежегодно, в то время как другие основные инвесторы — только 2,5 или даже меньше. Тем не менее эти зарубежные инвестиции составляли значительную долю всех национальных инвестиций. В только еще формировавшихся тогда экономиках Канады, Австралии и Аргентины на иностранных займах держалось иногда до половины всех их внутренних капиталовложений (Vos, 1994. ch. 4). Такие займы играли в экономическом развитии этих стран ключевую роль: они финансировали немалую часть той инфраструктуры, которая лежала в основе этого развития. Вообще, чистые потоки трансграничных инвестиций и потоки выплат стран-должников по сделанным займам с тех пор редко когда оказывались по своим объемам эквивалентны друг другу, а если такое равенство и устанавливалось, то сохранялось оно весьма короткое время.

Поскольку это кредитование осуществлялось в основном посредством выпуска государственных облигаций, то европейские рынки международных долговых обязательств (особенно Лондон) приобретали все более глобальные масштабы (Vos, 1994> ch. 4). С международным выпуском и торговлей государственными облигациями спрос и предложение для этих финансовых инструментов устанавливались все больше и больше в контексте глобального рынка. По сути, сложился неофициальный глобальный рынок облигаций, в условиях которого правительства не накладывали никаких или почти никаких ограничений на торговлю. С другой стороны, они редко вмешивались с целью поддержки частных кредиторов из своих стран в случаях, когда страны-заемщики продлевали сроки выплат

228

по своим долгам или объявляли о неплатежеспособности (хотя английское правительство помогло спасти «Barings Bank», когда тот обанкротился из-за аргентинского дефолта 90-х гг. XIX в.).

В период с 1870 по 1914 гг. Лондон сохранял свой статус главного финансового центра (вторым же после него шел Париж), так что стоимость иностранных ценных бумаг, котирующихся на Лондонской и Парижской бирже, обычно превышала стоимость внутренних ценных бумаг (Morgenstern, 1959)- После этих центров самыми большими в Европе были Берлин и Амстердам, хотя Нью-Йорк к Первой мировой войне занял уже довольно серьезные позиции. Итак, существовала четкая иерархия среди финансовых центров. Распространение потоков капитала тоже было неравномерным. Как следует из приведенных в таблице 4.2 данных, хотя иностранные инвестиции имели трансграничные масштабы, они были сосредоточены в довольно небольшом количестве стран.

Помимо того, что глобальная финансовая система была сильно стратифицирована, она становилась в течение этого периода все более и более организованной. Происходило значительное расширение и институционализация международной банковской деятельности, особенно английской. В 1860 г. английские банки имели за границей свыше сотни отделений, в 1890 г. — 700, а к 1914 г. — почти 1400 (Jones, 1993). Кроме того, западные банки распространились за границей настолько, что появились даже в Китае (Nishimura, 1997). Дальнейшему развитию глобальных финансовых взаимосвязей способствовала прокладка трансконтинентальных телеграфных кабелей, которые связали основные финансовые рынки между собой. Кроме того, такие инфраструктуры способствовали институционализации и формализации международных валютных систем, реализованных в классическом золотом стандарте.

4.3.2 МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Во второй половине XIX в. курсы основных валют были привязаны к стоимости золота. Этим была создана основа для системы фиксированных обменных курсов — классического золотого стандарта. После подготовительной Международной валютной конференции в Париже (1867) золотой стандарт был в 1878 г. официально введен. Вначале сфера его действия была ограничена ведущими европейскими странами, Северной Америкой и Австралией. Лишь в начале XX в. в эту систему включилось большинство стран Европы и Латинской Америки, Япония и основные колониальные территории; правда, некоторые относительно слабые экономики позже из этой системы вышли и девальвировали свою валюту. Членство в системе золотого стандарта требовало, чтобы страны в случае нужды конвертировали свою валюту в золото и одновременно с этим не ограничивали международные потоки золота.

Классический золотой стандарт (см. врезку 4.2) часто рассматривается как система, сочетающая глобально объединенные (в масштабе, какого не было ни до, ни после) финансовые рынки и механизмы автоматической корректировки, гарантировавшие, что национальные экономики будут приспосабливаться к глобальному финансовому порядку. Более критический взгляд показывает, что автоматическим это регулирование, возможно, не стало; хотя открытость национальных

229

Врезка 4-2 Теоретические представления о функционировании золотого стандарта. Вариантов общепринятой точки зрения на автоматическое регулирование при золотом стандарте существует несколько, но основные принципы везде одни и те же. Экспортеры получают плату в иностранной валюте. Желая избавиться от нее, они переводят ее в золото, а затем предъявляют золото банку своей собственной страны для конвертирования ее в свою национальную валюту. Таким образом, страна, испытывающая дефицит платежного баланса, вероятно, должна испытывать чистый отток золота, а страна, имеющая положительный платежный баланс, — наоборот, чистый приток. Поскольку валюта обеспечена золотом — в золото в случае необходимости может быть переведена вся денежная масса национальной валюты, — его количество и определяет объем денежной массы каждой страны. Предполагалось, что процесс регулирования будет автоматическим. Сокращение денежных запасов должно влечь за собой падение внутренних цен, удешевление экспорта и подорожание импорта и выравнивание, таким образом, дефицита платежного баланса. Обратный процесс должен происходить с профицитом платежного баланса.

экономик подразумевала, что министерства финансов всех стран-членов должны были привести внутреннюю политику, особенно процентные ставки, в соответствие с мировыми нормами, чтобы обеспечить их совместимость с золотым стандартом, т. е. они должны были, по выражению Дж. Кейнса, соблюдать «правила игры».

На практике корректировки редко происходили автоматически, а правительства, как свидетельствуют данные о постоянных профицитах и дефицитах платежного баланса, при этом необязательно всегда соблюдали «правила игры» (Bloomfield, 1959; Eichengreen, 1996, ch. 2; Ford, 1989; Panic, 1992). В этом смысле внутренняя валютная политика почти никогда не определялась целиком глобальными финансовыми рынками, так как страны часто не приводили свои экономики в соответствие с предполагаемыми нормами. Как отмечалось выше, промышленно развитые страны с профицитом торгового баланса вкладывали значительные инвестиции в экономики

развивающихся стран, порождая огромные перемещения капитала, часто покрывавшие торговый дефицит последних. Страны с положительным платежным балансом, в частности, легко могли таким образом удерживать свои позиции, избегая предполагаемых функционированием системы золотого стандарта корректировок во внутренней экономике. Но периодически экономики сталкивались с давлением в сторону регулировки, хотя автоматическим корректировкам денежной массы и цен валютные власти обычно предпочитали манипулирование процентными ставками. Дефицит платежного баланса мог быть покрыт в кратчайшие сроки посредством увеличения внутренних процентных ставок: капиталы потекли бы в страну, стремясь воспользоваться преимуществом более высоких ставок в уверенности, что несомненная преданность властей золотому стандарту потребовала бы от них необходимой внутренней корректировки, что привело бы к стабилизации краткосрочных потоков капитала. Более высокие процентные ставки уменьшили бы внутренний спрос и сократили уровни импорта, устраняя таким образом дефицит. Корректировка, таким образом, осуществлялась скорее посредством изменения объемов производства и уровня занятости, чем через изменения цен.

230

Кроме того, с учетом лидерства Англии в мировой экономике и выполнения фунтом стерлингов роли главной международной валюты, Банк Англии играл в управлении золотым стандартом главную роль. В этом смысле система золотого стандарта управлялась скорее Лондоном, чем автоматической системой глобальных корректировок. Банк Англии играл активную роль в контроле крупных сбоев этой системы, часто возглавляя совместную интервенцию других основных крупных банков и координируя их финансовую политику, чтобы достичь стабильности (Eichengreen, 1992, ch. 2).

Меры внутренней корректировки, таким образом, скорее определялись сознательно, чем осуществлялись автоматически. Далее, объемы денежной массы, уровень цен и процентные ставки не следовали за перемещениями золота и не приспосабливались к условиям платежного баланса тем элементарным путем, о котором твердят традиционалисты. Действительно, объемы денежной массы и уровень цен часто изменялись не в соответствии с международными перемещениями золота или национальными условиями платежного баланса, так как валютные власти развитых стран часто корректировали объем денежной массы в направлении, совершенно противоположном предсказанному традиционалистами (Bloomfield, 1959)- Это подтверждает, что национальные валютные условия и политика определялись скорее внутренними, чем мировыми финансовыми рынками, так что национальные валютные власти сохранили гораздо больше независимости в проведении макроэкономической политики, чем предполагают ортодоксальные точки зрения на золотой стандарт.

Тем не менее в течение этого периода разница между процентными ставками главных стран резко уменьшилась, поскольку финансовые рынки стали более взаимосвязанными (Morgenstern, 1959; Eichengreen, 1994&). Но совсем равными друг другу процентные ставки не стали. Напротив, между ними, несмотря на систему золотого стандарта и свободные потоки капитала, сохранялись постоянные различия (Morgenstern, 1959)- Для Англии, Франции, США и Канады при определении внутренних процентных ставок внутренние приоритеты были столь же существенны, как международные перемещения капитала (Wallace and Choudhry, 1995; Levy-Leboyer and Bourguignon, 1990). Немецкие и шведские валютные условия и политика соответствовали условиям традиционного золотого стандарта гораздо больше, чем в Европе, в развивающихся странах, с их зачаточными финансовыми системами, занимавшими периферийное положение в системе золотого стандарта, воздействие международных финансовых условий на внутреннюю валютную политику носило весьма ограниченный характер. Никакой конвергенции национальных валютных условий по всему миру, как часто считают традиционалисты эпохи классического золотого стандарта, не существовало; напротив, имели место существенные расхождения между ними. Хотя функционирование системы золотого стандарта породило некоторую конвергенцию процентных ставок развитых стран, это произошло не за счет их национальной валютной независимости. В этом смысле национальная валютная политика никогда не определялась одними (и даже преимущественно ими) глобальными финансовыми рынками или условиями.

Функционирование классического золотого стандарта и его успех объясняется особыми историческими условиями (Panic, 1992; Vos, 1994> ch. 4). При отсутствии или ограниченности демократических институтов правительства могли по

231

большой части игнорировать внутренние социальные и экономические последствия валютных

корректировок, особенно дефляционных. С другой стороны, готовность инвесторов в странах с положительным платежным балансом предоставить кредит тем странам, где этот баланс был отрицательным, предполагала, что, пока дефицит текущего платежного баланса покрывается долгосрочными финансовыми потоками из стран с положительным балансом, давление в сторону корректировок будет ограниченным. Противодействие международных потоков капитала циклическим колебаниям экономики обычно предотвращало наступление серьезных кризисов: высокий внутренний спрос на инвестиции во время подъемов экономической активности в развитых странах сокращал иностранные инвестиции и поднимал процентные ставки; но это частично компенсировалось ростом объемов торговли, которые, в свою очередь, увеличивали спрос на товары, экспортируемые странами-должниками. Спады в экономике основных развитых стран означали более медленный рост спроса на эти товары, но они также и увеличивали предложение странам-должникам иностранных инвестиций и снижали процентные ставки. Высокие объемы международной миграции тоже усиливали влияние колебаний цен и объемов производства на уровень внутренней безработицы. Кроме того, множество стран проводило протекционистские меры в торговле (см. гл. 3), и хотя эти меры, возможно, не использовались непосредственно для воздействия на платежный баланс, они представляли собой механизм ослабления внутренних издержек корректировок.

4.3.3 ФИНАНСОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ КЛАССИЧЕСКОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Международные потоки финансов и инвестиций в течение периода классического золотого стандарта были, конечно, *обширными*, охватывая все континенты мира. Существовал организованный многонациональными банками глобальный рынок капиталов, обеспечивавший попадание капитала из экономик более развитых стран в те регионы, где был значительный спрос на инвестиции. Будучи очень неравномерными, эти потоки тем не менее имели огромное влияние и на страны-инвесторы, и на страны-получатели и представляли собой важную особенность мирового экономического развития в эту эпоху. Действительно глобальным по своему влиянию может быть назван лишь английский капитал — по общему признанию, основной источник инвестиций. Но и он концентрировался главным образом в рамках Британской империи и Северной и Южной Америки, в то время как капитал, экспортируемый другими развитыми странами, был сосредоточен в основном в Европе и сферах влияния империй. Большая часть стран получала из-за границы немного средств и была фактически выведена за рамки глобального финансового рынка. Несмотря на это, *мощность* потоков капитала в этот период была чрезвычайной: чистые потоки капитала пока еще ни разу не достигали объемов конца XIX в., хотя потоки валового капитала были по своим объемам ниже современных. Однако эти чистые потоки принадлежали небольшой группе развитых стран. Тем не менее в предшествующие эпохи подобных потоков совокупного капитала не было, и во многих экономиках они финансировали большую долю внутренних инвестиций — большую, чем было зафиксировано когда-либо до и после этого.

232

Хотя этот период был отмечен значительным сближением уровней национальных процентных ставок (явившимся следствием глобальных финансовых потоков), расхождение между ними оставалось весьма существенным. Процентные ставки в развитых странах настолько сильно зависели от внутренних, а не от международных финансовых условий, что министерства финансов этих стран часто могли преследовать национальные интересы независимо от международных условий. То, что размеры финансовых потоков породили значительную взаимосвязанность национальных экономик, очевидно; однако эти потоки были сосредоточены в основном в промышленных странах. Кроме того, система золотого стандарта в течение почти всего этого периода включала лишь наиболее развитые страны. Хотя эпоха классического золотого стандарта, без сомнения, знаменует появление мирового финансового порядка, этот порядок оставался по-прежнему преимущественно европоцентристским, а его сфера охватывала на самом деле далеко не весь мир.

4.4 ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ХАОС

Первая мировая война повлекла за собой крах системы классического золотого стандарта; быстрому же его восстановлению сразу после войны помешала присущая тому периоду нестабильность, особенно немецкая гиперинфляция начала 20-х гг. Лишь в 1925 г. Англия вместе с США вернулась к золотому стандарту. К 1928 г. количество членов системы было уже гораздо больше довоенного; далее, в течение 1928—1931 гг. в нее вошло более сорока территориальных образований. Затем последовала Великая депрессия, которая подорвала

международное финансовое взаимодействие, и система золотого стандарта быстро распалась. Неудивительно, что в период между мировыми войнами потоки капитала были менее мощными, чем в эпоху классического золотого стандарта. Они тоже имели тенденцию к большей географической концентрации. Англия осталась крупным экспортером капитала и самым крупным держателем иностранных активов, хотя, как показывает приведенная выше таблица 4-3, доля объемов экспортированного капитала в национальном доходе в этот период составила половину этой же доли за предшествующий период. Но вследствие бурного подъема, пережитого американской экономикой, объемы экспортируемого США капитала, как следует из той же таблицы 4-3, увеличились. Как свидетельствует таблица 4-4 в течение этого периода США стали главным источником роста общего объема зарубежных инвестиций в мире.

Во всех развитых странах большая часть капитала была инвестирована на внутреннем рынке. Но и при этом объемы зарубежных инвестиций в Канаду и страны Латинской Америки (в которые в 1938 г. были вложены % всех американских инвестиций) и Европы (который составлял еще 20%) увеличились очень сильно. Французские зарубежные инвестиции сохраняли свою долю в общих объемах капиталовложений вплоть до Первой мировой войны, после которой она резко снизилась. В 1918 г. немецкие зарубежные капиталовложения были ликвидированы, но появились существенные по своему объему капиталы, экспортируемые Бельгией, Канадой, Швецией и Швейцарией. Япония также экспортировала значительные объемы капитала: так, например, накануне Второй мировой войны

233

она вложила в Китай свыше миллиарда долларов. В 20-е гг. размеры глобальных потоков капитала и объемы иностранных инвестиций были также высоки. Хотя импортирующих и экспортирующих капитал государств по сравнению с эпохой классического золотого стандарта стало больше, основная часть потоков капитала продолжала циркулировать внутри небольшого числа стран. К 30-м гг. экономические условия, необходимые для существования крупных потоков капитала, радикально изменились. Успешное функционирование классического золотого стандарта держалось на выполнении нескольких необходимых условий; отказ же от него в период между Первой и Второй мировой войной произошел в результате их несоблюдения. Хотя США вышли из войны с положительным общим торговым сальдо и низкой внутренней процентной ставкой, обеспечившими им роль главного международного кредитора, они отказались унаследовать от Англии роль глобального финансового гегемона. В американской политике доминировали скорее внутренние интересы, чем международные обязательства. Это повлекло за собой катастрофические последствия: решение Федерального Резервного Банка в 1928 г. поднять процентные ставки и тем самым нейтрализовать игру на повышение, которую вели на Уолл-Стрит, привело к Великой депрессии 1929 г. Изменения объемов американских потоков капитала носило циклический характер: в 20-е гг. они увеличились, а в 30-е гг. снизились, что соответствовало низкому уровню ожидания рентабельности других стран. Если в эпоху классического золотого стандарта потоки капитала двигались антициклически и спады в мировой экономике частично компенсировались более высокими объемами потоков капитала, то в 30-х гг. страны-должники столкнулись с внутренней дефляцией и «бегством капитала». Соответственно и мощность, и обширность потоков капитала резко снизились. Произошедшие в мировой экономике структурные изменения, повсеместные внутренние экономические и политические кризисы, — все это сделало систему золотого стандарта совершенно неадекватной.

4.5 БРЕТТОН-ВУДСКАЯ ЭПОХА: НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ
Один из парадоксов бурного развития глобальной финансовой системы после 1945 г. заключается в том, что оно никогда не шло согласно Бреттон-Вудскому соглашению 1944 г. —>

провозгласившему новый мировой финансовый порядок. Ответственность за имевшую место в период между мировыми войнами валютную нестабильность была возложена на спекулянтов. В то же время Джон Мейнард Кейнс — глава английской делегации на переговорах в Бреттон-Вуде — последовательно и решительно отстаивал тот тезис, что национальная валютная независимость необходима для успешного управления макроэкономической политикой, связанной с поддержанием полной занятости. Глава американской делегации Гарри Декстер Уайт выразил согласие с этой позицией и успешно выдержал сопротивление мерам по контролю за движением капитала со стороны всего Уолл-Стрита (Helleiner, 1994. ch. 4). Первая статья Соглашения о Международном Валютном Фонде, основы Бреттон-Вудской системы, отразила эти интересы, декларируя обязательство стремиться к «достижению и поддержанию высокого уровня занятости

сов всех стран, принимающих систему, как к главным целям экономической политики». В отличие от классического золотого стандарта, послевоенный мировой финансовый порядок — Бреттон-Вудская система (БВС) — был разработан для того, чтобы гарантировать, что внутренние экономические цели будут не подчиняться глобальному финансовому порядку, а, наоборот, иметь над ними приоритет.

БВС потребовала, чтобы каждая валюта имела привязанный к доллару курс; курс же самого доллара был привязан к золоту и зафиксирован в пределах 35 Долларов за унцию золота. В отличие от системы золотого стандарта, частные финансовые потоки были лимитированы (меньше всего, впрочем, мерами государственного контроля над движением капиталов) и ограничены по большей части долгосрочными инвестициями. На практике Бреттон-Вудская система стала долларовой системой, поскольку США превратились после Второй мировой войны в страну с развитой экономикой и в крупнейшего кредитора. Международные трансакции в подавляющем большинстве случаев стали номинироваться в долларах; значение фунта стерлингов как международной валюты упало. По существу, американские власти косвенно ограничили мировой объем денежной массы, так что остальному миру осталось лишь приспособливаться в той мере, в какой это было необходимо, к подобному регулированию. Но эта система характеризовалась ограниченным географическим охватом, так как не включала коммунистические страны, составлявшие существенную часть всех государств мира и всего населения Земли.

Это была, однако, институционализированная система, в которой МВФ контролировал соблюдение норм международного финансового порядка. МВФ следил за функционированием системы, контролируя экономическую деятельность стран и используя резервные средства для «внесения залога» за страны, переживавшие проблемы с платежным балансом. Чтобы предотвратить губительную гонку девальваций периода между мировыми войнами, страны, сталкивающиеся с временным дефицитом платежного баланса, автоматически получали возможность использовать заем, эквивалентный их исходному членскому взносу (установленному в зависимости от их подписных взносов в МВФ). Кроме того, даваемые стране средства становились доступны для нее лишь при соблюдении ею условий МВФ, по сути определяющего необходимые внутренние меры корректировки. Так как валютные курсы были фиксированными, страна могла изменять стоимость своей валюты относительно доллара, лишь при условии, что если ее платежный баланс был «совершенно неуравновешен», — состояние, которое никогда точно не определялось.

Девальвация, в принципе, требовала согласия МВФ, хотя иногда им и пренебрегали, и на практике, возможно, это было лишь обычным штампом (Domínguez, 1993). Ревальвация тогда была редкостью, в то время как девальвацию в послевоенный период почти все развивающиеся страны производили не раз.

Данные о мощности международных финансовых потоков в 50—60-х гг. в лучшем случае неоднородны, отражая ее низкий уровень; за исключением отдельных прямых зарубежных инвестиций, капитал неизменно оставался внутри стран. С учетом существования национального контроля за движением капиталов и ограниченной инфраструктуры для частных международных потоков капитала это ничуть не удивительно. Исследования БВС показывают существенное расхождение между процентными ставками отдельных стран, что отражает воздействие

национальных мер по контролю за движением капиталов (Dooley and Isard, 1980; Marston, 1993). Контроль за движением капиталов отделил иностранные валютные рынки от внутренних, позволяя национальным валютным властям осуществлять интервенции на иностранные валютные рынки, чтобы поддерживать курс их валюты, и в то же время защищать внутренние объемы денежной массы от последствий такой интервенции. Поддержка валютных курсов оказывала поэтому минимальное влияние на внутреннюю экономическую политику (например, на процентные ставки или инфляцию) (Darby and Lothian, 1983, chs. 10—13). Контроль за движением капиталов в сочетании с небольшими объемами международных потоков капитала обеспечил властям отдельных стран значительную независимость — по крайней мере, на некоторое время. БВС воплотила в себе компромисс между сторонниками свободной торговли, мечтавшими об открытых глобальных рынках, и социал-демократами, стремившимися к национальному процветанию и полной занятости. По словам Дж. Раг-ги, этот «воплощенный либерализм» предусматривал либерализацию мировой торговли, в то же время посредством контроля над капиталом и фиксированных валютных курсов гарантируя, что правительствам не придется

жертвовать системами социальной защиты и макроэкономической политикой, ориентированной на достижение внутренних целей, таких как полная занятость и развитие (Ruggie, 1982). Это означало не то, что страны освобождались от необходимости корректировать внутреннюю экономическую политику в ответ на возникающие дефициты или профициты платежного баланса, а, скорее, что корректировки могли усиливаться и осуществляться в соответствии с внутренними экономическими интересами. Более того, незначительные объемы потоков частного капитала и относительно небольшие объемы торговли означали, что международные факторы имели очень небольшое воздействие на экономику стран ОЭСР, так что они сталкивались с минимальным давлением в сторону корректировки внутренней экономической политики в ответ на внешние условия (Webb, 1995. ch. 3—4). В этом смысле БВС предоставила правительствам значительную автономию в управлении экономикой своих стран. В развивающихся странах ситуация была совершенно иной. В тех странах, где кризисы платежного баланса были по своей природе скорее структурными, чем циклическими, правительства должны были соблюдать навязанные МВФ условия.

Бреттон-Вудская система была настолько сильно институционализована, что МВФ и связанный с ним Всемирный Банк Реконструкции и Развития осуществляли управление международной финансовой системой, которая в то время ограничивалась преимущественно государственными (от правительства к правительству) потоками капитала и ограниченными прямыми зарубежными инвестициями. В таких условиях страны могли проводить экспансионистскую макроэкономическую политику и сохраняли существенную независимость в определении национальной экономической стратегии. По сравнению с золотым стандартом, эта система была, возможно, менее *обширной географически*, в то же время вследствие контроля за движением капитала она характеризовалась относительно небольшой *мощностью* финансовых потоков. С развитием, начавшимся в 60-е гг. и продолжающимся до наших дней, частной международной финансовой системы условия, бывшие основой БВС, становились все более и более несостоятельными.

236

4.6 КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Три главных изменения, произошедшие в 60—70-е гг. XX в., заложили основу для разительного увеличения финансовых потоков в 80-е гг.: появление рынка евровалюты, крах БВС и бум цен на нефть. С этого времени совокупный эффект дерегулирования финансовых рынков и технического прогресса способствовал феноменальному увеличению обширности и мощности глобальных финансовых потоков и сетей.

Первое расширение частной международной финансовой системы в 60-е гг. привело к появлению рынка евровалюты. В 30-е гг. советские власти начали размещать свои долларовые накопления в европейских, а не американских банках, боясь, что правительство США конфискует их в результате соперничества в холодной войне. Европейские банки, принимающие вклады в долларах, поняли, что вместо того, чтобы переводить их в национальную валюту, они могут их ссужать. Эти «евродолларовые» фонды быстро разрослись, потом к ним присоединились другие валюты, образуя таким образом огромный рынок евровалюты. Многие международные банки, чтобы присутствовать на этом рынке, открыли в Лондоне свои отделения: так, немалая доля операций с евродолларами осуществлялась зарубежными филиалами американских банков. Объем операций с евровалютой быстро рос потому, что давал инвесторам значительные преимущества перед национальными банками. Так как евровалютные банки вели дела в иностранной валюте, то они могли не подчиняться ни многим государственным предписаниям, регулирующим деятельность внутренних банков, ни, тем более, государственному контролю за движением капиталов. Большая часть исходного роста евровалютных фондов была инициирована многонациональными корпорациями. Многие из них — это американские компании, работающие в Европе, которые предпочли размещать свои доходы в иностранной валюте, чем возвращать их домой, где они должны были бы подчиняться государственному контролю над капиталом. Как только рынки евровалюты разрослись и стали более ликвидными, они оказались удобны для получения больших ссуд. Рынок еврооблигаций начал развиваться, когда заемщики выпустили обязательства, номинированные не в их национальной валюте, а в какой-либо иной. У банков, корпораций и органов государственной власти появилась возможность заимствовать большие суммы по конкурирующим между собой ставкам, посредством или займа в евровалюте, или выпуска еврооблигаций. Государственные корпорации использовали еврооблигации для того, чтобы финансировать большие проекты; национальные валютные власти делали на евровалютных рынках займы, иногда довольно крупные: эти рынки стали для них доступной возможностью

приобретать значительные суммы в иностранной валюте.

Развитие в 60-е гг. евровалютных рынков возложило на БВС дополнительную нагрузку, увеличивавшуюся по мере разрастания этих рынков. Кроме того, распространялись также спекуляции против доллара — вследствие снижения уверенности в мире в том, что его стоимость может быть сохранена вопреки внутренней инфляции и растущему торговому дефициту.

Требования решительных действий усилились. 15 августа 1971 г. президент Р. Никсон потряс мировые финансовые рынки, объявив, что доллар больше не будет свободно конвертироваться в золото, эффектно сообщив таким образом о ликвидации фиксированных ва-

237

лютных курсов и конце Бреттон-Вудской системы. Хотя чуть позже в том же году в Смитсоновском соглашении была предпринята попытка реанимировать БВС, к 1973 г. она окончательно прекратила свое существование. По сути дела, США провели девальвацию доллара с целью укрепить его пошатнувшиеся позиции в торговле, но как эмиттер главной международной валюты они не могли не вызвать при этом краха БВС. Это привело к наступлению эпохи плавающих валютных курсов, когда (в теории) стоимость валют определяется глобальными рыночными факторами, а именно мировым спросом и предложением определенной валюты.

Крах Бреттон-Вудской системы в 1973 г. сопровождало решение Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК/ОПЕС) вчетверо повысить цены на нефть, повлекшее за собой огромное перемещение финансов от стран-импортеров нефти к ее экспортерам. Будучи не в состоянии потратить всю эту дополнительную прибыль, ведущие экспортеры нефти остались с большими излишками, которые они инвестировали на международных валютных рынках. Это резко увеличило ликвидность международных банков, в распоряжении которых оказалось почти 50 млрд. долларов. На то, чтобы вернуть их в оборот мировой экономики, банкам понадобились три года (1974—1976). Впоследствии, в начале 80-х гг., банки также получили большие суммы. Поскольку рост ОПЕК замедлился, банки стали давать все большие и большие кредиты развивающимся странам. При поддержке со стороны международных организаций и валютных властей основных развитых стран они перерабатывали немалую часть излишков ОПЕК путем предоставления кредитов большему количеству развивающихся стран, чем когда-либо прежде до войны (хотя преимущественно это были экономики некоторых латиноамериканских и восточно-азиатских стран). В ходе этого процесса и мощност, и обширность глобальных финансовых потоков совершенно изменились.

4.6.1 МОЩНОСТЬ И РАЗНООБРАЗИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ

Непротиворечивые данные о международных рынках капитала на самом деле начинаются лишь с 70-х гг. Это не просто статистическая случайность, а прямое следствие огромного расширения этих рынков в данный период. Будучи в 60-е гг. совсем незначительными по своим объемам, в 1997 г. потоки частного капитала достигли объема совокупных чистых выпусков новых международных ссуд и облигаций в 890 млн. долларов; при этом стоимость непогашенных ссуд и облигаций составляла в марте 1998 г. 7635 млн. долларов (BIS, 1998a). Таблица 4-4 показывает, какими быстрыми темпами начиная с 60-х гг. шел посредством международных банковских операций и выпусков облигаций рост капитала, опережая при этом развитие и мирового производства, и мировой торговли. Кроме того, частные финансовые потоки стали с тех пор более разнообразными. Сегодня они включают в себя: прямые зарубежные инвестиции, международное банковское кредитование, международные облигации, обыкновенные акции, новые финансовые инструменты (особенно дериваты) и операции в иностранной валюте. В дальнейшем мы исследуем расширение каждого из этих типов; начнем же с прямых зарубежных инвестиций.

238

Таблица 4-4 Ежегодный рост объемов международных рынков капитала, 1963 — 1995 (в процентах)

	1963—1972	1973—1982	1983—1995
Выпуски облигаций	17,6	22,9	14,1
Выпуски облигаций (постоянные цены)	12,4	12,2	10,1
Новые кредиты	33,6	27,6	9,2
Новые кредиты (постоянные цены)	27,4	16,5	5,5

Всего выпусков облигаций и ссуд	25,3	12,2
Всего (постоянные цены)	14,4	8,2
Непогашенные облигации		15,7
Непогашенные облигации (постоянные цены)		12,5
Непогашенные ссуды	24,2	12,3
Непогашенные ссуды (постоянные цены)	13,4	8,9
Всего непогашенных облигаций и ссуд		13,2
Всего (постоянные цены)		9,8
		3,4
Мировой реальный ВВП	4,8	3,4
Объемы мирового экспорта	9,2	4,1
Дефлятор: ВВП-дефлятор промышленно развитых стран.		
Источники: OECD, 1996b; BIS, <i>Annual Report</i> , разные годы; IMF, <i>International Statistics</i>		<i>Yearbook</i> , разные
годы; Bryant, 1987		

Прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ)

Прямые зарубежные инвестиции определяются как приобретение иностранных производственных активов и участие в управлении ими. Большую часть периода после 1945 г. этот сектор быстро рос и, хотя включал преимущественно лишь основные промышленно развитые страны, приобретал все более и более глобальный размах. Более подробно прямые зарубежные инвестиции проанализированы в гл. 5-

Международное банковское кредитование

Международное банковское кредитование можно разделить на традиционное кредитование, при котором банки предоставляют кредиты за границей в своей национальной валюте, и евровалютное кредитование, при котором банки предоставляют кредиты за границей в иностранных валютах. Как показывает диаграмма 4-1. после нефтяного шока 1973 ¹- прямое кредитование стран, не состоящих в ОЭСР, повысилось от отметки меньше 5% от общего объема кредитов до отметки между четвертью и третью. Во второй половине 80-х гг. объемы этих кредитов экономикам развивающихся и социалистических стран снизились практически до нуля, хотя в 90-е гг. наметилось некоторое их возрождение. Начиная с 1982 г. рост объемов новых кредитов этим странам упал ниже роста объемов мировой торговли, хотя в принципе кредиты все еще растут быстрее мирового производства, а совокупные непогашенные ссуды — быстрее

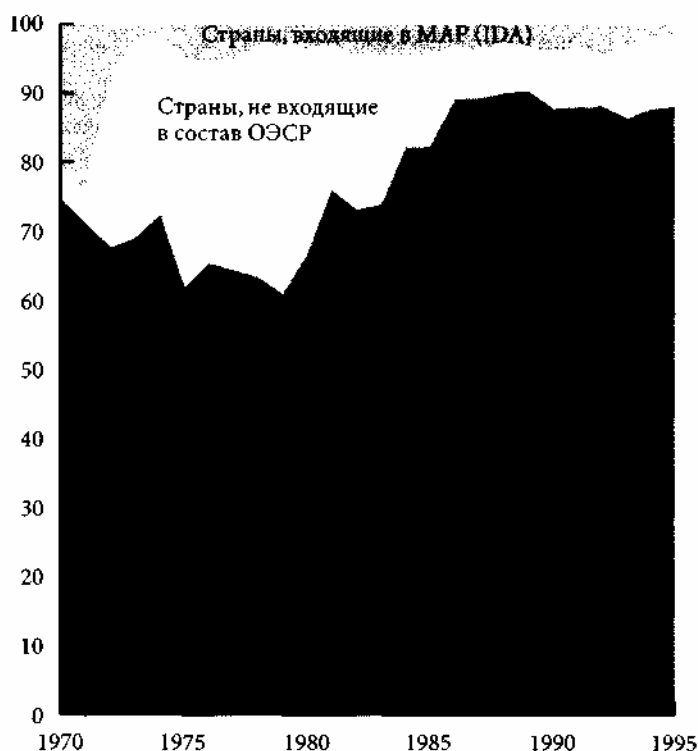

Диаграмма 4-1 Распределение международных банковских кредитов по заемщикам, 1970—1995
(источник: OECD, 1996б)

Таблица 4-5 Участие международных банков в мировом производстве, 1964—1991 (в процентах)

	1964	1972	1980	1985	1991		
Чистые международные банковские кредиты	0,7	1,2	3,7	6,3	8,0	13,2	16,3
Общий объем международного банковского рынка			16,2	27,8	37,0		

Источник: UNCTAD, 1994. Р- 128

мировой торговли. Отчасти это замедление роста кредитов объясняется снижением объемов кредитов странам, не состоящим в ОЭСР, отчасти — обращением к другим формам международной финансовой деятельности.

Из крайне малозначительного дополнения внутренних банковских операций международные банковские операции превратились в неотъемлемую часть банковского дела. Как показывает таблица 4-5, начиная с 60-х гг. доля международных банковских операций в пропорции к объему мирового производства разительно увеличилась.

240

Врезка 4-3 Международные облигации

Международная облигация — кредитный документ, который выпущен или самими заграничными кредиторами/должниками, или для них и включает обязательство уплатить указанную сумму денег в указанный срок и периодически, через оговоренные промежутки времени — проценты. Облигации являются ценными бумагами, имеющими хождение на рынках и номинированными в стандартных единицах. Заграничная облигация — это облигация, выпущенная заемщиком на рынке или рынках капитала за пределами той страны, в которой заемщик постоянно проживает. Далее, эти облигации можно разделить на иностранные и евро-, или международные. Иностранная облигация — это облигация, размещенная внутренним синдикатом на рынке отдельной страны от имени нерезидента и номинированная в валюте этой страны. Такие облигации выпускаются органами государственной власти, корпорациями (обычно многонациональными) и все больше и больше собственно финансовыми учреждениями. Международная облигация или еврооблигация — это облигация, размещаемая на рынках по крайней мере двух стран (обычно это делается международным синдикатом из финансовых учреждений нескольких стран) и номинированная в валюте какой-либо третьей страны.

Из приведенной выше таблицы 4-4 следует, что, по сравнению с международным банковским кредитованием, объемы выпускаемых международных облигаций начиная с 80-х гг. быстро выросли. Действительно, с начала 80-х гг. объемы выпускаемых международных облигаций росли быстрее, чем международные банковские кредиты. С этого времени еврооблигации составляли явное большинство всех выпускаемых международных облигаций (OECD, 1996b). В отличие от более ранних периодов, совсем небольшой оказалась доля облигаций, выпущенных развивающимися странами; и хотя в 90-е гг. наблюдалось некоторое их увеличение, их доля по-прежнему составляет лишь около 10% (IMF, 1995> P- 42).

Международные облигации составляют растущую долю мировых рынков капитала, потому что представляют собой дешевое и эффективное средство увеличения объемов финансовых накоплений. Отчасти это продукт тенденции к *ди-синтермедиации* <отлив денежных ресурсов из кредитно-финансовых институтов на неорганизованный рынок ссудного капитала — *перев.*>, согласно которой финансовые потоки формируются скорее непосредственно между кредиторами и заемщиками, чем при посредничестве банка. Такие облигации снижают текущие расходы и позволяют осуществлять сделки в соответствии с конкретными потребностями клиентов. Несмотря на то, что это означает уход от традиционного банковского кредитования, банки часто играют ключевую роль в организации и гарантировании выпуска этих облигаций. Такой бизнес привлекателен для банков потому, что представляет собой «внебалансовую отчетность» (т. е. не включен в обычные актив и пассив) и по этой причине не подчиняется тем ограничениям, которые национальные центральные банки налагают на банковские портфели.

Согласно анекдоту, типичный держатель еврооблигации — бельгийский дантист, который очень хочет избежать уплаты государственного налога со своих

241

Таблица 4-6 Иностранное владение центральным правительственным долгом в процентах от общего количества, 1980 — 1992

	1980	1986	1992
Франция Германия Швеция	9,1 28,0 8,9	0,8 20,2 28,0 9,8	
Великобритания США	21,0	16,4	42,6 26,3 45,8 17,4 19,4

Источник: IMF, 1994, P- 66 — 67

сбережений. Фактически держателями активов выступают в основном институциональные инвесторы, особенно пенсионные фонды. Многонациональные корпорации, являясь основными эмитентами облигаций, в то же время в периоды избытка наличности совершают значительные закупки на рынках облигаций. Некоторые на этих активах спекулируют. Облигации выпускаются правительствами, частными корпорациями (часто многонациональными) и финансовыми учреждениями. Доли каждой из этих групп в совокупных объемах выпускаемых облигаций колеблются; существует, однако, отмеченная уже тенденция к выпускам частных облигаций. Таблица 4-6 показывает, как владение иностранными государственными облигациями развивалось в основных государствах-членах ОЭСР.

Международные активы и взаимосвязанность национальных фондовых рынков

Существует несколько путей возможной оценки того, насколько сильно национальные рынки ценных бумаг (акций) в той или иной стране трансформируются финансовой глобализацией. Во-первых, можно исследовать чистую и совокупную капитализацию иностранных компаний, котирующихся на каждой фондовой бирже, и число внутренних компаний, которые стремились войти в иностранный листинг. Во-вторых, мы можем рассчитать стоимость внутренних ценных бумаг, находящихся во владении у иностранных инвесторов, и стоимость иностранных ценных бумаг, находящихся во владении у внутренних инвесторов (можно посчитать и акции, котирующиеся локально, и акции, доступные только на иностранных биржах). На глобальном уровне можно вычислить совокупные объемы выпусков евроакций, их стоимость и транснациональные сети, облегчающие эти международные продажи.

У Лондона давние традиции активных операций с иностранными акциями, которые и теперь составляют большую часть процессов капитализации на Лондонской фондовой бирже. Хотя на других фондовых биржах объемы иностранных эмиссий и операций увеличились, они составляют меньшую часть всей биржевой активности. Объемы международных выпусков ценных бумаг

выросли с незначительного уровня в начале 80-х гг. до более 8 млрд. долларов в начале 90-х гг. и более 40 млрд. долларов ежегодно в настоящее время (IMF, 1995> 1996). Эти ценные бумаги включают евроакции, сходные с еврооблигациями, и другие международные акции — подобные тем, что выпустили, например, некоторые привати-

242

Таблица 4-7 Чистые трансграничные потоки ценных бумаг, 1986 — 1994 (в млн. долларов)

	1986	1988	1990	1992	1994
<i>Инвесторы из:</i>					
Северной Америки	3,7	4,0	12,0	46,7	55,0
США	2,6	2,0	10,3	42,3	49,0
Японии	8,2	3,0	6,3	-3,0	13,5
Европы	21,4	14,4	4,6	8,0	46,3
Великобритании	8,9	9,7	-0,9	-3,1	14,2
Остального мира	8,8	11,4	-19,7	2,0	4,8
<i>Ценные бумаги из:</i>					
Северной Америки	19,8	-3,7	-15,9	-3,9	6,3
США	19,1	-1,4	-14,5	-4,1	1,8
Японии	-15,8	6,8	-13,3	8,9	45,5
Европы	33,6	23,0	15,9	25,5	29,1
Великобритании	7,8	9,7	5,4	10,1	11,1
Новых рынков	3,3	3,5	13,2	21,2	39,9
Остального мира	1,0	3,2	3,3	2,0	1,8
Всего	42,0	32,9	3,2	53,7	119,6

Источник: IMF, 1990, 1995. Р-

зационные программы. Однако по сравнению с национальными эмиссиями объемы международных выпусков ценных бумаг остаются низкими.

Хотя доля международных акций в трансграничных потоках ценных бумаг довольно существенна, гораздо больший источник потоков возникает там, где инвесторы в одной стране покупают акции на иностранных фондовых рынках; такие акции могут быть выпущены только на их национальных фондовых биржах, но их могут приобрести и иностранные инвесторы. Валовые объемы трансграничных потоков ценных бумаг увеличились с более 1 трлн. долларов в конце 80-х гг. до около 2,5 трлн. в середине 90-х (IBF, 1995> Р- 189)- Как следует из таблицы 4-7> чистые потоки начиная с середины 80-х гг. значительно увеличились. По сравнению с другими глобальными финансовыми рынками здесь имеет мес-

Врезка 4-4 Фьючерсы, опционы, свопы

Фьючерс — это просто соглашение о торговле определенными объемами какого-либо продукта — валюты, товаров, облигаций, акций и т. д. — до согласованного срока по согласованной цене. Опцион дает владельцу право покупать согласованное количество продукта по согласованной цене до согласованного срока. Свop — это когда агенты рынка обмениваются платежами, связанными с двумя активами — например, два заемщика могут обменяться платежами по кредиту с фиксированным и плавающим процентом. Дериваты позволяют агентам застраховаться от риска неблагоприятных колебаний основной цены продукта. Они также могут быть использованы для активной спекуляции на колебаниях цен, так как начальная цена — это лишь часть предполагаемой стоимости контракта, таким образом, они позволяют агентам получать очень большие прибыли.

243

то высокий уровень активности, поскольку инвесторы стремятся к интернациональному разнообразию своих портфелей; однако, за отсутствием серьезных и постоянных различий в уровне прибыли между различными странами, объемы чистых потоков капитала гораздо меньше объемов валовых потоков. С прекращением контроля за движением капиталов и уменьшением ограничений для институциональных инвесторов, пенсионные фонды и страховые компании, в частности, приобретали и владели ценными бумагами самых разных стран (IBF, 1995. р. 165—174). Высокие объемы товарооборота на этих рынках отражают тот факт, что институциональные инвесторы активно продавали акции за границу. Растет среди этих потоков доля капитала,

инвестированного в акции, выпущенные компаниями, расположенными в развивающихся странах (см. ниже).

Дериваты

Начиная с 80-х гг. наиболее резкий рост среди международных финансовых операций происходил с новыми финансовыми инструментами, особенно с дериватами. Дериваты — это общий термин, обозначающий инструменты, полученные от других финансовых продуктов, где начальная цена — только часть полной предполагаемой стоимости продукта; дериваты делятся на фьючерсы, опционы и свопы (см. врезку 4-4)-

Сформировались ликвидные фьючерсные и опционные рынки для сделок с основными валютами, активов с фиксированной процентной ставкой, корзин акций ведущих эмитентов и товаров. Резко рос объем внебиржевых дериватных продуктов, которые продавались в ответ на особые запросы покупателя. Подавляющее большинство дериватов — это процентные или валютные продукты.

После открытия в 1972 г. Чикагской опционной биржи рост торговли дериватами приобрел совершенно астрономические масштабы. Однако настоящая торговля международными дериватами началась лишь в середине 80-х гг.; но, как показывает таблица 4-8, совокупная стоимость действующих контрактов быстро возросла до 10 трлн. долларов; стоимость внебиржевых контрактов выросла еще больше — в два раза превысив объемы биржевого рынка. В перспективе предполагаемая стоимость непогашенных дериватов должна превысить мировой ВВП.

Если десять лет назад на этом рынке доминировали Чикаго и Лондон, то в последние годы наиболее быстрый рост наблюдался на других, новых рынках. Поскольку трансграничные операции между основными национальными рынками эффективно разрушают стоящие между ними барьеры, то глобальный рынок дериватных продуктов продолжает развиваться.

Международные валютные рынки

По своим размерам рынки валюты — это, несомненно, самый крупный международный рынок любого рода, финансового или какого-то другого. Хотя огромный объем операций и высокий уровень товарооборота сильно затрудняют сбор точных данных, даже приблизительный порядок их размеров говорит сам за себя. Рост ежегодного товарооборота иностранной валюты огромен; составляя в г. уже гигантские 17,5 трлн. долларов, он вырос еще больше; сегодня это уже

244

Таблица 4-8 Торговля дериватами, 1986 — 1996

Предполагаемые объемы непогашенных:

Биржевых инструментов (в млн. дол.)	ОТС-инструментов (в млн. дол.)	Товарооборот инструментов на бирже (в трлн. дол.)	Суммы контрактов (в млн. дол.)
1986 618,3	3450,3	92,8	315,0
1987 729,9	4449,4	135,2	389,6
1988 1306,0	5345,7	181,9	336,2
1989 1766,6	8474,6	227,8	421,2
1990 2290,4	11303,2	340,4	478,3
1991 3519,3	17990,0	333,8	510,5
1992 4634,4	24292,0	321,7	635,6
1993 7771,1			788,0
1994 8862,5			1142,2
1995 9185,3			1210,1
1996 9884,6			

Источник: BIS, Annual Report, разные годы

более 300 трлн. долларов; товарооборот в будний день насчитывает более 1,4 трлн. долларов (BIS, 1998b, p. 1). Хотя международная торговля всегда была основным источником спроса на иностранную валюту, этот спрос вырос с более чем десятикратных размеров мировых торговых потоков в 1979 г. до более чем пятидесятикратных сегодня (см. таблицу 4-9)- Официальные запасы иностранной валюты всех стран примерно равняются объему торговли на этих рынках за один день.

Большая часть операций с иностранной валютой производится в Лондоне, Токио и Нью-Йорке,

причем Лондон здесь доминирует. Вслед за этими центрами идут Гонконг, Франкфурт, Цюрих и Париж. При помощи средств глобальной связи мгновенно заключаемые сделки не прекращаются круглые сутки: лондонские рынки открываются, когда закрываются токийские; нью-йоркские рынки принимают эстафету у лондонских и затем, завершая, таким образом, цикл, накладываются на открытие токийских. Рост активности на международном рынке ценных бумаг заставляет агентов валютных рынков производить сделки в валюте, отличной от своей собственной; но это лишь некоторая часть деловых отношений. Имеет место множество спекуляций и арбитражных операций (получение прибыли из небольшой разницы между стоимостью одних и тех же активов на разных рынках). Расцвет на этих рынках спекулятивной деятельности — отчасти следствие краха БВС.

При системе плавающих курсов валют стоимость валют зависит от ежедневной торговли на иностранных валютных рынках, вместо привязки его к курсу доллара или золота, как это имело место при БВС и классическом золотом стандарте соответственно. В принципе, валютные курсы определяются глобальным спросом и предложением валюты; однако на практике власти страны часто предпринимают попытки управлять валютным курсом посредством удержания его в рамках определенного намеченного диапазона. Плавающие валютные курсы также заставили бизнес застраховаться от неблагоприятных колебаний курса. В ито-

245

Таблица 4-9 Предполагаемый ежегодный товарооборот иностранной валюты, 1979—1995 (в трлн. долларов)

Товарооборот иностранной валюты	Объемы мирового экспорта	Соотношение
1979	17,5	1,5
1986	75,0	2,0
1989	190,0	3,1
1992	252,0	4,7
1995	297,5	5,0

Источник: BIS, *Annual Report*, разные годы

ге плавающие валютные курсы дали агентам больше возможностей для спекуляций на их колебаниях. На протяжении 70—80-х гг. спекулятивная деятельность непрерывно разрасталась: ликвидность иностранных валютных рынков увеличивалась экспоненциально, и новые инструменты, особенно дериваты, позволяли агентам рынка спекулировать в огромных масштабах. Ликвидация странами ОЭСР в 80—90-е гг. контроля за движением капиталов уничтожила и многие государственные ограничения спекуляций. Играя на колебаниях плавающих валютных курсов, спекулянты также периодически играли против валют с фиксированным или регулируемым курсом — фактически заключали пари, что соответствующее правительство будет вынуждено пойти на девальвацию. Массированный выброс на рынки денежной массы в игре против той или иной валюты породил несколько драматических девальваций, в том числе девальвации валюты нескольких европейских стран в 1992—1993 гг., мексиканского песо в 1994 г., валют нескольких восточно-азиатских стран в 1997 г. и российского рубля в 1998 г.

4.6.2 ОБШИРНОСТЬ И СТРАТИФИКАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Начиная с 70-х гг. быстро выросла не только мощность частной международной финансовой системы, но и ее обширность. В настоящее время, впервые с периода между мировыми войнами, многие развивающиеся страны и страны Восточной Европы вновь оказались вовлечены в международный рынок ценных бумаг как заемщики. Но кредиты по-прежнему даются преимущественно восточно-азиатским и латиноамериканским странам со средним доходом — в 1981 г. в этом регионе более 70% своего долга не оплатили только десять стран (Vos, 1994. P-140). Другие, особенно наиболее бедные развивающиеся страны, остаются по большей части исключенными из частных финансовых рынков и зависимыми от потоков официальной помощи (плюс обычно небольшие потоки прямых зарубежных инвестиций). Формально множество развивающихся стран сохраняет широкий контроль над капиталами, хотя в 90-е гг. очень многие из них либерализовались в ответ на программы структурных корректировок МВФ. Более того, как свидетельствуют, к сожалению, зарубежные частные банковские счета смещенных диктаторов, на практике элиты в развивающихся странах часто были в состоянии разместить в международных банках твердую валюту независимо от

национального контроля над капиталами.

246

Таблица 4-Ю Финансовые потоки в развивающиеся страны, источники в процентах от общего количества, 1960 — 1994

	Инвестиции госу- дарствен- ных уч- реждений США	Другие государ- ственные инвес- тиции	Прямые иностран- ные ин- вестиции	Банков- ские кредиты	Облига- ционные займы	Итого (в млн. дол., цены на 1983 г.)
1960— 61	55,9	18,9	18,8	6,3		34,8
1970	41,8	19,5	18,2	14,8	1,5	53,1
1975	37,3	18,5	20,0	21,1	0,7	84,6
1980	30,5	19,4	8,4	38,9	1,1	118,3
1985	44,2	13,8	7,8	18,0	6,4	99,3
1990	41,9	13,4	20,9	11,9	0,7	83,5
1994	28,1	5,2	22,6	19,8	13,5	127,0
1996	19,0	2,7	19,8	23,1	28,4	251,9

Источни OECD, *Development Co-operation*, разные годы
к:

Хотя развивающиеся страны и страны с переходной экономикой (бывшие коммунистические государства) были включены в глобальную финансовую систему, характер этого включения различается и среди них самих, и между ними и странами, входящими в состав ОЭСР. Хотя в некоторых обстоятельствах странам ОЭСР, вероятно, заем обойдется дороже обычного, они неизменно сохраняют доступ на мировые рынки ценных бумаг. Напротив, страны, рассматриваемые международными рейтинговыми агентствами (вроде «Moody's» или «Standard and Poor») как рискованные заемщики, будут иметь в лучшем случае лишь ограниченный доступ к частным мировым финансам.

До 90-х гг. доступ развивающихся стран и новых экономик в международную финансовую систему ограничивался экономической помощью, прямыми зарубежными инвестициями и банковскими кредитами; доступ к международным банковским кредитам практически был лишь у некоторых восточно-азиатских стран. Более того, на протяжении большей части послевоенной эпохи они имели по сравнению с эпохой классического золотого стандарта и с 20-ми гг. минимальный доступ на международные рынки облигаций и долговых обязательств. Очень немногие компании из развивающихся стран выпустили акции на международные рынки и очень мало институциональных инвесторов покупали акции на рынках развивающихся стран для пополнения своих портфелей. Таким образом, до начала 90-х гг. все эти основные формы международной финансовой системы фактически ограничивались государствами ОЭСР.

В течение 70-х гг. доля развивающихся стран составляла от четверти до трети совокупных объемов международных банковских кредитов; в 80-е гг. она снизилась и оставалась низкой до середины 90х гг. С этого времени внутренние финансовые рынки развивающихся стран были открыты для международных инвесторов, и эти страны, в том числе и страны с переходной экономикой, получили значительные финансовые вливания. Самый яркий пример — это Латинская Америка, которая восстановила доступ на частные международные рынки

247

капитала настолько, что чистый отток в 1983—1989 гг. более чем в 116 млрд. долларов сменился чистым притоком в 200 млрд. долларов в 1990—1994 гг. Кроме того, некоторые развивающиеся страны впервые в послевоенный период выпустили международные облигации в больших количествах, а компании в этих странах вообще впервые выпустили международные ценные бумаги.

Международные инвесторы были привлечены на эти появляющиеся рынки относительно высокими процентными ставками, особенно в Латинской Америке. Кроме того, их привлекала перспектива расширения рынков, поэтому они стремились разнообразить свои портфели активами разных стран по мере того, как все более и более глобально подходили к распределению инвестиционных средств между различными типами ценных бумаг. Но, как показывает таблица 4.10, объем финансовых потоков в развивающиеся страны в 1980 г. в реальном исчислении был

превышен лишь в середине 90-х гг. Несколько увеличились объемы банковских кредитов, но больше всего возросли объемы международных облигационных займов. Подробнее эти тенденции проанализированы ниже.

Таблица 4.11 подробно показывает потоки частного капитала в развивающиеся страны и в страны с переходной экономикой. Большая их часть продолжает идти в Восточную Азию и Латинскую Америку, хотя увеличивается доля частных инвестиций, привлеченных странами с переходной экономикой. К концу 90-х гг. потоки частного капитала в экономики развивающихся стран превысили и их ВВП, и объемы инвестиций, привлеченных ими в 70-е гг. Однако после валютных кризисов в Восточной Азии в 1997—1998 гг. эти потоки резко уменьшились. Потоки прямых зарубежных инвестиций в экономики беднейших стран, особенно африканских, по-прежнему составляют меньше 1 процента от общего количества. Но объемы государственной помощи в развитии относятся к валовым объемам инвестиций в основной капитал в эти страны примерно как два к трем; таким образом, хотя эти страны имеют весьма ограниченный доступ к международной финансовой системе, их экономическое развитие опасно зависит от международных финансовых потоков. По сравнению с ними доля финансовых потоков, привлеченных странами с переходной экономикой бывшего коммунистического блока, увеличивается. Как показывает таблица 4.12, на развивающиеся страны теперь приходится более 10% всех выпущенных международных облигаций, хотя эти средства сильно сконцентрированы. Африка на рынке облигаций в основном на вторых ролях; при этом большинство потоков такого типа приходится в ней на Южную Африку. В Европе же лидируют Венгрия и Турция, а на Ближнем Востоке — Израиль.

Также быстро увеличилось присутствие развивающихся стран на рынках международных ценных бумаг: «в 1987 г. из каждых 100 долларов в новые рынки было инвестировано примерно 0,50, а в 1993 г. из каждых 100 долларов увеличивающихся иностранных инвестиций — уже более 16» (IMF, 1995, P- 4), и эти рынки увеличились с менее до более 10% мировых финансовых активов. Существование значительных по своим объемам потоков портфельных инвестиций особенно заметно в Азии, Латинской Америке, а также в Восточной Европе.

Также, так следует из таблицы 4-13, растет в 90-е гг. и доля развивающихся стран в объемах выпускаемых международных ценных бумаг, хотя эти операции опять же сильно сконцентрированы. После кризиса мексиканского песо 1994—1995 гг. потоки в Латинскую Америку резко сократились; аналогичное снижение

Таблица 4-п Чистые потоки частного капитала в развивающиеся страны, 1977 — 1995 (в млн. долларов)

	1977—82	1983—89	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Всего	30,5	8,8	57,1	150,9	133,7	180,2	163,6	211,2
Чистые прямые иностранные инвестиции	11,2	13,3	18,6	30,8	35,8	54,9	66,9	83,0
Чистые портфельные инвестиции	-10,5	6,5	18,3	37,7	46,3	92,3	53,3	42,9
Другие»	29,8	-11,0	20,1	82,4	51,7	33,0	43,3	85,2
Африка			2,5	3,4	2,9	7,0	12,4	11,8
Чистые прямые иностранные инвестиции			1,4	1,6	2,6	1,2	2,2	2,1
Чистые портфельные инвестиции			-0,2	-0,5	-1,0	-0,9	1,1	0,1
Другие»			1,4	2,2	1,3	6,7	9,2	9,6
Азия	15,8	16,7	25,6	47,9	30,8	69,9	81,9	105,9
Чистые прямые иностранные инвестиции	2,7	5,2	9,4	14,3	14,4	32,7	41,9	52,4
Чистые порт-								

фельные инвес-								
тиции	0,6	1,4	-0,9	2,9	9,8	23,8	16,0	18,5
Другие ⁸	12,5	10,1	17,0	30,6	6,6	13,5	23,9	35,0
Латинская								
Америка	26,3	-16,6	17,3	24,0	54,7	64,2	48,5	48,9
Чистые прямые								
иностранные								
инвестиции	5,3	4,4	6,6	11,2	12,8	13,9	17,7	17,1
Чистые порт-								
фельные инвес-								
тиции	1,6	-1,2	17,4	11,4	17,8	51,6	17,4	10,0
Другие»	19,4	-19,8	-6,6	1,5	24,0	-1,2	13,4	21,8
Другие развиваю-								
щиеся страны	-11,6	8,7						
Чистые прямые								
иностранные								
инвестиции	3,2	3,7						
Чистые порт-								
фельные инвес-								
тиции	-12,7	6,3						
Другие»	-2,1	-1,3						
Страны с переход-								
ной экономикой			11,6	-2,9	3,5	7,2	11,2	29,7
Чистые прямые								
иностранные								
инвестиции				2,4	4,2	6,0	5,6	11,4
Чистые порт-								
фельные инвес-								
тиции				0,8	-0,8	2,7	3,0	6,0
Другие»			11,6	-6,1	0,2	-1,6	2,7	12,4

а Включая банковские кредиты.

Источники: IMF, р. 33; 86
1995> 1996, р.

249

Таблица 4.12 Объемы выпускаемых международных облигаций, 1989 — 1995 (в млн. долларов)

1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995			
Всего			252,1	226,6	297,6	333,7	500,1	462,4	501,7
Развивающиеся страны			4,7	6,3	12,8	23,8	62,8	56,8	57,9
В процентах от общего количества						1,9	2,8	4,3	7,1
12,5	12,3	11,6	Африка			0,2	0,01	0,2	0,7
0,2	2,1	1,9	Азия			1,5	1,6	3,0	5,9
22,0	29,9	25,3	Европа			2,2	1,9	2,0	4,6
9,7	3,5	6,6	Ближний Восток					0,4	
2,1	3,0	0,7	Латинская Америка			0,8	2,8	7,2	12,6
28,8	18,2	23,4							

Источники: IMF, 1995. Р- 42; 1996, р. 93 Таблица 4-13 Выпуски международных ценных бумаг, 1989 — 1995 (в млн. долларов)

1990	1991	1992	1993	1994	1995
------	------	------	------	------	------

Всего	8,2	15,5	22,6	34,0	49,2	44,2
Развивающиеся страны	1,3	В процентах от общего			5,4	9,3
11,9	18,1	11,2	количества	15,5	35,0	40,9
36,9	25,3	Африка		0,1	0,3	0,2
0,6	0,5	Азия		1,0	4,7	5,2
12,1	8,9	Европа		0,1	0,1	0,2
0,6	0,6	Ближний Восток		0,01	0,1	0,3
0,1	0,3	Латинская Америка		0,01	4,1	6,0
4,7	1,0					

Источники: IMF, 1995. Р- 46; 1996, р. 101

было пережито и Восточной Азией как следствие кризисов на фондовом рынке и валютных кризисов в конце 90-х гг.

В целом развивающиеся страны и страны с переходной экономикой включены в глобальную финансовую систему, но весьма иерархическим и неравномерным образом. Некоторые страны периодически получали доступ к частному международному кредитованию, но периодически сталкивались и с «рационализацией» кредитов. В 90-е гг. увеличившиеся потоки связали их фондовые рынки с мировыми более тесно. Но беднейшие страны остались на периферии частной международной финансовой системы и по-прежнему зависят от потоков государственной помощи. Действительно, в 1998 г. примерно девяносто стран фигурировали в различных программах регулирования МВФ.

Дерегулирование финансовых рынков в развивающихся странах часто приводило к широкому распространению спекулятивной деятельности, которую еще больше усиливали краткосрочные притоки капитала (Grabel, 1995)- Во время кризиса мексиканского песо 1994—1995гг- после трех лет массированного притока капиталов и бума на мексиканской фондовой бирже начался мощный отток капитала; вследствие нестабильности экономического роста валюта потеряла устойчивость и подверглась спекулятивным атакам. Этот кризис породил «эффект

250

заражения»: инвесторы в результате ушли и с других новых рынков, причем не только латиноамериканских, но и восточно-азиатских, хотя непосредственно с проблемами Мексики состояние последних никак связано не было. В 1997 г- из-за ухудшения прогнозов развития экономик некоторых стран Восточной Азии бегство капитала из этих стран привело к крушению их валют, несмотря на громадные интервенции с целью их поддержать. Итак, экономический кризис в одной стране, очевидно, вновь стимулировал оттоки капитала из экономик других стран. Несмотря на попытки МВФ и «большой семерки» стабилизировать финансовую ситуацию в Восточной Азии посредством предоставления самого крупного спасательного пакета в своей истории, эффект заражения кризисом стремительно охватывал множество новых экономик. К концу 1998 г. спекуляции привели к девальвации российского рубля и последующим спекулятивным атакам на многие другие валюты. Эти события показали те пути, которыми потоки краткосрочного капитала приводят к чрезвычайной нестабильности и системному риску в рамках глобальных рынков ценных бумаг.

4.6.3 ИНФРАСТРУКТУРА, ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

В течение десятилетий значение международных финансовых операций было настолько низким, что различия в процентных ставках и цене активов между разными странами были минимальными. Развитие компьютерных и коммуникационных технологий за последние тридцать лет сыграло в громадных объемах роста и увеличении *скорости* международных финансовых операций наибольшую роль. Эти технологии позволили предлагать большое количество и ассортимент продуктов по относительно дешевой цене, осуществляя все операции при этом в режиме реального времени, поскольку торговля происходит двадцать четыре часа в сутки по всему земному шару. Современные компьютерные технологии сильно облегчают сложные расчеты рисков, связанных с торговлей самыми замысловатыми продуктами, особенно дериватами. Созданию обширных всемирных коммуникационных инфраструктур с целью облегчить совершение финансовых операций любого рода содействовали также и частные банки и финансовые корпорации.

Гиперглобалисты склонны объяснять развитие частной глобальной финансовой системы просто как триумф рынков и технологии: большие объем и скорость сделок, вкупе с новыми финансовыми инструментами, просто затопили государственные финансовые институты,

сделав их излишними (Ohmae, 1990). Но эту точку зрения опровергает тот факт, что эффективность работы банков и других финансовых учреждений по-прежнему зависит от национальных и международных регулирующих властей. Коммерческие банки требуют от центральных банков играть роль «последнего средства», к которому банк, стоящий на грани краха, мог бы обратиться за кредитом. Как показали долговые кризисы 80-х гг. и восточно-азиатский кризис конца 90-х гг., когда банки сталкиваются с проблемами, наиболее экономически мощные государства (прежде всего США) вместе с международными организациями типа МВФ должны предпринимать меры по предотвращению финансового краха. Кроме того, в ответ на различные банковские трудности и беспрецедентный объем международных финансовых операций национальные

251

финансовые власти внесли большой вклад в основание единых рамок и принципов международного банковского дела. Благодаря этому теперь существует всеобщее международное соглашение о достаточности капитала банков (о необходимости для банков постоянно иметь достаточные финансовые резервы, которые сыграли бы роль амортизаторов в случае убытков), соблюдение которого контролируется Банком Международных Расчетов (БМР). Существует также интернационализированная структура банковского надзора с четко разграниченными между странами обязанностями.

Отчасти эти новшества были следствием взаимодействия главных национальных центральных банков при посредничестве БМР, членство в котором сегодня выходит за пределы первоначальных десяти главных стран («большой десятки») с тем, чтобы включить все основные новые экономики. БМР, однако, является всего лишь многосторонним форумом, и правительства, особенно американское, играли ключевую роль в поддержке развития более обширной международной системы финансового регулирования (Т. Porter, 1993> ch. 3; Kapstein, 1994b). В результате были достигнуты международные соглашения о регулировании трансграничной торговли ценными бумагами (Т. Porter, 1993> ch. 4).

Международная Организация Комиссий по Ценным бумагам, орган, состоящий из тринадцати национальных органов финансового регулирования, старается поощрять более тесное многостороннее сотрудничество в регулировании международной финансовой деятельности. Ее попытки ввести международные стандарты для контроля, наблюдения и регулирования трансграничной финансовой деятельности становятся все более и более важными; особенно это касается регулирования торговли дериватами и финансовых конгломератов. Это развитие отражает общее движение в сторону облегчения глобальной финансовой деятельности и в то же время предоставления инвесторам определенных гарантий, что деятельность на тех рынках, куда они вкладывают свои капиталы, подчиняется определенным минимальным международным регулятивным стандартам.

Правительства и международные организации сыграли роль катализатора роста современных глобальных финансовых рынков. Некоторые правительства допускали и даже поощряли их рост; в то же время многие другие препятствовали или сопротивлялись ему. Как отмечалось выше, рост в 60-е гг. объемов операций с евровалютой отчасти объяснялся стремлением избежать действовавших в США мер по контролю над капиталами. Британские власти были рады развитию этого рынка в Лондоне, который иначе мог бы в значительной степени утратить позиции финансового центра, учитывая ослабление международной роли фунта стерлингов. Правительство США не противодействовало такому развитию событий, очевидно полагая, что оно мало повлияет на американские валютные условия или политику. Другие правительства, особенно японское, вначале сопротивлялись развитию европейского рынка иены, но в 80-е гг. сняли введенные ранее ограничения.

Хотя развитие частной глобальной финансовой системы — это не просто продукт триумфа рынков и технологий, а, скорее, следствие государственного поощрения и содействия, это не означает, что правительства могут управлять этими рынками или восстановить эффективный контроль над капиталом так же легко, как они его аннулировали. Либерализация в странах ОЭСР и введение единых международных регулятивных стандартов в той же мере были ответом на бес-

252

прецедентные объемы международной финансовой деятельности и уменьшающуюся эффективность национального регулирования, в какой послужили непосредственной причиной финансовой глобализации. Как свидетельствуют попытки выработать единые международные стандарты для дериватов, регулирующие власти по-прежнему в основном

реагируют на события на финансовых рынках. Хотя правительства, международные организации и центральные банки создали институциональную структуру, которая поддержала развитие частной международной финансовой системы, они больше не контролируют организацию или мощностъ глобальной финансовой деятельности. Действительно, равновесие в этой сфере между государственной и частной властью нарушилось однозначно в пользу последней; до известной степени эта «серьезная победа была одержана во имя интересов интернационально мобильного капитала» (Germain, 1997. p. 164). После восточно-азиатского финансового кризиса 1997 г. стал, однако, очевиден совершенно непредвиденный характер этой «победы», поскольку МВФ и правительства стран «большой семерки» начали пересматривать регулирование глобальной финансовой системы и обсуждать, меры по борьбе с потенциально опасными потоками краткосрочного капитала. Однако на данный момент предложенные реформы не оправдали ожиданий радикально новой «архитектуры» глобального финансового регулирования (IBF, 1998a).

4.6.4 СОВРЕМЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Мощность и обширность современных международных финансовых потоков таковы, что национальные финансовые системы становятся все больше и больше взаимосвязанными друг с другом. В Бреттон-Вудской системе контроль за движением капиталов ограничивал и регулировал такие потоки. Но финансовая либерализация и дерегулирование весьма способствовали развитию моделей финансовой взаимосвязанности. Эта тенденция, вероятно, должна в дальнейшем усилиться в результате выполнения соглашения ВТО об открытии национальных рынков финансовых услуг для глобальной конкуренции. Приблизительно 102 страны в конце 1997 г. согласились открыть, в различной степени, свой банковский и страховой бизнес и бизнес ценных бумаг для иностранных конкурентов с 1999 Г- и соблюдать нормы справедливой торговли ВТО. Более того, в 2000 г. должны начаться переговоры относительно либерализации всей сферы финансовых услуг (WTO, 1998).

В течение 70—80-х гг. национальный контроль над капиталом стал менее эффективным, так как с появлением еврорынков появилась возможность ухода от такого контроля, а экономики стран ОЭСР делались из-за огромного масштаба перемещений капитала все более и более уязвимы для спекулятивной деятельности (Shafer, 1995). Хотя контроль над капиталами продолжал вбивать клин между внутренними и иностранными процентными ставками, он становился все менее и менее эффективным в регулировании как объема глобальных финансовых потоков, так и их воздействия внутри страны. Как следствие, правительства стран ОЭСР отказались от национального контроля над движением капиталов, устранив, таким образом, официальные барьеры между внутренними и международными финансовыми рынками.

253

Таблица 4-14 Страны, осуществляющие управление отдельными 1997 статьями капитала,

Контроль за: Рынком ценных бумаг Инструментами валютного рынка Совместными инвестициями в ценные бумаги

Дериватами и другими инструментами	128	112	107	78	144	119
Прямыми иностранными инвестициями						
Операциями с недвижимостью	144					
Всего стран						

Источник: IMF, 1997a

В некоторых случаях этой либерализацией двигали идеологические стремления; в других она началась потому, что правительства, очевидно, были больше не способны достичь национальных экономических целей или привлечь международные инвестиции. Но от контроля над капиталом отказались не все страны (см. таблицу 4-14)> и он по-прежнему довольно широко распространен в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой. Однако намечается определенная тенденция к либерализации внутреннего контроля над капиталом (Haggard and Maxfield, 1996).

Это, в свою очередь, имеет большое значение для международного валютного порядка, так как ликвидация контроля за движением капиталов настолько осложняет поддержание фиксированного валютного курса, что количество стран с плавающим валютным курсом резко увеличилось: начиная с 80-х гг. с 40% до более 60 (Eichengreen, 1996, chs. 4—5). Таким образом, основная особенность современной международной валютной системы — это переход от фиксированного валютного курса к системе гибких валютных курсов.

Растущая мощность и обширность глобальных финансовых потоков, вкупе с тенденцией к либерализации национальных финансовых рынков, отсутствием национального контроля за движением капиталов и переходом к гибким валютным курсам, наводят на мысль, что это качественное изменение не что иное, как происходящее на наших глазах усиление глобальной финансовой интеграции. Но каким образом финансовая глобализация связана с углублением глобальной финансовой интеграции? Существует ли особый глобальный рынок ценных бумаг? До какой степени национальные процентные ставки теперь зависят от состояния глобальных финансовых рынков?

Задание национальных процентных ставок

Процентные ставки сегодня, хотя они и сближаются, в разных странах различны (не говоря уже о различиях внутри стран), и они бы остались таковыми, даже если бы были выражены в единой валюте (так, чтобы инвестор получал от иностранного актива такой же доход в своей валюте, как от внутреннего). Это объясняется, возможно, и недостатками финансовых рынков, и различными экономическими показателями в разных странах и регионах мира. Конечно, национальные процентные ставки по всему миру не уравнились; тем не менее они подчиняются порядку всемирного капитала и валютных потоков. В этом смысле националь-

254

Врезка 4-5 Паритет процентных ставок

Покрываемый паритет процентных ставок означает ситуацию, когда процентные ставки активов, номинированных в различных валютах, уравниваются посредством упреждающего валютного курса, гарантирующего определенную прибыльность в отечественной валюте. Инвесторы, покупающие активы в иностранной валюте, знают доходность погашения таких активов и могут обеспечить эту доходность в отечественной валюте с помощью заблаговременной продажи дохода от погашения биржевому дилеру по упреждающему валютному курсу. В отсутствие контроля над движением капиталов упреждающий курс должен гарантировать, что доходность активов в отечественной валюте будет равна доходности активов в иностранной валюте с тем же риском и сроком погашения. Если прибыли от активов в иностранной валюте превышают прибыли от активов в отечественной валюте, средства могут быть вложены в активы в иностранной валюте, а объемы упреждающей продажи иностранной валюты могут увеличить будущий предполагаемый спрос на отечественную валюту, порождая таким образом повышение упреждающего курса и/или падение доходности иностранных активов в отечественной валюте.

Непокрываемый паритет процентных ставок обозначает ситуацию, при которой процентные ставки по активам, номинированным в различных валютах, уравниваются без упреждающей продажи. Если процентные ставки по активам, номинированным в разных валютах и одинаковым во всех остальных отношениях, различаются, то уравнивание исходит из предположения, что за период погашения изменение обменного курса двух валют уравнивает доходность. Таким образом, непокрываемый паритет процентных ставок, по сути, содержит вопрос, действительно ли рынки верно определяют будущие колебания валютных курсов.

Реальный паритет процентных ставок возникает, когда реальные процентные ставки, чистый уровень инфляции в разных странах идентичен. Если непокрываемый паритет процентных ставок сохраняется, а различия в уровне цен в разных странах компенсируются колебаниями валютных курсов, то реальные процентные ставки разных стран уравниваются.

ные процентные ставки действительно зависят от состояния глобальных финансовых рынков и условий.

Скептики и гиперглобалисты нередко предполагают, что существование действующего глобального рынка ценных бумаг должно вызвать уравнивание доходности от финансовых активов во всем мире (в единой валюте). Но это предполагает модель абсолютно единого

глобального рынка ценных бумаг. С целью убедиться в конвергенции процентных ставок были проведены исчерпывающие исследования, в центре которых были и покрываемый паритет процентных ставок, и непокрываемый паритет процентных ставок (см. врезку 4-5)- Полученные из них выводы коротко и ясно можно изложить так: покрываемый паритет процентных ставок сохраняется в отсутствие контроля за движением капиталов, а непокрываемый паритет процентных ставок — нет.

Среди стран ОЭСР процентные ставки сближаются тогда, когда выражены в единой валюте — различия между национальными ставками компенсируются колебаниями относительного валютного курса. Точнее говоря, когда валюта мо-

жет быть продана по упреждающему курсу, любая разница между ставками полностью компенсируется разницей между текущим и упреждающим валютным курсом в течение периода владения данным активом; таким образом, доходность, выраженная в единой валюте, уравнивается (сохраняется покрываемый паритет процентных ставок). Если это условие не выполняется, то доходность не уравнивается; таким образом, колебания валютных курсов не компенсируют полностью различий в величине процентных ставок (непокрываемый паритет процентных ставок не сохраняется). Эта неспособность колебаний валютных курсов компенсировать разницу между процентными ставками — результат как изменений со временем тех надбавок к стандартным процентным ставкам, которых рынок требует за владение активами, номинированными в каких-то конкретных валютах, так и особенностей работы валютных рынков (Marston, 1995; Frankel, 1993)- Биржевые маклеры пользуются различными прогнозами колебаний валютных курсов, основанными как на основных постулатах экономики, так и на анализе трендов («графицизм»); как правило, они выбирают нечто среднее между этими двумя прогнозами, что порождает самые разнообразные прогнозы, хотя никакого согласия среди экономистов в оценках равновесия валютных курсов нет. Вследствие существующего среди трейдеров разброса мнений создаются условия для больших объемов торгов и для спекуляций. В особенности графицизм может увести валютный курс далеко от равновесного значения: преимущественный интерес большинства трейдеров к краткосрочной перспективе заставляет их концентрироваться именно на краткосрочных колебаниях. Применительно же к более длительным срокам есть данные в пользу существования паритета процентных ставок, в том числе данные о сближении реальных процентных ставок в основных развитых странах, предполагающем некоторую конвергенцию стоимости капиталов.

Исследование паритета реальных процентных ставок указывает на существование мировой (реальной) процентной ставки в развитых капиталистических странах с небольшими, но постоянными премиями за риск в той или иной стране (Gagnon and Unferth, 1995; Helbling and Wescott, 1995). Это исследование наводит, кроме того, на мысль, что, несмотря на отсутствие уравнивания процентных ставок, в долгосрочном плане процентные ставки определяются развивающимся глобальным рынком капиталов. Наконец, реальная глобальная процентная ставка отражает глобальный спрос и предложение кредитов. Это подразумевает не только существование тесных взаимосвязей между мировыми финансовыми центрами, но и углубление их финансовой интеграции (Walter, 1993).

Существует ли глобальный рынок капиталов?

Считается, что глобальный рынок капиталов может существовать, если главные финансовые центры взаимосвязаны в мировой экономике настолько тесно, что посредничество между предложением и спросом на международные кредиты реально осуществляется на трансконтинентальном уровне. Факты свидетельствуют о том, что, хотя абсолютно единый глобальный рынок капиталов еще, может быть, и не сложился, мощност и обширност транграничной финансовой деятельности позволяют предположить, что этот рынок развивается. Если развивающийся глобальный рынок ценных бумаг существует, то можно ожидать, что доходност стандартного пакета (портфеля) активов в разных

256

странах будет сближаться. Эмпирические исследования указывают на сближение уровней доходности на крупных рынках капиталов; на новых рынках ситуация иная, но и они обнаруживают ту же тенденцию к сближению уровней доходности (Korajczyk, 1996).

Институциональные инвесторы теперь владеют крупными пакетами ценных бумаг за границей и активно ими торгуют (E. Davis, 1991; Tesar and Werner, 1995). Хотя инвесторы предпочитают приобретение и владение внутренними активами, это предубеждение идет на убыль (Golub, 1990;

Frankel, 1994; Akdogan, 1995)- Отчасти это традиционное предубеждение может быть обусловлено национальными ограничениями, налагаемыми на заграничные инвестиции крупных внутренних институциональных инвесторов, но в 90-е гг. эти ограничения резко уменьшились.

Даже там, где уровни доходности на различных рынках сближаются, существуют сильные стимулы для инвесторов диверсифицировать географию своих портфелей. Высокий объем трансграничных операций с облигациями и ценными бумагами это подтверждает. Действительно, до тех пор пока между национальными рынками ценных бумаг имеет место даже самое небольшое различие в колебаниях прибылей — возможно, потому, например, что одни из них более стабильны, чем другие, что их экономические циклы не могут быть синхронизированы, — инвесторы, несмотря на сближение уровней доходности, могут обеспечивать себе гарантированную доходность, разнообразя свои портфели по странам и выравнивая со временем доходность во времени. Таким образом, различные изменения на национальных рынках ценных бумаг скорее движут глобальными финансовыми потоками, чем, как доказывают некоторые скептики, противоречат финансовой глобализации.

Хотя большинство отдельных кредиторов, как и заемщиков, не может охватить всю глобальную перспективу целиком, потоки между основными мировыми финансовыми центрами теперь уже достаточно велики, чтобы можно было сделать предположение о зарождении глобального рынка капиталов. Об этом свидетельствует и тот факт, что стоимость капитала в разных странах обнаруживает тенденцию к конвергенции (Fukao, 1993, 1995)- Кроме того, некоторые несущественные различия в стоимости между странами могут быть приписаны национальным различиям в налогах, взимаемых с инвестиций. Процентные ставки по банковским кредитам, как правило, основаны на национальных процентных ставках: поскольку эти ставки в мировом масштабе сблизились, а возросшая конкуренция затруднила получение прибыли, ставки, назначенные заемщикам, также имеют тенденцию к конвергенции. Поскольку фирмы могут размещать облигации, акции и другие активы на международных рынках, стоимость этих форм финансов обнаруживает ту же тенденцию.

Однако скептики обычно сомневаются в существовании глобального рынка ценных бумаг, так как связь между национальными сбережениями и национальными инвестициями все еще очень сильна (см., например: Hirst and Thompson, 1996, ch. 2). Если бы капитал действительно был интернационально мобильным, рассуждают они, то связь между национальными сбережениями и национальными инвестициями постоянно уменьшалась бы, а то и вообще исчезла: достаточно сбережений текло бы по всему миру в любой регион, где прибыли были бы наибольшими, и чистые потоки капитала, таким образом, были бы весьма значительными. Одни ученые пришли к выводу, что национальные сбережения

257

и уровни инвестиций по-прежнему сильно коррелируют (Feldstein and Horioka, 1980); другие же исследования показывают, что между локальными финансовыми рынками в пределах отдельных стран эта корреляция гораздо слабее (ср. Sinn, 1992). В то же время в период классического золотого стандарта корреляция между национальными сбережениями и инвестициями была значительно слабее, чем сегодня; при этом чистые потоки капитала были гораздо больше. В период между мировыми войнами эта корреляция была сильнее, чем можно было бы ожидать, учитывая крушение международного валютного порядка (Obstfeld, 1995)- Но при более детальном исследовании это свидетельство оказывается неубедительным.

Текущий платежный баланс страны — это различие между ее (государственными и частными) сбережениями и ее инвестициями: сбережения и инвестиции уравниваются там, где правительство успешно уравнивает платежный баланс. Так как экономика не может постоянно выдерживать дефициты и профициты платежного баланса, правительства стремятся его уравновесить; в результате национальные сбережения и уровень инвестиций имеют тенденцию к конвергенции (Krol, 1996; Liu and Tanner, 1996). В этом смысле корреляция между национальными сбережениями и инвестициями — не решающий тест на существование (или несуществование) единого глобального рынка ценных бумаг. Т. е. потоки чистого капитала сами по себе не единственный и не лучший показатель существования глобального рынка ценных бумаг. Таким образом, тот факт, что потоки чистого капитала, как утверждают скептики, сегодня, вероятно, меньше, чем в эпоху золотого стандарта, не является окончательным свидетельством того, что в 90-е гг. XX в. мировые рынки ценных бумаг в финансовом смысле интегрированы меньше, чем в 90-е гг. XIX в. Ибо не могла значимость беспрецедентных объемов потоков валового капитала и высокой мобильности капитала обесцениться сегодня так легко.

Значительных чистых потоков капитала можно было бы ожидать только в том случае, если бы уровни доходности финансовых активов в экономиках разных стран постоянно различались. Но, в отличие от ситуации при классическом золотом стандарте, национальные уровни доходности схожих активов, кажется, заметно друг от друга не отличаются. Это подтверждается и другим эмпирическим свидетельством: нормы прибыли по всему миру довольно близки друг к другу, и это, вероятно, отчасти результат международных потоков капитала в прошлом (Wood, 1994. ch. 3)- П. Армстронг и его соавторы оценили ежегодную норму в прибыли семи крупнейших странах ОЭСР за 1952—1987 гг. (Armstrong et al., 199¹)- В их исследовании можно проследить тенденцию к сближению нормы прибыли между этими странами начиная с 1971 г. Кроме того, А. Гхош исследовал изменения текущих национальных платежных балансов с целью проверить, использовали ли основные промышленно развитые страны международное кредитование и заимствование для того, чтобы сгладить со временем потребление (Ghosh, 1995)-Полученные им результаты показали, что мобильность капиталов была уж ни в коем случае не ниже, чем можно было ожидать в условиях финансовой открытости. С 1975 г- в Канаде, Германии, Японии и Великобритании (но не США) эта мобильность фактически была выше. Иными словами, перемещения капитала были интенсивнее, чем это необходимо для сглаживания кривых потребления. Такое свидетельство хорошо согласуется с существованием значительных объемов спекулятивных международных финансовых потоков, которые не могут быть объ-

258

яснены исключительно в терминах основополагающих различий в уровне доходности. Итак, функционирование современного мирового рынка капиталов явно не подтверждает хрестоматийную концепцию абсолютно интегрированного глобального рынка капиталов: заемщики и кредиторы различаются по своему доступу на этот рынок, а среди держателей сохраняется предпочтение отечественных активов. Очевидно, однако, существование развивающегося глобального рынка капиталов, для которого, как и для многих других подобных рынков, характерны различные несовершенства и искажения. В главных мировых финансовых центрах распространяется торговля валютами, государственными облигациями, биржевая торговля дериватами и другими основными финансовыми продуктами. Лондонский, нью-йоркский и токийский рынки переплелись настолько, что функционируют уже как единый круглосуточный рынок; на их долю приходится большая часть объемов торговли этими активами и устанавливаются исходные мировые цены. Но рынки ценных бумаг, корпоративных облигаций и других финансовых активов развиваются и как крупные национальные рынки, поскольку соответствующие активы сильно переплелись и ими все больше и больше торгуют в каждом из основных мировых финансовых центров. При уподоблении этого развивающегося глобального рынка ценных бумаг абсолютно единому глобальному рынку, как правило, упускаются характерные черты современных процессов. На таком абсолютно едином глобальном финансовом рынке товарооборот, вероятно, был бы достаточно низким. Однако главные особенности современных глобальных финансовых рынков — это, напротив, беспрецедентные в истории масштабы деятельности (во многом спекулятивной), скорость осуществления финансовых операций и попутный процесс финансового накопления. Все это доказывает, что глобальный рынок ценных бумаг развивается, хотя он еще до конца и не институционализировался.

4.7 СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Как показало данное исследование, у «высокого финансового дела», как выразился однажды известный экономический историк Карл Поланьи, давняя история (Polanyi, 1944. Р- 9). Ранние современные формы финансовой глобализации были ограничены по своей обширности и интенсивности. Скорость и влияние международных финансовых потоков и сетей на внутреннюю экономическую деятельность в отдельных странах также сильно ограничивались плохой инфраструктурой и локализованными экономическими системами. Кроме того, в организации финансовой системы прослеживалась тенденция к эманации из единственного главного финансового центра, будь то Амстердам, Антверпен или, позднее, Лондон (Germain, 1997)- По сравнению с этим эпоха классического золотого стандарта ближе всего подходит к хрестоматийному случаю функционирующего глобального рынка ценных бумаг. В годы расцвета эпохи классического золотого стандарта мощность потоков капитала достигла уровня, который был превзойден лишь в более позднее время. Существование всемирных империй и технический прогресс в сфере коммуникаций значительно расширили

сферу «высокого финансового дела». Не затронутыми влиянием мирового рынка капиталов остались в этот период эконо-

259
мики очень немногих стран. Но хотя мобильность капитала была практически неограниченной, это влияние было в большой мере опосредовано чрезмерным протекционизмом, высокими имперскими торговыми пошлинами, беспрецедентными объемами экономической миграции и господствующими предположениями относительно ограниченной ответственности государства за издержки экономических корректировок. Однако в период между двумя войнами система золотого стандарта фактически развалилась. После 1945 г. она была заменена Бреттон-Вудской системой, которая была далеко не глобальной по числу входящих в нее стран и в которой потоки частного капитала были сильно ограничены вследствие существования национального контроля за движением капиталов.

Современная модель финансовой глобализации отличается от этих эпох многими специфическими особенностями — вопреки мнению о ней многих скептиков, характеризующих ее как лишь эффективное «продолжение» уже сложившихся в прошлом тенденций. Несомненно, у различных исторических форм глобализации, описанных в этой главе, есть несколько общих черт; они наиболее заметны при сравнении эпохи золотого стандарта и современной эпохи. Но есть и существенные различия (см. текстовую таблицу 4.1). Так как глобальная финансовая система охватывает сегодня практически все этнические государства и экономики, а объемы валовых финансовых потоков беспрецедентны по своим размерам, то происходит переход к почти мгновенной, происходящей в реальном времени, круглосуточной глобальной финансовой торговле. Кроме того, громадное разнообразие продаваемых финансовых продуктов и сложность новых финансовых инструментов отражает фундаментальный переход к самостоятельному глобальному финансовому рынку, при котором финансовая деятельность практически отделена от нужд торговли, т. е. обмена товарами и услугами. Если в течение большей части истории общества главной целью международной финансовой деятельности было содействие и облегчение торговли, то сегодня доля торговли в международной финансовой деятельности гораздо меньше, чем, возможно, когда-либо прежде.

Трансграничные финансовые потоки сегодня, по крайней мере, сопоставимы с теми, что существовали в эпоху классического золотого стандарта. Непосредственно сравнивать их трудно, потому что по эпохе классического золотого стандарта есть лишь данные о потоках чистого капитала и по небольшому числу стран. Но порядок величин чистых потоков, вероятно, будет подобен порядку величин валовых потоков, так как потоки капитала имели преимущественно одностороннюю направленность — от нетто-экспортеров к нетто-получателям. Как показывает таблица 4-15, объемы современных потоков валовых прямых зарубежных инвестиций и портфельных инвестиций в экономиках основных развитых стран, как правило, гораздо больше (относительно ВВП), чем объемы потоков из них в эпоху классического золотого стандарта (см. таблицу 4-3). Кроме того, теперь они исходят из более широкого круга стран. Но принципиально важно, что существующие валовые потоки в их отношении к объемам ВВП крупнейших развитых стран, по крайней мере, не меньше, а, вероятно, и больше, чем были в эпоху золотого стандарта, но товарооборот на глобальных финансовых рынках, как видно из таблицы 4-16, достиг беспрецедентного в истории уровня.

По сравнению с эпохой золотого стандарта значительно трансформировались

Текстовая таблица 4-1 Исторические формы финансовой глобализации

	<i>Период до индустриальной революции</i>	<i>Период классического золотого стандарта</i>	<i>Бреттон-Вудский период</i>	<i>Современный период</i>
<i>Обширность</i>	Средняя Устойчивые потоки драгоценных металлов между Азией и Европой, в XVI веке распространившиеся на Северную и Южную Америку	Высокие по стоимости потоки в силу участия стран в торговле Соглашение о золотом стандарте, охватывавшее экономики лишь основных развитых стран вплоть до XX века	Коммунистические страны, исключены из международной валютной системы Фактически глобальное проявление в сферах любого другого рода	Участие почти всех стран в международном обмене и валютном порядке

<i>Мощность</i>	В целом низкая, но периодически валютные потоки оказывают определяющее влияние на валютные условия стран мира Ограниченная монетаризация экономик отдельных стран	Непостоянная Очень высокие по сравнению с получаемой отдачей объемы потоков инвестиций из стран, являющихся основными инвесторами и кредиторами Влияние международных валютных условий на национальные условия растет	Намеренно ограниченная Средние объемы потоков	Высокая Беспрецедентные потоки валового Многообразие капиталов
<i>Скорость</i>	Весьма ограниченная: дни и недели сделок	Умеренная, скорее ограниченная	Растущая: зарождение круглосуточной торговли	Высокая: постоянная круглосуточная торговля
<i>Стремление к оказанию влияния</i>	Слабое, с ограниченным количеством международных операций и монетаризацией экономик отдельных стран	Финансовые потоки часто играют основную роль в развитии стран-кредиторов Соглашение о золотом стандарте вначале имеет небольшое влияние на страны-участницы, но во время Великой депрессии в 1930-е гг. — значительное	Намеренно ослабленное, в промышленно развитых странах Большее влияние на кредиты, навязываемые экономикам развивающихся стран Национальное управление капиталом Встроенный либерализм	Сильное: проценты зависят от состояния основных рынков и политики, находящих их мощным влиянием свою очередь, сил на отдельные группы экономики
<i>Инфраструктура</i> <i>Инфраструктура</i>	Обычные коммуникации Минимальное регулирование	Международный телеграф создает основу для глобального рынка Определенное международное регулирование	Дальнейший прогресс в сфере коммуникационных технологий Всестороннее международное регулирование	Передовые коммуникации и компьютерные технологии создают основу для осуществления операций и финансовой инфраструктуры Всесторонний международный мониторинг и регулирование
<i>Институционализация</i>	Небольшое число финансовых центров с сетями торговцев и банков, осуществляющих операции из этих центров	Появление сетей многонациональных банков Соглашением между правительствами вводится золотой стандарт	Международная финансовая система, управляемая МВФ Многонациональное банковское дело рождается заново с ростом операций с евро-валютой	Продолжающееся многонациональное банковское дело, со значительным значением МВФ экономик Регулирование по БМР и другими международными организациями Всесторонний мониторинг
<i>Стратификация</i>	Сильно концентрированная: международная финансовая система, структурируемая посредством небольшого числа центров Евроцентристская	Высокая: частная финансовая система, структурируемая посредством ограниченного числа бирж Осуществление международных операций в основном в фунтах стерлингов Евроцентристская	Высокая: частная финансовая система, структурируемая посредством ограниченного числа бирж Осуществление международных операций в основном в долларах как резервной валюте в Бреттон-Вудской системе Атлантистская	Высокая, но несколько обширная, чем при Вудской системе; финансовая система, структурируемая центрами, расположенными в Лондоне, Нью-Йорке и Токио Влияющая на бизнес остальных регионов Децентрализованная Доллар остается главной мировой валютой, но роль и других валют
<i>Основные формы взаимодействия</i>	Соревновательные	Имперские	Диктуемые государством: кооперативные	Неустойчивое политическое равновесие между финансовыми системами Сотрудничество и конкуренция

262

Таблица 4-15 Валовые потоки прямых зарубежных и портфельных инвестиций, 1970

1995 (в процентах от ВВП)

1970—74	1975—79	1980—84	1985—89	1990—95
---------	---------	---------	---------	---------

Канада	1,7	3,4	3,6	6,1	7,2
Франция		1,3	2,1	4,1	7,2
Германия	1,2	1,3	1,7	5,2	6,3
Италия	0,9	0,3	0,6	1,7	5,7
Япония		0,6	2,6	5,9	3,7
Швеция	1,0	1,2	1,7	5,0	7,0
Великобритания	3,6	4,0	5,4	14,4	11,9
США	1,0	1,5	1,4	2,9	3,3

Источник: IMF, р. 60
1997b,

Таблица 4-16 Трансграничные операции с облигациями и ценными бумагами, 1970 — 1995 (в процентах от объема ВВП)

	1970	1975	1980	1985	1990	1996 ^a
США	2,8	4,2	9,0	35,1	89,0	151,5
Япония		1,5	7,7	63,0	120,0	82,8
Германия	3,3	5,1	7,5	33,4	57,3	196,8
Франция			8,4 ^b	21,4	53,6	229,2
Италия		0,9	1,1	4,0	26,6	435,4
Великобритания				367,5	690,1	
Канада	5,7	3,3	9,6	26,7	64,4	234,8

^a Январь — сентябрь.

^b 1982.

Источник: IMF, р. 60
1997b,

и организация, и формы глобальной финансовой деятельности. Если в эпоху золотого стандарта большая часть финансовой деятельности приходилась на облигации и портфельные инвестиции, то в современный период доминируют прямые зарубежные инвестиции, частные международные облигации, дериваты и торговля валютой. Кроме того, если в Бреттон-Вудскую эпоху международная финансовая система была организована прежде всего правительствами и через правительства, то сегодня в международной организации кредитования доминирует множество индивидуальных акторов (банки, финансовые учреждения и т. д.), действующих по законам рынка (Germain, 1997). При этом сегодня не существует, как в конце XIX в., какого-то единственного главного финансового центра, наводящего минимальный порядок и следящего за соблюдением согласованных норм; главных центров финансовой деятельности сразу несколько: Лондон, Нью-Йорк и Токио. Таким образом, по сравнению с эпохой золотого стандарта или даже с Бреттон-Вудским периодом наблюдение и регулирование глобальной финансовой системы носит гораздо более многосторонний характер: эта деятельность институционализирована в рамках МВФ, БМР и межправительственных сетей центральных банков. Кроме того, это система с настолько размытыми границами между международным и внутренним регулированием, что наблюдается

263, сильный крен в сторону гармонизации или, по крайней мере, координации банковских или финансовых норм и требований.

Хотя современная структура международной финансовой деятельности все еще остается весьма неравномерной и иерархической, существуют значительные различия между ней и моделями стратификации более ранних периодов. Хотя большая часть притоков капитала по-прежнему приходится на наиболее развитые из входящих в ОЭСР государств, доля развивающихся стран и стран с переходной экономикой растет, причем эта доля, если проводить исторические параллели, не меньше, если не больше, чем в эпоху золотого стандарта. Вместе с тем финансовые условия в экономиках этих стран, в значительной степени изолированные от глобальных потоков капитала, продолжают находиться под сильным влиянием событий, происходящих на финансовых рынках Нью-Йорка, Лондона и Токио. Действительно, устанавливаемые на этих рынках валютные курсы и процентные ставки часто определяют характеристики национального макроэкономического регулирования. Подобно тому как распространение капитализма повлекло за собой монетаризацию экономик стран мира, так и финансовая глобализация привела сегодня к процессу финансового накопления, в ходе которого развитие мировых финансовых рынков достигло уже

уровня непрерывного функционирования и вовлекло в сферу своего влияния экономики практически всех стран. В связи с этим внутренние процентные ставки и валютные курсы в значительной степени обусловлены функционированием глобальных финансовых рынков. Поэтому сосредоточение потоков капитала в государствах, входящих в ОЭСР, пусть и уменьшающееся, является ложным индикатором глобального охвата и воздействия мировых финансовых рынков.

Как мы хотели подчеркнуть в текстовой таблице 4-1, у современной формы финансовой глобализации и у тех форм, которые были для нее характерны в предшествующие периоды, есть некоторые схожие черты. Но некоторые важные аспекты финансовой глобализации конца XX в. уникальны.

4.8 ГЛОБАЛЬНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В НЕЕ РАЗНЫХ СТРАН

Как уже отмечалось, неравномерность современной глобализации проявляется в различных моделях включенности в глобальную финансовую систему. По своей включенности в мировые финансовые рынки сильно отличаются друг от друга даже те шесть промышленно развитых стран, которые находятся в центре этого исследования.

В послевоенный период лондонский Сити сохранил свое международное финансовое положение — отчасти благодаря своему доминированию на евროрынке. Вторая по своему значению после Чикагской фьючерсная финансовая биржа в мире, Лондонская Международная Финансовая Фьючерсная Биржа (LIFFE), была основана в 1982 г. Система валютного контроля сохранялась в Англии с 1945 г. До тех пор, пока не была отменена в одностороннем порядке в 1980 г. одним из первых решений только что сформированного консервативного правительства, впоследствии стремившегося к большей финансовой либерализации в рамках ЕС. В 90-е гг. Лондон, несмотря на конкуренцию со стороны других европейских и заокеанских финансовых центров, сохранил свое

силь-

264

Врезка 4-6 Европейские валютные органы с 1979 г.

Европейская валютная система (ЕВС/EMS) была основана в 1979 г., чтобы обеспечить механизм поддержания фиксированных валютных курсов для стран Европейского сообщества после безуспешных попыток в 70-е гг. ввести подобную систему посредством валютной «змеи». В рамках Европейского механизма валютного курса (ЕМВК) был создан официальный орган для тех стран-участниц, которые согласились ограничить колебания валютного курса 2,25% в ту или иную сторону от согласованного уровня, и были разработаны процедуры интервенции с целью поддержки какой-либо валюты, приближающейся к границе установленного для нее «коридора». Вслед за кризисом ЕВС в 1993 г. — эти «коридоры» были расширены до 15%. Кризис 1993 г. оказался только временным отступлением на пути к созданию в 1999 г. Европейского валютного союза (ЕВС/EMU). Страны, входящие в ЕВС, сформируют валютный союз, в рамках которого будет установлен общий обменный курс, который, таким образом, обеспечит реальную фиксацию курсов обмена валюты между ними.

ное влияние на функционирование глобальной финансовой системы (Germain, 1997)–

Франция после 1945 г. сохранила обширную систему контроля за движением капиталов как одно из звеньев управляемой государством финансовой системы, большая часть которой принадлежала опять-таки государству. Чрезмерное финансовое расширение, отчасти из-за низких процентных ставок, неизбежным образом привело к девальвации в 1958 и 1969 гг. Но плавающие валютные курсы, как представлялось, не обеспечивали Франции достаточной финансовой независимости, так что ей пришлось искать выход в создании системы контролируемых колебаний валютного курса в виде валютной «змеи» или Европейской Валютной Системы (ЕВС) (см. врезку 4-6). В 1981—1983 гг. вновь пришедшее к власти социалистическое правительство попыталось проводить политику рефляции, а также ряд амбициозных социальных мер. Это породило массовые спекуляции на франке, справиться с которыми система контроля над капиталом не смогла, так что от подобной экономической политики пришлось полностью отказаться. После этого провала отношение элиты к государственному вмешательству и стремлению к утверждению Парижа как международного финансового центра изменилось: она поддержала действия власти по либерализации финансового сектора и отмене контроля над капиталом. Начиная с конца 80-х гг. главным во французской внутренней валютной политике стало поддержание высокого валютного курса в рамках Европейского Механизма Валютного Курса (ЕМВК) с целью снизить уровень

инфляции до уровня Германии или даже еще ниже. Эта политика во многом была продолжена и после кризиса ЕМВК в 1993 г. У Парижа давняя история международных финансовых отношений и многонациональных банковских операций, обусловленная его прежними имперскими связями. Хотя послевоенный период характеризовался безоговорочным преобладанием банковского кредитования, после финансовой либерализации 80-х гг. начался серьезный рост торговли другими финансовыми инструментами, в том числе очень бурное развитие MATIF — открытой в 1986 г. французской финансовой фьючерсной биржи.

Германия столкнулась в Бреттон-Вудский период и в 70-е гг. с противополож-

ными проблемами. Давление притока средств на марку растет, угрожая снизить ее конкурентоспособность. Чтобы противостоять этому давлению, периодически использовались меры контроля за движением капиталов; однако в 1981 г. контроль было отменен. Валютные власти отнеслись к новым финансовым инструментам с традиционным недоверием — по крайней мере, до финансовой либерализации в 80-х гг.; таким образом, рынки дериватов остались практически в зачаточном состоянии.

В Японии контроль за движением капиталов применялся в послевоенный период для согласования развития финансового сектора с индустриальным развитием. Однако постоянный дефицит платежного баланса после нефтяного кризиса

1973 г. привел к либерализации перемещений краткосрочного капитала. Финансовая либерализация была продиктована и внешним давлением в сторону предоставления иностранным агентам большего доступа на японские финансовые рынки, и влиянием мощных внутренних групп интересов, лоббирующих большую финансовую открытость (Hellemer, 1994. P-152—156). Токио является одним из трех главных мировых финансовых центров. Но японские краткосрочные финансовые рынки остаются, по меркам индустриальной державы, слабо развитыми, хотя в 1991 г. Япония вытеснила США с позиций крупнейшего в мире брутто-кредитора. В 1998 г. она начала дальнейшую либерализацию финансового сектора и окончательно отказалась от контроля над потоками капитала.

Швеция в послевоенные годы применяла контроль над движением капитала, но в 70-е гг. под влиянием мультинационализации шведской промышленности отказалась от контроля над долгосрочными потоками капитала. Управление же краткосрочными потоками было ликвидировано в конце 80-х гг., после либерализации внутренних валютных рынков. С тех пор Швецией предпринимались активные попытки по привлечению иностранного бизнеса; свидетельством этому — открытие в 1989 г. ОМ — шведской финансовой фьючерсной биржи, которая была создана по образцу MATIF.

В США контроль над движением капиталов был практически ликвидирован к

1974 г. США имеют сразу несколько крупнейших финансовых рынков мира; при этом Нью-Йорк — главный центр большинства глобальных финансовых операций. Хотя Соединенные Штаты остаются основой глобальной финансовой системы, а доллар, соответственно, — ведущей международной валютой, Америка больше уже не безоговорочный лидер, как это было в Бреттон-Вудский период. Более того, несмотря на огромную финансовую мощь США, глобализация финансовой деятельности означает, что сами они больше не изолированы от зарубежных финансовых процессов, как это было при БВС.

Вероятно, нигде модели взаимосвязанности этих шести стран в рамках глобальной финансовой системы не проявляются так отчетливо, как в банковской сфере. Международные банковские операции стали расширяться начиная с 1970 г., одновременно с ростом глобальных финансов. Английские многонациональные банки имели более 2000 отделений накануне Второй мировой войны и доминировали до 70—80-х гг., когда их конкурентоспособность снизилась (Jones, 1993> ch. 10). Отчасти это произошло вследствие развития американских, японских и немецких многонациональных банков. Поскольку банки расширились, иностранная и международная финансовая деятельность выросла, и глобальные финансовые операции стали более значимыми для банковской деятельности. Таблица 4-17 по-

266

Таблица 4-17 Иностранный актив и пассив и пассива коммерческих банков, 1960 — 1997 в процентах от совокупного актива

	1960	1970	1980	1990	1997
Франция Актив		16,0	30,0	24,9	34,6
Пассив	—	17,0	22,0	28,6	32,7
Германия Актив	2,4	8,7	9,7	16,3	18,2
Пассив	4,7	9,0	12,2	13,1	20,6
Япония					
Актив	2,6	3,7	4,2	13,9	16,4
Пассив	3,6	3,1	7,3	19,4	11,8
Швеция					

Актив	5,8	4,9	9,6	17,7	36,4
Пассив	2,8	3,8	15,0	45,0	41,9
Великобритания					
Актив	6,2	46,1	64,7	45,0	51,0
Пассив	13,9	49,7	67,5	49,3	51,6
США					
Актив	1,4	2,2	11,0	5,6	3,8
Пассив	3,7	5,4	9,0	6,9	8,5

Источник: IMF, International Financial
Statistic Yearbook, разные годы

называет, насколько это изменило баланс коммерческого банковского сектора в экономике каждой из исследуемых здесь шести стран, входящих в состав ОЭСР. В послевоенный период английская открытость для международных банковских операций поразительно подтверждается тенденциями, обозначенными в таблице. После либерализации как во Франции, так и в Швеции произошли значительные изменения в направлении к интернационализации банковского дела. Хотя немецкие и японские банки имели тенденции к формированию одного мощного центра внутри страны, а американские банки обслуживают громадную экономику, даже здесь начиная с 70-х гг. доля иностранного актива и пассива увеличилась с небольшой до весьма значительной.

4.9 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Начавшийся в 80-е гг. бурный рост глобальных финансовых операций и сложность глобальных финансовых рынков трансформировали управление экономиками развитых стран. Этот рост дает правительствам и корпорациям прекрасную возможность выйти на крупные и ликвидные рынки капитала и позволяет инвесторам всего мира получать наибольшую прибыль. Но хотя глобальные финансовые рынки и играют ключевую роль в мировом распространении капитала, они делают это таким образом, что влекут за собой далеко идущие последствия для национального суверенитета и независимости.

Современная глобальная финансовая система характеризуется, во-первых, высокой мощностью, а во-вторых, относительно большой неустойчивостью ва-

267

лютных курсов, процентных ставок и других фор, в которых выступает цена финансовых активов. Валютные курсы часто отклоняются от значений, соответствующих разнице в величине процентных ставок и в значении основных экономических показателей соответствующих стран. На абсолютно едином глобальном финансовом рынке этого происходить не должно; точнее, цены должны, как говорит нам экономическая теория, быстро приспособиться к изменениям базовых экономических условий. Но, как отмечалось выше, имеет место крупномасштабная спекулятивная деятельность, вследствие чего национальная макроэкономическая политика уязвима со стороны изменений глобальных финансовых условий. Как стало очевидно после восточно-азиатского валютного кризиса 1997 г., спекулятивные потоки могут иметь для национальных экономик самые прямые и весьма драматичные последствия. Современная финансовая глобализация совершенно изменила издержки и выгоды, связанные с выбором той или иной национальной макроэкономической политики, изменила временами настолько радикально, что сделала некоторые из этих альтернатив слишком дорогими. Кроме того, эти издержки и выгоды настолько различны в разных странах и временами принимают столь причудливые формы, что практически становятся не вполне предсказуемыми. К тому же, современные формы финансовой глобализации имеют и другие важные последствия для рассматриваемых нами шести промышленно развитых стран, а именно: институциональные, дистрибутивные и структурные.

4.9.1 ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Для экономистов отправной точкой для анализа воздействий глобальных финансов на национальную макроэкономическую политику является классическая теория Манделл-Флеминга. Согласно этой теории, страны не могут проводить независимую валютную политику с фиксированным валютным курсом без контроля за потоками капитала: на абсолютно глобальном рынке капитала (на котором сохраняется непокрываемый паритет процентных ставок) внутренняя процентная ставка равняется мировой. Таким образом, чтобы сохранить паритет валютных курсов, национальные власти должны планировать свои внутренние валютные запасы. Если контроль за потоками капиталов эффективен, то он позволяет странам проявлять относительную валютную самостоятельность, отделяя внутреннюю валютную политику от мировых процентных ставок. В то же время плавающие валютные курсы позволяют странам проводить совершенно независимую

валютную политику, так как валютный курс компенсирует любое расхождение между внутренними и мировыми процентными ставками. В принципе, плавающие валютные курсы предоставляют, таким образом, правительствам и совсем широкую автономию в управлении внутренней валютной политикой, если только они готовы примириться с последствиями колебаний валютных курсов.

Если бы мир и в самом деле был настолько элементарен, как его описывает теория Манделл-Флеминга, компромиссы между этими совершенно разными подходами к экономической политике были бы идеальными и совершенно очевидными. На практике, однако, прогнозы тех или иных последствий проводимой политики

268

оправдываются очень редко (Rose, 1996). При БВС, как уже отмечалось, потоки капитала имели лишь весьма ограниченное воздействие на экономическую политику государств-членов ОЭСР. С тех пор эти страны стали гораздо более открытыми для торговли, а финансовые потоки — гораздо более чувствительными к различиям между экономическими условиями разных стран. Во второй половине 70-х гг. правительства многих стран ОЭСР полагали, что они в состоянии проводить независимую экономическую политику, спокойно примирившись с последствиями колебаний валютных курсов. Но колебания эти оказались настолько значительными, что правительства оказались не в состоянии вести ту независимую политику, к которой так стремились (см.: Webb, 1995> ch. 5). С тех пор правительства некоторых стран, за исключением США, Германии и Японии, проводили в значительной степени конвергентную макроэкономическую политику, призванную свести несущие угрозу финансовые потоки к минимуму (Webb, 1995. ch. 6). Конечно, независимость различается по экономическим полномочиям и масштабам. Требования экономической и валютной экспансии, с которыми сталкиваются страны с текущим профицитом платежного баланса, прежде всего Германия и Япония, являются гораздо менее жесткими, чем противоположные требования сократить экономическую активность и объем денежной массы, с которыми сталкиваются страны с дефицитом платежного баланса. США были в состоянии проводить в 80-е гг. экспансионистскую макроэкономическую политику (хотя и за счет завышенного валютного курса), а затем, в 1985—1987 гг. в рамках рассматриваемого ниже соглашения в отеле «Плаза», привлечь другие государства для помощи в корректировке этого курса и политики.

На практике финансовая глобализация увеличила давление на правительства большинства стран ОЭСР в сторону проведения стабильной внутренней валютной политики, поскольку страны, считающиеся более вероятными проводниками «инфляционной» внутренней валютной политики, как правило, вынуждены платить при займах премию за риск, чтобы компенсировать инвесторам издержки в результате возможной в будущем инфляции. Итак, в рамках либерализующегося глобального рынка капитала ко всем правительствам предъявляются жесткие требования проводить стабильную внутреннюю валютную политику и предпринимать меры по повышению доверия к внутренним валютным властям, накапливая заслуживающий доверия «послужной список» антиинфляционных мер и/или делая государственный центральный банк (конституционно) независимым от правительства. Д. Джонсон и П. Сиклос заключили отсюда, что внутренняя валютная политика стран ОЭСР в гораздо большей степени отражает не внутренние финансовые или экономические условия, а мировую процентную ставку (Johnson and Siklos, 1996). Однако финансовая глобализация имеет тенденцию и к размыванию эффективности традиционных инструментов национальной валютной политики. Мобильность капитала, дерегулирование и финансовые инновации резко повлияли на способность правительств определять свои валютные запасы и уровень инфляции (Sheperd, 1994. ch. 9). Финансовая открытость, интернационализация кредитования и способность финансовых учреждений переключаться с одних активов на другие сильно затруднили четкое определение правительствами и центральными банками объемов своих денежных запасов, не говоря уже об их регулировании. Эти процессы трансформируют и способность правительств эффективно

269

регулировать денежные запасы и процентные ставки, а также влиять как на производство, так и на инфляцию. Национальные власти еще контролируют краткосрочные процентные ставки, но более долгосрочные процентные ставки (которые обычно как раз наиболее важны для инвестиционных решений) все больше зависят от состояния глобальных рынков, на которое отдельные правительства могут влиять лишь косвенно и зачастую все меньше и меньше. Хотя Бундесбанк Германии, например, прославился достижением низкого уровня инфляции пос-

редством строгого контроля внутренней денежной массы, в целом финансовая глобализация значительно осложнила достижение данных политических целей традиционными путями (Juselius, 1996).

Одной из исходных движущих сил финансовой либерализации было стремление правительств использовать заграничные рынки капитала для финансирования внутреннего кредитования. В принципе, одно из преимуществ глобального рынка капитала состоит в том, что если государственные займы на закрытом национальном финансовом рынке ведут к повышению процентных ставок, то займы на глобальных рынках хоть и вызывают аналогичное давление, но в гораздо меньшей степени. Но на практике рынки капиталов обычно заставляют страну-заемщика выплачивать дополнительную премию за риск. В этих условиях заемщики могут в конце концов столкнуться одновременно с ростом процентных ставок и снижением валютного курса, поскольку рынки стремятся избежать тех заемщиков, которых воспринимают как «рискованных». Таким образом, у правительств с высоким дефицитом бюджета и большими государственными долгами долгосрочные процентные ставки обычно выше. В этом смысле возросшая взаимосвязанность рынков капитала, высокая мобильность капитала и переход к гибким валютным курсам были существенными факторами падения эффективности традиционных кейнсианских макроэкономических управленческих стратегий. Очевидно, что до предела возросшая мобильность капитала сильно осложняет проведение прежней экспансионистской макроэкономической политики. Ибо неизбежная и в перспективе более высокая инфляция или не менее неизбежные более высокие налоги на такие вложения приведут или к бегству капитала, или к более высоким процентным ставкам, позволяющим окупить правительственное кредитование. Такие события имеют тенденцию подрывать или ограничивать экспансионистскую макроэкономическую политику (Garrett, 1996, p. 88). Финансовая глобализация увеличивает для правительств стимулы к применению макроэкономических стратегий, ведущих к стабильно низкому уровню инфляции, посредством установления налоговой дисциплины и проведения жесткой монетарной политики, поскольку это вызывает симпатию глобальных финансовых рынков. Итак, правительства склонны проводить нерискованную, осторожную макроэкономическую политику, направленную на предвидение реакции глобальных финансовых рынков и обеспечение их доверия.

4.9.2 ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ВАЛЮТНЫХ КУРСОВ

В Бреттон-Вудскую эпоху контроля за движением капиталов внутренние валютные рынки были изолированы от иностранных. Таким образом, у правительств появлялась возможность что-либо противопоставить иностранной валютной

270

Врезка 4-7 Стерилизация иностранной валютной интервенции

Стерилизация означает попытки правительств стран компенсировать свои действия на валютных рынках с помощью встречных интервенций на отечественные денежные рынки с тем, чтобы иностранная интервенция не оказала никакого влияния на объем денежной массы страны. Так, например, власти могут пытаться сдержать рост валютного курса путем продажи дополнительно эмитируемой отечественной валюты, увеличивая за счет этого объем денежной массы; но они могут компенсировать такой рост денежной массы с помощью продажи облигаций на внутренних рынках, способной связать избыточные наличные деньги и таким образом уменьшить объем наличной денежной массы. Большинство центральных банков, как правило, пытаются стерилизовать свои интервенции, но это может оказаться эффективным только в том случае, если отечественные и иностранные активы не абсолютно взаимозаменяемы. Продажа отечественных облигаций поднимает процентную ставку (более высокая процентная ставка необходима, чтобы побудить инвесторов приобрести больше облигаций); однако если эти облигации абсолютно взаимозаменяемы для иностранных активов, то такая процентная ставка просто приведет к тому, что эти активы потекут в другую страну, где процентные ставки выше. При системе с фиксированным валютным курсом это увеличивает валютные 'запасы, а при плавающих курсах — посредством увеличения спроса на валюту поднимает процентную ставку; в обоих случаях воздействие первичной интервенции сводится на нет.

интервенции с целью поддержать курс национальной валюты, не задействуя при этом внутренние валютные запасы (см. врезку 4-7)- Это позволяло правительствам свободно управлять валютным

курсом. После отказа в 80-е гг. от контроля за движением капиталов было высказано предположение, что такого отграничения отечественных рынков от иностранных больше не существует. Это мнение основывалось на том, что отечественные и иностранные активы стали практически полностью взаимозаменяемы; следовательно, иностранная валютная интервенция будет иметь далеко идущие последствия для отечественной валюты, и наоборот. Очевидный успех соглашения в отеле «Плаза» в 1985 г. поставил эту точку зрения под сомнение.

Рост курса доллара в начале 80-х гг. был настолько резким, что уже к середине 80-х гг. стал явно завышенным (Frankel and Froot, 1990). Страны «большой пятерки» (США, Великобритания, Германия, Франция и Япония) приняли решение осуществить координированную интервенцию на глобальных валютных рынках, чтобы сначала понизить курс доллара, а потом его стабилизировать. Эти плановые интервенции были практически полностью компенсированы на внутренних валютных рынках, так что объем денежной массы всех стран-участников договора остался неизменным. Конечно, можно спорить о том, в какой степени эта интервенция действительно повлияла на последовавшие затем изменения курса доллара, хотя детальный анализ показывает, что это влияние было довольно существенным (Dominguez and Frankel, 1993). Таким образом, оказывается, что определенная внутренняя валютная самостоятельность может быть вполне совместима с контролем валютного курса, если при этом учитываются достаточно сильные различия между активами разных стран. Однако во многих отношениях соглашение в отеле «Плаза» было исключением, хотя оно и демонстрирует, что

271

постепенная иностранная валютная интервенция в рамках системы плавающих валютных курсов иногда может быть весьма эффективной в плане воздействия на объем денежной массы той или иной страны.

Плавающие валютные курсы могут привести к настолько быстрым и резким изменениям стоимости валют, что стремление правительств к стабильной инфляции (а возможно, даже и стремление их к низкой инфляции) может быть слишком рискованным. Желая предотвратить такие резкие колебания, многие правительства стремились контролировать валютный курс, привязывая его к курсу валюты с низкой инфляцией (страны-члены ЕВС — к марке, страны Латинской Америки — к доллару) и создавая таким образом «антиинфляционный якорь». Перед валютными кризисами 90-х гг. в Европе, Мексике и Азии эта антиинфляционная стратегия превозносилась всеми как чрезвычайно эффективная, но эти кризисы ставят вопрос, реально ли на практике сохранить политику регулируемого или фиксированного валютного курса при существующей неограниченной глобальной мобильности капитала. Б. Эйкенгрин доказывает, что в этих условиях существуют только два эффективных типа экономической политики: или плавающие валютные курсы, или валютный союз, то есть окончательная фиксация валютных курсов посредством введения единой валюты (Eichengreen, 1994b).

Если валютный курс просто завышен и неприемлем, то спекулятивная атака неминуема. Спекулянты могут мобилизовать через рынки дериватов громадные средства (как сделал, например, Джордж Сорос, когда фунт стерлингов в сентябре 1992 г. был исключен из ЕМВК); но гораздо большее значение имеют действия институциональных инвесторов и многонациональных корпораций, которые, как правило, стремятся сбросить валюту, которая, по их мнению, находится под угрозой. Если приверженность правительства фиксированному валютному курсу пользуется доверием, то такие атаки потерпят неудачу; определенные пути их успешной реализации, впрочем, существуют (Obstfeld, 1996). Если процентные ставки повышаются с целью сохранить определенный валютный курс, то внутренние издержки (безработица, более высокие ипотечные расходы и т. д.) могут просто оказаться правительству не по карману. Если у государства большие долги, то поднятие процентных ставок, очевидно, необоснованно; если банковская система слишком слаба, то неожиданное повышение процентных ставок выше 100%, быть может, и необходимо, но столь же неприемлемо — даже в краткосрочном плане. Раньше контроль за движением капиталов делал валютные курсы более податливыми для правительственного регулирования и контроля. Контроль за движением капиталов обеспечивал в рамках системы фиксированного валютного курса некоторую защиту от спекулятивных атак и определенную политическую независимость. Так как контроль за движением капиталов был ликвидирован, то в Европе как составной части Единого Европейского Рынка защита государствами своих экономик от спекулятивных атак стала совершенно неудовлетворительной, чем отчасти и объясняются валютные кризисы 1992—1993 гг. Эффективно сохранять валютные паритеты возможно только тогда, когда страна-якорь в системе фиксированного валютного курса при подобных атаках

скупает валюты; но она будет так делать только в том случае, если это не противоречит ее собственной внутренней монетарной политике. В сентябре 1992 г. немецкие власти не желали увеличивать свои валютные запасы, чтобы защитить валюты типа фунта стерлингов, курс которого они посчитали слишком завышенным.

272

Конечно, полная эффективность системы фиксированного валютного курса в условиях глобальной мобильности капитала недостижима. В историческом плане возрождение в 20-е гг. XX в. золотого стандарта было экономической катастрофой, своим первоначальным успехом (по крайней мере, основных валют) он во многом был обязан условиям своего функционирования. БВС хватило ведь, по сути дела, лишь на тринадцать лет, начиная со свободной конвертируемости текущих платежных балансов в 1958 г. и кончая ее крахом в 1971 г. ЕВС, менее крупная система с более частыми трансформациями основных валют, существовала четырнадцать лет (1979—1993)> хотя и в рамках гораздо более единой в финансовом смысле системы. Таким образом, говорить о какой бы то ни было эффективности и осуществимости различных стратегий управления валютным курсом в условиях финансовой глобализации будет, вероятно, слишком опрометчивым. Но, конечно, современные модели финансовой глобализации совершенно изменили те сравнительные издержки и выгоды, которые характерны для существующих стратегий управления валютными курсами, начиная с целеполагания и кончая валютным союзом. Кроме того, это усложнило поиск компромисса между внутренними экономическими целями и стабильностью валютного курса. С учетом объемов имеющихся у отдельных правительств запасов иностранной валюты по сравнению с потенциальным ежедневным товарооборотом валютных рынков, сомнительно, что какое бы то ни было правительство оказалось в состоянии управлять своим валютным курсом без сотрудничества с другими правительствами и центральными банками. В этом смысле финансовая глобализация повысила стимулы и к международному валютному сотрудничеству, и к международному валютному соревнованию. Но дальнейшее ее развитие будет постоянно зависеть от конъюнктурных факторов.

4.9.3 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ДИСТРИБУТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Мы стремились к демократии, а пришли к рынку облигаций.

Польское граффити

Независимо от степени все еще существующей независимости государственной макроэкономической политики или управления валютным курсом, есть ощущение, что финансовая глобализация преобразует форму и функции современного государства в глобальной политэкономической системе (Strange, 1996; Germain, 1997)- Глобальные финансовые рынки считаются самым существенным стимулом конвергенции различной пока политической и социальной повестки дня правительств с различными идеологиями в единую «дружественную рынку» политику: всеобщую приверженность поддержанию стабильности цен; низкому бюджетному дефициту и более того, низким государственным расходам, особенно расходам на социальные блага; к низким прямым налогам; к приватизации и дерегулированию рынка труда.

Особенно неблагоприятными эти процессы считаются для членов профсоюзов, государственных служащих, бенефициариев государства всеобщего благоденствия и других традиционных сторонников левых. В этом смысле финансовая глобализация продолжает изменять баланс экономических выгод в пользу капи-

273

тала, а не в пользу труда. Но глобальные финансовые рынки совсем не означают, как предполагают многие гиперглобалисты, конец государства всеобщего благоденствия. Как было показано выше, финансовая глобализация не уничтожила экспансионистскую экономическую политику и мощные программы социальной защиты; скорее, финансовые рынки заставляют правительства тратить больше средств на международные займы или на снижение валютных курсов (Garrett, 1996). До некоторой степени все это имело место и в предшествующие исторические эпохи.

Особенно характерно для современного положения дел то, что финансовая глобализация навязала правительствам внешний финансовый порядок, способствовавший и появлению более дружественного к рынкам режима, и изменению баланса сил между государствами и

финансовыми рынками. В этом смысле актуальные политические проблемы шести рассматриваемых в данном исследовании промышленно развитых стран отражают давление, оказываемое на глобальную финансовую систему — даже при том, что определенные последствия финансовой глобализации в разных странах сильно различаются.

4.9.4 СТРУКТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: СИСТЕМНЫЙ РИСК И ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ БАЛАНС ФИНАНСОВОЙ ВЛАСТИ

Системные риски — это потенциальные воздействия скорее на глобальную финансовую систему в целом, чем только на одно государство или на группу финансовых институтов. Функционирование современных финансовых рынков позволяет интегрировать и перераспределять риски таким образом, чтобы эти институты могли застраховаться от определенных рисков типа колебаний валютного курса; но при этом рынки скорее просто видоизменяют и перераспределяют риски, чем устраняют или снижают их для всей системы в целом. Но они могут и увеличить системные риски. Крах банка (или группы банков) или потеря доверия к нему может породить крупные расходы других банков и еще более распространенную потерю доверия, что с учетом взаимосвязанности национальных финансовых систем может иметь глобальные последствия. Например, международный долговой кризис 1982 г. представлялся сочетанием высоких реальных процентных ставок и спада в мировой экономической активности, приведших к приостановлению выплат по долгам; это начинает угрожать стабильному положению не только отдельных банков, но и самой единой международной банковской системы. В этом смысле системный риск — это структурная особенность современной глобальной финансовой системы.

Огромные объемы и глобальные масштабы современных финансовых рынков увеличили некоторые системные риски. Финансовые институты, вероятно, еще ближе подошли к риску столкнуться с отказом от выплат по долгам или с задержкой выплат. Кредитование развивающихся стран в 90-е гг. подвергает учреждения рискам, сходным с рисками 70-х гг., а также дополнительным рискам в том смысле, что эти средства все больше и больше связаны с операциями на «новых» рынках фондовых бирж и других рынках. Новые риски порождаются дериватами (Kelly, 1995) — Дериваты позволяют агентам рынков заявлять высокие спекулятивные позиции с потенциалом высокой прибыли, но, как показал крах в 1995 г. «Barings Bank», они порождают и риск тяжелых потерь. Торговля дериватами мо-

жет также увеличить риски в той степени, в которой они ведут к высокой неустойчивости стоимости основного актива.

Трансграничные финансовые потоки преобразуют системный риск таким образом, что финансовые трудности, с которыми сталкиваются один или несколько национальных институтов, могут отразиться «напрямую» на остальной части глобального финансового сектора. Это со всей очевидностью показал восточно-азиатский финансовый кризис 1997 г., когда крах тайландской валюты, лишь совсем чуть-чуть всколыхнув иностранные валютные рынки, в итоге привел к падению валютных курсов по всей Азии и на других «новых» рынках от России до Латинской Америки. На фондовые рынки воздействовал также натиск краткосрочного капитала, бегущего из этих экономик (см.: G. Thompson, 1998a). В этом «опутанном проводами мире» тесная взаимосвязанность национальных рынков означает, что проблемы, возникающие на одних из них, очень быстро отражаются на других. С тех пор как большая часть международных финансовых операций осуществляется небольшим числом банков, финансовые трудности, возникающие у одного (или более) из них, влекут за собой определенные последствия для остальных. Риски расчетов возникают, когда штаб-квартиры участников операций располагаются в разных часовых поясах: один из участников мог выполнить свою часть контракта, а второй в то же время мог обанкротиться и теперь не способен выплатить компенсацию. Риск ликвидности может возникнуть, когда финансовые учреждения не могут мобилизовать наличные средства, необходимые для того, чтобы профинансировать операции вовремя. Банкам регулярно не возвращают 2 и более миллиардов долларов; и хотя услуги по краткосрочному кредитованию обычно позволяют им покрыть эти убытки, срыв достаточно важной сделки может породить серьезные проблемы. Этот риск особенно очевиден на «новых» рынках, где широко распространены крупные операции, но сравнительно слабо развиты системы расчетов и платежей. Если какой-либо банк столкнется сразу и с проблемой расчетов, и с проблемой ликвидности, это может иметь серьезные системные последствия для всего международного финансового порядка.

Существование системных рисков порождает противоречащие друг другу императивы. С одной стороны, желание финансовых учреждений, и государственных, и частных, избежать серьезного

международного финансового кризиса порождает императив к более обширному и более мощному международному регулированию мировой финансовой системы. Соответственно, на прошедшей после восточно-азиатского финансового кризиса 1997 г. ежегодной встрече на высшем уровне между МВФ и Всемирным банком реконструкции и развития в 1998 г. было принято решение о более эффективных международных механизмах мониторинга и публикации более прозрачной финансовой информации с целью постараться предотвратить подобный кризис в будущем. С другой стороны, любое государственное или финансовое учреждение не заинтересовано соблюдать более строгие регулирующие стандарты, чем его потенциальные конкуренты. Как следствие, регулирующие инструменты, которые должны контролировать системные риски, часто оказываются совершенно несостоятельными и отменяются, за исключением совершенно необходимых. Очень показательным для этой проблемы отсутствие после восточно-азиатского кризиса каких бы то ни было независимых попыток нового регулирования международных краткосрочных потоков

275

капитала. С учетом потенциально непостоянного характера глобальных финансовых рынков и мгновенного распространения финансовой информации по основным мировым финансовым центрам, системные риски продолжают представлять собой постоянную угрозу функционированию всей глобальной финансовой системы, и никакое правительство не может самостоятельно справиться с этой угрозой или защитить от нее экономику своей страны. Увеличение системного риска тесно связано и со структурным изменением в балансе сил между правительствами (и международными организациями) и рынками, или более точно, между государственной и частной властью в глобальной финансовой системе (Germain, 1997; Pauly, 1997; Walter, 1993). Несмотря на существующую тенденцию к преувеличению мощи глобальных финансовых рынков и игнорированию ключевой роли государственной власти в поддержании их эффективного функционирования, особенно в периоды кризисов, совершенно неопровержимые факты наводят на мысль, что современная финансовая глобализация управляется скорее рынком, чем государством. Усиленный финансовой либерализацией и сопутствующий ей переход к рынкам и частным финансовым учреждениям как «авторитетным агентам» глобальной финансовой системы затрагивает серьезные проблемы сущности государственной власти и экономической независимости. Как замечает Р. Гермейн, «государства позволили самоорганизовавшимся через рынки частным агентам денежного рынка доминировать в процессе принятия решений о том, кому и на какой срок предоставить кредит. Международная организация кредитования была преобразована... из полугосударственной в почти полностью частную структуру» (Germain, 1997. Р- 163). В этих новых условиях автономия и даже суверенитет шести рассматриваемых в данном исследовании промышленно развитых стран становится в некоторых аспектах достаточно проблематичным.

4.10 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 70-х гг. глобальная финансовая система разрослась настолько, что обширность, мощность, скорость и воздействие современных глобальных финансовых потоков и сетей стали практически беспрецедентными. Национальные финансовые рынки и основные мировые финансовые центры рождаются все больше и больше в пределах глобальной финансовой системы. Одновременно с этими процессами прошел и процесс финансового накопления; в итоге теперь немногие экономики могут изолировать себя от каждодневных воздействий мировых финансовых рынков. В этом отношении непостоянство глобальных финансовых рынков может иметь важные внутренние экономические последствия; в то же время финансовые условия в одном регионе практически мгновенно отражаются на национальных финансовых рынках по всему миру.

По сравнению с эпохой классического золотого стандарта или Бреттон-Вудс-ким периодом современная финансовая глобализация имеет множество характерных для нее признаков. Главные среди них — это огромная величина, сложность и скорость финансовых операций и потоков. Идет торговля большим количеством валют, больше отличающимися друг от друга и более сложными финансовыми активами; она протекает более часто, быстро, и ее объемы гораздо больше, чем в любую предшествующую историческую эпоху. Огромные объ-

276

емы перемещений капитала в сравнении и с мировым, и с национальным объемом производства и с мировой, и с национальной торговлей просто уникальны. Все это базируется на сильно институционализированной инфраструктуре; таким образом, круглосуточная трансграничная финансовая торговля в реальном времени образует развивающийся

глобальный финансовый рынок, порождающий серьезные системные риски. Современная финансовая глобализация представляет собой совершенно новый этап в организации и управлении кредитованием и финансированием в мировой экономике, и она трансформирует условия, от которых зависит экономическое процветание государств и народов по всему миру как в ближайшем, так и в далеком будущем.

5 КОРПОРАТИВНАЯ ВЛАСТЬ И СЕТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Наверное, другой самый общий образ экономической глобализации, помимо глобальной финансовой системы, — это образ многонациональной корпорации: огромные корпоративные империи, охватывающие весь мир, с ежегодным товарооборотом, сравнимым с ВВП многих стран, вместе взятых. В 1998 г. в мире насчитывалось 53000 многонациональных корпораций с 450000 иностранными филиалами; их объемы продаж по всему миру составляли 9,5 трлн. долларов; сегодня объемы многонационального производства «перевешивают экспорт как форма обслуживания иностранных рынков» (UNCTAD, 1997. P-1; 1998). Небольшое число многонациональных корпораций доминирует на мировых рынках нефти, полезных ископаемых, продуктов питания и другой сельскохозяйственной продукции, в то же время около сотни корпораций играют ведущую роль в глобализации обрабатывающей промышленности и сферы услуг. В совокупности сто крупнейших многонациональных корпораций контролируют примерно 20% мировых иностранных активов, дают работу 6 млн. рабочих по всему миру и составляют почти 30% мировых продаж всех многонациональных корпораций (UNCTAD, 1997> P- 8). Но развитие многонациональных корпораций — это еще не вся история глобализации производства. Прогресс в сфере коммуникационных технологий и инфраструктуры, облегчивший развитие глобальных финансовых рынков и глобальной торговли, способствовал также интернационализации производства малых и средних предприятий (МСП) — по крайней мере, в наиболее развитых странах мира. МСП интегрируются в сети глобального производства и распределения товаров и услуг. Эти сети, следовательно, больше уже не являются продуктами только многонациональных корпораций (что весьма важно, поскольку эти корпоративные империи продолжают существовать), а включают в себя также и трансграничные взаимосвязи МСП (Castells, 1996; Gereffi and Korzeniewicz, 1994). В этой главе рассматривается глобализация сетей производства и распределения (понимаемых в таком расширенном смысле); это делается в качестве дополнения к исследованию торговли и финансовых операций.

5.1 МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Деятельность многонациональных корпораций — это самое важное в процессах экономической глобализации. Они составляют приблизительно две трети мировой торговли, а оставшая треть приходится на торговлю внутри отдельной компании между ее собственными отделениями (UNCTAD, 1995> P- 23). Многонациональные корпорации играют главную роль в разработке и распространении по всему миру новых технологий, составляя около 80% объемов всей мировой торговли технологиями и большую часть частных научных исследований. Их огромные потребности в капиталах и периодические большие излишки наличных средств сделали их ключевыми игроками на международных финансовых рынках. Играют они существенную роль и в глобализации сфер торговли, финансов, тех-

258

нологии и — посредством своей продукции и принадлежащих им СМИ — культуры, а также в распространении военных технологий. Но самое большое влияние многонациональные корпорации оказывают на интернационализацию производства и предоставления услуг: их можно рассматривать как бизнес, который распространяется по всем регионам и континентам. Как выражается по этому поводу М. Уилкинс: «Многонациональная компания *не* перебирается из страны А в страну Б. Она простирается далеко за пределы своей родины, сама продолжая при этом оставаться в той стране, в которой расположена ее штаб-квартира, поскольку охватывает громадное количество стран, в которых разворачивает свои действия. За пределами политических границ (как своей страны, так и стран, где она развернула действия) она распространяет весь свой пакет: менеджмент, управление, организационные возможности... Многонациональная компания основывает, приобретает и управляет сетью взаимосвязанных предприятий» (Wilkins, 1994, P- 24—25).

В этой главе мы сосредоточимся (хотя и не исключительно) на роли многонациональных корпораций в глобальном производстве и распределении товаров и услуг. Многонациональные корпорации создают основу для рассмотрения исторических моделей глобального производства и распределения, начиная со средних веков, когда они разными путями заняли ведущие позиции в

мировой экономике.

Но что такое многонациональная корпорация? В самом широком смысле многонациональная корпорация — это компания, которая производит товары или оказывает услуги больше чем в одной стране. В самом узком смысле это предприятие, которое посредством прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) осуществляет управление и контроль над своими филиалами в ряде стран за пределами той страны, где располагается его штаб-квартира. Объемы ПЗИ, таким образом, могут служить показателем развития международного производства. Однако он приводит к недооценке интернационализации производства по двум причинам. Во-первых, ПЗИ составляют лишь примерно 25% всех инвестиций в международное производство (в иностранные филиалы многонациональных корпораций), так как многонациональные корпорации используют при формировании инвестиционного капитала (как отмечалось в предыдущей главе) целый ряд источников в дополнение к ПЗИ (UNCTAD, 1997> P- 4)- Соответственно «объемы международного производства тоже гораздо больше», чем показывают объемы потоков ПЗИ, так что «приблизительно пятая часть мирового валового основного капитала была привлечена иностранными филиалами многонациональных корпораций» (UNCTAD, 1997> P- 4)- Во-вторых, как уже отмечалось, системы глобального производства и распределения не зависят исключительно от владения или управления, а, скорее, вероятно, просто образуют из отдельных компаний сети трансграничного производства (Boigus and Zysman, 1997)- Систематических количественных данных об этих сетях нет, так что единственным надежным путем к выяснению значимости и географических масштабов современных моделей глобального производства представляются, скорее, исследования определенных отраслей промышленности, чем объемы потоков ПЗИ. Соответственно, в этой главе при анализе глобализации сетей производства и распределения используются не только количественные данные о ПЗИ, но и качественные данные о тенденциях в организации производства в отдельных секторах.

2/9

Глобализация сетей производства и распределения подразумевает распространение корпоративной деятельности и сетей дочерних компаний по основным экономическим регионам мира. В своей наиболее очевидной и институционализированной форме это предполагает деятельность огромных многонациональных корпораций, управляющих международной деловой активностью через свои заводы, магазины или филиалы в различных странах. С другой стороны, многие многонациональные корпорации сегодня переводят свое производство в заграничные МСП («нарезание стоимостной цепочки»), стремясь к получению такой же высококачественной, но более дешевой продукции (см. гл. 3)- В ходе этого создаются сети или системы глобального производства, предполагающие не прямую собственность, а, скорее, упорядоченные договорные отношения. Но одинаковые по размерам в некоей стране МСП могут распространяться за границей через франчайзинг, ведение совместной коммерческой деятельности или портфельные инвестиции в другие МСП, формируя, таким образом, сети глобального производства и распределения. Хотя крупные многонациональные корпорации стали практически полностью контролировать системы глобального производства и распределения, появились и исключения. Например, бутики Каро Куори, скромного аргентинского торговца женским бельем (с объемом продаж менее чем 0,5% объемов продаж компании «Ford Motor»), есть в Испании, Португалии, Эквадоре, Канаде, США и Южной Африке (Financial Times, 10 Feb. 1998, p. 32).

Используя современные и исторические данные, мы постараемся дать в этой главе краткий обзор того, как развивалась начиная с раннего средневековья организация трансграничного производства и распределения товаров и услуг. В широком смысле это попытка исторического экскурса в пространственно-временные и организационные измерения глобализации деловой активности (см. Введение). Таким образом, мы рассматриваем здесь обширность, мощность, скорость и воздействие международной деловой активности, а также значимые модели стратификации и институционализации, господствующие формы взаимодействия и инфраструктуру, которые способствовали глобализации производства в различные исторические эпохи.

Завершается глава сравнением основных исторических форм глобализации деловой активности и, наконец, исследованием характерных особенностей современной глобализации производства. С учетом роли многонациональных корпораций и интернационализированного производства в формировании (если не обуславливании) процветания наций и обществ, в заключении оцениваются воздействия современных моделей глобальной продукции на экономическую независимость и суверенитет шести рассматриваемых здесь промышленно развитых стран.

5.2 МЕЖДУНАРОДНАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДО ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Зарождение прямые зарубежных инвестиций как инвестирования и производства, распространяющихся за пределы политических границ, началось не позже средних веков, когда были основаны такие «суперкомпании», как компания Перуцци во Флоренции (Hunt, 1994)- В сферу деятельности этой компании входила вся Европа, и деятельностью этой была не только торговля, но и организация производства ткани, импортируемой из Фландрии во Флоренцию для оконча-

280

Врезка 5.1 Британская Ост-Индская компания

Британская Ост-Индская компания была основана королевским указом в 1600 г., а окончательно ликвидирована в 1858 г., когда английское правительство приняло ее функции на себя. Созданная для защиты (прежде всего от голландцев) и укрепления английского господства над индийской торговлей, она со временем превратилась в акционерную компанию, полностью монополизировавшую большую часть индийской торговли, особенно торговлю пряностями, сельскохозяйственным сырьем, опиумом и тканями. Ее акции, котирувавшиеся на Лондонской и Амстердамской биржах, часто бывали предметом крупных спекуляций. Она углубляла, хотя и не очень активно, свои связи с фабриками и другими местными предприятиями и, таким образом, создавала международную систему производства. Компания обладала почти государственной властью: чеканила свою валюту, отправляла гражданское и уголовное судопроизводства и содержала собственную армию, в которой служило несколько тысяч человек.

тельной отделки. Ее внутренняя структура включала ряд компаний-партнеров, базирующихся в основных европейских городах, и обширную сеть курьеров. Но хотя компания Перуцци имела филиал в Танжере, ни она, ни другие средневековые компании не были по-настоящему трансконтинентальными; это стало возможным лишь с появлением международной связи. Первыми более или менее мощными в экономическом плане трансконтинентальными компаниями были крупные торговые фирмы XVI—XVIII вв., и прежде всего Ост-Индские компании империй того времени (особенно Голландии и Англии; см. врезку 5.1), которые вели торговлю между Европой и Азией; Компания Гудзонова Залива, обеспечивавшая торговлю между Северной Америкой и Англией; и Британская королевская компания в Африке. Хотя деятельность этих компаний ограничивалась в основном сферой единого правового пространства империи и охватывала главным образом не производство, а систематическую торговлю, они действительно занимались производством, пусть и в ограниченном объеме, и были прообразом многонациональных корпораций. (За исключением «Компани Гудзонова Залива», все эти компании исчезли к концу XIX в.)

До последнего времени господствовало представление, что слабость инфраструктуры коммуникаций помешала этим торговым компаниям действовать так, как современные многонациональные корпорации, поскольку по-настоящему хорошая координация работы их центров и филиалов тогда еще была невозможна. Но А. Карлос и С. Николас недавно показали, что эта точка зрения слишком упрощенная (Carlos and Nicholas, 1988). Оказывается, эти компании осуществляли в то время тысячи и даже сотни тысяч операций в год, для наблюдения и контроля за ними используя обширную сеть из штатных менеджеров и иерархических структур и проявляя немалую изобретательность. К созданию и последующему содержанию этой системы прилагались немалые усилия и умения. Хотя скорость коммуникации была весьма низкой (торговый цикл между Индией и Англией, например, продолжался от восемнадцати до тридцати шести месяцев), степень их внутренней координации была вполне сравнима с многонациональными корпорациями конца XIX — начала XX вв.

Для своего времени эти крупные торговые компании были весьма обширны-

281

ми и систематизировали большую часть трансконтинентальной торговли XVII—XVIII вв. Однако, как уже отмечалось в гл. 3, такая торговля во многом ограничивалась предметами роскоши и была лишь очень небольшой частью всей мировой экономической деятельности. Без понимания этого отделить воздействие этих компаний от более широкого воздействия колониализма очень трудно.

5.3 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА (1850-1939)

За XIX в. объемы международных инвестиций быстро выросли. Хотя, как уже говорилось в гл. 4, по большей части эти инвестиции были портфельными, недавние исследования показывают, что ПЗИ составляли значительную долю и что интернационализация производства в некоторых

секторах и для некоторых экономик была весьма важна (Wilkins, 1974. 1991> 1994)- В начале XIX в. иностранные инвестиции сосредотачивались по большей части в сырьевой и добывающей промышленности — сырьевом секторе. Но в течение этого периода существовали и значительные многонациональные банковские операции, а с 30-х гг. XIX в. некоторые компании в обрабатывающей промышленности начали осуществлять операции за рубежом. К концу XIX в. зарубежные инвестиции распространились и на сельское хозяйство, а ПЗИ — на плантации и ранчо. ПЗИ практически никак не регулировались, поскольку никаких международных и почти никаких национальных ограничений на перемещение капитала не существовало. Права собственности защищались во многом двусторонними соглашениями; причем значительная доля инвестиций осуществлялась под покровительством имперской власти.

5.3.1 ПЗИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС В ЭПОХУ КЛАССИЧЕСКОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА: ОБШИРНОСТЬ, МОЩНОСТЬ И СТРАТИФИКАЦИЯ

Как и иностранные инвестиции в целом, особенно быстро ПЗИ росли в эпоху классического золотого стандарта, т. е. с 70-х XIX в. до начала Первой мировой войны. Дж. Даннинг считает, что накануне Первой мировой войны ПЗИ составляли 35% процентов всех долгосрочных международных инвестиций (Dunning, 1988). Около 55% мировых ПЗИ были вложены в сырьевой сектор, примерно 15% — в обрабатывающую промышленность, остальное — в сферу услуг, главным образом банки и торговые компании. Сосредоточение ПЗИ на сырьевом секторе означало, что производственной деятельности в целом многонациональные корпорации уделяли мало внимания; таким образом, объемы международного производства были весьма ограниченными.

Англия была основным источником ПЗИ, в 1914 г. составив почти половину мировых ПЗИ. Вторыми после нее шли США (почти 20%); остальное приходилось на инвесторов из Франции, Германии и некоторых других европейских стран, в том числе Швеции. Хотя доля Англии сопоставима с ее общей долей в иностранных инвестициях в целом, доля США гораздо выше. В основном с конца XIX в. американские компании в обрабатывающей промышленности, а также в сырьевом секторе, начали расширять свое производство за границей.

Хотя более 60% международных инвестиций было вложено в развивающиеся страны за пределами Европы, большая часть из них была сосредоточена в очень

282

небольшом числе (около дюжины) регионов, куда устремилось подавляющее большинство инвестиционных притоков. Основными получателями иностранных инвестиций были США, Россия и Канада; после них — главные экспортеры сырья и затем Австро-Венгрия (Wilkins, 1994)- Многонациональные корпорации этой эпохи имеют некоторое структурное сходство с современными многонациональными корпорациями, но они радикально отличались от предшествующих им торговых компаний. Вначале немало инвестиций вкладывалось в «автономные» предприятия, в рамках которых инвесторы управляли иностранными предприятиями, не являвшимися частью международной цепочки производства стоимости. Но к концу XIX в. предприятия в сфере горной промышленности и сельского хозяйства начали организовывать производство и распространение своей продукцией в более широких международных масштабах. В этот период были основаны многие из тех компаний, которые впоследствии стали доминировать в производстве и торговле сырьем, в частности основные нефтяные компании.

Прогресс в сфере связи и транспорта повысил способность компаний управлять процессом международного производства из своих штаб-квартир. Таким образом, многонациональные корпорации сыграли важную роль в появлении в эпоху классического золотого стандарта сетей глобальной торговли основными товарами. Однако в обрабатывающей отрасли промышленности многонациональные корпорации представляли собой единое целое гораздо в меньшей степени, чем сегодня. Как правило, иностранные предприятия создавались, чтобы использовать некоторое преимущество, которое дает производство за рубежом в расчете на отечественный рынок. Степень эффективного управления внутри страны изменилась очень сильно. Однако, хотя по сравнению с масштабами экономик основных развитых стран объемы такого производства были небольшими, значение его могло быть гораздо больше, чем можно судить по этим объемам.

Многонациональные корпорации в обрабатывающей промышленности часто были одними из наиболее прогрессивных в технологическом плане предприятий того времени, внедряя в экономику новые продукты и процессы и способствуя таким образом развитию новых отраслей промышленности.

5.3.2 МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС В ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: ОБШИРНОСТЬ,

МОЩНОСТЬ И СТРАТИФИКАЦИЯ

Первая мировая война разрушила потоки ПЗИ, но поскольку немалая их часть была основана на существующих имперских связях и географической близости, то впоследствии они были восстановлены. К 1938 г. общие объемы ПЗИ были в реальном исчислении примерно на 50% выше уровня 1914 г. (Dunning, 1988). Англия и США остались двумя крупнейшими источниками ПЗИ: на их долю приходилось приблизительно 40 и 25% мировых ПЗИ соответственно. Немецкие ПЗИ после Первой мировой войны были практически ликвидированы, как и немецкие иностранные инвестиции вообще. Франция осталась на уровне примерно в 10% мировых ПЗИ. Этот период ознаменовался и появлением ПЗИ из шведских, швейцарских и японских компаний. Некоторые ведущие сегодня шведские и швейцарские многонациональные корпорации, используя некоторые свои преимущества перед конкурентами, положили начало своему присутствию за рубе-

жом именно в этот период. Япония тоже вкладывала определенные инвестиции в некоторые колонии, достигнув, в частности, значительных объемов производства в обрабатывающей промышленности в Корее.

Обширность ПЗИ осталась примерно такой же, какой была до Первой мировой войны. Свыше 60% мировых ПЗИ было вложено в развивающиеся страны; ведущими же странами-получателями были Канада и США. Важную роль играли страны Латинской Америки как основные производители сырья и некоторые европейские страны (Wilkins, 1994). Но ПЗИ остались сосредоточены в очень небольшом количестве стран, хотя в сырьевом секторе число стран-получателей ПЗИ увеличилось. США продолжали активно вкладывать капитал в страны Северной и Южной Америки, а также начали первую волну инвестиций в европейскую и, в небольшой степени, японскую промышленность.

Если перед Первой мировой войной движения ПЗИ были весьма свободными, то в период между двумя мировыми войнами ситуация сильно изменилась (Lipson, 1985). В России после большевистской революции (так же, как и в Мексике) иностранные активы были национализированы. Соответственно, с учетом национальных ограничений на перемещение капитала в 30-х гг., уменьшилась мощность и обширность потоков ПЗИ.

Большая часть международной коммерческой деятельности осталась сосредоточенной в сырьевом секторе. Доминировать в нем продолжили ведущие нефтяные компании; в то же время контроль над добычей и обработкой различных металлов перешел к другим многонациональным корпорациям. Американские компании инвестировали средства в фруктовые плантации, а английские — в чайные и сахарные и стали доминировать в торговле этими товарами. Продолжили расти объемы ПЗИ в обрабатывающую промышленность. Как правило, эти инвестиции осуществляли компании, обладавшие определенными преимуществами перед своими конкурентами в плане продукции или процесса производства; поэтому некоторые размещали производство за границей, намереваясь сбыть свою продукцию на иностранных рынках, чему иногда способствовал торговый протекционизм 30-х гг.

Действительно, в это время наблюдался существенный рост числа картелей между фирмами-лидерами в своих секторах; таким образом, компании стремились поделить между собой мировые рынки и контролировать сбыт на них своей продукции (Jones, 1996). В этот период картели были особенно распространены в сырьевом секторе, поскольку компании пытались справиться с сокращением мировых рынков.

5.3.3 ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА ДО 1945 ГОДА

Объемы ПЗИ, как и вообще иностранных инвестиций, в этот период были сильно ограниченными и международное производство соответственно тоже. ПЗИ и деятельность многонациональных корпораций, действительно, приняли трансконтинентальный размах, но сосредоточены они были лишь в нескольких странах. Во многих странах ПЗИ были минимальными, но для многих основных поставщиков важнейших полезных ископаемых, нефти и некоторых сельскохозяйственных продуктов типа каучука мощность участия многонациональных корпораций в национальной экономике часто была больше, чем когда-либо с тех пор (Wilkins, 1994). Многонациональные корпорации вкладывали в экономики

284 *Таблица* Ежегодные темпы роста ПЗИ, 1960 — 1993

s-i

	Вложения	ПЗИ	Потоки ПЗИ	Производство сырья	Объемы экспорта
1960—67	7,5 11,1 14,2	7,4 14,3	10,7 7,3 19,4	5,2 10,4 11,1 5,6	7,8 18,0 20,0 -
1967—73	5,3 15,0			8,0	0,4 10,7
1973—80					
1980—85					
1986—94					

Источники Dunning, 1993b, p. 16; UNCTAD, 1996

этих стран немалые средства, одновременно организуя производство и экспорт их основных товаров. На волне этих процессов такие страны часто привлекали значительные объемы портфельных инвестиций для финансирования государственных расходов. Воздействие многонациональных корпораций на эти экономики было поэтому весьма значительным. В начале этого периода роль многонациональных корпораций в обрабатывающей промышленности была минимальной, а их влияние на экономики развитых стран, как правило, небольшим, хотя в 30-е гг. в некоторых отраслях промышленности они стали доминировать. В некоторых странах их воздействие было больше, чем можно было бы судить по объемам ПЗИ, особенно в долгосрочной перспективе. Многонациональные корпорации внедряли новые продукты и процессы в странах-получателях еще до 1914 г.; в период между мировыми войнами это получило еще большее распространение. Они внедряли новые бакалейные товары и спиртные напитки, которые впоследствии стали всемирно известными торговыми марками. Американские многонациональные корпорации начали производить за границей автомобили и другие потребительские товары; так, «Форд» и «Дженерал Моторс» основали автомобильные заводы в Европе и Японии (Wilkins, 1974> ch. 4)- В этот период главные многонациональные корпорации в корне изменили структуру потребления в странах-получателях и основали филиалы, которые позже составили значительную долю рынков этих стран. Конкуренция и распространение технологий способствовали развитию местных отраслей промышленности. Но даже в этих секторах производство по-прежнему было организовано прежде всего на национальной основе. Глобализация производства осталась в этот период ограниченной. Объем ПЗИ, привлеченных множеством европейских стран и стран третьего мира, был весьма незначительным. Хотя сырье в то время имело для мировой экономики очень большое значение и многонациональные корпорации стали уже играть достаточно важную роль в обрабатывающей промышленности, большая часть производства приходилась все же на национальные и локальные предприятия.

5.4 УВЕЛИЧЕНИЕ РОЛИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

В послевоенный период многонациональные корпорации распространились по всему миру. Как показывает таблица 5.1, на протяжении большей части послевоенного периода капиталы и потоки ПЗИ росли быстрее мировых доходов и иног-

285
да объемов мировой торговли, особенно в 60-е гг. и начиная с середины 80-х. (Эти данные приведены в текущих ценах, т. е. они не скорректированы с учетом инфляции, и поэтому их нельзя сравнить по периодам.) Показатели, выраженные в объемах капиталов и стоимости ценных бумаг, особенно чреваты погрешностями из-за трудностей с оценкой их роста. Но и без этого совершенно очевидно, что многонациональные корпорации стали главными игроками в мировой экономике: за исключением периода 70-х — начала 80-х гг., товарооборот крупнейших 500 компаний неуклонно рос — быстрее, чем объемы мирового производства (Barnet and Muller, 1974. P- 15; Carnoy, 1993)- Как уже отмечалось, на долю многонациональных корпораций теперь приходится большая часть объемов мирового экспорта, а объемы продаж их иностранных отделений превышают совокупные объемы мирового экспорта. Кроме того, по мере разрастания многонациональных корпораций происходила значительная транснационализация производства, которая выразилась в появлении сетей глобального производства и распределения.

5.4.1 ОБШИРНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

В начале послевоенной эпохи увеличение ПЗИ было начато американскими компаниями: в

50—60-е гг., по крайней мере, половина всех потоков ПЗИ исходила из США. Американские корпорации вкладывали средства в горную промышленность и сельское хозяйство по всему миру, а особенно — в нефтяную промышленность. На введение индустриализирующимися странами Латинской Америки протекционистских барьеров американские многонациональные корпорации обрабатывающей промышленности реагировали уменьшением экспорта продукции, произведенной в данном регионе. Но главным источником увеличения ПЗИ было расширение производства в обрабатывающей промышленности в Европе и Канаде.

Вначале американские инвестиции сосредотачивались в привычных для них местах, лишь в 60-е гг. доля Канады упала ниже половины всех потоков в мире, а доля Англии — ниже половины потоков в Европу (Wilkins, 1974. Р- 331)- Учитывая протекционистские барьеры, снижение транспортных затрат и увеличение потребительского спроса, иностранные рынки часто проще было насытить произведенной на месте продукцией, чем экспортной. Американские многонациональные корпорации, используя свое технологическое превосходство, продолжили расширяться во всех сферах экономики. После войны в отдельных отраслях промышленности некоторые европейские компании сохранили и развили преимущество перед конкурентами, но в 70-е гг. европейские и японские компании в некоторых секторах догнали своих американских конкурентов по объемам производства. Исходя из этого, европейские и японские компании в этот период начали вкладывать капитал за границы; при этом европейские предприятия часто расширяли свое присутствие прежде всего на соседних рынках. Если европейские и американские многонациональные корпорации стремились в этот период применять свои наиболее передовые технологии производства за границей, то японские развивали свое производство главным образом дома, хотя увеличение заработной платы и рост курса иены соблазняли их перевести трудоемкое производство в страны с более низкой заработной платой.

286

Таблица §.2 Доли различных регионов в трансграничных слияниях и приобретениях, 1990 и 1995 (в процентах)

В — ИЗ		ИЗ — В	
1990	1995	1990	1995
<i>Всего в мире</i>		<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
Промышленно развитые страны		95,4	89,4
Европа		61,0	45,4
Европейский Союз		57,0	41,9
Бельгия		0,4	3,2
Франция		14,0	5,7
Германия		10,0	9,2
Нидерланды		2,6	4,9
Великобритания		16,0	10,6
Швейцария		3,1	2,5
США		13,6	27,8
Япония		15,7	6,9
Развивающиеся страны		4,7	10,5
Латинская Америка		0,2	1,1
Азия		4,4	8,8
Юго-Восточная Азия		3,0	8,2
Гонконг		0,7	1,7
Сингапур		0,2	1,1

Основано на стоимости. «В — из» означает слияния и приобретения иностранных компаний компаниями отечественными. «Из — в» означает слияния и приобретения отечественных компаний компаниями иностранными. «Развивающиеся страны» не включают бывший Советский Союз, Восточную Европу и т. п., поэтому совокупные доли промышленно развитых стран и стран третьего мира не согласуются с данными по всему миру (100%).

Источник: UNCTAD, *World Investment Report*, 1996 (<http://www.jetro.go.jp>)

После некоторого снижения объемов потоков ПЗИ в начале 80-х гг. в конце этого десятилетия они быстро выросли, а в конце 90-х гг. достигли рекордного уровня (UNCTAD, 1998). Создание Единого европейского рынка в Европейском Союзе и появление Осакской Декларации АПЕК

(провозглашение свободной и открытой торговли и инвестирования по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону с 20-х гг.) и Североамериканского Соглашения о Свободной Торговле (NAFTA) значительно способствовали развитию трех основных региональных рынков — настолько, что многонациональные корпорации были вынуждены разместить производство внутри каждого из этих «блоков». Остальной мир, опасаясь вначале, что эти региональные рынки могут стать закрытыми, только усилил эти тенденции. Европейские компании значительно увеличили свое присутствие в Северной Америке, а японские компании — свое передовое производство в той же Северной Америке и самой Европе. Большая их часть сделала это посредством приобретения уже существующих локальных и национальных компаний, т. е. уже укоренившихся сетей производства (см. таблицу 5.2). В 1986—1990 гг. слияния и приобретения составляли около 70% всех внутренних ПЗИ в странах ОЭСР; с тех пор на них приходилось обычно от трети до более половины всех потоков ПЗИ; доля же

287

развивающихся стран при этом равнялась лишь примерно 20% (UNCTAD, 1994. р. 23—24; 1996, ch. 1; 1998). Способствовали этому буму ПЗИ и другие факторы.

Начиная с начала 90-х гг. большинство стран либерализовало условия для иностранных инвестиций и стало активно поощрять внутренние инвестиции. В 1991—1996 гг. 95% из 599 изменений условий национальных ПЗИ по всему миру представляли собой движение к дальнейшей либерализации (UNCTAD, 1997. р. 10). Особенно важна эта тенденция была для инвестиций в сферу услуг, особенно финансовых услуг, в которых раньше иностранные компании сталкивались с различными государственными ограничениями. Хотя большинство потоков ПЗИ в этот период было между странами ОЭСР, финансовая либерализация в других странах и улучшившиеся инвестиционные возможности привлекли существенные потоки в Восточную Азию и Латинскую Америку (при этом некоторые из них были привлечены программами приватизации — около 5—10% всех потоков ПЗИ в развивающиеся страны в 1989—1994 гг.) и большую часть потоков ПЗИ на «новые» рынки экономик стран Восточной Европы (UNCTAD, 1996, р. 5). Впервые с 1945 г. Восточная Европа стала свидетелем значительных притоков ПЗИ. Появился ряд успешных совместных предприятий — прежде всего феноменальная реструктуризация «Фольксвагеном» «Шкоды». К 90-м гг. ПЗИ, проникнув в переходные экономики, приобрели глобальный размах, а многонациональные корпорации функционировали практически во всех странах. Эта картина становится еще более яркой благодаря модели двусторонних инвестиционных соглашений, призванных продвинуть ПЗИ. В 1997 г. было заключено 1513 таких соглашений, которые охватили 162 страны — налицо значительный рост по сравнению с 1992 г (UNCTAD, 1997, р. 11; 1998).

В конце 90-х гг. экономики лишь немногих стран оказались незатронутыми деятельностью многонациональных корпораций и сетей глобального производства. Как показывает таблица 5-3, все регионы мира, в большей или меньшей степени, связаны как с отечественными, так и с иностранными многонациональными корпорациями или их зарубежными отделениями. Особенно поразителен размах деятельности многонациональных корпораций в развивающихся странах и многонациональных корпораций из этих стран. Начиная с 1989 г. развивающиеся страны становятся все более привлекательными для западных многонациональных корпораций, а кроме того, заметно активизировалось их участие в сетях глобального производства в лице их местных многонациональных корпораций и в качестве инвесторов, вкладывающих свои капиталы в зарубежных странах (UNCTAD, 1997. Р- 1—6; Dicken, 1998). В конце 80-х гг. в развивающихся странах насчитывалось примерно 3800 собственных многонациональных корпораций, а к середине 90-х гг., как показывает таблица 5-3, это число увеличилось более чем вдвое. Это один из показателей увеличения масштабов глобального производства и распределения.

5.4.2 МОЩНОСТЬ ПЗИ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

По мере того, как рос масштаб многонациональных корпораций, росла и мощность их деятельности. Помимо обширных данных о ПЗИ, есть менее систематические данные о совокупной деятельности многонациональных корпораций и их иностранном производстве. Но, как показывает последующий анализ, роль мно-

288

Таблица 5-3 Количество родительских корпораций и иностранных филиалов по регионам и странам (по последним данным)

Регион/страна филиалы, базирующиеся в стране"	Родительские действующие в данной	Иностранные корпорации, данной стране
Развитые страны	36380	93628 Западная
Европа	26161	61902 Европейский Союз
22111	54862 Япония	3967 ^b
3405 ^c США	3470 ^d	18608 ^e
Развивающиеся страны	7932	129771 Африка
30	134 Латинская Америка и страны Карибского бассейна	
1099	24267 Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	
6242	99522 Западная Азия	449
1948 Центральная и Западная Европа	196	53260 Всего в
мире в 1997г.	44508	276659 Всего в мире в 1998 г.
53000	450000	

Эти данные могут сильно отличаться от данных за предыдущие годы, поскольку стали доступными данные по тем странам, которые раньше не учитывались; изменились определения или потому, что старые данные подверглись пересмотру. ^a Количество иностранных филиалов в данной стране, определяемых в качестве таковых. ^b Количество родительских компаний, за исключением финансовых, страховых и занимающихся операциями с недвижимостью на март 1995 г. (3695). плюс количество родительских компаний в этих сферах бизнеса на декабрь 1992 г. (272). ^c Количество иностранных филиалов, за исключением финансовых, страховых и занимающихся операциями с недвижимостью на март 1995 г. (3121), плюс количество иностранных филиалов в последних двух сферах бизнеса на ноябрь 1995 г. (284). ^d Включает 2658 небанковских родительских компаний на 1994 г. и 89 родительских банков на 1989 г. с минимум одним иностранным отделением, активы, объемы продаж или чистая прибыль которого превысила 3 млн. долларов, и 723 родительских банка и других родительских компаний на 1989 г. с филиалом или филиалами, активы, объемы продаж или чистая прибыль которых были меньше 3 млн. долларов. ^e Включает 12523 филиала банков и других компаний на 1994 г. активы, объемы продаж или чистая прибыль которых превысили 1 млн. долларов, 5551 банков и других компаний на 1992 г. с активами, объемами продаж или чистой прибылью меньше 1 млн. долларов и 534 американских отделения, являющихся банками-депозитариями. Каждый филиал представляет собой чисто американское предприятие, которое при этом может включать в себя ряд отдельных компаний. *Источник:* UNCTAD, 1997¹ 99%

гонациональных корпораций в мировой экономике в послевоенный период, несомненно, выросла. Один из показателей иностранной деятельности многонациональных корпораций — отношение потоков ПЗИ к мировым накоплениям капитала (т. е. новые инвестиции в производство). На глобальном уровне объемы потоков ПЗИ удвоились примерно с 2% от мировых накоплений капитала в 80-е гг. до примерно 4% в первой половине 90-х (UNCTAD, 1996, p. 16). Хотя это вполне согласуется с

289

Таблица 5-4 производства иностранных филиалов в процентах к ВВП
Объемы

Неофици- дукции обраба- про- сферы услуг	Объемы про- прибылей щихся стран	Объемы вваго-вой ВВП	ВВП раз-Миро- мировой мышленности	альный тывающей	Неофициаль- ный ВВП раз- вивающихся стран
1970	4,5				
1977	5,4	11,5	2,3		
1982	5,8	8,1	12,7	2,5	4,4
1988	6,3	8,8	15,6	3,1	5,7
1990	6,4	9,3	16,5	3,4	3,9
1992	6,2	9,0	17,6	3,7	4,3
1995	7,5	10,9		6,3	8,0

Источники: World Bank, 1997; World Bank, World Development Report, разные годы

растущей значимостью иностранного производства, эти цифры обманчивы. Ибо многонациональные корпорации не финансируют свои иностранные операции только через ПЗИ — иностранные филиалы могут финансировать (и финансируют) свое расширение через нерепатрированную прибыль и займы на внутреннем и мировом рынке капитала. Как уже отмечалось, ПЗИ составляют лишь 25% всех инвестиций в международное производство (UNCTAD, 1997> P- 4)- Кроме того, поскольку значительная доля ПЗИ осуществляется через слияния и приобретения, а не через новые инвестиции, то точную оценку того, насколько на самом деле мировые капиталовложения увеличиваются за счет ПЗИ, дать очень трудно.

Другой показатель мощности иностранной деятельности многонациональных корпораций — отношение объемов продаж иностранных филиалов к объему продаж всей мировой экономики. Первые росли быстрее вторых: в 70—80-е гг. они сравнялись, а в конце 90-х гг. были уже примерно на 30% больше (UNCTAD, 1994. P-13°; 1997> P- 4)- В итоге объемы продаж иностранных филиалов выросли с 10—15% мирового ВВП в 70-х гг. до приблизительно 25% сегодня.

Методы прямого измерения объемов иностранного производства менее надежны вследствие увеличения его стоимости за счет затрат разного рода, в том числе на импорт. Приводимые здесь данные — весьма «грубые»: систематический сбор данных о деятельности многонациональных корпораций ведут очень немногие национальные статистические службы; так что вывести из такой скудной статистики по отдельным странам какие-либо достоверные данные по всему миру чрезвычайно сложно. Эти оценки основаны на очень ограниченных данных и потому носят гипотетический характер. Как следует из таблицы 5-4> доля иностранных филиалов в мировом ВВП выросла с менее чем 5% в 1970 г. до примерно 7.5% сегодня. Сегодня она составляет как минимум 10% неофициального мирового ВВП. Сильнее всего прибыли от иностранного производства выросли в обрабатывающей промышленности: около 10% в 70-е гг. и почти 20% сегодня; доля прибылей в сфере услуг гораздо меньше, но увеличилась и она. Повысилась и доля иностранных филиалов в ВВП развивающихся стран и их обрабатывающей промышленности, хотя она остается несколько ниже доли в мировом ВВП.

Начиная с 80-х гг. зарубежное производство многонациональных корпораций все в большей степени становится частью международных производствен-

ных структур; таким образом, международная торговля в рамках одной и той же многонациональной корпорации стремительно возросла. Объемы этой внутрикорпоративной торговли довольно велики, но учесть их не так-то просто; это отчасти зависит от того, какого рода торговые отношения между покупателем и продавцом, сложившиеся в рамках одной и той же компании, выбрать в качестве критерия, тем более, что за последние двадцать лет помимо права полного владения появилось множество промежуточных и дополнительных форм собственности. Официальные службы редко осуществляют систематический сбор данных о торговле внутри компаний. Тем не менее имеющиеся на сей счет данные в целом не противоречат друг другу: М. Бонтури и К. Фукасаку установили, что в некоторых странах ОЭСР на торговлю внутри компаний приходится от четверти до трети объемов всей их торговли (Bonturi and Fukasaku, 1993)- А по оценкам Конференции ООН по торговле и развитию и официальным данным Организации Экономического Сотрудничества и Развития, торговля внутри компаний составляла около трети объемов всей мировой торговли (UNCTAD, 1995> P- 2з; OECD, 1993C).

Наконец, другие показатели интернационализации производства, например, количество трансграничных соглашений между компаниями, лишний раз свидетельствуют все о той же тенденции значительного роста глобального производства. В 1990 г. было 1700 таких соглашений, а к 1995 г. — около 4600 (UNCTAD, 1997. p. 5—6).

5.4.3 МОДЕЛИ СТРАТИФИКАЦИИ ПРЯМЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Хотя в послевоенный период территориальный охват и интенсивность ПЗИ и многонационального производства возросли, модели этого роста были разными и неравномерными. Подавляющее большинство инвестиций по-прежнему шло из небольшого числа стран ОЭСР. Как показывает таблица 5-5. в послевоенный период многонациональные корпорации всего лишь восьми стран — стран «большой пятерки» плюс Нидерландов, Швеции и Швейцарии — обеспечивали более трех четвертей мировых инвестиций. Следует отметить, что объемы вложений даны в ценах своего времени; это преуменьшает их истинные размеры, которые, вероятно, на 50—70% выше зафиксированных (Graham, 1996, p. п).

В современный период произошли некоторые важные дистрибутивные сдвиги. США, несомненно,

остаются крупнейшим иностранным инвестором; их зарубежные инвестиции продолжают увеличиваться в абсолютных величинах. Но их доля в мировых инвестициях снизилась с примерно 50% в 1960 г. до примерно 25% сегодня. Аналогичным образом снизилась в этот период и доля Англии и Нидерландов, двух основных традиционных инвесторов, даже при том, что их вложения в абсолютных величинах резко возросли. Доля же японских и немецких компаний в мировых инвестициях, напротив, чрезвычайно увеличилась — с почти незаметного уровня в 60-е гг. до весьма заметного в наше время; японские компании по объемам ПЗИ занимают сейчас второе место в мире. Кроме того, в последнее время увеличили свою долю Франция и Швеция. То же самое относится и к ПЗИ из развивающихся стран, которые в 1996 г. достигли рекордного уровня (UNCTAD, 1997. Р-13). Вместе с тем, если в 50—60 гг. почти все крупнейшие компании мира территориально располагались в странах ОЭСР, то сегодня небольшое,

291

Таблица 5-5 Инвестиционные фонды, направляемые главными странами-инвесторами в экономику других стран, 1960—1994 (в млн. долларов, в скобках — в процентах)

	1960	1975	1980	1985	1994
США	31,9 (47,1)	124,2 (44,0)	220,2 (42,9)	251,0 (36,6)	610,1 (25,3)
Франция	4,1 (6,1)	10,6 (3,8)	23,6 (4,6)	37,1 (5,4)	183,3 (7,6)
Германия	0,8 (1,2)	18,4 (6,5)	43,1 (8,4)	59,9 (8,7)	199,7 (8,3)
Нидерланды	7,0 (10,3)	19,9 (7Д)	42,1 (8,2)	47,8 (7,0)	146,2 (6Д)
Швеция	0,4 (0,6)	4,7 (1,7)	5,6 (1,1)	12,4 (1,8)	51,2 (2Д)
Швейцария	2,3 (3,4)	22,4 (8,0)	21,5 (4,2)	21,4 (3Д)	99,6 (4,1)
Великобритания	12,4 (18,3)	37,0 (13,1)	80,4 (15,7)	100,3 (14,6)	281,2 (11,7)
Япония	0,5 (0,7)	15,9 (5,7)	18,8 (3,7)	44,3 (6,5)	284,3 (11,8)
Развитые страны	67,0 (99,0)	275,4 (97,7)	507,5 (98,8)	664,2 (96,9)	2243,8 (93,0)
Весь мир в целом	67,7	282,0	513,7	685,5	2412,2
Источники:	1988; UNCTC,	1996 UNCTAD,			

но постоянно растущее число многонациональных корпораций, расположенных в развивающихся странах, тоже вышло на мировой уровень (Bergesen and Fernandez, 1995; Dicken, 1998). В самом деле, южнокорейский концерн «Daewoo» и венесуэльская компания «Petroles de Venezuela SA» в конце 90-х гг. вошли в сотню крупнейших многонациональных корпораций мира (UNCTAD, 1997> Р- 8).

Но подавляющее большинство многонациональных корпораций и инвестиционных потоков зарождается и перемещается в пределах стран ОЭСР. Следует, однако, отметить, что концентрация инвестиционных потоков (в отличие от инвестиционных фондов) в государствах, входящих в состав ОЭСР, снизилась настолько, что «с 1989 г. наблюдается постоянное уменьшение их доли в мировых притоках [инвестиций]» (UNCTAD, 1997. Р- 13). Растут потоки инвестиций из развивающихся стран, хотя на данный момент они составляют менее 10% всех инвестиционных вложений в мире¹. Эту картину дополняет география международных слияний и приобретений компаний (см. выше таблицу 5.2). Инвестиционная деятельность все меньше концентрируется между странами ОЭСР и становится все более широко распространенной. Это очень важные процессы, которые отличают современную эпоху международной инвестиционной деятельности от предшествующих.

В послевоенный период инвестиционные потоки в развивающиеся страны (и

1. Разница между вложениями ПЗИ и потоками ПЗИ весьма существенна: если первые представляют собой общий объем накопленных инвестиций, то вторые — их притоки или оттоки в течение определенного периода времени.

292

накапливаемые ими инвестиционные вложения) продолжили расти. Территориальный охват ПЗИ настолько велик, что практически все страны мира уже имеют накопленные инвестиционные вложения, хотя объемы их, конечно, сильно различаются. В то же время на протяжении большей части этого периода инвестиционные потоки между странами ОЭСР росли быстрее, чем ПЗИ в развивающиеся страны; таким образом, накопленные инвестиционные вложения (в отличие от потоков) остались по-прежнему сосредоточенными по большей части в первых. Как показывает таблица 5-6, в 1960 г. две трети инвестиционных вложений были сделаны в развивающиеся страны — налицо резкая перемена довоенной картины. С тех пор доля развивающихся стран увеличилась еще больше — примерно до трех четвертей.

Таблица 5-7 более подробно показывает распределение внутренних накопленных инвестиционных вложений. Британия сохраняет свое видное положение, а относительная позиция Канады резко ухудшилась. Западная Европа вернула свое утраченное положение и теперь владеет более чем 40% накопленных инвестиционных вложений благодаря недавно устремившимся в нее потокам капиталовложений. Хотя в течение почти всего послевоенного периода США были одним из крупнейших инвесторов, начиная с 80-х гг. они стали одним из самых больших центров поступления инвестиций.

Хотя инвестиции поступают практически во все развивающиеся страны, но поступают они весьма неравномерно: например, в беднейшие страны поступает менее 1 процента всех инвестиционных вложений в мире.

С начала 70-х гг. доля первой десятки развивающихся стран-получателей инвестиций возросла с менее чем половины до примерно двух третей всех вложений в развивающиеся страны (UNCTC, 1983 и UNCTAD, 1996). Африка, после того как приток прямых зарубежных инвестиций в ее сырьевую промышленность сократился, отошла на второй план, хотя есть признаки, свидетельствующие о том, что эта ее ситуация начинает улучшаться (UNCTAD, 1997).

В Латинской Америке произошел относительный спад, но все же она осталась регионом, весьма перспективным с точки зрения вложения инвестиций. Самый значительный рост инвестиций пришелся на долю Восточной Азии, но из-за разразившегося здесь экономического кризиса он вряд ли продолжится. Например, крупные инвестиционные потоки устремились в Китай, поскольку многонациональные корпорации считают, что у этой страны огромный потенциал для роста благодаря проводимым в ней экономическим реформам. В 1994 г. на долю Китая пришлось около 15% всех внутренних накопленных инвестиционных вложений, которыми располагают развивающиеся страны, и около трети всех направляемых в эти страны инвестиционных потоков (UNCTAD, 1996).

Сосредоточение ПЗИ в государствах ОЭСР заставило многих скептиков утверждать, что ПЗИ отличаются характерным региональным притяжением, т. е. что они организуются вокруг «триады», в состав которой входят Европа (ЕС), NAFTA и APEC (см.: Hirst and Thompson, 1996, ch. 4; Ruigrok and Tulder, 1995, p. 148—51; ср.: UNCTC, 1991). Но здесь есть два нюанса.

• Во-первых, даже если региональная группировка вложений ПЗИ и имеет место, никакого сомнения в наличии значительных межрегиональных потоков ПЗИ быть не может, о чем и свидетельствуют приводимые здесь данные. С точ-

293

Таблица 5.6 Процентное соотношение внутренних накопленных инвестиционных вложений в развитых и развивающихся странах, 1960 — 1994

Развитых стран		Развивающихся стран
1960	67,3	32,3
1973	72,9	27,1
1980	77,5	22,5
1985	73,5	26,4
1994	73,8	25,3

Источники: Dunning, 1988; UNCTAD, 1996

Таблица 5-7 Накопленные инвестиционные вложения, 1960 — (в млн. долларов, в 1994 скобках указаны проценты)

	1960	1973	1980	1985	1994
--	------	------	------	------	------

США	7,6 (13,9)	17,3 (10,4)	83,0 (17,2)	184,6 (25,1)	504,4 (21,5)
Канада	12,9 (23,7)	27,6 (16,8)	54,2 (11,2)	64,7 (8,8)	105,6 (4,5)
Западная Европа	12,5 (22,9)	60,8 (36,5)	200,3 (41,6)	244,8 (33,3)	972,0 (41,5)
Франция			22,6 (4,7)	33,4 (4,5)	142,3 (6,1)
Германия			36,6 (7,6)	36,9 (5,0)	125,0 (5,3)
Швеция			3,6 (0,7)	5,1 (0,7)	19,1 (0,8)
Великобритания	5,0 (9,2)	14,8 (8,9)	63,0 (13,1)	64,0 (8,7)	214,2 (9,1)
Япония	0,1 (0,2)	1,3 (0,8)	3,3 (0,7)	4,7 (0,6)	17,8 (0,8)
Африка	3,0 (5,5)	4,8 (2,9)	20,8 (4,3)	27,0 (3,7)	55,0 (2,3)
Латинская Америка	8,5 (15,6)	20,9 (12,5)	48,0 (10,0)	76,3 (10,4)	199,2 (8,5)
Развивающиеся страны Азии	4,1 (7,5)	8,0 (4,8)	38,0 (7,9)	91,8 (12,5)	334,8 (14,3)
Центральная и Восточная Европа			0,1	0,2	19,7 (0,8)
Всего в мире	54,5	166,7	481,9	734,9	2342,2

Источники: Dunning, 1988; UNCTAD, 1996

ки зрения данного исследования такие потоки ПЗИ, несомненно, носят глобальный характер. Тот факт, что ПЗИ сосредоточены по большей части в странах-членах ОЭСР, отражает не регионализацию их, а скорее стратификацию, т. е. неравномерное и иерархическое распределение. Во-вторых, даже с учетом этой модели стратификации мощных моделей региональной концентрации потоков ПЗИ не наблюдается. Сравнение потоков тор-

294

Таблица 5-8 Региональная интенсивность исходящих инвестиционных вложений, 1990

	Северная Америка	Латинская Америка	Европа	Африка	Южная Азия	Восточная Азия
Северная Америка	2,03	1,12	0,84	0,49	0,32	0,80
США	1,99	1,15	0,88	0,53	0,32	0,84
Европа	0,97	0,53	1,30	1,13	1,77	0,55
Франция	1,00	0,23	1,56	1,33	0,00	0,14
Германия	0,82	0,52	1,55	1,00	0,46	0,38
Швеция	0,61	0,31	1,90	0,00	0,00	0,00
Великобритания	1,32	0,56	0,79	2,11	0,72	1,01
Восточная Азия	1,28	1,09	0,50	1,11	0,28	1,95
Япония	1,34	1,13	0,46	1,20	0,31	1,94
Данные отражают страны к доле получателя в (тора).	отношение доли страны-	региона-получателя в исходящих мировых вложениях	получателя в ПЗИ (кроме	капиталовложений сделанных в	данно й страну-инвес-	

Чем больше число, тем выше региональная концентрация ПЗИ.

Источник: UNCTAD, 1993. Р. 169

говли и потоков ПЗИ за 1985 и 1990 гг. показывает, что региональная концентрация потоков ПЗИ

еще меньше, чем в торговле (Jong and Vos, 1995)-

Приводимые в таблице 5-8 данные показывают мощность исходящих капиталовложений из регионов. Поскольку они отражают объемы вложений, то непосредственно сравнивать их с объемами торговли нельзя; но все же из них видно, что, хотя инвесторы отдают некоторое предпочтение своему «родному региону», это предпочтение не столь велико и вполне согласуется с существенными уровнями межрегиональных ПЗИ. Опять-таки, уровни регионального предпочтения ниже, чем в случае с торговлей (UNCTAD, 1993> P-170). И в данном случае самые сильные региональные предпочтения для ПЗИ находятся за пределами «триады».

5.4.4 МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: МОДЕЛИ СТРАТИФИКАЦИИ

Поскольку национальные статистические службы не осуществляют систематический сбор данных о многонациональных корпорациях и международном производстве, все статистические данные о них весьма обрывочны и касаются главным образом лишь обрабатывающей промышленности.

Далее мы рассмотрим модели деятельности многонациональных корпораций, характерные для каждой из шести рассматриваемых в данном исследовании промышленно развитых стран, для развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Таблица 5-9 отражает результаты конкретного изучения экономик этих шести промышленно развитых стран (за исключением Японии). Из нее видно, что иностранные филиалы составляют значительную долю объемов обрабатывающей промышленности. Превращение США из страны, в значительных объемах экспортирующей ПЗИ, в крупнейшего получателя ПЗИ (при сохранении своих позиций экспортера) повлекло за собой рост доли иностранных филиалов в американской обрабатывающей промышленности: к середине 90-х гг. она составля-

295

Таблица 5-9 Доля иностранных предприятий в объемах производства в обрабатывающей промышленности, 1970 — 199¹

	1970	1980	1991
США	3Д	3,9	14,8*
Канада	—	50,6	49,0 ^b
Япония	2,3	4,6	2,8 ^c
Франция	—	26,6	26,9
Германия	14,0	15,7	13,8 ^a
Великобритания	12,1	19,3 ^d	25,5
Швеция	5,2	7,9	18,0 ^a

* 1992.

^b 1989.

^c 1990.

^d 1981.

Источники: Clegg, 6/; OECD, 1996а, р. 36
1987, р.

ла примерно 20% (Haw and Mowery, 1997)- До 70-х гг. американская индустрия заметно опережала конкурентов по применяемым ею технологиям практически во всех отраслях; но затем ее позиции в этом отношении пошатнулись, и размещение производства в США стало для иностранных компаний весьма прибыльным. Доля американских многонациональных корпораций в объемах частного производства (за исключением банковского дела) за 1977—1993 гг. упала примерно с одной трети до одной четверти, что, однако, обнажило серьезные различия между сферами экономики: так, в обрабатывающей промышленности американские многонациональные корпорации по-прежнему доминируют (Lipsey et al., 1995)-Видимо, все это объясняется скорее бурным развитием сферы услуг, в которой многонациональных корпораций традиционно меньше, чем проигрышем американскими многонациональными корпорациями сражения за внутренний рынок филиалам своих иностранных конкурентов.

Англия в послевоенный период тоже была и основным экспортером ПЗИ, и основным их получателем, проводя чрезвычайно либеральную инвестиционную политику. Вначале инвестиции английских многонациональных корпораций были сосредоточены прежде всего в странах Британского Содружества, но с /о-х гг. (преимущественно) инвесторы сосредоточились уже на странах-членах ОЭСР (Hood and Young, 1997)- У британских многонациональных корпораций есть определенное преимущество в сфере производства потребительских товаров, ма-

шиностроении и химической промышленности и соответственно глобальные сети производства в некоторых секторах этих отраслей. С другой стороны, велики были и входящие в Англию ПЗИ: как правило, у иностранных предприятий объемы производства были выше, чем у местных; в некоторых отраслях промышленности, прежде всего автомобилестроительной, внутренние инвестиции сыграли в их реконструкции главную роль. Вследствие этого доля иностранных филиалов в британской обрабатывающей промышленности возросла к началу 90-х гг. примерно до одной четверти; таким образом, иностранные компании доминируют прежде всего в автомобилестроительной, а также компьютерной индустрии. Помимо обслуживания английского рынка, американские и, позже, японские мно-

гонациональные корпорации размещали производство в Англии для того, чтобы подготовить себе плацдарм для проникновения на европейский рынок. Кроме того, Англия привлекла значительные входящие ПЗИ в сферу финансовых услуг (главным образом с началом либерализации внутренних финансовых рынков услуг в середине 80-х гг.), и ряд фирм лондонского Сити был приобретен иностранными компаниями. В итоге, хотя Сити и сохранил свое положение главного финансового центра в своем часовом поясе, английские финансовые компании перестали быть конкурентоспособными и в конце концов проиграли базирующимся в Лондоне иностранным многонациональным корпорациям.

Франция на протяжении большей части послевоенного периода проводила политику поощрения лидеров отраслей национальной промышленности. Появился ряд крупных многонациональных корпораций, действующих как в странах ОЭСР, так и в развивающихся странах; к 1992 г. объемы производства 300 крупнейших французских многонациональных корпораций составили больше половины объемов продаж этих стран и более четверти их иностранных активов (Michalet, 1997). Хотя составной частью промышленной политики французского правительства были ограничения на входящие ПЗИ, некоторые ПЗИ все же разрешались, а в отдельных отраслях даже поощрялись. В середине 80-х гг. Франция либерализовала свои условия для ПЗИ, отказалась от большей части своей прежней промышленной политики и стала активно поощрять стремление многонациональных корпораций не из Европейского Союза разместить свое производство во Франции с тем, чтобы проникнуть на европейский рынок. С увеличением входящих ПЗИ доля иностранных отделений этих компаний во французской обрабатывающей промышленности увеличилась и составила более одной четверти.

Германия проводила в отношении ПЗИ очень либеральную политику; тем не менее входящие вложения ПЗИ были весьма невелики; исходящие же были почти вдвое больше. Индустриальная мощь немецких компаний и высокая заработная плата препятствовали входящим ПЗИ, и доля иностранных филиалов в обрабатывающей промышленности Германии оставалась, таким образом, небольшой. Немецкие многонациональные корпорации, напротив, создали за границей обширное производство: так, например, в 90-е гг. они были основными инвесторами в Восточной Европе.

В Швеции все главные компании в обрабатывающей промышленности — это многонациональные корпорации, причем зачастую основанные достаточно давно. Шведские же многонациональные корпорации вкладывали капитал главным образом в экономики других стран-членов ОЭСР. В отношении исходящих ПЗИ политика была либерализована в 60-е гг., но в отношении входящих ПЗИ — лишь в 80-е. После этого и объемы входящих ПЗИ, и доля филиалов иностранных компаний в шведской обрабатывающей промышленности увеличились.

Япония имеет очень низкие объемы входящих ПЗИ и небольшую долю иностранного производства в обрабатывающей промышленности. В то же время японские многонациональные корпорации реализовывали свое превосходство над зарубежными конкурентами в автомобилестроительной и электронной индустрии, развивая свое иностранное производство; таким образом, Япония стала главным источником ПЗИ. Вначале японские компании развивались в расчете на внутренний рынок и на экспорт; лишь в 70-е гг. они начали размещать произ-

водство за границей. До либерализации в 80-е гг. входящие в Японию ПЗИ были жестко ограниченными и потому весьма небольшими; но они остались таковыми и после либерализации, произошедшей под давлением и изнутри страны, и извне. Очевидно, что природа владения собственностью в Японии затрудняет приобретение иностранными компаниями местных предприятий; иностранные компании часто находили трудным проникнуть через весьма закрытые сети производителей и дистрибьюторов в японскую экономику. Несмотря на то, что имеющиеся

данные могут быть весьма неточными, они все-таки показывают, что на долю отечественных многонациональных корпораций приходится около половины добавленной стоимости обрабатывающей промышленности Японии, что подчеркивает их постоянное преобладание в производстве этой страны (Lipsey et al., 1995)-

Помимо шести рассматриваемых в данном исследовании промышленно развитых стран, все более и более значимыми районами транснационализированного производства становятся развивающиеся страны и страны с переходной экономикой. Об этом, помимо всего прочего, свидетельствует рост числа иностранных филиалов многонациональных корпораций, расположенных в развивающихся странах (см. таблицу 5.3)- Кроме того, это есть следствие явления, названного в гл. 3 новым глобальным разделением труда. Но модели участия многонациональных корпораций сильно различаются. Еще совсем недавно во множестве экономик развивающихся стран, включая Индию, иностранные многонациональные корпорации составляли очень незначительную долю объемов национального производства. Что же касается экономик других азиатских стран, то в Корее иностранные многонациональные корпорации составляли, отчасти вследствие ограничений на входящие ПЗИ, лишь около 10% объемов производства обрабатывающей промышленности; на Тайване — 20% (см.: Lipsey et al., 1995)- Аналогичная ситуация и в Гонконге, Индонезии и Таиланде. В Малайзии же иностранные многонациональные корпорации, напротив, производят более 40% добавленной стоимости, а в Сингапуре — около 70% (см.: Lipsey et al., 1995)-

Значительные различия существуют и между другими странами. Китайская экономика переживает коренные преобразования: если в начале 80-х гг. иностранных компаний в ней не было вообще, то теперь они производят около 10% добавленной стоимости (причем эта доля продолжает быстро увеличиваться) и 19—29% объемов производства всех частных предприятий (Ramstetter, 1998); в провинции Гуандун производство иностранных многонациональных компаний составляет, вероятно, как минимум треть объемов всего производства. В обрабатывающей промышленности наиболее развитых стран Латинской Америки доля иностранных многонациональных корпораций равняется примерно 30%. По Африке данных очень мало; в отдельных отраслях промышленности стран этого региона многонациональные корпорации могут доминировать, но совокупная доля их объемов производства, вероятно, весьма невелика.

Далее, страны с переходной экономикой, несмотря на незначительность объемов потоков и вложений в них ПЗИ, были быстро вовлечены в сети производства многонациональных корпораций. Как свидетельствует таблица 5.10, теперь доля потоков ПЗИ среди всех инвестиций в этих странах довольно высока; особенно показательны в этом отношении данные по Китаю и Вьетнаму. Действительно, в этих странах эта доля потоков ПЗИ заметно выше, чем в экономиках большинства развивающихся стран. Меньше чем за десятилетие европейские МНК, осо-

Таблица 5-10 Входящие ПЗИ в странах с переходной (бывшей плановой) экономикой, 1993

	Притоки чистых ПЗИ (в млн. дол.)	В процентах от ВВП	В процентах от валовых объемов всех внутренних инвестиций
Болгария	55	0,5	2,7
Китай	25800	4,5	10,9
Чешская Республика	950	3,4	20,0
Эстония	160	3,2	12,5
Венгрия	2349	6,9	34,4
Казахстан	150	0,6	1,8
Латвия	20	0,4	3,5
Литва	12	0,2	1,4
Молдова	14	0,3	4,3
Польша	1715	2,0	12,4
Российская Федерация	700	0,2	0,8
Словения	112	0,9	4,5
Украина	200	0,2	2,2
Узбекистан	45	0,2	0,7
Вьетнам	300	2,5	11,8

бенно в автомобильной промышленности, включили восточно-европейские экономики в свои сети производства.

Как уже отмечалось выше, наблюдаются значительные (и при этом продолжающие расти) по своим объемам потоки ПЗИ, исходящие из развивающихся стран, и существенный рост базирующихся в этих странах многонациональных корпораций. С 1993 по 1995 ^г- иностранные активы пятидесяти крупнейших многонациональных корпораций, базирующихся в развивающихся странах, увеличились приблизительно до 280%, в то время как активы ста крупнейших многонациональных корпораций по всему миру (практически все они — из стран-членов ОЭСР) — лишь на 30% (UNCTAD, 1997. Р- 8). Модели глобального производства, таким образом, становятся все более сложными в плане географии собственности и управления ею. Это изменение моделей стратификации международного производства объясняется не только усложнением глобального разделения труда, но и тесной связью его с изменением отраслевых моделей глобального производства. Непосредственно после окончания Второй мировой войны большая часть ПЗИ была сосредоточена в сырьевом секторе (Jones, 1996, р. 61). Однако, как показывает таблица 5.11, впоследствии они стали сокращаться. Кроме того, многие развивающиеся страны, под влиянием повсеместного сокращения объемов производства сырья в мировой экономике, во время холодной войны его национализировали. Многонациональные корпорации в данной сфере реагировали, как правило, сосредоточением на переработке и распределении сырья, хотя ряд крупных многонациональных корпораций продолжает доминировать в добывающей промышленно-

299

Таблица 5.11 Распределения вложений ПЗИ по первичному, вторичному и третичному секторам, 1970 — 1994 (^в процентах)

	1970	1975	1980	1985	1990	1994
Инвестиции из развитых стран						
Первичный сектор	22,7	25,3	18,5	18,5	11,2	8,7
Вторичный сектор	45,2	45,0	43,8	38,7	38,7	37,4
Третичный сектор	31,4	27,7	37,7	42,8	50,1	53,6
Инвестиции в экономику развитых стран						
Первичный сектор	16,2	12,1	6,7	9,2	9,1	—
Вторичный сектор	60,2	56,5	55,2	46,2	42,5	—
Третичный сектор	23,7	31,4	38,1	44,5	48,4	—
Инвестиции в экономику развивающихся стран						
Первичный сектор	—	20,6	22,7	24,0	21,9	—
Вторичный сектор	—	55,9	43,6	49,6	48,6	—
Третичный сектор	—	23,5	22,7	26,4	29,5	—
Вторичный сектор означает обрабатывающую сферу услуг.		промышленность		в целом; третичный		сектор озна-

Источники: UNCTAD, 1993> Р- 62; 1994 ^г- — OECD, 1996^с; вычисления произведены на основании

данных по отдельным странам: Канаде, Германии, Нидерландам, Швеции, США, Франции, ии Швейцарии, Великобритании и Японии

ти, сельском хозяйстве, а также в сфере обработки и распределении продукции промышленного производства.

Напротив, сегодня на долю многонациональных корпораций приходится большая часть мирового экспорта обрабатывающей промышленности. С учетом возросших международных поставок корпорациям от их филиалов и отделений объемы торговли промежуточными продуктами (полуфабрикатами) увеличивались по мере того, как многонациональные корпорации распространяли процесс производства на другие страны (см.: OECD, 1994a, ch. 5). Таким образом, многонациональные корпорации создают новое глобальное разделение труда через торговлю внутри компаний, поскольку производство во всем мире организовано так, чтобы использовать

преимущества более низких производственных издержек или более высокой конкурентоспособности в условиях отдельных стран. В этом смысле многонациональные корпорации стали играть все более и более важную роль в экспорте продукции секторов обрабатывающей промышленности в экономиках ряда новых промышленно развитых стран (Blomstrom, 1990). На иностранные филиалы многонациональных корпораций теперь приходится 25% или большее полного экспорта стран «большой пятерки» (США, Великобритания, Германия, Франция и Япония) (Julius, 1990). Кроме того, даже там, где товары на экспорт производятся МСП, договоренности с многонациональными корпорациями о распределении и маркетинге часто крайне важны для проникновения на мировые рынки (Perraton, 1999)- Объемы ПЗИ, сосредоточенные в обрабатывающей промышленности, весьма велики; тем не менее в сфере услуг ПЗИ также резко выросли и теперь составляют все увеличивающуюся долю в международном бизнесе и объемах инвести-

300

ционных вложений. Большая их часть по-прежнему сосредоточена в таких традиционных сферах экономики, как банковское дело и торговля, но не так давно увеличились они и в других секторах, среди которых другие финансовые и бизнес-услуги, обработка данных и туризм (Daniels, 1993; Dunning, 1993^> ch. 10). Отчасти это следствие создания многонациональными корпорациями инфраструктуры международной торговли в сфере услуг. Действуя за границей, многонациональные корпорации требуют предоставления им таких же услуг, как и в их «родной» стране. Это способствовало глобальному распространению бухгалтерских, юридических и корпоративных финансовых услуг. Бурное развитие международного бизнеса в сфере услуг сопровождалось более скромным развитием его в сфере товаропроводящих сетей и розничной торговли. Все эти аспекты изменения отраслевого сальдо данной деятельности отличают современную эпоху от предшествующих.

5.4.5 ИНФРАСТРУКТУРА И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА

Хотя международная координация производства была осуществлена еще до войны при помощи телеграфа и телефона, она все же оставалась весьма ограниченной. За последние тридцать лет техника связи была сильно развита и стала гораздо более дешевой. Одновременно большой прогресс был достигнут и в сфере транспортных инфраструктур (развитие морских перевозок и контейнеризации). Информационная и транспортная революция, наряду с новыми стратегиями управления производством, выработали у компаний способность организовывать международное производство. Многонациональные корпорации были в авангарде тех корпораций, которые использовали новые глобальные инфраструктуры для организации международного производства в рамках самих себя.

Начиная с 80-х гг. революция в области информационных технологий, наряду с другими факторами, способствовала развитию множества форм организации международного производства, не укладывающихся в привычные рамки традиционной внутренней иерархии многонациональных корпораций, когда штаб-квартира осуществляет прямое управление иностранными филиалами, и традиционной конкуренции между независимыми фирмами. Этот переход ко все растущему значению сетей международного производства отражает три главных процесса (перечисляемые здесь отнюдь не в порядке своей важности). Во-первых, в рамках многих многонациональных корпораций управление транснациональными сетями производства перешло от централизованного управления к менее иерархическим его формам, которые предоставляют филиалам большую автономию и поддерживают взаимный обмен информацией. С учетом сложности управления международными сетями производства, особенно в аспектах применения филиалами новой технологии и/или необходимой реакции их на изменение конъюнктуры рынка, международная стратегия управления может оказаться эффективнее жесткой иерархии (Ernst, 1997; Borrus and Zysman, 1997)- Во-вторых, многонациональные корпорации все чаще и чаще заключают контракты с МСП; последние могут работать дешевле и эластичнее, позволяя первым переложить на себя затраты на корректировки в соответствии с происходящими изменениями конъюнктуры рынка. С учетом знания многонацио-

301

нальными корпорациями глобальных рынков их конкурентные преимущества в обработке рыночной информации и организации рынков могут возрасти гораздо больше, чем их преимущества в организации производства (см.: Casson, 1995)' В-третьих, в ходе процесса, окрещенного Дж. Даннингом «коалиционным капитализмом» (Dunning, 1997). компании в одной и той же отрасли промышленности все больше и больше сотрудничают в рамках самых разных

предприятий. В послевоенный период совместные предприятия и ряд неакционерных соглашений между фирмами в различных странах были широко распространены, но, как отмечалось выше, количество заключенных соглашений этого типа в последние годы ежегодно росло: с 1760 в 1990 г. до 4600 в 1995 г. (UNCTAD, 1997. P-12)-Они включают субконтрактные отношения и франчайзинг, а также совместные действия по разработке определенных продуктов и проникновению на определенные рынки и не включают стратегические союзы (совместные действия компаний, действующих в разных странах, по научным исследованиям и разработке новых технологий). Число заключенных союзов такого типа в последнее время также ежегодно увеличивалось: с 280 в 1991 г. до 430 в 1993 г.¹⁻⁵ впоследствии, впрочем, темпы этого роста замедлились (UNCTAD, 1997. P-14)- В 80-е гг. было образовано более 4000 таких союзов, в основном в наиболее технологически развитых отраслях промышленности, таких как информационная и био- технология (OECD, 1996а, p. 45)- Многие из этих союзов являются не просто трансграничными, а межконтинентальными и потому действительно носят глобальный характер. Например, в течение 80-х гг. американские многонациональные корпорации заключили почти 600 стратегических союзов с японскими компаниями и более 900 с европейскими (Ham and Mowery, 1997)- Значение стратегических союзов двоякое. Во-первых, компании не просто противостоят друг другу как конкуренты, а все больше и больше сотрудничают с целью увеличить совместными усилиями свое преимущество перед конкурентами. Во-вторых, в ходе этого компаниям больше уже не могут полагаться только на свою собственную (или своей родной страны) технологическую базу и все больше и больше должны действовать глобально.

Но информационную и транспортную революцию использовали не только крупные многонациональные корпорации, но и локальные МСП, стремящиеся таким образом закрепить за своими продуктами на более широких рынках или минимизировать затраты на производство. Как замечает М. Кастельс, «стратегическая цель компаний, и больших и малых, состоит в том, чтобы продавать свою продукцию везде, где только можно по всему миру, — или напрямую, или через действующие на мировом рынке сети. И конечно же, они искренне благодарны новым технологиям и каналам связи и перевозок и возможностям глобальной продажи» (Castells, 1996, p. 95)-

Некоторые МСП включены или в глобальные сети, управляемые крупными многонациональными корпорациями, которые выдают субподряды на изготовление отдельных компонентов по всему миру (как в автомобилестроении), или в глобальные сети, управляемые покупателем (как «Nike», «Benetton»), в рамках которых «крупные компании розничной торговли, известные рекламные и торговые компании играют главную роль при создании в ряде стран-экспортеров (обычно из третьего мира) децентрализованных сетей производства, [в которых] производством этим занимаются, как правило, независимые предприятия

302

из тех же стран третьего мира, выпускающие скорее готовую продукцию, а не отдельные компоненты или детали, с оригинальными... спецификациями, которые удовлетворяют и покупателей, и те компании, которые разработали эти продукты и снабдили их своим брендом» (Gereffi, 1994> P- 97)-

Хотя эти МСП, будучи включенными в сети глобального производства, никак непосредственно ими не управляют, новые формы коммуникации не способствуют созданию трансграничных сетей из самих МСП посредством основания в нескольких сферах экономики совместных предприятий и создания рыночных ниш (Castells, 1996, p. 160; O'Doherty, 1995)- Эти процессы внесли вклад в появление «глобальной системы обрабатывающей промышленности, в которой производственные мощности распределены по беспрецедентно большому количеству развивающихся, а также и развитых стран» (Gereffi, 1994> P- 25). Вопрос, означает ли это, как утверждают М. Кастельс, Дж. Грей и другие, новую систему капиталистического производства, является предметом жарких дискуссий (Lash and Urry, 1994; Castells, 1996; Gray, 1998). Во всяком случае, то, что инфраструктурные условия облегчили глобализацию бизнеса за рамками гигантских многонациональных корпораций, не вызывает ни малейших сомнений.

В отличие от сферы торговли или финансового дела, стройная международная система управления многонациональными корпорациями и их международным производством в послевоенный период не появилась. Попытки развивающихся стран в 90-е гг. разработать в рамках ООН для многонациональных корпораций некие нормы поведения провалились из-за противодействия со стороны государств, входящих в состав ОЭСР. В итоге ограничения на ПЗИ сохранились, и сегодня регулирование иностранных компаний часто отличается от регулирования компаний

отечественных. Страны вводят ограничения на доступ иностранных компаний в наиболее важные сферы своих экономик, запрещая их вообще или ограничивая объемы иностранной собственности. Новые ПЗИ могут подвергнуться контролю и позволяются только с разрешения национальных властей. Страны могут различаться по нормам регулирования приобретения отечественных компаний иностранными инвесторами, особенно враждебных поглощений. Они могут ввести различные требования к деятельности иностранных фирм, например требование использовать определенную долю местных производственных мощностей, предоставлять работу определенному количеству местных служащих или выполнять определенный план по экспорту. Налоговые системы могут быть по отношению к иностранным компаниям чрезвычайно дискриминационными, а могут поощрять их — в тех странах, где такие стимулы используются для привлечения входящих ПЗИ.

Как уже отмечалось, в послевоенный период Англия, Германия и США, в отличие от других стран ОЭСР, проводили в отношении ПЗИ очень либеральную политику. Но начиная с 80-х гг., когда была проведена более широкая либерализация внутренних ПЗИ (Safarian, 1993)» страны ОЭСР вообще отказались от прежней системы фильтрации входящих ПЗИ; развивающиеся страны также сняли многие существовавшие ранее ограничения. Внутреннее давление в сторону либерализации было усилено давлением со стороны международных и региональных организаций (проект Единого Европейского Рынка Европейского Союза, Североамериканское Соглашение о Свободной Торговле (NAFTA), Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество (АПЕК) и ОЭСР продолжают требовать ли-

303

берализации). Кроме того, и правительства стран пришли к выводу, что не могут позволить себе отказаться от выгод, которые сулят входящие ПЗИ.

За послевоенный период политика развивающихся стран в отношении ПЗИ и многонациональных корпораций сильно изменилась. Раньше одни из них активно поощряли входящие ПЗИ, в то время как другие вводили ряд ограничений для многонациональных корпораций. В некоторых регионах развивающиеся страны часто не только ограничивали входящие ПЗИ, но и предъявляли определенные требования к деятельности многонациональных корпораций. Кроме того, в 50—60-е гг. в развивающихся странах имел место ряд значительных национализаций и конфискаций, в основном в сырьевом секторе промышленности. Но поскольку объемы ПЗИ в обрабатывающую промышленность растут и национализация, таким образом, лишила бы экономику данной страны живительных притоков новых технологий, то подобные действия государства стали весьма редки. Хотя никаких систематических данных по степени открытости тех или иных стран для ПЗИ не существует, ряд количественных и качественных свидетельств указывают на четкую тенденцию к либерализации внутреннего контроля над иностранными инвестициями в 80-е и особенно в 90-е гг. (UNCTAD, 1996, ch. 5; Safarian, 1993, ch. 12). В развивающихся странах и странах с переходной экономикой рыночная либерализация выросла не слишком значительно, но все же существенно: в 1991—1995 гг. более открытой для ПЗИ сделало свою систему более ста стран. Как уже отмечалось, при отсутствии глобальной системы ПЗИ двусторонние инвестиционные соглашения стали основным механизмом облегчения международного производства, посредством разъяснения налоговых норм и правил. За один только 1996 г. было заключено 182 соглашения такого типа (более трех в неделю); а к 1998 г. общее их число достигло 1513 (UNCTAD, 1997> P- 11; 1998). Поскольку привлечь ПЗИ стремится все больше развивающихся стран, то изменилась и структура этих соглашений. На долю государств ОЭСР их теперь приходится 62% (в 1989 г. — 83%). Кроме того, в 1996 г. треть всех соглашений была заключена между развивающимися странами (UNCTAD, 1997> P- 11). Отчасти это является следствием требований либерализации управления ПЗИ, предъявляемых к развивающимся странам Всемирным Банком Реконструкции и Развития и другими международными организациями.

Институциональный толчок к либерализации ПЗИ исходил от правительств главных стран ОЭСР, от самой ОЭСР и из региональных организаций типа Европейского Сообщества (ЕС), Североамериканского Соглашения о Свободной Торговле (NAFTA) и Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АПЕК). Принадлежность страны к ОЭСР требует от ее правительства четкого соблюдения детально разработанных для иностранных инвестиций норм и правил, определяющих «отношение государства к международным инвесторам» и вводящих «прозрачные, либеральные и устойчивые стандарты зарубежных инвестиций» (OECD, 1998, p. i). С появлением NAFTA либеральные нормы ПЗИ, принятые в США, были распространены на Канаду и Мексику. Разрабатывает для своих стран-членов систему либеральных норм ПЗИ и

АПЕК. Среди европейских стран эта картина пока неустойчива. С одной стороны, законодательство Европейского Союза обеспечивает свободное перемещение капитала только среди государств-членов и вводит определенные ограничения на использование

304

субсидий и других стимулов к ПЗИ; с другой — со спадом активной промышленной политики все они были сняты.

Среди развивающихся стран произошел заметный переход к либеральным системам ПЗИ. В Латинской Америке большинство стран, за исключением Бразилии, либерализовало свою экономическую политику, сохранив в ограниченном объеме фильтрацию инвестиционных проектов и ограничения на многонациональные операции. Либеральную политику в отношении входящих ПЗИ после кризиса 1997^г стали проводить и почти все страны Восточной Азии. Китай, в частности, перешел от практически полного контроля к более открытому режиму. Политика африканских стран — самая разная; многие, впрочем, в 90-е гг. также отказались от ограничений и требований к многонациональным корпорациям. Наконец, многие ограничения на ПЗИ были сокращены или сняты вообще и в странах с переходной экономикой, особенно наиболее развитых из них, хотя в отдельных случаях сильное предпочтение совместных предприятий с отечественными фирмами перед филиалами, полностью принадлежащими иностранным компаниям, сохраняется.

Хотя никакой официальной международной системы ПЗИ пока не существует, элементы такой глобальной системы появляются. Переговоры относительно Многостороннего Соглашения об Инвестициях, которое практически полностью ликвидирует национальное управление ПЗИ, в конце 1998 г. были отложены на неопределенный срок. Но ОЭСР продолжает требовать большей прозрачности и международной гармонизации норм ПЗИ. Либерализация управления деятельностью многонациональных корпораций преследуется и Всемирной Торговой Организацией. В конце 90-х гг. она отвечала за реализацию Генерального Соглашения о Торговле и Услугах, которое ставит целью частичную либерализацию сферы торговых услуг, укрепляя таким образом позиции многонациональных корпораций в сфере услуг. Соглашение ВТО о торговле правами интеллектуальной собственности (TRIPS/ТПИС) упрочило права многонациональных корпораций на глобальное использование патентов, торговых марок и других источников конкурентных преимуществ. Обозначая пределы капиталовложений в сферу торговли (КСТ), это соглашение ограничивает возможность правительств вводить требования к деятельности многонациональных корпораций. Кроме того, были заключены переломные соглашения о либерализации торговли в сфере финансовых услуг и телекоммуникаций, которые повлекут за собой достаточно серьезные последствия для деятельности многонациональных корпораций и для инвестиций в эти сферы экономики (см. гл. 4 и 1).

Помимо этих многосторонних соглашений, все чаще раздаются и требования взаимодействия, сотрудничества и полного согласования национальных норм конкуренции и антitrustовской политики государств. С учетом мощности деятельности многонациональных корпораций и существования сетей глобального производства, все действия государств, которые могут привести к ограничению конкуренции, подлежат глобальному изучению в рамках как международных (ОЭСР или ВТО), так и региональных (Европейского Союза или Североамериканского Соглашения о Свободной Торговле) организаций и т. п. Одно из последствий этого заключается в том, что национальная политика в отношении конкуренции все больше и больше подвержена внешнему контролю. Теперь для американских или европейских органов, регулирующих конкуренцию,

305

стало обычным делом дипломатическое или юридическое вмешательство в то, что раньше могло бы быть расценено как вопросы исключительно внутренней политики в ситуациях, когда дело касается крупнейших слияний или приобретений, которые могли подорвать конкурентоспособность их собственных корпораций или отраслей промышленности. Так, в широко известном случае со слиянием компаний «Боинг» и «Макдоннел Дуглас» в 1996—1997 гг. американские власти стремились получить молчаливое согласие Еврокомиссии (признавшей это слияние с некоторыми оговорками) с целью предотвратить какие бы то ни было санкции в форме ограничений деятельности новой компании в Европейском Союзе. Такие знаменитые случаи способствовали дальнейшему движению в направлении к глобальной системе конкуренции или, как минимум, более интенсивному международному наблюдению за «внутренними» бизнес-практиками и правилами конкуренции.

Эти события отмечают крайне важный переход к практике одинакового подхода и к иностранным, и к отечественным компаниям. Впрочем, иногда последние оказываются в проигрыше, поскольку правительства предпринимают активные попытки по привлечению ПЗИ. Многие развивающиеся страны создали зоны свободной торговли, в которых ограничения, имеющие силу на остальной территории государства, не действуют; по мере либерализации все большего количества стран в этих зонах происходит переход к введению налоговых каникул и других стимулов. Ряд налоговых льгот, немедленных субсидий и других аналогичных стимулов с целью привлечь новые ПЗИ вводят и страны ОЭСР — как на национальном, так и на субнациональном уровне. Итак, требования обеспечить «поле глобальной игры» заставили правительства проявлять более активный интерес к внутреннему законодательству и практике стран-конкурентов (причем во всех сферах экономики, начиная с налогообложения и кончая нормами здравоохранения), способным в потенциале снизить конкурентоспособность их собственных компаний на глобальном рынке. Таким образом, внутренняя политика государства в отношении бизнеса преднамеренно или нет, но приобретает международные масштабы.

5.5 МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И СЕТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Компании участвуют в международном производстве потому, что у них есть некоторое преимущество перед своими конкурентами, самое лучшее применение которому — именно выход на глобальный уровень. Этим преимуществом может быть патентованный продукт или технология, но оно может заключаться и в неких методах управления, и в репутации и опыте самой компании или ее персонала. Но даже если компания имеет такое преимущество, то из этого отнюдь не следует, что она обязательно должна в своем производстве за границей его использовать: иностранные рынки могут обслуживаться с помощью экспорта или передачи технологий иностранным производителям; другой вариант — передача подряда на производство независимым компаниям, причем опять же с возможной передачей им своих технологий. Но развитие сетей глобального производства неизбежно ведет к стратегии организации транснациональных операций скорее в рамках отдельной фирмы или группы фирм, чем посредством рыночных

Зоб

механизмов. Хотя экономическая глобализация часто понимается только как распространение глобальных рынков, расширение многонациональных корпораций и сетей глобального производства представляет собой нечто совершенно иное, а именно развивающуюся транснациональную организацию производства и товародвижения в рамках отдельной компании и между компаниями вместо организации их посредством рынка. Следовательно, международные рынки находятся в зачаточном состоянии: если бы они были, то многонациональных корпораций и сетей глобального производства не существовало бы. Как следствие, издержки многонациональных корпораций гораздо ниже при организации ими своей экономической деятельности в рамках отдельной фирмы или через сети фирм, чем через рыночные отношения. Ограничения на международную торговлю, а также транспортные издержки заставляют фирмы заменять экспорт своей продукции на иностранные рынки размещением ее производства за границей. Многонациональные корпорации могут организовать производство на международном уровне для того, чтобы использовать преимущество более низких за границей издержек производства на отдельных его этапах. Стратегические преимущества организации международного производства в рамках фирмы перед организацией его с помощью независимых производителей — следствие воздействия двух факторов: во-первых, это помогает предотвратить распространение какого-либо преимущества в технологиях какой-либо корпорации как потенциального конкурента; а во-вторых, конкурентные преимущества многонациональных корпораций бывают основаны не только на некоем систематизированном знании, но и на богатом невыразимом словами опыте фирмы, на оптимальных средствах применения всего этого за границей посредством скорее внутрифирменного производства, чем лицензированного или субконтрактного.

5.5.1 ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА

Многонациональные корпорации развились в послевоенный период благодаря тому, что грамотно использовали свои конкурентные преимущества на международном уровне. В ряде случаев эти преимущества были связаны с увеличением масштабов и возможностей экономики, передовыми методами управления и/или сетями глобального сбыта, но главным образом — с внедрением новых технологий (Cantwell, 1989; Clegg, 1987). Многонациональные корпорации стремятся к наибольшему количеству инноваций, потому их особенно много в самых передовых, с

технологической точки зрения, отраслях промышленности. Именно они финансируют большинство частных научных исследований и разработок. Кроме того, внедрение новых технологий облегчило процесс «нарезания цепочки стоимости» (см. главу 3), посредством чего единый процесс производства может быть разделен на этапы и распределен по всему миру. Таким образом, распространение многонациональных корпораций отражает и их способность к инновациям, и их способность применять эти инновации на международном уровне. Но хотя многонациональные корпорации и доминируют в глобальном производстве и распределении многих товаров и услуг, их преимущественное положение в технологиях и организации не обезопасило их полностью от конкуренции. В ряде отраслей промышленности, от электронной до швейной, у множества

307

МСП есть способность к постоянным инновациям и гибкости, которую порождает та среда «гиперсоревнования», на которой основана защита многонациональными корпорациями своих позиций (D'Aveni, 1998)- Преобладание над конкурентами, таким образом, обеспечивается отныне не только новой продукцией и продвинутой технологией, а зависит еще и от скорости внедрения данной технологии, от того, насколько быстро эту новую продукцию можно произвести и распределить (см.: Borrus and Zysman, 1997)- Это ускорение глобальной конкуренции было увеличено еще больше за счет «революции в информатике» (Castells, 1996; D'Aveni, 1998). Все эти факторы способствовали развитию управляемых производителем и покупателем трансграничных сетей производства и распределения, которые позволяют «малым и средним компаниям объединяться с главными корпорациями, образуя сети, способные к непрерывной разработке и внедрению инноваций» (Castells 1996, p. 165).

Итак, глобализация бизнеса зависит от способностей компаний к внедрению инноваций и к эффективной организации сетей трансграничного производства и распределения посредством внедрения инноваций в области как технологий связи, так и методов управления. Поскольку изначально многонациональное производство преследовало единственную цель — обойти торговые барьеры, можно было бы ожидать, что с последовавшим вскоре резким уменьшением торговых ограничений и затрат на перевозки его распространение замедлится или вообще будет прекращено. Однако оно продолжилось. Следовательно, одним лишь существованием торговых барьеров объяснить его нельзя — гораздо важнее способность фирм к разработке новых технологий и продуктов.

По мере возрастания значимости последнего из указанных факторов для господства многонациональных корпораций над конкурентами растут и стимулы к организации производства и распределения в рамках отдельной компании или территориально рассредоточенных сетей компании, управляемых многонациональными корпорациями. Дж. Даннинг утверждает, что это ведет к новой ситуации, при которой внутрифирменные операции становятся важнее рыночных (Dunning, 1993^a ch. 12). Получается довольно любопытный парадокс: если экономическая глобализация внесла вклад в развитие глобальных рынков, то глобализация бизнеса способствовала замене рыночных операций внутри- и межфирменными сетями. Если бы дело обстояло так, то, по аналогии с ростом доли операций в рамках многонациональных корпораций, можно было бы ожидать роста доли внутрифирменной торговли в мировой торговле. Но, как отмечалось выше, хотя эта доля и высока, но на протяжении всего последнего десятилетия она оставалась, в общем-то, постоянной. Правда, поскольку объемы торговли по сравнению с мировыми доходами выросли, то вполне естественно предположить и рост доли внутрифирменной торговли относительно мирового объема производства.

Хотя многонациональные корпорации и различаются между собой по своей способности организовать внутрифирменную производственную кооперацию и торговлю, в целом все они размещают производство и обслуживают рынки по всему миру. Даже при том, что некоторые многонациональные корпорации не снабжают каждый отдельный национальный рынок или источник из каждой страны, в совокупности их деятельность породила структурный переход к более глобальной конкуренции вследствие расширения сетей глобального производства.

308

Скептики склонны сомневаться в том, что такой переход произошел. Они замечают, что даже у самых крупных многонациональных корпораций часто большая часть производства, объемов продаж, активов, прибылей и оборудования для научных исследований и разработок приходится на их родную страну (см.: Hirst and Thompson, 1996, ch. 4), и заключают, что «глобальные корпорации являются просто национальными компаниями, осуществляющими международные

операции» (Ни, 1992). Другие авторы, и прежде всего А. Портер, признают, что многонациональные корпорации теперь конкурируют на глобальном уровне, но утверждают, что они остаются укорененными в экономических системах и культурах своей родной страны (Porter, 1990); согласно этой точке зрения, они достигают преобладания над конкурентами главным образом именно благодаря этим национальным корням, а далее уже, чтобы выдержать конкуренцию, используют глобальные стратегии. Дж. Стопфорд и С. Стрейндж, а также ряд других исследователей доказывают, что, хотя этот подход затрагивает важные аспекты послевоенного роста многонациональных корпораций, для сохранения их преимуществ над конкурентами ее национальных корней становится уже недостаточно (Stopford and Strange, 1991). Со временем компании за границей приобретают свои собственные технологические преимущества. Через какое-то время распространяются и другие источники преимуществ перед конкурентами, например передовые методы управления. Некоторые авторы пытаются доказать, что многонациональные корпорации сейчас уже не просто извлекают свои преимущества над конкурентами из особенностей своей родной страны, а все больше и больше сами выявляют источники таких преимуществ по всему миру и затем организуют их на глобальном уровне (см.: Dicken, 1998; Dunning, 1993a; Howells and Wood, 1997). Их способность организовать производство в целом ряде стран и реализовать свою конкурентоспособность (обе способности объясняются особенностями региона) наделяет их глобальным видением и обеспечивает их глобальное превосходство. С точки зрения гиперглобалистов, многонациональные корпорации «независимы», легко передвигаются по странам, развивают производство и выявляют источники национальной конкурентоспособности с целью максимизировать свои прибыли — часто за счет стабилизации рабочей силы (см.: Julius, 1990; Ohmae, 1990; Reich, 1991). Эти противоречащие друг другу позиции наводят на два чрезвычайно важных вопроса. Во-первых, действительно ли какая-то из них дает адекватное объяснение существующей модели международного производства? Во-вторых, действительно ли многонациональные корпорации лучше всего представлять как национальные компании, действующие за рубежом и черпающие свою конкурентоспособность из условий собственной страны? Далее мы рассмотрим деятельность многонациональных корпораций в четырех основных отраслях промышленности и предложим ряд ответов на эти вопросы — более сложных, чем предполагают оба вышеизложенных подхода.

5.5.2 СЕТЬ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СРАВНЕНИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Итак, немного света на эти вопросы может пролить сравнение различий и характера организации глобального производства в основных отраслях промышленности.

В этом разделе рассматриваются четыре такие отрасли: автомобильная, электронная, химическая и текстильная. В совокупности на них приходится около половины объемов ПЗИ, вложенных в промышленность Франции, Германии, Японии, Нидерландов, Великобритании и США (OECD, 1996c). Во всех этих отраслях стратегически важны международное производство компонентов, распределение и заграничные объемы продаж; кроме того, потоки ПЗИ вносят весьма солидный вклад в накопление капитала. На текстильную и швейную индустрию приходится лишь 2% всего объема ПЗИ, вложенных в промышленность во всем мире, но это одна из самых территориально рассредоточенных отраслей, для которой глобальные сети производства и распределения играют главную роль. В то же время инвестиции в химическую индустрию составляют свыше 20% всех вложений ПЗИ в промышленность, а в электротехническую и автомобильную — более 10% в каждую.

Автомобилестроение

Автомобилестроение было, вероятно, ведущей отраслью во время послевоенного экономического бума. Американские производители, такие как «Форд» и «Дженерал Моторс», увеличили уровень своего производства; послевоенный период ознаменовался их беспрецедентной международной экспансией в другие регионы, прежде всего в Европу. Защита национальных рынков и транспортные издержки превратили ПЗИ в основной механизм для обслуживания этих рынков, и американские компании продублировали массовое производство конвейерным способом в Европе и других регионах.

В 70-е гг. уже японские производители осуществили конкурентоспособные вторжения как на американские, так и на европейские рынки. Их преимущество над конкурентами явилось результатом внедрения новых методов управления, получивших известность под названием

«почти бесприбыльного производства». Они снизили себестоимость и повысили качество продукции, а также сократили время для представления новых моделей. Вначале японские производители использовали свои конкурентные способности с помощью тех преимуществ, которые предоставляли им возможности экспорта: они достигли гибкости отчасти благодаря тесным субконтрактным отношениям с компаниями по производству и поставке компонентов; это поощряло стратегию территориального сосредоточения производства неподалеку от заводов этих компаний. В 80-е гг. ограничения на импорт, введенные в США и Европе, заставили японских автомобильных производителей интернационализироваться и разместить производство в самих этих странах. Поначалу японские многонациональные корпорации использовали высокие объемы импорта, но постепенно они установили тесные связи с поставщиками в наиболее развитых странах. Увеличение числа субконтрактов с поставщиками компонентов также отразило проникновение японских производителей компонентов на европейский рынок. Американские и европейские производители ответили своим японским конкурентам заимствованием многих их методов управления и созданием крупных корпораций.

Транснационализация производства и отмена торговых ограничений привели к глобальной конкуренции в автомобильной промышленности (OECD, 1996a, ch. 4)- По крайней мере 4°% продукции ведущих автомобильных производителей

310

уходит за границу — или через экспорт своей собственной продукции, или через сбыт продукции их иностранных филиалов. Доля международного производства компонентов находится между четвертью и третью его мировых объемов, а внутрифирменная торговля составляет большую часть торговли в данной сфере экономики. Американские фирмы создали наиболее обширные, с географической точки зрения, сети производства; таким образом они реализовали свою стратегию сокращения себестоимости. Как следствие, процесс производства в Европе, например, рассредоточен теперь по нескольким странам. Но мечта о мировом автомобиле, одна и та же модель которого продавалась бы по всему миру и глобально организованной фирмой, остается пока нереализованной — хотя «Форд» в распространении своей модели «Мондео» подошел к осуществлению этой мечты очень близко. Сети европейских компаний менее обширны; однако они укрепили свое присутствие за рубежом путем реорганизации процесса производства по всей Европе, включая ее восточную часть. В европейской промышленности произошел ряд серьезных трансграничных слияний, особенно в Англии: многие отечественные производители были поглощены иностранными многонациональными корпорациями. Европейские фирмы расширили и свою глобальную сферу влияния посредством основания корпоративных предприятий и других совместных с восточно-азиатскими производителями проектов. Хотя японские корпорации традиционно организовывали поставку компонентов как можно ближе к своим заводам, рост цен заставил их перейти к международным поставкам из своих иностранных филиалов и фирм-субподрядчиков: сейчас японские компании управляют сетями производства, связывающими Европу и Юго-Восточную Азию (UNCTAD, 1996, p. 100—102).

Электронная промышленность

Электронная промышленность была одной из первых отраслей, в которой отдельные этапы процесса производства распространялись по развивающимся странам. Мало того, наблюдаются значительные объемы межконтинентальной торговли и конкуренция компаний на рынках по всему миру. Чрезвычайно высокий уровень ценовой конкуренции и разработка новых продуктов в компьютерной и смежных с ней отраслях промышленности порождают гиперконкуренцию. Это, в свою очередь, побуждает компании к разработке конкурентоспособных стратегий, а также трансграничных проектов, разрабатываемых совместно с другими фирмами (Ernst, 1997; Borgus and Zysman, 1997).

У компьютерной промышленности и той сферы электронной промышленности, которая занята производством потребительских товаров типа телевизоров, видеомагнитофонов и т. д., есть ряд важных общих черт и несколько не менее важных отличий. Большая часть восточно-азиатского и североамериканского компьютерного экспорта в другие регионы и, вероятно, большая часть торговли компьютерами происходит внутри компаний (OECD, 1996a, ch. 3). Господствуют в данной отрасли американские и японские компании; позиции Европы при этом гораздо скромнее. Вначале американские компании вкладывали капитал в Европу, но с 60-х гг. наиболее трудоемкие этапы производственного процесса были перемещены ими в Восточную Азию и Латинскую

Америку; хотя компьютерная промышленность была одной из технологически наиболее разви-
311

тых, отдельные этапы процесса монтажа могли осуществляться без специального производственного оборудования за границей. В 70-е гг. японские производители добились известного преимущества перед конкурентами и начали доминировать в секторах данной отрасли; как и в автомобилестроении, ключевую роль в этом сыграли новые методы управления. До середины 80-х гг. японские компании были ориентированы на внутренний рынок гораздо больше американских: они сохраняли большую часть своего производства внутри страны и использовали больше компонентов, поставляемых отечественными фирмами, поскольку таким образом получали преимущество перед конкурентами. В ответ американские фирмы не только усилили свои попытки снизить себестоимость производства посредством размещения его за границей, но и укрепили свои связи с азиатскими поставщиками. Европейские же производители по сравнению со своими основными конкурентами выглядели довольно жалко, несмотря даже на правительственную поддержку.

В 80-е гг. японские электронные гиганты значительно увеличили свои зарубежные инвестиции; стремясь найти «свой» рынок, они начали направлять ПЗИ в Европу и Северную Америку и расширять производство в Восточной Азии. В результате иерархия промышленной организации распространилась по всей Азии. Наиболее трудоемкие процессы производства мигрировали из более развитых стран, прежде всего Кореи, в менее развитые, в том числе в Китай. Корея стала крупным производителем готовых электронных товаров и по праву преобладает над своими конкурентами из числа нынешних производителей. Среди восточно-азиатских стран и многонациональных корпораций в Европе еще больше распространились сети производства, в то время как США укрепили свои связи с поставщиками в данном регионе. Контроль за сложными цепочками поставок — главный источник преимущества над конкурентами для любой компании, специализирующейся в данной отрасли производства.

Д. Эрнст считает, что эта индустрия переходит от «частичной» к «системной» глобализации (Ernst, 1997). Компании противостоят мощному давлению конкурентов в области ценовой политики и разработки новых продуктов; в итоге это привело к реорганизации их деятельности — и в географическом, и в функциональном плане. Как только что было замечено, координация процесса производства — важнейшая составляющая конкурентоспособности компании в данной отрасли промышленности. Эффект увеличения объемов производства на отдельных этапах производственного процесса вследствие расширения его масштабов очень высок; таким образом, в сфере производства, в частности компьютеров, компании пытались рационализировать свою деятельность, сосредотачиваясь целиком на этой рационализации (наряду с научными исследованиями и разработками), в то время как на другие стадии процесса производства заключались субконтракты с недорогими производителями. Но многонациональные корпорации не просто полностью вывели производство за рамки компании, а скорее создали тесные и обширные связи с фирмами-поставщиками — т. е. сети производства, управляемые производителем, — вплоть до размывания границ между собственностью данной компании и собственностью ее поставщиков. Кроме того, разработка новых продуктов требует не только проведения серьезных научных исследований, но и непрерывного развития и совершенствования всей структуры фирмы. Именно благодаря таким мощным двухсторонним от-

312

ношениям между производителями в рамках управляемых производителем сетей компании и способны вести непрерывную разработку новой продукции (см.: Borrus and Zysman, 1997). Переход многонациональных корпораций от иерархических организационных структур к сетям филиалов и/или сетям связей между корпорациями и их поставщиками и клиентами обеспечил большую гибкость процесса производства и сделал непрерывную разработку новой продукции гораздо более реальной и экономичной. Сети производства такого рода представляют собой новую форму корпоративной организации — сетевое предприятие (Castells, 1996, p. 168).

Давление, оказываемое на многонациональные корпорации их конкурентами в стремлении достичь сразу нескольких целей (низкие цены, разработка новой продукции и быстрое распространение на рынке), порождает противоречащие друг другу требования. Одно из последствий этого — большое количество стратегических союзов и других форм совместных действий нескольких фирм, около половины которого приходится на действия компаний, расположенных на разных континентах (OECD, 1996a, ch. 3). В данной отрасли многонациональные корпорации все меньше и меньше могут полагаться в создании конкурентных

преимуществ на свою собственную страну и все больше и больше нуждаются в использовании иностранных сетей, сотрудничестве с иностранными компаниями в разработке новых продуктов. Хотя интернационализация научных исследований и разработок в компьютерной промышленности — явление сравнительно новое, она становится все более важной как внутри основных экономических регионов мира, так и между ними (Archibugi and Michie, 1997a)- Компании по производству бытовой электроники гораздо более сконцентрированы в географическом отношении, несмотря на наблюдавшуюся в данном секторе заметную транснационализацию производства (OECD, 1996a, ch. 5)- Вычислить объемы торговли внутри компаний этого сектора очень трудно, но они представляются не очень высокими: для американских компаний — лишь около 10%. Вероятно, эта цифра объясняется тем, что американские компании чаще использовали субконтракты; европейские же и японские многонациональные корпорации сосредотачивают производство в своих иностранных филиалах, поэтому их объемы внутрифирменной торговли выше (см.: Borgus and Zysman, 1997)- Стандартизация производства и повышение уровня квалификации сотрудников в некоторых развивающихся странах привели к размещению более половины мировых объемов производства телевизоров за пределами стран ОЭСР. Итак, данная отрасль характеризуется сверхэкономичным процессом сборки; причем если процесс сборки географически сконцентрирован, то поставка компонентов, напротив, географически рассредоточена и предоставлена недорогими производителями. Японские (а с недавнего времени и корейские) производители создали в Восточной Азии сети производства, в рамках которых производство деталей выполняется иностранными филиалами или субподрядчиками в странах с более низким уровнем заработной платы, а монтаж этих деталей — в странах ОЭСР. Стремясь проникнуть на американские и европейские рынки, японские фирмы разместили свое производство также в Европе и США. Азиатские и европейские производители перешли к глобальным стратегиям организации производства, распределения и научных исследований и разработок. Американские же производители сделали большой шаг назад. Таким образом, сегодня лидируют азиат-

313

ские и европейские компании; в США большая часть производства приходится на иностранные фирмы; уровень разработок новых технологий в Америке тем не менее остается настолько высоким, что у ведущих производителей подразделения, отвечающие за данное направление, расположены именно там. Европейские производители преуспели гораздо больше, но даже в Европе импортированные и произведенные иностранными филиалами изделия составляют вместе большую часть объемов продаж бытовой электроники.

Химическая и фармацевтическая промышленность

Зарождение международного производства в области химической промышленности началось еще до Первой мировой войны. В период между мировыми войнами данная индустрия была картелизована, но после Второй мировой войны пережила острую глобальную конкуренцию. Данная отрасль делится на индустриальный сектор (около половины совокупных объемов производства), сельскохозяйственный и фармацевтический сектор (около трети); нефтехимический сектор, образуемый значительной частью первых двух секторов. В послевоенный период эта индустрия развилась и сейчас составляет более 10% обрабатывающей промышленности; три четверти (или больше) объемов производства и продаж химических продуктов приходится на страны ОЭСР. Нефтехимическая промышленность характеризуется высоким эффектом увеличения объемов производства за счет роста его масштабов и относительно стандартизованными технологиями; этот эффект характеризует также и производство некоторых лекарственных препаратов; для разработки же новых препаратов обычно характерны большие расходы на научные исследования.

После войны американские нефтехимические компании быстро развили многонациональную деятельность; крупнейшие из них проводили глобальные стратегии распределения, соответствующим образом организуя и свое производство. «Ай-Си-Ай» (ICI) к тому времени уже открыла свои филиалы во многих странах мира, что стало возможным благодаря торговым сетям, существовавшим в рамках Британской Империи; другие европейские компании поначалу развивали внутреннее производство, а потом уже расширялись на международном уровне, сохраняя одновременно значительный потенциал в собственной стране. Используя экономию на масштабах производства в нефтехимическом секторе, компании сосредоточили производство в нескольких регионах и обслуживали рынки, экспортируя свою продукцию. Даже при относительно стандартизованных технологиях многонациональные корпорации в основном

предпочитали концентрировать производство в географическом плане, чем лицензировать его, чтобы сохранить технологическое преимущество перед конкурентами. Поскольку основные рынки расположены в странах ОЭСР, а заработная плата — это относительно небольшая составляющая суммарных затрат, то экономических стимулов перевести производство в развивающиеся страны, как это было в других отраслях промышленности, было немного. К 80-м гг. конкуренция увеличилась, приведя вместе с рыночным спадом и ростом затрат на производство к падению уровня прибыли; это, в свою очередь, повлекло за собой серьезную модернизацию промышленности в направлении к еще большей концентрации (Charman, 199* > ch. 10).

Гораздо больше многонациональное производство распространено в фарма-

34

цевтической промышленности — во многом из-за сегментации рынков, порожденной высоким спросом на локальные медицинские услуги, лучше всего соответствующие местным условиям. Соответственно производство чрезвычайно интернационализировано; на иностранные филиалы приходится до половины мировых объемов продаж лекарственных препаратов и большая часть производства в развивающихся странах (OECD, 1996a, p. 49; Ballance et al., 1992, ch. 3). Но разработка новых препаратов требует огромных расходов на научные исследования. Они сильно локализованы в географическом плане: более половины всех затрат реализуется в странах «большой пятерки» и Швейцарии. На протяжении большей части послевоенного периода фармацевтические компании придерживались стратегии производства глобально конкурентоспособных продуктов, опираясь на свои собственные страны. Однако этого становилось все более недостаточно. Хотя большая часть научных исследований и разработок проводится многонациональными корпорациями в своих родных странах, как европейские, так и американские фармацевтические многонациональные корпорации тратят значительные средства и на исследования за границей. Даже японские многонациональные корпорации, склонные к сосредоточению научных исследований и разработок внутри своей страны, предпринимают все больше и больше совместных с иностранными компаниями действий по разработке новых продуктов и технологий (OECD, 1996a, ch. 2). Начиная с 80-х гг. в фармацевтическом секторе произошло несколько крупных трансграничных слияний и приобретений. Очень широко распространены трансграничные стратегические союзы и в секторах производства химических продуктов и разработки и применения биотехнологий (UNCTAD, 1994 > P-139). Высокие затраты на разработку новых продуктов порождают еще более высоко сконцентрированную промышленность, производство в которой, однако, организовано на глобальном уровне.

Текстильная и швейная промышленность

Текстильная и швейная индустрия принадлежат к числу наиболее широко распространенных по всему миру. С учетом характерных для них относительной простоты овладения и последующего выполнения технологии производства и незначительной роли экономии на масштабах производства эти отрасли играют важную роль в экспорте промышленных товаров развивающихся стран. ПЗИ в эти секторах довольно незначительны, несмотря даже на то, что крупные компании часто доминируют через контролируемые покупателем сети производства в распределении готовой продукции (Dicken, 1998, ch. 9; OECD, 19963, ch. 8). Заработная плата составляет высокую долю суммарных затрат; при этом конъюнктура спроса может очень резко измениться в соответствии с последними событиями в мире моды. Текстильные и швейные компании в развитых странах отреагировали на это заключением субконтрактов на отдельные этапы производственного процесса с независимыми фирмами, часто в регионах третьего мира (см. врезку 5-2). Первоначально это были производители из соседних стран: для европейских компаний — страны Северной Африки и средиземноморского побережья; для американских — страны Карибского бассейна и Латинской Америки; для японских — страны Восточной Азии. Впоследствии поставка компонентов стала гораздо более рассредоточенной; поставщики компаний часто на-

Врезка 5.2 Модель «Бенеттона»

Будучи вначале небольшой семейной трикотажной компанией, «Бенеттон» к 80-м гг. разросся до крупного многонационального предприятия с 5000 с франчайзинговыми бутиками на всех основных рынках мира. Управляемая полностью из штаб-квартиры в итальянской провинции Венето, компания использует для контроля и управления своей сетью глобального распределения обширные системы коммуникаций. Небольшие независимые фирмы в Европе и других регионах производят схожую продукцию и организованы в сеть транснационального производства, управляемую из штаб-квартиры «Бенеттона». Компания являет собой любопытный образец иерархического управления, осуществляемого через горизонтальные сети распределения и производства.

Источник: Castells, 1996, p. 162

ходились на других континентах: так, Восточная Азия, в том числе и Китай, стала основным поставщиком в мире (Taplin, 1994; Korzeniewicz, 1994)-

Глобальная поставка компонентов не только гарантирует МСП или многонациональным корпорациям в государствах ОЭСР доступ к недорогим производителям, но и обеспечивает гибкость предложения. Эти контролируемые покупателем деловые сети дают многонациональным корпорациям или МСП возможность переложить риски, связанные с изменением конъюнктуры рынка, на своих субподрядчиков. Хотя многонациональные корпорации контролируют сейчас в данном секторе очень небольшую долю производства, многие из них по-прежнему занимают ведущие позиции в передаче опыта и организации и сетей сбыта, и распределения продукции.

5.5.3 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ БИЗНЕСА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ

Итак, как следует из всего вышеизложенного, начиная с 80-х гг. глобальная организация производства и распределения в основных отраслях промышленности укрепились.

Многонациональные корпорации играли в этом процессе ведущую роль. Иностранная деятельность большинства американских компаний самая обширная и давняя; это относится и к некоторым европейским производителям. Многие европейские и практически все японские производители развивали свое многонациональное производство на основе фирм, находящихся на территории той или иной страны. Распространение за границей с целью избежать фактических или потенциальных мер по защите национальных рынков явилось главным фактором, вынудившим японские и другие компании перевести производство за границу. Но многонациональные корпорации распространились за границей не только для того, чтобы обеспечить себе доступ на рынок, но и для того, чтобы посредством транснационализации усовершенствовать процесс производства.

Здесь стоит остановиться на одном очень важном моменте. Многонациональные корпорации в данной отрасли перешли к созданию транснациональных сетей предприятий, состоящих из их филиалов, субподрядчиков, клиентов и других фирм (Howells and Wood, 1993; UNCTAD, 1994, ch. 3). Но такие управляемые

316

производителем и покупателем сети предполагают некоторое рассредоточение управления и процесса принятия решений; таким образом, классическое представление о многонациональной корпорации (и многонациональном производстве) как вертикально интегрированной иерархической структуре больше не отражает всего огромного разнообразия существующих организационных форм (Ruigrok and Tulder, 1995; Borrus and Zysman, 1997). В. Рэйгрок и Р. ван Талдер предлагают очень удобную типологию для категоризации этих организационных форм сетей глобального производства и распределения (Ruigrok and Tulder, 1995. ch. 8). Применяя эту типологию, можно выделить две противоположные друг другу организационные формы: рассредоточенное производство с жестким центральным управлением и рассредоточенное производство с гибким центральным управлением. На практике многонациональные корпорации (и сети глобального производства) находятся, как правило, где-то между этими двумя крайностями.

Географически рассредоточенное производство с гибким центральным управлением предполагает сети транснационального производства с предоставлением отдельным их элементам широкой независимости. Исторически это обычно включало в себя независимое производство, т. е. компании строят за границей заводы для обслуживания локальных рынков, но при этом не объединяют их в сети транснационального производства. Это не только помогает проникнуть на

защищенные рынки благодаря сильным различиям в конъюнктуре спроса между разными странами; эта стратегия может быть эффективной при поставках на иностранные рынки. Так, различные формы услуг часто спускаются на локальный уровень. Некоторые многонациональные корпорации переходят от жесткой центральной системы управления своей структурой к более размытым. Возможно, что ради сохранения эффективности заграничной деятельности ей нужна скорее широкая независимость, чем централизованное управление; прежде всего это применяется для подразделений по научным исследованиям и разработкам, но может применяться и для других отделов. Кроме того, во многих секторах перешли от прямой собственности и управления к более активному использованию субконтрактных отношений с независимыми (формально) фирмами-поставщиками.

Стратегия географически рассредоточенного производства с жестким центральным управлением влечет за собой организацию производственного процесса на глобальном уровне. Такой подход граничит с массовыми представлениями о крупных многонациональных корпорациях как управляющих глобальными сетями производства; однако теперь управление происходит уже не обязательно через полностью принадлежащие этим корпорациям иностранные филиалы. Эта организационная форма довольно часто встречается в таких отраслях, как добыча минералов и сельское хозяйство. Некоторые компании организуют свое производство на транснациональном уровне в строгом соответствии с конвейерным принципом. Это может применяться и в сфере услуг, а также в обрабатывающей промышленности: например, американские компании прибегают к услугам офисов по компьютерному вводу данных в странах Центральной Америки и Карибского бассейна, а европейские — в странах Южной Азии. К этому типу организации относятся и такие случаи, когда товары или услуги производятся на локальном уровне, но центральный контроль над производством и качеством при этом

317

сохраняется; для многих получивших международное признание товаров или услуг торговая марка (как, например, «Бенеттон») — гарантия постоянного качества по всему миру. В этом разнообразии организационных форм можно также выделить корпоративные стратегии глобального переключения и глобального фокусирования (Howells and Wood, 1993. ch. 10). Глобальное переключение предполагает переброску производства с одной площадки на другую в соответствии с изменившейся рыночной конъюнктурой. Глобальное фокусирование, наоборот, подразумевает сосредоточение производства на небольшом количестве площадок с целью достижения полного и долгого преимущества. Начиная с 80-х гг. многие многонациональные корпорации со значительным числом субподрядчиков стремились к рационализации, устанавливая более тесные отношения с меньшим их количеством; компании же с небольшим количеством субподрядчиков, наоборот, стремились его увеличить. Обе эти стратегии являются, по сути дела, идеальными типами, но они позволяют понять ту стратегию выбора, которую предпочитают компании, реагируя на проблемы и возможности глобальной конкуренции.

5.5.4 «ВОЛЬНЫЕ» МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Какой бы ни была организационная форма, география расположения многонациональных корпораций все еще имеет некоторое значение: они не могут располагаться где угодно. В большинстве сфер экономики доступ к основным рынкам является одновременно и важным ограничением расположения компании, и главным стимулом к развитию ею многонационального производства; в этом смысле глобализация производства и распределения имеет свои пределы. Производство не может быть переведено или реорганизовано куда и как угодно. Опыт и инфраструктура экономик стран мира все еще ограничивают способность компаний переключать производство. Тем не менее с течением времени бизнес становится все более подвижным.

Для многонациональных корпораций наиболее экономичный механизм диверсификации и регулирования глобального производства — это не полная собственность на филиалы, а скорее субконтрактные отношения, поскольку последние позволяют сократить невосполнимые расходы. Неудивительно поэтому, что самое быстрое географическое распространение промышленности по направлению к недорогим производителям было достигнуто через субконтракты именно в текстильной и швейной отраслях, в которых технологии производства стандартизированы. Однако, как было показано выше, во многих сферах экономики важные стадии производственного процесса были рассредоточены за

пределами стран ОЭСР, сначала в новых промышленно развитых странах, а впоследствии и в экономиках менее развитых стран. Далее, хотя большая часть ПЗИ по-прежнему сосредоточена в странах ОЭСР, многонациональные корпорации перемещают свои капиталовложения между ними в соответствии с изменениями экономической конъюнктуры. Но если глобализация производства и может считаться синонимом мобильности капитала («независимый» капитал), то ясно, что не абсолютным: компании должны где-то разместить свое производство, и тогда преимущество в опыте, концентрации и масштабах экономики обязательно приводят к

318

определенному географическому сосредоточению. Производство редко перемещается просто в ответ на изменение издержек, которое, наоборот, может в ряде случаев удерживать его от этого перемещения. Кроме того, хотя способность многонациональных корпораций и МСП к переводу производства за границу со временем усилилась, мобильность такого рода носит довольно ограниченный характер. Тем не менее она стала сильным козырем на переговорах с властями (национальными или местными) относительно новых инвестиций. В этом смысле восприятие производства как более мобильного, вероятно, более важно, чем реальная деятельность компании. По мнению многих скептиков, есть одно существенное ограничение этой мобильности, а именно зависимость многих компаний от тех конкурентных преимуществ, которыми их обеспечивает их родная страна. Эта точка зрения выглядит более чем обоснованной; но такие преимущества могут использоваться многонациональными корпорациями на глобальном уровне и таким образом распространяться за границей. Дж. Кантуэлл замечает, что внедрение и глобальное распространение новых технологий ускорилось с ростом глобальной конкуренции и транснационализации производства (Cantwell, 1997) • Исторически научно-исследовательская база многонациональных корпораций была сосредоточена в их родных странах, но сегодня национальных систем инноваций для обеспечения преимущества над конкурентами явно становится все более и более недостаточно (Cantwell, 1997; Mowery and Oxley, 1997). Соответственно все более значимыми становятся международные сети разработки новых технологий. Многонациональные корпорации все активнее пытаются привлечь иностранные пакеты инвестиций — как в виде прямых инвестиций, так и в виде сотрудничества с другими многонациональными корпорациями и зарубежными компаниями. Способность к инновациям является теперь важным фактором, обуславливающим входящие ПЗИ в развитые страны (Narula, 1996, ch. 4). Следовательно, многонациональные корпорации диверсифицируют не только производство, но и научные исследования и разработки, стремясь развить то или иное новшество и сохранить конкурентное преимущество. Эта диверсификация научных исследований и разработок все еще имеет тенденцию к высоко географической концентрации в рамках государств ОЭСР (Archibugi and Michie, 1997a). Тем не менее многие многонациональные корпорации зависят от своих стран в меньшей степени, чем зависели раньше.

Возможно, более ярко эти ограничения географической мобильности промышленного капитала проявились в регионализации производства, распределения и ПЗИ. Но хотя некоторая региональная группировка производственных сетей и ПЗИ в мировой экономике и существует, она является скорее дополнением к глобализации бизнеса и производства, чем ее противоположностью. Ибо, как уже отмечалось, потоки ПЗИ в рамках триады, которую составляют Североамериканское Соглашение о Свободной Торговле, Европейский Союз и Азиатско-Тихоокеанский регион, представляют собой серьезную глобализацию деловой активности. Это расширение межрегиональных сетей производства и распределения усиливает взаимосвязанность деловой активности, имеющей место как внутри этих трех ведущих экономических регионов, так и между ними. В этом смысле регионализация и глобализация производства укрепляют друг друга. Прекрасно продемонстрировал это восточно-азиатский экономический кризис кон-

319

ца 90-х гг.: взаимосвязанность сетей производства и распределения в ряде сфер экономики означала, что компании и предприятия обрабатывающей промышленности всей Европы и Америки должны были регулировать свое производство так, чтобы приспособиться к быстро меняющейся экономической конъюнктуре в данном регионе. Такие кризисы показывают, что даже при ограниченности мобильности индустриального капитала (по сравнению с капиталом финансовым) способность многонациональных корпораций корректировать и реорганизовывать производство в эпоху более гибких производственных сетей является весьма высокой и имеет

далеко идущие последствия для национального экономического управления.

5.6 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА

Иногда заявляют, что ПЗИ достигли объемов, сопоставимых с эпохой классического золотого стандарта, лишь совсем недавно (ср.: Dunning, 1988; UNCTAD, 1994> p. 30). Для небольшого числа стран ОЭСР и стран третьего мира это утверждение, вероятно, справедливо, но в целом оно несколько искажает истину — по четырем причинам (см.: Wilkins, 1994):

- Во-первых, как отмечалось выше, современные оценки объемов ПЗИ явно преуменьшают их реальные размеры.
- Во-вторых, в конце XIX — начале XX вв. способность компаний организовывать производство на международном уровне была довольно ограниченной, так что большая часть транснациональной деловой активности была сосредоточена скорее в сырьевом секторе, в сфере торговли товарами и финансового дела, чем в производстве.
- В-третьих, в этот ранний период технологии производства и методы управления еще не были широко распространены, так как экономики колониальных империй сохраняли четкое международное разделение труда между Севером и Югом.
- В-четвертых, данные о ПЗИ слишком скудны, чтобы из них можно было сделать какие-либо выводы об объемах международного производства. Как уже отмечалось, ПЗИ — это лишь часть всех зарубежных инвестиций в производство (25% в 1996 г., по оценкам ЮНКТАД). Нельзя по ПЗИ проследить и развитие новых организационных форм глобального производства и распределения, не включающих полностью принадлежащие компаниям иностранные филиалы (типа субконтрактов и стратегических союзов).

По сравнению с предшествующими периодами в современную эпоху глобализация бизнеса (см. текстовую таблицу 5.1), как показывают объемы ПЗИ, численность и размеры многонациональных корпораций и их филиалов и т. п. и обширнее, и мощнее. Как замечает П. Гопинатх, сегодня «производственные мощности рассредоточены по беспрецедентно большому числу развивающихся и развитых стран» (Gopinath, 1997. Р- 1). Перед 1914 г. потоки ПЗИ по сравнению с уровнем национальной экономической активности были весьма значительными; сегодня они также сопоставимы с ним, а может быть, и превышают его. Хотя большая часть инвестиций сосредоточена в развитых государствах ОЭСР, 90-е гг. ознаме-

Текстовая таблица 5.1 Исторические формы глобального производства

	1600—1800	1870—1939	1950—1973	с 1973 до наших дней
<i>Обширность</i>	Торговые компании активны в Азии, Африке и Северной Америке Товарные цепочки	Зарождение многонациональных корпораций, действующих в Европе, Северной Америке; появление основных экспортеров сырья Товарные цепочки	Многонациональные корпорации активны в экономиках промышленно развитых стран, все больше и больше стран развивающихся, но не стран коммунистического лагеря	Многонациональные корпорации активны во всех странах мира, в числе начиная с 1973 г. в странах с переходной экономикой Расширение сетей глобального производства/распределения
<i>Мощность</i>	Торговые компании играют важную роль в продаже предметов роскоши, но составляют очень небольшую долю экономик стран мира	Многонациональные корпорации играют важную роль в развитии экономик стран, являющихся основными производителями сырья, и инвестициях в них и в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности	Растущая мощность прежде всего обрабатывающей промышленности; многонациональные корпорации начинают доминировать в ряде отраслей	Высокая: многонациональные корпорации играют важную роль в мировом производстве и составляют основную часть мирового объема производства Объемы международного производства превышают объемы мирового производства
<i>Скорость</i>	Низкая	Сравнительно высокая: ускорение производства	Умеренная	Высокая: ускорение процесса производства Глобальная конкуренция

<i>Стремление к оказанию влияния</i>	Важно для некоторых продуктов, но в целом низкое	Важно для некоторых основных видов сырья В некоторых отраслях обрабатывающей промышленности многонациональные корпорации внедряют новые продукты и начинают новые процессы	Высокое в плане создания глобальной конкуренции для сырьевых и промышленных продуктов и распространения технологий по всему миру	Влияние растёт, продолжают развиваться тенденции предыдущего периода, возросла способность изменять производственный процесс по всему миру, хотя абсолютная монопольная тенденция пока не достигла
<i>Инфраструктура</i>	Базовые коммуникации посредством систем перевозок	Международный телеграф обеспечивает более совершенную связь Автономное производство	Развитие и совершенствование сетей связи обеспечивает центральную координацию Практически единые организации	Совершенствование существующих технологий, новые инновации, электронная почта делают возможным перемещение большого количества сообщений и коммуникаций и разнообразие форм организации международного производства
<i>Институционализация</i>	Торговые компании часто действуют под покровительством империй и имеют собственные институты власти	До первой мировой войны чрезвычайная открытость для международного бизнеса Позже, особенно в 1930-е гг., вводятся некоторые ограничения	Чрезвычайная открытость, но с некоторыми ограничениями Страны различаются по формам контроля и ограничениям потоков иностранных инвестиций и деятельности многонациональных корпораций Национализация в некоторых развивающихся странах	Тенденция к чрезвычайной открытости с либерализацией форм контроля, многонациональные корпорации и иностранные инвестиции Движение к гармонизации конъюнктуры; так, например, иностранные компании сталкиваются с ограничениями на рынках
<i>Стратификация Иерархия</i>	Сильная: торговые компании действуют в основном из империй и в их колониях	Сильная: основные компании действуют из экономик развитых стран, прежде всего Великобритании и США	Вначале среди многонациональных корпораций в обрабатывающей промышленности доминируют американские компании	Многонациональные корпорации и потоки капитала по-прежнему исходными являются из развитых стран, но при этом начинают больше стр

Текстовая таблица 5-1 продолжение

	1600-1800	1800—1939	1950—1973	с 1973 до наших дней
<i>Стратификация Иерархия</i>		В основном капитал вкладывается в компании, являющиеся производителями сырья и в экономики других развитых стран	Свою деятельность продолжают уже признанные компании из других стран; кроме того, появляются новые	Значительное количество европейских и японских компаний и развитие многонациональных компаний, базирующихся в развивающихся странах
<i>Неравномерность</i>	Высокая: инвестиции сосредоточены в некоторых основных сферах экономики	Высокая: если в сфере производства сырья инвестиции велики, то за пределами ее и в экономиках развитых стран — незначительны	Инвестиции по всему миру, за исключением социалистических стран, довольно велики, но сосредоточение международного бизнеса и инвестиций в экономиках промышленно развитых стран возросло	Инвестиции по-прежнему сосредоточены в развитых странах Поток инвестиций в развивающиеся страны увеличился, но сосредоточен в основном в некоторых странах при этом в последние годы возросло число новых про

				развитых стран и переходной экон Новое глобально ние труда
--	--	--	--	---

323

ковались наплывом инвестиций в до сих пор закрытые экономики Китая и стран Восточной Европы; кроме того, многие развивающиеся страны стали более открытыми и привлекательными для ПЗИ (UNCTAD, 1997)- С появлением всемирных сетей производства и распределения воздействие глобализации бизнеса затрагивает и ключевые отрасли промышленности большинства стран. Ибо многонациональные корпорации и управляемые ими сети производства стремятся действовать в технологически наиболее развитых секторах экономики той или иной страны — секторах, важных для ее процветания и стабильности.

Сегодня значительные объемы и входящих, и исходящих инвестиционных потоков между странами ОЭСР наблюдаются в сфере услуг. Уход ПЗИ в сферу услуг — еще одна характерная особенность современной эпохи. Действительно, в эпоху классического золотого стандарта международный бизнес сосредоточивался, как правило, в сырьевом секторе. Хотя и сосредоточенная все еще главным образом в странах ОЭСР пространственная модель ПЗИ и глобального производства меняется по мере того, как развивающиеся страны и страны с переходной экономикой становятся важными местами производства и точками приложения зарубежных инвестиций многонациональных корпораций. Наконец, некоторые новые промышленно развитые страны становятся важными источниками исходящих потоков ПЗИ, а развитие расположенных в этих странах многонациональных корпораций — не менее важный новый процесс. Этими особенностями современная стратификация глобального производства резко отличается от характерной для эпохи классического золотого стандарта.

Глобальное распространение и ускорение международной конкуренции — еще одно отличие от предшествующих эпох. Существование глобальной инфраструктуры связи почти в реальном времени сильно трансформирует способность компаний организовывать свою деятельность на глобальном уровне, их способность приспосабливать свои организационные формы и объемы производства к резким изменениям условий конкуренции и скорости перемещения товаров и услуг в сетях производства и распределения. В этом смысле транснациональный бизнес и производство приобрели разнообразные организационные формы, классическая же, сильно централизованная, вертикально интегрированная корпорация — лишь одна из них. Кроме того, все большее значение для многонациональных корпораций, похоже, начинает играть производство за границей.

Согласно ЮНКТАД, крупнейшие многонациональные корпорации становятся более транснациональными, чем, возможно, даже в самом недавнем прошлом (UNCTAD, 1997. Р- 8).

По вычислениям Дж. Даннинга, в 1982 г. иностранное производство составило 30% совокупных объемов производства 500 ведущих промышленных компаний мира (Dunning, 1993b, р. 37)- С тех пор его доля увеличилась еще больше. В течение 70-х гг. заграничные объемы продаж крупнейших 35⁰ компаний повысились с 30 до 40% их совокупных объемов продаж. Далее, в 1980 г. около трети всех их активов было расположено за границей (UNCTC, 1983, р. 48). Среди юо ведущих (нефинансовых) многонациональных корпораций (оцененных по их иностранным активам) заграничные объемы продаж составили в 1994 г. до 55.3% ^{их} совокупных объемов продаж. Кроме того, на эти же компании приходилась треть мировых объемов ПЗИ. Наконец, у тех из них, по которым есть данные, 49.5% активов и 46,9% всего штата расположены за границей (см.: UNCTAD, 1996, р. 30—3²)- Д^ля основных располагающихся в странах ОЭСР или в других регионах многонацио-

324

нальных корпораций деятельность за границей больше уже не была, как часто утверждают скептики, второстепенной (если она когда-либо вообще была таковой), а наоборот, все более и более центральной.

Кроме того, условия конкуренции и глобальные инфраструктуры способствовали транснационализации производства и распределения малыми и средними компаниями; таким образом, международная деловая активность больше не является территорией одних громадных империй, хотя они, конечно, по-прежнему доминируют. В этом смысле современная глобализация производства — это не только история развития многонациональных корпораций или увеличения ПЗИ, на что часто намекают многие скептики и гиперглобалисты, а нечто гораздо более широкое, охватывающее глобализацию бизнес-сетей. Тем не менее сегодня власть и влияние,

приобретенные глобальными корпоративными империями («Форд», «Дженерал Моторс», «Хешт», «Бритиш Петролеум» и т. п.), вероятно, больше, чем когда-либо прежде (Korten, 1995; Strange, 1996).

За последние три десятилетия транснациональное производство не только существенно расширилось, но и стало более институционализированным, поскольку стратегические союзы, субконтракты, совместные предприятия и другие формы договоров упорядочили внутрифирменные сети и операции (UNCTAD, 1997)- Распространение таких соглашений значительно облегчили либерализация контроля за ПЗИ и перемещениями капитала и снятие других ограничений. Во многом это является как бы возвращением к более открытому инвестиционному климату начала этого столетия, причем теперь свободному еще и от давления имперского господства и политики. Это влечет за собой изменение моделей стратификации: объемы потоков ПЗИ в страны второго и третьего мира увеличиваются, организация глобального производства способствует развитию нового глобального разделения труда, транснационализация бизнеса в развивающихся странах становится все более очевидной особенностью глобальной политической экономии (Strange, 1996; UNCTAD, 1997)-

Несмотря на некоторую, несомненно, сохранившуюся связь с прошлым, — скажем, с длительным воздействием имперских связей на европейские ПЗИ и многонациональные корпорации, — современная глобализация бизнеса и производства совершенно изменила то, «какие товары и услуги производятся, как, где и для кого» (Strange, 1996, р. 44)- Конечно, многонациональное производство по-прежнему составляет меньшую часть совокупных объемов мирового производства. Но его увеличивающаяся значимость влечет за собой далеко идущие последствия для экономической независимости и суверенитета национальных государств, хотя его определенное воздействие обусловлено моделями национального вхождения в сети глобального производства.

5.7 СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ В СЕТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В предыдущих разделах мы уже отмечали, что шесть стран ОЭСР, находящихся в центре нашего исследования, по-разному входят в сети глобального производства. Приблизительную оценку значимости инвестиций для экономики выбранных нами стран дает сравнение исходящих и входящих ПЗИ с ВВП. Значение иностранных многонациональных корпораций для национального производства

325

Таблица 5.12 Исходящие вложения ПЗИ в процентах от ВВП страны-инвестора, 1914 — 1994

1914	1960	1973	1980	1985	1994		
Франция		18,3	6,8	3,5	3,6	7,1	11,8
Германия		10,7	1,1	3,5	8,0	8,1	9,9
Япония		7,8	1,2	2,5	1,8	6,2	9,9
Швеция		—	2,9	5,8	4,5	11,6"	28,9
Великобритания		53,2	14,9	14,8	15,0	19,3 ^b	26,4
США		6,8	6,3	7,7	8,5	5,5	9,0

"1986.

^b 198/.

Источники: OECD, 1996с; Dunning, 1988; IMF, International Statistics Yearbook, разные годы

Таблица 5.13 Входящие вложения ПЗИ в процентах от ВВП страны-получателя, 1914 — 1994

1914	1960	1973	1980	1985	1994		
Франция				1,5 ^a	3,5	6,4 ^b	9,0
Германия		1,4	0,2		4,6	5,0	7,4
Япония				0,9	0,3	0,5	0,7
Швеция					2,9	4,3 ^c	11,4
Великобритания		1,6	6,9	8,2	11,8	13,1 ^d	18,2
США		3,7	1,5	1,3	3,2	4,4	7,2

^a 1975-

^b 1985-

^c 1986.

^d 1987

Источники: OECD, 19961.; Dunning, 1988; UNCTC, 1988; UN-TCMD, 1992; IMF, *International Statistics Yearbook*, разные годы

и иностранных ПЗИ для национальной экономики было рассмотрено в разделе 5-4-4-

Таблицы 5-12 и 5-13 подробно описывают исходящие и входящие вложения ПЗИ в экономику каждой из шести стран. Если во Франции и Великобритании объемы исходящих ПЗИ в их отношении к величине ВВП были в эпоху классического золотого стандарта значительно выше, чем сегодня, то в других четырех странах они существенно выше или остались примерно такими же. С учетом мирового господства экономик европейских стран в эпоху до Первой мировой войны эти перемены нисколько не удивительны. Но после войны в объемах исходящих ПЗИ всех шести стран наблюдалась тенденция к росту относительно их объемов производства (см. таблицу 5.12). Входящие же вложения ПЗИ (см. таблицу 5.13) теперь по сравнению с этими объемами выше, чем в эпоху до Первой мировой войны — во всех странах, за исключением Японии.

В Великобритании в послевоенный период объемы входящих инвестиций были постоянно высокими, отчасти вследствие ее относительно либеральной инвестиционной политики (см. таблицу 5-13)- То же самое наблюдалось и в США в конце 80-х гг. Историческая тенденция к превышению объемов исходящих ПЗИ

326

над входящими налицо в Швеции, Великобритании, Франции, Японии и Германии. В США же начиная с конца 80-х гг. их объемы были приблизительно равны, несмотря на наличие гораздо более высоких объемов исходящих инвестиций на протяжении большей части послевоенного периода. В конце 80-х гг. входящие и исходящие инвестиции в ценах того времени сравнялись, хотя в текущих ценах США остались главным источником ПЗИ. Теперь же, после бума американских исходящих инвестиций в 90-е гг., США является крупнейшим источником ПЗИ даже и в постоянных ценах.

5.8 ВНУТРЕННИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА

Глобализация бизнеса и производства делает экономики стран и судьбы обществ в них все более и более связанными. Согласно постулатам классической экономики, ПЗИ в принципе может иметь как положительное, так и отрицательное воздействие на благосостояние нации, но многие гиперглобалисты доказывают, что глобальные конкуренция и производство повышают эффективность мировой экономики, поскольку многонациональные корпорации способствуют углублению международного разделения труда; таким образом, вскоре страны станут специализироваться на производстве главным образом тех товаров, в которых они имеют относительное преимущество. Конкуренция уменьшает прибыль от монополии и усиливает потребность в инновациях. Итак, многонациональные корпорации считаются улучшающими эффективность экономик стран мира потому, что обычно у этих компаний более высокая, чем у внутренних фирм, производительность и их деятельность распространяет новые технологии и повышает уровень квалификации национальной рабочей силы (UN-TCMD, 1992; OECD, 1994&).

Но более критический взгляд показывает, что глобализация бизнеса способствует усилению расхождения между корпоративными приоритетами и приоритетами правительств стран и их граждан. На протяжении большей части послевоенного периода такая критика была распространена во многих странах, особенно в развивающихся. В последних деятельность многонациональных корпораций часто рассматривалась как искажающая приоритеты развития, ограничивающая развитие фундамента внутренней экономики и приносящая сверхприбыль, которая утекает из страны. Подобный критический анализ появился и в основных развитых странах, включая США; согласно ему, многонациональные корпорации переводят рабочие места и технологии за границу, а следовательно, подрывают основу процветания нации. Кроме того, способность корпораций организовывать производство на глобальном уровне понимается как дающая им структурную мощь, масштабы которой по сравнению с правительствами стран и рабочими огромны.

Труды скептиков о глобализации демонстрируют более традиционный взгляд на многонациональные корпорации, согласно которому они являются, по сути, национальными компаниями, осуществляющими международные операции и потому все еще поддающимися национальному управлению. Эти две противоположные точки зрения образуют контекст исследования воздействий на принятие решений, институциональных, дистрибутивных и

структурных воздействий глобализации производства на суверенитет и независимость шести рассматриваемых здесь развитых стран.

327

5.8.1 ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ГЛОБАЛЬНЫЙ БИЗНЕС И ПРОВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Сети глобального производства могут угрожать эффективности правительственной экономической политики различным образом, но особенно, изменяя издержки и выгоды от тех или иных выбранных альтернатив экономической политики и инструментов ее проведения.

Деятельность многонациональных корпораций воздействует на эффективность традиционных инструментов макроэкономической политики. К. Каулинг и Р. Сагден доказывают, что взаимосвязи между управлением спросом, использованием производственных мощностей и безработицей в развитых странах изменились (Cowling and Sugden, 1996). Влияние политики управления спросом на безработицу и объемы производства сегодня слабее, чем в первые послевоенные годы отчасти потому, что сейчас растущие прибыли в одной стране могут быть вывезены из нее многонациональными корпорациями и вложены в какую-то другую. Кроме того, многонациональные корпорации могут делать займы за границей, когда внутренние процентные ставки высоки, и наоборот, использовать преимущество низких внутренних процентных ставок, чтобы делать внутренние займы и затем финансировать за их счет различные проекты за границей. Это явно ставит под угрозу эффективность национальной валютной политики. Как крупные глобальные финансовые агенты, многонациональные корпорации также играют важную роль и в конъюнктуре курсов валют. Как было показано в гл. 4, хотя спекулянты могут инициировать атаки на валюту, это происходит, когда многонациональные корпорации (и институциональные инвесторы) сбрасывают данную валюту (даже в порядке профилактики), и давление на валютный курс в результате становится необратимым. Конечно, как уже отмечалось в предыдущих главах, начавшееся с 70-х гг. очевидное размывание эффективности национальных инструментов макроэкономической политики — это сложное явление, отчасти отражающее влияние других аспектов экономической глобализации и внутренних факторов.

Хотя упомянутая выше способность многонациональных корпораций переводить производство могла, казалось бы, снизить вероятность введения странами налога на капитал, ослабить их налоговую базу и все больше и больше перекладывать налоговое бремя на менее подвижные силы, скажем на рабочих, это совсем не обязательно происходит в действительности. У этой проблемы есть два ключевых аспекта: требование от правительств снизить налоги на капитал, чтобы сохранить и/или привлечь многонациональные корпорации и умение последних свести налоговые обязательства к минимуму посредством проведения политики варьирования цен. (Политика варьирования цен включает завышение или занижение многонациональными корпорациями цен во внутренних операциях с целью искусственного увеличения прибыли в странах с низкими налогами и снижения их в странах с высокими налогами.) С. Кассоу обнаружил, что ставки налога на корпорации и подоходного налога действительно влияют на исходящие потоки ПЗИ (Cassou, 1997); другие исследования были менее категоричны. Это не удивительно, поскольку налоги — лишь одна из статей тех расходов, с которыми приходится сталкиваться многонациональным корпорациям. Но в развитых странах ставки налога на корпорации в последние два десятилетия имели тенденцию как к падению, так и к конвергенции (OECD, 1991d; Tanzi, 1995> ch. 7).

328

То, насколько это обусловлено глобализацией производства и существенно для национальных налоговых поступлений, — не столь очевидно. Более определяющее значение имеют налоговые льготы и уступки, способствующие увеличению объемов входящих ПЗИ, так как именно с их помощью большинство стран конкурирует за ПЗИ. Таким образом, глобальная конкуренция за ПЗИ теперь начала охватывать сферу налогообложения. Но налоговое соревнование между государствами — и регионами внутри них — видимо, обречено на провал, ведя к расширению вводимых льгот, в то время как эффективность их падает. Тем не менее страны и регионы продолжают участвовать в этом «конкурсе красоты». Однако страны с низкими налогами выказали стремление к сопротивлению усиливающимся попыткам международного согласования ставок налога на корпорации.

Макроэкономическое значение политики варьирования цен остается неясным; поскольку же она по большей части незаконна, получить надежные данные о ней, очевидно, весьма трудно (Plasschaert, 1994)- Так или иначе, но существуют явные стимулы к проведению многонациональными корпорациями такой политики, а высокие объемы внутрифирменной торговли предоставляют для этого реальные возможности. Но компании отпугивает вероятность

преследования со стороны национальных налоговых органов, которые эту практику контролируют (по крайней мере, начиная с 70-х гг.) и регулярно обмениваются информацией о ней. Далее, политика колебания цен может входить в противоречие с внутренней отчетностью компании и ее системами управления. Все это показывает, что политика варьирования цен проводится весьма последовательно; однако для прибыли и государственных налоговых поступлений она имеет второстепенное значение. По оценкам Д. Роуссланга, политика варьирования цен приводит к тому, что многонациональные корпорации, за счет уменьшения налоговых платежей, экономят около 8 млрд. долларов, но это составляет примерно лишь 4% мировых налоговых поступлений от многонациональных корпораций в обрабатывающей промышленности (Rousslang, 1997)- Именно в области индустриальной политики, особенно континентальных европейских стран, воздействие международного производства, возможно, наиболее сильно. Попытки правительств некоторых стран, в частности Франции, проводить последовательную промышленную политику были резко изменены развитием многонациональных корпораций и сетей глобального производства. Способность переводить производство за границу подрывает значение промышленной политики выращивания «национальных чемпионов». Более эффективные стратегии требуют создания всеевропейских компаний (таких, как «Airbus»), которые были бы способны успешно конкурировать с американскими и японскими многонациональными корпорациями. Но это не значит, что национальная политика в сфере промышленности и технологии устарела. Несмотря на интернационализацию малых и средних предприятий, промышленная политика может проводиться с целью поощрить последние, особенно с учетом их способности обеспечить полную занятость внутри страны. В этом контексте глобализация производства влияет на издержки и выгоды от того или иного политического курса, выбранного из всего спектра существующих национальных индустриальных стратегий.

329

5.8.2 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Многонациональные корпорации имеют наибольшее значение в глобальной конкуренции. Торговля, как было показано в гл. 3> играет в ней ключевую роль, но большое значение имеет и многонациональное производство. Как было показано выше, вторжение транснационального производства в глобальную конкуренцию на внутренних рынках оказалось настолько масштабным, что множество фирм было вынуждено увеличить свои объемы производства до мирового уровня или уйти из бизнеса (Cantwell, 1989; Baily and Gersbach, 1995). Таким образом, глобальная конкуренция оказывает на основные проблемы корпораций и государств и на выбор более долгосрочных стратегий, с которыми сталкиваются многие внутренние фирмы, значительное воздействие.

Вначале глобальная конкуренция означала, что американские многонациональные корпорации глубже и дальше, чем когда-либо, проникли на иностранные рынки. В 70-е гг. европейские и японские компании сравнялись с американскими по объемам производства, став с этого времени их непосредственными конкурентами. Это отразилось на объемах потоков ПЗИ, поскольку многие многонациональные корпорации укрепляли и усиливали свою деятельность на основных мировых рынках. Как уже было отмечено, в 70-е гг. американские многонациональные корпорации уступили значительную часть рынка своим конкурентам. Один из важнейших показателей уровня глобальной конкуренции — то, что объемы прибыли многонациональных корпораций в высокотехнологичных отраслях промышленности невысоки ни по сравнению с национальными компаниями в том же секторе, ни по сравнению с компаниями в других секторах (Kapler, 1997; ср.: Graham, 1996). Если раньше многонациональным корпорациям иногда удавалось, используя свое преимущество перед конкурентами, достигать фантастических прибылей, то мощь современной глобальной конкуренции все больше и больше осложняет поддержание их на таком высоком уровне.

Хотя в различных отраслях и странах уровень глобальной конкуренции разный, развитие транснационального производства сделало ее более мощной и расширило ее географические масштабы. В итоге политическая и коммерческая риторика в большинстве стран ОЭСР пропиталась идеологией глобальной конкуренции, которая порождает институциональные проблемы, с которыми сталкиваются компании, профсоюзы и правительства (Hoogvelt, 1997; Thompson, 1998b).

5.8.3 РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ТРУД И ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Многонациональные корпорации часто считаются пагубными для труда. Полагают, что их способность организовывать производство на международном уровне усиливает корпоративную

мощь по сравнению с мощью труда, снижая заработную плату и ухудшая условия труда. Кроме того, они могут перевести технологии за границу, высококвалифицированные рабочие места вследствие этого уступаются странам с низкой зарплатой, и в результате в экономиках развитых стран рабочие после внедрения новых технологий зарабатывают меньше (Sachs and Shatz, 1994)-330

Однако данные по странам ОЭСР и по развивающимся странам свидетельствуют о том, что заработная плата в многонациональных корпорациях весьма высока, и хотя в этом играют свою роль и некоторые другие факторы, не совсем понятно, насколько значимыми они оказываются (OECD, 1994a; UN-TCMD, 1992). В некоторых отраслях промышленности, особенно в швейной и обувной, многонациональные корпорации часто критикуются за низкую заработную плату и плохие условия труда. В некоторых (но отнюдь не во всех) случаях они сопоставимы с существующими в национальных компаниях. В целом случаи самой низкой заработной платы и худших условий труда встречаются не среди филиалов многонациональных корпораций, а в национальных фирмах в развивающихся странах, работающих по контракту с многонациональными корпорациями (Barnet and Cavanagh, 1994> P- 310—338).

Перемещение производства с целью получить выгоду от низкой заработной платы особенно очевидно проявляется в таких отраслях промышленности, как швейная, обувная и спортивная; в послевоенный период многонациональные корпорации не только переместили производство в этих сферах экономики из стран ОЭСР в развивающиеся страны, но и последовательно переводили его из стран со средней заработной платой в страны с низкой. В последнее время эта практика получила широкое распространение. Западноевропейские многонациональные корпорации уволили рабочих в своих родных странах и в то же время расширили свой штат и свою деятельность в странах с более низкой заработной платой; так, в течение 90-х гг. швейцарско-шведские производители «АВВ» сократили 590⁰ рабочих мест в Западной Европе и Северной Америке, создав одновременно 56000 в других регионах, главным образом в Азии и Восточной Европе («Financial Times», 24 Oct. 1997> P-18). Более того, Дж. Хатзиус обнаружил, что потоки ПЗИ в Англию и Германию и из них, а также из Швеции стали более чувствительными к затратам на оплату труда; он предположил, что многонациональные корпорации в связи с этими затратами, видимо, находят теперь организацию производства за границей более простой (Hatzius, 1997a; 1997b). Эти затраты включают в себя не только заработную плату, но и затраты на трудоустройство уволенных, в том числе взносы работодателей в фонд социального обеспечения. В выше упомянутых странах давление на сферу социального обеспечения ведет к его ухудшению или перекладыванию большей части бремени на рабочих, благодаря более высоким взносам работодателей или благодаря тому, что социальное обеспечение становится частным делом. Конечно, как уже говорилось, многонациональные корпорации не могут перемещать производство за границу по одному лишь своему желанию. Р. Лоренс сравнил деятельность американских многонациональных корпораций в 1979 г. и десять лет спустя и установил, что, хотя заработная плата в развивающихся странах составляла 28,5% от средней заработной платы в той же самой сфере деятельности в странах ОЭСР, производительность труда в первых равнялась лишь 40>3⁰/о процентам производительности труда во вторых (Lawrence, 1994)' Такие разные уровни производительности, очевидно, ограничивают возможности для перемещения производства в страны с низкой заработной платой. Если вновь говорить об американских многонациональных корпорациях, то Лоренс обнаружил, что такое перебазирование в развивающиеся страны и оформление субконтрактных отношений с иностранными фирмами не объясняет паде-

331
ние занятости в американской обрабатывающей промышленности в полной мере. Правда, некоторые исследователи ставят этот вывод под сомнение (см.: Sach and Schatz, 1994)- Кроме того, как уже было отмечено выше, многонациональные корпорации стремятся быть в центре деятельности по разработке новых технологий и нуждаются в таких технологиях и квалифицированном персонале, а также в доступе на основные рынки. Конечно, если технология производства будет разработана таким образом, чтобы потом ее легко можно было реализовать с помощью низкооплачиваемых рабочих в развивающихся странах, то многонациональные корпорации найдут, что лучше всего переместить производство в эти страны. В этом смысле глобализация производства может способствовать увеличению разницы в заработной плате между квалифицированными и неквалифицированными рабочими внутри стран и между ними.

Если бы многонациональные корпорации могли бы перемещать производство без всяких

издержек, то это значило бы, что заработная плата детерминирована на глобальном уровне. Поскольку перемещение производства за границу все же влечет за собой некоторые издержки, в полной мере такого быть явно не может; но эти издержки падают, и потому мы можем ожидать, что заработная плата будет все больше и больше зависеть от факторов глобальной конкуренции. По аналогии со сферой торговли (см. гл. 3)> можно было бы спрогнозировать глобальную конвергенцию в области заработной платы, несмотря на то, что разница в ней между различными странами и типами рабочих все еще сохраняется. Но рабочие движения в таких странах, как Швеция, с высокими объемами транснационализированного производства теперь уже способны добиться значительных уступок от капиталистов. Таким образом, глобальная конвергенция уровней заработных плат маловероятна. В то же время в условиях глобализации баланс сил между рабочими и транснациональными капиталистами определенно нарушается в пользу последних (Kurzer, 1993)-

5.8.4 СТРУКТУРНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПЗИ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Поскольку многонациональные корпорации в странах ОЭСР занимают ведущие позиции в их экономике и в деле внедрения новых технологий, то они, безусловно, очень важны для их развития (см.: Cantwell, 1989). Подавляющее большинство исследователей занимается, однако, проблемой воздействия ПЗИ на страны-получатели. Как уже отмечалось, входящие ПЗИ играют ключевую роль в принуждении многих национальных компаний к производству в мировых объемах и стимулируют внедрение инноваций внутри страны — факторах, увеличивающих темпы развития производства. ОЭСР обнаружила, что во входящих в нее странах у иностранных филиалов наблюдается тенденция к более высокой производительности, чем у отечественных компаний, и что это положительно влияет на эффективность национальной экономики и ее развитие (OECD, 1994a). Внутренние ПЗИ также могут оказывать воздействие на это развитие через увеличение темпов технического прогресса, увеличение темпов движения стран к мировому уровню производительности и влияние на остальную часть экономики. Но эти данные неполны.

332

Рассматривая исследования иностранных филиалов в развивающихся странах, М. Кейвз заключает, что у них, «кажется, нет большого преимущества в уровне производительности, независимо от тех преимуществ в затратах на операции, которые выводят многонациональные корпорации на первое место (Caves, 1996, р. 227). Проведенные исследования выявили ряд последствий ПЗИ для экономического развития, некоторые из которых носят негативный характер. М. Блумс-трем и его соавторы установили, что ПЗИ были важным положительным фактором развития в странах со средним, но не с низким доходом (Blomstrom et al., 1992). И количественные, и качественные данные свидетельствуют, что существование ранее неких экономических учреждений и инфраструктур имеет крайне важное значение для получения побочных выгод от входящих ПЗИ, но что такие выгоды, однако, обычно невелики (Chan, 1995; Mello, 1997)- Это свидетельствует о том, что ПЗИ в целом оказывают исключительно положительное влияние лишь на те страны, которые уже достигли определенного уровня развития и имеют инфраструктуру и базовый опыт, которые необходимы для того, чтобы выдержать заданные темпы роста.

Далее, некоторые скептики утверждают, что эффективность экономик стран мира непосредственно связана с эффективностью конкурирующих с этими экономиками на мировых рынках и базирующихся в родных для себя странах многонациональных корпораций (и наоборот). Если последние эффективны, то эффективна будет и экономика данной страны, поскольку накопление прибылей происходит внутри нее. С другой стороны, гиперглобалисты полагают, что легкость, с которой базирующиеся в своих родных странах многонациональные корпорации могут перемещать свое производство, вовсе не предполагает существования необходимой взаимосвязи между национальной экономической эффективностью и эффективностью базирующихся в своих родных странах многонациональных корпораций. Роберт Райх, например, доказывает, что в условиях экономической глобализации они больше не связаны непосредственно (Reich, 1991)- Существует целый ряд фактов, относящихся к этой проблеме. Например, Дж. Кантуэлл установил, что связь между эффективностью торговли стран и эффективностью базирующихся в своих родных странах многонациональных корпораций различна (Cantwell, 1989, ch. 5—6). В 1974 г. связь между эффективностью американских и английских компаний в отдельных отраслях

промышленности и эффективностью экономик данных стран была незначительной; однако во Франции, Германии, Италии и Японии она была гораздо сильнее. К 1982 г. в США и Англии, а также во Франции эта связь стала гораздо слабее. В целом же эффективность базирующихся в своих родных странах многонациональных корпораций не обязательно оказывает прямое воздействие на эффективность национальной торговли. Другие исследователи также обнаружили важные различия между эффективностью многонациональных корпораций и эффективностью экономики их родной страны. Так, доли США и Швеции в мировых объемах экспорта промышленных товаров за последние двадцать лет сильно снизились, в то время как объемы экспорта иностранных филиалов американских и шведских многонациональных корпораций, напротив, сначала выросли, а затем стабилизировались на достигнутом уровне (Blomstrom and Lipsey, 1989, 1993; Kravis and Lipsey, 1992). Другой характерный пример: когда США пережили снижение объемов экспорта передовых технологий, то к американским многонациональным корпораци-

ям это практически не относилось. Другими словами, американские и шведские компании сохранили и укрепили свою конкурентоспособность в мире — отчасти за счет производства, рассчитанного на экспорт за границу. В Японии картина не столь ясная, но и здесь, когда доля Японии в мировом экспорте в конце 80-х гг. упала, доля в нем японских многонациональных корпораций продолжала расти. Несмотря на острый дефицит систематических данных, все это наводит на мысль о том, что с течением времени глобализация производства ведет ко все большему разрыву между эффективностью экономик стран мира и эффективностью расположенных в этих родных для себя странах многонациональных корпораций. Кроме того, этот процесс, по-видимому, особенно резко проявляется в высокотехнологичных отраслях промышленности, где прибыль от инноваций должна быть, как ожидается, выше всего. Существенны и более широкие последствия этого. Как уже отмечалось, правительства стремились поддерживать расположенные в своих странах многонациональные корпорации и создавать благоприятный для ПЗИ инвестиционный климат, но это совсем не обязательно увеличивает национальную экономическую эффективность. Все же размах и экономическое значение ПЗИ и многонациональных корпораций, особенно в государствах ОЭСР, по сравнению с уровнем экономической активности в этих странах таковы, что нужды многонациональных компаний не могут игнорироваться. Зависимость национальной экономической политики от этих потребностей может иметь серьезные последствия (и не все из них положительные) для структуры экономики и ее эффективности.

5.8.5 СТРУКТУРНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: КОРПОРАТИВНАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ?

Для гиперглобалистов, таких как К. Омаэ, развитие многонациональных корпораций и сетей глобального производства способствует появлению безграничной экономики, в которой контроль со стороны правительства становится расплывчатым (Ohmae, 1990). Скептики же, наоборот, доказывают, что ни деятельность многонациональных корпораций, ни транснационализация производства не определяют более интегрированную глобальную экономику, в которой междunarодный бизнес остается «весьма „национально встроенным“»; таким образом, «он не выходит за рамки контроля со стороны национального правительства» (Hirst and Thompson, 1996b, p. 98). Оба этих лагеря, однако, склонны искажать характер современной трансформации производства и ее взаимоотношений с государственной властью. Если гиперглобалисты придерживаются антагонистической точки зрения — корпоративная власть против государственной власти, то скептики полагают, что существование гигантских корпоративных империй и сетей регионального/глобального производства в корне способно отдельных правительств регулировать «национальную экономику» не изменяет.

При этом и те и другие упускают из виду не только сложные взаимосвязи между корпоративной и государственной властью, но и те пути, по которым глобализация производства усиливает структурную власть корпоративного капитала. Это не значит, что многонациональные корпорации программируют действия правительств или что они делают государства излишними. Скорее эта точка зрения предполагает, что глобализация производства трансформирует условия со-

здания и распределения богатства и одновременно трансформирует весь контекст, в котором реализуется государственная власть, и инструменты этой реализации. В этом отношении глобализация производства формирует новый и непростой баланс сил, при котором национальным правительствам еще только предстоит приспособиться к новому мировому производственному порядку.

5.9 ВЫВОДЫ

Сегодня глобализацию производства осуществляют в значительной мере многонациональные корпорации. Их доминирование в мировом производстве, торговле, инвестициях и передаче технологий не имеет прецедентов. Даже в тех случаях, когда многонациональные корпорации совершенно определенным образом располагаются на территории конкретной страны, заинтересованы они прежде всего в глобальной прибыли. Многонациональные корпорации выросли из национальных фирм, применявших международные инструменты для более полного использования своих конкурентных преимуществ. Однако теперь их во все большей мере используют для углубления и реализации этих преимуществ совместные предприятия и стратегические союзы, позволяющие распределять издержки технологических нововведений. Однако рост глобализации производства не сводится к деятельности только многонациональных корпораций. За последние три десятилетия наблюдается рост глобальных производственных и распределительных сетей, стимулируемый как производителями, так и потребителями. Таким образом, глобализация производства и распределения больше не сводится к деятельности многонациональных корпораций, но охватывает также и малые и средние предприятия.

Тем не менее многонациональные корпорации остаются стержнем современной мировой экономики. На долю около 53000 многонациональных корпораций приходится по меньшей мере 20% (по некоторым оценкам — 30%) мирового производства и, по отдельным оценкам, до 70% мировой торговли. (Dunning, 1993b, p. 14; Strange, 1996, p. 47; Perraton et al, 1997; UNCTAD, 1998). Несмотря на региональную концентрацию производства, транснациональные деловые сети охватывают три важнейших региона мировой экономики, связывая судьбы разбросанных по миру обществ и государств в сложную сеть взаимосвязей. Вопреки скептикам, многонациональные корпорации — это не только «национальные фирмы, занимающиеся операциями за рубежом», но и не «свободные от географии корпорации», странствующие по миру в поисках максимальной прибыли, как утверждают гиперглобалисты (Ни, 1992, Reich, 1991). Просто они занимают куда более важные позиции в функционировании мировой экономики, чем это было в прошлом, и играют ключевую роль в организации географически протяженных и мощных транснациональных сетей координированного производства и распределения продукции, и эта их роль и позиция исторически уникальны. Многонациональные корпорации и глобальные производственные сети играют жизненно важную роль в организации, размещении и распределении производственных мощностей в современной мировой экономике. Это отражается и в изменении характера мировой миграции, к рассмотрению которой мы перейдем в следующей главе.

6 ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Одна из форм глобализации распространена больше, чем любая другая — это человеческая миграция. В самом широком смысле слова миграция означает передвижение людей, их географическую передислокацию — временную или постоянную. Люди всегда были в движении, всегда перемещались на большие расстояния. Причин этих передвижений может быть много: победоносные армии и империи, сметая все на своем пути, вступали на новые территории; побежденные и обездоленные бежали на защищенные земли в поисках более безопасного убежища; поработанных отрывали от их домов и уводили в страну поработителя; безработные и полубезработные искали себе работу; преследуемые просили политического убежища; а любознательные и рискованные всегда путешествовали, носимые ветром и жаждой открытий. В этой главе исследуются исторические формы мировых миграций с помощью той концептуальной линзы, которая была описана во Введении. Ключевые понятия, которые могут понадобиться для того, чтобы выделить модели перемещения, таковы: их *экстенсивность* и *интенсивность*, их *скорость* и *воздействие* на места, куда люди прибывают, и места, которые они оставили, на государства и общества — воздействия, которые обнаруживают значительное *неравенство* и возникают отчасти из-за *иерархии* власти среди разных групп мигрантов и коренных жителей. Кроме того, важно рассмотреть транспортные и коммуникационные *инфраструктуры* и *институты*, которые обслуживают глобальные рынки труда и миграционные потоки. Уильям Мак-Нейлл утверждал, что по форме большую часть миграций, известных в человеческой истории, можно охарактеризовать с помощью двух отличий, одно из которых — географическое, а другое — социальное; с этой точки зрения миграции бывают центральные и периферийные,

элитарные и массовые (McNeil, 1978). Миграции элит чаще всего были вызваны военными завоеваниями на периферии государств и империй, после чего начиналось заселение пограничных районов аристократией и ее слугами. Они могли сопровождаться одиночными перемещениями миссионеров, торговцев и бюрократов, также как и массовыми перемещениями кочевников и крестьян, ищущих новые, менее населенные земли. У Мак-Нейл отличает такие миграции на периферию от потоков, устремленных к центру: элиты мигрируют к центрам политической власти и экономической деятельности, в города и поближе к королевскому двору, в то время как деревенский бедняк и мастеровой стремятся в город в поисках работы. Модель Мак-Нейл хорошо подходит для большей части человеческой истории, поскольку такие понятия, как «центр» и «периферия», «город» и «село», дают более точное представление о политическом пространстве, чем демаркационные линии, обозначающие государственные границы. Действительно, можно сказать, что именно такие перемещения, направленные от центра, способствовали установлению и расширению внешних пределов политического контроля государства или империи, а не пересечения неизменных политических границ. Составлять географическую

336

карту миграций, происходивших до возникновения национальных государств — значит одновременно составить и представление об изменяющемся характере и расположении государственных границ.

6.1 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИЯ

В этой главе глобализация рассматривается как процесс, связанный с перемещением людей по регионам и континентам, будь то перемещения в поисках работы, образование диаспор или процессы завоевания и колонизации. Кроме того, мы будем использовать понятие «глобализации миграций» применительно к трансокеанским и трансконтинентальным перемещениям, которые предшествовали формированию национальных государств: например, потоки африканских рабов в северную и Южную Америку в XVI—XIX вв., когда в Африке не было еще ни одного из известных ныне национальных государств. Конечно, не все международные перемещения были глобальны в такой же степени. Массовый исход этнических немцев из Восточной Европы и Советского Союза, начавшееся сразу же после окончания Второй мировой войны, или потоки из Иберии и Италии в Северную Европу в 50-х гг. XX в., с учетом пограничного или близкого расположения государств и стран, охваченных этими потоками, могут считаться разновидностью *регионализации*, или региональной миграции.

Если географическая экстенсивность моделей миграции — величина переменная, то об интенсивности потоков можно сказать то же самое. Показателем интенсивности может служить численность мигрантов в соотношении с остающимся на родине и коренным населением. Кроме того, как уже отмечалось, имеет значение и то, является ли миграция элитарным или массовым явлением. Такие качественные факторы важны при оценке показателей интенсивности. Поэтому мы старались использовать как относительные, так и качественные способы измерения миграции. Быстроту или скорость миграции можно оценивать двумя способами. Во-первых, мы можем рассматривать передвижение людей по регионам в данные периоды времени, принимая за отрезок времени промежуток между началом и завершением массовой миграции. Во-вторых, мы можем рассматривать скорость с точки зрения индивида, — т. е. учитывая время, которое требуется мигранту на то, чтобы он или она, покинув свои родные места, устроились в новой стране, давшей им приют. Ясно, что основное различие в этом отношении было произведено изменениями в транспортной технологии.

Какие сферы социальной жизни охватывают и преобразуют модели миграции — глобальные и прочие иные? Большая часть литературы по миграции посвящена проблемам движения труда. Мы же описываем прежде всего то, что представляет собой движение народов, а не труда; даже если труд и был в большинстве случаев причиной их миграций. Движение рабочих в поисках заработка, представляющее собой реакцию главным образом на колебание рыночных сил, на соотношение спроса и предложения, является всего лишь одним, хотя и важным, аспектом массовой миграции людей на планете. К тому же процесс миграции переплетается с действием политических, военных и культурных структур, будучи одной из их составляющих (см. гл. 1, 2 и 7). Даже поверхностный взгляд на происхождение миграционных процессов подтверждает это. Модели военной гло-

337

бализации, завоеваний и колонизации, порождают новые потоки колонизаторов из стран-победительниц в страны, потерпевшие поражения, или потоки беженцев из районов, охваченных войной, в места, где можно найти убежище. Соответственно, воздействие глобальных и

региональных образцов миграции на страны, откуда идут потоки, и на страны, к которым они устремляются, нередко — как и следовало ожидать — бывает разнообразным. Зная, что модели миграции переплетаются с моделями экономического, культурного и политического взаимодействия и преобразуют их, мы можем ожидать воздействия миграции во всех этих областях. Наиболее очевидно, что миграция затронула модели труда и занятости. Однако едва ли можно охватить все экономические последствия миграции только через проблемы занятости и труда. Например, крупномасштабная миграция китайских семейств и их капиталов из Гонконга в западную Канаду в 80-х и в начале 90-х гг. оказала экономическое влияние главным образом не на рынок труда, а на изменения во владении фирмами, рынки жилья и преобразование международных моделей торговли в нынешней провинции Британская Колумбия и в Ванкувере. Точно так же главное воздействие на алжирскую экономику миграции из Алжира во Францию состояло, вероятно, не в сокращении уровня внутренней безработицы. Куда серьезнее было воздействие перевода твердой валюты на платежный баланс и подрыва официального обменного курса в результате неофициального хождения валюты на черном рынке.

Кроме того, люди мигрируют, перенося с собой свои культуры. И создание поселений и миграционных общин ведет к возникновению новых социальных отношений между соотечественниками, оставшимися на родине, и эмигрантской общиной, эмигрантами и коренным населением — отношений, которых раньше не было. Появление иммигрантских общин, сохраняющих или не сохраняющих тесные связи с их прежним местом жительства, создает и преобразует модели культурного влияния и социальной идентификации. Присутствие иммигрантского сообщества неизбежно наводит на мысль о сравнении и контрасте культуры иммигрантов с культурами местными. Миграция людей сопровождается движением новых идей, религий, верований и т. д.

Движение людей происходит, конечно, не в вакууме, но должно быть организовано и сориентировано во времени и пространстве. Для миграции требуются инфраструктура и институты транспорта, связи и регулирования. От транспортных и коммуникационных инфраструктур зависит стоимость, степень риска, скорость и масштаб потенциальной миграции. Наличие дешевого транспорта и телекоммуникаций влияет на степень контакта, поддерживаемого иммигрантскими общинами со своей прежней родиной. Но и независимо от этих инфраструктур миграции всегда — формально или неформально — координировались и регулировались. Даже бегство побежденного и обездоленного будет неофициально координироваться каким-нибудь ведомством по делам беженцев или агентством той страны, куда он направляется, которое следит за правилами въезда, или же каким-нибудь из международных агентств. Современные мигранты путешествуют по миру, в котором международное право начинает оказывать влияние на внутреннее законодательство, а международные организации контролируют миграционные процессы и вмешиваются в них (см. выше, раздел 1.3-3)-Межрегиональный или трансконтинентальный уровень развития обеих инфра-

338

структур и регулирования отразится и непосредственно повлияет на глобализацию самой миграции.

Стратификацию глобальной и региональной миграции можно произвести, воспользовавшись такими понятиями, как неравенство места происхождения и места назначения. Неравный доступ в те или иные группы в разных местах и относительная мощность миграционных потоков и государственных учреждений, которые их контролируют и формируют, дают представление об иерархии власти. Различие, которое проводит У. Мак-Нейл между элитарной и массовой миграцией, указывает не только на их разный социальный состав, но также и на то, что разные социальные группы облают разными возможностями и накопленными ресурсами, необходимыми для миграции и успешного вхождения в состав других сообществ и освоения на других территориях. Эта властная иерархия среди мигрантов соотносится с иерархией государственных мощностей, поскольку разные страны имеют неодинаковые возможности управлять передвижениями населения, сохранять нерушимость своих границ и формировать структуру международных миграционных режимов.

Эти понятия составляют терминологический словарь, с помощью которого можно описать и сравнить главные исторические формы глобальной и региональной миграции. Однако качество имеющихся исторических данных о миграции меняется от эпохи к эпохе и в зависимости от государства. О пределах государственной власти в досовременную и раннюю современную эпоху можно судить на основании минимального количества доступных для нас данных переписи, на

основании этнического состава государств или уровней миграции. С какой целью в эпоху, когда так мало людей были гражданами, стали бы государства производить подсчет своих подданных или выяснять их происхождение? О масштабах миграций в досовременную и раннесовременную эпоху часто приходится судить на основании отрывочных и косвенных данных, которые относятся главным образом к сфере экономики и торговли. Основу же современного национального государства составляет целостность его территориальных границ, и различия между гражданами государства и иностранцами разграничены в современных национальных государствах. Четко обозначенная территория, принадлежность и национальная идентичность являются основой существования любого национального государства, что находит свое отражение в систематическом сборе миграционных данных, хотя делать, опираясь на них, какие бы то ни было обобщения нужно с большой осторожностью (Wagner et al, 1991; Zlotnik, 1989).

В разделе 6.2, не забывая об этой осторожности, мы очерчивает масштабы и формы человеческой миграции вплоть до окончания Второй мировой войны. Мы начинаем исследование с досовременных миграционных процессов, которые обеспечивают нас контекстом, необходимым для понимания последующего развития. Поэтому мы обращаем особое внимание на глобальную экспансию европейских империй и глобальные экономические взаимосвязи, которые она породила. Мы доказываем, что эти империи сформировали условия, необходимые для начавшейся эры глобальной миграции, которая принципиально отличается от более ранних периодов. Разумеется, эпоха глобальной миграции с 1500 по 1945^г - не была единообразной. Мы отличаем раннесовременный этап географически экстенсивной, но в социальном отношении менее интенсивной миграции, длившийся вплоть до конца XVIII в., от этапа интенсивной и массовой глобаль-

339

ной миграции XIX—XX начала вв. Этот современный период, кроме того, обнаруживает новые и отличающиеся друг от друга модели региональной миграции, обусловленные разными моделями индустриализации. Данный период завершается великими мировыми войнами XX в., которые сопровождаются экономическим сдвигом, серьезно ограничившим глобальную рабочую миграцию, но вызвавшим волну насильственных передвижений, особенно в Европе.

В разделе 6.3 мы исследуем современные модели миграции. Мы считаем, что к 1990 г. глобальная (и региональная) миграция по своему географическому масштабу и интенсивности приблизилась к более ранним эпохам, но отличается от них своей географией, социальным составом и инфраструктурой. В главе 6.4 мы обобщим собранные данные, сравним и противопоставим различные исторические формы глобальной миграции, и в разделе 6.5 рассмотрим различия, которые в этом плане обнаруживают выбранные нами шесть развитых капиталистических стран. Далее мы исследуем демографические, экономические и политические влияния миграции на национальные государства, после чего в заключении проанализируем влияние этих потоков и моделей на автономию и суверенитет шести наших стран.

6.2 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Крупномасштабное передвижение людей и народов имеет чрезвычайно долгую историю (Pagan, 1990; Emmer, 1993)- С появлением первого еще рудиментарного государства, около 6 тыс. лет назад, человеческая миграция приобрела политические границы, совпадая с ними и вместе с ними изменяясь. Кочевники пересекали континенты и сколачивали новые империи. Уже существующие политические образования внезапно приходили в движения и начинали расширять свои пределы. Миссионеры и купцы, пересекая континенты, несли с собой религиозные представления и навыки экономической деятельности. Некоторые аспекты этих процессов были освещены в гл. 1 и 2, когда шла речь о географии государств и вооруженных столкновений. В этой главе мы представим исторический очерк основных маршрутов глобальной миграции, начиная с возникновения земледельческих цивилизаций.

6.2.1 ГЛОБАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В ДОСОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ЭКСТЕНСИВНОСТЬ И ИНТЕНСИВНОСТЬ

Самые ранние массовые переселения происходили в Азии. В центре ее располагается китайская цивилизация, границы которой проходят по руслу великих рек (Lee, 1978; Diamond, 1997)- В периоды расширения империи — которые приходятся на III в. до н. э. и IV—V вв. н. э. — происходила миграция как элиты, так и масс населения в направлении севера, юга и запада. Переселения часто поддерживали и стимулировали различные китайские

правительства, снаряжая и организовывая военные походы, зачастую сопровождаемые миграцией гражданского населения, принимавшей внушительные размеры. Подсчитано, что за 25 лет, начиная с 200 г. до н. э., под покровительством династии Хань, мигрировало около 2 млн. человек. Этот огромный поток мигрантов сопоставим по своим размерам лишь с массовой миграцией XVIII—XIX вв., хотя с географической точки зрения он но-

340

сил скорее региональный, нежели глобальный характер. В противоположном направлении двигались орды кочевников, обитавших к северу от великой стены, которые периодически, накопив достаточно сил и организовавшись, вторгались в глубь самого Китая, кроме того, они нередко пересекали просторы Азии и доходили даже до Европы и Ближнего Востока. Монгольская империя, существовавшая с XII по XIV вв., произвела целый ряд следовавших одна за другой волн завоеваний и мигрантов, устремившихся сначала в Китай, где монголы насадили свою правящую династию, а позднее и на запад. Индийская цивилизация претерпела серьезные изменения после захвата ее арийцами в первые века н. э., а принявшая ислам династия Великих Моголов серьезным образом изменила ее еще раз. После чего из этих регионов вплоть до XIX в. не исходило уже никаких серьезных военных угроз и сопровождающих войны миграционных потоков. Наконец, следует отметить, что в то время, когда на уже на заселенных территориях происходили все эти ранние миграционные движения, островитяне Полинезии начали совершать дальние морские плавания и осваивать тихоокеанские острова, достигнув в начале первого тысячелетия незаселенную Новую Зеландию, а спустя несколько сотен лет — Гавайи и Восточные (Лау) острова.

Возвышение ислама на Ближнем Востоке и тот моральный и воинственный дух, который он пробудил в арабских кочевых племенах, послужило мощнейшим толчком для возникновения внешних миграционных потоков. Завоевания кочевников и их расселение, изменившие этнический состав всего этого региона, в первые столетия существования ислама происходило под руководством сначала арабов, а затем египтян. За этими масштабными передвижениями последовали не столь многочисленные, но важные в другом отношении миграции: на юге — в сторону западной Африки, на востоке — из Судана на ту территорию, где сейчас находится Нигерия; затем на смену им из центральной Азии пришли турецкие племена, которые со временем завоевали Византию и образовали Османскую империю. Уход ислама из Испании был компенсирован его распространением на Балканы и вдоль побережья Индийского океана — до Малайзии и Индонезийского архипелага.

В Африке в результате образования пустыни Сахара между 3000 и 1000 гг. до н. э. миграция между районами южнее Сахары и Северной Африкой прекратилась, зато на юге наблюдается устойчивый поток мигрантов из саванны в лесные районы Восточной Африки. Племена, относящиеся к языковой группе банту и населявшие те территории, где в настоящее время находится Камерун и Нигерия, начали постепенно распространяться за пределами своей территории, причем процесс их распространения состоял отчасти из миграции, отчасти из завоеваний. Будучи народом земледельческим, они и по численности, и в военном отношении превосходили африканские племена охотников-собирателей. Научившись в V в. до н. э. обрабатывать железо, банту увеличили скорость своей экспансии и ок. 100 г. н. э. вышли на побережье Индийского океана, а приблизительно в 250 г. достигли северной части нынешней провинции Натал (Curtin, 1997)-

Суахили в период с XII по XV вв. основали разветвленную сеть мигрантских поселений, портов и торговых точек от Персии и берегов Персидского залива вдоль всего побережья Восточной Африки. Народ хауса, исповедующий ислам, в период с 1300 по 1800 гг. мигрировал из Западного Судана на территорию, которая известна сейчас как Северная Нигерия, создавая в этом регионе новые госу-

341

дарства и султанаты. В Северной и Южной Америке ацтеки, инки и майя, живущие соответственно в Мексике, Южной и Центральной Америке, периодически расширяли свои территории путем завоевания или миграции вплоть до прибытия испанцев (Fernandez-Armesto, 1995)-

Античный период европейской цивилизации отмечен интенсивными передвижениями греческих и римских армий и поселенцев, установлением обширных финикийских колоний, работорговлей, процветавшей на побережье Средиземного моря, широкой сетью торговых связей, охватывавшей Северную Африку, Месопотамию и Левант. Затем северные кельты и германские племена из

степей Евразии начали расселяться по Европе к Северу от Альп. В результате варварских завоеваний и падения Западной Римской империи в V в. до н. э. состав населения Европы изменился. Но даже и после этого варварские королевства и их средневековые наследники в течение целого ряда столетий испытывали приливы и отливы населения: в конце I тыс. н. э. — нашествия из степей славянских кочевых племен, устремлявшихся на Балканы, в центральную Европу и европейскую часть России; в VIII в. — проникновение мусульман в Иберию; основание крестоносцами ряда государств на территории Леванта; завоевание скандинавскими народами, а потом и заселение Нормандии, Англии, Шотландии, Исландии и Гренландии. В ходе средневековых завоеваний, осуществленных германскими рыцарскими орденами и сопровождаемых миграцией немецких крестьян, была проведена колонизация и обращение в христианство Балканского и Балтийского регионов, а также северной части Финляндии. Наконец, начиная с падения Западной Римской империи и до X в. еврейская диаспора с восточного побережья Средиземного моря распространяется на территории Испании, Португалии, Италии, Франции, Англии и Германии, после чего происходят массовые изгнания евреев из Англии (1209), Франции (1306), Испании (1496) и Португалии (1496), в результате чего еврейское население концентрируется на востоке, главным образом в Польше, Литве и на Украине.

По всей Европе на протяжении периода средневековья искусные ремесленники и мастера, знающие горное дело, металлургию и текстильное производство, стекались к промышленным центрам (Bartlett, 1994). Представители правящей элиты и рыцарских орденов, благодаря военным завоеваниям и династическим бракам, были в этом отношении еще мобильнее: так, например, Гогенцоллерны переехали с итальянского полуострова на берега Балтики; нормандские аристократические дома переместились через Францию в Скандинавию, Англию и Сицилию; Габсбурги были соединены семейно-брачными отношениями со всей Европой. Религиозные меньшинства подвергались массовым гонениям в эпоху религиозных войн XVI—XVII вв., самым знаменитым из которых было изгнание 500 тыс. гугенотов из Франции.

6.2.2 РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ РАННЕГО СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА

Начиная с XVII в. в результате конфликтов в восточной, южной и центральной Европе между Австрией, Пруссией, Россией и Османской империей происходили массовые перемещения этнических групп и постоянные изменения границ. Государства и империи, проводя политику меркантилизма, старались привлечь к себе

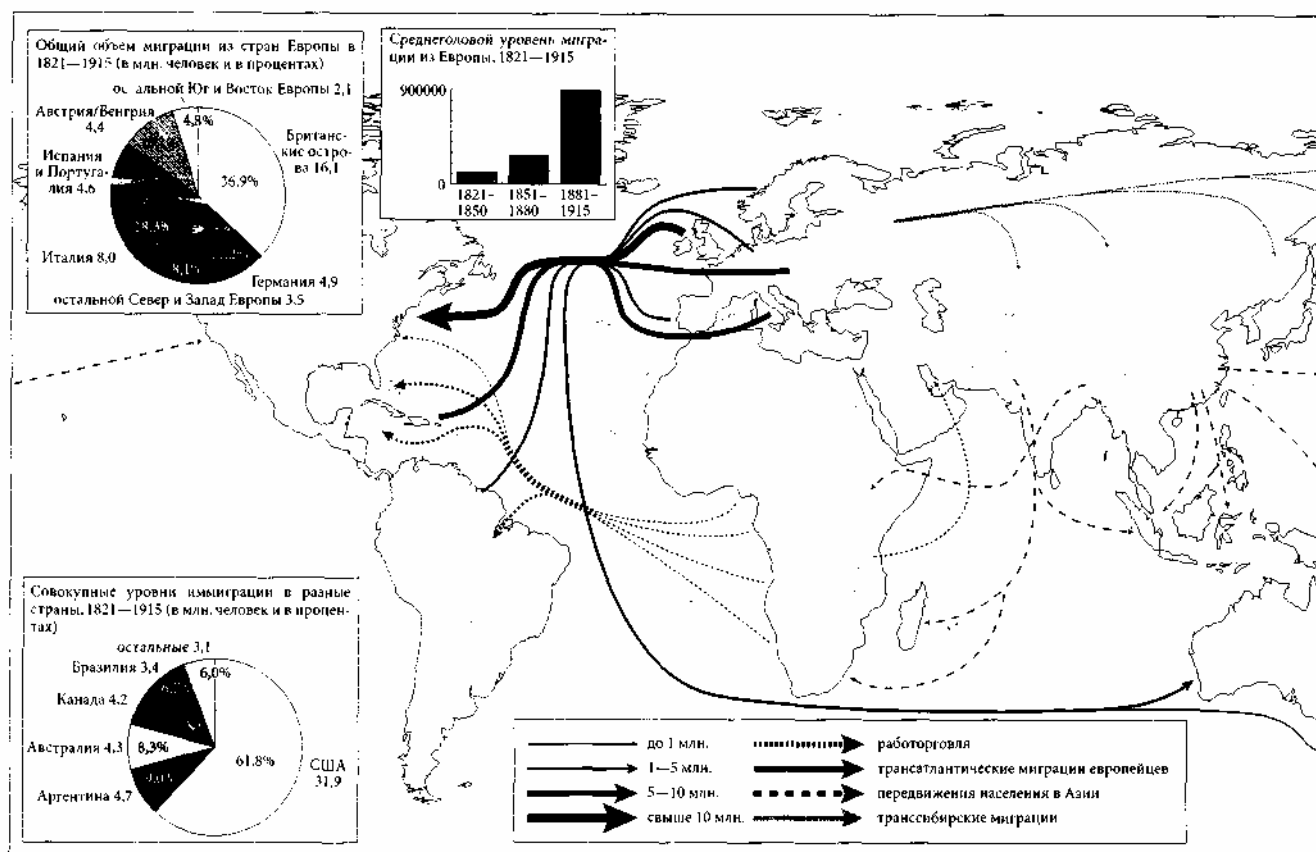
342

как можно больше квалифицированных рабочих, например: голландцы направлялись в Германию и Англию для проведения работ по осушению земли; Петр I приглашал в Российскую империю ремесленников и мастеров оружейного дела (Lucassen, 1987). Кроме того, в XVIII в. началось массовое движение народов, населяющих Россию, в восточном направлении, что привело к колонизации Сибири царской империей.

Если исходить из данного нами определения глобализации, то большую часть этих миграций — по степени их экстенсивности — следует считать скорее региональными, чем глобальными (хотя проникновение ислама в Африку, Европу и Восточную Азию относится к процессам миграции глобальной). Они, как правило, были связаны с переносом государственных границ и переделом политического пространства, хотя наряду с этим существовало и движение людей через границу. Тем не менее следует отметить, что с конца XVI в. уровень миграции значительно возрастал и в результате экономических перемен и военных столкновений, происходивших в Европе (см. гл. 1, 2, 3 и 4). Ранний период европейской экспансии вовсе не был легким и не требовавшим никаких усилий, напротив, он происходил в условиях, когда технология и военное дело в Европе еще не были развиты, поэтому уровень миграции, начавшейся после завоевания Нового Света, был крайне низким (Fernandez-Armesto, 1995). В географическом отношении заокеанские завоевания европейцев превзошли почти все прежние войны и миграции, но по своей интенсивности и надежности они вначале оставались на низком уровне. Тем не менее три модели глобальной миграции и переселения из Европы или под контролем европейских держав возвестили о начале эпохи миграции, которой суждено было превзойти всех своих исторических предшественников, как по своему размеру, так и по интенсивности (см. карту бл). Эти три модели суть следующие: миграции, которыми завершилось завоевание и заселение европейцами обеих Америк и Океании; трансатлантическая торговля рабами, которая поддерживала экономическое развитие колоний; и массовый приток рабочих из Азии, который компенсировал их нехватку, вызванную отменой рабства.

6.2.3 ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАССОВЫХ МИГРАЦИЙ: МОДЕЛИ МИГРАЦИИ РАННЕСОВРЕМЕННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Хотя по своему демографическому составу европейская миграция была довольно пестрой, а в географическом плане носила сложный и неравномерный характер, мы можем уловить в ней массу основных элементов того процесса, который Альфред Кросби назвал *биологической экспансией Европы* — перемещением европейских народов, флоры, фауны и микробов в Америку и Океанию, т. е. те части света, которые в течение тысячелетий находились в экологической и социальной изоляции от Европы (Crosby, 1983). Началом того мощного потока, который устремился за Атлантический океан, принято считать 1492 г., хотя внешняя экспансия Европы началась тремя или даже четырьмя столетиями раньше и была только приостановлена экономическим и демографическим кризисом, разразившимся в XIV в., а также ограниченными возможностями европейских судов совершать плавание в открытом море. Что характерно для неожиданных открытий, сделанных в Америке и Океании, так это то, что европейцы не встретили здесь почти никакого вооруженного сопротивления и никаких угроз от местных эко-

Карта 6.1 Основные направления глобальных миграционных потоков, 1600—1915 (источник: Kenwood and Loughheed)

344

систем. Европейская экспансия на заселенные территории Азии и Африки, носившая аналогичные масштабы, растянулась почти на три века, что объясняется целым рядом причин: изначальной плотностью живущего здесь населения, относительной устойчивостью государств и опасностью, исходившей со стороны как микро-, так и макроэкологической среды. Неудивительно поэтому, что значительные и долгосрочные европейские поселения в Африке до середины XIX в. были сосредоточены только на ее северной и южной оконечностях (Алжир, Южная Африка, Зимбабве), поскольку и в азиатских странах не было массовых европейских поселений, за исключением укрепленных точек колониальной торговли и немногочисленной истощенной бюрократии. (О крошечной колонии европейских эмигрантов в Голландской Ост-Индии и Капской колонии см.: Lucassen, 1995; Curtin, 1997). Теперь мы подробно рассмотрим экстенсивность и интенсивность людских передвижений, последовавших за европейскими завоеваниями и колониальными захватами.

В XVI—XVIII вв. европейская миграция в Южную, Северную Америку и Океанию шла медленными темпами (Bailyn, 1986; Kenwood and Loughheed, 1989; Baines, 1991). Первые полтора

века преобладала Испания: за это время около полумиллиона испанцев пересекли Атлантический океан, тогда как численность португальцев, переселившихся в Бразилию, составила всего лишь 70000 человек (данные об испанских эмигрантах приведены в: Morner, 1976; сомнения по их поводу см.: Altman, 1995)– Европейское население на островах Карибского моря также было незначительным. Накануне американской революции численность колонистов — самая высокая по сравнению со всеми другими европейскими колониями — составляла не более 2—3 млн. человек. Что касается Океании, то здесь вообще не было ни одного постоянного европейского поселения. Причиной тому были издержки и риск, сопровождавшие трансатлантическую миграцию, а также опасности, подстерегавшие в самих колониях, и невысокий уровень жизни колонистов. Большинство европейцев, мигрировавших в Северную Америку, были выходцами из Британии, хотя общая численность эмигрантов, переселившихся в североамериканские колонии из Британии и Ирландии, к 1776 г. составляла всего лишь миллион человек, численность же выходцев из Германии, Голландии и скандинавских стран была еще меньше. Французские эмигранты создавали поселения на нынешней территории США, в Квебеке и к северу от него. Однако в результате поражения в Семилетней войне, потери американских колоний и разразившейся Французской революции французская миграция за океан сократилась. Голландцы, португальцы и испанцы, создававшие в XVII—XVIII вв. торговые точки и форты в Африке и на побережье Тихого океана, были не более чем каплей в общем потоке европейских мигрантов. В начале XIX в. темп и масштаб миграций увеличился. Возможно, это связано с появлением регулярного и более надежного транспортного сообщения. Стоимость билета 4 класса (для палубных пассажиров) на пароход из Европы до Нью-Йорка снизилась с 40 долларов в 1870 г. до 20 в начале XX в. (Zolberg, 1997)– Но главная причина этого миграционного потока носила характер экономический. С одной стороны, в Европе в результате индустриализации образовался колоссальный избыток сельскохозяйственных рабочих, а с другой, в это же самое время процесс индустриализации бурными темпами происходил в США и других государствах, основанных европейцами, богатых свободными землями, но ис-

345

пытывавших острую нехватку рабочих рук. Огромные массы мигрантов со всех стран устремлялись за океан в период, начавшийся после наполеоновских войн и закончившийся Первой мировой войной. Оценки масштабов миграции колеблются в интервале от 50 млн. человек в период между 1850 и 1914 гг. до 46 млн. в период с 1850 по 1915 гг.: 44 млн. из Европы и около 2 млн. — из Азии. Подавляющее их большинство направлялось в Северную и Южную Америку, а из них большая часть следовала в США. Основная масса европейских переселенцев устремилась сюда после 1880 г. Приток европейских мигрантов в США до 1880 г. составил 11—12 млн., тогда с 1880 по 1915 гг. он достиг численности в 32 млн. человек (Kenwood and Loughheed, 1989). Произошел сдвиг и в географическом отношении: до 1880 г. большую часть мигрантов составляли выходцы из стран северной и западной Европы, а после 1880 г. — из стран восточной и южной Европы, особенно из Италии. Третью часть всех мигрантов поставляли Британские острова, причем эта весьма ощутимая их доля сохранялась довольно долгое время. Эмиграция из Германии, наоборот, после 1880 г. заметно уменьшилась.

Вообще говоря, англичане и ирландцы, как правило, ехали в США, британские доминионы с белым населением — в страны Карибского моря; немцы — в США и в небольшом количестве в Аргентину и Бразилию; итальянцы — в США и Латинскую Америку, испанцы и португальцы — главным образом в Латинскую Америку. Подавляющее большинство выходцев из стран южной и восточной Европы устремлялось в США. Активный экспорт сельских бедняков из Европы всячески поощрялся.

В середине XIX в. в Британии, Швеции и Германии были установлены ограничения на въезд эмигрантов, тогда как во Франции были введены ограничения на выезд. Всяческую помощь мигрантам оказывали государственные учреждения, профсоюзы, филантропические организации и колониальные общества. Министерство по делам колоний и эмигрантов, учрежденное в Англии в 1840 г., продавало земли в Австралии и на вырученные средства оказывало помощь эмигрантам. Местные налоги также были снижены для малоимущих эмигрантов. Подобного рода помощь оказывалась мигрантам и в Германии, особенно после революции 1848 г. После 1850 г. финансовая помощь исходила в основном от колониальной администрации и заинтересованных лиц, особенно в Австралии и странах Латинской Америки, которые стремились к тому, чтобы сравняться с Северной Америкой. Пересылка денег от эмигрантов была важным фактором, который содействовал тому, что в дальнейшем эмигрировали и их родственники (Kenwood and

Loughed, 1989). В этом отношении модели миграции становились институциональными. Хотя война и экономические кризисы были главными факторами, положившими конец этим беспрецедентным миграционным потокам, уже и самих Соединенных Штатах предпринимались попытки установить за ними политический контроль. Перед самым началом Первой мировой войны расистски настроенные и организованные рабочие выступили с требованием ограничить и взять под контроль миграцию их Азии в США. При активной поддержке со стороны многих государственных деятелей все громче звучали призывы ввести принудительные меры контроля над эмигрантами из Азии и положить конец их притоку, пока наконец в 20-х гг. XX в. Верховный Суд США не постановил исключить китайских, японских и индийских мигрантов из числа натурализовавшихся и лишить их

346

американского гражданства (Zolberg, 1997). После Первой мировой войны трансатлантическая миграция приняла новые очертания. США стали все более жестко ограничивать въезд в страну европейских эмигрантов, одновременно с этим привлекая нелегальных рабочих-мексиканцев и широкие массы чернокожих и белых малоимущих сельскохозяйственных рабочих с юга для обеспечения потребностей развивающейся промышленности на севере и западе страны. За два года до начала Первой мировой войны в США эмигрировало 3,3 млн. человек. В середине 20-х гг. эта цифра снизилась почти до 300 тыс. человек в год, а в 30-х уменьшилась до 100 тыс. Объем ежегодной миграции в процентном отношении ко всему населению снизился с 1,23% в 1914 г., до 0,05% в период с 1932 по 1945 гг. (данные взяты из: Mitchell, 1983). Поэтому в процентном отношении европейских мигрантов, переезжавших в Латинскую Америку и Океанию, было больше, хотя по абсолютным числам перевес был незначительным. Тем не менее перепись 1920 г. зафиксировала максимальное преобладание белого населения в США.

6.2.4 РАБОТОРГОВЛЯ

Завоевание и заселение Америки европейцами первоначально было связано с другим массовым передвижением XVII—XVIII вв. — работорговлей — насильственным перемещением людей главным образом с территории Африки, расположенной южнее Сахары, через Атлантический океан в Северную и Южную Америку и на острова Карибского моря (Curtin; 1969; Fox-Genovese and Genovese, 1983; Blackburn, 1988, 1997). Истребление коренного населения Америки и островов Карибского моря привело к тому, что созданная обширная империя, будучи богатой землями, испытывала сильную нехватку рабочих рук. Несмотря на преимущества европейской системы наемного труда и заманчивые экономические перспективы, в XVII—XVIII вв. немногие европейцы готовы были отправиться за океан. Поэтому приобретение рабочей силы для Нового Света осуществлялось сначала чрезвычайно насильственным методом. Атлантическая торговля рабами продолжалась в течение более четырехсот лет, с середины XV до середины XIX вв. Она опиралась и пересекалась с обширной работорговлей на побережье Индийского океана, связывавшей Восточную Африку с Ближним Востоком, Османской империей и европейскими колониями в Индийском океане. Точные данные, разумеется, отсутствуют, но по приблизительным подсчетам в период с 1500 по 1900 гг. около 4,3 млн. человек было вывезено из Северо-восточной, Восточной и Центральной Африки на Ближний Восток и Аравийский полуостров (Clarence-Smith, 1989). Порабощение европейцами африканцев началось уже с середины XV в., когда португальские моряки, плавающие вдоль побережья Африки, начали снабжать возникающий европейский рынок домашними рабами. Но только с появлением колоний в Америке и на островах Карибского моря, где вскоре появились крупные сельскохозяйственные плантации, начался бум, приведший к сильному увеличению масштабов работорговли. К началу XVIII в. португальцев догнали англичане и начали поджимать французы и голландцы, так что в результате между Европой, Африкой и Америкой образовались трехсторонние рыночные отношения по обмену мануфактурой, рабочей силой, продуктами сельского хозяйства. Число африканцев, перевезенных через Атлантический океан, вызывает горячие споры и оценивается в промежутке от 5 до 20 млн. человек. Современные истори-

347

ки остановились на том, что за время с 1445 по 1870 гг. было перевезено около 9—12 млн. человек (Curtin, 1969; самые последние подсчеты этого автора, которые мы здесь приводим, см.: Curtin, 1997). Примерно 325 тыс. рабов (3% всех грузов) было перевезено в XVI в., в XVII в. их численность возросла до 1,9 млн. (16%), в XVIII — до 6,7 млн. (58%), в XIX в. — составила 2,6 млн. человек (23%).

Охота за рабами, которую вели как европейцы, так и африканцы, началась в XVI в. на побережье

Западной Африки южнее Сахары, а затем распространилась в глубь материка: уменьшение численности населения и степень его социального бесправия приняли характер чудовищный, а вместе с тем резко изменился и этнический состав, а также экономическая и культурная жизнь на юге США, в странах Карибского моря и на территориях Латинской Америки, принадлежавших Испании и Португалии. Большая часть рабов поставлялась в Бразилию и на острова Карибского моря. За три века в Бразилию было доставлено свыше 4 млн. рабов. Если в начале XVIII в. было чуть больше 300 тыс. рабов, то уже сто лет спустя в Британских и Французских владениях их насчитывалось свыше миллиона. В 1835 г. на Ямайке на 20 тыс. белого населения приходилось 300 тыс. чернокожих: весьма характерное соотношение для европейских колоний на островах Карибского моря. В 1860 г. 34% населения южных штатов Америки составляли рабы: 3,8 млн. человек при общей численности в 11 млн. (Kenwood and Lougheed; 1989). Данный демографический баланс не был результатом увеличения масштабов насильственной миграции в Соединенные Штаты, поскольку на долю США приходилось менее 10% процентов от общего объема работорговли. Скорее всего, это результат того, что американские работорговцы сами заботились — безжалостно и систематически — о приросте уже находящегося у них в рабстве населения. Разумеется, невозможно перечислить все нравственные, политические и экономические последствия, которые имела работорговля, и представить более подробный очерк ее истории.

6.2.5 АЗИАТСКАЯ ДИАСПОРА: ТРУД ПО КОНТРАКТУ

С отменой рабства и окончательного прекращения работорговли в середине XIX в. началась массовая миграция рабочих из Азии — так называемых «кули». Это позволило колониальной экономике заменить рабский труд, а Австралии, например, обрести источник чрезвычайно дешевой рабочей силы в тот самый момент, когда использовать труд каторжников из Британии стало почти невозможно (Tinker, 1997; Potts, 1990; C. Clarke et al., 1990). «Кули» работали в основном по краткосрочным контрактам, которые предусматривали штрафные санкции и обязывали их возместить транспортные расходы, условия же их труда отличались дикостью, соответствующим был и размер оплаты. Точно подсчитать приток рабочей силы из Азии довольно трудно. Сезонный, а зачастую и нелегальный характер миграции еще больше затемняет проблему, но не вызывает никаких сомнений тот факт, что уже в конце XIX — начале XX вв. имел место крупномасштабный наплыв рабочих из Индии, Китая, Японии и с острова Ява в США, британские, французские и голландские колонии в Азии, Африке и на островах Карибского моря. То была подлинно глобальная миграция.

Вероятно, самой статистически значимой миграцией XIX в. был наплыв рабочих из Индии. Этот миграционный поток состоял из рабочих, с которыми заклю-

348

чали договор и отправляли в британские и другие колонии, рабочих, подписавших краткосрочный контракт, чиновничьего и управленческого персонала, обслуживающего отдаленные районы британских колониальных владений, и более независимых мигрантов из числа элиты, желавших не упустить открывающихся финансовых возможностей. Приблизительные подсчеты численности этого потока показывают, что с 1834 по 1937 гг.¹⁷ 30,2 млн. человек выехало из Индии, из них 24,1 млн. вернулись назад, в итоге получается, что «настоящих» мигрантов было примерно 6 млн. человек (Tinker, 1974; Potts, 1990). А. Сегал предлагает меньшее число: по его подсчетам, численность «настоящих» мигрантов в период с 1815 по 1914 гг. составляет около 3 млн. человек (Segal, 1993). Географический размах этой миграции был огромным. В пределах тихоокеанского региона индусы направлялись в Бирму, Малайзию, Сингапур, Австралию и на Фиджи; в одну только Малайзию их переехало 4–5 млн. человек. За время с 1838 по 1918 гг. около 500 тыс. индийских рабочих мигрировало в Британские колонии на островах Карибского моря, и около 300 тыс. в течение 1834—1867 гг. переехало на остров Маврикий, принадлежавший Франции (Vertovec, 1995). Кроме того, индийцы мигрировали в Танзанию, Кению, Мали, Зимбабве, Южную Африку и Уганду (Thuara, 1995).

Сопоставить эту миграцию можно лишь с широкомасштабными потоками китайской миграции — временными, сезонными и постоянными, которые захлестнули всю Юго-восточную Азию и устремились в США (и, в меньшей степени, в Европу). В США они составили костяк той рабочей силы, с помощью которой прокладывались американские железные дороги и производились землеройные работы время золотой лихорадки в Калифорнии (Hui, 1995). Китайских рабочих можно было встретить и на голландских плантациях на Суматре, и в Трансваале. Если учесть разнообразие и нелегальный характер поставки «кули», неизбежную отрывочность статистических данных, то не стоит удивляться, что существуют разногласия по поводу общего

объема этих миграций. Предполагают, что максимальная численность мигрантов из Юго-Восточной Азии составляла /5° тыс. человек ежегодно. С. Ван подсчитал, что за сорок лет — с 1848 по 1888 гг. — из Китая мигрировало около 2,35 млн. человек (S. Wang, 1978). А. Сегал предполагает, что численность мигрантов в период с 1815 по 1914 гг. составляла 12 млн. человек (A. Segal, 1993)- Эти (довольно прибыльные) сделки по найму рабочей силы совершались в основном в южных районах Китая.

Японская миграция, часть которой составляли рабочие по контракту, началась с 60-х гг. XIX в., когда реставрация Мэйдзи положила конец длившейся веками самоизоляции Японии от остального мира. В 70-х гг. была зафиксирована крошечная струйка эмиграции из Японии на Гавайи и другие южные острова Тихого океана. На рубеже XIX—XX вв. спад внутренней экономики послужил толчком для эмиграции, и японцы хлынули на западное побережье Северной Америки — в Канаду и Калифорнию. После Первой мировой войны в результате ограничений права на иммиграцию, введенных в США, эти все возрастающие потоки повернулись в сторону Южной Америки, где возникли японские общины — в Перу, Аргентине и — самые многочисленные — в Бразилии: в эту страну за время с 1908 по 1941 гг. прибыло 188 тыс. японских мигрантов (Shimo, 1995)- По официальным данным, общая численность мигрантов за период с 1900 по 1942 гг. составила около 620 тыс. человек (Ministry of Foreign Affairs, 1971).

Иммиграция в Японию была гораздо меньше. Официальные данные свидетельствуют о том, что в 349

1910 г. иностранцев, приехавших на постоянное жительство в Японию, было всего 15 тыс. человек, а к 1930 г. их численность возросла только до 54 тыс., что составляло менее 0,1% населения Японии. Во время Второй мировой войны это число резко возросло, поскольку усиливающиеся репрессии японских оккупантов в Корее заставили многих корейцев отправиться в Японию в качестве рабочих.

Наконец, значительное количество наемных рабочих составляли жители Микронезии и Меланезии. С 1840 по 1915 гг. около 250 тыс. тихоокеанских островитян направились на работу в Перу, на острова Фиджи и Гавайи (Potts, 1990)- Постепенно, в начале XX в., система работы по контракту сошла на нет, но в Голландской Ост-Индии она просуществовала до 1941 г.

6.2.6 РЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ И РАННИЙ ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Как мы уже выяснили, миграция труда между европейскими странами имеет долгую историю. Более того, эти передвижения рабочих перекрывались динамикой имперского и национально-государственного строительства и трансатлантическими миграционными процессами. Тем не менее имеются достаточно веские основания предполагать, что индустриализация в Европе в начале XIX в., увеличивающийся разрыв в экономическом благосостоянии разных стран и появление пересекающих весь континент железнодорожных путей сообщения — все это послужило причиной новой, неуклонно возрастающей волне региональной миграции.

Вообще говоря, мы можем разделить всю Европу на страны-импортеры рабочей силы и страны-экспортеры, хотя иногда бывает довольно трудно разграничить эти две категории. Швеция, например, после Первой мировой войны превратилась из экспортера рабочей силы преимущественно в импортера. Германия и Британия, несмотря на импорт рабочей силы, в конце XIX — начале XX вв. продолжали поставлять мигрантов за океан. Основными странами, принимавшими у себя мигрантов, были Британия, Франция, Германия и Швейцария. Основными странами-экспортерами были Польша, Ирландия и Италия. Испания и Португалия принимали слабое участие в этих миграциях, но зато от них шли потоки рабочей силы в их бывшие колониальные владения в Латинской Америке.

Самой притягательной страной для европейской эмиграции была Франция, у которой в XIX в. уровень трансатлантической эмиграции и миграций в колониальные владения был невысок, а темпы индустриализации были скорее медленными по сравнению с другими европейскими государствами (Cross, 1983; Hollifield, 1992). Объясняется это тем, что «во Франции вплоть до начала XX в. не было сколько-нибудь серьезного оттока сельского населения, который и обеспечивал такие страны, как Англия и Германия, рабочей силой. Таким образом, французский капитализм, нуждавшийся в рабочем классе, в силу нежелания крестьян оставлять свои фермы, вынужден был импортировать рабочие руки из-за границы» (Hollifield, 1992). Иностранцы составляли основной костяк рабочих, занятых в угледобывающей и сталелитейной промышленности, но их можно было встретить и в сельском хозяйстве, сфере

услуг и на транспорте. Наряду с относительно небольшими внутренними миграциями, поток рабочих во Францию устремлялся из Бельгии и Италии, Испании и Португалии, из Германии и Австро-Венгерской империи, а так же из Голландии, России и Польши. В 1850 г. иностранцы составля-

350

ли 1,1% всего населения, увеличившись до 3% перед Первой мировой войной и до 6,6% в середине 30-х гг. XX в.; это соотношение практически не менялось до 1900 гг. В абсолютных числах количество мигрантов во Франции увеличилось с 380 тыс. человек в 1851 г. до 1,6 млн. в 1911 г. (Mitchell, 1992).

Германия, наоборот, не давала разрешения на въезд и постоянное жительство в том объеме, в каком это допускала Франция (Homze, 19967; Herbert, 1990). Данные о количестве иммигрантов в Германии до 1900 г. не зафиксированы, данные же, имеющиеся о первом десятилетии XX в., показывают, что их численность составляла в то время 49 тыс. человек, в 1900-х гг. она возросла до 841 тыс., а в 30-х снова резко уменьшилась до 413 тыс. Эти числа почти наверняка ниже фактических, так как с 1880 г. был разрешен въезд в Пруссию польским сезонным рабочим. Они заполнили вакуум, образовавшийся в результате массового переезда немцев в города, и стали недорогой рабочей силой, которая обеспечивала надежный доход юнкерам. В 1871 г. около 0,5% населения Германии составляли лица иностранного происхождения, но к 1910 г. этот процент увеличился до 1,9 — почти в четыре раза (Mitchell, 1992). Это был самый высокий уровень свободной эмиграции в Германию, после которого численность официально зарегистрированных иностранцев снижалась до середины 50-х гг. XX в. Тем иностранцам, которые, к своему несчастью, оказались в Германии к началу войны в 1914 г., пришлось остаться здесь до ее окончания: этот опыт повторили потом нацисты, которые с 1939 по 1945 гг. пригоняли в Германию в качестве рабочей силы гораздо большие массы людей (Herbert, 1990). Низкий уровень иммиграции в Германию резко контрастировал с более высокими уровнями эмиграции. В 70-х гг. XIX в. эмигрировало более 700 тыс. немцев — главным образом в Северную Америку. Это количество почти удвоилось в 80-х гг., а в период с 1910 по 1919 гг. снизилось до 91 тыс. (Mitchell, 1992; см. также: Nugent, 1995)-

Великобритания в период индустриализации по-прежнему оставалась главным источником трансатлантической миграции, но в то же время стала ощущать значительный наплыв иностранной рабочей силы (Foot, 1964; Garrard, 1971)- Отчаянная ситуация в Ирландии породила устойчивый поток мигрирующих через Ирландское море, который заполнил брешь, образовавшуюся на рынке труда в результате массового отъезда в США жителей Уэльса и Шотландии. С конца XIX в. эти потоки пополнились евреями, уезжавшими из России и стран Восточной Европы, а также итальянцами и литовцами. Эмиграция из Великобритании в 70-х гг. XIX в. составляла более 2,2 млн. человек, оставаясь на том же уровне в течение и следующего десятилетия. В 80-х гг. он снизился до 1,7 млн., а затем снова возрос до 2,8 и 2,3 млн. человек в первые два десятилетия XX в. Перед тем как США в начале 20-х гг. строго ограничили право на въезд, эмиграция, общая численность которой за предыдущие десять лет составляла 1,5 млн. человек, резко пошла на спад, составив в 30-х гг. всего лишь 242 тыс. человек. Максимальный уровень ежегодной эмиграции составлял 0,8—1,0% от общей численности населения. Тогда как иммиграция в Британию, даже на своем пике, который приходится на годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, никогда не достигала уровня 0,5% населения. Тем не менее общее число иммигрантов в Великобританию за период с 1910 по 1919 гг. составляло более 1,3 млн. человек, что вдвое больше по сравнению с уровнем 70-х гг. XIX в. и втрое — по сравнению с уровнем 30-х гг. XX в. (Mitchell, 1992).

351

В Швеции, несмотря на стремительную и успешную индустриализацию, начавшуюся после 80-х гг. XIX в., уровень эмиграции в течение этого периода был весьма значительным (Norman and Runbolm, 1976; Mitchell, 1992; Djerde, 1995). В 70-е гг. более 270 тыс. шведов эмигрировали в другие страны, а ежегодный уровень эмиграции составлял 1,2% всего населения. В последующие десятилетия ситуация не улучшилась, и в 80-х гг. из Швеции эмигрировало 363 тыс. человек, а в 90-х — 233 тыс. Тем не менее в 20-е гг. XX в. уровень ежегодной эмиграции снизился до 68 тыс., а в 30-х — до 25 тыс. человек в год. Иммиграция в Швецию за этот период была значительно меньше: 65 тыс. человек в 80-е гг. и 83 тыс. — в первое десятилетие XX в. Причем иммиграционные потоки оставались довольно стабильными, поэтому в 30-х гг. количество иммигрантов было втрое больше, чем количество эмигрантов.

6.2.7 МИГРАЦИЯ В ПЕРИОДЫ МИРОВЫХ ВОЙН

В течение всего чересчур затянувшегося XIX в. (1760—1914) основной движущей силой миграционных потоков был экономический фактор. В XVII в. перед многими европейцами, испытывавшими религиозные гонения и мечтавшими о богатствах далеких экзотических стран, открылась возможность начать в Америке новый путь экономического развития. Что же касается африканских рабов и азиатских рабочих, то они испытали на себе все тяготы экономической эксплуатации, сопровождаемой как неприкрытым, так и узаконенным насилием. Несмотря на то, что в XIX в. работорговля была запрещена, масштаб и территориальный охват европейской и азиатской миграции продолжали расти до начала XX в. Однако огромные миграционные потоки были практически остановлены Первой мировой войной. Когда же в 1918 г. пороховая завеса над миром развеялась, ситуация изменилась; в колониях снизилась потребность в европейской, азиатской и африканской рабочей силе; во многих странах все большую силу обрела политика, вдохновляемая духом национализма и национальной исключительности, направленная в том числе и на ограничение иммиграции, что замедлило темпы глобальной миграции. Тяжелая экономическая ситуация в Европе после Первой мировой войны, которую еще более усугубил мировой экономический кризис 30-х гг., обусловила чрезвычайно низкий уровень глобальной миграции в период между двумя мировыми войнами (Zolberg, 1997) •

Однако локальная миграция в Европе, вызванная войнами и этническими конфликтами, была довольно значительной. Поляки мигрировали с территорий, принадлежавших прежде России и Австрии, в новое независимое польское государство. В то же время немцы ушли из восточной Польши и перебрались в Веймарскую республику. Около 1,1 млн. русских, бежавших от революции, очутились в Европе до 1922 г. Еще до Первой мировой войны начался поток армян, бежавших от турецкой резни, этот поток продолжался и в начале 20-х гг., в результате общая численность армянских мигрантов составила около полумиллиона человек. После греко-турецкой войны в начале 20-х гг. 1,2 млн. греков перебрались из Турции в Грецию (Kulischer, 1948). Первую мировую войну вели друг с другом преимущественно империи, и хотя конфликты на национальной и этнической почве составляли отчасти причину миграций, они поблекли по сравнению с тем значением, какое обрели во Второй

352

мировой войне и в период хрупкого мира послевоенной эпохи. Огромные массы людей бежали от наступающих германских армий, а немцы сгоняли миллионы людей в концентрационные лагеря, которые находились в основном в Польше. После окончания войны около 6 млн. этнических немцев, живущих в Польше, бежали в Германию и еще около 4 млн. мигрировало из советской зоны оккупации на запад. Так как государственные границы Польши сдвинулись в западном направлении, 3 млн. поляков пришлось мигрировать с территории старой Польши (принадлежащей теперь Советскому Союзу) в новую Польшу. Около 2,5 млн. немцев мигрировали из Чехословакии в Австрию и Германию.

Первое время после войны по-прежнему происходили и значительные по своему масштабу насильственные миграции. Около 700 тыс. палестинцев были выселены с территории вновь образовавшегося государства Израиль (В. Morris, 1987; Adelman, 1995); Индия и Пакистан после разделения обменялись 15 миллионами беженцев; а в начале 50-х гг. около 5 млн. корейцев мигрировали с севера на юг (Zolberg, 1997). Тем не менее, как мы еще увидим, в Европе и на всем Западе в послевоенное время снова усилилось значение экономических факторов, в то время как в развивающемся мире все более важную роль в образовании миграционных потоков стали играть именно войны и процесс формирования государств.

6.3 СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИИ

Если географическая экстенсивность и интенсивность миграций в период до 1914 г. и в период, начавшийся после 1945 г. -> вполне сопоставимы друг с другом, то не может вызывать никаких сомнений тот факт, что миграционные потоки в эпоху, начавшуюся после Второй мировой войны, значительно усилились по сравнению с периодом между двумя войнами. В современном мире вряд ли найдется государство или часть мира, которые не принимают никакого участия в импорте или экспорте рабочей силы (см. карту 6.2). После краха европейского и советского коммунизма появились новые области для миграционных потоков, которые прежде были абсолютно закрыты. Потоки эти устремились не только в те страны, которые входят в состав ОЭСР, хотя, конечно, значительная часть устремилась именно к ним. Значительные миграции происходят в Юго-Западной Африке, на Ближнем Востоке, в северной Африке, в африканских странах, расположенных южнее Сахары, и в Латинской Америке. Во всех этих территориях наблюдаются как

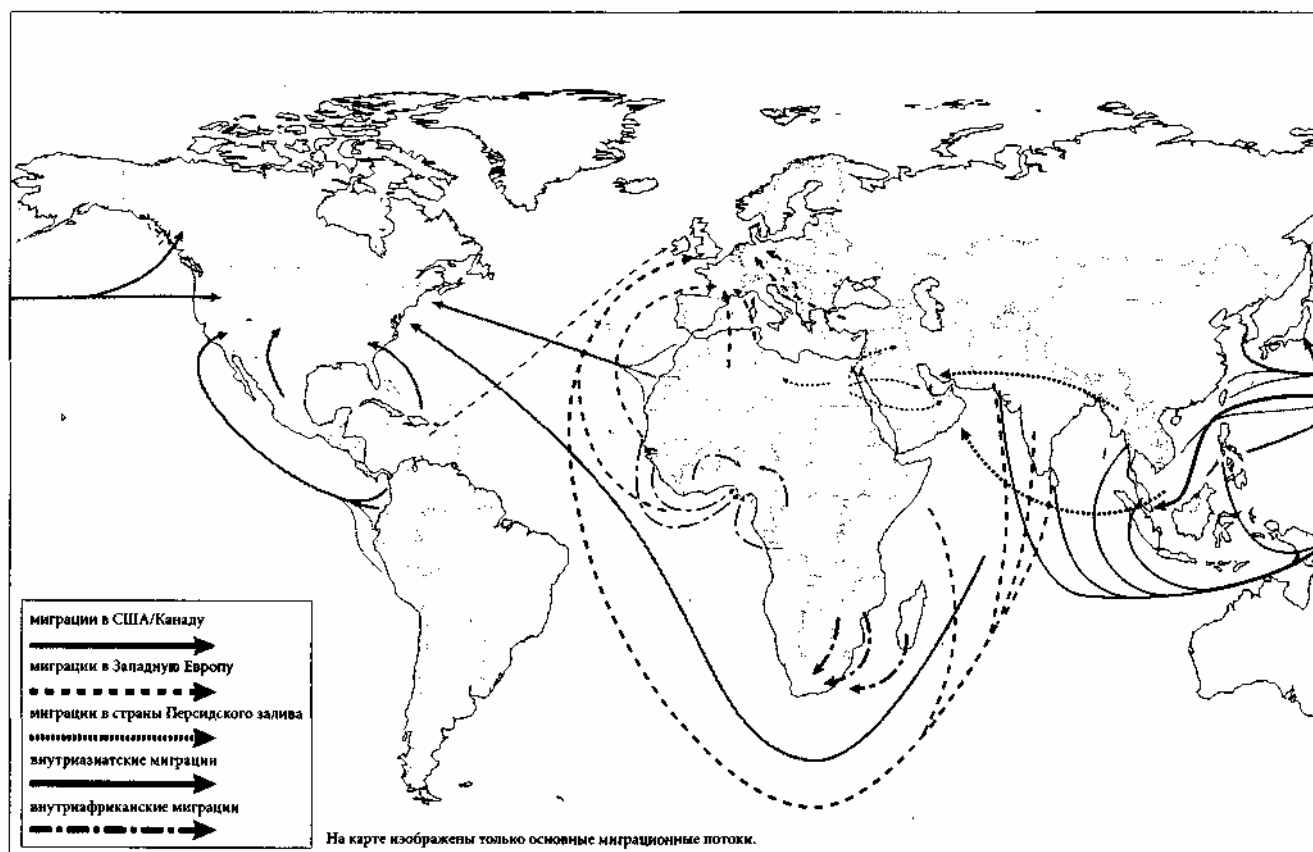
глобальные, так и региональные миграционные потоки. В этом обзоре мы попытаемся разграничить понятия глобальной и региональной миграции и описать их взаимосвязи.

6.3.1 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Новейшая эпоха миграции начинается с конца Второй мировой войны (см. раздел 6.2.7).

Схематизировать географию и временные рамки послевоенной миграции сложно. С точки зрения географической экстенсивности и интенсивности наиболее значительными являются экономические миграционные потоки в страны ОЭСР, в Восточную Европу, Океанию и Северную Америку. Тем не менее эти потоки не вполне однородны.

В Западной Европе миграция в первые послевоенные годы носила региональ-

Карта 6.2 Основные глобальные миграционные потоки, 1945—1995

354

ный характер. Затем миграция в европейских странах значительно расширилась в географическом отношении. В 50—60-е гг. Бельгия, Франция, Германия и Швейцария начали претворять в жизнь программы по найму иностранной рабочей силы, сначала на территории Южной Европы, а затем и на территории Турции и Северной Африки. Швеция задействовала для этих целей свои собственные северные территории, на которых живут саамы. Большинство этих мигрантов приезжало в качестве участников слабо организованной, полуофициальной гостевой рабочей программы, и их миграция носила скорее временный, чем постоянный характер. Частично совпадая с этими миграционными потоками, экс-колониальные государства обеспечивали большие глобальные потоки во Францию, Великобританию и Нидерланды. Эти передвижения, благодаря сохраняющимся колониальным связям, были более постоянными и состояли из возвращающихся колониальных управляющих и поселенцев, а также местных жителей колоний. В середине 60-х гг. XX в. эмиграция в Австралию и Северную Америку начала снижаться; первоначально мигранты приезжали из Европы, но вскоре эти потоки уступили место потокам из Латинской Америки. Хотя процент глобальной миграции в США и Австралию всегда был высоким, но региональный компонент миграционных потоков усилился по причине того, что европейские потоки снизились, а мексиканские потоки в США и потоки тихоокеанской Азии в Австралию набирали силу.

Глобальный экономический упадок в середине 70-х гг. замедлил западноевропейскую

иммиграцию, так как гостевых рабочих программ больше не было, а регуляция иммиграции ужесточилась, хотя воссоединения семей по-прежнему поддерживали ее высокий уровень. Трансатлантические потоки в конце концов были возобновлены, например, эмигрантами из Аргентины и Бразилии, которые направились в Испанию, Италию и Португалию. Средиземноморские государства стали не только экспортерами, но и импортерами рабочей силы, а первая волна нелегальной иммиграции пришла из Северной Африки и, в случае с Италией, с обнищавших посткоммунистических Балкан. 80-е гг. были эпохой почти повсеместного ужесточения законов об иммигрантах и получении прав гражданства в Западной Европе. В Северной Америке и Австралии иммиграция, наоборот, усилилась и состояла не столько из европейцев, сколько из азиатов и латиноамериканцев. Далее мы рассмотрим эти потоки подробнее.

6.3.2 СТРАТИФИКАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Так как в /о-х гг. XX в. миграция в Западную Европу начала спадать, процесс дифференциального экономического развития в развивающемся мире стал острее, и возникли новые глобальные и региональные миграционные модели. Наиболее глобальными по своему характеру были миграционные потоки на Средний Восток, где благодаря росту цен на нефть в 1974 г. возникла потребность в рабочей силе в богатых нефтью, но малонаселенных регионах (Seecombe and Lawless, 1986). Тем не менее внутрирегиональные миграционные потоки пересекались с глобальными. Множество египтян и тунисцев мигрировали в богатую нефтью Ливию в середине 60-х гг., хотя их статус оставался ненадежным и сильно зависел от капризов политического режима. Палестинцы сформировали не менее важный компонент региональных диаспор, которым уже приходилось мигрировать

355

из-за возникновения государства Израиль в 1948 г.: оккупация Западного побережья заставила их перемещаться и дальше. Миграционные потоки направились в Израиль — для повседневной работы, в Иорданию — с целью основания более постоянных поселений и в государства Персидского залива на основе контрактного найма рабочей силы. Десятилетием позже Ливанская гражданская война породила похожие массовые передвижения. Главными импортерами рабочей силы в этом регионе были Кувейт, Саудовская Аравия, Катар, Оман, Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты, а на севере — Иран и Ирак. Главными экспортерами были Египет, Йемен, Иордания, Ливия и Судан. Перед войной в Заливе уровень миграционных потоков составил около 2—3 млн. человек (А. Segal, 1993. на основании данных, приведенных Martin, 1991) — В начале 80-х гг. спад доходов от нефти и страх перед политической ненадежностью иммигрантов (многие из которых сохраняли верность антиправительственным исламским организациям) привел к упадку этих региональных миграционных потоков и возрастанию значения глобальной наемной силы из Восточной и Южной Азии. Из-за сложившейся в регионе ситуации новым мигрантам пришлось стать более гибкими. Выходцы из Индии, Бангладеш и Пакистана, среди которых были высококвалифицированные работники, начали двигаться на запад, а из Шри-Ланки и Филиппин приезжали женщины, работающие в сфере обслуживания. В Кувейте, Катаре и Арабских Эмиратах иностранцев стало даже больше, чем местных жителей.

В Азии миграция состояла из глобальных и региональных потоков одинаковой мощности (Fawcett and Carino, 1987; Skeldon, 1992; Fong, 1993). До 60-х гг. уровень миграции был низким, за исключением стран Организации экономической кооперации и развития (ОЭСР). В 70-х гг. миграционные потоки усилились, направившись не в Европу, а в Северную Америку, Австралию и, как было отмечено выше, в страны Персидского залива. В 1965 г. около 17 тыс. азиатов эмигрировали в США; в середине 80-х гг. уровень ежегодной миграции составил около 250 тыс. — примерно 45% общего объема легальных миграционных потоков в Соединенные штаты. В конце 80-х и начале 90-х гг. численность уроженцев Азии достигла 6,9 млн. человек в США и 717 тыс. в Австралии (около 4% населения) (US Department of Commerce, *Statistical Abstract*, разные годы). Новая Зеландия была единственной из англосаксонских стран в этом регионе, которую обошли азиатские миграционные потоки, хотя вместо них туда направились устойчивые потоки мигрантов с островов Тихого океана.

В Азии с середины 70-х гг. основными импортерами рабочей силы стали Япония, Сингапур, Тайвань и Бруней. Иммиграцию вызвали быстрый экономический рост и мягкие условия местного рынка рабочей силы. В 1991 г. в Сингапуре мигранты составляли 11% рабочей силы. Ее основными экспортерами были Китай, Филиппины, Индия, Бангладеш, Пакистан, Индонезия и Шри-Ланка. В Южной Корее, Малайзии, Таиланде и Гонконге количество экспортируемой и

импортируемой рабочей силы было примерно равным. Помимо экономически обусловленных миграционных потоков, в Азии возникли очень устойчивые потоки беженцев. В начале 90-х гг. здесь было около половины из 15—20 млн. беженцев, насчитывавшихся во всем мире; причиной тому служили войны в Индокитае, региональные революции и гражданские войны 60—70-х гг., а также Советское вторжение в Афганистан в 1979 г. К 1989 г. 3,6 млн. уроженцев Афганистана уехали в Пакистан и более 2 млн. — в Иран (Zolberg, 1997).

356

В послевоенные годы в странах Африки, расположенных южнее Сахары, появились значительные глобальные миграционные потоки, которые направились в основном в бывшие колониальные империи: в Великобританию ехали подданные Нигерии, Танзании и Уганды, во Францию — жители Центральной и Западной Африки, в Бельгию — граждане Заира (Curtin, 1978; Castles and Miller, 1993). Тем не менее Организация экономической кооперации и развития считает, что эти движения не идут ни в какое сравнение с внутриафриканскими региональными потоками миграции (OECD, 1993a). Региональные потоки рабочих-мигрантов направились в основном в Нигерию, Южную Африку, Габон и Берег Слоновой Кости. Главными очагами эмиграции были Заир, Ангола, Мозамбик, Камерун, Ботсвана, а также страны Северной Африки, хотя редко случалось, что эмигранты этих стран пересекали Сахару, Масштаб миграций из стран Западной Африки в богатую нефтью Нигерию объясняется уровнем вынужденных отъездов, вызванных экономическим спадом в начале 80-х гг. Южная Африка стала еще одним обширным полем для миграции, продолжая давно установившуюся традицию импорта рабочей силы на золотые прииски Трансвааля. Более ста лет приезжали мигранты из Ботсваны, Лесото, Малави и Мозамбика. С 60-х гг. XX в. миграции пошли на спад, так как местные профсоюзы укрепили свои позиции на рынке труда. В период с 60-х до конца 80-х гг. количество иностранной рабочей силы в горнодобывающей промышленности снизилось с 600 тыс. до менее чем 400 тыс. человек, и этот спад продолжался и дальше. Тем не менее неравенство в положении между Южной Африкой и ее северными соседями способствовало сохранению неорганизованной нелегальной миграции в обширные и неохраняемые городские районы Южной Африки.

Война и вынужденные переселения являются неотъемлемыми факторами африканской миграции (K. Wilson, 1995; Zegeye, 1995). Из-за войн в период образования государств, этнических конфликтов на юге Африки и борьбы за независимость численность африканских беженцев, которая в 1960 г. достигала 300 тыс. человек, возросла до 1 млн. в 1970 г. и 3,5 млн. в 1981 г. Данные ВКБ ООН за 1990 г. свидетельствуют о том, что численность беженцев на континенте составляет около 2 млн., но количество переселенцев в Судане гораздо больше — возможно, более 3 млн. человек (Cutrin, 1997). В связи с катаклизмами в государствах Руанда и Бурунди в 1994—1996 гг. и гражданской войной в Судане общая численность беженцев на континенте составляет приблизительно 7 млн. человек (Cutrin, 1997).

Латинская Америка, как уже было отмечено, из прибежища иммигрантов стала континентом эмигрантов (Balan, 1998; Castles and Miller, 1993). В период с 1800 по 1970 гг. в Латинскую Америку прибыло около 21 млн. иммигрантов — в основном с юга Европы, которые направлялись в Бразилию, а также в Чили, Парагвай, Уругвай и Аргентину. В послевоенные годы сюда устремились значительные потоки мигрантов из Европы, среди которых преобладали итальянцы — полмиллиона их приехало в Аргентину в 1945—1947 гг. и еще 300 тыс. — в Венесуэлу в 50-х гг. С тех пор уровень миграции в Латинской Америке утроился. Во-первых, возросло число легальных и нелегальных мигрантов, направляющихся на север, преимущественно в США (особенно из Мексики и Центральной Америки). Во-вторых, уровень миграционных потоков на юг Европы сильно понизился. Возникли сезонные сельскохозяйственные миграции между Колумбией и Венесуэлой, а также

357

между Боливией, Чили, Парагваем и Аргентиной. Многие из этих карибских миграционных движений носят незаконный характер.

Наконец, обратимся к Восточной Европе, которая до 1989 г. была надежно ограждена от региональных и глобальных миграционных потоков. С распадом коммунистических государств и их сдерживающей переселенческой политики модель европейской миграции претерпела некоторые изменения. В 90-е гг. более двух млн. советских евреев эмигрировали в

Израиль. В соседние с Западной Европой Венгрию, Чешскую и Словацкую республики и Польшу поток долгосрочных миграций был очень невелик. Однако эти государства все больше и больше становились буферными зонами, где миграционные потоки (начавшиеся южнее и восточнее, из государств бывшего Советского Союза и с Балкан) останавливались перед тем, как продвигаться дальше на запад. В 1991 г. Польша насчитала у себя 700 тыс. иностранных рабочих, многие из которых искали возможности продолжить свое путешествие на запад. Последующая гражданская война в бывшей Югославии породила в Европе огромное количество перемещённых лиц, сравнимое по масштабам разве что с миграциями времен Второй мировой войны.

Наряду с этими глобальными и региональными потоками мигрирующих рабочих в течение ряда лет, начиная с 1945 г., развивался целый ряд других потоков — вояжеров и временных мигрантов. В послевоенные годы наблюдается активизация международного туризма, значительно возросло количество деловых поездок и расширились программы обмена студентами (см. гл. 7). За последние двадцать лет, как уже было сказано выше, постоянно возрастали объёмы как беженцев и эмигрантов, так и людей, ищущих политического убежища (Zolberg et al., 1989; Widgren, 1993). Различия между этими категориями весьма туманны — как в реальности, так и в сумрачном мире национальной и международной миграционной статистики. Эти передвижения людей происходили как между странами OECD (ОЭКР) и развивающимися странами, так и внутри самого развивающегося мира. Причины их чрезвычайно сложны. Некоторые передвижения являются результатом межгосударственных войн, но они составляют лишь часть массового бегства эмигрантов. По утверждению А. Зольберга, они в большинстве своем являются «побочным продуктом двух глобальных исторических процессов — создания новых государств и противостояния социального порядка в старых и новых государствах» (Zolberg, 1989). Чтобы выявить комплексную модель перемещения эмигрантов, надо добавить, что миграционная динамика была обусловлена «холодной войной» и противостоянием сверхдержав. В послевоенный период эмигранты бежали от коммунистических революций в Китае (1949 г.) и из Восточной в Западную Европу сразу после того, как началась война в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.). Войны в Корее (1950—1953) и Индокитае (1946—1975) также породили потоки беженцев, тогда как многие кубинцы непрерывно переправлялись в США. В своих оценках ВКБ ООН предположил, что количество эмигрантов в развивающемся мире резко возросло после начала процесса деколонизации и формирования новых государств — с 2 млн. в 50-е гг. до нынешнего уровня в 25—30 млн. человек. Из этого количества примерно 14—15 млн. составляют лица, перемещавшиеся в пределах своего государства (UNHCR, 1993; 1994. Р.3).

В период «холодной войны» правительства Запада поощряли побег с Востока. Либеральные и открытые для беженцев уставы были составной частью пре-

358 тензий Запада на моральное и политическое превосходство над Востоком. Однако 70-х и 80-х гг. сумятица, начавшаяся в связи с образованием на Востоке новых государств и крушением старых, породила непредвиденное количество эмигрантов, пытающихся найти убежище в Европе и Северной Америке. В 1973 г. общее количество прошений об убежище, поданных в страны ОЭСР, составляло 25 тыс. В 90-х гг. оно достигло годового уровня в 550 тыс. Общая численность эмигрантов из стран Восточной Европы с 1983 по 1990 гг. составила 2,2 млн. человек. Учитывая также и ужесточение иммиграционных законов на Западе в течение того же периода, сохраняющаяся тенденция вполне позволяет высказать предположение, что в какой-то момент в ближайшем будущем количество ищущих убежища эмигрантов превысит число добровольных мигрантов, появляющихся на границах стран ОЭСР.

6.3.3 ТЕНДЕНЦИИ И МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ: РАЗНООБРАЗИЕ И СЛОЖНОСТЬ

В современную эпоху сложилась чрезвычайно сложная модель перекрещивания и взаимодействия глобальных и региональных миграционных потоков, которые носят как экономический, так и неэкономический характер. В центре этих мировых потоков находится экономически инициированная миграция в страны ОЭСР, начавшаяся на региональном уровне — из более бедных в богатые западные государства — и продолжившаяся на глобальном уровне развивающегося мира. В 50-х гг. XX в. потоки направлялись преимущественно в Западную Евро-

пу, но впоследствии они переместились в Северную Америку и Австралию. Кроме того, глобальная миграция сфокусировалась и на Среднем Востоке. Другие значительные миграционные потоки носили региональный характер и начиная с 60-х гг. стремительно возрастали внутри Юго-Восточной Азии, Западной и Южной Африки, Латинской Америки и на Среднем Востоке.

Очевидно, что современная миграция обусловлена эксплуатацией все возрастающих по своему объему иностранных рынков труда, возникавших в результате как неформальных и случайных, так и официальных и институционализированных соглашений. Но с конца 60-х гг. экономическая миграция не идет ни в какое сравнение с возросшим потоком миграций, спровоцированных войной, переселением беженцев и лиц, ищущих политического убежища. Хотя Западная Европа и США и были затронуты этой глобальной миграцией, она носила преимущественно региональный характер и концентрировалась в районах конфликта в Азии и Африке. Кроме того, над основными экономическими силами, управлявшими миграцией, часто преобладали политические факторы, формирующие миграционный процесс. В результате разного рода имперских связей и обязательств повысился уровень иммиграции во Францию, Великобританию и Нидерланды, определились ее географические границы и изменились условия, на которых иммигранты въезжали в эти страны. По конституционному обязательству Федеративная Республика Германия принимала непрерывный поток немцев, бежавших из ГДР и стран Восточной и Центральной Европы. Однако те же принципы гражданства, которые исключали первых из числа иммигрантов, значительно увеличивали количество тех, кого принято считать временными рабочими и иждивенцами, даже если они являлись представителями второго поколения беженцев и роди-

лись в Германии (подробнее об этом см. в разделе 6.5). Швеция благодаря своим специфическим культурным и политическим взаимоотношениям с остальными странами Скандинавии приняла огромное количество скандинавов в соответствии с условиями открытого регионального рынка труда, значительно более либерального, чем тот, который установило Европейское Сообщество до создания Единого Европейского Рынка. Кроме того, шведская иностранная политика того времени, с ее упором на интернационализм и права человека, убедила граждан и правительство страны впустить в Швецию значительное число политических эмигрантов, чем и объясняется большая доля чилийцев и курдов в составе ее населения. Даже японская модель доказывает значимость политических факторов, так как абсолютное большинство иммигрировавшего населения составили корейцы, переместившиеся в Японию в период оккупации их страны. Таким образом, различные национальные уровни миграции сопровождались различными географическими моделями внутренней миграции.

Историческая модель миграции для большинства европейских стран была четырехступенчатой. Первая ступень: медленно начавшееся движение после Второй мировой Войны, временно ускорившееся благодаря перемещению множества людей, оставшихся без жилья в ходе военных действий. Вторая: возрастающий уровень миграции в 50-х гг., ускоривший свой рост в 60-х гг. и достигший пика в начале 70-х. Нефтяные кризисы, вызванные резким повышением цен на нефть на мировых рынках, привели к уменьшению спроса на рабочую силу и в результате ужесточили иммиграционную политику, о чем вполне определенно говорят статистические данные. Третья ступень: с середины 70-х гг. миграция идет на более низком уровне, и управляет ею преимущественно стремление семей к воссоединению, а не взаимодействие глобальных экономических факторов. Четвертая: в 80-х гг., с небольшими различиями для отдельных стран, уровень миграции снова начал расти. Он еще больше повысился в начале 90-х гг., т. е. экономический бум в Западной Европе, волнения, начавшиеся после 1989 г. в восточной части Центральной Европы и бывшей Югославии, а также создание Единого Европейского Рынка вывели уровень миграции на предыдущую высокую отметку.

США в послевоенный период предприняли попытку понизить уровень иммиграции, используя трудовые резервы афро-американцев и сельских жителей, а также экспорт капитала, для амортизации последствий полной занятости. Преобразование иммиграционного законодательства в середине 60-х гг., отмена региональных квот и разрешение воссоединения семей в больших масштабах не принесло немедленного подъема миграции, но начиная с 70-х гг. в США наблюдалась устойчивая волна иммиграции, затмившая даже максимальные показатели иммиграции во Франции и Германии. Источники миграции, направленной в США, переместились из Европы в Азию и Центральную и Южную Америку. Значительное число канадских и мексиканских мигрантов придало этим новым потокам региональные масштабы. В Японии, напротив,

наблюдался очень низкий уровень миграции в страну и из нее на протяжении почти всего послевоенного периода. В результате этого численность иностранного населения оставалась весьма небольшой, хотя к концу 80-х гг. оно все же стало увеличиваться, причем больше нелегальным, чем легальным, путем.

Смена исторических моделей миграции сопровождалась изменениями в составе иммиграционного населения и возможности его трудоустройства. В 50-х и

360

60-х гг. большинство иммигрантов устраивались на тяжелую физическую работу в коммунальных службах и грязную подсобную работу в секторе обрабатывающей промышленности. Однако в странах OECD занятость в этих экономических секторах в период с 1980 по 1990 гг. либо осталась на том же уровне, либо уменьшилась (см. гл. 3). В результате всего вышеперечисленного миграция, как и западная экономика, приобрела некоторые черты постиндустриальной эпохи. Во-первых, возросло количество мигрантов, ушедших в индустрию частных услуг и домашнего сервиса (с соответствующим ростом их количества), и увеличилась занятость мигрировавших женщин (King, 1995). Во-вторых, наряду с этими потоками происходило постоянное передвижение высококвалифицированных и опытных профессионалов — так называемая миграция элиты. Как только многонациональные корпорации начали расширять свою международную деятельность (см. гл. 3), а национальные иммиграционные агентства стали обращать внимание на высококвалифицированных рабочих, эти потоки возросли. В их состав входили передвижения внутри западных стран, а также значительная «утечка мозгов» из развивающегося мира на Запад (Salt and Findlay, 1989; Salt and Ford, 1993). По подсчетам ООН, в первые послевоенные десятилетия международная миграция высококвалифицированного персонала составила 300—400 тыс. человек. Основными источниками этой миграции элиты стали Индия, Китай, Шри-Ланка и Гана. В США приехало 120 тыс. таких мигрантов, в Великобританию и Канаду — более чем по 80 тыс. (A. Segal, 1993). С 70-х гг. страны Персидского залива стали основными поставщиками высококвалифицированного персонала, но потоки с Запада продолжились, быстро увеличиваясь благодаря мигрантам с Филиппин, из Пакистана, Аргентины и Бразилии.

6.4 СРАВНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Теперь обратимся к тем вопросам и проблемам, с которых мы начали эту главу (раздел бл), и проведем общее сравнение глобальной миграции с точки зрения выделенных нами исторических эпох. Самые ранние миграции на дальние расстояния происходили еще тогда, когда не существовало государств, а распоряжения политического руководства имели довольно ограниченный радиус действия. Экономическое давление, идеологические силы и любопытство породили первую глобальную миграцию. С появлением стационарных центров власти миграция, как правило, сопровождала внешние вылазки военных сил, иногда опережая, но чаще сопровождая миссионеров, торговцев и крестьян. Примером тому служит экспансии Римской и Китайской империй. Экспансия исламского мира являет собой пример миграций воинственных кочевников, которые создавали имперские центры на местах своих прежних кочевий, такой же модели миграции в Индии следовали арии, в Азии — монголы, в Европе — наводнившие ее варвары. Если с этой точки зрения взглянуть на миграции, первоначально сопровождавшие внешние удары европейских «строителей империй», с XV в. и далее, то окажется, что они ближе к китайской или римской модели оседлого государства, осуществляющего внешнюю экспансию. Однако основанные имперские сторожевые заставы и эмигрантские сообщества были отделены от метрополии огромными трансокеаническими расстояниями и в этом отношении больше по-

361

хожи на систему исламских государств, существовавших на Среднем Востоке и берегах Индийского океана. Но, в отличие от Рима, Китая или исламских государств, европейские империи в Океании и Америке неожиданно столкнулись с цивилизациями, которые оказались обреченными, в буквальном смысле, на уничтожение — как демографически, так и политически. Это создало возможность постоянных массовых миграций, превосходивших ранние формы имперских экспансий. Хотя военные и культурные факторы все еще играли значительную роль в качестве побудительных мотивов этих миграций, но уже гораздо большее значение, чем в ранние эпохи, приобрели факторы чисто экономического свойства. Действительно, потребность в рабочей силе, возникшая во времена этой ранней имперской экспансии, была столь велика, что работорговля, которая сопутствовала ей, была не только распространена шире, чем в ранний период римской или арабской истории, но и ориентировалась она не на метрополию, а на колонии.

Так как европейские империи распались в результате провозглашения независимых национальных государств в Северной и Южной Америке, а затем в результате революции и деколонизации Африки, Ближнего Востока и Азии, миграции, сопровождавшие завоевания и имперские экспансии, постепенно сошли на нет. Упразднение работорговли с течением времени снизило значимость военной силы в организации миграций. Азиатские миграции XIX и начала XX вв. продолжали пополнять рынок труда в отдаленных поселениях европейских империй и их преемников — национальных государств. Однако большая часть трансатлантической миграции из Европы в Америку в XIX и начале XX вв. по своим характеристикам больше похожа на современные миграции, когда граждане одного национального государства эмигрируют в другое в связи с возможностями экономического и иного рода развития. Хотя войны и конфликты по-прежнему порождают потоки беженцев и эмигрантов, подавляющее большинство современных глобальных миграций инициируются экономическими факторами, причем политические границы остаются неприкосновенными. Ниже мы еще вернемся к значимости этих перемещений для способности государства контролировать свои границы и уровень населения.

6.4.1 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ СРАВНЕНИЯ

Миграция в до-неолитическую эпоху, когда *homo sapiens* проник во все уголки земного шара, была такой же глобально экстенсивной, как любая другая последующая модель миграции; однако в количественном отношении она была крошечной, даже с учетом того, что население Земли в то время было крайне малочисленным. Стоит, однако, отметить, что с возникновением оседлого земледелия и до начала раннесовременной эпохи миграция в плане географическом была менее экстенсивной, чем самые ранние потоки, но превосходила их в количественном отношении. Как мы видели, эта долгая эпоха была свидетелем крупных миграционных потоков внутри неустойчивых границ имперских систем и движений/ перемещений кочевых племен из степей на земли оседлого земледелия, в свою очередь вытесняющих уже устоявшиеся общества в более отдаленные районы. Яркий тому пример — волны евразийских кочевников, которые прошли Евро-

Текстовая таблица 6.1 Ключевые исторические потоки глобальной миграции

	Досовременный период (до 1500 г.)	Раннесовременный период (ок. 1700 — 1760 гг.)	Современный период (ок. 1760—1945 гг.)	Новейший период (после 1945 г.)
Ключевые миграционные потоки	Охотники-собиратели продвигаются в прежде не населенные области — из Северо-Восточной Азии в Америку и из Восточной Азии через цепь островов Тихого океана Большая часть миграционных потоков внутри Евразии-Африки, вызываемых созданием империй, и как результат массовые передвижения, либо перемещающие, либо включающие в себя охотников-собирателей и более слабые аграрные общества Крупномасштабная миграция этого вида включает в себя Римскую и Греческую империи, формирование Китайской цивилизации, движение на юг Африки народов, говорящих на Банту Некоторые ключевые крупномасштабные миграционные потоки скотоводческих кочевых народов в поисках новых пастбищ и/или для осуществления имперских замыслов, включая нашествие варваров на Европу (V век); экспансия арабских воинов-кочевников; Монгольские	Поселенцы/колонисты из Северной и Западной Европы в колониях Северной Америки, Латинской Америки, Карибского бассейна Очень незначительная миграция европейцев в Восточную Азию, Южную Африку Работорговля из тропической Африки в Америки и Карибский бассейн Работорговля из тропической Африки в Северную Африку и Ближний Восток Миграция внутри Европы в сравнительно небольших масштабах	До 1914 г. Огромная экономическая миграция из Европы в Америки и вновь колонизируемые области Океании Параллельная миграция русских колонистов в Среднюю Азию и Сибирь Пик работорговли из Атлантического и Индийского океанов до прекращения ее в конце XIX века До 1914 г. сложная смесь азиатской (китайцы, индийцы, японцы, жители островов Тихого океана) миграции, в основном по трудовому контракту: внутри Азии; в Европейские колонии в Африке, Карибском и Тихоокеанском бассейнах; и в Северную Америку и некоторые части Латинской Америки Различные уровни индустриализации в Европе и Южной Африке способствуют региональной трудовой миграции	Конец Второй мировой войны и последующее новое урегулирование волн интенсивной миграции, изгнанных (Германия, Польша, Палестина, Индия-Израиль, Корея) Главные миграционные потоки в этот период — экономические мигранты в страны Европы После 1973 глобальные потоки на Ближний Восток из Северной Африки, Южной Азии, Юго-Восточной Азии Растет число высококвалифицированных мигрантов, привлекающих кадры для транснациональных корпораций Поток «утечки мозгов» из развивающихся стран на Север Постколониальное отделение государств и гражданские войны привели к росту числа беженцев и внутренне перемещенных лиц Рост числа туристов

	империи начиная с XII века и далее Еврейская диаспора с Ближнего Востока, распространившаяся по Северной Африке, Западной Азии и Европе			венников и междуна- менов в сфере обра-
--	--	--	--	--

Текстовая таблица 6.2 Исторические формы глобальной миграции

	Досовременный период (до 1500 г.)	Раннеесовременный период (ок. 1500 — 1760 гг.)	Современный период (ок. 1760 — 1945 гг.)	Новейший период (прибл. с 1945 г.)
Экстенсивность	Раннее население земли экстенсивно. Последние необитаемые острова достигнуты в начале I тысячелетия. Последующие миграции были региональными или локальными, за исключением великих кочевых имперских авантюры — исламские арабы, кочевые монголы и т. д.	Трансатлантические переселенцы и рабы составляют новые глобальные потоки	Основная миграция сейчас действительно глобальна по охвату — Европейская экспансия и азиатские диаспоры не имеют себе равных Региональные миграции внутри Европы и Южной Африки и из Европейской России в Сибирь После Первой Мировой войны глобальные потоки сокращаются, поселения и формирование новых государств-наций после войны создают краткосрочные локальные потоки	Главные экономические потоки экстенсивны — глобальные миграции в Австралию и Океанию, Северную Америку, Восток Большие региональные миграции внутри Африки, Восточной Азии, Латинской Америки Разнообразие потоков
Интенсивность	В основном низкая Волны имперских и военных авантюры порождают случайные и интенсивные всплески постоянной поселенческой активности	Средняя — интенсивность работорговли и европейской колонизации возрастают в XVIII веке	До 1914 г. очень интенсивная, особенно в последние годы XIX века. Европейская миграция значительно увеличивается; работорговля уменьшается; азиатские миграции увеличиваются Резкое падение после Первой мировой войны, несмотря на небольшие потоки миграции, вызванные войной	Средняя, но растущая интенсивность этого периода

Текстовая таблица 6.2 продолжение

	Досовременный период (до 1500 г.)	Раннеесовременный период (ок. 1500—1760 гг.)	Современный период (ок. 1760 — 1945 гг.)	Новейший период (прибл. с 1945 г.)
Скорость	Скорость индивидуальных путешествий/миграции низкая Однако создание империй и движения кочевников показывают почти беспрецедентную скорость коллективного движения и миграции	Скорость индивидуальных путешествий/миграции низкая Крупномасштабные движения целых кочевых обществ, прекратившиеся из-за роста относительной силы всех оседлых/аграрных обществ	Скорость индивидуальных путешествий/миграции средняя и возрастающая	Скорость индивидуальных групповых путешествий/миграции очень высокая
Факторы влияния	Миграции в конечном итоге связаны с формированием	Основные миграции в Новый Свет являются составляющими	Трансатлантические миграции являются экономическим и по-	Европа на высшей стадии этнической гомогенности

	и распадом империй и цивилизаций Миграции скорее создают общества и границы, а не пересекают их В целом охотники-собиратели уничтожены или поглощены расширяющимися аграрными обществами	ми мирового исторического сдвига: демографически, культурно, экологически, политически	литическим клапаном для индустриализирующейся Европы Миграция является человеческой базой для роста государства и экономики США	приобретать значительного размера неевропейского населения Европа устраняет проблемы полной занятости стареющих обществ Влияние на расходы на альтернативному обеспечению жизни в целом нейтральное США становятся более политическим и более разнообразным обществом Все государства становятся с перспективой полного и культурного понимания значения национальной идентичности и границ
<i>Инфраструктура</i> <i>Инфраструктура</i>	Миграция преимущественно по суше — зависит от существующих дорог и маршрутов Некоторые морские миграции через закрытые моря (Средиземное) или по островам (Тихоокеанским); трансокеаническое мореплавание и миграции купцов, возможные в Индийском океане	Системы трансокеанического мореплавания через Атлантику — основная инфраструктура глобальных миграций этой эпохи	Мореплавание механизировано и регулируется; железные дороги помогают наземным путешествиям	Воздушные путешествия имеют перспективу для мигрантов
<i>Институционализация</i>	Либо неформальная организация в обществах охотников-собирателей, либо через элиты, создателей государства и военные организации в аграрных/ кочевых обществах	Растущая организация миграционных процессов как колониальное предприятие Развитие ранней трансатлантической цепной миграции Систематическая экономическая организация работорговли	Институционализация возрастает по мере того, как государства приобретают способность осуществлять миграционную политику в конце девятнадцатого века Коммерческие, государственные и добровольные организации, созданные в Европе, Северной Америке, Азии и Европейских колониях для набора рабочей силы и облегчения переезда	Высокая степень институционализации транспорта и пограничного контроля Однако это сопровождается ростом нелегальной иммиграции Международные соглашения и соглашения в Женеве и соглашениях в убежищах для мигрантов, вызванных миграцией Возросший контроль миграцией
<i>Стратификация</i>	В эту эпоху иерархия между цивилизациями/обществами, так как аграрные общества доминируют над охотниками-собирателями, а кочевые общества иногда берут власть над оседлыми обществами	Рабский труд, труд по договору и соглашению создают четкую иерархию власти между организаторами миграции и мигрантами, как добровольные, так и не добровольные	Рабский труд, труд по договору и соглашению создают четкую иерархию власти между организаторами миграции и мигрантами, как добровольные, так и не добровольные	Среди мигрантов существует иерархия легкости выбора: высококвалифицированные мигранты имеют выбор, чем низкоквалифицированные; беженцы или убежища — еще Власть государства индивидуальными мигрантами растёт, а над коллективными массовыми потоками уменьшаться

пу, хотя похожие движения происходили и внутри Африки, и на Индостанском полуострове. В эту же эпоху произошла первая крупная миграция диаспоры — евреи прошли через Левант, Северную Африку и Европу. Однако, хотя ни один континент или регион не был полностью изолирован от

других, степень трансокеанической миграции была очень низкой. Например, попытка викингов колонизировать Америку в X или XI вв. закончилась неудачей; они продержались еще два века в Гренландии, прежде чем ограничились среднеатлантической исландской цитаделью. Возможно, единственной истинно глобальной моделью миграции, совмещающей военное завоевание, имперскую экспансию, миссионеров и купцов, является экспансия исламского мира. В основном элитарная по своему социальному составу и небольшая по величине, исламская миграция была пространственно экстенсивной — от Иберии и Марокко на западе, на юге от африканских территорий южнее Сахары до Персии, Северной Индии и фактически до Индонезийского архипелага на востоке. Таким образом, досовременная эпоха в значительной мере характеризуется *региональной* миграцией и связанными с ней перемещениями.

Миграционные потоки, которые сопровождали и в каком-то смысле составляли современную эпоху, стали предвестием новой волны истинно глобальных передвижений людей. Обширные потоки людей из всех стран Европы направлялись в Северную и Южную Америки, страны Карибского бассейна, в разные регионы Северной и Южной Африки и Океании. Работоторговля создавала вынужденные миграционные потоки из Африки (хотя из некоторых регионов особо концентрированно) в Северную и Южную Америки и страны Карибского бассейна. В XIX в. мощные потоки азиатских народов двигались из Индии, Китая и Юго-Восточной Азии по каналам европейских империй и тем, которые возникли в результате американской индустриализации, в страны Карибского бассейна, Африку, Соединенные Штаты и Канаду; экстенсивная миграция происходила и внутри Азии.

Чем отличаются новейшие образцы миграции по своей географической экстенсивности? Главная черта новейшей эпохи — это экономическая миграция в страны ОЭСР. Она возникла в Западной Европе, в основном как внутрирегиональная миграция из Южной в Северную и Западную Европу. Однако эти движения вскоре превзошли миграционные потоки из бывших колоний и государств за пределами Европы. Впервые возникли значительные миграционные потоки между Западной Европой и странами Карибского бассейна, Ближним Востоком, Северной Африкой, Латинской Америкой и Южной Азией. Точно так же в Северной Америке и Австралии, где эти потоки появились позже, уже в XIX — начале XX вв., глобальные потоки из Европы в Новый Свет сопровождались и в конце концов были заменены миграционными потоками из Латинской Америки, стран Карибского бассейна и Тихоокеанской Азии в Северную Америку и из Тихоокеанской Азии в Австралию. Более того, во всех этих странах ОЭСР продолжалась внутренняя миграция квалифицированного персонала, работавшего в ключевых точках все более глобализирующейся экономики. В последние двадцать лет эти потоки сопровождались, на глобальном уровне, движением людей в страны Персидского залива и Ближнего Востока. Другой особенностью современных миграционных потоков в плане их экстенсивности являются многорегиональные системы миграции, которые возникли

367

наряду с этими глобальными потоками. Как мы говорили раньше (в разделе 6.3), региональная миграция продолжалась внутри Северной Америки и Западной Европы, но также и в Латинской Америке, внутри Африки и в Южной и Юго-Восточной Азии. С падением европейского и советского коммунизма и отменой ограничительных режимов путешествий еще одна группа мировых государств стала открытой для международной миграции. Лишь очень немногие государства не знают, что такое миграция, направленная из страны или в страну, хотя не все эти перемещения носят глобальный характер. В целом современные миграционные потоки, вероятно, более экстенсивны в географическом отношении и более глобальны, чем в досовременную эпоху и, по крайней мере, так же экстенсивны, как в XVIII и XIX вв. Хотя это, конечно, ничего не говорит нам об их относительной интенсивности. Трудно получить точные данные об интенсивности миграционных потоков за долгий период времени. Историки спорят о размерах европейской миграции в XIX — начале XX вв. и называют приблизительную цифру — 45 млн. человек. Поскольку смертность рабов на перевозивших их кораблях достигала чудовищных размеров, то оценка объемов работоторговли оказывается разной, в зависимости от того, считаем ли мы африканцев, покинувших Африку, или прибывших в Америку. Численность примерно в 9—12 млн. человек с начала XVI до середины XIX вв., вероятно, соответствует правильному порядку величин. Размеры азиатских диаспор также различаются, в зависимости от того, считаем ли мы постоянные или возвратные миграционные потоки. Историки сходятся на цифре около 35 млн. человек, возвращающихся и постоянных мигрантов, за столетний период 1820—1920 гг. Однако число постоянных мигрантов значительно ниже — возможно, ОКОЛО 12 МЛН.

С точки зрения хронологии величина всеобщей глобальной миграции возрастала в течение ранней

современной и современной эпох. Ранние миграционные потоки из Европы в Америку были невелики, также как в Латинскую Америку и страны Карибского бассейна. Работоторговля XVIII и XIX вв. по своей численности была, конечно, значительно больше, чем потоки двух предыдущих веков. Однако пик глобальной миграции в современный период, должно быть, приходится на конец XIX — начало XX вв. За сорок лет, начиная с 1880 г., около 30 млн. европейцев эмигрировали в Южную и Северную Америку и в Австралию. В это же время шла и основная часть азиатской миграции. Ежегодные показатели депопуляции европейских стран, из которых выходило большинство трансатлантических мигрантов, были выше, чем в Африке во время пика работоторговли.

Ясно, что годы между двумя мировыми войнами были отмечены радикальным снижением масштаба глобальной миграции. Трансатлантические и азиатские миграционные потоки почти прекратились, а внутриевропейские быстро уменьшались. Труднее проводить сравнение с новейшей эпохой. Оценке больших миграционных потоков мешает преобладание возвратной и краткосрочной миграции и большое количество незаконных мигрантов. Кроме того, при сравнении этих двух великих эпох миграции необходимо учитывать значительно большую численность населения в конце XX века. В результате мы получаем не точное количественное соотношение, а скорее пытаемся установить приблизительный порядок относительных величин. Тремя основными странами послевоенной иммиграции были США, Германия и Франция. Официальные данные дают осно-

368

вания предполагать, что между 1945 и 1990 гг. в США эмигрировали 18 млн. человек (US Department of Commerce, *Statistical Abstract*, разные годы). Однако этот временной промежуток не включает значительные объемы миграции за период 1990—1995 гг., в течение которого в США каждый год въезжало около 1 млн. легальных мигрантов. Общее количество составит цифру в 25 млн. человек за 50 лет. Но это все равно меньше 30 млн., эмигрировавших в США в 1880—1920 гг. Однако, начиная с середины 60-х гг. существует очень значительная нелегальная иммиграция в США через мексиканскую границу. Здесь также надо учитывать большое количество обратных мигрантов. Число нелегальных мигрантов в США в 80-х и 90-х гг. предположительно оценивается в 1—1,5 млн. ежегодно, хотя, возможно, эта цифра и завышена (Bustamente, 1989). Даже если мы уменьшим ее вдвое, то получившаяся общая численность послевоенной иммиграции превысит 35 млн. человек. Население США в 1990 г. составляло 248 млн., в то время как в 1900 — 75 млн., а в 1880 — всего лишь 50 млн. Таким образом, мы имеем все основания сделать вывод, что новейшие миграционные потоки в США обладают меньшей относительной интенсивностью по сравнению с теми, что имели место в конце XIX века, хотя и близки к ним по интенсивности абсолютной. Из вышесказанного следует, что миграция в США в рассматриваемый нами период была самой крупной для западных стран. В послевоенную эпоху она сопровождалась большими миграционными потоками в европейские страны (аналогичные сравнения и аналогичные выводы приведены в Morawska and Spohn, 1997). Например, в Германии общий показатель миграции за период с 1950 по 1988 гг. составил 24,5 млн. человек, а во Франции — 21,9 млн. Великобритания, Нидерланды, Швейцария и Скандинавия дают за тот же период еще около 25 млн. мигрантов (оценки сделаны на основании данных, опубликованных в SOPEMI, 1991 и предыдущие годы; Mitchell, 1975; 1992). Если учесть еще Австралию и Канаду, в которых также отмечались большие миграционные потоки, тогда общая численность мигрантов (помимо США) за период 1945—1990 гг. составит около 80 млн. человек. Таким образом, общий объем послевоенной миграции в страны ОЭСР значительно превышает 100 млн. человек, причем большая часть этих потоков происходила между 1965 и 1995 гг., что более чем в три раза превышает великую трансатлантическую миграцию 1880—1920 гг. Население европейских стран увеличивалось медленнее, чем население США и, таким образом, европейский компонент миграции, возможно, так же интенсивен, как и американский (на грани веков), хотя он теряется в значительно большем объеме обратной миграции, скрытой в приблизительных подсчетах.

Трансатлантический поток 1880—1920 гг. был, конечно, более интенсивным, чем ранняя колониальная миграция, работоторговля или азиатская миграция XIX в. Он, возможно, был интенсивнее, чем глобальные потоки послевоенной эпохи, но лишь ненамного. Между азиатскими миграционными потоками XIX в. и современными можно провести более четкое сравнение. Первые были больше. Однако внутриазиатские миграционные потоки только начинают расти, так как дифференциальные показатели экономического развития свидетельствуют о том, что предпосылки для большого движения рабочей силы уже созданы. Если эта миграция будет расширяться, а американская миграция продолжится — нет никаких признаков того, что она будет снижаться, — то современный образец миграции может превзойти своих предшественников как по интенсивности, так и

по экстенсивности. Очевидно, что такие тенденции будут усиливаться благодаря возрастающей скорости индивидуальных и коллективных поездок. Развитие современных коммуникаций и инфраструктуры транспорта увеличило скорость передвижения людей, хотя в настоящее время неясно, приведет ли это к существенным изменениям в «брутто» и «нетто» миграционных потоков (см. «скорость» в текстовой таблице 6.2; ср. также раздел гл. / о международных поездках и туризме).

Систематическое сравнение влияния глобальной миграции возможно не во всех аспектах. Первоначальное заселение отдаленных уголков мира, трансатлантическая миграция и европейские завоевания и поселения являются уникальными и абсолютно неповторимыми историческими событиями, имеющими, безусловно, мировое значение. То же самое можно сказать и о работорговле, хотя ограниченная постоянная азиатская миграция XIX в. оставила не такой глубокий исторический след. Ясно, что последствия всех этих глобальных и региональных миграций были огромными. Для того чтобы оценить влияние новейших форм миграции, мы должны исследовать их влияние на общества и экономику, которые коренным образом отличаются от принимающих стран прошлых времен, что делает статистические сравнения практически бессмысленными. Но несколько важных моментов можно все-таки отметить. Самыми очевидными последствиями миграции являются демографические, изменяющие состав и размер населения, как страны отправления, так и принимающей страны. Для современных государств всеобщего благосостояния такие сдвиги имеют далеко идущие последствия (совершенно не похожие на последствия миграций более ранних эпох) для уровня и предоставления услуг по социальному обеспечению, жилья и образования, а также для функционирования самой экономики. Традиционная мудрость ксенофобии утверждала, что последствия для принимающих государств всеобщего благосостояния во всех отношениях негативные. Иммигранты вытесняют местных рабочих и бедняков с нижнего уровня рынка труда, перегружают ветшающие системы социального обеспечения и, как правило, способствуют постоянной утечке государственных финансов. Однако факты не подтверждают эту точку зрения. В большинстве западных стран нет почти никакого роста местного населения, а в некоторых оно даже уменьшается, что сопровождается серьезными сдвигами в возрастной структуре населения. Так как продолжительность жизни увеличилась, а рождаемость снизилась, население многих стран переживает процесс значительного старения. Это ведет к увеличению потребности в услугах социального и пенсионного обеспечения и росту их стоимости. Влияние старения населения на рынок труда и рабочей силы усугубляется и более ранним уходом на пенсию, добровольным уходом с рынка труда, увеличением времени, затрачиваемого молодежью на образование с отрывом от работы, и структурной безработицей. Таким образом, соотношение работающих и неработающих или работающих иностранцев стало изменяться в пользу последних, увеличивая финансовое давление на страны всеобщего благосостояния (см. Swan et al., 1991)- Иммиграция в настоящее время вносит значительный вклад в рост населения, облегчая, таким образом, некоторые проблемы, возникающие в связи со старением населения в странах ОЭСР (OECD, 1993a). В Австрии, Германии, Италии, Люксембурге, Швеции и Швейцарии абсолютный и относительный рост населения

происходит главным образом за счет иммиграции. В США, Канаде, Австралии, Греции, Норвегии и Нидерландах рост численности населения, обеспечиваемый миграцией, сопоставим с его приростом за счет коренных жителей этих стран. Наконец, миграция вносит небольшой вклад в демографические изменения, происходящие во Франции, Великобритании, Бельгии, Португалии и Испании. Более того, некоторые систематические исследования, посвященные изучению вклада иммигрантов в благосостояние страны, показали, что нет никаких веских доказательств того, что выплачиваемые им пособия перевешивают сумму выплачиваемых ими налогов (Borjas and Trejo, 1993; см. также обзор исследований в: Tapinos and de Ruy, 1993). Конечно, в Западной Европе и Канаде влияние иммигрантов на государство всеобщего благосостояния может быть действительно позитивным (Simon, 1984.) 1989; Akbari, 1989).

По сравнению с этим значительно сложнее определить экономическое воздействие исторических образцов миграции на рынок труда и экономику в целом (см. Tapinos and de Ruy, 1993). Оценка влияния миграции на уровень зарплаты и экономику в целом в

принимающих странах чревата проблемами определения, сбора данных, построения моделей и т. д. Прделанную количественную работу можно считать в лучшем случае сомнительной (мы вернемся к этому вопросу в разделе 6.6 со ссылкой на качественные исследования). С другой стороны, для стран-источников миграции существовала определенная экономическая выгода — уменьшение внутренней безработицы (Ghosh, 1996). Исследования в Южной Корее, Пакистане и Шри Ланке указывают на значительную роль современной миграции в уменьшении безработицы (ILO/UNDP, 1988). Однако мигрируют и те люди, которые не являются частью внутренней рабочей силы, и в этом смысле миграция оставляет высокий уровень безработицы неизменным. По сравнению с предыдущими эпохами в современной миграции наблюдается тенденция к вымыванию наиболее квалифицированной и образованной части рабочей силы, обедняющей внутреннюю экономику. Программа развития ООН сообщает, что только Индия, Китай, Южная Корея и Филиппины потеряли 145 тыс. научных кадров, уехавших в США за время с 1972 по 1985 гг. Но так же, как и в XIX в., основной экономической выгодой миграции в наши дни является отправка заработанных денег на родину. В 1990 г. развивающиеся страны, благодаря мигрантам, получили 46 млрд. долларов валового дохода и 37 млрд. долларов чистого дохода (UNDP, 1994).- Если учесть, что значительный объем этих потоков идет не по официальным каналам, то общее количество пересылаемых денег, вероятно, значительно больше и, таким образом, превышает официальную финансовую помощь этим странам (см.: Atalik and Beeley, 1993)-

6.4.2 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СРАВНЕНИЯ

Вполне очевидно, что в наши дни воздушный транспорт превосходит водный в качестве главного средства глобальной миграции. Некоторые виды региональной миграции по-прежнему идут через наземные границы, особенно через границу между Мексикой и США. Однако сдвиги, произошедшие в видах транспорта, не изменили, хотя, может быть, увеличили, концентрации миграционных потоков в ключевых точках — аэропортах, определенных городах и т. д. Вследствие этого миграционные потоки на Запад встречаются теперь с более суровой и инс-

371

титутализированной системой охраны границ и контролем въезда, чем это было в эпоху протяженных неохраняемых границ, когда документы, удостоверяющие гражданство, были редкостью.

Работоторговля и передвижение азиатских рабочих были организованы «сверху» союзом колониальных плантаторов и правительств, а в случае китайской и индийской миграции в Северную Америку — железнодорожными компаниями. В XIX в. колониальные министерства в Европе и колониальные власти за границей объединялись с филантропическими и благотворительными обществами, чтобы направлять движение европейских эмигрантов в «Новый Свет». В послевоенное время в Европе главным организатором и регулятором миграционных потоков оставалось государство, но ключевым элементом в этой деятельности стали Министерства труда, а не колоний. Наряду с этими организациями, в зависимости от характера политики той или иной страны, участвовали представители капитала и трудящихся, особенно тех видов промышленности, где нехватка рабочей силы была особенно острой. В посылающих странах возникали агентства по размещению и занятости, организующие поток рабочей силы, направляемый как легально, так и нелегально, в принимающие страны. Эти агентства, действуя как один из факторов миграции и занимаясь отправкой людей, должны были также организовывать воссоединение семей, равно как и новую иммиграцию.

На международном уровне степень регуляции миграционных процессов остается весьма незначительной. Хотя обращение с беженцами и теми, кто просит убежища, начинает все больше регулироваться международными договорами и соглашениями, пока еще нет систематизированного международного режима или свода законов для регулирования движения рабочей силы, сравнимого с теми, что регулируют торговлю и движение капитала. Международная организация труда (ILO/MOT) со времени ее возникновения в начале XX в. стремилась разработать основные положения, регулирующие отношение к труду (и сейчас выдвигает декларацию о фундаментальных правах в этом отношении), но только в Европейском союзе были установлены обязательные международные легальные правила в отношении рабочей силы, хотя и они зависят от государственной поддержки. На уровне одной страны

стремление ограничить международную мобильность людей принимало форму усиления охраны границ и ужесточение правил, регулирующих процесс миграции. В то же время мигранты сталкиваются с постановлениями, ограничивающими возможности получения гражданства (см.: Hollifield, 1992).

Эти процессы отражают явное различие между образцами стратификации миграций XIX и конца XX вв. Если в XIX в. миграционные потоки двигались, как правило, с севера на юг, то сегодня в основном они идут с юга на север и с востока на запад. Это имеет серьезные последствия, особенно для европейских государств, так как новый уровень иммиграции принес новые модели социальной стратификации. Больше всего это затронуло Швецию и Германию. В обоих государствах процент иностранцев в населении в конце XIX в. был крайне мал: 0,1% в Швеции и 0,3% в Германии. В последующие 30—40 лет эти цифры выросли до максимума: в 0,4% для Швеции в 1920 г. и 1,9% для Германии в 1910 г. В годы между мировыми войнами произошел спад, а после войны резко обозначился стремительный рост. Между 1960 и 1990 гг. доля иностранцев среди населения Швеции выросла с 2,5% до 5,6% и с 1,2% до 8,2% — в Германии. В то же время в обеих

372

странах впервые появилось значительное количество неевропейцев и чернокожих (Mitchell, 1975; 1992; SOPEMI, 1991 и предыдущие годы, 1992).

В Великобритании наблюдаются те же тенденции, усложненные степенью натурализации тех людей, что приезжают в Соединенное королевство. Иностранное население, по данным 1990 г., составляло около 3,3% но эти данные не учитывают заметные и весьма многочисленные этнические сообщества, члены которых имеют британское гражданство. Великобритания, как Германия и Швеция, является многонациональным, если не мультикультурным, государством, каким она не была в XIX в. Франция несколько отклоняется от этой модели, поскольку в XIX в. у нее был очень высокий уровень внутренней и низкий уровень трансатлантической миграции. Иностранное население во Франции, составлявшее в 1870 г. 2,1%, выросло до 6,6% в 1930 г. и снова снизилось к 1950 г. Миграция последнего времени повысила долю иностранцев до 6,4% в 1990 г. (Mitchell, 1975; 1992; SOPEMI).

Трудно предоставить данные по Японии, но можно с уверенностью утверждать, что современный уровень иммиграции не имеет равных за всю историю этой страны. Как мы могли уже понять, обсуждая проблему интенсивности, США были многонациональным государством с момента своего возникновения и доля иностранцев в нем была исключительно велика — 13,9% в 1870 г. и максимум 14% в 1900 г. Резкое снижение иммиграции в период между мировыми войнами в сочетании с быстрым ростом местного населения привело к падению доли иностранцев до 6% в послевоенную эпоху. Однако иммиграция последнего времени увеличила эту цифру до 8%, а вместе с нелегальной иммиграцией она вполне может превышать ю%. Уровень иммиграции (измеряемый количеством иммигрантов на 100 тыс. населения) в первой половине 90-х гг. XX в. не имеет себе равных в истории, и нет ни малейших признаков его радикального снижения (Mitchell, 1983; US Department of Commerce, 1972; SOPEMI). Более того, США приближаются к более высокому уровню этнического разнообразия, чем в XIX в., включающему не только европейцев и африканцев, но также латиноамериканцев и азиатов.

Однако перечисленные тенденции не объясняют значительные различия в культурном опыте и социальных связях групп мигрантов. С. Каслс и М. Миллер провели полезное различие между формированием этнических меньшинств и этнических общин (Castels and Miller, 1993)- В первом случае этнические группы не только подвергаются сегрегации на рынке труда и по месту проживания (гетто), но и испытывают значительные социальные, культурные и политические ограничения. Они существуют как маргинальные группы на окраине обороняющегося местного общества, которое отказывает иммигрантским общинам в полном или хотя бы частичном гражданстве, что позволило бы им занять какое-то законное место в более широком мультикультурном обществе. Напротив, этнические общины существуют там, «где иммигранты и их потомки рассматриваются как составная часть мультикультурного общества, которое стремится изменить их культурную идентичность» (Castels and Miller, 1993- P- 195)- Фактически, как утверждают авторы, ни в одной стране нет групп, которые бы точно подходили к одной из этих категорий. Эти идеальные типы не отражают и всего разнообразия опытов различных этнических групп в одной стране. Но почти все страны находятся между этими двумя полюсами. Авторы исследования, на которое мы ссылаемся, считают, что Австралия более близка к модели

ния — к модели этнических меньшинств. Мы еще вернемся к рассмотрению некоторых сложных культурных последствий миграции в гл. /> когда речь пойдет о культурной глобализации. Здесь же мы сосредоточимся на понятиях национальной принадлежности и гражданства.

С. Каслс и М. Миллер рассматривают четыре модели гражданства в западных странах, которые свидетельствуют об отношении к гражданству и национальной идентичности и вместе с тем непосредственно зависят от государственной политики, которая формируется в этом культурном контексте: иммиграционной политики, политики натурализации, образовательной и культурной политики (Castles and Miller, 1993)– Эти четыре модели/стратегии суть следующие: иллюзорная, исключаяющая (exclusionary), республиканско-имперская и мультикультурная. Иллюзорное отношение к иммигрантам является не столько моделью гражданства, сколько намеренным пренебрежением к иммигрантским общинам. И в Японии, и в Италии представители государственной власти и политики закрывают глаза на значительные размеры нелегальной иммиграции. Конечно, это не означает, что вопрос о гражданском статусе мигрантов обходится стороной; это, скорее, не-ре-шение, которое обуславливает высокую степень маргинализации и ограничений и является как бы маской политического молчания, под которой может скрываться местный расизм. Исключаяющая модель — это в широком смысле модель этнического национализма, в которой родство, этнический и лингвистический статус служат основой базис гражданства. В Швейцарию, Германию и Бельгию, где преобладает в основном эта модель, мигранты приехали, в первую очередь, по строго регулируемым гостевым рабочим программам. Легальный статус иммигрантов признается, но он ниже статуса граждан принимающего государства. Возможности натурализации и принятия гражданства крайне ограничены, а официальные и неформальные культурные контакты между иммигрантами и местным обществом неравноправны и сдержанны.

Республиканско-имперская модель разнообразнее всех остальных, так как она состоит из сложной и нерасторжимой смеси разных моделей гражданства. Эта модель связывает гражданский статус прежде всего с местом жительства (а не с национальностью) и легче допускает переход от статуса иммигранта к гражданству, чем исключаяющая модель. Это особенно относится к мигрантам второго поколения, родившимся в принимающей стране, и к гражданам бывших колоний, которые приезжают в метрополию на более благоприятных, хотя и не вполне неопределенных, условиях, чем гостевые рабочие. Национальная принадлежность не является ограничивающим фактором, и безусловно признается взаимодействие между культурами и обществами метрополии и колоний, но культура метрополии остается доминирующей. Примером этой модели могут служить Великобритания, Франция и в какой-то степени Нидерланды.

Наконец, мультикультурная модель гражданства — такая модель, для которой миграция, как правило, является постоянной и получение гражданства гарантировано. В своей идеальной форме она предусматривает цивилизованный национализм, при котором существует множество идентичностей и прежние культуры иммигрантов переосмысливаются в свете новых волн иммиграции. Это, конечно, очень идеализированная модель. С. Каслс и М. Миллер признают асимметричность власти и законности, проявляющуюся, например, в США между доминирующей культурой белых и множеством прочих культур и групп (испанскими,

374

африканскими, азиатскими). Они утверждают, что Канада, Австралия и Швеция больше всех соответствуют этой модели.

Хотя буря националистической политики и шумиха по поводу идентичности, гражданства и законности сильнее охватили развивающиеся страны (и бывшие советские республики), в шести странах, составляющих предмет нашего case study, эти проблемы тоже возникали и возникают. Экономическая неопределенность послевоенных лет в совокупности с неспособностью найти цивилизованные способы решения проблем, связанных с присутствием большого количества неевропейцев, означало, что стратегии гражданства и национальной идентичности, осуществляемые в Европе и Америке, подвергаются атаке (Lithman, 1987; Solomos and Wrench, 1993). Пример Швеции доказывает, что даже кажущийся наиболее устойчивым мультикультурализм подвержен воздействию этих сил. В этой стране официальный мультикультурализм выражается в щедрых субсидиях с целью облегчить процесс натурализации и в политике предоставления убежища и социального обеспечения иммигрантам. Школы со вторым языком и меры по социальному обеспечению обязаны своим существованием открытому

(inclusive) универсализму шведской социал-демократии. Сделав свои политические удаchi вектором межклассового универсализма, обожествляемого в шведском государстве всеобщего благосостояния, социал-демократия с ее идеологией эгалитаризма вряд ли бы потерпела какое бы то ни было исключение на основе этнической принадлежности. Однако финансовые и экономические столпы открытого социал-демократического государства начали расшатываться, и в свою очередь отношение к иммигрантам и природа шведской национальной идентичности оказались под вопросом. Увеличение числа иммигрантских общин и стремительный рост экономической и политической неопределенности привели в начале 90-х гг. к возникновению откровенно расистских националистических групп и распространению популистской ксенофобии. Если в Швеции в последние годы отмечается подъем расистского национализма, то неудивительно, что на долю стран с менее открытой моделью гражданства выпала похожая политическая судьба (Harris, 1990). Германия и Франция начали процесс послевоенной иммиграции, руководствуясь более нетерпимыми понятиями о национальной идентичности, что вскормило более устойчивых и влиятельных крайне правых политиков, главным образом Республиканцев (Die Republikaner) в Германии и Национальный фронт во Франции. Подобные же движения, объединяющие оппозиционно настроенных политиков, недовольные элементы рабочего и среднего классов возникли в Бельгии, Австрии и Нидерландах, хотя большая часть этих настроений нашла свое отражение еще в «Ломбардских законах» в Италии. В Великобритании успехи на выборах и организационные возможности крайне правых были отчасти ограничены барьерами электоральной системы и тем, что большая часть этой политической территории была занята правым крылом Консервативной партии. Америка стоит несколько в стороне от этих тенденций. Этническая принадлежность и национальная идентичность были спорной областью со времен возникновения США. Более того, отказ от старой ассимиляционной модели «плавильного котла» американской идентичности был инициирован не новыми волнами иммиграции, а взрывами протеста со стороны участников движения за гражданские права в 60-х гг. Этот конфликт подогрел начавшиеся вслед за тем споры об амери-

375

канской идентичности и о противоположных республиканско-ассимиляционной и мультикультурной моделях. Хотя причины этих конфликтов носят иной характер, нежели в Европе, реакции на них обнаруживают черты сходства. Америка стала свидетельницей возрождения превосходства белых, все более резких установок по отношению к нелегальным иммигрантам и нового утверждения превосходства культуры WASP'oB (белых англосаксонских протестантов — White Anglo-Saxon Protestant), которой был брошен вызов бунтами 60-х гг. Успех референдума 1997 г. в Калифорнии о снижении пособий и услуг штата не имеющим документов иностранцам указывает на принятие новой — исключающей и прямо-таки драконовской — модели гражданства.

6.5 МИГРАЦИЯ И СМЕШЕНИЕ НАЦИЙ

Картины послевоенной глобальной миграции ясно показывают, что, по сравнению с предвоенной ситуацией, все шесть стран, составляющих предмет нашего case-study, стали скорее импортерами рабочей силы, чем экспортерами. Хотя эмиграция из них продолжалась (за исключением Великобритании), уровень ее был ниже, чем в XIX и начале XX вв. Различные формы иммиграции являются для этих стран доминирующей в настоящее время моделью смешения в миграционных потоках.

В конце Второй мировой войны в США существовали разнообразные запрещающие иммиграционные законы, принятые в межвоенные годы, и еще более ограничивающие меры, установленные во время войны. Они были немного ослаблены где-то в конце 40-х, чтобы принять около 200 тыс. человек из числа перемещенных лиц и беженцев, которые обосновались в США. Следующее ограничивающее законодательство было принято в 50-е гг. с целью ограничить общий поток иммиграции и разрешить ее, насколько это возможно, только для выходцев из стран Северной Европы, в связи с чем и были установлены квоты для стран и полушарий (Riemers, 1985; Portes and Bach, 1985; Borjas, 1990). В этот период основная часть официальной иммиграции в США шла из Европы, которая за период с 1946 по 1955 гг.¹¹ составила лишь 1,2 млн. человек. Поправки к законодательству 50-х гг., принятые в 60-е и 70-е гг., увеличили квоты официальной миграции в целом до 300 тыс. человек в год (все еще небольшое количество по меркам 1914 г.).

Однако история послевоенной иммиграции в США демонстрирует полный провал этого законодательства, с точки зрения реальных объемов иммиграции, и системы квот, предназначенной для запрещения въезда восточно- и южноевропейцам, латиноамериканцам и азиатам. Миграционные потоки не только не ослабели, но резко возросли в 70-х и 80-х гг., а их географические истоки круто поменяли свое исторически сложившееся трансатлантическое направление и сменились потоками из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, устремленными на север, и транстихоокеанскими потоками из Азии. В 80-е гг. показатели иммиграции в США — постоянной и временной, легальной и нелегальной — возросли настолько, что это было похоже на взрыв. Колоссальные размеры приобрела иммиграция нелегальная. В 80-е гг. власти США депортировали около миллиона человек ежегодно, в основном мексиканцев, за неправильно оформленные документы. Некоторые подсчеты дают основания предполагать, что на каждого задержанного приходится 4—5 человек, которым удалось проскользнуть через кордон. Это означает, что идет ежегодный поток численностью в 4—5 млн. человек, из которых многие в конце концов получают право на постоянное место жительства (Johnson and Williams, 1981; Bustamante, 1989). Более осторожные подсчеты позволяют предположить, что постоянный поток нелегалов ежегодно увеличивает население США на 200 тыс. человек (Papadimitriou, 1991). Постоянный легальный поток приезжающих также увеличился с примерно 500 тыс. человек в год в 80-е гг. до 1,5 млн. человек в 90-е. Из этого числа лишь 112 тыс. были европейцами, в то время как численность мексиканцев составила 679 тыс., а азиатов — 338 тыс. В результате этого скачка официальное число иностранных жителей, упавшее с 6,8% населения в 1950 г. до 4,7% в 1970 г. выросло до 8% в 1990 г. и продолжало расти в течение всего этого десятилетия (Mitchell, 1983; SOPEMI). Если учесть нелегальную иммиграцию, то вполне возможно, что эта цифра превышает сейчас 10% и, таким образом, приближается к уровню, зафиксированному на рубеже XIX—XX вв.

Продолжается значительная иммиграция и во Францию (SOPEMI, 1991 и предыдущие годы; 1992; Freeman, 1979; Hollifield, 1992). С первоначально низкого уровня в начале 30-х гг. XX в. иммиграция возросла до 2% рабочей силы ежегодно в начале 60-х. Этот показатель медленно повышался в 70-е гг. и достиг 7,7% в 1985 г., после чего он оставался на высоком уровне (Mitchell, 1975; 1992; SOPEMI). Кроме того, включение в состав Франции Алжира до получения им независимости скрывает уровень миграции из Северной Африки во Францию в этот период. Потоки временной рабочей силы из Италии сменились вскоре потоками с Иберийского полуострова, потом из Турции, Северной Африки и Французской Западной Африки. В основе этих изменений лежат рост уровня благосостояния в Южной Европе и процесс деколонизации Франции. В 1975 г. итальянские, испанские и португальские иммигранты составляли 50% иностранного населения во Франции, а североафриканцы — 33%. К 1992 г. эти показатели равнялись соответственно 31% и 39%. тогда как число мигрантов из Восточной и Центральной Европы и из бывших французских колоний в Африке значительно возросло. К 1982 г. иностранцы во Франции составляли 6,8% французского населения (SOPEMI). Хотя демографических различий между принимающим и приезжающим населением становится все меньше, некоторые из них все-таки сохраняются, и, таким образом, численность иностранного населения в процентном соотношении со всем населением является надежным указанием на состав рабочей силы. В течение 80-х гг. доля иностранных рабочих во Франции составляла 6—7%, хотя в одних видах промышленности она была значительно выше, а в других — значительно ниже. Например, в автомобильной промышленности в конце 70-х гг. иностранцы составляли более 18% рабочей силы (Hollifield, 1992).

Судя по официальным немецким данным, в конце 40-х гг. XX в. иммиграции в Германию практически не было. Позднее наблюдается постоянный поток приблизительно в полмиллиона иммигрантов в начале 30-х гг., который в 1965 г. увеличился до 800 тыс. человек в год и достиг пика — более миллиона человек — в конце 60-х — начале 70-х гг. (Castles and Kosack, 1985; Hollifield, 1992). Этот рост замедлился в конце 70-х — начале 80-х гг., после чего снова набрал силу в конце 80-х и 90-х гг. Немецкие данные очень сложно использовать из-за разных способов классификации этнических немцев, мигрирующих из Восточной и Центральной Европы, беженцев из ГДР и временных рабочих. Последних немецкие иммигра-

строгие условия, на которых неэтнические немцы въезжали в страну, и отказ (до 1998 г.) давать гражданство ФРГ иммигрантам второго поколения, особенно турецко-немецким, создают преувеличенное представление о численности иностранного населения в Германии по сравнению с другими странами Европы.

Первую волну временных рабочих, устремившихся в Германию в 50-е гг., составляли итальянцы и отчасти выходцы из других стран Южной Европы. Сооружение Берлинской стены в 1961 г. ускорило уже намечавшуюся явную тенденцию к внутренней миграции временных рабочих, так как поток с востока превратился в ручеек. К 60-м гг. эти потоки сменились рабочими, мигрирующими из Югославии и, главным образом, из Турции. Относительные показатели иммиграции достигли пика в начале 70-х гг., а в 1975 г. упали с 4% до 1,7%, после чего сохранялись на уровне примерно 2% в год. К концу 80-х гг. они снова стали резко возрастать. К 1980 г. численность иностранного населения в Федеративной республике Германии превышала количество иностранцев в любой другой европейской стране: 4,45 млн. человек, из которых около трети были турецкого происхождения и еще треть из Югославии и Италии (Mitchell, 1975; 1992; SOPEMI). К 1990 г. количество иностранцев в стране достигло 5,24 млн., причем основная масса приехала из Польши и Турции, а число приезжих из Южной Европы снизилось. Этот рост выразался и в относительных величинах: доля иностранцев среди населения ФРГ возросла с 7,2% в 1980 г. до 8,2% в 1990 г. — в Европе соответствующая величина выше только в Бельгии (9,1%) и Швейцарии (16,3%) (SOPEMI, 1992).

В Швецию начиная с 50-х гг. XX в. устремился большой поток иностранной рабочей силы. Он значительно усилился после создания единого Скандинавского рынка труда (Nordic labour market), охватывающего Швецию, Данию, Норвегию, Финляндию и Исландию (Lithman, 1987). С начала 60-х гг. потоки иммиграции составляли 0,35% населения ежегодно — значительно меньше, чем в других европейских странах, — и резко увеличивались в течение 60-х гг., достигнув максимума в 1971 г. В течение следующих пятнадцати лет сохранялся постоянный, но более низкий уровень иммиграции, который снова вырос в конце 80-х гг. Значение открытого Скандинавского рынка труда можно оценить, изучив состав шведского иностранного населения в 1980 г. Другие скандинавские народы составляли 57% всех иностранцев, проживающих в Швеции, причем среди них было 44% финнов, затем по убывающей: югославы, турки и чилийцы, приехавшие после падения правительства С. Альенде. Однако к 1990 г. скандинавы составляли только 38% иностранного населения, тогда как численность турков, иранцев, поляков и греков возросло. В относительных показателях иммиграция в Швецию была несколько меньше, чем во Францию и Германию: иностранцы составляли около 5,1% населения и рабочей силы к 1980 г. и 5,6% к концу десятилетия (Mitchell, 1975; 1992; SOPEMI).

В Великобритании в послевоенный период также наблюдались значительные иммиграционные потоки, начавшиеся и закончившиеся раньше, чем в большей части Западной Европы (Gilroy, 1987; Solomos, 1993). Объясняется это отчасти ввозом иностранной рабочей силы и сложностью процедуры получения гражданства, порожденной деколонизацией. Интересно, что Великобритания —

378

единственная страна из шести, составляющих предмет нашего исследования, где показатель ежегодной эмиграции почти так же высок, как и показатель иммиграции. Иммиграция оставалась на низком уровне в течение 50-х гг., но стала значительно повышаться в 60-х гг. и сохранялась на уровне 800 тыс. человек ежегодно в течение следующих двух десятилетий, хотя в середине 70-х гг. ее уровень несколько снизился. К середине 80-х гг. доля иностранцев, проживающих в Великобритании, достигла 2,8% от всего населения и увеличилась до 3,3% в 1990 г. (Mitchell, 1975; 1992; SOPEMI). Однако эти цифры скрывают общий уровень иммиграции и возрастающую этническую гетерогенность населения Великобритании. Например, данные о численности иностранного населения показывают, что в 1985 г. здесь проживало 138 тыс. индусов, 49 тыс. пакистанцев, 135 тыс. выходцев из стран Карибского бассейна (SOPEMI, 1991 и предыдущие годы; 1992). Однако данные по этническому составу Великобритании за те же годы значительно выше, что является следствием высокой степени натурализации.

Наконец, в Японии до начала 80-х гг. XX в. сохранялись сравнительно низкие уровни иммиграции и эмиграции (SOPEMI; Fong, 1993). В первые послевоенные годы экономической реконструкции наблюдались потоки миграции вовне, но они прекратились с экономическим подъемом 50-х гг. Вскоре начался и обратный процесс, так как многие этнические японцы, жившие в Южной и Северной Америке, стали возвращаться домой. Корейское население, увеличившееся за счет вы-

нужденных переселений во время Второй мировой войны, осталось в Японии и составляло около полумиллиона человек — менее 0,5% населения. В 80-х гг. уровень эмиграции, особенно временной, стал возрастать по мере того, как квалифицированная японская рабочая сила двигалась вслед за экспортом японского капитала в Европу, США и Юго-Восточную Азию. Одновременно в Японию устремился кратковременный поток неквалифицированной рабочей силы, в основном нелегально. К концу 80-х гг. уроженцы Пакистана, Индии, Филиппин и Индонезии тысячами пробирались в Японию, чтобы заполнить множество низко оплачиваемых рабочих мест в сфере обслуживания. Число нелегальных иммигрантов, которым отказывали в праве на въезд, увеличивалось ежегодно в пять раз, а количество ежегодно высылаемых нелегальных иммигрантов за время с 1986 по 1991 гг. утроилось и составляло 35 тыс. человек (OECD, 1993a). Несмотря на почти одинаковые тенденции в сфере экономической миграции, у разных стран был разный опыт в отношении потоков беженцев и лиц, обращающихся с просьбой о предоставлении им убежища. В целом Европа приняла четыре пятых всех подавших прошение об убежище в страны ОЭКД, а Северная Америка — остальных. Япония вряд ли принимала у себя каких-либо беженцев. В Северной Америке львиную долю просителей приняли США, число которых возросло с 20 тыс. человек в 1983 г. до максимума в 100 тыс. в 1989 г. Политика относительно беженцев и просителей убежища всегда была тесно связана с внешней политикой. Во времена Холодной войны принимали любого человека из коммунистического государства. В послевоенный период и до 1989 г. США приняли 473 тыс. человек из Кубы и 411 тыс. из Вьетнама. В 1994 г. был отмечен рекордный уровень прошений об убежище, вызванный массовым исходом гаитян и кубинцев. В Европе наибольшее количество просителей приняла Германия, со своей самой сильной экономикой и самыми либеральными законами о предоставлении убежища. В 1981 г. она приняла 65% всех просителей убежища в Европе, в 1991 г.

379

эта цифра снизилась до 47%— Однако абсолютный рост огромен — с 107800 человек в 1980 г. до более чем 750 тыс. в 1991 г. За четыре года (1988—1991) Германия приняла прошение об убежище от более чем 670 тыс. человек. Во Франции, Швеции и Великобритании наблюдались те же тенденции: между 1980 и 1991 гг. количество прошений во Франции увеличилось с 18 тыс. до 50 тыс., в Швеции — с 6 тыс. до 41 тыс. и в Великобритании с 9 тыс. до 57700 человек. В пропорциональном выражении Франция и Швеция приняли каждая около ю% просителей убежища (население Швеции составляет менее одной пятой населения Франции), а Великобритания немного меньше.

6.6 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Каковы последствия современной глобальной и региональной миграции для автономии и суверенитета национальных государств? Можно выдвинуть ряд гипотетических утверждений относительно институциональных, распределительных, структурных и относящихся к принятию решений последствий современных образцов глобальной миграции, особенно для развитых капиталистических стран. Во-первых, поток нелегальных и не имеющих документов мигрантов, экономических и неэкономических, показывает ограниченные возможности многих национальных государств защищать свои границы. Во-вторых, те страны, которые усилили контроль за своими границами, были не в состоянии остановить поток нелегальных мигрантов. В-третьих, растущее международное сотрудничество с целью контроля или координации политики разных стран в отношении миграции указывает на признание изменяющегося характера государственной автономии или суверенитета и необходимость увеличения кооперации в этой области. В-четвертых, в сфере экономической и культурной политики миграция трансформировала внутреннюю политическую среду, в рамках которой должны действовать развитые капиталистические страны: коллективная сила и модель союзов политических действующих лиц изменились; миграция изменила политические интересы и их восприятие. И, наконец, миграция изменила типы выбора политики, имеющегося у государства, а также соотношение затрат и выгод, связанных с этой политикой. Ниже мы рассмотрим каждое из этих утверждений.

6.6.1 ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ПОГРАНИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ VERSUS НАДЗОР

Развитые капиталистические государства никогда не были в состоянии полностью закрыть свои границы. Два века тому назад государства разделялись аморфной, проницаемой и довольно смутной областью границ, болотами и окраинами, на которых власть данного государства не резко прекращалась, а как бы постепенно растворялась (см. гл. i). Государства

всегда пытались контролировать движение людей в этих регионах, заботились о поселениях в отдаленных районах и передвижении населения. Европейские государства имеют длинный позорный список насильственных изгнанников, например евреев и гугенотов. Однако было бы анахронизмом сравнивать политику этих государств с современными формами контроля границы. Ибо, как показано в гл. i, государства лишь недавно установили границы в их современной форме как фиксированные, четко обозначен-

380

ные границы, строго ограничивающие территориальные владения данного государственного суверенитета. Только с возникновением национальных государств и установлением их границ появилась документация, свидетельствующая о гражданстве — паспорта, визы и т. д., и государства разработали бюрократические методы контроля за входящими миграционными потоками.

Современные формы пограничного контроля впервые появились в США в конце XIX в.

Концентрация иммигрантов на океанских кораблях в нескольких ключевых портах восточного и западного побережья США показала, что для того, чтобы справиться с этими миграционными потоками, нужно создать более высокую концентрацию государственных ресурсов, чем та, которой можно обойтись при наличии длинных сухопутных границ. Наряду с созданием приемных центров, разрабатывались правила паспортного контроля и иммиграционные критерии, которые вначале обслуживали весьма открытую иммиграционную политику. И только в период между мировыми войнами, в связи с ужесточением иммиграционной политики США, этот аппарат был перестроен. Стремительное снижение эмиграции в США дает основания полагать, что эти административные и принудительные инновации — которые постепенно принимались всеми странами — увеличили власть государств по отношению к миграционным потокам. В послевоенную эпоху этим бюрократическим системам пришлось справляться с резко увеличившимися миграционными потоками и с большим количеством приезжающих со всех концов земли. Постоянные мигранты приезжают в качестве рабочих по контракту. Необычайно вырос международный туризм, число лиц, которые обращаются с просьбой о предоставлении им убежища, студентов, вос-соединяющихся семей и т. д. Растущее количество и сложность этих бюрократических категорий создали большое напряжение в работе контролирующей границу организаций. Туристы могут задержаться на более длительное время, а студенты по окончании курса обучения могут затеряться среди населения (Zolberg, 1993)- В либерально-демократических странах надзор за деятельностью органов иммиграционного контроля сделал эти лазейки еще шире.

Если миграционные потоки, которые обслуживаются международными авиалиниями, остаются достаточно сконцентрированными, то нелегальную и легальную миграцию, которая происходит через наземные границы, дорого и — по причинам географического характера — довольно трудно контролировать. В частности, США не могут должным образом обеспечить охрану своей протяженной границы с Мексикой. Эта проблема стоит также перед Германией и Францией из-за их протяженных наземных границ, но, в отличие от ситуации на границе между США и Мексикой, границы этих государств находятся внутри Европейского союза и фактически являются открытыми. Однако, как показывает миграция в островные государства — Японию и Великобританию, физические барьеры становятся все менее эффективными для контроля границ. На Западе уровень нелегальной миграции возрастает. Японские и американские агентства сообщают о том, что показатели возврата держатся на уровне 20%. Несмотря на все усилия, по подсчетам МОТ (Международная организация труда), в 1991 г. в Германии было 650 тыс. нелегальных иммигрантов, в Италии — 600 тыс., а во всей Западной Европе приблизительно 2,6 млн. человек (Bohning, 1991)- В США в одной только южной Калифорнии количество нелегалов превышает эти цифры.

В 70-х и 80-х гг. все западноевропейские страны ужесточили иммиграционные

381

законодательства и усилили полицейские меры. Эти меры включали в себя суровые санкции на воздушных транспортных средствах; более жесткие требования к визам; отказ от приема тех, кто обращается с просьбой о предоставлении убежища; соответствующее изменение законодательства, а также активное наказание для иностранцев, не имеющих документов. Однако все эти меры не смогли пресечь нелегальный переход границы, — разве что лишь немного сдержать рост миграционных потоков.

В результате этих изменений государства начали прибегать к различным методам внутреннего

наблюдения и контроля за составом своего населения. В большинстве высокоразвитых капиталистических стран существуют законодательные, конституционные и политические препятствия для предоставления полиции полномочий останавливать людей и проверять их личность по подозрению. Там, где такие полномочия были предоставлены, часто нарушались гражданские свободы или начиналась регулярная и систематическая дискриминация национальных меньшинств. Вследствие чего страны либеральной демократии попытались остановить нелегальную миграцию, контролируя доступ на рынок труда. Отсюда возникла растущая тенденция наказывать нанимателей, использующих нелегальный труд. Однако даже в США, где принимались достаточно драконовские меры, результат был незначителен. Это отражает ограниченность государственных институтов, ресурсов и техники, доступных им, и неспособность тех же организаций привлечь к сотрудничеству те социальные силы, которые могли бы им помочь (Castles and Miller, 1993)-

При обсуждении наблюдения и контроля на границе выясняются три важных аспекта проблемы государственного суверенитета и автономии. Во-первых, изменился баланс сил между государствами и мигрантами, особенно теми, кто стремится избежать пограничного контроля, изменился со временем. Силы развитых капиталистических стран возросли в результате создания иммиграционных служб, документального оформления гражданства и направления мигрантов через гавани и аэропорты. Но возможности мигрантов, позволяющие им избежать контроля со стороны государства тоже возросли, так как рост туризма и студенческих обменов открыл новые лазейки в практике иммиграционных служб. Во-вторых, способность высокоразвитых капиталистических стран осуществлять свою политику не всегда, точнее говоря, редко когда зависит только от государства, которое само зависит от целого ряда социальных акторов, например от нанимателей, использующих нелегальную рабочую силу, и не всегда имеет над ними полную власть. Развитые капиталистические государства лишь тогда смогут успешно осуществлять цели общественной политики, когда обеспечат достаточно высокую степень кооперации со стороны социальных акторов. В отношении нелегальной миграции им это часто не удавалось. В-третьих, иммиграционную политику нельзя рассматривать в отрыве от другого рода политики, влияющей на рынок трудовых ресурсов. Некоторые государства таким образом вмешивались во внутренний рынок трудовых ресурсов, что привлечение на работу иностранных рабочих, не имеющих документов, делалось более привлекательным. В частности, в США эрозия организованной рабочей силы облегчила прием таких рабочих, тогда как во Франции и Германии высокая стоимость социального обеспечения при найме зарегистрированных и легальных рабочих поощряет использование иностранных рабочих как способ избежать лишние затраты.

382

6.6.2 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ И ПОГРАНИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА МИГРАЦИЕЙ

Высокоразвитые капиталистические страны, стремясь регулировать современные миграционные потоки, были вынуждены выработать формы международной кооперации, чтобы перекрывать их в самом начале — либо с помощью развития и экономической помощи, либо с помощью международных полицейских мер контроля. Модель развития, контролирующая побудительные факторы миграционного процесса, функционировала в основном на риторическом уровне или в рамках организаций, имеющих сравнительно небольшую власть, как, например, Европейский Парламент. Хотя Япония и осуществляет проекты по обучению и капиталовложению в Юго-Восточной Азии с целью ограничения миграционных потоков, мало оснований предполагать, что произойдет изменение японской или чьей-либо другой политики по оказанию помощи и развитию в сторону увеличения; происходит скорее постепенное сокращение соответствующих статей бюджета. Коллективные попытки регулировать поток беженцев и мигрантов до сих пор также были ограничены. ЕС достигло в этом некоторого прогресса, заключив Дублинские и Шенгенские соглашения. Тем не менее следует заметить, что попытки национальных правительств совместными усилиями контролировать миграцию вошли в резкий конфликт с ранее принятыми международными законами, конвенциями и обязательствами. И французские, и немецкие конституционные суды успешно оспорили некоторые статьи Дублинских и Шенгенских соглашений; в первом случае это относилось к постановлениям о высылке и контролю за лицами, попросившими убежища, которые противоречат Женевской конвенции о беженцах; во втором — к зачислению Греции в категорию «надежной страны» для тех, кто просит убежища, что — согласно юридической оценки со стороны Германии — не соответствовало тому, как обстоят в этой стране дела с правами человека.

6.6.3 РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЗАНЯТОСТИ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Исследования влияния иммиграции на средние показатели заработной платы в принимающей стране и дифференциального влияния иммиграции на показатели заработной платы различных классов и этнических групп на национальных рынках труда свидетельствуют о маргинальном, но предположительно конструктивном ее влиянии (см.: Ichino, 1993)- Поскольку иммигранты заполняют нижние уровни рынка труда, местная рабочая сила уходит на более высокооплачиваемые должности. Такой вывод позволяют сделать исследования, проводившиеся в Европе в 60-х — начале 70-х гг. и в наше время в Канаде, Австралии и США (Borjas, 1987, 1990, 1993)-

Более подробную картину экономических последствий миграции для принимающих стран можно получить в результате качественного анализа. Влияние миграции зависит прежде всего от конкретного характера иммиграции. Мигранты не являются однородной массой с точки зрения оценки их экономического влияния. С другой стороны, последствия для разных групп в принимающей экономике весьма различны. На рынках труда принимающих стран среди иммигрантов

383

заметна сильная поляризация. Во многих странах ОЭСР значительный процент иностранных работников составляют высококвалифицированные специалисты, нередко из других европейских стран. На другом конце шкалы рабочие-иммигранты занимают самые ненадежные и низкооплачиваемые места. В последние двадцать лет в странах ОЭСР обе эти ниши увеличились. Разрушение системы регулирования рынка труда и возникновение небольших компаний и неформальной экономической деятельности привело к появлению таких видов работы, за которую могут взяться только обнищавшие иммигранты. Рост доходов самых состоятельных сегментов американского общества породил, в частности, значительную потребность в работниках по дому. В то же время распространение высоких технологий и индустрии обслуживания создало рабочие места для специалистов, менеджеров, инженеров, которых часто не хватает в стране. Общины иммигрантов также создают значительное количество рабочих мест и предприятий (Light and Bonacich, 1988; Waldinger et al., 1990). В Великобритании азиатские предприниматели оживили розничную торговлю, пищевую, текстильную и мануфактурную промышленности. В Германии то же самое сделали турки, во Франции — алжирцы, в США — корейцы и вьетнамцы. В целом влияние мигрантов на страны ОЭСР в определенные периоды было, возможно, позитивным. Очевидно, что, если бы не было крупномасштабной миграции, европейские страны испытывали бы очень серьезные проблемы на рынке труда в 50-е и 60-е гг. Необычайно долгий период устойчивого экономического роста, полной занятости и довольной низкой инфляции был возможен отчасти потому, что инфляционные последствия пустующих рынков труда смягчались постоянным потоком низкооплачиваемых мигрантов, попадавших в нижние слои этих рынков (Kindleberger, 1967). Хотя эта ситуация, особенно после 1973 г., усилила давление на неквалифицированных мужчин на внутреннем рынке труда, но тем не менее они оставались в нем. Более того, это не они, а иммигранты вынесли основную тяжесть реструктурирования экономики стран ОЭСР в 80-е гг. Повсюду показатели безработицы этнического меньшинства превосходят таковые для местного европейского населения. Точно также устойчивую конкурентоспособность Калифорнийского сельского хозяйства и значительной части американской промышленности нельзя отделить от того факта, что в США существует единственная высокоразвитая экономика с легко доступным, очень дешевым, нерегулируемым или нелегальным рынком труда. США также оказались самой привлекательной страной для квалифицированных профессионалов со всего мира, что, вероятно, объясняет в какой-то мере их конкурентоспособность в сфере высоких технологий и обслуживания. Японская экономика до сих пор мало затронута этими экономическими изменениями, хотя это, очевидно, является результатом мощной японской волны заграничных капиталовложений. Скорее, это японский капитал гнался за дешевой рабочей силой, а не наоборот (см. гл. 5).

6.6.4 СТРУКТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСТВО

Люди не только работают. Структурные последствия миграции, вызываемой экономическими причинами, неизбежно сказываются в социальной, культурной и политических сферах. Сейчас в европейских странах проживает большое коли-

384

чество чернокожего населения. В США, разумеется, чернокожие, латиноамериканцы и азиаты живут уже давно, но и здесь их численность быстро растет. Иммигранты селятся в основном в бедных районах (хотя в принимающих странах появляются анклавные состоятельные иммигрантские общины). Иммигрантские общины собираются в больших городах и образуют концентрированные этнические поселения. В Великобритании афро-карибские и азиатские общины сконцентрированы в Лондоне, Бирмингеме, Брэдфорде, Ливерпуле, Бристоле и Лидсе. Азиатские иммигранты в США селятся преимущественно в больших городах Западного побережья, латиноамериканцы — в южной Калифорнии и Техасе. Более половины иммигрантских общин в Нидерландах сконцентрированы в четырех самых крупных городах. Это является, в свою очередь, результатом государственной политики в области жилищного строительства, географии рынков труда и активного создания городских соседских поселений самими иммигрантскими общинами (White, 1984; Glebe and O'Loughin, 1987).

Вопрос о национальной идентичности в обществах, становящихся все более мультикультурными, все чаще и чаще ставится на повестку дня современными процессами глобализации и регионализации миграции. Высокоразвитые капиталистические страны, которые стремятся следовать исключительной модели гражданства и идентичности, могут столкнуться с тем, что целый ряд меньшинств окажется географически сконцентрированным на их территории, а также, весьма вероятно, с растущей волной недовольства и конфликтов. Маловероятно, что они обеспечат себе пространство для маневрирования, поступая таким образом. Они просто обменивают один набор политических и культурных проблем на другой. Государства, которые пытаются следовать мультикультурной модели идентичности и гражданства, могут избежать пагубных последствий исключительного курса. Однако такая стратегия может привести к дальнейшим, скорее внутренним, чем внешним, напряжениям в автономии этих государств. Ибо высокоразвитые капиталистические страны, в общем, являются плохими катализаторами культурного изменения, и особенно в либерально-демократических обществах, где они лишены монополии в сфере образования и культурной деятельности. Если они хотят претворить в жизнь настоящий мультикультурализм, то должны будут получить поддержку от более просвещенного и мультикультурного гражданского общества. Но ресурсы для этого часто оказываются чрезвычайно малы и несовершенны.

6.7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные образцы миграции в географическом отношении более экстенсивны, чем глобальная миграция нового времени, но в целом — немного менее интенсивны. Между этими эпохами произошли значительные изменения в технологической и социальной инфраструктуре. С точки зрения смешения западноевропейские страны стали в настоящее время наиболее многонациональными со значительным количеством неевропейских иммигрантских общин. В Японии впервые появились значительные иностранные общины, тогда как Америка возвращается к уровню иностранного населения, зафиксированному на пике иммиграции перед Первой мировой войной. Автономия национальных государств пересматривается под влиянием прошлой легальной и продолжающейся неле-

385

гальной миграции. Высокоразвитые капиталистические страны больше не в состоянии охранять свои границы и следить за населением так, как этого требуют современные задачи. Международное сотрудничество тоже пока еще не разрешило перечисленных проблем. Более того, понятия гражданства и национальной идентичности определяются заново в ответ на современные модели глобальной миграции и культурной глобализации. Но какими будут эти новые определения и к чему они приведут — это во многих случаях пока еще совершенно не ясно.

7 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА И СУДЬБА НАЦИЙ

Немногие проявления глобализации так заметны, широко и повсеместно распространены, как всемирное проникновение торговых марок тех потребительских товаров, которыми торгуют во всем мире, глобальное господство популярных культурных символов и артефактов и одновременное освещение событий с помощью спутникового вещания для сотен миллионов людей на всех континентах. Наиболее известными символами глобализации являются Кока-Кола, Мадонна и новости на Си-Эн-Эн. Каковы бы ни были причины и практическая значимость этих явлений, можно не сомневаться, что одной из наиболее воспринимаемых и остро ощущаемых форм глобализации является культурная. Каким бы сложным ни было культурное взаимодействие между обществами в течение последних трех тысяч лет, все же усиливающаяся мобильность

образов и символов, необычайно широкое распространение методов мышления и способов коммуникации — это уникальные и беспрецедентные особенности конца XX в. и начала нового тысячелетия. Не существует исторического эквивалента глобальному проникновению и объему культурного движения с помощью современных телекоммуникаций, радиовещания и транспортных инфраструктур.

7.1 АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современных дискуссиях выявились три подхода к проблеме, связанной с последствиями и природой культурной глобализации (см. Введение). *Гиперглобалисты* описывают или предсказывают гомогенизацию мира под покровительством американской массовой культуры или западной потребительской культуры в целом. Гиперглобалистам противостоят *скептики*, которые подчеркивают тонкость пленки и суррогатный характер глобальных культур по сравнению с национальными культурами, сохраняющиеся и даже растущее значение культурных различий, указывают на конфликты на геополитических границах крупнейших цивилизаций мира.

Трансформисты толкуют о том, что смешение культур и народов порождает культурные гибриды и новые глобальные культурные сети. Мы еще вернемся к различным аспектам этих дискуссий.

Ясно, однако, что они происходят в основном по поводу *влияния современной культурной глобализации на национальные сообщества*. Здесь возникают три проблемы. Во-первых, у сторонников этих точек зрения существует тенденция либо преувеличивать, либо недооценивать размах и глубину современных форм культурной глобализации. Из-за отсутствия строгой концептуальной схемы для описания культурных потоков внутри и между обществами, а не просто из-за недостаточной изученности их влияния невозможно правильно оценить культурную глобализацию. Во-вторых, многие авторы не учитывают важность концептуального подхода к историческим проблемам. Большинство представляют себе мир, в котором глобальные потоки культуры должны противопоставляться потокам и институтам на национальном уровне. Хотя это занимает главное место в современных дискуссиях, при рассмотрении мира до возникновения национальных государств и националь-

387

ных культур это мало что дает. В-третьих, авторы не делают точного различия между влияниями, которые влекут за собой изменения в культурной идентичности и системе ценностей нации, и теми влияниями, которые трансформируют контекст и процессы формирования национальной культуры. Как мы покажем далее, это различие имеет фундаментальное значение. В этой главе мы рассмотрим основные дискуссии о современной культурной глобализации и, используя схему, описанную во Введении, разовьем такую ее характеристику, которая не оставит без внимания ее изменяющиеся исторические формы.

Прежде всего отметим, что наша аргументация состоит из пяти пунктов. Во-первых, наличие трансрегиональных, трансквицизационных и трансконтинентальных культурных потоков и институтов — культурной глобализации — имеет глубокие исторические корни.

Действительно, можно утверждать, что исторически высшая фаза культурной глобализации, с точки зрения ее способности формировать общества и идентичности, приходится на период гораздо более ранний, чем Новое время, и имеет форму мировых религий и имперских элитарных культур. Во-вторых, мы утверждаем, что начиная с конца XVIII в. центральное положение этих прежних форм культурной глобализации было утрачено, с одной стороны, из-за появления национальных государств, национальных культур и национальных культурных институтов, а, с другой стороны, из-за развития и распространения на Западе новых светских идеологий и способов мышления, в первую очередь либерализма, социализма и строгой науки. В-третьих, несмотря на космополитические и интернационалистские заявления этих идеологий и способов мышления, а также развитие новых технологий передачи культуры (телеграф, авиация, кино и пр.), баланс эффективной культурной власти в течение почти двух последних столетий складывался в пользу национальных государств и национальных культур.

В-четвертых, в современную эпоху ряд технологических и институциональных трансформаций еще раз изменил этот баланс. Новые технологии телекоммуникаций и появление международных корпораций, распоряжающихся средствами массовой информации, наряду с другими факторами породили глобальные культурные потоки, чей размах, интенсивность, разнообразие и быстрое распространение превзошли все, происходившее ранее. Соответственно, брошен вызов центральному положению национальных культур, национальных идентичностей и их институтов. В-пятых, этот вызов исходит отчасти от

продукции массовых культур и от диффузного и двусмысленного культурного поля потребительства и материализма. Следовательно, это сложная и чрезвычайно трудная задача — правильно интерпретировать влияние этой новой формы культурной глобализации на политические идентичности, национальную солидарность, культурные ценности и т. д. Мы находим, что большая часть дискуссий о влиянии современной культурной глобализации ведется пристрастно, и в то же время, когда указывают на потенциальную хрупкость и изменчивость национальных культур и идентичностей, доказательства этого, если их тщательно взвесить, оказываются чрезвычайно сомнительными. Культурная глобализация изменяет *контекст*, в котором происходит производство и воспроизводство национальных культур, меняет средства, с помощью которых это осуществляется, но ее конкретное влияние на характер и эффективность национальных культур — на власть и влияние их идей, ценностей и содержания — пока еще очень трудно определить.

388

7.1.1 ПОНЯТИЯ

Понятия культуры и коммуникаций неоднозначны. Представление о культуре имеет долгую и сложную историю в дискурсах западной эстетики, социальной и политической теории и социологии. Наверное, можно сказать, что культура связана с социальным конструированием, артикуляцией и восприятием смысла (*meaning*). Мы используем термин «культура» в его наиболее полном, хотя, может быть, иногда неопределенном смысле: культура как жизненный и творческий опыт индивида, а также совокупность артефактов, текстов и предметов; она включает в себя специализированные и профессиональные дискурсы об искусстве, материализованную продукцию культурной индустрии, спонтанные и неорганизованные выражения культуры в повседневной жизни и, конечно, сложные взаимодействия между всеми перечисленными компонентами. Коммуникация в этом контексте означает те способы, с помощью которых эти артефакты, представления и идеи перемещаются во времени и пространстве. Она, в свою очередь, может быть разбита на ряд отдельных процессов. Ибо идеи и значения могут записываться, сохраняться и воспроизводиться. Стало быть, должна существовать физическая возможность переносить и передавать их в другое время и в другое место, а для этого должны существовать способы хранения, передачи и приема информации и соответствующие институты, обеспечивающие возможность этих процессов (J. B. Thompson, 1990).

Пространственно-временные параметры культурной глобализации

Для целей этой главы наиболее подходящим из понятий, рассмотренных во Введении, является представление о глобализации как о движении объектов, знаков и людей в регионах и межконтинентальном пространстве. Глобализация культуры включает в себя движение всех трех составляющих. Совершенно естественно, что люди оказались наиболее важными и влиятельными агентами передачи культуры. Действительно, до появления телекоммуникаций в XIX в. (и, возможно, голубиной почты в XVIII в.) все коммуникации (или их отсутствие) были связаны со способами передвижения, так как ни один человек, книга, знак или идея не могли двигаться независимо от людей и лошадей, кораблей или повозок, которые их перевозили. Однако глобализация культуры включает в себя и движение предметов. Так как, хотя индивиды были важными носителями культурных навыков, возможности коммуникации для них были ограничены личным присутствием. Помимо людей, культурные формы и идеи распространялись в пространстве через книги, записи и всевозможные культурные артефакты — как развлекательного, так и научного характера. Наконец, с возникновением телекоммуникаций передача культуры через артефакты уменьшилась, так как бестелесные знаки — в виде электрических сигналов — распространяются в пространстве и времени почти мгновенно. Мы можем нарисовать карту глобализации культуры, используя такие понятия, как географическая *экстенсивность* этих движений и их *интенсивность*, или объем, в национальном и локальном масштабе. Можно также построить диаграмму культурной глобализации, показывающую *скорость*, с какой образы или идеи могут передаваться из одного места в другое.

Как и в других случаях, когда речь идет о глобализации, исключительное вни-

389

мание к потокам лишает нас возможности заметить важность длительных отношений, устанавливаемых этими потоками, и переживания участников на обоих концах потоков. В случае культурных потоков это относится к производителям и получателям/потребителям культуры и

передаче культурных явлений от одних к другим. Очевидно, что некоторые потоки, движения или объекты мимолетны и не влекут за собой серьезных социальных последствий. Маловероятно, что один-единственный путешественник, прибывший из одного изолированного общества в другое, навсегда изменит культуру в каком-либо из этих обществ или наладит постоянную сеть взаимодействия и культурного обмена между ними. Однако там, где такие отношения устанавливаются, мы можем утверждать, что глобализация культуры расширяет и углубляет культурные отношения и навыки культурной жизни. Возможно, эта идея лежит в основе представления М. Манна о трансцендентальной мощи культуры, благодаря которой движение людей и текстов помогает формировать общие культурные представления на обширном пространстве и — тем самым — модели взаимодействия и обмена между отдельными местами, в силу чего культурные идеи, возникшие в одном регионе, влияют на идеи, бытующие в другом (Mann, 1986). Конечно, степень взаимодействия и культурного подобия будут разными. Так, помимо расширения мы можем говорить также об углублении культурных отношений в том случае, когда изменения, дискуссии и инновации, возникшие в одном месте, с большой вероятностью будут перенесены в другое (или отвергнуты в нем). Это соединение мест и людей, разделенных во времени и пространстве, можно рассматривать и как форму сжатия времени и пространства. Однако *степень влияния* глобализации культуры трудно градуировать. Возможны разные типы взаимодействия — в том числе гомогенизация, состязание, гибридизация, безразличие, — и их необходимо оценивать в зависимости от изменяющегося контекста и изменяющихся условий.

Организационные параметры культурной глобализации

Описывая глобализацию культуры, не следует рассматривать только сознательную активную деятельность индивидов и непосредственно локальное влияние артефактов и объектов, поскольку это ведет к укреплению ложного мнения о том, что главными движущими силами культурной глобализации являются проповедничество и вербовка сторонников. Конечно, культурные навыки могут навязываться и активно навязываются в местах, далеких от места их возникновения. Империи, в частности, являются типичным примером экстенсивного проникновения новых культурных идей, влияние которых поддерживается угрозой использования принудительной силы и фактом политического подчинения. Но исторические источники свидетельствуют о том, что процесс глобализации культуры более сложен и разнообразен по своим формам и отношениям между производителями и реципиентами. Так, важный аспект этого процесса связан с понятием *способов взаимодействия*, т. е. основных методов, с помощью которых осуществляется культурная глобализация — таких как навязывание, соревнование, диффузия. Движение и усвоение культурных навыков может происходить путем активного импортирования и воспроизводства. Кроме того, существуют менее сознательно организованные процессы культурной диффузии, когда культурные навыки постепенно усваиваются другими культу-

390

рами благодаря постоянным контактам между ними и приспособлению к местным условиям. Понятие империи позволяет нам выделить следующие элементы глобализации культуры: система *инфраструктур* культурного производства, передачи и приема и уровень *институционализации* культурных потоков и процессов, позволяющий судить о том, в какой степени они отрегулированы и запечатлены во времени и пространстве. Как и любая форма власти, культурная власть не может быть мобилизована и развернута, если нет организаций, которые создают, передают, воспроизводят и получают культурные идеи или навыки. К числу таких организаций относятся способы передачи и коммуникации культурных ценностей. Однако эти способы означают нечто большее, чем технологии, какими бы важными они не были, так как технологии создаются и действуют благодаря социальным организациям. Для постройки океанских судов требуются кораблестроители, картографы и мореходные компании. Культурный империализм требует создания колониальных образовательных учреждений и обучения учителей. Все эти виды взаимодействия требуют от участников минимальных лингвистических знаний — навыков разговорной речи, наличия би- и мультилингвизма, средств перевода, что является, наряду с технологиями и организациями, ключевым элементом культурных инфраструктур. Поэтому мы можем говорить о глобализации культуры там и тогда, где и когда появляются инфраструктуры и институты передачи, воспроизводства и восприятия культуры в глобальном — межрегиональном и межконтинентальном — масштабе. Например, если речь идет о телевидении, то сюда могут входить развитие международного рынка телевизионных программ, создание межнациональных компаний по производству и распространению телепрограмм, создание телевизионных установок

во всем мире и транснациональных систем спутникового вещания, а также возникновение соответствующих регулирующих порядков.

Перечисленные способы культурной глобализации — расширение и углубление отношений, движения знаков, объектов и людей, культурная диффузия и подражание, создание инфраструктур и институтов — могут порождать соответствующие модели *стратификации*, т. е. иерархии и неравенства. В случае с телекоммуникациями очевидно, что доступ к звеньям глобальной коммуникации чрезвычайно асимметричен и неравномерен для разных обществ и внутри одного общества. В отношении телевизионных программ совершенно ясно, что только очень немногие страны и компании производят их на экспорт. И ясно, что большинство из нас большую часть времени являются получателями и потребителями «массовой культуры», а не ее производителями и распространителями (хотя Интернет и начинает стирать это различие).

Мы считаем, что этот концептуальный арсенал обеспечивает нас широким набором инструментов для изучения причин и последствий культурной глобализации; он позволяет избежать исключительной сосредоточенности на последствиях культурной глобализации и исследовать в первую очередь трансформации и достижения, которые делают возможными такие последствия. Далее, мы можем использовать эти концептуальные рамки для того, чтобы проследить исторические формы культурной глобализации, посмотрев, как сами национальные культуры, которые сегодня кажутся такими укоренившимися, выковывались, изобретались и переделывались в течение долгого времени, и убедившись в том, что

391

современные культурные потоки имеют конкретных исторических предшественников.

Именно к этим предшественникам мы теперь и обратимся.

Остальная часть этой главы состоит из следующих разделов. В разделе 72 мы рассматриваем некоторые из основных исторических форм культурной глобализации, существовавшие до начала XX в., воздействие которых было, вероятно, сильнее, чем глобальное распространение корпоративных символов и поп-культуры: великие мировые религии, огромные империи, национализм нового времени и космополитические светские идеологии. В разделе 73 мы рассматриваем некоторые количественные и качественные аспекты глобализации культуры и коммуникаций в новейшее время. Мы рассматриваем шесть ключевых сфер: телекоммуникации и язык; многонациональные компании, производящие средства массовой информации; радио и музыкальная индустрия; кино; телевидение и туризм. В разделе 74 сравниваются основные исторические формы культурной глобализации и рассматривается вопрос о том, есть ли новые специфические черты в современном глобальном созвездии культур. Наконец, в разделе 75 мы резюмируем наши выводы и размышляем о преимуществах и недостатках идеи культурной глобализации, уделяя особое внимание ее влиянию на национальные культуры, национальную идентичность и политику государств развитого капитализма.

7.2 КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Бесспорно, глобализация культуры имеет чрезвычайно длинную историю. Как показано в главе 3 о глобальной диффузии торговли и в главе 6 о глобальной миграции, люди, предметы и идеи путешествовали по планете в течение значительного времени. У нас нет здесь возможности представить всеобъемлющую картину этого процесса. Однако, чтобы установить характерные черты современной глобализации культуры, мы рассмотрим ранние формы технологических и социальных инноваций, которые способствовали пространственному распространению культурных навыков. В каждом случае мы остановимся на экстенсивности, интенсивности, скорости, влиянии и организационных формах, способствовавших этим процессам. Проведенный нами анализ позволит нам поместить более поздние высказывания о глобализации культуры в правильную историческую перспективу.

7.2.1 МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

Парадоксально, но факт: приверженцы ни одной из традиционных религий мира — христианства, ислама, конфуцианства, индуизма, иудаизма и буддизма — не составляют большинства ни на одном континенте и ни в одном регионе, хотя христиане и иудеи есть во всех уголках земного шара. Индуизм, буддизм и конфуцианство сосредоточены в своих региональных цитаделях — Южной и Восточной Азии и Китае. Ислам занимает промежуточное положение — он сильнее всего распространен на Ближнем Востоке и в Северной Африке, хотя значительное количество его приверженцев имеется в остальной части

Африки и в Восточной Азии. Все они, конечно, имеют свои небольшие, а иногда и не столь уж небольшие миграционные общины, или диаспоры, в самых неожиданных местах: более миллиона японских синтоистов в Бразилии; 4 млн. турко-немецких мусульман

392

в сердце христианской Европы; анклав католиков в Гоа на западном побережье Индии.

Квалификация той или иной религии как мировой происходит в некотором смысле *post factum*.

Ибо верования, которые обычно называются «мировыми», описывались как таковые только после того, как пространственное распространение верующих значительно выходило за рамки места их происхождения и формирования. Как говорит М. Манн, «они обрели значимость благодаря одной общей характеристике: внелокальному чувству личной и социальной идентичности, которое обеспечивало возможность экстенсивной и интенсивной мобилизации в масштабах, достаточных для того, чтобы войти в анналы истории» (Mann, 1986, p. 363).

Таким образом, именно их географическая экстенсивность, хотя часто не выходящая за пределы отдельного региона, и их социальное влияние отличают мировые религии от многих других верований — существовавших и существующих. Это системы верований и ритуалов, которые смогли в критические исторические моменты вырваться из места своего происхождения и сумели обратить или завоевать представителей других культур и других религий. Совершенно ясно, что в случае с исламом и христианством мобилизующая способность религии дополнялась военным могуществом и умением оказывать культурное влияние. Ни китайская, ни индийская цивилизации никогда не предпринимали таких попыток завоевания, и поэтому их местные религии остались внутри их нечетко определяемых границ, но надо учитывать, как огромны эти территории сами по себе.

Применяя нашу концептуальную модель глобализации к мировым религиям, мы можем утверждать, что они обладают необычайной экстенсивностью. Хотя формирование мировых религий происходило несколько тысячелетий тому назад, мы можем датировать период их первоначального влияния тысячелетием между 300 г. до н. э. и 700 г. н. э. Буддизм и индуизм приняли вид, похожий на современный, за три века до Рождества Христова, тогда как ислам охватил свои главные регионы к 700 г. н. э. В течение этого тысячелетия основными действующими лицами религиозной экспансии были церковные иерархии. Иногда они действовали в союзе с господствующими сословиями и политическими и экономическими элитами, в другое время — использовали внутренние и внешние возможности, предоставляемые государством. Способность этих религий вмешиваться и определять собою течение повседневной жизни с ее обыденными представлениями усиливалась благодаря как теологическим, так и технологическим инновациям. Буддизм и индуизм, оставаясь в пределах Южной и Восточной Азии, создали теологические концепции, достаточно сложные и достаточно гибкие для того, чтобы они могли привлечь к себе сторонников в других культурах и лингвистических группах (Weber, 1951, 1958). Монотеизм, хотя он и был создан иудаизмом, преумножил свою власть и способность к распространению благодаря христианству и исламу, в которых соединились уникальный моральный кодекс и идея спасения, потенциально возможного для всех. Ислам получил распространение в различных регионах еще в VIII в., где он сохраняется и до сих пор, хотя во многих местах число его приверженцев невелико (Gellner, 1981). Христианству, чтобы стать мировой религией, пришлось ждать военной и колониальной экспансии Европы в XVI и XVII вв. Изобретение письменности сделало возможным распространение ряда основных текстов, обеспечивших возможность распространения на больших территориях общепризнанных и неизменных верований

393

и доктрин (Giddens, 1985; Goody, 1986). Распространение письменности, наличие текстов, а также их интерпретаторов обеспечили возможность установления общепринятых религиозно-культурных верований и норм поведения, систематизированных и возведенных в канон, что было невозможно в дописьменную эпоху. Именно это, вместе с развитием институционализированных и регулируемых церковных иерархий — ключевой культурной инфраструктуры мировых религий, — сделало возможным расширение и укрепление культурных отношений между разными обществами. Следует отметить, что эти процессы культурной глобализации происходили медленно: уходило десятилетия на то, чтобы им начаться, и столетия, чтобы укорениться.

Конечно, мировым религиям тоже свойственна культурная иерархия и неравномерность распространения. Религия духовенства и элит редко была той же самой, что и религия

основной массы населения, равно как и община верующих также никогда не была особенно демократичной в вопросах веры и церковной жизни. Учитывая огромные различия между приверженцами этих религий в различных обществах, не удивительно, что они демонстрируют большое разнообразие, обусловленное их географическим местоположением, и сложную смесь с ранее существовавшими культурами и религиями. Что касается их влияния, то несомненно, что мировые религии являются одними из самых важных культурных инноваций человечества. Мировые религии дали религиозным и политическим элитам огромную власть и возможности, заключающиеся в их способности мобилизовать армию и народ, в том, что они смогли развить у людей чувство принадлежности и преданности своей религии независимо от той культуры, в которой они воспитывались, в том, что создали надежную теологическую и законодательную инфраструктуру общества. В этом отношении мировые религии бесспорно составляют одну из наиболее мощных и значительных форм глобализации культуры, существовавших в древние — а фактически и во все — времена.

7.2.2 ИМПЕРИИ

Экспансия в сфере священного очень часто следовала за экспансией мирской, происходившей в царстве политики и военной силы. Империям свойственно было устанавливать централизованную политическую власть на территориях с расплывчатыми границами, населенных множеством различных социальных и этнических групп. В этом отношении империи и процесс их строительства можно понимать как форму политической глобализации, расширяющую и углубляющую отношения власти и контроля (обсуждение этой проблемы см. в гл. i). Главной проблемой дальнейшего обсуждения является роль культурной власти в создании и поддержании политических империй.

Все империи неизбежно сталкиваются с рядом взаимосвязанных культурных проблем или противоречий, особенно те из них, которые с целью добиться сотрудничества или подчинения своих провинций не полагаются исключительно или главным образом на постоянное вмешательство принудительной силы (Eisenstadt, 1963; Mann, 1986). Одной из таких важных проблем является проблема централизации и децентрализации. Поскольку империи управляются из центра, их способность укреплять свою власть часто оказывается ограниченной. Постоянное отправление приказов из центра требует времени, ресурсов и де-

способных инфраструктур, поэтому империи нуждаются в том, чтобы по возможности делегировать власть на периферию. Но при этом под угрозой оказывается их собственная целостность. Один из способов частичного разрешения этой дилеммы — культурный: империя может создать универсальный правящий класс, связанный узами родства, верований и религии, так что основное политическое разделение в государстве становится вертикальным — между классами, а не горизонтальным — между центром и периферией. Таким образом, сильными становились те империи, где экстенсивное расширение военной и политической власти подкреплялось расширением власти культурной. Часто культурная экспансия происходит спонтанно и внесловно, оказывая большее влияние скорее на подчиненные, чем на правящие классы. Хорошим примером этого является раннее распространение христианства в Римской империи. И наоборот, культурная диффузия, состязание, расширение и углубление, создание культурных инфраструктур могут быть частью сознательной стратегии правителей.

Из-за недостатка места мы не можем долго останавливаться на роли империй в глобализации культуры, поэтому рассмотрим две империи — одну, существовавшую в древности, другую — возникшую в начале Нового времени: Римскую и Британскую. Ниже мы обрисуем некоторые основные формы, которые принимает культурная глобализация в условиях этих имперских правлений, а затем обратимся к тем уникальным культурным инновациям, которые возникли уже в современную эпоху.

Римская империя

Римскую империю отличала от ее средиземноморских и ближневосточных предшественниц — хотя и не обязательно от империи китайской династии Хань на Дальнем Востоке — ее способность постоянно распространять свою политическую власть из центра на всю управляемую ею территорию. В противоположность более ранним империям, например, тем, что существовали в Персии или классической Греции, Римская империя держалась не только за счет применения военной силы и нерегулярного сбора налогов и дани. Авторитарное, требующее подчинения

правление, влияние и стратегия осуществлялись, с большей или меньшей интенсивностью, на огромной территории в течение почти пяти веков. Это радикальное изменение характера власти, осуществленное Римской империей, стало возможным благодаря ряду инноваций. Самыми важными из них были материально-технические возможности римских легионеров, их организаторские способности, умение строить дороги и решать сложные социальные проблемы. Но наряду с этим феноменальным усилением экстенсивного вмешательства военной мощи был сделан ряд культурных инноваций, позволивших римлянам создать и насадить по всей империи правящий класс, связанный узами более крепкими, чем просто родство: общностью политических интересов, врожденной классовой солидарностью и общими культурными традициями, верованиями и эстетическими вкусами (Millar et al., 1967; Mann, 1986). Немногие империи, существовавшие до Нового времени, могут сравниться по размаху культурных отношений с Римской империей. И ни одна не может сравниться по их глубине.

Причина такого углубления заключается в том, что после военного завоевания Рим оставлял у власти большую часть местной элиты, приобщая ее культур-

395

но и политически к римскому государству и правящему классу, хотя границы между двумя последними были довольно размыты. Основным средством, с помощью которого это достигалось, была грамотность. Благодаря специальному и организованному обучению в римском правящем классе среди мужчин и женщин была почти всеобщая грамотность. Латинский язык в западной части империи, латинский и греческий языки в восточной части были общепринятыми официальными языками политики и культуры. Театры и амфитеатры намеренно строились в провинции, а драма и поэзия распространились по всей империи. Наконец, местные религиозные культы органически включались в римский Пантеон. Доказательством успеха и целостности римского правящего класса является географическая диффузия наследников империи. Когда Римская империя в 330 г. н. э. фактически прекратила свое существование, представители правящих фамилий перебрались из самого Рима в страны Средиземного моря и Северной Африки и впоследствии — на Балканы и в придунайские страны.

Британская империя

В зените своего могущества Британская империя была самой обширной из всех империй. Поскольку ее колониальная политика была изменчивой и часто весьма опрометчивой, то естественно, во многих доминионах и колониях должны были жестко соблюдаться определенные требования культурного или идеологического свойства для осуществления британского господства и поддержания сложных связей между центром и периферией, метрополией и провинцией. Эти требования носили самый разнообразный характер, но наиболее важными из них были два: проведение имперской образовательной политики и создание инфраструктуры коммуникаций, что является ярким примером глобализации культуры и коммуникаций. В сфере образования британские, или, скорее, английские, идеи и культурные навыки распространялись через институциональные структуры первых колониальных образовательных систем. По всему миру для детей местной элиты создавались аналоги английских закрытых частных и начальных образовательных школ, а учебники и программы учебных курсов были неизменно английскими по своему происхождению и содержанию. Кроме того, главным языком образования и обучения был английский. Особенно эффективными в социализации колониальных элит были небольшие, но важные потоки студентов в Оксфорд и Кембридж, где они получали образование, необходимое для службы в колониальной администрации или, впоследствии, в правительстве стран, получивших независимость.

Если Рим строил дороги, чтобы обеспечить себе основные средства для управления на далеком расстоянии, то усилия Великобритании были направлены несколько в иную сторону. Поучительна в этом смысле роль Британской империи в деле развития и использования первых телекоммуникационных систем (Headrick, 1988). Телеграф был впервые изобретен, продемонстрирован и запатентован в 1837 г. Семь лет спустя, в 1844 г., в США была успешно проведена первая связь на далеком расстоянии между Вашингтоном и Балтимором. С момента появления этого изобретения делались попытки создать подводный кабель. Для этого нужно было найти подходящий изолирующий материал для кабелей и изобрести способы укладывания кабеля по морскому дну. Изолирующим материалом стала

396

гуттаперча, разновидность тропического латекса, а вторая проблема была решена прусским

артиллерийским офицером Вернером фон Сименсом. Кабель между Британией и Ирландией был проложен в 1853 г., а первый трансатлантический кабель — в 1858 г. Однако через несколько месяцев из-за технических неполадок и плохой изоляции связь прервалась. Потребовались дальнейшие технические усовершенствования, прежде чем в 1868 г. через Атлантику удалось проложить первый постоянно работающий кабель. Британское правительство с самого начала уделяло большое внимание кабельной технологии, но было вынуждено заниматься ею еще больше из-за восстания 1857 г. в Индии и потребности в эффективной и быстрой коммуникации с периферией (см. выше, раздел 1.1.4). Первые попытки проложить подводный кабель в 50-е гг. XIX в. потерпели неудачу из-за несовершенства техники, а прокладывание наземных линий через Османскую империю считалось стратегически неприемлемым. В 1870 г. начала успешно работать первая британско-индийская подводная телеграфная система.

После этого прокладка кабеля пошла быстрыми темпами, когда за дело взялась Восточная телеграфная компания, получившая значительную, хотя и косвенную поддержку от Британского правительства для решения колониальных задач: были произведены исследования океанского дна, выделено большое количество служебного транспорта, предоставлены права на землю и оказана дипломатическая поддержка. После 1878 г. британское правительство выделяло значительные субсидии для коммерчески невыгодных, но стратегически важных линий, например, 1,75 млн. фунтов стерлингов для прокладывания кабеля между Австралией и Южной Африкой в 1890-е гг. К 1887 г. было проложено 214 тыс. км кабеля по дну океана, 70% из них британские. В последующие десятилетия британское преобладание немного снизилось, так как другие империи создали собственные телеграфные сети, но в 1908 г. 56% из 473 тыс. км кабеля были британскими (Headrick, 1988). Однако нужно отметить, что, несмотря на сближение центра и периферии, не совсем ясно, как это было отмечено в гл. 1, способствовало ли создание телеграфа более эффективному непосредственному осуществлению политической власти из центра, хотя оно безусловно расширило инфраструктуру коммуникаций как в военных (см. гл. 2), так и в гражданских интересах.

7.2.3 СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ВЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Глобальный империализм западных государств с XVI до XX в. создал важнейшие инфраструктуры для насаждения и распространения западных идей, ценностей, культурных институтов и навыков по всему миру. Однако основное содержание насаждаемого зародилось внутри самих западных стран: современные национальные культуры, национализм и венациональные светские идеологии и философские учения.

Национальные культуры

Мы уже рассматривали происхождение и характер европейских национальных государств в гл. 1. Развитие идей, народов и национальных культур было важным элементом этого процесса. Вместе с этим появление новой формы территориаль-

397

но ограниченного государства помогло создать и укрепить культурные проекты националистов. Обсуждение этого довольно спорного вопроса требует, по меньшей мере, некоторых определений. Как сказано было в гл. 1, нация — это сообщество, состоящее из разных классов, имеющее общее чувство идентичности, солидарности и интересов, корнящееся в этнической идентичности и общем историческом опыте (реальном, воображаемом или интерпретируемом), основная политическая цель которого состоит во владении определенным государством на единой территории. С этой точки зрения национализм можно рассматривать как психологическую и культурную привязанность, создающую связь с национальным сообществом, а также как политический и культурный проект, цель которого — самоопределение, а также создание и формирование государства. Национальные культуры являются сложными организмами реальных и воображаемых традиций, верований, ритуалов и установок, которые возникли из этих проектов (см.: Mann, 1993).

Ни одну сложившуюся нацию в предложенном нами понимании — т. е. как социальную и культурную сущность — нельзя встретить ранее конца XVIII в. Разумеется, сообщества, состоящие из разных классов, существовали и до возникновения наций, а этническая

идентичность была мощной объединяющей силой во многих ранее существовавших обществах. Однако исторические источники свидетельствуют, что даже там, где ранее XVIII в. возникли прообразы наций — например, во Франции, Швеции и Англии, — это была лишь одна из многих идентичностей или лояльностей. Этническая идентичность обязательно конкурировала с более крупными транснациональными идентичностями и с более частными, местными и региональными идентичностями. Более того, достигнутая степень культурного взаимодействия и социальной взаимосвязи между классами на больших пространствах была минимальной. Нации возникли как особые коллективные социальные действующие силы только тогда, когда прообразы наций были преобразованы экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими в течение всего XIX в.

О социальных предпосылках возникновения современных наций и национализма написано очень много (ср.: Smith, 1971; B. Anderson, 1983; Giddens, 1985; Hobsbawm, 1990; Mann, 1993). Самыми важными факторами были повышение уровня грамотности во всех классах, что облегчило межклассовую коммуникацию и распространение исторических знаний, национальных мифов и ритуалов, а также рост власти и значения государства, ибо по мере того, как государство все больше переплеталось с обществом (через налоги и воинскую повинность), возрастала и значимость наличия собственного государства. Отношения между возникающими нациями и государствами складывались по-разному. В Англии, Франции и Испании, например, формирующаяся нация эффективно поддерживала существующую государственную машину, которая, в свою очередь, обеспечивала подавление или выталкивание на периферию конкурирующих национальных идентичностей (валлийцев, бретонцев, каталонцев). Что касается Германии, то нация здесь была чем-то гораздо большим, чем любое из разрозненных немецких государств, благодаря чему националисты стали ведущей силой в деле создания нового, более крупного государства. В Австро-Венгрии нации возникли внутри транснационального имперского государства и стремились расчленить последнее. В этих весьма отличающихся друг от друга ситуациях возникающие

398
национальные культуры и национализм принимали разные формы: этническую и гражданскую, рациональную, конституциональную и романтическую, центральную и периферическую. В нашу задачу не входит рассмотрение здесь этих различий. Вопрос, который мы хотим исследовать, заключается в том, как подъем наций, национализма и национальных культур пересекается с изложенной нами историей культурной глобализации.

До появления наций и национальных государств большая часть культурных коммуникаций и взаимодействий происходила либо между элитами разных обществ, либо на местном и весьма ограниченном уровне. С появлением наций и национальных государств изменился пространственный и социальный масштаб культурных сетей и институтов. Для того, чтобы нация сформировалась, необходимы были коммуникации между классами, а не внутри элиты. Для этого, по возможности, требовался и контроль за типами культурных идей и символов, доступных народу. Сутью этого проекта было создание национальной культуры, которая отчасти коренилась в устойчивых культурных и социальных особенностях того или иного общества, а отчасти была изобретена и нередко лишь отчасти успешно. Литература по этой теме тоже весьма обширна (например, Hobsbawm and Ranger, 1983; Colley, 1992). Для наших целей важно отметить, что эти новые культурные идентичности в основном занимались укреплением отношений между национальной идентичностью, национальным самоопределением и территориальными границами и контролем над государствами, хотя это не означает, что границы культурных идентичностей и национальных государств обязательно совпадают (так как они часто не совпадают). Чешский национализм возник в границах Австро-Венгерской империи и стремился создать отдельное и меньшее государство в пределах ее границ. То же самое можно сказать о менее удачном каталонском национализме. Немецкая национальная идентичность и культура возникли как раз поверх границы множества разрозненных крошечных немецких государств и княжеств в XVIII—XIX вв. Даже после создания единого германского государства в конце XIX в. было далеко не ясно, является ли новое образование единственным вместилищем немецкого народа и немецкой культуры.

Попытку формирования национальных идентичностей и национальных культур предпринимали многие социальные силы и институты, государственные же организации и государственные руководители обязательно принимали в этом участие. Главным вкладом этих сил часто было

создание новых культурных инфраструктур, территориально соответствующих границам государства и обеспечивающих каналы для распространения национальных культур и идентичностей (осознаваемых в качестве таковых) и — там, где это необходимо — для контроля, подавления и искоренения конкурирующих идентичностей и периферийного национализма. Почти каждое национальное правительство и государство стремилось как-то систематизировать национальный или официальный язык и старалось контролировать, ограничивать или запрещать использование других языков в общественной сфере. В большинстве стран власти создали или пытались создать национальную систему школьного образования и проявляли особый интерес к учебной программе. Помимо этого, многие государства за последнее столетие установили или пытались установить контроль за национальной прессой, создали единую национальную почтовую службу, национальные телеграфные и телефонные системы и, когда стали доступными технологии телевидения и ра-

399

дио, установили контроль над национальными вещательными системами. И все государства использовали свои постоянные армии как символы и средства социализации, способствующие приобщению граждан к национальному единству. Эти организации и такого рода культурная политика сознательно использовались для конструирования национальной истории, определения национальных идентичностей и поддержания лояльности. В то время как в более ранние эпохи культурные институты охватывали множество обществ (мировые религии) или были строго локализованы по форме и в плане лояльности, возникновение национальных государств привело к возникновению культурных потоков, институтов и идентичностей, масштабы которых являются чем-то средним по сравнению с вышеупомянутыми, а также к развитию культурных инфраструктур, способствующих распространению значительно более эффективных межклассовых однородных культурных идей и навыков.

В Европе рост наций и национализма привел к организации культурной жизни по национальному и территориальному признаку и помог укрепить старые государства за счет периферийных наций и этнических групп. Он способствовал созданию новых государств-наций и развалу более старых многонациональных империй. Парадоксально, но нередко именно благодаря проникновению европейских империй идея наций, национальной культуры и национализма распространилась в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Потенциальные возможности этого нового способа социальной организации отразились и на остальном мире и внесли вклад в интенсивность и силу антиколониальных движений в XX в. Однако, хотя Европа, стремясь установить свою культурную гегемонию, распространила и культурный инструмент своего последующего разрушения — национальное самоопределение, она также привела к распространению новых транснациональных культурных практик.

Транснациональные светские идеологии

Как мы уже видели, распространение сложных способов мышления на большие расстояния со значительными социальными последствиями не является монополией Нового времени. Однако что отличает европейскую культуру Нового времени, особенно с конца XVIII в., так это появление идеологий и способов мышления, совершенно светских по своей ориентации и вместе с тем претендующих на универсальную значимость. Двусмысленными плодами европейского Просвещения являются возникновение современной науки и современных морально-политических программ и философских учений. В ретроспективе ясно, что эти теоретически универсальные дискурсы носили исторически и географически обусловленный характер. Тем не менее аргументы и утверждения либерализма, социализма и науки всегда находили восприимчивую аудиторию далеко за пределами своей североамериканской и европейской родины.

Социализм, особенно в его марксистском варианте, коренится в опыте европейской капиталистической индустриализации и урбанизации XIX в.; возникновение его связано как с философскими размышлениями, так и с практической борьбой. Тем не менее, идеи и язык социализма быстро распространились в регионах с более отсталой экономикой и, в конце концов, в обществах, даже не тронутых процессами индустриализации и урбанизации. Это не значит, что идеи со-

400

циализма не претерпели глубоких изменений в процессе их распространения на восток и на юг. Тем не менее бесспорно, что идеи и положения, зародившиеся в котле ранней европейской индустриализации, быстро нашли себе путь в Россию, Китай, Японию, в страны Карибского моря и Латинскую Америку. Несомненно и то, что в своих многочисленных местных вариациях

социализм и марксизм оказались главными факторами организации и исхода политической борьбы и политического правления.

Международным странствованиям социализма и марксизма уделялось большое внимание — что не удивительно, если учесть сознательное использование этих идей в качестве инструмента советской международной политики и внутренней политики, проводимой правительствами ряда стран. Возможно, меньше внимания уделялось параллельному распространению научных и либеральных идей Запада во всем остальном мире за последние 200 лет. Этот относительный недостаток внимания объясняется, возможно, тем, что научные и либеральные идеи распространялись вместе с целым набором институциональных организаций и практик, в то время как социализм по большей части распространялся преимущественно как идеологическое оружие. Западная наука, например, проникла во многие части света как неотъемлемая часть новых технологий и способов производства, медицинской техники и методов лечения, а также сельскохозяйственных инноваций. В результате распространение западного научного мировоззрения, хотя и было глобальным по размаху, медленно просачивалось за пределы элитного слоя ученых, инженеров и преподавателей, тесно связанных с этими дисциплинами. Хотя элитные теологические и общественные культуры на Западе и за его пределами поневоле сталкивались с разногласиями и конфликтными ситуациями, порождаемыми научными и религиозными мировоззрениями, повседневная жизнь в течение почти всего XX в., в основном, по-прежнему ориентировалась на принципы и модели мира, возникшие в более далеком прошлом (Hobsbawm, 1994> ch. 8).

Глобальное распространение западного либерализма занимает промежуточное место между ростом числа сторонников международного социализма и структурной диффузией западной науки. С одной стороны, западный либерализм внедрил определенную систему идеологических положений и политических ценностей: гражданские и политические права, ограничение власти правительств, самоопределение и т. д. Рецепция либеральных доктрин индийской элитой во второй половине XIX в. является, вероятно, наилучшим из всех известных примеров (см.: Spear, 1990). Увеличение числа индийцев на высших административных должностях, все большее знакомство с либеральными политическими понятиями — благодаря высшему образованию, которое получали представители индийской элиты, — общение с британскими чиновниками и служащими правительственных учреждений — все это внесло свой вклад в развитие индийского национализма. С другой стороны, постепенное распространение капиталистических рыночных отношений познакомило широкие массы населения с основными элементами неоклассической экономики задолго до того, как ее доктрины были научно оформлены и стали предметом обучения. Сам капиталистический рынок неизбежно порождал особую систему ориентиров и практических навыков.

401

7.2.4 СРАВНЕНИЕ ДОСОВРЕМЕННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сравнительный анализ таких принципиально разных явлений — задача сложная и грозящая совершить ошибку, которая в логике называется «поспешным (или чрезмерным) обобщением». Траекторию культурной глобализации в досовременную эпоху мы можем изобразить в виде предварительного эскиза. Культурная диффузия и подражание были неотъемлемой чертой человеческой истории с тех пор, как возникла оседлая цивилизация. Примерами являются миграции людей и военная глобализация (см. гл. 6 и 2). Торговля обеспечивала основной способ для распространения идей и артефактов на огромные расстояния (см. гл. 3). Но вплоть до XIV в. основные культурно-институциональные комплексы, с помощью которых осуществлялись коммуникации и культурные взаимодействия и могли устанавливаться более устойчивые или глубокие культурные связи, обеспечивались мировыми религиями и империями.

Мы уже отмечали, что культурные навыки распространялись и навязывались не только мировыми религиями, но и империями как часть их «мультикультурной» стратегии. В условиях материальных ограничений, когда власть насаждалась исключительно военной силой, имперские столицы стремились создать устойчивые элитарные группы, представители которых были разделены этнически и географически. Даже там, где эта стратегия терпела неудачу с точки зрения имперского строительства, она могла оставить после себя определенное культурное наследие.

Например, недолговечная империя Александра Македонского сыграла инструментальную роль в распространении греческого языка и эллинистической науки, философии и литературы на Ближнем Востоке. Римская империя создала институциональный контекст, в рамках которого сначала эллинистическая культура, а потом христианство смогли проникнуть в Северную Африку,

Западную и Северную Европу. Китайская империя Хань создала похожую структуру для распространения китайской письменности, литературы, ритуальной практики, науки и техники. К этому краткому описанию имперской культурной политики нужно сделать еще два замечания. Разумеется, что, хотя культуры и вступали в диалог с другими культурами и религиями — с религиями, встречи их не всегда оказывались плодотворными. Региональные особенности мировых религий обозначают границы и разделения между ними и империями, с которыми они были переплетены. Кроме того, для большинства населения эти великие культурные взаимодействия носили, как правило, мимоletный характер — идентичности, практические навыки и верования в подавляющем своем большинстве оставались «местечковыми». Очень мало было таких культурных форм, которые играли бы посредническую роль между деревней и великими империями.

После падения Рима и китайской империи Хань и первой волны исламской экспансии империи продолжали возвышаться и падать, способствуя одним и препятствуя другим образцам культурной диффузии. Однако вплоть до начала смелых имперских предприятий Запада, начавшихся в XV—XVI вв., мало что в истории могло бы сравниться с великой исламской военной и культурной экспансией. В эпоху между этими двумя событиями великими строителями империй были воинственные кочевники евразийских степей. Но их воинская доблесть не сопровождалась культурными инновациями. Их движения и завоевания привели ско-

402

рее не к трансформации, а к укреплению прежних культурных образцов. Даже имперские успехи Запада, начиная с XVI в. и в более позднее время, основывались в значительной степени на военном, демографическом и эпидемиологическом перевесе над народами, населявшими американский континент. Можно утверждать, что для демонстрации могущества христианского Бога, сила и обыкновенная простуда сыграли более значительную роль, чем теология. Непрочные имперские и колониальные структуры, которые до начала промышленных и политических революций в Европе были насильственным путем созданы в Южной Америке, изначально оказались неспособными к осуществлению культурной экспансии среди густо населенных и стойких по отношению к эпидемиям обществ

Африки и Азии.

Хотя в конце концов европейские империи сделались более действенными инструментами культурной власти вне Европы, это произошло после возникновения в XVIII в. национализма и национальных государств в Европе и Америке. В пределах этой зоны сложные образцы транснациональных и даже трансконтинентальных элитных культурных потоков постепенно приобрели новую форму, и возникло такое специфическое явление, как народный местный партикуляризм. Государства стремились управлять унифицированными нациями, а националисты стремились к самоопределению в рамках собственного государства. В результате, несмотря на неравномерность и противоречивость процесса, все больше и больше культурных институтов и культурных потоков стали сосредоточиваться в границах возникающих национальных государств. Язык, школьное обучение, транспорт и коммуникационные системы, литургическая практика и идентичность — все это и во все возрастающей степени стало определяться в терминах территориально единой нации. Внешние или чуждые культурные влияния подавлялись, или же к ним относились с подозрением и враждебностью. Космополитизм и интернационализм по-прежнему находили себе приверженцев на Западе. Сохранились и транснациональные культурные традиции и институты. Действительно, в сердце европейской системы национальных государств возникли мощные светские идеологии и философские учения: либерализм, марксизм и современная наука, — просветительский рационализм которых так или иначе сделал их привлекательными для всех и применимыми где бы то ни было. И все же в итоге именно национализм стал наиболее мощной культурной силой — по той хотя бы причине, что его систематически поддерживали, финансировали и развивали современные государства. С этой точки зрения процесс культурной глобализации достиг своей кульминационной точки в прошлом, тогда как наиболее мощные и значительные культурные потоки и культурные отношения развились в границах национальных государств Нового времени. Но убедительна ли такая точка зрения в эпоху Интернета и Си-Эн-Эн?

7.3 МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная культурная глобализация ассоциируется с несколькими достижениями, такими как: новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, обеспечивающие большие возможности проникновения элементов культуры через границы и снижения стоимости их использования; рост интенсивности, объема и скорости культурного обмена и коммуникаций всех

нение западной массовой культуры и увеличение коммуникаций в культурном бизнесе как основное содержание глобального культурного взаимодействия; преобладание многонациональной индустрии культуры в создании и владении инфраструктурами и организациями для производства и распределения культурных товаров; сдвиг в географии глобального культурного взаимодействия, отступающей в некотором серьезном отношении от географии глобального порядка, существовавшего до Второй мировой войны. В этом разделе мы рассмотрим некоторые эмпирические данные об этих достижениях, отложив обсуждение их политических и социальных последствий до раздела 7-5-

Развитие глобальных культурных инфраструктур и появление культурной индустрии, управляемой многонациональными корпорациями, рассматривается в разделах 7-3-¹ и 7-3-2. В разделах 7-3-3> 7-3-4 и 7-3-5 мы исследуем, в частности, развитие ключевых секторов средств массовой информации: глобальное распространение музыки (посредством радио и магнитозаписи), кино и телевидения. Эти разделы содержат материалы о новых технологиях и инфраструктурах коммуникации, а также о роли многонациональных корпораций, но указывают также на центральное положение западной массовой культуры, изменяющуюся географию культуры и возрастающую интенсивность и скорость культурного обмена. В разделе 7.3-6 мы рассмотрим последний фактор изменяющегося культурного пейзажа — индустрию массового туризма.

7.3.1 ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ И ЯЗЫК

В послевоенном мире не было монополии на эксплуатацию телекоммуникаций. Однако есть веские основания утверждать, что в этот период произошли количественные и качественные изменения в масштабе и интенсивности коммуникационных потоков и их социальных последствий. Эти изменения произошли, главным образом, в результате ряда технологических инноваций, которые основывались на коммуникационных технологиях конца XIX — начала XX в. Послевоенная эпоха началась с той же самой телефонной техникой, которая была основной и в начале века. Она представляла собой аналоговые сигналы, идущие по проводам и кабелям, для отправки и получения которых использовались громоздкие механизмы ригельного переключения. С тех пор в результате почти непрерывного потока технологических изобретений мощность, стоимость, скорость и сложность телекоммуникационных систем существенно изменились. Во-первых, аналоговые сигналы были заменены цифровыми системами, которые сделали возможным соединение компьютеров, телекоммуникационных систем и всех форм средств информации (звуковых, визуальных и т. д.). Кабели и провода теперь могут нести огромное количество информации, сжатой в цифровой формат наряду с обычными голосовыми и простыми текстовыми сообщениями прежних времен. Во-вторых, коммутационные системы были полностью реорганизованы с введением электронных схем коммутирования и интернационально координируемых стандартизованных числовых систем. В-третьих, хотя кабельная и проводная технологии чрезвычайно повысили свою эффективность, в некоторых случаях они были вытеснены появлением новых механизмов трансмиссии. Кабели из оптического волокна значительно расширили число каналов, которые может нести кабель, при этом их стоимость снижается. Микроволновые и спутни-

ковые системы вообще в кабеле не нуждаются. Эти технологии в корне изменили инфраструктуру коммуникаций, сделав ее по-настоящему глобальной.

Первой новой системой коммуникации, созданной в послевоенное время, были телетайпные системы, которые обеспечивали двусторонний взаимообмен текстами в отличие от одностороннего телеграфа довоенного времени. Они составляли большую часть международных коммуникационных систем в 50—60-е гг. XX в. Тем не менее в 1956 г. был проложен первый трансатлантический телефонный кабель, и в большинстве видов международной коммуникации началось замещение телеграфа и телетайпа телефоном (хотя телефон с использованием радио действовал для трансатлантической связи с 1927 г.). В 1957 г. был проложен первый телефонный кабель по дну Тихого океана. Оба кабеля вначале обеспечивали менее сотни речевых каналов. В следующие два с половиной десятилетия стоимость прокладки кабеля быстро снижалась, а потребности постоянно росли. К 1983 г. было уже больше 18 тыс. трансатлантических речевых каналов и около 300 транстихоокеанских, а всего на земном шаре действовало почти 200 подводных кабелей (Hehworth, 1989; Staple, 1991). Кабельная технология постепенно вытеснялась

оптико-волоконными кабелями, которые могли нести значительно большую нагрузку, и спутниковыми технологиями, которые вообще упразднили потребность в кабеле. К 1997 г. один трансокеанический кабель мог содержать более 600 тыс. речевых каналов. Не удивительно, что стоимость одного трансокеанического речевого канала снизилась с 500 тыс. долларов в 1950-е гг. до приблизительно тысячи долларов в середине 90-х гг. (Staple, 1996).

Первый экспериментальный спутник связи был запущен США в 1962 г. За ним последовало создание INTELSAT — Международной организации спутниковой связи (International Telecommunications Satellite Organization), которая расширила доступ к спутниковой коммуникации и сделала возможным участие большинства стран в существующих телефонных и телевизионных каналах (см. раздел 1.2.3). В 1965 г. американцы запустили первый постоянно функционирующий спутник связи. Почти весь последующий период США были ведущей страной в производстве и использовании спутниковой технологии, что неудивительно, учитывая масштаб их космических программ. Сегодня США владеют и запускают только около 20% всех имеющихся спутников, хотя они несут более одной трети общего числа передатчиков (каждый спутник несет более одного канала коммуникации). Еще одна треть из 200 действующих в 1991 г. спутников принадлежит INTELSAT, и ею пользуются много стран. Единственной другой независимой и значительной программой запуска спутников связи обладал бывший Советский Союз, имевший около 15% спутников, но Европа и некоторые другие страны, такие как Бразилия и Индия, разрабатывают свои собственные программы. Не удивительно, что в 70-е гг. спутники начали замещать подводные кабели в качестве средства международной коммуникации (Brunn and Leinbach, 1991; Staple, 1991). Однако в 80-е и 90-е гг. XX в. новые оптико-волоконные кабели бросили вызов спутниковой технике на самых интенсивных коммуникационных маршрутах мира. Первый трансатлантический оптико-волоконный кабель был проложен в 1988 г., а сейчас их проложено уже несколько (см. таблицу 7.1).

Если судить по числу каналов связи и их географической протяженности, то в послевоенную эпоху несомненно происходила глобализация инфраструктуры телекоммуникаций. Вполне очевидно, что инфраструктура размещена по земно-

405

Таблица 7.1 Рост числа речевых каналов на основных глобальных телекоммуникационных магистралях, 1986 — 1996 гг.

	Трансатлантические речевые каналы		Транстихоокеанские речевые каналы	
	Кабель	Спутник	Кабель	Спутник
1986	22000	78000 145000	2000	39000 37800
1990	283000 1264000	710800	39000 864600	234000
1996				

Источни Staple, 1996

к:

му шару крайне неравномерно. Подавляющее большинство международных кабелей, старых и новых, пролегают через Северную Атлантику, север Тихого океана и Средиземное море. А количество линий, например, между Латинской Америкой и Африкой через Южную Атлантику значительно меньше. Столь же сильно владение и использование спутниковой технологии смещено к Западу и государствам бывшего Советского Союза. Тем не менее, в послевоенную эпоху все больше и больше стран могли, по крайней мере, подключиться к этим системам и создать небольшие национальные телекоммуникационные системы с международными звеньями; и для всех включенных в эту систему понятие сжатия пространства и времени является живой реальностью. В чем еще может так поразительно проявляться стирание пространства, как не в возможности вести разговоры через океаны (с почти мгновенным соединением) или получать визуальные образы через спутник практически из любого места на планете. Более того, с созданием глобальных сетей мобильных телефонов, таких как Iridium, начинается эра новой телефонной революции.

Совокупный объем международных телефонных звонков увеличился с 12,7 млрд. минут в 1982 г. до огромной цифры в 42,7 млрд. минут в 1992 г. и 67,5 млрд. минут в 1996 г. Последующий ежегодный показатель прироста составлял около 18—20% (Staple, 1991. 1996; ITU, 1994a). За тот же период объем телетайпной и телеграфной связи ежегодно снижался на 10%. В валовом объеме международной телефонной связи более 50% звонков исходит из пяти стран: США, на долю

которых приходится одна четверть всех международных разговоров, а также Германии, Франции, Великобритании и Швейцарии. Из всех международных телефонных звонков 80% исходит из 20 стран, все из которых, за исключением Гонконга, Сингапура и Саудовской Аравии, являются членами ОЭСР. Неудивительно, что большая часть объема телефонной связи приходится на самые богатые регионы мира, причем связь между Северной Америкой, Японией и Европой составляет 75% объема международных звонков. Неравномерность пользования международной телефонной связью (см. таблицу *j.~£*) может быть выражена в минутах международных телефонных разговоров на одного человека в год. В странах ОЭСР средний уровень использования составляет 36,6 минуты на человека в год. Средний уровень в мире — 7.8 минуты, а в странах Африки, находящихся южнее Сахары, в среднем приходится только 1 минута на человека в год (ITU, 1994[^]) Рост международных телефонных коммуникаций объясняется множеством причин: снижением цены за переговоры, увеличением числа международных де-

406

Таблица 7.2 Глобальная неравномерность инфраструктуры и использования телекоммуникаций, 1995

	Населе- ние (млн. человек)	Основ- ные линии на 100 чел.	Сото- вые телефо- ны (1000)	Факсма- шины (1000)	Персо- нальные компью- теры (1000)	Исходя- щие mMiTT	Входя- щие mMiTT
Китай	1201,0	3,0	3629	270	2600	553	551
Франция	58,1 81,9	56,0 49,0	1379 3500	1200 1447	9300	2804 5244	2959 3881
Германи я Индия	929,3	1,3	135	50	13500	341	806
Япония	125,1	49,0	10204	6000	19000	1638	1140
Швеция	8,8	68,0	2025	н.д.	1700	900	н.д.
Велико- британи я США	58,5 263,1	н.д. 63,0	5737 3786	н.д. 14052	10900	4016	4021 7010
					86300	15623	
mMiTT	миллионы минут телефонных разговоров Staple, 1996						

Источни

к:

ловых связей, возросшей численностью мигрантов и туристов, которые звонят домой. Тем не менее, может быть, самой значительной причиной будущего роста станет интеграция телекоммуникаций, компьютерных технологий и технологий средств связи. Именно это слияние обеспечивает основной поток информации, передаваемой по Интернету и Международной обслуживающей цифровой сети (ISDN — International Services Digital Network). Интернет (или WWW — Всемирная Паутина), который использует телефонные линии, чтобы подключать компьютеры по всему миру, берет свое скромное начало в 70—80-х гг. XX в. В последующие годы количество связей и пользователей нарастало по экспоненте по мере того, как компьютер получал все более широкое распространение, а оборудование, необходимое для подключения к сети, становилось дешевле и доступнее. В начале 90-х гг. к Интернету было подключено где-то около 100 тыс. компьютеров, к 1996 г. их было уже свыше 12,8 млн., а к 2000 г. число пользователей Интернетом перевалило за 100 млн. Как в случае и с другими видами телекоммуникаций, темп распространения очень разный и в тех странах, которые входят в состав ОЭСР, а также и между развитыми и развивающимися странами. В 1997 г. число пользователей Интернетом на тысячу владельцев компьютеров составляло 55,5 в Финляндии и 38,4 в США, а в Турции и Мексике — всего лишь 0,2 и 0,3 соответственно (OECD, 1997)- За пределами стран ОЭСР не только резко снижается уровень подключения к сети — некоторые регионы, в частности, страны южнее Сахары, вообще остаются неподключенными.

Тем не менее, ни одна из этих телекоммуникационных инфраструктур не смогла бы обеспечить регулярные глобальные коммуникации, если бы этот процесс не сопровождался еще одной — дополнительной — формой коллективной инфраструктуры: наличием множества языков и лингвистическими навыками. Хотя человеческие существа могут общаться друг с другом многими способами и при помощи множества средств связи, а не только в письменной или устной форме —

407

например, посредством изобразительного искусства, танца и музыки, — наличие множества разных языков и лингвистических возможностей остается ключевой инфраструктурой межкультурного и межличностного общения. Мы можем разными способами применять идею глобализации к языку. Первый и наиболее очевидный — это распространение по всему миру какого-нибудь одного языка. Второй смысл, в каком можно говорить о глобализации языка или лингвистических возможностей, заключается в билингвизме или мультилингвизме, облегчающих передачу культурных достижений и идей. Хотя в современном мире существует примерно 5 тыс. языков и гораздо больше диалектов и местных наречий, только тысяча из них когда-либо имела письменность, а ведь именно в письменной форме язык наиболее эффективно может преодолевать пространство и время. А. де Сванн описал и проанализировал эту лингвистическую ситуацию с точки зрения становления глобальной лингвистической системы и установил, что в настоящее время для 60% населения земного шара родными считаются 10—12 языков (De Swann, 1991). Такая языковая ситуация есть следствие многовекового процесса миграции населения и развития языков.

Из числа этих языков, которые выделил А. де Сванн, три используются почти исключительно носителями этих языков и весьма незначительно выходят за пределы национальных территорий — японский, немецкий и бенгали. Распространение немецкого и японского в качестве вторых языков резко сократилось после Второй мировой войны, в результате которой произошел распад германской и японской империй, а культуры этих стран оказались в ситуации всеобщего неприятия — что во многом способствовало снижению их роли в качестве вторых языков. Это, конечно, совсем иная ситуация, чем та, которая была в конце XIX — начале XX в., когда немецкий язык был широко распространен в Центральной и Восточной Европе, а также в скандинавских странах. Каждый из других великих языков мира в настоящее время так или иначе выполняет роль *lingua franca*, что делает его неотъемлемым элементом как прошлой, так и нынешней глобализации языка и культуры. Существует еще ряд языков, на которых говорят не только их носители, но и те, кто пользуется им в качестве второго языка на прилегающих территориях: это — арабский, малайский, хинди, русский и китайский. Процесс распространения этих языков уже завершился в прошлом, хотя, если говорить о России, то консолидация Советского Союза после Второй мировой войны способствовала распространению русского языка в качестве второго языка на далеких от него территориях, например, в странах Балтии и Центральной Азии.

Еще одну группу образуют языки более распространенные, говорящие на которых разбросаны гораздо шире, т. е. не по смежным территориям, а по всему миру. Это, конечно, языки европейских империй: английский, французский, испанский и португальский. Все эти языки являются региональными *lingua franca*, исполняющими роль средства общения и взаимопонимания в отдельных районах мира и между отдельными странами. Однако в самом центре глобальной языковой системы находится английский язык. Он стал по преимуществу *lingua franca* и продолжает успешно отстаивать и укреплять свое господство (Crystal, 1997). Английский стал основным языком международного общения в сфере бизнеса, политики, управления, науки и образования, а также языком, обеспечивающим процесс глобализации рекламы и массовой культуры. Английский язык — основной в области вычислительной техники: он используется в Windows и в Интернете. По не-

408

Таблица 7-3 Количество переводов книг в 1983 — 1985 (в среднем)

	Общее количество переводов	Процент книг, переведенных с					
		английского	французского	немецкого	итальянского	испанского	скандинавских
Франция	3979 6676	65,0 60,7	3,3 11,9	10,0 3,4	5,4 3,2	2,6 1,9	1,3 3,9 0,5
Германия	2696	78,3	7,9	7,5	1,2	0,7	
Япония							
Нидерланды	4286	56,8	18,0	15,1	1,3	1,1	2,4
Испания	7711	50,1	20,0	10,6	6,3	0	1,9
Швеция	1937	65,5	5,5	6,5	0,7	1,3	12,5
Великобритания	1139	4,0	23,2	25,7	6,8	3,1	6,2

которым предположениям, 80% всех электронных программ составлено на английском языке (Economist, 1996). Английский язык используется также в таких сферах обеспечения международной безопасности, как диспетчерская авиационная служба. Одним из показателей преобладания английского языка является количество переведенных книг (таблица 7.3)- Этот показатель свидетельствует о том, что книги, написанные на английском языке, чаще всего переводятся на другие языки. В известном смысле это преобладание едва ли удивительно. Как показывают судьбы других языков, употребление языка тесно связано с распространением господства той или иной нации. Английский стал родным языком для двух современных мировых держав — Великобритании и США. Более того, его господство проявилось во всех сферах человеческой жизни — экономической, политической, военной, а также культурной.

7.3.2 КУЛЬТУРНЫЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ, ГЛОБАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ РЫНКИ

Как мы показали в гл. 5, в современную эпоху среди крупных многонациональных корпораций нет монополии, а индустрии телекоммуникаций и культуры с самого своего появления приобрели международное значение. С конца XIX в. первые телекоммуникационные корпорации извлекали выгоду из международной и внутригосударственной собственности, в то время как международные информационные агентства развешивали по всему миру свои отделения, а издательства рассылали в различные места свои каталоги. Тем не менее, после войны в каждом секторе индустрии связи и культуры стал наблюдаться рост все более крупных корпораций, которые с точки зрения товарооборота, продукции и своей структуры становились все более транснациональными. В данном разделе мы предлагаем вместо сравнительных данных по этой сфере экономики описание некоторых основных ее черт и лидирующих фирм.

409

До начала 70-х гг. крупные телекоммуникационные корпорации и информационно-развлекательные комплексы существовали во многих странах, но по большей части они были национальными, обслуживали внутренние рынки и сосредоточивались на независимых друг от друга секторах. Компании связи и телекомпании в большинстве стран целиком или частично принадлежали государству, и частные фирмы вынуждены были работать в секторе, который почти полностью регулировался государством. Будучи ограничены областью распространения того или иного языка, информационные агентства и издательские фирмы, часто довольно крупные, как правило, тоже ограничивались национальными рынками. Правительства пытались регулировать имущественные отношения в сфере собственности, связанной со СМИ. С 70-х гг. XX в. национальное и мировое регулирование индустрии связи и СМИ изменилось, внутренние рынки некоторых стран столкнулись с чрезвычайно высокой конкуренцией и/или оказались перенасыщенными, а принципиально разные технологии, от которых раньше зависели различные сектора СМИ, стали все больше смешиваться друг с другом. Таким образом, в организации и деятельности корпораций появилось пять основных тенденций, а именно: все большая концентрация собственности; переход от государственной собственности к частной; продолжающаяся посредством создания дочерних фирм или, чаще всего, приобретения местных фирм, брендов и т. п. транснационализация структуры корпораций; повсеместная корпоративная диверсификация посредством различных типов продукции СМИ и увеличивающееся количество слияний производителей в области культуры, телекоммуникационных корпораций и компаний по производству компьютерного оборудования и программного обеспечения.

Дерегуляция и либерализация сферы бизнеса (см. гл. 4 и 5) стали заметнее влиять на коммуникационный сектор. Телекоммуникационные корпорации были приватизированы по всему миру, зарубежные конкуренты проникли на ранее закрытые для них рынки, и началась волна транснациональных альянсов. В то же время преграды на пути к созданию транснациональных СМИ были разрушены, и иностранным фирмам было разрешено приобретать отечественные корпорации. Переломное соглашение ВТО о глобальной либерализации телекоммуникационной промышленности (WTO, 1997) усилило эти тенденции. Одновременная дерегуляция индустрии связи и СМИ стала сопровождаться все более сложным переплетением взаимосвязанных альянсов и совместных программ. В сфере передачи информации в цифровом виде, в том числе музыки, визуальных образов и текстов, начались рассчитанные на перспективу совместные действия телекоммуникационных компаний, компаний по производству компьютерного оборудования и

программного обеспечения, компаний, владеющих средствами массовой информации, и телекомпаний. Во всех этих секторах слияния — и на международном, и на внутреннем рынке — привели к появлению более крупных и многопрофильных корпораций. Тем не менее, те компании, которые действительно могут разрабатывать продукцию для новых телекоммуникационных, телевещательных и компьютерных инфраструктур, по-прежнему занимают на рынке ключевые позиции. В данном случае это означает появление подлинно глобального комплекса коммуникационных, развлекательных и информационных корпораций. Они не вытеснили полностью местных конкурентов; не искоренили они и иностранные корпорации в своих собственных государствах. Однако можно

Таблица 74 Деловое участие в секторе производства и распространения массовой информации ведущих мировых корпораций, 199

Оборот рынка (млрд. \$)	Киномедиа- део- про- дукция	и ви-	Распро- стра- нение кино и видео	Теле- визи- онная продук- ция	Гло- баль- ное ТВ	Ка- бель- ное ТВ	Спут- нико- вое ТВ	Цифро- вое ТВ	Звуко- запись	Радио	Газеты и жур- налы	Изда- тельска- дея- тель- ность
Time-Warner	25	/	/	/	/	/	/	/	/	X	/	/
Disney	24	/	/	/	/	/	/	X	/	/	/	/
Bertelsmann	15	н/у	н/у	н/у	/	/	X	/	/	/	/	/
Viacom	13	/	/	/	/	/	/	X	/	X	X	/
News												
Corporation	10	/	/	/	/	/	/	/	X	X	/	/
Sony	9	/	/	/	с/у	с/у	с/у	/	/	X	X	X
Universal	7	у	/	/	X	с/у	с/у	X	/	X	X	/
TCI	7	X	X	X	X	/	/	/	X	X	X	X
Philips												
Polygram	6	/	X	/	X	X	X	X	/	X	X	X
NBC	5	X	X	/	/	/	/	/	X	/	X	X

н/у - незначительное участие

с/у - только совместное участие

Источник: Herman and McChesney, 1997

411

почти не сомневаться, что на фоне множества местных и национальных разновидностей индустрии культуры на глобальных рынках развлекательных мероприятий, новостей, телевидения и т. п. доминирует группа примерно из 20—30 крупнейших многонациональных корпораций, которые присутствуют — в весьма значительном с культурной и экономической точки зрения объеме — почти на всех континентах.

Штаб-квартиры всех этих корпораций находятся в странах ОЭСР, причем большинства из них — в США. В своем обзоре 1989 г. ЮНЕСКО сообщала, что из 81 крупнейшей (по обороту) телекоммуникационной корпорации 39 были из США, 28 — из Западной Европы, 8 — из Японии, 5 — из Канады и 1 — из Австралии (UNESCO, 1989). Исходя из данных о двенадцати крупнейших корпораций (см. табл. 74)> мы можем сказать, что и в 1992 г. картина очень похожая (Hamelink, 1995)-Из этих двенадцати фирм наиболее крупные — из США: это — Time-Warner, Walt Disney, Capital Cities-ABC, CBS, McGraw Hill и Viacom. Японское присутствие в секторе обеспечивается не благодаря расширению местной индустрии культуры, а благодаря индустрии СМИ и электронного оборудования. Но Sony и Matsushita нашли свой путь к мировой индустрии культуры путем покупки американских фирм: Columbia — в случае с Sony и MCA (Music Corporation of America) — в случае с Matsushita. Компания News International, принадлежащая Руперту Мердоку, номинально расположена в Австралии и считается австралийской. Расширение империи Р. Мердока было, несомненно, основано на его громадных капиталовложениях в Австралии и позже — в Великобритании; однако настоящим расширением News International стало приобретение ею американской киностудии 20th Century Fox, что позволило ей проникнуть на американский рынок и превратило в игрока мирового масштаба. В Европе лишь четыре страны

создали многонациональные корпорации по производству и распространению массовой информации, имеющие сколько-нибудь существенное экономическое значение и международный размах. В Великобритании такими имеющими мировое значение компаниями являются Thorn-EMI, Rank, BBC, Pearson и Reuters. Континентальная Европа создала еще более крупные и мощные компании: Bertelsmann — в Германии, Matra-Hachette и Havas — во Франции, и Elsevier и Polygram — в Нидерландах. Bertelsmann и Hachette, в частности, достигли мировых масштабов путем вложения доходов от европейских рынков в американский рынок: Bertelsmann приобрела RCA records, Doubleday Books и Random House, а Hachette — крупную издательскую группу Diamandis. Господствующая на итальянском телевидении Berlusconi Group равна им по мощи, но ей еще только предстоит выйти на мировой рынок. Однако она укрепила свои позиции по всей Восточной Европе. У всех этих крупнейших телекоммуникационных корпораций разные портфели активов и разные интересы в сфере массовой информации, включающие газеты и сбор новостей, издание журналов и книг, телепередачи и производство телепрограмм, кинопроизводство и кинопрокат, продажу телефильмов, телепрокат и запись музыки (см. таблицы 7-4 и 75)-

Все эти корпорации занимают господствующее положение на рынке, но — в разных секторах. В сфере журналистики господствуют три информационных агентства: United Press International (UPI), Associated Press (AP) и Reuters, причем вся тележурналистика, помимо основных каналов, находится под контролем двух корпораций — Reuters и World Television News (WTN). На международном

412

Таблица 75 Ведущие медиа-компании середина 1990-х

и их основные совместные предприятия,

	Партнеры среди ведущих медиа-компаний	Партнеры среди второстепенных медиа-компаний	Партнеры среди телекоммуникационных и информационных компаний
<i>Time-Warner</i>	Viacom, TCI, Sony, NBC, Bertelsmann, News Corporation	Kirch, EMI, Kinnevik, Cox, Hachette, United News and Media, PBL, Comcast	US West, Bell South, Ameritech, Oracle
<i>Disney</i>	Bertelsmann, NBC, TCI	Kirch, Hearst, CUT, Dreamworks, Canal Plus, TFI, Cox, Comcast	Ameritech, SBC, GTE, Bell South, America Online, US West
<i>Bertelsmann</i>	Time-Warner, Sony, Universal, Polygram, News Corporation	Kirch, Canal Plus, United News and Media, Havas, CLT, EMI, Pearson, BBC	America Online
<i>Viacom</i>	Time-Warner, Universal, Polygram, News Corporation, Sony	Kirch, Pearson, Chris-Craft	Nynex, Sprint
<i>News Corporation</i>	Time-Warner, Viacom, TCI, Polygram, Sony, Bertelsmann	EMI, Canal Plus, Softbank, Granada, Globo Televisia, MGM, BBC, Carlton	
<i>Universal</i>	NBC, Bertelsmann, Viacom	Kirch, CLT	
<i>NBC</i>	Time-Warner, Disney	Canal Plus	Microsoft, National Geographic
<i>TCI</i>	Все основные медиа-корпорации	Kirch, Canal Plus, United News and Media, Havas, CLT,	America Online

уровне сфера телевизионных новостей поделена между CNN, News International и — с недавнего времени — BBC. На продаже музыкальных записей в мире специализируются шесть компаний: Thorn-EMI, Polygram, Warner и Sony, которые в 1991 г. контролировали 73% мирового рынка, тогда как Bertelsmann и Matsushita — почти полностью контролировали остальную его часть (Herman and McChesney, 1997). О лидерстве на рынках глобального телевидения и кинопроизводства речь пойдет в разделах 7-3-4 и 7-3-5, в которых будет показана степень американского господства. Телепрограммы и фильмы, нередко даже произведенные независимыми и средними по размеру компаниями, стабильно финансируются и распространяются этими крупными телевизионными сетями и киностудиями. Мы вернемся к влиянию этих корпораций на национальные культуры и национальные правительства в разделе 7-5. Но сначала обратимся к специфике

413

глобализации в рамках трех отдельных рынков в сфере культуры: музыки, кино и телевидения.

7.3.3 РАДИО- И МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ

Из всех современных электронных средств массовой информации радио, несомненно, глобализировалось наиболее легко. История его развития восходит к началу XX в.; вначале радио выдвигалось в качестве альтернативы телеграфу, давая возможность обойтись без дорогих подводных кабелей или трансконтинентальных линий связи, не защищенных от возможных атак со стороны иностранных держав и от коррозии. Еще до Первой мировой войны французское и английское правительства одновременно начали разработку национальных сетей радиосвязи. С открытием коротковолновых частот радиосвязь стала проще: создание широкоэмитерных сетей подешевело, и цена ошибок при приеме информации снизилась. Под влиянием этих двух факторов радио задолго до других электронных СМИ вступило в стадию транснационализации в области радиовещания и распространения по всему миру собственности на радиосети и их использования. Несмотря на то, что еще и после Второй мировой войны радио продолжало функционировать как составная часть систем управления государством и армией, в период между двумя войнами в Европе и Северной Америке возникли национальные и местные радиостанции, передающие музыку, новости и спортивные комментарии. Есть некоторые случаи использования радио до Второй мировой войны для заграничного вещания, — хотя преимущественно, конечно, в пропагандистских и политических целях, — во время же войны различные проправительственные радиостанции достигли в этом плане новых высот: немецкое радиовещание на Великобританию, радиопередачи BBC для оккупированной Европы; Эзра Паунд, предоставивший в распоряжение Муссолини свою поэтическую, если не политическую, мудрость, согласившись вести радиопередачи на союзные войска. В послевоенное время холодная война была одним довольно существенным стимулом для расширения заграничного радиовещания. Радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки», а также немецкие станции, вещающие на границу, представляли собой своеобразную реакцию на раздел Европы и идеологическую войну, которую он повлек за собой.

Наряду с этими более определенными транснациональными функциями радиовещание стало также серьезным фактором культурной диффузии. Прежде всего оно стало средством транслирования и популяризации англо-американской поп-музыки. Рок-н-ролл и различные его вариации нашли свою нишу в Европе благодаря радио, так же как и благодаря концертным залам и музыкальным магазинам. На Западе, наоборот, радио странным образом стало, с одной стороны, важным инструментом локализации и средством сохранения и воссоздания локальных идентификаций, чему способствуют специальные национальные радиостанции, а с другой, благодаря пиратскому радио, — средством передачи новостей и проникновения новых зарубежных музыкальных стилей и жанров. Большинство пиратских радиостанций вещали лишь на отдельные страны; однако ограничение доступа к радиочастотам, введенное в 60-е гг. XX в. правительствами ряда стран, привело к образованию «пиратских» транснациональных радиокомпаний. Когда оффшорные радиостанции попытались обойти жесткий контроль,

Таблица 7.6 Наличие радиоприемников у населения (1950 — 1986)

Численность радиоприемников (млн.)	Численность радио- приемников (на 1000 жит.)							
	1950	1965	1975	1986	1950	1965	1975	1986
Всего в мире	182	573	1032	1176	77	170	255	362
Африка	1,5	10	20	94	7,7	32	69	164
Азия	11,5	53	138	468	9,1	28	60	164
Европа	64	222	348	523	109	272	478	676
Северная Америка	97,5	251	424	532	453	1173	1797	1992
Латинская Америка	6,5	34	81	134	62	137	251	327
Океания	2,5	3	13	25	167	171	619	1000
Развитые страны		498	841	1182		486	762	968
Развивающиеся страны		75	191	594		32	66	160

Источник: UNESCO, 1988
195°.

установленный в Великобритании за радиовещанием в бо-е гг., правительство нанесло им упреждающий удар и еще более ужесточило свой контроль.

В известной степени музыкальная сфера относится к числу тех областей культуры, которые приспособились к глобализации лучше других. Причины этого кроются в том, что музыка — одна из тех немногих широко распространенных форм проявления культуры и культурного общения, которая оказывает непосредственное воздействие и не зависит от письменного или разговорного языка. Поэтому в обществах с высоким уровнем образования эта форма культуры может преодолевать языковые барьеры без перевода и связанных с ним затрат. Это не означает, что в сфере распространения музыки нет никаких серьезных проблем, когда оно сталкивается со своеобразными и специфическими региональными и национальными традициями музыкального творчества и восприятия музыки. Однако относительно свободная культурная диффузия в этой сфере способствовала мировой популярности многих жанров и исполнителей; мало найдется продуктов, образов и идей, более глобальных по своей значимости, чем те, которые ассоциируются с Мадонной, Майклом Джексоном и «Спайс Герлз». Разумеется, производство, распространение и потребление этой продукции сильно изменилось; но прежде чем перейти к рассмотрению меняющейся географии глобализации в сфере музыки мы должны разобраться, с каким жанром музыки и с каким типом индустрии мы имеем дело.

У современной индустрии популярной музыки нет реальных исторических предшественников. При отсутствии средств хранения и воспроизводства звука музыка оставалась весьма локализованным явлением и потреблялась в том регионе, где она была создана. Музыкальные стили, методы исполнения и инструменты не оставались стационарными и в прошлом, когда не было современных технологий; теория и практика исполнения классической оркестровой музыки была известна всем европейским элитам, начиная с XVII в. Эти музыкальные стили и сама музыка, порожденные религиозным культом и культурой и, в свою очередь, влияющие на них, могли распространиться посредством собственных церковных

сетей коммуникации (Жоусе, 1993)- Модели миграции и передвижения использовались для распространения музыкальных стилей и навыков из региона их производства, благодаря чему и происходили столкновения и слияния музыкальных традиций, которые в противном случае оставались бы обособленными. Возможно, самый наглядный тому пример — распространение, вследствие работорговли, африканских музыкальных традиций в Северной и Латинской Америке. Однако небольшие объемы выпуска музыкальных альбомов, коммерциализированные оркестры, публичные представления и частная звукозапись — все это предшествовало появлению технологий хранения, транспортировки и воспроизведения музыкальных записей: фонограф или проигрыватель, различные типы аудиокассет и — с недавнего времени — компакт-диск. Кроме того, музыкальная индустрия была создана на основе распространения увеличивающихся возможностей передачи музыки посредством персональных стереосистем, телевидения, музыкальных видеокассет и видеоканалов. На основе этих достижений возник институциональный комплекс, состоящий из компаний, исполнителей, музыкальных записей и продаваемой продукции, структура которого постепенно усложнялась и разрасталась по своим размерам в

течение последних 80 лет.

Помимо технологии, развитию музыкальной индустрии способствовала обратная сторона значительных социально-демографических изменений, происходящих в странах Запада и на западных рынках. Ведь с финансовой точки зрения основным направлением международной музыкальной индустрии стала скорее популярная современная музыка, чем классическая и религиозная, т. е., проще говоря, рок- и поп-музыка, а она чаще всего была американской и до некоторой степени британской по своему происхождению и содержанию. Эти музыкальные стили возникли в результате появления особых молодежных культур и субкультур (сами, в свою очередь, способствуя их появлению), что было результатом экономических и социальных изменений послевоенного Запада: роста благосостояния, изменений в системе образования и на рынке труда, а также размывания традиций и традиционного сообщества. Соответственно, транснационализация музыкальной индустрии стала одновременно и процессом распространения американской популярной музыки, американских исполнителей и жанров, и областью распространения взаимодействующих культур и субкультур, из которых она выросла.

Глобализация музыкальной индустрии обретает, таким образом, несколько различных форм. Она включает в себя, во-первых, создание многонациональных корпораций, производящих и продающих музыкальные записи и, во-вторых, импорт и экспорт музыкальной продукции и проникновение зарубежных артистов и зарубежной музыки на национальные рынки. В-третьих, она отчасти основана на более широком распространении стилей и образов, которые глубоко укоренены в американской молодежной культуре и культуре чернокожего населения, ставших основным источником культурной продукции этой индустрии — даже если эти культуры растворялись и видоизменялись в ходе этого процесса (Negus, 1993)- Пример подобных тенденций являет собой Великобритания. Около 20% ее музыкальной продукции идет на экспорт, в результате чего она достигла положительного платежного баланса. Однако британские компании контролируют лишь малую часть своего рынка. Зарубежные корпорации контролируют приблизительно две трети британского рынка сбыта, в том числе и продажу альбомов британских исполнителей. Таким образом, экономические и культурные процессы тесно переплетены, а иногда вступают в противоречие друг с другом.

Другие западные страны отличаются от США и Великобритании сравнительно малым объемом отечественной популярной музыки. Все они импортируют значительную долю музыкальных записей из США, благодаря чему эта страна сохраняет свое господствующее положение на рынке музыкальной продукции, которое она занимает с 50—60-х гг. XX в. (см.: IFPI, 1994)- Что, между прочим, отражается и на плачевном состоянии отечественной звукозаписывающей индустрии в этих странах (Hang and Morgencos, 1990). Из всех стран только Великобритания занимает в области популярной музыки свою особую и крепкую позицию. Другие же страны достигали лишь кратковременных успехов как на региональном уровне, так и на глобальном. Франция сохранила относительно мощную отечественную индустрию и рынок благодаря особому характеру своей поп- и эстрадной музыки, хотя за пределами франкоязычных стран эти жанры популярны гораздо меньше. В Швеции сформировался стиль диско, равнозначный «Вольво», — в лице «Аббы». А вскоре поразительная способность шведов легко усваивать английский язык и свободно общаться на нем открыла шведским исполнителям, поющим на английском языке, зарубежные рынки (Malmans, 1982; Burnett, 1992)- Германии еще только предстоит добиться коммерческого успеха на различных зарубежных рынках, хотя во многих жанрах — техно, гараж (garage), хаус — немцы весьма преуспели (Zeppenfeld, 1979)-

За пределами Запада существует огромное количество местных музыкальных традиций и стилей. Но лишь под покровительством мировой музыкальной индустрии эти направления и исполнители начали получать широкую известность за пределами своей родины под рубрикой, которая сейчас в магазинах ведущих корпораций называется «музыкой народов мира». Однако на сегодняшний момент эта музыка занимает очень скромное место на западных рынках (Robinson et al., 199¹)-

7.3.4 КИНО

Реальные объемы готовой кинопродукции и общая продолжительность киносеансов, порожденные мировой киноиндустрией, очень малы по сравнению с мировыми масштабами телевизионной продукции, продолжительностью радиопередач или общим количеством изданных книг и газет. Тем не менее киноиндустрия играет особую эстетическую, культурную

и политическую роль в современном мире. Фильмы — это во многом высококачественные продукты аудио- и видеоиндустрии; эти отрасли не только располагают своими отдельными сферами сбыта продукции через кинотеатры и т. п., но и выпускают большую часть продукции, реализуемой через продажу видеокассет и видеопрокат. Они обеспечивают производство высококачественных программ почти для всех телевизионных станций и располагают каналами на кабельном и спутниковом телевидении, ориентированными исключительно на их передачи. Наконец, с нашей точки зрения, и фильм, и кинотеатр составляют старейшие сферы культурной индустрии как таковой — индустрии, которая раньше всех глобализировалась в организационном и жанровом аспектах. За пределами Запада телевидение до сих пор находится в стадии становления, в то время как кино, которое всегда смотрели не

417

в одиночку, а большими группами и которое не требует приобретения индивидуальных средств воспроизведения, приобрело в течение XX в. солидный опыт. Поэтому, хотя телевизор смотрит чаще и большее количество людей, чем кино, уместнее начать рассмотрение глобализации аудио- и видеоиндустрии с кинофильмов и кинотеатров.

Что делает фильм отечественным продуктом? Означает ли это, что он должен быть гомогенным продуктом, сочиненным, поставленным и снятым соотечественниками на отечественной студии? Если это так, то вряд ли какой-либо фильм мог бы быть назван действительно отечественным. В немногих отраслях промышленности рабочая сила является более многонациональной и кочующей, чем в кино. Сбор значимых данных по данной теме был бы очень трудоемок и сложен. В то же время более четкие определения и более качественные данные были бы очень полезны в финансовой сфере киноиндустрии, потому что национальные правительства и, в частности, министерства культуры стали интересоваться экономическими последствиями международных изменений в кинопроизводстве и в его финансировании. Поэтому они собирают информацию по данным вопросам. Интересно, что даже беглый взгляд на собранные сведения наводит на мысль, что степень детальности государственной статистики по этой теме непосредственно связана с тем, насколько национальные правительства обеспокоены глобализацией их киноиндустрии, сокращением отечественной продукции и осознанными ими экономическими и политическими последствиями этого. Так, французские, итальянские и испанские данные в целом полнее собранных британским правительством, которое эффективно ликвидировало интервенцию в киноиндустрии, имевшую место в 80-х и начале 90-х гг. XX в., и американским правительством, которое не испытывает ни нужды, ни желания сколько-нибудь серьезно вмешиваться в эту сферу. Наряду с данными по национальному и международному кинопроизводству и финансированию съемок мы можем обратиться также к суммарным данным по импорту и экспорту кинофильмов. Однако тот факт, что кинофильмы — это наполовину товары общественного потребления, означает, что данные о потоках кинофильмов не обязательно строго соответствуют способам приобретения этих фильмов и численности смотрящих эти фильмы людей. Так, в Америке доля иностранных фильмов на экране, безусловно, выше, чем их доля в аудитории или числе проданных билетов. Поэтому второй класс данных — о численности аудитории и поступлениях от продажи билетов — более точно отражает численность национальных киноаудиторий и распространенность кинопроката (Wildman and Siwek, 1988).

Если глобализация понимается просто как распространение кинопродукции и различных участвующих в процессе кинопроизводства структур по всему миру, то можно говорить о растущей глобализации киноиндустрии. Согласно статистическим обзорам ЮНЕСКО, снимать художественные фильмы может как на Западе, так и за его пределами значительное число государств. Но очевидно и то, что лишь очень немногие государства постоянно выпускают большое количество фильмов. В 80-е гг., например, лишь США, Япония, Южная Корея, Гонконг и Индия выпускали более 150 художественных фильмов в год и еще только двадцать стран (или около того), главным образом, западных, выпускали больше пятидесяти фильмов в год.

Основными производителями из стран, принадлежащих ко

Таблица 7.7 Распределение продаж фильмов по основным странам-экспортерам (начало 1980-х гг.)

Количество других стран, в которых	Количество других стран, в которых продажа фильмов
---------------------------------------	--

	Количество стран-импортеров фильмов данной страны	продажа фильмов данной страны — основной источник финансирования собственной кинопромышленности	данной страны на- ходится в тройке основных источников финансирования собственной кинопромышленности	Количество других стран, в которых продажа фильмов данной страны составляет меньше 5% всех ввозимых фильмов
США	79	56	77	79
Франция	68	5	36	40
Италия	71	2	39	52
Индия	42	6	39	52
СССР	55	10	17	28
Велико-британия	69	1	19	33
ФРГ	56	0	8	15
Япония	46	0	5	7
Гонконг	4	19	28	35
Источник :	Wildman and Yearbook, 1984	Siwek, 1988, p. 16; первоначально данные взяты		из: UNESCO, Statistical

второй категории, были СССР, Франция, Италия, Испания, Германия и Великобритания.

Большинство государств, хотя они и могут снимать кинофильмы, в настоящее время выпускают меньше двадцати фильмов в год.

Одним из основных проявлений глобализации киноиндустрии стало совместное производство, когда создание фильма финансируется больше, чем одним государством. Существует множество различных форм этого явления, в том числе равноправное и неравноправное участие, постоянное партнерство и т. п. Американская киноиндустрия при всей своей внутренней стабильности, большом объеме своего внутреннего рынка и хорошо организованных международных сетях реализации продукции не полагается на совместное производство как на источник финансирования или как на основу для возможных сетей реализации продукции. То же самое можно сказать об относительно самостоятельном индийском и гонконгском кино. Тем не менее в Европе совместное производство временами становится важным источником финансирования. Во Франции в 1950 г. лишь 15% финансов, выделяемых на съемки фильмов, приходилось на совместное производство, в течение же последующих пятнадцати лет эта цифра выросла примерно до 70%. Потом она снизилась и в конце 70-х гг. вернулась к своему первоначальному послевоенному уровню, а в конце 80-х гг. вновь пережила подъем. В середине 90-х гг. совместное производство в Западной Европе составляло 50%. Небольшие европейские киноиндустрии типа бельгийской или португальской почти полностью основаны на присущем совместному производству международному финансированию (Gyory and Glas, 1994; Screen Digest, 1996,199/b).

419

Как можно было бы предвидеть, основным условием значительного экспорта кинофильмов является высокий внутренний уровень производства; таким образом, налицо тесная взаимосвязь уровня суммарного кинопроизводства, уровня экспорта кинофильмов и сравнительно низкого уровня их импорта. В 80-е гг основными экспортерами кинофильмов в мире были США, Индия, Франция, Италия, СССР (впрочем, нынешнее состояние российской кинопромышленности явно не выглядит обнадеживающим, так как она больше не финансируется в достаточном объеме), Великобритания, Германия, Япония и Гонконг. Лидерство США по продажам фильмов во всем мире бесспорно: американская индустрия экспортирует свои фильмы в большее количество стран и рынков, чем любая другая и является, после распада Советского Союза, главным экспортером во всех тех странах, которые раньше потребляли советскую продукцию. После США наиболее значительными экспортерами являются Франция, Италия и Индия В этой связи важны региональные и колониальные связи. Французские фильмы, разумеется, больше популярны в франкоязычных странах и в бывших французских колониях в Северной Африке, в то время как индийские - в Юго-Восточной Азии и Африке.

В то время как источники финансирования, импорт и экспорт кинофильмов являются важными индикаторами культурного и финансового благосостояния отечественной кинопромышленности, другой полезный показатель - распространенность зарубежной культурной продукции -

определяет количество отечественных и зарубежных фильмов, показанных в кинотеатрах за год. Из этих данных видно, что США, за исключением сетей небольших некоммерческих кинотеатров, остаются достаточно невосприимчивыми к иностранным фильмам. Но в европейских странах, за исключением нескольких периодов ренессанса отечественного кино, в большинстве случаев наблюдается тенденция к увеличению демонстрации иностранных фильмов - и, как правило, американских. Великобритания, что неудивительно при общем с США языке и слабости собственного кинопроизводства, стала самым значительным импортером американских фильмов. В 1950 г. иностранные фильмы составляли 78% всех показов. Так как отечественная индустрия оправилась от связанных с войной ограничений и сокращения, эта цифра вначале снизилась примерно до 70% в начале 60-х гг., но с тех пор постоянно росла, достигнув уровня почти в 90% от всех показов в конце 80-х - начале 90-х гг. Существуют и отклонения от этой тенденции. Во Франции уровень демонстраций зарубежных фильмов, как ни странно, упал в 80-е гг. примерно до 65% (Gyory and Glas, 1994).

Схожая картина проникновения импортируемой продукции в европейские страны, а также в Японию, вырисовывается, если судить по поступлениям от продажи билетов, тогда как американский рынок остается ориентированным на отечественную продукцию. Действительно, за исключением нескольких лет снижения импорта в конце 60-х - начале 70-х гг. доля потраченных на американские фильмы денежных средств в странах континентальной Европы возросла, и особенно резко — в 80-е гг. В Италии, например, число показов иностранных фильмов упало с послевоенных 78% менее чем до 40% в 1971 г., превысив затем 80% всех показов в 1990 г. Во Франции, несмотря на возросшие цифры показов отечественных фильмов, иностранные фильмы увлекли рынок в конце 70-х — начале 80-х гг., достигнув 60% показов в 1990 г., в то время как в начале 70-х они

420

составляли 40%. В Великобритании и Швеции господство американских фильмов, если судить по поступлениям от продажи билетов, еще больше. В Швеции в 1990 г. количество показов отечественных фильмов упало до уровня ниже ю%, вокруг которого оно колебалось в начале 90-х гг. в Великобритании. По Европейскому Сообществу в целом доля показов американских фильмов, судя по доходам от продажи билетов, возросла с 60,2% в 1984 г. до 71,7% в 1991 г.¹ Однако с начала 90-х гг., согласно тому же показателю, в Европе наметилась некоторая реабилитация отечественных фильмов. В среднем по ЕС доля американских фильмов среди совокупных поступлений от продажи билетов на все сеансы упала до 60% в 1996 г.; при этом больше всего она упала во Франции (53%)> а меньше всего — в Великобритании (81%). Наконец, следует заметить, что Япония, которая располагала относительно процветающей киноиндустрией и рынок которой казался достаточно защищенным от проникновения на него американских фильмов, также поддалась их давлению. Количество показов иностранных (преимущественно американских) фильмов, если судить по доходам от продажи билетов, возросло с 45% в 1980 г. до почти 60% в 1990 г., и эта цифра продолжала расти в конце 90-х гг. (Gyory and Glas, 1994; Screen Digest, 1996, 1997с).

7.3.5 ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Важно отметить, что кинотеатры стали убыточным сектором в кинопромышленности, поскольку все больше и больше денег приносит объем продаж на телевидении и через видеопрокат. Эти данные собраны менее систематически и, по очевидным причинам, менее точны. Но они, тем не менее, показывают, что в этих новых секторах США сохраняет и упрочивает свое экономическое господство (IFPI, Video Statistics, разные годы).

Если киноиндустрия глобализировалась уже давно, то начало глобализации телеиндустрии — событие более свежее. Отчасти это обусловлено более современной техникой; но возможно, более значимым при объяснении уровня распространенности телеиндустрии в мире стали технические характеристики самой этой техники и более активное участие национальных правительств в качестве посредника между производителем и потребителем: как собственников, продюсеров, спонсоров, руководителей и цензоров. Оба этих аргумента требуют некоторого исторического экскурса. Хотя технология производства и трансляции телепередач была разработана еще до Второй мировой войны — и в США, и в Великобритании вещание началось еще в 30-е гг., — но лишь в конце 50-х — начале 60-х гг. телевизоры на Западе получили широкое распространение. Даже в 1954 г. во Франции было еще только 125 тыс. телевизоров, а в Западной Германии — менее 90 тыс.; количество же телевизоров на

1000 жителей составляло менее 3 штук (UNESCO, 1963).

Телевидение требует большего объема капиталовложений, чем кино. Будучи весьма дорогостоящей технологией, в полуголодное послевоенное десятилетие оно вряд ли могло процветать в тех государствах, где потребность в нем была гораздо менее важной проблемой, чем инвестиции и производство. В этих условиях кино продолжало привлекать значительную аудиторию благодаря как отечественным, так и зарубежным фильмам. Телепередачи оставались на вторых ролях и были продуктом почти исключительно отечественного производства. Как только

421

в 60-е гг. экономический рост на Западе ускорился и привел к появлению товаров широкого потребления, телевизоры быстро получили широкое распространение и цена на них на рынке упала. Последующее распространение телевизоров во всем мире, что является главным условием развития рынка телепрограмм, и развитие различных тележанров шли параллельными путями. Лишь в 80—90-е гг. национальные рынки вышли за пределы Запада и начали формировать мировой телерынок.

Несмотря на индивидуализацию потребления и преимущественно домашний по сравнению с кино просмотр телевизора, телевидение вначале обладало особым общественным статусом. На определенной территории могло быть только определенное количество частот, по которым могли идти сигналы наземного телевидения, поэтому правительственное вмешательство и регулирование с самого начала было неизбежно. Обеспечив одновременную трансляцию телепередач непосредственно в дома граждан, правительства — как демократические, так и недемократические — сразу же проявили живой интерес к содержанию телепередач и их финансированию. За исключением американских, все первые телекомпании были полностью или частично собственностью государства; обычно они финансировались из государственных источников, а также за счет взимаемой государством платы за пользование телевизионным приемником и лишь отчасти — за счет рекламы. Таким образом, несмотря на возможность транснационального вещания, структура и ориентация первых телестанций были строго национальными. Несомненно, перемещение наземных частот за национальные границы произошло сначала в переполненном эфирном пространстве Европы; затем — с Запада на Восток, что было весьма важно в политическом отношении. Но международное вещание этого типа было чрезвычайно ограничено и являлось побочным продуктом процесса эксплуатации данной технологии.

За последние 20 лет ряд технических и политических достижений совершенно изменил телевидение и повлиял на его глобализацию как средства коммуникации и как индустрии. Во-первых, постоянно росла численность стран с системами телевизионного вещания и количество телевизоров. Из своего центра в развитых странах Запада телевидение в послевоенные годы распространилось по Восточной Европе и Советскому Союзу, в Латинской Америке, Азии и Африке. Во-вторых, вначале на Западе, а позже и в других регионах постоянно росло количество каналов наземного телевидения. Отчасти это было обусловлено тем, что правительства решили расширить финансовую базу телекомпаний ввиду очевидной ограниченности числа каналов и программ, которые могут финансироваться исключительно за счет субсидий и сборов с налога на лицензию. Благодаря разрешению рекламных доходов и спонсорства в структуре телевизионного финансирования — посредством государственных корпораций или полностью частных телестанций — потенциальная производительность и финансовая база национального телевидения выросли. Однако распространение его продукции редко сопровождается, если вообще сопровождается, соответствующим ростом производительности национальной аудио- и видеоиндустрии, способным заполнить все потенциальные «белые пятна» в телевизионной сети. Таким образом, распространение телевизионной продукции по разным странам способствовало удовлетворению их потребности в ее импорте.

В-третьих, вследствие технических и управленческих трансформаций эти из-

422

Таблица 7-8 Наличие у населения телевизоров (1959 — 1992)

Общая численность телевизоров (млн.)	Численность телевизоров (на 1000 жит.)
--------------------------------------	--

	1959	1969	1980	1988	1992	1959	1969	1980	1988	1992
Всего в мире	87 0,04	251	558 8	756	873 26	39 0,2	89 3,2	125	148	160
Африка		1,1	98	17	235			17 38	28 53	38
Азия				160						73
Восточная										
Азия	3,5	23				25	138			
Южная										
Азия	0,1	2,5				0,1	2,3			
Северная										
Америка	56,2	89	166	214	226	287	397	661	790	800
Латинская										
Америка	2,7	15,0	36	64	76 300	13 48	54 188	99	149	166
Европа	20,3	86,5	243	289	11	43	175	324	372	381
Океания	0,7	3,3	7	11				296	411	375
Развитые										
страны			478	585	616			416	485	498
Развивающи										
-										
еся страны			80	171	257			24	44	61

Источник: UNESCO, Statistical Yearbook, 1970-1988, 1994

менения ускорились. Наиболее важной технической трансформацией стало появление спутникового и кабельного телевидения. При подключении к кабелю или спутнику численность каналов, например, в Европе возросла за пять лет (с 1988 по 1993 г.) со 104 до 165, а в странах ЕС — с 77 до 129 (IDATE, 1993. Р- 39)- В 1997 г. общее количество вещающих в Европе каналов перевалило за 250 (Screen Digest, 1997а). Обе эти телевизионные технологии позволяют телекомпаниям в какой-то степени обойти управленческие структуры национальных государств и преодолеть национальные границы посредством кабельного вещания. Эти технологии разрушают монополию ограниченного круга частот, навязываемую наземным вещательным станциям. Более того, поскольку спутники могут передавать сигнал на любые территории различных государств и осуществляют это из космоса, на них необязательно распространяется юрисдикция стран, принимающих сигнал. Отдача таких спутниковых услуг сильно возрастает благодаря их взаимосвязанности с кабельными сетями. В таких ситуациях комбинирования этих технологий несколько ресиверов связаны с большей по охвату территории кабельной сетью, избавляя таким образом абонентов от необходимости покупать дорогое оборудование для приема сигнала. С учетом затрат на основание новой фирмы неудивительно, что стоимость таких услуг теперь гораздо ниже по сравнению с наземным телевидением. Эта тенденция варьируется по разным странам, регионам и социальным группам, но она, бесспорно, усиливается. Распространенность на рынке кабельного телевидения в Западной Европе, например, возросла с 17% в 1990 г. до более чем 25% в 1995 г., а распространенность спутникового — с 2% до 12,6% за тот же период (Screen Digest, 1997»).

423

В-четвертых, технологические и экономические изменения сопровождаются колебаниями политического и юридического дерегулирования практически во всех развитых и многих развивающихся странах. Это явление принимает различные формы, но обычно оно включает в себя коммерциализацию или приватизацию существующих каналов наземного телевидения; создание гибко регулируемых условий предоставления спутниковых и кабельных услуг; отсутствие жестких правил, предоставляющих право владения телекомпаниями только национальным фирмам; снятие ограничений на совместную собственность информационных компаний. Это сочетание технологических изменений с дерегулированием создало мировой рынок телепрограмм и сделало возможным нахождение телестанций в собственности у иностранных граждан и распространение некоторых телеканалов по всему миру. Кроме того, это послужило стимулом для межнационального производства и параллельно с этим совместного финансирования производства национальных программ для различных мировых рынков. Мы рассмотрим вкратце результаты исследований импорта телевизионной продукции.

Было потрачено немало усилий, чтобы измерить рейтинги отечественной и импортированной телевизионной продукции. Методы, применяющиеся в таких исследованиях, весьма различны, и результаты их зависят от многих факторов: объема выборки телевизионной продукции, времени

года, когда проводился опрос, сосредотачивались ли исследователи на измерении рейтинга в «часы-пик» или в течение всего дневного вещания канала, какие именно каналы исследовались. Между разными каналами в одной и той же стране могут быть значительные различия в объемах иностранных инвестиций. Новости, прогноз погоды и спортивные телепередачи, практически всегда отечественного производства, учитываются в одних исследованиях и не учитываются в других. Тем не менее, успехи, достигнутые при проведении столь разных исследований в этой области, сопоставимы (Nordenstreng and Varis, 1974; Varis, 1984; Sepstrup, 1991).

Эти исследования высветили несколько интересных моментов. Во-первых, особняком стоят США. Только США сохранили исключительно низкий процент зарубежных телепрограмм, допускаемых в их эфир. В 1973 г. объем их импорта по основным телекомпаниям составлял всего лишь 1%, а спустя десятилетие вырос только до 2%. Во-вторых, доминирование американской телевизионной продукции на отечественном рынке отражается на феноменально успешном ее экспорте.

Гигантские доходы Америки от экспорта продукции своей аудио- и видеоиндустрии традиционно основаны на мощи кинопромышленности, экспортирующей как кинофильмы, так и телепередачи. Однако в течение последних двадцати лет увеличивались объемы экспортирования именно телепередач. В начале 70-х гг. США осуществляли экспорт телепередач общей продолжительностью около 150 тыс. часов в год. Это сделало Америку крупнейшим экспортером телевизионных программ, причем ее экспорт превышает экспорт трех следующих после нее стран, вместе взятых, более чем в три раза. Это господство отразилось с географической точки зрения на том, что США были и остаются единственным крупнейшим экспортером в любой регион мира и практически в каждую отдельную страну, т. е. на основные рынки Западной Европы и Латинской Америки, а также более скромные развивающиеся рынки Ближнего Востока, Азии и Африки. Что касается Латинской Америки, то, несмотря на преимущество конкурента в лице испанского телевидения, США поставляет в этот регион по меньшей ме-

424

ре 75% всех импортных передач. Аналогичные данные по Западной Европе колеблются вокруг 45% в 80-е гг. Получить точные данные по совокупным доходам от этих продаж очень трудно; тем не менее Ассоциация американского кино (Motion Picture Association of America) предположила, что доходы всех американских компаний в результате объединения с иностранными синдикатами выросли с 66 млн. долларов в 1963 г. до 485 млн. в 1983 г. (Renard and Liman, 1985)- Сейчас они значительно выше.

В-третьих, группа стран, входящих в ОЭСР, — Франция, Германия и Великобритания — используют импортированные телепередачи в гораздо большем объеме, чем США, но несколько меньшем, чем многие не столь крупные западные государства. Как легко догадаться, эта группа стран также располагает сравнительно сильной телеиндустрией, довольно успешно экспортирующей свою продукцию. В Германии импортированные телепередачи составляли 26,5% всей продукции в 1973 г. и 27% — в 1986 г. Во Франции данные за эти годы таковы: 9 и 16% соответственно; в Великобритании — 13 и 27%. Япония и Италия в начале 70-х гг. ввозили примерно по 10% продукции. Эти цифры сравнимы с указанными выше. Однако нам недоступны более поздние данные. Некоторые отдельные факты и статистические данные платежного баланса наводят на мысль, что объемы импорта в этих странах выросли по крайней мере до уровня Франции, Германии и Великобритании.

В-четвертых, после США Франция, Германия и Великобритания являются основными экспортерами телепередач. Действительно, мало кто еще имеет столь высокие показатели, хотя в настоящее время свой экспорт увеличивают Бразилия, Мексика, Египет, Гонконг, Испания и Австралия (Wildman and Siwek, 1988; Sinclair et al., 1996). Среди этих трех европейских государств главным экспортером в большинство стран Западной Европы (особенно небольших), а также в США стала Великобритания. У Франции и Германии меньшие объемы торговли, причем только со странами, родственными им по языку. Интересно, что и между самими этими тремя странами-экспортерами объемы торговли стали довольно незначительными (в противоположность торговле между ними вообще: об этом см. гл.3).

В Швеции телеиндустрия развита, по сравнению с рассмотренными выше странами, довольно слабо. При этом наблюдаются растущие объемы импорта телепередач и очень низкие объемы их экспорта. В столь же трудном положении находится большинство небольших стран. В 1973 г. импорт уже составлял 33% всей продукции на национальном рынке, а к 1988 г. он вырос до 37%. Важно, однако, отметить, что большие объемы импорта существуют не во всех маленьких странах: одни продолжают развивать свою собственную телеиндустрию, другие вынуждены быть

очень скромными в своих закупках из-за нехватки иностранной валюты (см.: Wildman and Siwek, 1988).

7.3.6 ТУРИЗМ

Туризм — одна из самых очевидных и вместе с тем одна из самых трудных для оценки форм глобализации. Мало какое из явлений ярче свидетельствует о пространственно-временном сжатии обществ, чем падающие цены на международное путешествие с целью провести свободное время и растущая легкость такого

425

путешествия, а следовательно, и растущее число людей почти из всех классов западных обществ, которые могут себе позволить сменить окружающую их обстановку, а вместе с ней и свои ежедневные занятия. Другие формы международного культурного обмена также широко распространены — во всяком случае, на Западе. Но какая еще из них может предоставить такому количеству людей, разных по своему социальному положению, возможность столь глубокого, непосредственного и отчетливого восприятия других культур, стран и континентов? И потом, какая еще форма деятельности в такой степени превращает посещаемые туристами места в объекты мировой культуры (Urry, 1990)?

Но эти, преимущественно культурные, интерпретации туризма еще должны быть, пусть хотя бы приблизительно, оценены. Во-первых, он должен быть рассмотрен не только с культурной, но и с экономической точки зрения. Хотя самостоятельные путешествия распространены довольно широко, практически ни один турист не может обойтись без услуг множества различных компаний, крупных и небольших, отечественных и международных, которые организуют и координируют путешествия и туризм. Во-вторых, экономические критерии формируют представления о том, кто может позволить себе отправиться в путешествие, куда именно следует ехать туристам и чем заниматься по прибытии на место назначения. Кроме того, экономические факторы влияют на жизнь в тех местах, куда устремляются туристы, определяют структуру капиталовложений, основные особенности рынка рабочих мест и степень суммарной вовлеченности страны в мировую экономику — поскольку туризм, конечно, может быть (и часто является) чрезвычайно важным источником рабочих мест и источником получения иностранной валюты. Кроме того, туризм влияет на снабженческую инфраструктуру и может оказаться существенным источником для получения прямых иностранных инвестиций. В-третьих, туризм — это не только международное явление. В самом деле, истоки туризма как сравнительно широко распространенного массового увлечения на Западе лежат в путешествии не за рубеж, а в поездках по своей собственной стране. Наконец, влияние экономических факторов отчасти формирует и определяет основные черты культурных впечатлений туристов. Ведь очевидно, что само присутствие туристов, особенно в больших количествах и особенно, если это имеет серьезные экономические последствия, преобразует культурные и экономические черты тех мест, которые посещают туристы.

Хотя правительства и содействующие туризму организации собирают данные о нем, прежде всего за них отвечают таможня и иммиграционные службы, которые контролируют потоки прибывающих из-за границы людей и ведут их учет. Так что, несмотря на то, что ОЭСР уже проделал некоторую работу по сбору пригодной для сравнения информации, международные данные о туризме остаются ограниченными (OECD, 1986). В частности, в разных странах по-разному классифицируются прибывающие ненадолго и прибывающие на длительное время. На столько же по-разному различные страны собирают данные о совершающих деловые поездки и других путешественниках. В любом случае, ценную информацию дает только единое статистическое исследование иммиграционных потоков и экономических операций, так как необходимо учитывать более обширные социокультурные последствия путешествий, которые будут иметь место как для приезжих, так и для местных жителей.

Хотя международный туризм как организованный бизнес существует уже

426

больше века, а международные путешествия — еще намного дольше, достаточно достоверные данные о международных туристских потоках до 1950 г. не собирались. В то время приблизительная численность международных туристов достигала 25,3 млн. человек, а совокупные туристские затраты составляли более двух млрд. долларов. В последующие десятилетия рост продолжился и, более того, ускорился. В 1960 г. количество международных туристов достигло 69,3 млн. человек, а затраты туристов — 6,9 млрд. долларов; в 1970 г. — эти цифры выросли соответственно до 159,7 млн. и 17,9 млрд.; в 1980 г. — до 284,8 млн. и 102,4 млрд.;

а в 1990 г. — до 454.8 млн. и 255 млрд. Несмотря на снижение темпов экономического роста в странах ОЭСР в начале 90-х гг., ежегодная численность туристов в 1995 г. перевалила за полмиллиарда и составила 561 млн. человек, а потраченные этими туристами деньги — более 380 млрд. долларов. Выраженные в абсолютных величинах, эти цифры беспрецедентны. При этом если темпы роста численности туристов по сравнению с первыми послевоенными годами снизились, то суммарный объем их расходов продолжает расти и в настоящее время. Более того, Всемирная организация по туризму, оценивая современные тенденции, спрогнозировала, что к 2010 г. совокупная численность туристов приблизится к миллиарду (World Tourist Organization, 1991.1997)-

Однако, как легко догадаться, и данные по государствам, откуда прибыли туристы, и данные о конечных пунктах их путешествия, а следовательно, и распределение доходов и расходов международных туристов в разных точках земного шара распределены по странам мира неравномерно. Подавляющее большинство миграционных туристских потоков в последние тридцать лет прошло по Северной Америке и Западной Европе и между ними. Лишь в последние годы значительно увеличили свою долю в международных путешествиях Япония и Австралия (OECD, 1986). Более свежие данные заставляют думать, что это неравномерное распределение сохраняется. В 1994 г. из Африки прибыло лишь 2,4% всех международных туристов, с Ближнего Востока — 1,2% и из Южной Азии — 0,6%. В Европе побывало 53% международных туристов, а остальные пришлось на долю главным образом Северной и Латинской Америки (в основном — Мексики), Азии (преимущественно Японии и Тайваня) и Австралии. Что же касается расходов туристов, то здесь вырисовывается аналогичная картина: более 60% всех затрат приходится на долю 10 стран (страны «Большой семерки» плюс Австрия, Бельгия и Нидерланды) (World Tourist Organization, 1991.1997)-

7.4 ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕЗЮМЕ

Признавая важность масштабов досовременных форм культурной глобализации, равно как и последующего господства национальных культур (рассмотренных в разделе 7.2), мы должны согласиться и с тем, что современная эпоха стала свидетелем качественного и количественного изменения культурной глобализации. Это *не* значит, что надо одобрять любую существующую точку зрения на нее (сторонников гиперглобализации, трансформационистов и т.д.). Скорее, следует, как показывает вышесказанное, обратить внимание на то, что в течение XX в. произошел ряд радикальных изменений в географическом масштабе, необходимости и скорости культурного взаимодействия и коммуникаций — и появление не только не имеющих аналогов в истории технологий, но и институционализация

427

различных форм культурного производства и взаимодействия, многие из которых все больше и больше разрушают национальные границы и социальное пространство национальных культур и национальных государств. Наиболее важные составляющие этих изменений представлены в текстовых таблицах 7.1. и 7.2.

Во-первых, в начале XX в. произошел всплеск новых технологических инноваций в области коммуникаций, транспортных средств и их превращение — в сочетании со старыми технологиями — в функционирующие глобальные инфраструктуры. Эти изменения привели к образованию громадного числа каналов связи, которые легко пересекают национальные границы, расширяют область распространения и тип коммуникаций, ставших доступными в любом регионе и любом месте, резко снижают расходы на пересылку и транспортировку. Однако развитие коммуникационных инфраструктур не просто увеличило международные связи за счет национальных, но и увеличило как уровень национальных коммуникаций, так и межнациональных культурных потоков. В конце последнего столетия начался еще один вал инноваций, область распространения и темпы которого заставили забыть о более ранних технологиях: преобразование информации и изображений в цифровую форму, телефонные системы и системы спутникового вещания, новые кабельные и оптоволоконные технологии и интеграция компьютерных и телекоммуникационных сетей, элементарное выражение которых — глобальная сеть Интернет. Наряду с этими технологическими инфраструктурами ряд международных учреждений и организаций добились определенного глобального регулирования культурных потоков. Они включают такие явно заинтересованные в глобальных коммуникациях и культурах организации, как ЮНЕСКО, такие всемирные управляющие технологическими инфраструктурами организации, как ИТУ, ИНТЕЛСАТ (см. раздел 1.2.3) и Всемирная Торговая Организация, которая занимается и проблемами культурного протекционизма в тех случаях, когда это способствует либерализации

торговли. Это регулирование не препятствует коммуникации; фактически уровень коммуникации продолжает увеличиваться на всех уровнях — национальном, региональном и глобальном. Во-вторых, современная культурная глобализация отличается от прошлых форм тем, что гораздо большее количество образов и практических навыков распространяется на значительно более обширных территориях и с большей скоростью, чем в более ранние эпохи. В экономике и культуре как на внутреннем, так и на международном уровне плотность информации становится все более высокой. Резко возросла, и не только на Западе, роль символического руководства и контроля за прикладной и фундаментальной наукой (Bell, 1973; Reich, 1991; Lash and Urry, 1994). Численность владельцев телевизоров, радиоприемников и телефонов на Западе, их заметное увеличение на Юге и появление новых внутренних коммуникационных технологий расширило объем символов и значений, которые влияют на людей. Это внутреннее повышение информационной плотности сопровождается увеличением количества иностранных надписей, символов и изделий внутри национальных экономик и культур (Deibert, 1997). Радиопередачи, коммерческая реклама, экспортные фильмы, телевизионные программы, продажа книг и журналов — все свидетельствует о возросшем уровне транснациональных связей и производства. Если экстенсивность и интенсивность культурного влияния и обмена повысились, то также возросла и скорость, с которой происходят эти процессы. Связь становится практически моментальной. В сфере передачи ново-

Текстовая таблица 7.1 Основные движущие силы и проявления культурной глобализации

	Досовременная эпоха (до 1500 г.)	Раннесовременная эпоха (ок. 1500 — 1850 гг.)	Современная эпоха (ок. 1850—1945 гг.)	Новейшее время
Основные движущие силы культурной глобализации	Культурная диффузия и соперничество, осуществляемые посредством миграции, войны и торговли Отдельные регионы мира Многонациональные империи Основные мотивы — поиски спасения и погоня за политической властью	Культурная диффузия и соперничество, осуществляемые посредством миграции, войны и торговли Отдельные регионы мира Многонациональные империи Основные мотивы — поиски спасения и погоня за политической властью	Европейские мировые империи Транснациональные светские идеологии — социализм, национализм и либерализм Транснациональное светское познание — западно-европейская наука Основные мотивы — поиски спасения и погоня за политической властью	Крупные общественные средства массовой информации, туризм, транснациональные корпорации Транснациональные идеологии и наука, глобальные структуры Основные мотивы — погоня за прибылью и влечениями
Другие культурные структуры, играющие ключевую роль	Большая часть культурных структур и потоков имеет почти исключительно локальное значение	Большая часть культурных структур и потоков имеет почти исключительно локальное значение	Образование, а затем укрепление европейских, латиноамериканских и североамериканских национальных государств и национализм	Национальные государства и национализм, существовавшие почти веками

429

стей это ускорение особенно заметно, поскольку спутниковое вещание, позволяющее показывать живые картины со всего мира, становится доступным всем ведущим теленовостей. Этот вид культурной связи, осуществляемой в реальном масштабе времени, — будь то с помощью широко распространенной телефонной сети, радиовещания с места события или видеомоста, — превращает скорость и моментальность в элементы современной культурной глобализации, каких прежде не было в истории. Остаются, конечно, существенные различия в скорости передачи и плотности информации о международных и внутренних глобальных местных отношениях в различных местах в разное время.

В-третьих, очень важно отметить, что эти системы интенсивно используются для деловых и коммерческих коммуникаций, так же как и для производства, передачи и воспроизводства произведений популярной культуры. Элитные, высокие, академические и научные культуры, хотя они, конечно, используют эти технологии и иногда выступают заодно с ними, тонут в открытом море деловых информационных систем и коммерциализированной популярной культуры. Никакой исторической параллели не существует для столь интенсивного и обширного культурного потока, который прежде всего является способом коммерческого

обогащения и развлечения. Внутри этого потока находится и колоссально возросший масштаб международных поездок и массового туризма, начавшегося с 1945 г. Опять-таки, историческим предшественником этого явления можно считать элитный туризм XIX в. в Европе, но возможности и масштабы его были ничтожны по сравнению с теми, которые предоставляет сегодняшняя промышленность.

В-четвертых, изменились преобладающие способы культурной глобализации. В прошлых имперских государствах интеллектуальные и теократические структуры были главными движущими силами культурного влияния. В современном мире их роль играют крупные медиа-магнаты, а также возросшие потоки индивидов и групп. В центре этих взаимосвязанных процессов находятся многонациональные корпорации. Хотя крупные коммуникационные корпорации появились не в течение последних пятидесяти лет — международные агентства новостей и международные книгоиздательства были уже в XIX в., а международные экспортеры фильмов появились в период между двумя мировыми войнами, — масштабы их культурной деятельности и могущества исторически беспрецедентны (см.: Herman and McChesney, 1997). Эти корпорации включают в себя организации, сообща владеющие телевидением, радио и телекоммуникациями, но, поскольку они становятся все более и более приватизированными и дерегулируемыми, эта сфера все больше и больше попадает во власть частных корпораций, которые все чаще становятся транснациональными (J. В. Thompson, 1990).

В-пятых, стремительно изменяется стратификация культурной глобализации. Начиная с европейской эпохи современности, культурные потоки распространялись главным образом с Запада по всему остальному миру в пределах мировых империй. В современном мире потоки по-прежнему производятся главным образом на Западе, его наиболее мощными культурными институтами — радиовещанием, агентствами печати, музыкальной и киноиндустрией, университетами и т. д. На Западе баланс культурного влияния с конца XIX в. переместился далеко за пределы Англии, Франции и Германии, и теперь в культурном отношении преобладает Америка. Тем не менее, потоки начали менять свое направление прежде

Текстовая таблица 7.2 Исторические формы культурной глобализации

	Досовременная эпоха (до 1500 г.)	Раннесовременная эпоха (ок. 1500 — 1850 гг.)	Современная эпоха (ок. 1850 — 1945 гг.)	Новейшая эпоха (с 1945 г.)
Экстенсивность	<p>Все мировые религии и империи остаются региональными, хотя охватывают множество обществ и культур</p> <p>Индуизм, не выходящий за пределы Индийского субконтинента; буддизм в границах Южной и Восточной Азии; христианство в пределах Европы и Ближнего Востока; ислам — наиболее глобальная религия в ранний период мировых религий, распространенная с юга Азии до севера и востока Африки.</p> <p>Наиболее процветающие и многонациональные империи, также остающиеся региональными: Римская империя, Китай во времена династии Хань</p>	<p>Христианство, распространившееся в Северной и Южной Америке в результате демографической и военной победы</p> <p>Возможности западной культуры проникать и оказывать влияние за пределами Нового Света весьма ограничены</p>	<p>Западные мировые империи, развиваясь, создают слабые межэлитарные культурные связи. Тем самым создается часть инфраструктуры, способствующей распространению транснациональных светских идеологий и знаний в Азии, Африке и Латинской Америке</p> <p>Западные мировые империи закладывают основы инфраструктуры трансконтинентальных и межрегиональных телеграфных коммуникаций</p> <p>Западные мировые империи распространяют европейские языки в качестве основных языков всемирного общения</p> <p>Все большее число культур-</p>	<p>Инфраструктуры телекоммуникаций, лингвистическое взаимодействие, портировка в масштабах все более широких, чем прежде</p> <p>Беспрецедентное распространение английского языка мирового общения</p> <p>Масштаб корпоративной собственности, охватывающей глобальные культурной продукции, необычайно велик, хотя и неравномерен</p> <p>Глобальное распространение новых средств массовой информации, передачи культуры, телевидение, радио и т. д.</p>

	Кочевые империи монголов, огромные по территории, но слабо развитые в культурном отношении		ных институтов и потоков, организованных на уровне формирующихся национальных государств на Западе	Циркуляция произведений популярной культуры новым образом в пре- Западе, но также и движение с Севера. Возникновение по- тельной, но усили- тенденции обрат- ния популярных и ных форм культур Север
<i>Интенсивность</i>	Низкая	Низкая	Возросшая до глобального уровня по сравнению с до- современной эпохой, но в ка- ком-то смысле ставшая менее значительной с учетом запад- ных национальных культур, институтов, средств комму- никаций и транспортировки	Огромный и не им- прецедентов масш- док и коммуника- стран и между рег- Переход всех сред- дачи связи и инфо- цифровую основу
<i>Скорость</i>	Ничтожно малая	Медленная	Возрастающая по мере того, как ускоряются и становят- ся более надежными способы транспортировки, а первые средства телекоммуникации сделали возможным и упрос- тили мгновенную текстовую/ голосовую коммуникацию	Возможности мгно- коммуникации, ск- транспортировки и быстрее и дешевле когда- либо прежде
<i>Предрасположен- ность к внешнему воздействию</i>	<p>Первые возникшие миро- вые религии и империи пре- образуют культурную жизнь обращенных, часто вместе с привнесением грамотности производя глубокий сдвиг в мировоззрении</p> <p>Культурные потоки и вза- имоотношения на обшир- ных просторах Евразии ста- новятся ключевыми инстру- ментами, обеспечивающими имперское единство, воз- можность мирного сущест- вования и осознания общих идентичностей</p> <p>Распространение новых идей, технологий в пределах глав- ных цивилизаций Евразии и отчасти Африки имеет важ-</p>	<p>Первоначальная европейская экспансия, более мощная в плане распространения воо- руженных сил и образа жиз- ни Европы, чем в плане рас- пространения ее культурных достижений</p> <p>Христианство распростра- няется по всему американскому континенту, захватив лишь крошечные участки в Африке и Азии. Минимальное воз- действие на укоренившиеся цивилизации — исламскую, индийскую, китайскую и т. д.</p> <p>Столкновение разных куль- тур вначале, вероятно, оказы- вает большее влияние на ев- ропейскую культуру, чем на- оборот</p>	<p>Колониальные коммуника- ционные инфраструктуры обес- печивают все больший кон- троль над колониями со сто- роны метрополий</p> <p>Национализм становится мо- гущественной силой в ре- зультате воздействия на эли- ту и массу населения запад- ных стран разнообразных культурных влияний</p> <p>Национализм оказывает воз- действие на представителей колониальной культурной элиты и в меньшей степени — на массы населения</p> <p>Другие транснациональные идеологии и научные знания оказывают воздействие глав-</p>	<p>Увеличивающиеся с которыми сталки- талитарное/автори- ководство культур- роль за информац-</p> <p>Увеличивающиеся с которыми сталки- раваемые государ- ционалистические- ные проекты в сфе- турного производ-</p> <p>Территориально о- ные, но глубокие э- ческие и культурн- твия массового ту-</p> <p>Преобразование к- го контекста поня- нальной идентичн-</p>

Текстовая таблица / 2 продолжение

	<i>Досовременная эпоха (до 1500 г.)</i>	<i>Раннесовременная эпоха (ок. 1500 — 1850 гг.)</i>	<i>Современная эпоха (ок. 1850—1945 г.)</i>	<i>Новейшая эпоха (с 1945 г.)</i>
--	---	---	---	-----------------------------------

<i>Предрасположенность к внешнему воздействию</i>	ные и многочисленные последствия, например, распространение книгопечатания		ном образом на уровне элит. Марксизм благодаря интеллектуалам и массовым политическим движениям пользуется наибольшим влиянием в Советском Союзе, Китае и др. странах. Распространение научных знаний преобразует контекст и статус многих верований и практических навыков за пределами Запада. Возвышение наций и национальных государств оказывает серьезное влияние на организацию и территориальное распространение коммуникационных и транспортных систем, систем образования и всякого рода культурных институтов (национальную печать, национальные средства массовой информации и т. д.)	
<i>Инфраструктуры</i>	Надежное неокееаническое судоходство Письменность Имперские структуры, обеспечивающие безопасность и регулярность сухопутных и морских поездок на далекие расстояния	Надежное неокееаническое судоходство Типографское книгопечатание Имперские структуры, обеспечивающие безопасность и регулярность сухопутных и морских поездок на далекие расстояния	Железные дороги Телеграфное сообщение Пароходное и механизированное судоходство Имперские системы контроля	Телекоммуникационная, спутниковая и терная связь, Интернет, Радио, телевидение Реактивный авиат
<i>Институционализация</i>	Не существует никаких формальных институтов для регулирования взаимоотношений между цивилизациями или выступающих в роли посредника между ними	Не существует никаких формальных институтов для регулирования взаимоотношений между цивилизациями или выступающих в роли посредника между ними	Первые международные общественные организации начинают регулировать культурные взаимодействия: введение стандартного времени, первые международные законы об охране авторских прав, регулирование международной телеграфной и почтовой службы	Все возрастающее влияние международных связей и культур — отчасти с помощью общего и торгового ва. Политические ции — такие как К — обладают немалыми возможностями регулирования
<i>Стратификация</i>	Культурные потоки управляются имперской и теократической бюрократией и правящими классами Научные, литературные, философские произведения и идеи распространены среди элитной и малочисленной аудитории, примерами служат эллинизация Ближнего Востока, начавшаяся после смерти Александра Македонского, распространение арабской математики в	Мировые религии приобретают массу сторонников — хотя этому нередко предшествует военное завоевание	Вопиющее неравенство между метрополиями и колониями в плане контроля за культурными учреждениями, потоками и сообщениями, в основе которого лежит военное и политическое неравенство и господство Научное знание и транснациональные идеологии распространены в кругах, относящихся к элите В колониях имперскими	Массовая аудитор популярной культуры неравномерная в разных странах, особенно разных поколений Распространение туризма, главным богатых странах и гатых социальных Утверждение интеллектуальной элиты, культурных структур

	средневековой Европе		средствами коммуникации пользуются в основном представители элиты	Преобладание зап. культурных потоков, личивающееся раз потоков
			Национализм пользуется массовой поддержкой — хотя элита непременно доминирует	

434

всего благодаря миграции, но также и благодаря другим факторам, устремляясь теперь с Юга на Север и с Востока на Запад. Музыка, продукты питания, идеи, верования и литература с Юга и Востока вливаются в культуры Запада, создавая новые контуры и рубежи культурных взаимосвязей.

В-шестых, есть еще одно существенное изменение исторической формы культурной глобализации, которую мы должны отметить. Культура есть способ, с помощью которого индивиды и сообщества организуют и осмысливают свою идентичность во времени и пространстве. Всегда было и есть множество способов построения картины мира. Говорить о глобализации — это уже исходить из культурологического дискурса, согласно которому мир является шаром, вращающимся в пространстве. Форму, протяженность и место Земли во Вселенной не всегда представляли именно так; способы, каким культуры представляли свое место в рамках более обширного космоса, земного и небесного, были самыми разными. Некоторые культуры до европейского Просвещения представляли мир как единое целое, а людей, обитающих в нем, как единственный род человеческий, вне и независимо от каких бы то ни было социологических, биологических и духовных различий. В рамках именно такого дискурса, который мы можем описать как специфическую форму глобализации культуры, появляются и распространяются идеи и верования относительно земного шара и самого человечества. Даже если большинство людей остаются носителями местной или национальной культуры и сохраняют привязанность к определенному месту, им уже почти невозможно жить на этом месте в культурной изоляции от остального мира (Dasmann, 1988).

7.5 СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

При оценке воздействия культурной глобализации на национальные культуры и идентичности возникает несколько затруднений. Во-первых, мы должны развеять серьезные сомнения по поводу объекта изменения. Если довольно трудно определить даже, что такое национальная экономика, то дать исчерпывающее определение национальной культуры — трудно вдвойне. Что такое шведская или немецкая культура, как можем мы очертить ее измерения? Можно ли ограничиться просто культурными традициями? Имеем ли мы ввиду верования и общности? Можем ли мы точно определить, как шведы воспринимают шведское или французы — французское? Даже если бы мы могли ответить на каждый из этих вопросов, то смогли бы мы в таком случае проследить изменения в степени идентификации и соотнести их с изменениями в сфере культуры? Вся эта система аргументации основана на предположении, что в любом случае есть живая национальная культура, которой можно дать определение. Тем не менее, мы знаем, что такая идея, по крайней мере отчасти, является активным идеологическим построением, которое маскирует глубокие культурные различия между полами, расами и классами в пределах национального государства. С учетом этих оговорок что можем мы вполне определенно сказать о воздействии культурной глобализации на политическую жизнь выбранных нами шести развитых капиталистических стран?

435

7.5.1 ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНСТИТУТЫ И СФЕРУ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: КУЛЬТУРНЫЕ ПОТОКИ И КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ

Наименее противоречивым элементом современной культурной глобализации является развитие инфраструктуры и институтов для производства, передачи и приема культурной продукции и коммуникации всех видов. Они все стали более глобальными и — в плане их доступности — не знающими государственных границ примерно за последние тридцать лет, хотя собственность на них, контроль за ними и их использование остаются очень неравномерными как внутри отдельных стран, так и в разных странах. Мы можем говорить о трех пересекающихся и усиливающих друг друга элементах процесса глобализации культуры: электронной, лингвистической и общей инфраструктуре. Электронный элемент инфраструктуры включает в себя глобальное распространение радио- и телевидения, создание и распространение технологий для производства

и воспроизводства музыкальных звукозаписей, глобальный охват телекоммуникационных сетей. Языковая инфраструктура связи — билингвизм или мультилингвизм. В этом отношении не может быть сомнений в том, что главную роль играет распространение английского языка как средства международного общения. Наконец, общая инфраструктура включает в себя производителей и структуры распределения, которые эксплуатируют технологические и лингвистические инфраструктуры, наполняя их содержанием и готовой продукцией. Расширение глобальных рынков кинофильмов, музыкальных звукозаписей, новостей и телевизионных программ сопровождалось развитием многонациональной индустрии культуры, транснациональных телекоммуникационных корпораций и разнообразных союзов и проектов, которые связывают их друг с другом, а также с многонациональными корпорациями посредством компьютерного, программного и электронного обеспечения. К этим изменениям мы можем добавить и расширяющуюся широкомасштабную инфраструктуру международных поездок. Все вместе эти инфраструктуры, независимо от их культурных последствий или содержания, способствовали значительному усилению обращения идей, артефактов и образов на глобальных и региональных уровнях. Они обеспечивают передачу большого количества образов и объектов на огромные расстояния с большей интенсивностью и скоростью. Кроме того, они сделали взаимодействие между отдаленными местами более дешевым и легким, что способствовало большей символизации социальной жизни. Это значительно изменило институциональный контекст, в рамках которого развиваются разного рода локальные или национальные культурные проекты, и повлияло на затраты и прибыль от национальной политики культурной автономии, политического контроля и цензуры.

Что касается политики и государства, то эти глобальные инфраструктуры культуры и коммуникаций внесли свой вклад в дело уплотнения межнациональных элитных и профессиональных культур, формирования научных межнациональных элитных сообществ, формирования межнациональных политических групп и союзов, развития и укрепления диаспорных культур и общин, в дело увеличения открытости информации и сокращения цензурного и информационного контроля со стороны правительств тех или иных стран. Степень сокращения национальной культурной автономии зависит от той культурной и информационной политики, которую проводит правительство. Тоталитарные и коммунисти-

436

ческие государства, теократические и реакционные военные режимы — все они старались проводить закрытую культурную политику, при которой иностранные влияния, товары и идеи тщательно контролировались. Это может означать контроль на границе на предмет поиска и изъятия запрещенных иностранных изданий и видеоматериалов, контроль за международными коммуникационными средствами связи, строгую цензуру, ограничения на поездки и жесткое руководство образовательным учебным процессом. Для политики подобного типа современная культурная глобализация представляет самую большую угрозу. Спутниковые и другие телекоммуникационные технологии превышают возможности территориального контроля со стороны отдельных национальных государств. Правительства Китая и Бирмы, например, сочли невозможным для себя ни блокировать межнациональное радиовещание, ни контролировать продажу и использование радиоприемников. Советский Союз и его восточноевропейские сателлиты оказались не в состоянии запретить слушать западное радио и смотреть передачи западного телевидения, а также запретить ввоз иностранной печатной продукции. Интернет обеспечивает еще один канал, через который граждане таких государств могут избежать информационного контроля со стороны своего правительства. Вместе с тем эти каналы все более затрудняют национальным правительствам задачу следить за тем, чтобы «плохие новости» не выходили за пределы страны. Другими словами, произошли изменения в контексте национальных правительств и их способности управлять культурными процессами и развитием культуры; затраты на осуществление контроля и выгоды от него тоже неизбежным образом изменились. Развитые капиталистические государства, культурные амбиции которых более ограничены, чем амбиции авторитарных режимов, как правило, стремятся укреплять внутренние институты и контролировать внешнее влияние с помощью регулирования и торговой политики. Однако интенсивность реакции может быть более тесно связанной с уровнями элитной культурной паранойи и со способностью внутренней индустрии культуры оказывать влияние, чем с любой действительной эрозией или преобразованием национальных культурных идентичностей. Французское правительство через Европейский Союз стремилось защитить свою собственную

индустрию культуры путем установления европейской нормы, которая гарантировала бы на национальных каналах радиовещания 51% передач, подготовленных в странах ЕС, и удерживало ВТО от демонтажа ее сложной системы внутренних субсидий, пособий и кассовых сборов. Что касается языка, то Франция ведет бесконечную баталию за сохранение и распространение французского языка — запрещая использовать «франглиш» (Franglais) на официальном и общественном уровне, а также принимая и усиливая законы и учреждения, которые сохраняют чистоту и подлинность французского языка. Угроза, исходящая от процесса транснационализации и проникновения импорта в индустрию культуры, особенно кинофильмов и телепередач, побудила Францию, Испанию и Италию проводить индустриальную и культурную политику, нацеленную на то, чтобы остановить поток импорта и вместе с тем поддержать внутренних производителей. Канада пыталась установить контроль за проникновением американской культурной индустрии в канадские средства массовой информации и телекоммуникации, блокируя некоторые передачи и нарушая существующие на сей счет правила Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA). Торговые переговоры в начале 90-х гг.

437

были осложнены требованиями американцев создать гораздо более свободный рынок культурной продукции, в то время как многие европейские страны приводили доводы в пользу ограничения импорта, установления национальных квот и усиленной поддержки национальных культурных индустрий со стороны государства. Такие же споры шли в Совете Европы и во всех странах Европейского Союза.

Еще более существенный довод в пользу культурного значения не признающих государственных границ глобальных культурных структур, организаций и потоков был приведен в других областях. Три примера подробно освещались в текущей литературе. В первую очередь следует упомянуть о существовании и значимости трансатлантической черной культуры, которая соединяет в себе образ мыслей и традиции черных общин, находятся ли они в Африке, в Северной или Латинской Америке, в странах Карибского моря или образуют многочисленную диаспору в Западной Европе (Gilroy, 1993)- Активность новых социальных движений на Западе, равно как и все чаще на Юге, является дополнительным примером межнациональных или «третьих» культурных структур. В женском движении, движении за мир и прежде всего в движении в защиту окружающей среды появились такие культурные и интеллектуальные структуры, которые помогают общаться и дискутировать группам лиц из многих национальных государств (см. гл. 8). Были созданы межнациональные организации, связывающие их и облегчающие потоки информационной и политической мобилизации. Политическое сотрудничество и новые методы проведения политических кампаний и ведения спора развиваются в контексте общепризнанных ценностей и целей, помогая выработать отчетливую межнациональную перспективу (Dickenson, 1997)- Наконец, некоторые исследователи доказывают существование аналогичных межнациональных структур и общепризнанных международных культур и систем ссылок среди — иным способом никак не связанных друг с другом — «гностических сообществ»: ученых, специализирующихся в разных областях знания, художников, работающих в одних и тех же сферах искусства, и специалистов всех видов (E. Naas, 1990)- Все эти явления ставят под вопрос непроницаемость национальной культуры и идентичности.

7.5.2 РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОПУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Подавляющее большинство изделий и образов, циркулирующих по земному шару, приходится на долю популярной культуры (Street, 1997)- Независимо от степени распространенности культурной продукции и средств массовой информации имеется вполне достаточно свидетельств, заставляющих предложить, что соотношение между иностранным и «своим» изменилось в пользу иностранного. Конечно, некоторые государства благодаря политике изоляционизма, правительственному контролю, из-за нехватки ресурсов или благодаря развитой внутренней индустрии культуры и крепким традициям сумели в какой-то степени остаться в стороне от этой тенденции. Например, мощностю индийской и американской киноиндустрии позволяет им по-прежнему доминировать на большей части своих внутренних рынков (Pendakur and Subramanyam, 1996; Ray and Jacka, 1996). Сила

товары и продукты, потребляемые в Иране, имеют в основном внутреннее происхождение. Тем не менее, тенденции в этих областях ясны. Весь глобальный рынок музыкальной звукозаписи, телепередач и радиовещания, производство игровых фильмов и книгоиздательство свидетельствуют о значительном увеличении иностранных влияний и образов.

География этих потоков сложна. Многонациональные корпорации, владеющие культурной индустрией, в подавляющем большинстве своем — западные, а среди них — преимущественно американские. Английские, немецкие, французские, голландские, австралийские и японские корпорации занимают среди них некоторое место, но чаще всего в качестве владельцев филиалов американских предприятий. Большинство экспортных рынков контролируется этими корпорациями. Таким образом, поток изображений, жанров и развлечений устремляется главным образом из США и некоторых западных стран в другие страны Запада и в большую часть развивающегося мира. Там, где нет никаких местных массовых аудиовизуальных отраслей промышленности или где они очень слабы, эти потоки доминируют на местных рынках потребления; там, где внутреннее производство имеет некоторую точку опоры и силу, они разъедают внутренний рынок. В некоторых случаях это приводило к тому, что местные производители вытеснялись с рынка. Тем не менее, по мере того как этот способ глобального производства для местного потребления усиливался, корпорации должны были приспосабливать структуру своего производства и выпускаемую продукцию, чтобы удовлетворять устоявшиеся традиционные вкусы и интересы местных рынков и культур. Кроме того, имеется много отклонений от общей тенденции к западному господству в этой области. Например, бразильское телевидение глубоко проникло в область португальского радиовещания (Tracey, 1988; Sinclair, 1996).

Конечно, степень участия тех или иных стран в формировании глобальных и региональных культурных потоков и процессов — разная. Если говорить о странах, составляющих предмет нашего анализа, то США стоят несколько особняком от остальных стран как в плане их господства на собственном внутреннем рынке, так и с точки зрения того места, какое они занимают на международных рынках информационной и культурной продукции. Великобритания, Япония, Франция и Германия имеют существенные доли на своих внутренних рынках, потребности которых удовлетворяются их собственной культурной индустрией. Эти страны достаточно велики, чтобы создать многонациональные корпорации с экспортным потенциалом, хотя, как уже отмечалось, этот потенциал нередко реализовывался с помощью закупки американских компаний. Великобритании особенно помогает то обстоятельство, что английский язык стал языком международного общения во всем мире, но это сделало ее уязвимой со стороны американского экспорта, что особенно заметно в сфере кинопроизводства. Швеция, подобно многим другим малым странам Западной Европы, сохранила свое преимущественное присутствие на собственных внутренних рынках, что в значительной степени объясняется спецификой языка. Но, за исключением популярной музыки, ее культурный экспорт невелик.

Каково воздействие на национальные идентичности и местные культуры глобально ориентируемого производства и распределения произведений популярной культуры? Самое большее, что можно с уверенностью утверждать, это то, что в пределах Запада достигнута определенная степень гомогенизации массо-

вого культурного потребления, особенно среди молодежи, и что эта гомогенизация распространяется среди наиболее богатых слоев населения развивающихся стран, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке. Одно и то же произведение популярной музыки, один и тот же кинофильм и телепередачу могут одновременно слушать или смотреть масса людей в самых разных местах. Есть также основания предполагать, что следствием этого стало некоторое уменьшение внутренних национальных альтернатив на рынке. Например, самым очевидным следствием американского преобладания на кинорынке Великобритании стало то, что теперь английским кинематографистам труднее производить и показывать свое кино в Англии. Однако более глубокое культурное воздействие такого рода давления на английскую культуру и национальную идентичность англичан оценить гораздо труднее. Трудно сказать, была ли гомогенизация потребления в области фильмов перенесена в другие сферы культуры, в область верований и идентичностей. Есть свидетельства, позволяющие предположить, что после многих десятилетий американского коммерческого доминирования в популярной культуре местные и

национальные альтернативы восстанавливаются.

Утверждение о гомогенизации имеет и другие уязвимые стороны; оно не дает возможности принимать во внимание, как воспринимаются продукты культуры в тех или иных местах, как читают книги и как они преобразуются в самом процессе потребления. Во-первых, ясно, что радио- и тележурналисты и специалисты по маркетингу в сфере культурной индустрии хорошо осведомлены о культурном разнообразии и различии аудитории, на которую они работают, и что с их стороны требуются значительные усилия, чтобы приспособиться к ней и вызвать симпатию с ее стороны; сказанное справедливо, например, относительно европейского филиала MTV, который не мог просто копировать тон и содержание своего американского родителя (Negus, 1993). Во-вторых, тезис о гомогенизации предполагает, что аудитория воспринимает происходящее на экране слишком пассивно, а читатели не могут воспринимать прочитанное самым неожиданным образом (Liebes and Katz, 1993; D. Miller, 1994; J. B. Thompson, 1995).

Если утверждение об исчезновении национальных культурных различий кажется слишком преждевременным, то означает ли это, что национальные культуры остаются нетронутыми и незамутненными? Есть серьезные основания предполагать, что в современном мире идет процесс обособления национальных культур. Один из лучших показателей этого процесса — наличие и политический вес движений деволюционистов, регионалистов и сторонников независимости во многих развитых капиталистических странах. Великобритания столкнулась с серьезными движениями в поддержку независимости в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе. Аналогичные мощные движения имеются в Италии (Legga Lombarda), Испании (движения басков и каталонцев), Канаде (в провинции Квебек) и Бельгии (между районами, населенными валлонцами и фламандцами). В США существует множество антигосударственных групп правого толка. В каждом случае территориальная целостность и культурное единство национального государства сталкивается с вызовом, который бросают им местные или региональные поборники иной культурной идентичности, требующие отделения и признания их политического суверенитета. За пределами Запада, в странах, где идея национального государства, не говоря уж о полноценной национальной культуре, нередко оказывается желаемым, выдаваемым за действитель-

440

ное, ситуация еще более взрывоопасна. Однако неясно, в какой степени культурная глобализация, бросающая вызов и подрывающая главенствующее положение национальных чувств, сама оказывается фактором, способствующим возникновению и усилению различных сепаратистских движений. Наряду с фактами местного сопротивления существуют более организованные попытки остановить поток импортных изображений с целью оживить и восстановить «периферийные культуры». В этом отношении технологические новшества, в том числе, например, видеокамера, позволили снизить затраты на производство и тем самым освободили новое культурное пространство для «альтернативных» каналов телевидения и кинопроизводства. Это особенно справедливо применительно к телевидению, организованному коренными народами Канады и Австралии, что вместе с тем пробудило интерес к традициям телевидения некоторых западных стран (Downmunt, 1991)-

Позволяют ли все эти явления сделать вывод о появлении сложных сочетаний и комбинаций разнообразных культурных форм и методов, которые имеют реальное значение в культурном отношении? Самый известный и исторически наиболее давний тип такого рода гибридных культур — всевозможные иммигрантские культуры. Несмотря на сознательное и неосознанное стремление народов, давших приют иммигрантам, и самих иммигрантских общин к ассимиляции, эти общины лишь в редких случаях утрачивают все свое культурное наследие и редко когда сохраняют его в первозданном виде в новой для них ситуации. На уровне популярной культуры, что могло бы на первый взгляд показаться результатом процесса гомогенизации, действительно существуют некоторые формы, которые обладают свойствами гибридной культуры. Ни одно явление культуры, ни один эстетический феномен, ни один символ, функционирующие во времени и пространстве, не пребывают в культурном вакууме. Культурный контекст производства и распространения тех или иных произведений всегда в конце концов сталкивается с уже существующей в сознании потребителя или зрителя системой ценностей. Потребитель оказывается участником чрезвычайно сложного процесса — такие простые понятия, как гомогенизация, идеологическая гегемония или империализм, не в состоянии вполне адекватно описать природу этих столкновений, взаимных переплетений и

взаимодействий и характер того культурного процесса, который они порождают. Однако совсем непонятно, как эти гибридные культуры и межнациональные общины могут серьезно посягать на господствующие национальные культуры и национальные идентичности.

7.6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на трудности и препятствия, с которыми сталкиваются теперь развитые капиталистические страны, пытающиеся сохранить древнюю, если не сказать мифическую, национальную культуру и управлять потоком информации и общественным мнением в пределах и за пределами своих территориальных границ, пока еще мало признаков, свидетельствующих о том, что эти националистические культурные проекты переживают период окончательного упадка. В конце концов, и Голливуд, и такие компании, как Майкрософт и АТ&Т, занимаются тем, что делают деньги, — а не созданием альтернативных центров политической идентичности и легитимности. Тем не менее, огромные потоки информации, лю-

441

дей и образов, которые циркулируют по земному шару, безнаказанно пересекая границы, изменили контекст, в рамках которого должны происходить любые национальные процессы. Реальной угрозой националистическим проектам любого типа стал бы, вероятно, зарождающийся культурный космополитизм, который отбросил бы идею нации как первичной политической и культурной общности и потребовал бы передачи власти в руки институтов иного рода, нежели национальное государство (см. гл. i). Но, как выяснилось, трудно создать жизнеспособный мультикультурализм в пределах национальных государств и жизнеспособный космополитизм в рамках таких режимов, как ЕС.

За последние сорок лет политические элиты Западной Европы, так же как и институты самого ЕС, затратили немалый политический капитал и приложили массу усилий для того, чтобы создать европейскую идентичность (А. Smith, 1992; Leonard, 1998). С одной стороны, еще совсем недавно, в 1997 г., 41% населения тех стран, которые входят в состав ЕС, считал, что их страна выигрывает от членства в ЕС, в то время как 36% полагали, что для их страны это не приносит никакой пользы (Directorate General X, 1997). В 1999 г. — на пике общественной популярности в Европе, 47% населения европейских стран считали себя преимущественно европейцами, впоследствии же это число уменьшилось. С другой стороны, опрос населения показывает, что 97% европейцев никогда не имели прямого контакта ни с ЕС, ни с его учреждениями, не принимали никакого участия в событиях, связанных с ЕС, и т. д. (Leonard, 1998). Стоит ли удивляться, что — как показало еще одно исследование — меньше 5% опрошенных ответили, что считают себя прежде всего европейцами, а 45% признались в том, что в их чувстве национальной принадлежности нет вообще никакой европейской составляющей. В то же время 88% идентифицируют себя, главным образом, со своей нацией или регионом (Reif, 1993). Для ЕС такая картина непонятна. И если это — самое большее, чего удалось достичь после четырех десятилетий систематических усилий в такой части света, которая — при всех перемещениях ее границ и прочих географических причудах — обладает чувством общей истории и общего культурного наследия, в которой есть межнациональные институты со значительным политическим весом, — то насколько же труднее будет справиться с этой задачей на межрегиональном и глобальном уровне?

8 НАДВИГАЮЩАЯСЯ КАТАСТРОФА: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

В течение последних трех десятилетий мы наблюдаем за тем, как во всем мире неуклонно возрастает унылый перечень глобальных проблем и угроз, связанных с окружающей средой. Инвайронментализм стал синонимом глобального подхода. Радикально мыслящие биологи и экологи доказывают, что наша планета есть взаимосвязанная целостная экосистема, будь то полумистическое живое существо (согласно «теории Гей») или весьма поэтический образ Земли как космического корабля. Многие не столь радикальные ученые соглашались с тем, что изменения окружающей среды, причины и последствия которых в географическом отношении разбросаны довольно широко, угрожают всей планете. Наряду с этими дебатами произошел колоссальный рост численности всевозможных международных институтов, законов и соглашений, которые регулируют отношения, связанные с окружающей средой, что сопровождалось возникновением сложных международных союзов и организаций, объединяющих

участников движений в защиту окружающей среды. Применительно к проблемам окружающей среды наше определение глобализации как совокупности социальных процессов и взаимодействий, которые принимают межрегиональные или трансконтинентальные масштабы, нуждается в четырех существенных оговорках.

Во-первых, не все проблемы окружающей среды могут быть квалифицированы как глобальные, не все они несут с собой глобальные экологические угрозы. Множество подобного рода угроз по своему происхождению и последствиям носит сугубо локальный характер, не оказывая сколь-нибудь значительного — с точки зрения времени и пространства, — а то и вовсе никакого влияния на социальные отношения и на уровень загрязнения окружающей среды. Многие виды загрязнения, такие как фотохимический смог и выбросы отравляющих тяжелых металлов, имеют незначительный радиус действия. Точно так же во многих случаях причины загрязнения водоемов носят локальный или даже национальный характер. Британские берега загрязнены, главным образом, британскими сточными водами. Лос-Анджелес изнемогает от собственного отравления озонового слоя атмосферы. Бухта Минимата (Minimata Bay) была залита ртутью, производимой на местных промышленных предприятиях. Во-вторых, хотя ссылки на слепую природу в наше время звучат неубедительно, окружающая среда не представляет из себя некий самостоятельный социальный процесс ни в самом упрощенном, ни в полном смысле слова. Экосистемы — это сложная смесь флоры, фауны и динамических природных систем и циклов, которые взаимодействуют с человеческими социальными институтами и структурами. Невозможно полностью перевести фактуру экосистемы, окружающей среды и происходящих в ней изменений на язык социальных наук, невозможно описать разнообразные воздействия окружающей среды таким же образом, каким удастся описать экономические, политические и культурные процессы. В-третьих, даже если сконструировать модель окружающей среды, которую можно было бы описать с точки зрения нашей модели глобализации, такой подход был бы ошибочным. Наша главная забота — это

443

не окружающая среда сама по себе, а именно ухудшение окружающей среды, не социальные воздействия и процессы вообще, а те социальные воздействия и процессы, которые прямо или косвенно способствуют деградации окружающей среды. Не вполне ясно, однако, что понимается под деградацией окружающей среды. Здесь перед нами возникает четвертая проблема: Деградация окружающей среды — например, повышение уровня радиации — часто бывает невидимой. Угрозы подобного типа зачастую можно обнаружить только с помощью усовершенствованных технологий и осмыслить в терминах сложных научных моделей и языков. Короче говоря, факт деградации окружающей среды и ее последствий всегда предполагает активную человеческую деятельность (Hannigan, 1995). Нарисовать картину или определить степень деградации окружающей среды — значит одновременно с этим нарисовать картину или определить степень и построить модель человеческого восприятия глобальных изменений окружающей среды (Taylor and Buttel, 1992; Yearly, 1996). Хотя все модели отнюдь не бесспорны, мы должны ясно изложить свою собственную.

8.1 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Под деградацией окружающей среды мы понимаем изменение всей экосистемы или компонентов экосистемы (хотя в силу ее целостного характера экосистема и ее компоненты практически почти неотделимы друг от друга), последствия которого, независимо от того, осознаются они или не осознаются, оказывают негативное воздействие на экономические или демографические условия жизни людей и на их здоровье. Кроме того, деградация окружающей среды включает в себя процессы, которые люди вполне осознают и которые в каком-то смысле оскорбляют, противоречат или входят в конфликт с их эстетическими или моральными ценностями, независимо от их практических или чисто биологических последствий. Сокращение численности китайских бамбуковых медведей панда и среды их обитания, хотя это никак не отразилось ни на местном, ни на международном уровне экономического благосостояния и не имело никаких вредных последствий для телесного здоровья людей, может квалифицироваться как деградация окружающей среды. Ибо исчезновение бамбуковых медведей входит в конфликт со стремлением сберечь все богатство окружающей среды и признанием права на существование не только за разумными, но и за всем живыми существами. Точно так же сокращение защитных полос и микроэкосистем, которые они содержат в себе, не имеет серьезных прямых последствий для экономической

жизни сельских местностей в Англии, но имеет огромный эстетический, экологический и символический смысл.

Эта модель деградации окружающей среды, будучи антропоцентрической, заставляет нас обратить внимание на те способы, которыми взаимодействие естественных и социальных миров создает ограничения, возможности и проблемы для других форм социального действия — будь то формы политические, военные, этические или экономические. Это должно быть соединено с восприимчивостью к меняющейся географической достигаемости социальных процессов, которые и производят деградацию окружающей среды, и испытывают ее на себе. В этом разделе мы рассмотрим, каким образом концепция глобализации может применяться к пространственным аспектам социальных истоков и последствий деградации

444

окружающей среды, и предложим методы, с помощью которых мы могли бы оценивать экстенсивность, интенсивность, воздействие и т. д. этих социальных взаимодействий (см. также «Методологическое приложение»). В разделе 8.2 мы представим очерк исторических форм, которые принимала глобализация окружающей среды и реакции на нее, как эмпирический ответ на утверждения о том, что мы переживаем исторически беспрецедентный уровень глобальной деградации окружающей среды. Затем, в разделе 8.3, будет сделан сравнительный анализ исторических форм глобализации окружающей среды. Раздел 8.4 посвящен более подробному анализу специфического вклада каждой из шести стран, составляющих предмет нашего исследования, в создание глобальных и региональных моделей деградации окружающей среды и тех угроз, с которыми они в результате этого сталкиваются. Наконец, в разделе 8.5 мы рассмотрим, какое влияние оказывают эти процессы на суверенитет и автономию развитых капиталистических государств.

8.7.1 ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Мы опишем глобализацию деградации окружающей среды двумя способами: во-первых, рассмотрим происхождение и последствия разного рода проблем окружающей среды, и установим те специфические социальные различия, к которым приводит трансформация разных частей экосистем; во-вторых, рассмотрим культурные и политические процессы, которые пытаются описать и регулировать эти изменения. Оба способа могут работать и работают в глобальном, региональном, национальном и локальном масштабах.

Глобализация и «ничейные составляющие» (commons) окружающей среды

Деградация окружающей среды может затрагивать как локальные и национальные природные ресурсы и экосистемы, так и мировые. Действительно, даже не принимая все аспекты гомеостатической модели «Гея», вполне можно согласиться с тем, что наша планета может рассматриваться как единая и целостная экосистема и что значительные ее части составляют различные региональные или континентальные экосистемы. «Ничейные составляющие» окружающей среды — это те элементы глобальной экосистемы, которыми одновременно пользуются, воспринимают и обладают все и которыми не может владеть или по праву распоряжаться никто в отдельности (Ostrom, 1990). Атмосфера и климатическая система — лучшие примеры этого типа «ничейности», хотя то же самое можно сказать и о мировом океане, и о глобальных гидрологических циклах и системах. Атмосфера и климатическая система относятся к такого рода ресурсам, которые необходимы для жизни и превосходят собой любое государство и общество. Невозможно себе представить, чтобы кто-то мог на самом деле владеть атмосферой или чтобы кто-то был лишен права пользоваться ею, хотя те или иные действия, совершенные на изолированных и небольших территориях, могут иметь совершенно непредсказуемые и неуловимые последствия для всей планеты. Подлинно глобальный характер этих ничейных экосистем означает, что социальные действия и структуры, совершаемые и находящиеся в разных точках пространства, могут оказаться чрезвычайно сильно связанными друг с другом.

Например, в результате исторически сложившейся и укоренившейся любви европейцев к автомобилю и расточительного использования ими энергии в атмосферу поступает огромное количество выхлопных газов, что вносит существенный вклад в глобальное потепление. Нетрудно установить сложную, но вполне правдоподобную причинно-следственную связь между западными способами передвижения и транспортировки, западной энергетической политикой и урожайностью сельскохозяйственных культур в Бангладеш или странах Африки,

расположенных южнее Сахары, и их внутренней политикой. Решения о выделении части бюджета на охрану морей от загрязнения или на борьбу с опустыниванием зависят от решений, принятых в другом месте относительно дорожного строительства и политики в области энергетики. Политические решения на самом деле обладают «протяженностью», а общества сплетены друг с другом. Отдельные государства и общества невидимым образом связаны и зависят друг от друга. Как мы уже знаем, в этом нет ничего нового (см. гл. 1). Однако что отличает современные проблемы «ничейных составляющих» окружающей среды и оправдывает их характеристику как глобальных — так это уникальная степень этих взаимосвязей, возрастающее число отдельных национальных государств и сфер политики, вовлеченных в расширяющуюся сеть всевозможных отношений, и усиливающаяся интенсивность глобальных и региональных взаимодействий. Наряду с глобальностью таких «ничейных составляющих» окружающей среды, как атмосфера и климат, примерами региональных и более ограниченных «ничейных составляющих» служат моря и океаны.

Глобализация, ресурсы, демография и перенаселенность

Вторая категория глобальных проблем окружающей среды касается связанных друг с другом явлений демографического расширения и ресурсов потребления. Все проблемы окружающей среды имеют демографическое измерение, ибо при прочих равных условиях чем больше количество людей, тем сильнее загрязнение и больше объем потребления (WCED, 1987). Почти весь прирост населения приходится в наше время на долю развивающихся стран. Последствия этого для окружающей среды будут прежде всего ощущаться в обществах, испытывающих быстрое демографическое изменение. Тем не менее что касается локальных загрязнений окружающей среды, имеющих глобальный и региональный масштаб, то их последствия, как правило, обрушиваются на экономику и политику других наций. Точно так же объединенные запасы глобального сырья и ресурсов будут испытывать совокупное воздействие многих местных дефицитов, в то время как отдельные национальные экономики и отрасли промышленности испытывают воздействие глобального дефицита — что отражается на глобальных рынках и ценах на основные предметы потребления (Westing, 1986).

Быстрый демографический рост — главный фактор при объяснении растущего обнищания Африки в районе южнее Сахары и процессов разрушения почвы и опустынивания. Это осложняет решение экономических проблем данного региона и способствует увеличению суммы его внешнего долга. Таким образом, проблемы окружающей среды в отдельных африканских странах отражаются на международной банковской политике. Решение этих международных проблем повлекло за собой политическое противостояние и борьбу между правительства-

446

ми западных стран и их финансовыми секторами. В будущем, демографические и природно-климатические осложнения на юге могут привести к политической неустойчивости и массовому исходу населения, что затронет как внутренние, так и внешние интересы целого ряда других народов (Myers, 1993a, 1993b).

Другим примером этого типа глобальных проблем, имеющих как этические, так и экономические и демографические последствия, является проблема исчезновения видов и уменьшение биологического разнообразия. В этом отношении деградация окружающей среды носит безусловно локальный характер, поскольку многие виды животных и растений встречаются лишь на ограниченных территориях в пределах одного или нескольких граничащих друг с другом государств. Однако локальные изменения окружающей среды, которые ведут к исчезновению биологических видов, могут иметь нравственные, эстетические и экономические последствия для всей планеты. С точки зрения международного права разнообразие видов и биологическое разнообразие составляет часть «общего достояния человечества» (см. гл. 1).

Трансграничное загрязнение окружающей среды и международная экономика

Трансграничное загрязнение означает, что вредные и отравляющие вещества с того места, где они возникли или были созданы, передаются через воздух, почву и воду и, пересекая политические границы, оказывают свое разрушительное воздействие на окружающую среду, которая находится в юрисдикции уже других стран. Помимо фактического трансграничного загрязнения, такого как кислотный дождь или загрязнение поймы рек, существует еще и страх перед *угрозами* трансграничного загрязнения, который мы тоже должны учитывать (Yearly, 1994). Самое главное,

что наличие и работа атомных электростанций создали для окружающей среды угрозу в масштабе катастрофы, — угрозу, которая претворилась в действительность, когда произошла авария на Чернобыле. Другую непреднамеренную угрозу, которая может иметь серьезные последствия для окружающей среды, представляет перемещение животных и растительных видов из их родной среды обитания в рамки новых экосистем, где их присутствие может полностью разрушить сложившееся там сообщество. Случайная доставка тихоокеанских змей на остров Гуам на американском военно-транспортном самолете — яркий тому пример из современной жизни. Результат был таков, что оказавшиеся на Гуаме змеи в течение пятнадцати лет уничтожили на острове всех пернатых. Помимо подобного рода непреднамеренных побочных эффектов экономической и социальной деятельности мы рассмотрим и такие трансграничные перемещения отравляющих и вредных веществ, которые являются непосредственным, преднамеренным, а нередко и легитимным с юридической точки зрения результатом экономического обмена и производства, например, экспорт и импорт опасных отходов, а также строительство или передислокация промышленных предприятий с высоким уровнем вредных отходов.

Глобализация, экологическая политика и экологическое образование

Окончательный смысл, в каком мы можем говорить о глобализации или регионализации окружающей среды, зависит не от материальной степени, организации

447

или формы деградации и изменения окружающей среды, а от пространственных характеристик тех социальных институтов и процессов, которые материально оформляют окружающую среду, интерпретируют ее и пытаются осуществлять над ней политический контроль. Короче говоря, истоки и последствия глобальных и региональных проблем, связанных с окружающей средой, пересекаются с экономическими, политическими и культурными институтами и процессами. Примеры, почерпнутые в каждой из названных областей, показывают, как может использоваться идея глобализации для объяснения подобного рода явлений.

Что касается экономики, то можно доказать, что постоянное распространение промышленных способов производства с Севера на Юг — одна из форм глобализации — привело к колоссальному росту возможностей глобальной экономики производить вредные и отравляющие вещества, представляющие опасность для окружающей среды, в частности для ее «ничейных компонентов», таких как мировой океан и атмосфера. Если говорить о политике, то совершенно ясно, что множество институтов и соглашений, которые были учреждены и подписаны за последние тридцать лет и которые охватывают большое количество государств, ограничивают их внутривнутриполитическую и экономическую деятельность и включают национальные центры политического и административного управления (такие как департаменты или министерства по охране окружающей среды) в глобальные и региональные структуры, осуществляющие контроль над окружающей средой, формулирующие связанные с ней проблемы, влияющие на экологическую политику и наблюдающие за исполнением их рекомендаций. Наконец, на уровне культуры признание факта деградации окружающей среды и оценка степени этой деградации тесно связаны с расширяющейся межнациональной сетью научных и экологических организаций, аргументы и мнения которых быстро становятся известными во всем мире, оказывая влияние на сугубо внутренние дискуссии и точки зрения по поводу окружающей среды и, кроме того, способствуя выработке более широкого консенсуса по поводу последствий экологических проблем, затрагивающих все человечество, и соответствующих ответных действий (Е. Наас, 1990). Мы выделим четыре фактора, которые оказывают влияние на способы решения глобальных проблем окружающей среды, и рассмотрим:

- культурные, интеллектуальные и научные структуры, которые отслеживают и обнародуют глобальные и региональные формы деградации окружающей среды и способны создавать и отстаивать модели глобальных взаимодействий, связанных с охраной окружающей среды;
- международные и межнациональные политические структуры и организации, которые стремятся регулировать процессы, способствующие деградации окружающей среды;
- глобальные и региональные экологические службы, законы, соглашения и протоколы, рассматриваемые с точки зрения их количества, охвата и настойчивости;
- два предыдущих фактора в плане их взаимодействия с внутривнутриполитическими институтами, движениями в защиту окружающей среды, а также формирования и направления их деятельности.

448

Каждый из этих четырех факторов можно было бы рассмотреть в первой или седьмой главе (посвященной проблемам культуры). Но мы поместили их сюда по той причине, что между

физическими формами деградации окружающей среды, способами, какими они идентифицируются, классифицируются, изучаются и оцениваются с культурной и научной точки зрения, а также методами, с помощью которых государства пытаются остановить деградацию и взять ее под контроль как внутри, так и за пределами своих политических границ, — между всем этим существует довольно тесная причинно-следственная связь.

8.1.2 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Хотя мы и признаем, что деградация окружающей среды во многих случаях носит пространственно ограниченный характер, но все же считаем, что структура, описанная в представлении, вполне применима и к пространственным характеристикам социальных истоков и последствий экологических разрушений и экологических угроз. Мы выделяем три типа проблем окружающей среды: 1) проблемы, связанные с ее «ничейными компонентами»; 2) проблемы демографии, ресурсов и перенаселенности; и 3) трансграничное загрязнение — как неумышленное и преднамеренное, так и реальное или угрожающее. Кроме того, мы рассматриваем в глобальном масштабе те политические и культурные реакции, которые возникают в ответ на деградацию окружающей среды и регулируют ее. Глобальная деградация окружающей среды различается по своему географическому охвату, и мы можем дифференцировать пространственные истоки и последствия этой деградации с точки зрения их экстенсивности, интенсивности, стратификации и воздействия. Экстенсивность, естественно, относится к географической протяженности той или иной специфической формы деградации окружающей среды и может быть глобальной, региональной, национальной или локальной. Степень интенсивности ранжировать труднее, особенно если дело касается деградации «ничейных компонентов» окружающей среды или последствий перенаселенности, которые не имеют никакого внутреннего осмысленного способа для сравнения. Но в случае трансграничного загрязнения показатель интенсивности был бы важен для сравнения деградации окружающей среды, вызванной причинами, находящимися внутри страны, с деградацией, вызванной причинами внешними. В случае кислотного дождя, например, соотношение объемов извне и внутри произведенных осадков могло бы служить мерой интенсивности глобализации или регионализации. Краткое перечисление тем, связанных с деградацией окружающей среды и составляющих предмет нашего изложения, представленное в разделе 8.2, иллюстрирует географическую и материальную неравномерность как происхождения экологических проблем, так и их последствий. Неудивительно, что встречается много случаев глобальной и региональной деградации окружающей среды, которые демонстрируют полную асимметрию между источниками загрязнения и его жертвами. Наконец, материальные и социальные воздействия деградации окружающей среды можно условно распределить по таким рубрикам: угрозы человеческому здоровью, экономические и демографические ограничения, общие затраты и нравственно-эстетические потери. Сети глобального экологического знания, экологической политики, как и прочие инфраструктуры, могут быть описаны еще и с точки зрения их институционализации.

449

8.2 ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В предлагаемом историческом очерке глобального изменения окружающей среды мы пытаемся ответить на два вопроса: является ли идея глобальной окружающей среды или глобальных проблем окружающей среды исключительно современной, или, как и в случае с международной экономикой (см. гл. 3 > 4 и 5) > есть основания предполагать, что интенсивные глобальные взаимодействия уже имели место в какой-то более ранний период? Не является ли интенсивность глобальных экологических проблем всего лишь следствием более глубокого понимания окружающей среды и нашего умения наблюдать за ней — или же действительно произошли глубокие изменения в географических масштабах, количественных характеристиках и последствиях деградации окружающей среды? В этом разделе мы сосредоточимся на «ничейных составляющих» окружающей среды, имеющих глобальное значение, всемирном и трансграничном загрязнении окружающей среды, а также на развитии международных движений и институтов в ее защиту.

8.2.1 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: ОТ НАЧАЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ ДО ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Совершенно очевидно, что в самом факте деградации окружающей среды нет ничего нового. Мы имеем достаточное количество свидетельств, доказывающих, что с проблемами окружающей среды

люди столкнулись уже в досовременную эпоху. С одной стороны, есть примеры изменений окружающей среды, вызванных нарушениями природных погодно-климатических условий, таких как «малая ледниковая эпоха» в средневековой Европе [XIII—XVI вв.], которая внесла свой вклад в демографическую ситуацию на континенте (Lamb, 1977; Bryson and Murray, 1977; Utterstrom, 1988; Wigley et al., 1981). С другой стороны, имеются примеры изменений окружающей среды, вызванных главным образом деятельностью человека: охота на мамонтов, которую вели древние кочевые племена, привела к их исчезновению, угольный смог окутывал средневековый Лондон, в Китае были вырублены леса и началась эрозия почвы, перенаселенность Западной Европы в XIV в. привела к нехватке продовольствия и истощению почвы (Wilkinson, 1973; TeBrake, 1974).

Уильям Макнейл создал глобальное историческое повествование о взаимосвязи между поселениями и миграциями человека и распространением микробов и паразитов, которые, оставаясь сами неподвижными, перемещались и распространялись вместе с нами (McNeill, 1976). Действительно, до начала современной эпохи единственными формами изменения окружающей среды в течение письменно зафиксированной истории человечества, достигавшими глобальных масштабов, были изменения, обусловленные географическими перемещениями и генетической мутацией микробов и паразитов. Мы уже высказывали по ходу изложения некоторые соображения насчет этого вида изменений окружающей среды, особенно там, где шла речь о движении населения на глобальном уровне (см. гл. 6). Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что появление и распространение народов, институтов и навыков повседневной жизни, свойственных европейцам в современную эпоху, значительно увеличили возможности человеческих сообществ

450

наносить вред окружающей среде и что европейская экспансия внесла уникальный вклад в дело преобразования окружающей среды всей планеты.

После открытия Колумбом Америки физическому и экологическому существованию евразийского континента изолированно от Америки был положен конец. Огромная социальная и экономическая важность этого заключалась в глубочайших экологических преобразованиях, произошедших на обоих континентах, особенно — на Американском (Crosby, 1972²; 1983; McNeill, 1976; Cronon, 1983). Ибо наряду с современными институтами и колониальными амбициями европейцы занесли сюда ряд новых для Америки микроорганизмов и представителей флоры и фауны. Последствия этого хорошо известны. Западные микроорганизмы обрушились на уязвимое и незащищенное местное население. Насморк, грипп, корь и целое сонмище других вирусных и бактериальных болезней скосили все местное население в течение жизни одного поколения, оставив в живых лишь ю% той его численности, которая была до европейского завоевания. Вслед за этой эпидемиологической катастрофой под натиском военных и кое-как снаряженных европейских вторжений рухнули социальная организация и методы ведения хозяйства местного населения (см. гл. 2). Эта в буквальном смысле слова демографическая революция сопровождалась более длительным преобразованием многих экосистем «Нового Света». Европейцы привезли с собой множество новых растений и животных, в частности лошадь и корову, и тем самым положили начало длительному процессу экологического изменения, создавая пастбища для скота и вырубая целые массивы местных лесов. Такая же участь через два столетия ожидала Австралию и Новую Зеландию. Американские виды, пересекавшие Атлантику в противоположном направлении, тоже сыграли немалую роль в формировании окружающей среды и социальном развитии Европы. Картофель, например, стал основным продуктом питания для многих крестьян на окраине Европы, изменил модели их поселения и повлиял на рост населения. Едва ли меньшие последствия для окружающей среды имел табак (Salaman, 1947)-

Этот начальный взрыв трансатлантического изменения окружающей среды был превзойден по интенсивности последующим преобразованием европейской, а затем североамериканской экономики. Внутри самой Европы, особенно в Англии и Голландии, сельскохозяйственные революции XVII и XVIII вв. и появление капиталистических экономических отношений в сфере сельского хозяйства, труда и производства вызвали дальнейший ряд экологических изменений. Сочетание рыночных стимулов, более крупных инвестиций и технологических и практических инноваций способствовало процветанию сельского хозяйства. Но то была органическая аграрная экономика, которая в конечном счете зависит от природных условий, в каких производятся продукты питания, ткани, топливо, строительные материалы, а в значительной степени и транспортные средства. Экономический и демографический рост привел к колоссальному увеличению площадей, отведенных под пахотные земли и пастбища (Skipp, 1978; Nef, 1977J Unger, 1984; Wigley, 1988). В результате осушения болот, вырубки лесов и расчистки пустошей и

зарослей кустарника исчезли некоторые виды и маргинальные экосистемы. Многие наиболее крупные виды млекопитающих, которых лишили их среды обитания и активно отстреливали — например, волки и медведи, — постепенно исчезли почти во всей Европе или были загнаны в самые недоступные и необитаемые уголки континента (Hoskins, 1977; Rackham, 1986).

451

Несмотря на увеличение культивируемых площадей, нехватка сырья становилась все ощутимее, цены на топливную древесину и другие товары неуклонно возрастали; в Голландии последствия этого были столь велики, что демографический и экономический рост был остановлен, а затем обращен вспять. Однако фатальное сочетание увеличивающегося спроса, технологических новшеств и требований рынка наиболее удачно проявилось за пределами Европы, на западе Соединенных Штатов в условиях свободного капитализма, на ничейных территориях приполярных регионов, экстерриториальных вод и океанских островов. В частности, в США широкий спрос на дешевую землю, мясо и древесину мог получить удовлетворение на обширных западных равнинах и в густых дремучих лесах в районе Великих Озер — причем без чьего бы то ни было разрешения. К середине XIX в., когда леса были истреблены, а прерии превращены в обширные пастбища для крупного рогатого скота и посевные площади для зерновых культур, исчез американский бизон (Сторон, 1991). За пределами этого экологического Джаггернаута экономические потребности Запада служили стимулом для глобальной охоты на тюленей, китов и пушных зверей, что привело почти к полному их исчезновению (Fischer, 1963; Busch, 1985; Мартин, 1986). В то же время потребности европейской и американской экономики, а также расширение колониальных владений и установление контроля над новыми территориями стали причинами начала истребления тропических лесов в Латинской Америке, Азии и Африке (Richards and Tucker, 1983).

Тем не менее, именно в западных странах способность наносить вред окружающей среде была еще раз проявлена в полной мере. С началом промышленной революции, радикально изменившей технологию производства и открывшей новые источники энергии и сырья, уровни деградации окружающей среды и экологической опасности стали повышаться (Goldblatt, 1996). Главные отрасли индустрии на ранних этапах промышленной революции — угольная, нефтедобывающая, железнорудная, сталелитейная и металлургическая, производство новых синтетических химикатов — подняли прежние источники загрязнения на беспрецедентно высокий уровень и создали новые — еще более сложные и токсичные (Wohl, 1983; Melosi, 1985; Evans, 1987). Уничтожение старых экосистем в сочетании с ухудшением условий жизни в огромных городских конгломератах, которые выросли вокруг центров этих отраслей промышленности, привело к увеличению интенсивности и скорости деградации окружающей среды и расширению диапазона угроз человеческому здоровью. Тем не менее воздействие этих угроз и опасностей оставалось в основном на локальном уровне, и большинство тех, кто жил в тех условиях, относилось к ним довольно терпимо (Tarr, 1985; Colten, 1986).

8.2.2 ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В XX ВЕКЕ

На самом деле только в XX в., причем даже в конце века, последствия промышленного производства, в сочетании с капиталистической или государственно-социалистической организацией экономики, для окружающей среды были повсеместно и активно осознаны как ее деградация, а географическая протяженность этой деградации вышла за локальные и национальные границы. Самыми яркими примерами радикального изменения, произошедшего в экстенсивности и интен-

452

сивности современных проблем окружающей среды, служат глобальное потепление и истощение озонового слоя.

Глобальное потепление с точки зрения современной науки вызвано повышенным выбросом в атмосферу земли разнообразных газов (диоксида углерода, метана, окислов серы и азота, хлорфторуглеродов), которые увеличивают ее способность изолировать Землю: солнечного света и тепла на Землю поступает столько же, как и прежде, а от нее исходит все меньше и меньше. Теория глобального потепления существует фактически уже целое столетие, но только в течение последних двадцати лет, когда она была уточнена и дополнена и было налажено тщательное наблюдение за изменениями климата, ученые пришли к согласию относительно причин потепления, и появились вполне разумные, хотя и не окончательные, предложения о способах решения этой проблемы (см.: Leggett, 1990; Nillson and Pitt, 1994; Rowlands, 1994; Young, 1994). Последствия глобального потепления оценить чрезвычайно сложно. Во-первых, потому, что о

глобальном увеличении средней температуры фактически можно судить лишь на основании данных о локальных температурах, а климатическое разнообразие весьма велико. Кроме того, климат — это не только температура, а взаимодействие меняющихся температур с ветрами, дождями и давлением невозможно предсказать сколько-нибудь точно. Во-вторых, не совсем понятна реакция других экологических систем на глобальное потепление. Доказывают, например, что возросший в наше время уровень содержания в атмосфере диоксидов углерода (а это является одной из причин глобального потепления) компенсируется абсорбирующей способностью мирового океана. Другие доказывают, что современный уровень вырубки леса, особенно в тропических зонах Южной Америки и Юго-Восточной Азии, резко снижает способность глобальной окружающей среды поглощать диоксид углерода, тем самым ускоряя процесс глобального потепления. Самая сложная из всех этих проблем состоит в том, что увеличение глобальных температур может вызвать таяние полярных ледяных покровов, что повлечет за собой значительный подъем уровня воды в мировом океане. Это, в свою очередь, может увеличивать абсорбирующую способность морей и тем самым замедлить процесс глобального потепления. Если отвлечься от опасности, то можно сказать, что глобальное потепление — самый ясный пример такой проблемы окружающей среды, истоки которой носят глобальный характер, охватывающие не только Север, но и Юг, и которая обусловлена не только промышленной, но и сельскохозяйственной деятельностью человека (а возможно, и естественными процессами). Точно так же и последствия ее имеют потенциально глобальный масштаб. На всех континентах может произойти некая довольно резкая экологическая смена климата, а стало быть, изменится флора и фауна, которые могут существовать только в данных локальных условиях. При таком масштабе изменений, которые охватят многие аспекты окружающей среды, в том числе уровень воды в мировом океане, быстрое снижение плодородности почвы, большая часть стран и государств может ожидать, что им придется испытать вторичные эффекты этих изменений в виде национальных смещений и социальных катаклизмов, миграций масс населения и переворотов. Истощение озонового слоя атмосферы имеет массу параллелей с глобальным потеплением (Titus, 1986; Benedick, 1991; Parson, 1993; Rowlands, 1994; M. Miller, 1995). Это хорошо видно на примере сравнительно недавней проблемы, возник-

453

шей в связи с использованием хлорфторуглеродов (ХФУ), которые стали широко применяться не более чем пятьдесят лет тому назад. Хотя они используются главным образом в странах, входящих в состав ОЭСР, но к тому времени, когда обнаружилась проблема, эти на первый взгляд неопасные промышленные химикаты уже получили распространение и в развивающемся мире. Действуя как катализаторы для реакции превращения озона в обычный кислород, эффективность которых усиливается холодной погодой и ветрами в полярных областях, хлор-фторуглероды истощают стратосферный озоновый слой. В результате ультрафиолетовые солнечные лучи, которое обычно поглощаются молекулами озона, достигают поверхности земли в количестве, превышающем норму. С этим, по-видимому, связан повышенный уровень раковых заболеваний кожи и разнообразных угроз многим водным и земным растениям. Хотя все эти последствия сконцентрированы в основном на полюсах Земли и прилегающих к ним территориях, изменения в химическом процессе истощения озона и в климате Земли вполне позволяют предположить, что их воздействия распространяются гораздо дальше.

Демографические изменения, степень истощения ресурсов и угрозы биологическому разнообразию — все эти процессы тоже, по-видимому, достигли небывалой степени интенсивности, приобретая еще более глобальный масштаб. Мы уже видели, что в истории бывали периоды перенаселенности, нехватки ресурсов и случаи исчезновения биологических видов. Однако есть веские основания полагать, что в современном мире темп и географический охват всех этих форм деградации окружающей среды увеличивается. По подсчетам демографов, понадобилось около 10 тыс. лет для того, чтобы численность населения Земли достигла своего нынешнего уровня приблизительно в 5 млрд. человек. В течение следующих четырех-пяти десятилетий это число, вероятно, удвоится. Это представляет собой небывалый скачок в плане интенсивности прироста населения, а также и в плане его географического распространения. Стремительный рост населения произойдет фактически на всей территории планеты за исключением стабильных и стареющих народов Европы (Cipolla, 1978; WCED, 1987; UNFRA, *The State of the World's Population*, разные годы). Неуклонное расширение площади обрабатываемых земель, которое неизбежно следует за демографическим взрывом, уничтожило множество экосистем на всей планете. Вследствие этого во многих местах планеты исчезло или оказалось под

угрозой исчезновения большее количество видов, чем когда-либо прежде (National Science Board, 1989; World Resources Institute, 1993). Начинает сказываться нехватка чистой воды и плодородных земель. Проблемы, связанные с ресурсами, слишком сложны, чтобы можно было что-то предсказывать, но можно с полной уверенностью ожидать, что увеличение численности населения в сочетании с индустриализацией многих стран нынешнего развивающегося мира в ряде мест приведет к серьезному дефициту ресурсов и для некоторых стран поставит ограничения на их использование.

Что касается трансграничного загрязнения, то, с тех пор как промышленные предприятия начали сливать свои отходы и выбрасывать в атмосферу серу, выделяющуюся в результате сжигания топливных окаменелостей, существенно повысился уровень кислотных осадков и загрязнения речных берегов. Там, где это происходило поблизости от границ, обязательно имело место трансграничное загрязнение. А поскольку на протяжении всего XX в. уровень загрязнения устойчиво повышался, то был, наконец, достигнут такой момент, когда ущерб, наноси-

мый лесам и озерам кислотными дождями, стал в буквальном смысле очевиден. Долгая борьба, которая шла в Европе и Северной Америке за то, чтобы учредить международную структуру для уменьшения кислотнодождевой эмиссии, совпала с сокращением некоторых из главных отраслей промышленности и технологий, способствующих загрязнению (например, использование угля для получения энергии). Таким образом, если подходить к проблеме с исторической точки зрения, то вполне можно утверждать, что максимум этой формы трансграничного загрязнения на Западе уже пройден; объемы выброса сернистого ангидрида и уровень загрязнения рек, по-видимому, снижаются. Однако прогрессирующая индустриализация стран развивающегося мира и использование каменного угля для производства электроэнергии и на транспорте способствовала распространению этих форм трансграничного загрязнения, хотя и на более низких уровнях, но среди большего числа стран и большего количества границ (Yearly, 1994). Совершенно очевидно, что появление атомной энергии и потенциальной ядерной опасности стало историческим водоразделом в рассматриваемой нами сфере, после которого появилась вероятность того, что деградация окружающей среды примет катастрофический характер. В течение последних тридцати лет, по мере того как все больше и больше стран строили у себя атомные электростанции, все больше возрастала и степень риска. Кроме того, изменения в ядерных технологиях привели к появлению сложных систем переработки и рециклинга, что, в свою очередь, способствовало возникновению крупномасштабной и все возрастающей торговли ядерными отходами. Очевидно, что это добавило новый и существенный показатель объема трансграничного загрязнения и угрозы загрязнения окружающей среды. В 80-е гг. параллельно с международной торговлей ядерными отходами наблюдалось стремительное расширение рынков торговли другими опасными отходами (Greenpeace, 1993).

8.2.3 ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ГЛОБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ

В разделе 8.1 мы говорили о том, что политические и культурные решения проблем, связанных с тем, что деградация окружающей среды обрела глобальный характер, можно разместить по четырем рубрикам:

- наличие и влияние культурных, интеллектуальных и политических структур, которые отслеживают и обнародуют глобальные и региональные формы деградации окружающей среды;
- наличие и влияние международных политических структур и организаций, которые контролируют и регулируют экологические кризисы;
- численность, зона действия и настойчивость глобальных и региональных институтов, занимающихся охраной окружающей среды, законов, договоров и протоколов; и
- в какой степени два вышеупомянутых фактора взаимодействуют друг с другом, формируют и определяют поведение в стране политических институтов, движений и противоборств.

Ниже мы предлагаем краткий исторический очерк этих изменений. (В качестве основных источников по истории экологических учений и политических дви-

жений в защиту окружающей среды см.: Dasmann, 1988; McCormick, 1989; Pearce, 1991; Hurrell and Kingsbury, 1992; Haas et al, 1993.) Наша основная мысль, развиваемая в этом разделе, состоит в следующем: история политических решений и теоретических размышлений, связанных с проблемами окружающей среды, развивалась по определенной траектории — пусть и неровной и обнаруживающей явную тенденцию к снижению в периоды экономического спада, — которая как бы повторяет траекторию расширения и интенсификации ущерба и угроз окружающей среде, так

что вполне можно утверждать, что глобальная политика по окружающей среде существует и сегодня (см. гл. i).

Послевоенный период стал свидетелем увеличения глобальных экологических проблем, связанных с материальными затратами, и взаимодействий по поводу этих проблем, а также развития все более сложных направлений научной и моральной мысли, которые ставили своей целью выявлять, контролировать, описывать и оценивать эти проблемы. Эти процессы имеют глубокие интеллектуальные корни и выдающихся предшественников: горячие дискуссии по поводу истощения природных ресурсов и перенаселения вели политэкономы в XIX. в.; теория глобального потепления была впервые выдвинута более юо лет назад, а материальное, эстетическое и моральное влияние хищного и ненасытного индустриализма на природный мир было предметом критических нападок в течение трех столетий (Passmore, 1974; Thomas, 1983; Perreg, 1984). Тем не менее послевоенная эпоха отмечена большим прогрессом в технологической способности науки регистрировать ранее невидимые формы ущерба, наносимого окружающей среде, в то же время такие науки, как климатология, науки об атмосфере, токсикология, эпидемиология и биохимия представили более надежные сведения о районах и последствиях причиненного вреда. Наряду с этим наблюдался рост практических и моральных рассуждений по вопросу глобальной природной взаимосвязи и взаимозависимости, которые питались из разных источников.

Эти культурные изменения сопровождались институционализацией многочисленных структур глобального контроля над окружающей средой и экологического сотрудничества. Что касается науки, то она всегда претендовала на универсальный статус, а отдельные ученые общались друг с другом, невзирая на разделяющие их границы. В послевоенное время процесс глобализации научного знания и научного сообщества продолжился. Этому способствовало упрощение международных коммуникаций и поездок, а также распространение научных исследований и образования в развивающемся мире. Научные дискуссии, которые велись в сфере исследования окружающей среды, стали важным катализатором для осознания политиками опасности, угрожающей окружающей среде, и сыграли существенную роль в создании и институционализации международных организаций по охране окружающей среды.

Появившиеся научные концепции экологической взаимозависимости, имеющие нравственное и практическое значение, получили распространение благодаря возникшим в то время глобальным движениям в защиту окружающей среды. Движения в защиту окружающей среды также имеют многочисленные исторические корни, но с 60-х гг. XX в. они приняли формы и размах, каких прежде никогда не было. В Северной Европе и Северной Америке в 60-е гг. появились новые аргументы по проблемам окружающей среды, которые вместе с заинтересованными социальными группами произвели на свет разного рода межнацио-

456

нальные движения в 70—80-х гг. В эти годы произошла вспышка активности по проблемам защиты окружающей среды, принимавшая в разных странах разные формы в зависимости от национальных традиций и возможностей: росли старые охранительные и защищающие природу организации, в ответ на те или иные угрозы окружающей среде появлялись небольшие местные группы, возникали новые и более радикальные неправительственные организации, а также организации «прямого действия» и организации, занимающиеся лоббированием, в Европе были основаны партии «зеленых». В 80-е и 90-е гг. эти процессы докатились и до Восточной Европы и многих развивающихся стран, где, несмотря на неблагоприятные политические условия, возник организованный протест в защиту природы. Несмотря на глобальный характер этих движений, основная их деятельность оставалась локальной и сосредоточивалась на национальных проблемах; организационные ресурсы и политическое пространство, необходимые для глобальных политических действий, были весьма ограничены. Государства обычно старались не допускать международные неправительственные организации защитников окружающей среды и их альянсы, возникающие по тому или иному поводу, к работе национальных институтов и к переговорам по проблемам экологии. Там, где этим группам удавалось все-таки получить к ним доступ, их власть носила скорее неформальный характер: как правило, они оказывали давление на правительство той или иной страны, апеллируя к ее электорату и общественному мнению. Тем не менее, сейчас они уже утвердились в качестве участников в многочисленных международных акциях, направленных на защиту окружающей среды; если не их власть, то

само их присутствие на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (см. ниже) стало историческим событием (Warner, 1996). Согласованные действия европейских экологических организаций в ответ на инцидент с «Brent Spar» (когда компания «Shell», с одобрения правительства Великобритании, пыталась затопить в море старое нефтедобывающее оборудование) свидетельствует об их высоких организационных способностях.

В основе этого глобального водоворота дискуссий и политических акций находится растущая масса международных институтов по охране окружающей среды и международных правовых актов (см. диаграмму 8л). И здесь, опять-таки, имеются исторические прецеденты. Если говорить о торговле редкими видами экзотических животных, то институционализация международной экологической политики имеет более чем вековую историю. Но так как темпы глобализации окружающей среды набирают скорость, а сила и влияние движений по защите природы в отдельных странах возрастает, то усиливается реакция и глобальной политики. В послевоенный период в области международной защиты окружающей среды было выдвинуто несколько самых первых инициатив. Первый международный договор по регулированию китобойного промысла был подписан в 1946 г., а начавшиеся примерно в то же время переговоры по поводу международной транспортировки токсичных веществ, проекты по вопросам защиты национальных меньшинств и регуляции международного ядерного цикла привели к соглашениям, подписанным в 50-х и 60-х гг. Однако только в конце 60-х — начале 70-х гг. число постановлений по вопросам окружающей среды стало реально увеличиваться. Плодотворным и символическим моментом этого перехода была Конференция по вопросам международной окружающей среды в Стокгольме в

457

Диаграмма 8.1 Общая численность международных экологических организаций и служб, 1870—1970 (источник: Meyer et al., 1997)

1972 г., спонсируемая Программой ООН по окружающей среде (UNEP). Это был первый случай, когда многосторонние агентства и национальные правительства собрались, чтобы рассмотреть все аспекты общемировых проблем окружающей среды и меры, необходимые для их решения. Хотя на самом деле практические результаты этой конференции оказались гораздо скромнее, чем надеялись организаторы, она стала прецедентом в деле охраны окружающей среды и представила программу действий на ближайшие десятилетия.

В 70-х и 80-х гг. регулирование международных водотоков и контроль над загрязнением морей стали усиленно институционализироваться, что нашло свое отражение в разработке и подписании Лондонской конвенции о дэмпинге (1972) > Конвенции MARPOL о загрязнении судами (1978), Закона ООН о морской среде (1982) и целого ряда региональных соглашений о сотрудничестве и контроле над загрязнением морей (конвенции, подписанные в Хельсинки, Барселоне, Осло и Париже, а также Программа ООН о региональных морях). В сфере защиты дикой природы были подписаны специальные соглашения о белых медведях, тюленях и международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящихся под угрозой исчезновения, а также о водно-болотных угодьях, перелетных птицах и экосистеме Антарктики. Наиболее ответственные договора были подписаны о трансграничной перевозке опасных отходов (Базельская конвенция 1989 г.), о контроле над веществами, разрушающими озоновый слой (Венский и Монреальский протоколы 1985 и 1987 гг.), а также ряд договоров по вопросам, связанным с регулированием трансграничных

кислотных осадков в Европе и Северной Америке.

Наряду с подписанием этих международных договоров и конвенций Европейский Союз выделил еще один аспект экологической политики, подлежащей международному контролю и регулированию. Хотя ЕС проводил экологическую политику защиты с конца 60-х гг., но только в 70-е гг. была предложена программа углубленной работы, которая вступала в острый конфликт с экологической политикой, проводимой в тех или иных странах, входящих в состав Союза. Так что ЕС

458

пришлось обратить особое внимание на ряд территорий и принять ряд директив по загрязнению и очистке вод, загрязнению атмосферы, о минимально допустимых нормах для двигателей и о размещении и переработке отходов. Кроме того, ЕС наряду с государствами, входящими в его состав, принял участие в международных переговорах о регулировании загрязнения прибрежных полос Северного моря и северо-восточной Атлантики, а также в работе международных учреждений, занимающихся этой проблемой, таких как Комиссии в Осло и Париже. В рамках других региональных соглашений, таких как НАФТА, АРЕК, Совет скандинавских стран, MERCOSUR, проблемы, связанные с защитой окружающей среды, стали главным яблоком раздора и фокусом регионального сотрудничества и регулирования.

В 80-е гг., после Стокгольмской конференции, усилилась международная дипломатическая активность и внимание внутренней политики к проблемам экологии, что послужило импульсом для проведения конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Проведенная под патронажем ЮНЕП и при участии почти всех стран, входящих в ООН, эта конференция попыталась создать наиболее всеобъемлющую и всестороннюю сеть глобальных договоров по окружающей среде из всех когда-либо появлявшихся на свет, а также глубоко продуманную программу национальных и международных действий по достижению экологических целей. В числе принятых на конференции документов были конвенции по биологическому разнообразию, проблемам изменения климата, распространению парникового эффекта, судьбе влажных тропических лесов. Кроме того, были заключены международные соглашения по передаче технологий и капиталов с Севера на Юг в целях защиты окружающей среды. Результаты, достигнутые в процессе осуществления этих планов, были, конечно, менее впечатляющими. Тем не менее Рио-92 удалось добиться, чтобы проблемы, связанные с окружающей средой, заняли свое законное место в повестках дня таких глобальных институтов, как совещания «большой семерки», МФО, Мировой банк и ВТО, которые стали проявлять к ним все возрастающий политический интерес.

8.3 ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

Вернемся к вопросу, с которого мы начали: являются ли материальные уровни глобализации окружающей среды и ее деградация, на которых сейчас находится мир, беспрецедентными? И если да, то в таком случае что конкретно нового содержится в формах и воздействии современных экологических проблем?

До начала современной эпохи в Европе единственными чрезвычайно экстенсивными формами природных изменений были те, которые происходили в результате распространения микробов и паразитов среди коренного и весьма восприимчивого к ним населения или же в результате глобальных изменений климата, — когда происходили стихийные бедствия или наступал ледниковый период. Иногда экосистемы речных долин, которые простираются на длинные расстояния, могли столкнуться с такими коллективными экологическими проблемами, как размывание почвы и наводнения. Но досовременные сообщества, как аграрные, так и кочевые, были неспособны сообща справиться с экологическими проблемами, — разве что перенаселенность и стихийные бедствия оказывались

459

единственными силами, регулирующими их отношения с окружающей средой и умеряющими их аппетиты.

Роковое соединение Евразии с Северной и Южной Америкой в XVI—XVII вв. имело своим последствием целый ряд глобальных экологических изменений и колоссальных демографических сдвигов. В некоторых регионах Северной Европы оно сопровождалось усилением внутренних экологических проблем, что было результатом быстрого роста сельскохозяйственного и животноводческого хозяйства, его растущих потребностей в ресурсах и земле и перехода на рыночные механизмы (см. текстовую таблицу 8.i). Колониальное сельское хозяйство и плантационная экономика начали трансформировать ландшафт Америки, а интенсивное ведение охоты, призванное удовлетворить потребности Европы, привело к вымиранию некоторых видов

животных как в Америке, так и в Сибири. Тем не менее, несмотря на этот замкнутый круг причин и следствий между континентами и экономическими условиями, деградация природы носила в основном локальный характер. Ни одна из выделенных нами форм глобализации окружающей среды — «ничейные составляющие», перенаселенность и трансграничное загрязнение — не имела крупных последствий.

И только с началом промышленной революции на Западе, т. е. с конца XVIII в., совокупная мощь человечества действительно настолько возросла, что оказалась способной нанести значительный ущерб окружающей среде. Открытие новых энергетических ресурсов и изменение процесса производства в сочетании с интенсивной и частично регулируемой урбанизацией увеличили возможности промышленных стран Запада создавать угрозы окружающей среде. Природная деградация оставалась локальной по своему воздействию — хотя промышленные отходы начали распространяться по воздуху и воде из индустриальных центров в отдаленные от них районы. В этот период глобальная колониальная экспансия продолжалась, но способность европейской экологии следовать за европейским вооруженными силами в Африку и Азию была пресечена их более крепкими иммунологическими и экологическими ресурсами. То, что началось с 1492 г., не имеет аналогов. Ведь нужна была мощь западного капитала и потребностей рынка, чтобы начать процесс природной сверхэксплуатации колоний — например, той вырубке лесов, которая происходила в конце XIX в. на Яве и в Индии. Но еще и в это время глобальная деградация окружающей среды по своим воздействиям ограничивалась более или менее локальными и национальными рамками. Но империализм предпринял и первые попытки обнаружить, исследовать и контролировать локальное влияние на природу (Grove, 1997)-

Однако с середины XX в. картина изменилась (см. текстовую таблицу 8.2). К капиталистическим странам Запада присоединились такие «факторы» деградации окружающей среды, как индустриализация Юга и социалистических стран. Страны Юга сильно увеличили количество потенциальных экологических проблем, так же как и масштаб их географического распространения. Социалистические страны отличались своей уникальной способностью относиться к окружающей среде еще более сомнительно и близоруко, чем самый хищнический капитализм (относительный вклад стран бывшего Восточного блока в засорение атмосферы углеродом показан на диаграмме 8.2). Когда эти «факторы» обрели огромную силу, способную производить трансформацию, а современные технологии — новые отрасли химического производства, массовые транспортные системы, рабо-

Текстовая таблица 8.1 Основные исторические типы и факторы деградации окружающей среды

	Досовременная эпоха (до 1500 г.).	Ранняя современная эпоха (ок. 1500 — 1800 гг.)	Современная эпоха (ок. 1760—1945 г*-)	Новейший период (после 1945 г.)
Основные типы деградации окружающей среды	Истребление охотниками некоторых видов животных, особенно крупных млекопитающих и птиц	Демографические и первые экологические трансформации Северной и Южной Америки	Демографические и первые экологические трансформации Океании	Глобальное потепление истощение озонового слоя
	Передвижение микробов, ведущее к вспышкам эпидемий и демографическим катастрофам	Увеличение нехватки ресурсов и истощение земли в результате хозяйственной деятельности человека и роста населения в условиях развитого сельского хозяйства	Глобальное исчезновение некоторых биологических видов	Загрязнение морей Истребление лесов опустынивание, деградация почвы
	Сферы распространения и опустошения носят сугубо локальный характер	животноводства	Определенный вклад в многогранный процесс глобального потепления	Перенаселенность проблемы массового истощения продовольствия
			Локальное истощение ресурсов Агрокультурная трансформация сельской окружающей среды — вырубка леса, особенно в некоторых европейских колониях, и т. п. Загрязнение воздуха, почвы	Кислотные осадки Угроза ядерной войны Глобальное снижение биоразнообразия Опасные отходы

			и воды в городах	
<i>Основные факторы деградации окружающей среды</i>	Перенаселенность, природно-климатические изменения, урбанизация и снижение производительности сельскохозяйственного труда Крупномасштабные миграции, войны и завоевания	Европейская экологическая экспансия Рост капиталистического сельского хозяйства	Европейская экологическая экспансия и колониальная экономика Капиталистическая индустриализация Урбанизация и концентрация промышленного производства	Усиление Западной экспансии, увеличение объемов потребления Социалистическая индустриализация Индустриализация и демографический взрыв Новые угрозы со стороны ядерных, биологических и химических технологий

Текстовая таблица 8.2 Исторические формы глобализации экологических проблем

	<i>Досовременный период (до 1500 г.)</i>	<i>Раннесовременный период (ок. 1500 — 1760 гг.)</i>	<i>Современный период (ок. 1760—1945 гг.)</i>	<i>Новейший период (с 1945 г.)</i>
<i>Экстенсивность</i>	Передвижение микробов представляет собой единственную крупномасштабную форму изменения окружающей среды	Европейская экспансия приобретает трансконтинентальный, трансокеанический размах, увеличивая пределы экологических изменений Завоевания и колонизация усиливают демографические изменения в Северной и Южной Америке и на островах Карибского моря, дополненные агрикультурными и ландшафтными трансформациями Деградация окружающей среды, происходящая в разных странах, по своим истокам и последствиям остается преимущественно локальной; увеличиваются некоторые «участки», такие как сельское и животноводческое хозяйство, истощают ресурсы более обширных территорий	Европейская экспансия достигает Океании; но вначале она еще не оказывает серьезного экологического и демографического влияния на Азию и Африку Интенсивное преобразование Северной и Южной Америки и островов Карибского моря Локальное истребление лесов в колониях (Индия, Ява, Малайзия) изменение экосистем в районах Южной и Восточной Африки в результате устройства в них плантационных хозяйств Капиталистическая индустриализация на Западе и развитие сельского хозяйства трансформируют ландшафт и ведут к интенсивному локальному загрязнению городов Трансграничное загрязнение в некоторых промышленных районах	Экологическая деградация «ничейных территорий» окружающей среды, критических отложений начинается глобальное истощение и истощение озонового слоя Высокие уровни загрязнения земного шара и глобальное потребление на душу населения оказывают все большее давление на земельные ресурсы и экосистемы, повышается риск, связанный с угрозами перенаселения Трансграничное загрязнение — морское, радиационное, атмосферное — достигло глобальных масштабов Индустриально развитых районах: в начале 1940-х годов в Европе и Северной Америке а теперь — все больше в Латинской Америке и на Тихоокеанском побережье Международная торговля опасными веществами, передаваемая по цепочкам, приводит к распространению на Западе и в странах Восточной Европы и Севером и Югом

Текстовая таблица 8.2 продолжение

	Досовременный период (до 1500 г.)	Раннесовременный период (ок. 1500—1760 гг.)	Современный период (ок. 1760—1945 гг.)	Новейший период (ок. 1945—настоящее время)
				Международная технология ядерными технологиями способствующая странению, созда для всех континенте
<i>Интенсивность</i>	Деграция, вызванная деятельностью человека, носит исключительно локальный характер, если не считать передвижения людей и микробов — хотя они и несут с собой потенциальную угрозу новых болезней	Деграция носит преимущественно локальный характер, за исключением великих демографических изменений, происходящих на берегах Атлантики — но этот процесс все еще происходит в течение жизни нескольких поколений	В промышленно развивающихся странах деграция в локальных и национальных масштабах носит более существенный характер, чем в масштабах глобальных и региональных. За пределами Запада основной вклад в локальную деграцию вносят колониальные отношения	Глобальные риски превышают угрозы национального и национального уровня
<i>Скорость</i>	Низкая	Большие ландшафтные и экосистемные преобразования происходят в течение жизни нескольких поколений	Большие ландшафтные и экосистемные преобразования происходят в течение жизни нескольких поколений, но индустриализация увеличивает скорость деграции окружающей среды	Международная технология увеличивает скорость распространения опасностей и угрозы «Прожекторность» экономики и экосистем ускоряет деграцию окружающей среды
<i>Восприимчивость к воздействию</i>	Потенциальное воздействие на население и аграриев увеличивается из-за локальной нехватки ресурсов, роста цен, истощения почвы и сухопутной охоты	Искоренение местного населения Северной и Южной Америки Потенциальное воздействие на население и аграриев увеличивается из-за локальной нехватки ресурсов, роста цен, истощения почвы и сухопутной охоты	Искоренение местного населения Австралии, народа маори Воздействие на здоровье людей, оказываемое в основном в городах и различающееся в зависимости от классовой принадлежности в промышленных зонах	Глобальные и региональные воздействия и угрозы преобладают над локальными, там, где масштабы загрязнения в результате политических действий и изменений в мышлении промышленности
<i>Институционализация</i>	Любое регулирование осуществляется на основе обычаев и традиций, присущих данному обществу	Регулирование осуществляется главным образом на основе обычаев и традиций, присущих данному обществу. Появляются некоторые законодательные инициативы по контролю над загрязнением городской окружающей среды, но они весьма ограничены	Самые ранние формы международного регулирования и политического взаимодействия — количество договоров незначительно	Рост международного права, режимов Учреждение органов международных отношений в составе ООН Рост международных отношений между неправительственными организациями, защита окружающей среды
<i>Стратификация</i>	Нет никакой ясно осознанной иерархии	Иммунологическая и демографическая мощь Запада преобладает в Северной и Южной Америке и на равных действует в Африке и Азии	Иммунологическая и демографическая мощь Запада преобладает в Северной и Южной Америке и Океании и на равных действует в Африке и Азии Локальное загрязнение сильнее в городах и промышленных районах	Локальное загрязнение в городах и промышленных районах, но неравномерно распространено между богатыми и бедными странами Большее неравенство в потреблении и отходах вклада в создание экологических проблем

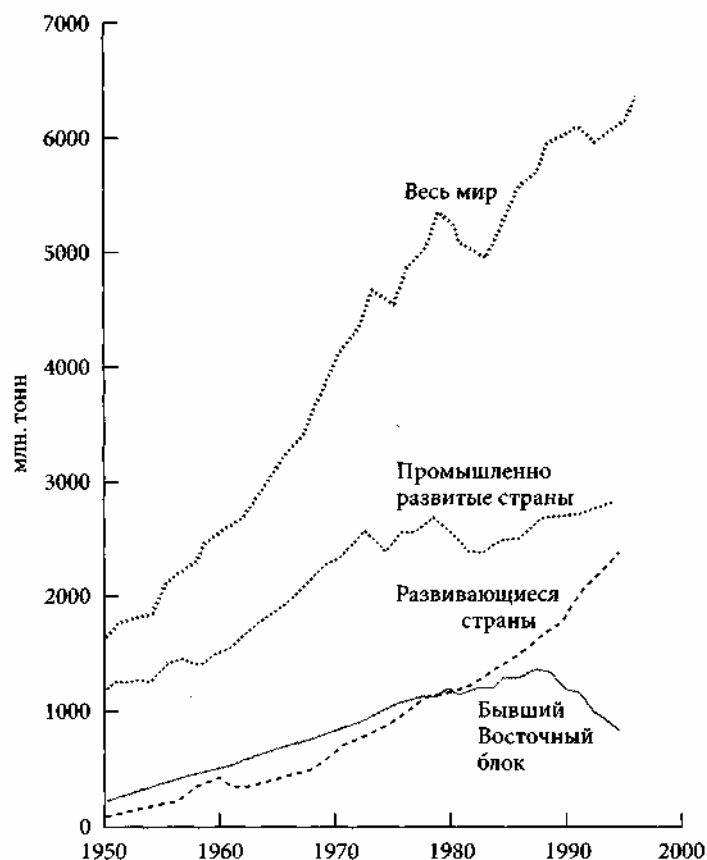

Диаграмма 8.2 Глобальные объемы выбросов углерода, 1950—1995 (источник: Brown et al., 1996)

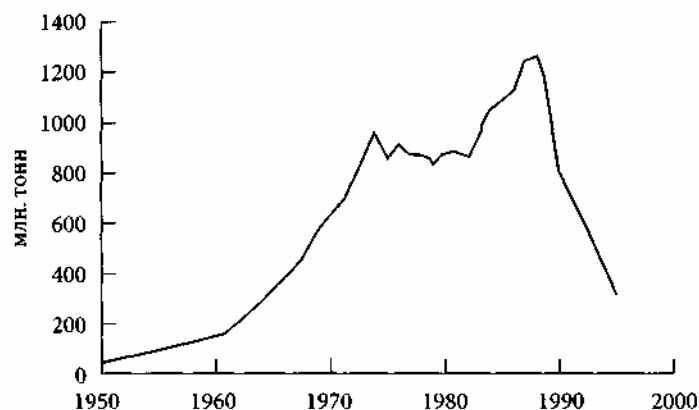

Диаграмма 8.3 Мировое производство хлорфторуглеродов, 1950—1995 (источник: Brown et al., 1996)

465

тающие на природном топливе, ядерные технологии — стали представлять собой опасность, деградация окружающей среды приняла безусловно глобальный характер (см. диаграмму 8.3, на которой представлены объемы производства хлор-фторуглеродов в новейшее время). Современные уровни трансграничного загрязнения, проблем, связанных с «ничейными компонентами» окружающей среды и ресурсов, не имеют исторических аналогий. Нет ничего удивительного и в том, что в прошлом не было ничего похожего на современные экологические движения, договора и международные агентства, занимающиеся охраной окружающей среды.

8.4 СТРАТИФИКАЦИЯ ДЕГРАДАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И УЧАСТИЕ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ РАЗНЫХ СТРАН

Участие той или иной страны в глобальных экологических проблемах может происходить в

нескольких связанных друг с другом формах. Во-первых, каждая из них вносит свой особый вклад в создание этих проблем теми побочными эффектами, которые возникают в результате производственной деятельности ее предприятий и потребления. Во-вторых, каждая страна фактически или потенциально испытывает на себе ряд косвенных экологических опасностей и угроз, которые несут с собою такие явления, как истощение озонового слоя или изменения климата. В-третьих, каждая страна фактически или потенциально испытывает на себе вторичные последствия деградации окружающей среды, происходящей в пограничных с ней или более далеких странах.

8.4.1 УЧАСТИЕ РАЗНЫХ СТРАН В ДЕГРАДАЦИИ

«НИЧЕЙНЫХ КОМПОНЕНТОВ» ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ГЛОБАЛЬНОМ ПОТЕПЛЕНИИ, ИСТОЩЕНИИ ОЗОнового СЛОЯ И ЗАГРЯЗНЕНИИ МОРЕЙ

Различия между выбранными нами шестью развитыми капиталистическими странами в плане вклада каждой из них в создание проблем, связанных с изменениями климата и истощением озонового слоя, представляются несущественными по сравнению с той общей для них характеристикой как части блока западных промышленно развитых держав, на долю которых в настоящее время приходится свыше трети всех выбросов в атмосферу (см. диаграмму 8.4), население же которых составляет менее 15% населения земного шара. Если выбросы газов в атмосферу пересчитать на душу населения, то степень участия всех стран ОЭСР окажется гораздо большей, чем в долевого соотношении с другими странами мира. Молекулы газа, особенно хлорфторуглероды, попадая в атмосферу, могут сохраняться в ней в течение десятилетий. Таким образом, мы испытываем последствия не только нынешнего загрязнения, но и прошлого. С исторической точки зрения Запад произвел большую часть накопившихся газовых выбросов, которые особенно увеличились за последнее столетие. Точно так же, несмотря на то что в последнее время использование хлорфторуглеродов на Западе сократилось, большая часть его накопленного объема использовалась именно на Западе (см. таблицу 8.1). Таким образом, эта одна из самых высоких цен западной индустриализации, которую в рассрочку выплачивает вся планета.

Хотя вина за это лежит на Западе в целом, между странами, входящими в со-

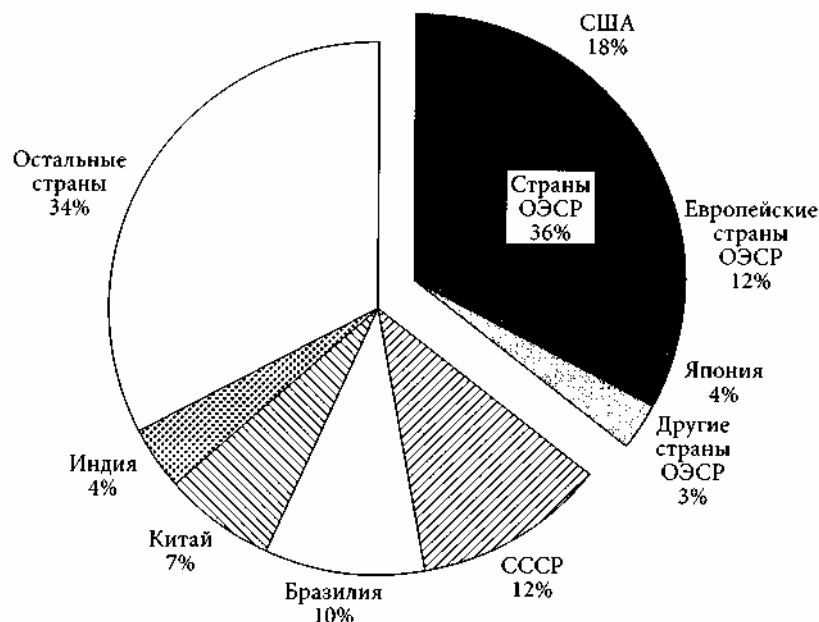

Диаграмма 8.4 Ежегодный выброс в атмосферу парниковых газов в начале 1990-х годов (в процентном соотношении) (источник: OECD, 1991a)

став ОЭСР, имеются в этом плане существенные различия. С точки зрения вклада экономики той или иной страны в загрязнение атмосферы государства ЕС занимают первое место: на их долю приходится почти половина всех выбросов стран ОЭСР, произведенных с конца 80-х и в 90-е гг. XX в. США, население которых составляет менее 5% всего населения земного шара, производят такое же количество выбросов. Существенны вклады в это дело Германии, Японии, Великобритании и Франции. Швеция с населением всего в 8,5 млн. человек вносит вклад гораздо менее

значительный. Тем не менее у всех этих стран объем выбросов на душу населения находится на среднемировом уровне — который США превышают в четыре раза, а Япония и Швеция — примерно на 50%.

Влияние глобального потепления при тех многочисленных последствиях, которые могут иметь климатические изменения и колебания температуры, и при том географическом разнообразии, которое им свойственно, — практически непредсказуемо (IPCC, 1990; Watson et al., 1995; Bruce et al., 1995). Наиболее вероятными последствиями представляются в настоящий момент радикальные изменения в урожайности сельскохозяйственных культур в разных регионах и повышение уровня воды в мировом океане, что приведет к затоплению многих прибрежных и заселенных районов. Великобритании, например, у которой восточные прибрежные районы не намного превышают уровень моря, это грозит утратой значительной части территории (городской и сельской). Япония и США сталкиваются с теми же проблемами, хотя ни той, ни другой стране не угрожают потенциальные катастрофы, которые ожидают низко расположенные океанические острова, такие как Сейшелы, или осушенные земли Нидерландов. Воздействия изменений погодных условий предсказать еще труднее, хотя опять-таки похоже на то, что на

467

Таблица 8.1 Основные потребители хлорфторуглеродов, 1986 — 1994

Потребление в тоннах			
Страна или регион	1986	1994	Прирост или сокращение в %
Китай	46000	90900	+95
Страны ЕС	343000	39700	-88
Россия	129000	32600	-75
Япония	135000	19700	-85
Южная Корея	11500	13100	+ 15 +21
Мексика	8930	10800	
Бразилия	11300	7780	-31 -79 -79 -87 -100
Канада	23200	4850	
Австралия	18600	3890	
Южная Африка	18700	2240 США	
364000	-90 ^a		

^a Указано использование накопленного запаса хлорфторуглеродов. Источник: Brown et al., 1997^a

Западе и в частности на Европе они скажутся не так сильно, как на государствах, расположенных в тропиках и субтропиках, где погодные условия могут сказаться на сельском хозяйстве, которое зависит как от смены погоды, так и от уровня выпадающих осадков. Более того, многие развивающиеся страны не имеют финансовых и технологических ресурсов, чтобы осуществить необходимое изменение экосистем и способов обработки земли. По этим причинам Западу вряд ли удастся избежать последствий глобального потепления за пределами его собственных границ. Значительное повышение уровня моря, потеря густо населенных территорий и, главное, резкое снижение сельскохозяйственной производительности на Юге могут вызвать крупные социальные и политические потрясения и сдвиги. В сочетании с продолжительным экономическим упадком и неослабевающим демографическим давлением это может привести к тому, что внутренняя стабильность многих государств окажется под вопросом, уровни миграции повысятся, а и без того острые конфликты, связанные с ресурсами, станут еще острее.

Если причины и экономические выгоды от атмосферных изменений распределяются неравномерно, то и их вероятные последствия — точно так же. Пока еще неясно, как будут распределены затраты и последствия; на данной стадии развития процесса мы находимся в области научных догадок. Однако некоторые предположения в отношении озона можно сделать с известной долей уверенности. Главный результат уменьшения озонового слоя — образование озоновых дыр. Они появились преимущественно на Северном и Южном полюсах, причем концентрация озона в этих областях меняется от сезона к сезону и из года в год. Согласно общепринятой в настоящее время точке зрения, потеря 1% озона ведет к 2% увеличению на поверхности Земли уровня ультрафиолетовых лучей, что, в свою очередь, порождает намного большее, чем 2%-е, увеличение раковых заболеваний кожи (Titus, 1986). Так что самую большую тревогу в этом отношении вызывает южное полушарие вообще, Австралия и Южная часть Азии в

частности, где зафиксированы участвовавшие случаи раковых заболеваний кожи

468

и где поэтому ведется большая часть научных исследований. Однако темпы истощения озонового слоя на севере возрастают, и его воздействие на Северную Америку и Европу, вероятно, усилится в ближайшие десятилетия. Нынешние уровни истощения озонового слоя меняются в зависимости от полюсов и сезонов, но, по-видимому, увеличиваются в диапазоне от 2 до 9% озона в год (WMO; *Atmospheric Ozone*, разные годы). Ученые из НАСА подсчитали, что начиная с 80-х гг. потери составляют в среднем 3% в год — и нет никаких тенденций к сокращению этой величины (Parson, 1993)-

Экологические угрозы для мирового океана и морей многочисленны, взаимосвязаны и сложны. В их число входят: истощение запасов рыбы и другой морской фауны вследствие чрезмерного отлова рыбы; влияние атмосферных изменений, ведущих к повышению уровня морей; возрастание угрозы прибрежных наводнений и эрозии, а также изменений температуры воды в океане; воздействие добычи нефти и минеральных полезных ископаемых на морскую окружающую среду; и, что самое главное, — попадание в моря и океаны огромного количества отходов, в том числе питательных и патогенных веществ, нефти, синтетических органических химикалий, радиоактивных отходов, металлолома, твердых отходов (промышленных и бытовых), пластмассы и всякого иного мусора (Hinrichsen, 1990; Mitchell, 1993)- При рассмотрении деградации морской среды понятием глобализации нужно пользоваться весьма осторожно, поскольку большая часть морского загрязнения по своему происхождению и непосредственному воздействию носит локальный характер. Совершенно очевидно, что местный сброс сточных вод, даже в тех случаях, когда имеются достаточно длинные сточные трубы, загрязняет местные береговые линии и прибрежные полосы. Точно так же местные промышленные отходы и те загрязнители, которые накапливаются в пределах национальных границ тех стран, по которым проходят русла рек, оказывают основное воздействие именно на этом весьма ограниченном протяжении местных береговых линий. Однако в течение достаточно длительного периода времени загрязнение может (да так оно и происходит) передвигаться по открытым морским пространствам от страны к стране, распространяясь вместе с тем и на «ничейные» территории морей. Лишь в этих случаях мы можем с полным основанием говорить о регионализации или глобализации морского загрязнения. К сожалению, трудно привести строго дифференцированную в этом отношении статистику — истоки и конечные пункты назначения разного рода загрязнителей проследить, разумеется, невозможно — и, таким образом, для стран, составляющих объект нашего исследования, может быть составлена лишь довольно смутная картина морского загрязнения. США имеют совершенно особую модель морской окружающей среды. На востоке и западе — очень протяженные морские побережья — атлантическое и тихоокеанское. На севере побережьем Аляски США упираются в Северный Ледовитый океан, тогда как на юге находится единственное значительное региональное, наполовину закрытое море, с которым граничат США, — Мексиканский залив. Именно здесь возникают наиболее сложные для США международные проблемы, поскольку они делят залив с Мексикой и странами, расположенными в западной части Карибского моря, каждая из которых ведет здесь весьма крупный рыбный промысел и занимается ловлей моллюсков. Степень загрязнения резко возросла, когда увеличились объемы добычи и потребления нефти, а также раз-

469

меры жилищного и индустриального строительства вдоль прибрежной полосы, особенно во Флориде. Это привело к уменьшению запасов рыбы в море и появлению локальных «горячих точек» загрязнения, которые рикошетом бьют по туризму и курортному бизнесу. Япония, будучи островным государством, имеет множество прибрежных районов; на востоке она омывается водами Тихого океана, а на западе — полузамкнутого Японского моря. Уровень морского загрязнения резко возрос в послевоенные десятилетия и достиг своего пика в 60-е и 70-е гг. XX в., — именно в то время, когда развитие тяжелой индустрии оказалось в зените, а все ухудшающиеся последствия загрязнения вынудили принять минимальные меры по отношению к наиболее злостным загрязнителям окружающей среды индустриальными отходами (OECD, 1991b). Однако пользы от этого было не много. По той простой причине, что подавляющее большинство экологических проблем, возникающих в территориальных водах

Японии, имеет скорее внутреннее, нежели внешнее происхождение. Интенсивное прибрежное строительство, крупные городские и промышленные центры на побережье и огромные объемы импортируемой нефти, которую доставляют морские танкеры, — вот причины большей части загрязнений, зафиксированных в территориальных водах Японии.

Европейские страны, являющиеся объектами нашего исследования, радикально отличаются друг от друга по протяженности береговых линий и доступу к экстерриториальным морским зонам. (О европейских морях и их загрязнении см.: Р. Наас, 1990 > 1993-) Наиболее важное значение для этих государств имеют такие региональные моря, как Северное, Балтийское и Средиземное. Они сильно эксплуатируются и плотно заселены на большей части их побережий, хотя к Северному морю это относится в меньшей степени. Кроме того, Северное море отличается от других морей тем, что оно является гораздо менее замкнутым, И Балтийское море, и Средиземное имеют чрезвычайно узкие выходы на большие океанские просторы, в силу чего обладают крайне низкой скоростью оборота содержащейся в них воды, чем и объясняется тот факт, что загрязнители сохраняются в них в более высоких концентрациях и в течение более длительного срока, чем где бы то ни было. В Северное море впадает множество крупных северо-европейских рек, а также сливается значительное количество промышленных и сельскохозяйственных стоков. То же самое можно сказать и относительно Балтийского и Средиземного морей. Кроме того, они сталкиваются с проблемами, возникающими в силу того, что на их берегах располагаются как развитые, так и развивающиеся страны. Нормы контроля над снижением уровня загрязнения, водостоками и очисткой сточных вод, попадающих в общие для них реки, различаются у этих стран радикальным образом, что превращает сам процесс контроля в политическую проблему особого рода.

8.4.2 НАЦИОНАЛЬНОЕ СМЕШЕНИЕ И ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТЬ: ДЕМОГРАФИЯ И РЕСУРСЫ

Истощение минеральных запасов и органического сырья, исчезновение некоторых видов флоры и фауны вызывает беспокойство у защитников окружающей среды на протяжении вот уже более чем двух десятилетий. Конечно, как отмечалось в разделе 8.2, практическая проблема истощения ресурсов и нехватки про-

довольствия имеет длинную предысторию. Благодаря свидетельству очевидцев и анализу статистики ценообразования, которая отражает как существующий, так и надвигающийся дефицит, мы располагаем данными и количественного и качественного характера, свидетельствующими о серьезной нехватке ресурсов в древности и Средневековье. Однако лишь в начале 70-х гг., после публикаций доклада Римскому Клубу «Пределы роста» и «Программы выживания» в журнале «Ecologist», когда стало ясно, что природные ресурсы подходят к концу, эта проблема была внесена в список безусловных экологических проблем (Meadows et al., 1972; The Ecologist, 1972).

Тем не менее, что означает нехватка ресурсов, стало отчетливо осознаваться лишь совсем недавно, поскольку проблемы, связанные с окружающей средой, вообще приобрели особую значимость, и еще по двум более конкретным причинам. Во-первых, дальнейшие исследования показали, что истощение ресурсов — проблема, которая затрагивает не только неорганическое сырье. Невосстановимые тропические леса Юга в течение последних пятнадцати лет стали исчезать с небывалой скоростью, чему виной являются лесозаготовки, изменения в аграрном секторе и крупномасштабные преобразования инфраструктуры. Помимо того что эти леса имеют огромное значение для коренного населения, существуют и глобальные последствия их исчезновения. Во-первых, это влияет на климат во всем мире (поскольку тропические леса поглощают диоксид углерода и путем фотосинтеза вырабатывают кислород), а во-вторых, способствует вымиранию огромного числа известных и неизвестных видов флоры и фауны, еще больше усиливая общее ощущение того, что биоразнообразие на планете уменьшается, о чем без конца твердят участники шумных и эмоциональных кампаний за сохранение находящихся под угрозой исчезновения крупных млекопитающих — панд, слонов, китов и представителей семейства кошачьих. Вторая причина усиления беспокойства по поводу нехватки ресурсов и его глобального значения — беспощадная логика глобального прироста населения и глобального распространения индустриализации. Хотя вопрос о приросте населения никогда не исчезал из списка экологических проблем, он особенно громко зазвучал в связи с интенсивной индустриализацией — и вызванным ею ростом потребления ресурсов, — происходящей во многих странах развивающегося мира. В

перспективе нам придется жить на планете, общая численность населения которой остановится в лучшем случае на отметке в 12 млрд. человек (UNFPA, 1994)- Это почти в два с половиной раза больше, чем сегодня. Кроме того, это будет население, которое живет в подавляющем своем большинстве в промышленных странах. Ускоренная промышленная революция, которую осуществляет Китай с его более чем миллиардным населением, а также страны Тихоокеанского региона (население которых составляет почти полмиллиарда человек), ставит вопрос об истощении ресурсов с такой остротой, до какой в прежние времена его не могли довести самые хищнические эксплуататоры природных богатств. При прочих равных условиях, чем большее будет численность населения земного шара и чем выше будет уровень индустриализации, тем больше будут степень загрязнения и объем потребления ресурсов. Кроме того, когда рассматриваются вопросы демографического роста, то беспокойство вызывает не просто нехватка сырья, что оказывает воздействие и на политику других стран, но более широкие проблемы, связанные с социальной дислокацией, массовой миграцией и полити-

471

ческой нестабильностью. В настоящее время невозможно точно определить, в какой степени такие проблемы, как нехватка сырья, прирост населения и социальные и политические дислокации, будут влиять друг на друга. Поэтому в дальнейшем мы не будем делать никаких общих предсказаний относительно будущего, а постараемся лучше рассмотреть, какое участие каждая из шести стран, составляющих предмет нашего исследования, принимает в решении этих еще более глобальных проблем и как они, в свою очередь, влияют на них.

Все эти страны — объекты нашего социологического исследования — вносят свой непосредственный вклад в проблему потребления ресурсов, и все они — и непосредственно, и косвенно — будут испытывать на себе последствия глобального прироста населения: политические, экономические и демографические, а также связанные с ними материальные убытки. До какой степени захватывает их эта глобальная нехватка ресурсов, можно увидеть сквозь призму статистических данных об их потреблении органического топлива и другого сырья, их доли в глобальных отловах рыбы и об их торговле продуктами тропических лесов и представителями тех видов флоры и фауны, которые находятся под угрозой исчезновения. Главная разграничительная линия по этой проблеме проходит, опять-таки, скорее между Севером и Югом, нежели между странами ОЭСР. Об этом вполне определенно свидетельствуют почти все выбранные нами показатели. Численность населения в странах ОЭСР составляют 15% населения всей планеты. Через несколько десятилетий эта пропорция станет еще меньше. В 1988 г. на долю стран, входящих в состав ОЭСР, приходился 51% всего глобального потребления энергии и, как уже было установлено, существенная доля тепловых выделений и выбросов в атмосферу хлорфторуглеродов и окислов серы и азота. Что касается энергоносителей, то экономика западных стран решительно склоняется в пользу органического топлива, а не к возобновляемой древесине и естественным удобрениям, которых больше употребляют на неиндустриальном Юге (впрочем, на Западе больше используют и ядерное топливо). Хотя для нас важна нынешняя скорость истощения природных ресурсов, необходимо помнить, что следует учитывать и прежние темпы их использования. Правда, мы оказались бы в нынешней ситуации, даже в том случае, если бы в течение всего прошлого столетия темпы использования ресурсов на Севере и Юге отличались друг от друга еще больше. Если мы обратимся к другим видам сырья, таким как руды и металлы, то обнаружим такую же, если не большую асимметрию потребления (Westing, 1986; World Resources Institute, 1995). Данные, представленные в таблицах 8.2 и 8.3 особенно асимметричны и позволяют сравнить самую расточительную в отношении ресурсов экономику — экономику США — и одну из наименее энергоемких стран — Индию, а также произвести более широкое сравнение между совокупным потреблением ресурсов странами ОЭСР и странами развивающегося мира. Учитывая небольшой масштаб и нерегулируемый характер рыболовецкого промысла в большинстве стран мира, а также и сознательные усилия многих из них уклониться от регулирования, к оценкам глобальных рыбных уловов следует относиться с некоторой осторожностью. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (см. диаграмму 8.5), общий объем улова увеличился с 60 млн. тонн в 1970 г. до почти 84,5 млн. тонн в 1990 г. (РАО, 1994; McGoodwin, 1990; OECD, 19912; Peterson, 1993)- Из этого объема на долю ОЭСР в

472

Таблица 8.2 Потребление природных ресурсов в Соединенных Штатах и Индии, 1991

Соотношение между США и Индией в расчете США
населения

Индия

на душу

Алюминий	4137	420	34:1
Медь	2057	157	45:1
Нелегированная сталь	93325	20300	16:1
Никель	137	15	31:1
Фосфатная руда	40177	2381	58:1
Уголь	672036	184992	12:1
Бензин	666032	53294	43:1
Природный газ			
(в тетраджоулях)	21387719	397250	184:1
Балансовая древесина			
(в кубометрах)	136377	1208	386:1

Все объемы, за исключением указанных, даны в тысячах тонн. *Источник:* World Resources Institute, 1995
Таблица 8.3 Сравнительные уровни потребления ресурсов в промышленных и развивающихся странах, 1986—1990

Промышленные	Развивающиеся страны	страны
Органическое топливо		
(в гигаджоулях на душу населения)	160,1	17,3
Алюминий		
(в тоннах на душу населения)	14,1	0,7
Древесина		
(в кубометрах на душу населения)	1,3	0,5
Говядина и телятина		
(в кг на душу населения)	27,2	4,3
Хлопок		
(в кг на душу населения)	5,4	2,6

Источник: World Resources Institute, 1995

1970 г. приходился 41%, а в 1988 г. он снизился (в пересчете на душу населения) до 37%- Однако, учитывая гораздо более медленные темпы прироста населения в странах ОЭСР в течение этого периода, следует сказать, что потребление рыбных продуктов на душу населения в государствах ОЭСР росло быстрее, чем в остальных странах мира. Из всех стран ОЭСР больше всех рыбы потребляет Япония; на долю японцев, численность которых составляет чуть больше 2% населения всей планеты, приходится 14% мирового улова рыбы для внутреннего потребления. Столь же крупными потребителями рыбы (если считать в кг на душу населения) являются Норвегия и Дания, следом за которыми идут Испания и Великобритания. Таким образом, государства, входящие в состав ОЭСР, наряду с некоторыми странами развивающегося мира стремительно приближаются к такому объему

473

Диаграмма 8.5 Объемы мирового рыбного промысла, 1950—1995 (*источник:* Brown et al, 1997b, на основе подсчетов ФАО)

мирового рыбного промысла, который, по оценкам ФАО, превысит возможности стабильной ежегодной ловли, и ведут дело почти к полному истощению запасов рыбы в тринадцати из пятнадцати мировых зон, где ведется рыбный промысел (Ancharya, 1996). В число рыбных

запасов, подвергающихся наибольшей опасности, входят запасы Средиземного и Черного морей и северо-западной части Тихого океана, в то время как многие районы Атлантического океана вот-вот перестанут обеспечивать стабильный ежегодный улов. Поскольку традиционные зоны обитания рыбы сокращаются, рыболовные флотилии всего мира заходят все дальше вглубь океанов и угрожают все большему количеству морских видов. Если принять во внимание увеличение уровней морского загрязнения и скопление токсичных веществ в местах морского рыбного промысла, то перспективы для глобальных запасов рыбы окажутся печальными, и ОЭСР вносит большой вклад в обострение этой проблемы, чем может показаться, если рассматривать каждую страну в отдельности.

Аналогичную историю можно рассказать и об использовании лесов вообще и влажных тропических лесов в особенности (Myers, 1986; Nectoux and Dudley, 1987; Hecht and Cockburn, 1989; Nectoux and Kuroda, 1989). Леса представляют собой огромный экономический и экологический ресурс прежде всего благодаря древесине. Древесина — жизненно важный компонент множества промышленных изделий и процессов, источник топлива, бумажных и целлюлозных изделий, столярный материал для изготовления окон, кровли и мебели. С точки зрения экологии, леса представляют собой огромное хранилище генетического биоразнообразия и, как уже отмечалось, необходимый компонент глобальной атмосферной и климатической системы. Хотя в рамках ОЭСР и существуют локальные и национальные проблемы, экологическая стабильность западных лесов относительно высока, что обеспечивают системы экологического и экономического управления. Во всяком случае, страны ОЭСР в основном уже освободили от леса большую часть своих территорий еще на ранних этапах индустриализации. Наибольшую опасность для окружающей среды представляет сегодня ситуация, которая складывается вокруг лесов в развивающемся мире вообще и влажных тропических лесов

474

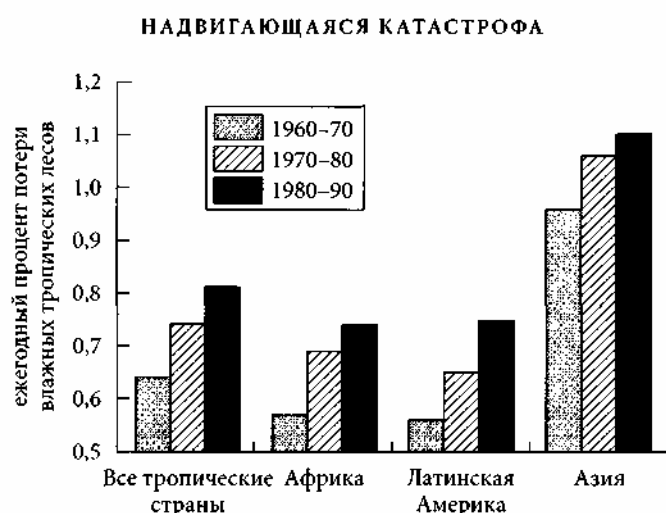

Диаграмма 8.6 Темпы исчезновения тропических лесов, 1960—1990 (источник: World Resources Institute, 1997) в частности. Хотя имеются серьезные внутренние причины, ускоряющие темп деградации окружающей среды в развивающихся странах и зонах тропических лесов, но не меньшее значение для этого ускорения имеют и причины внешние, — причины, в которых все страны, являющиеся объектами нашего исследования, принимают участие.

Оценки, как всегда, носят характер весьма умозрительный. ФАО, например, в начале 80-х гг. утверждала, что 16—18% мирового тропического дождевого леса будет утрачено в течение следующих сорока пяти лет. К концу десятилетия эта оценка увеличилась до 30—35% к 2035 г. Размер ежегодных потерь в развитых странах варьируется, согласно недавно произведенным подсчетам, от 0,33% в Океании до 1,2% в Азии (см. диаграмму 8.6). Страны ОЭСР оказывают содействие этому процессу, будучи основными импортерами лесоматериалов из развивающихся стран. Действительно, ОЭСР импортирует 73% всей продукции, сделанной из дерева, причем 90% его потребностей в сандаловом дереве, целлюлозе и бумаге удовлетворяется за счет поставок с Юга. Кроме того, страны ОЭСР ответственны и за импорт наиболее дорогих, редких и находящихся под угрозой исчезновения сортов твердой и тропической древесины. Однако среди стран ОЭСР наблюдаются заметные различия в зависимости от моделей их внутреннего деревообрабатывающего производства и потребления древесины: Япония и Франция питают

пристрастие к изделиям из тропических сортов древесины, у Швеции в этом отношении аппетит гораздо скромнее.

8.4.3 СМЕШЕНИЕ НАЦИЙ И ТРАНСГРАНИЧНОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ

Наиболее существенные проблемы трансграничного загрязнения — кислотный дождь и перемещение химических отходов по руслам общих рек. Еще более серьезная угроза, которая время от времени осуществляется — передаваемые по ветру радиоактивные элементы, представляющие собой обычные отходы ядерных установок или же выделения, произошедшие в результате аварии. Мы ос-

475

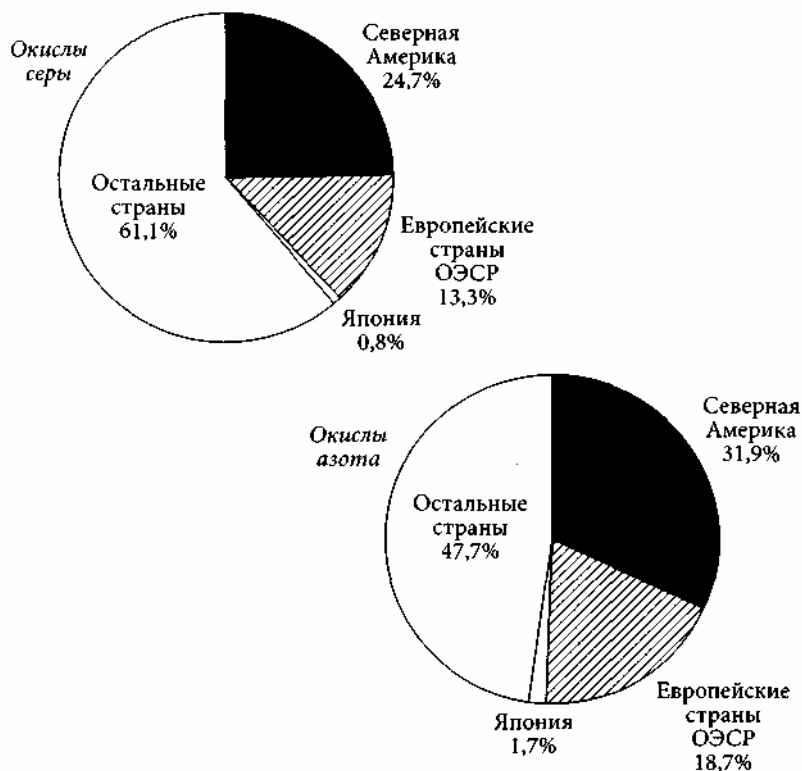

Диаграмма 8.7 Глобальные выбросы окислов серы и азота в конце 1980-х (источник: OECD, 1991a)

тановимся здесь на кислотном дожде, вредных отходах и ядерной промышленности.

Кислотный дождь, для передачи которого не требуется никакой физической связи между государствами, воздействует на все шесть выбранных нами государств (см.: Boehmer-Christiansen and Skea, 1991; Levy, 1993). Серные и азотные диоксиды, образующиеся в результате сгорания природного топлива (главным образом на электростанциях и в двигателях внутреннего сгорания), растворяются в атмосферной влаге и превращаются в окислы серы и азота. Затем эти окислы разносятся порывами ветра, нередко на весьма значительные расстояния, и возвращаются на поверхность земли и моря в виде твердых, жидких и конденсированных осадков. В основном они влияют на озера и реки, где служат причиной изменения реакции pH, которого оказывается достаточно, чтобы уничтожить целый ряд растительных и живых организмов, а также высвободить отравляющие металлы из отложений. На земле наиболее значимые последствия кислотного дождя — окисление почвы лесов и ущерб, наносимый деревьям. Кислотные осадки причиняют вред и городской среде, растворяя камни и кирпичи.

В 1988 г. глобальные выбросы окислов серы составляли около 99 млн. тонн. 40% из них приходилось на долю промышленного производства стран, входящих в состав ОЭСР (см. диаграмму 8.7), в которых, как уже отмечалось, проживает лишь

476

15% населения земного шара. Однако весьма вероятно, что в течение нескольких следующих десятилетий этот дисбаланс будет уравновешен, поскольку страны ОЭСР стабилизируют или уменьшают свои выбросы окислов серы, а программы индустриализации развивающихся стран предусматривают наращивание их производства. Если в 1970 г. уровни выбросов более или менее соотносились с объемами национального производства, то в конце 80-х гг. это соотношение становится менее строгим, поскольку промышленное производство

Великобритании и США по-прежнему оставалось высоко «кислотным», а другие четыре страны, составляющие предмет нашего исследования, сократили свои выбросы серных компонентов в расчете на душу населения и единицу внутреннего ВВП благодаря изменениям, произведенным в энергетическом производстве, и регулированию загрязнения. Что касается стран, не входящих в состав ОЭСР, то здесь важно отметить, что подавляющее большинство выбросов имеет своим источником две страны: бывший СССР (теперь страны, пришедшие ему на смену) и Китай.

Трансграничные выбросы и осадки в каждой стране довольно разнообразны. Япония испытала совсем немного трансграничных кислотных осадков и сама несет ответственность лишь за очень немногие трансграничные загрязнения других областей. Это отчасти объясняется расстоянием, отделяющим Японию от азиатского материка, преобладающими здесь ветрами и климатическими условиями. Тем не менее появляется все больше свидетельств в пользу того, что региональные трансграничные проблемы, связанные с кислотным дождем, приобретают все более важное значение для стран Восточной Азии и тихоокеанского побережья.

Поскольку индустриализация набирает темп и потребности в энергии стремительно возрастают, на этот густо населенный регион начинают обрушиваться самые разные потоки трансграничного загрязнения. В этом отношении весьма показательны опустошительные лесные пожары, бушевавшие в Индонезии в 1997 г. Эхо этих пожаров распространилось очень далеко, вплоть до Куала-Лумпур, окутывая города густым дымом и смогом, что вызвало сильное беспокойство в странах, входящих в АСЕАН. В США часть кислотных осадков приходит из Канады и Мексики, что заметно ухудшает экологическую обстановку на северо-востоке страны. Однако если посмотреть на это с точки зрения международной политики, то следует сказать, что все эти осадки и вред, который они наносят окружающей среде, затмеваются объемами кислотного дождя, экспортируемого США своим северным и южным соседям.

В Европе наблюдаются значительные различия между внешними и внутренними источниками кислотного дождя (French, 1990). На верхних ступенях иерархической лестницы находятся такие страны, как Нидерланды, Швейцария и Австрия, которые в конце 80-х гг. получили из-за границы более 70% выпавших в них кислотных осадков. Швеция, Германия и Франция, на чьих территориях выпадает, соответственно, 58%, 45% и 34% иностранного происхождения, занимают примерно середину этой лестницы. Наконец, на самых низших ее ступенях находится Великобритания, куда из-за границы поступает лишь 12% кислотных осадков. Каждая из этих четырех европейских стран внесла свой вклад в загрязнение окружающей среды других государств. Великобритания и Германия несут особую ответственность за загрязнение Скандинавии, Франции и стран Бенилюкса. Уровень зарубежных кислотных осадков, так же как и уровень осадков в целом, связан отчасти с тем, насколько активно то или иное государство принимает участие

477

в подписании разного рода соглашений по поводу крупных трансграничных загрязнений. В каком смысле можем мы говорить о вкладе ядерной промышленности и производства атомной энергии в процесс глобализации экологического риска и загрязнения окружающей среды? Во-первых, мы должны установить, какого рода опасности и угрозы несет с собой производство атомной энергии (см.: Kemp, 1992; Blowers and Lowry, 1991). Эти угрозы обусловлены радиоактивным характером топлива и побочных продуктов, образующихся по ходу ядерного топливного цикла. Радиоактивные вещества различаются по степени летучести и скорости полураспада, но среди них есть долгоживущие и высоко токсичные радионуклиды (такие как плутоний), радиоактивное излучение может сделать землю безжизненной, воздух — непригодным для дыхания, и уничтожить весь животный и растительный мир, в том числе и род человеческий, в течение жизни нескольких поколений. Производство ядерной энергии чрезвычайно сложный процесс, в котором выработка электричества в реакторе атомной электростанции составляет всего лишь одно короткое звено. Кроме того, уран должен быть добыт, обработан, очищен и доставлен на электростанцию. Как только топливные стержни выработают свой ресурс, их необходимо удалить и охладить. В зависимости от типа применяемой ядерной реакторной технологии и используемого топлива от них можно либо избавиться, либо подвергнуть вторичной обработке. В процессе переработки образуется

плутоний, представляющий собой побочный продукт ядерной реакции и который в дальнейшем может послужить материальной базой для изготовления оружия или последующего производства энергии в более скоростных реакторах. Даже если в производственный цикл включено это дополнительное звено, остаются проблемы, связанные с окончательной утилизацией отходов. Отходы ядерного производства включают в себя как израсходованное топливо, так и воду, используемую при охлаждении и хранении топлива, а также установки и оборудование, задействованные в процессе производства ядерной энергии, которые в результате использования и близости к радионуклидам сами становятся радиоактивными. Таким образом, экологические угрозы, которые несет с собой ядерная энергия, включают случайное попадание радиоактивных материалов в окружающую среду; излучение радиоактивной воды и газов, которые используются на очистительных, вырабатывающих энергию и перерабатывающих заводов; утечку радиоактивности, исходящей из ядерных отходов низкого, среднего и высокого уровня опасности. Наконец, — и это самая большая из всего угроз — существует потенциальная опасность сбоя в работе реактора, при котором контроль утрачивается, и возможно «расплавление», и в результате — колоссальный выброс радиоактивных веществ.

Теперь, имея представление обо всех этих опасностях, которые несет с собой ядерная промышленность, мы можем описать множество способов, которыми она вносит вклад в глобализацию загрязнения окружающей среды и экологического риска. Во-первых, само по себе быстрое распространение ядерных технологий и установок во все большем количестве стран увеличивает географический охват и статистическую вероятность крупных ядерных аварий, которые являются потенциально глобальными. Во-вторых, это быстрое распространение создает увеличивающееся количество обычного радиоактивного излучения низкого уровня, которое может переноситься по воздуху и по воде через национальные

478

границы. В-третьих, в некоторых странах имело место сбрасывание большого количества ядерных отходов низкого уровня в море — таким образом, происходило распространение ядерного загрязнения на глобальной и региональной «ничейной территории». Наконец, хранение и переработка ядерных отходов высокого уровня опасности настолько сложны и дорогостоящи, что лишь немногие страны были к этому подготовлены и смогли создать необходимое оборудование — в особенности Великобритания и Франция. Это привело к появлению активной и все возрастающей по своим масштабам торговли в сфере переработки ядерных отходов, что одновременно и *локализует* ядерный риск, концентрируя его в определенных местах, и увеличивает его в связи с необходимостью транспортировать радиоактивные вещества на большие расстояния по воде и суше.

Все шесть стран, составляющих предмет нашего исследования, обладают гражданской ядерной промышленностью, хотя почти во всех было принято решение прекратить строительство новых атомных электростанций, а в Швеции намечен план остановки работы и демонтажа оставшихся у нее реакторов. Таким образом, все шесть стран угрожают возможным ядерным загрязнением того или иного вида как своим соседям, так и собственным гражданам. Особенно много проблем в связи с этим возникает у немцев и французов, поскольку их плотно населенные регионы граничат со множеством других стран. Четыре из этих шести выбранных нами стран в той или иной степени ответственны за продажу ядерных технологий и/или заводов другим государствам, стремящимся создать у себя ядерную энергетику. В этой сфере всегда лидировали американцы и французы, хотя британский ядерный экспорт отстает от них скорее лишь качеством технологии, чем интенсивностью прилагаемых усилий.

В 1970 г. лишь 17 стран фактически обладали действующими атомными электростанциями. Из них странами, не входящими в состав ОЭСР, были только СССР, Чехословакия, Восточная Германия и Индия. К 1976 г. их численность возросла до 20: действующие атомные электростанции построили у себя еще Аргентина, Болгария и Пакистан. К 1980 г. их количество вновь увеличилось, расширилась и географическая зона распространения ядерных технологий и оборудования, а вместе с тем еще больше расширилась и сфера ядерной угрозы. Между 1976 и 1980 г. реакторы шли чуть ли не потоком, впервые появившись в Австрии, Бразилии, Финляндии, Венгрии, Иране, Южной Корее и на Тайване, и число ядерных государств было доведено, таким образом, до 2/ К 1990 г. пик ядерного распространения, казалось, был пройден: строительство реакторов в Италии и Иране было прекращено, а «клуб гражданского ядерного строительства»

пополнился лишь несколькими новыми членами — Бразилией, Мексикой и Южной Африкой (World Watch Institute, 1992.). Франция и Англия отличаются тем, что только они построили у себя коммерческие ядерные перерабатывающие установки: Thorp в Cumbria и Cap La Hague во Франции. Текущая и долгосрочная финансовая жизнеспособность этих установок зависит от крупных и долгосрочных контрактов о переработке немецких и японских ядерных отходов. Последняя форма участия той или иной страны в глобальных и региональных проблемах окружающей среды — трансграничное загрязнение, которое обусловлено скорее самим экономическим обменом, чем сопровождающими его случайными обстоятельствами, а также недостаточной или, наоборот, чрезмерной экономической эксплуатацией общих ресурсов. Здесь существенную роль играют

479

три области. Во-первых, существует международная торговля опасными отходами, которая состоит в том, что фирмы производят свои отходы в одной стране, а экспортируют их за границу для окончательной переработки или захоронения. Во-вторых, загрязнение окружающей среды может происходить в результате экспорта экологически опасной продукции за границу; часто из страны, где продажа продукции по экологическим причинам запрещена, в страны, где они сохраняют свой статус легитимности. Пестициды и фармацевтические препараты — лучшие примеры такого рода практики (Paarlberg, 1993)- В-третьих, существуют внешние экологические обстоятельства интернационализации производства, при которых учреждение новых или зарубежных филиалов или фактическое движение производственной мощности из одной страны в другую сопровождается (и этим же обуславливается) крупномасштабным загрязнением и образованием производственных отходов. Тем не менее Мировой Банк в своем единственном серьезном обзоре этой проблемы утверждает, что существует очень мало свидетельств, позволяющих предположить, что произойдет сколько-нибудь существенное изменение в соотношении Севера и Юга или в соотношении строгих и свободных экологических режимов в плане распределения и местонахождения загрязняющих отраслей промышленности (World Bank, 1993)- Хотя доля составляющих загрязняющей промышленности в продукции и торговле развивающихся стран существенно возросла, это, скорее всего, объясняется особенностями их собственной местной индустриализации. Где этого недостаточно для объяснения произошедших изменений, там, вероятнее всего, дело обстоит так, что снижение трудозатрат обеспечивается скорее за счет развития промышленности, чем за счет снижения стандартов по охране окружающей среды, повышающего способность к конкуренции (см. гл. 5)- В этом разделе мы сосредоточимся на международной торговле опасными отходами.

Любой количественный подсчет международной торговли опасными отходами осложняется массой серьезных проблем (Davis, 1993; Greenpeace, 1993; OECD, 1994b). Прежде всего, определение опасных отходов — дело сложное, неоднозначное и крайне политизированное. Способность современных стран производить и перевозить загрязнители через национальные границы еще раз опередила способность государственных служб следить за их производством, распределением и последствиями. До начала 70-х гг. XX в. в большинстве стран ОЭСР структуры, отвечающие за промышленные отходы, оставались довольно примитивными, неспособными ни аналитически, ни юридически провести различие между многочисленными и разнообразными типами твердых и жидких отходов, которые образуются в результате производственных процессов, и теми, которые остаются после потребления продукции. Лишь после целого ряда скандалов, разразившихся в 80-х гг. по поводу отходов, были созданы правовые структуры, предназначенные для определения степени их токсичности и опасности. Должен был произойти инцидент с Love Canal в США и разразиться скандал вокруг VT Chemie в Швеции, чтобы вынудить правительства создать службы, которые могли бы отслеживать производство опасных отходов и контролировать их выбросы в окружающую среду. По этой причине данные, которыми располагают правительства тех или иных стран и международные агентства, охватывают период, начинающийся лишь чуть раньше конца 80-х гг. Во всяком случае, имеющиеся данные не дают никакой возможности сравнить их должным образом, поскольку законо-

480

дательные и аналитические структуры, призванные осуществлять контроль над опасными

отходами, в целом ряде случаев понимают их совершенно по-разному.

В последнее время международные агентства потратили немало усилий на то, чтобы составить общий согласованный список опасных отходов, несущих с собой глобальную угрозу, нормы производства которых должны быть строго регламентированы. Отходы, которые обычно относят к разряду опасных, включают в себя остатки нефтепродуктов, химические растворители после первичного использования, металлические изделия и металлический лом, полихлорвиниловые части электроприборов (особенно конденсаторов), пришедшие в негодность изделия с лакокрасочным покрытием и другие изделия из тяжелых металлов и при наличии ртутных составляющих. За последние два десятилетия регулирование размещения опасных отходов в странах ОЭСР становится все более и более строгим, и затраты на то, чтобы заручиться согласием с чьей бы то ни было стороны, постоянно возрастают. Был заключен ряд международных соглашений о запрещении сброса опасных отходов в море и постепенном сокращении сжигания отходов на плавучих базах. На суше, благодаря инструкциям, определяющим те участки, где можно осуществлять захоронение мусора, удалось предотвратить ситуацию, когда многие опасные отходы попадали бы в неподходящие для них места. Осталось только две возможности: рециклинг и сжигание на суше. Однако стоимость этих двух методов стремительно возросла, тем более в странах, где наземное сжигание строго регулируется. Все это вместе — т. е. уменьшение возможностей выбора, ужесточение законодательства, более строгое национальное регулирование и возросшая стоимость затрат — и стало главной движущей силой, от которой зависят правила и рентабельность международной торговли опасными отходами.

В первой половине 80-х гг. сформировались два типа торговли. Первый — в пределах ОЭСР, второй — между ОЭСР и остальной частью мира, особенно Африкой и Центральной и Восточной Европой. В первом случае одни страны ОЭСР становились импортерами токсических отходов других стран, которые они подвергали у себя повторной переработке и/или оставляли на хранение. Англия и Франция стали главными импортерами токсических отходов и построили еще несколько установок для сжигания отходов, чтобы удовлетворить спрос на этот вид услуги, особенно со стороны небольших стран, у которых нет соответствующих технических средств, или спрос на сами эти дорогостоящие установки для сжигания отходов (Ирландия, Норвегия), а также и со стороны крупномасштабных производителей опасных отходов, которые сталкиваются со строгим внутренним законодательством и высокими штрафными санкциями (Германия и Швейцария). Швеция также попадает в эту категорию, поскольку она оказывает некоторые услуги по сжиганию отходов для Норвегии и Финляндии.

Второй тип торговли — между Западом и Востоком или между Севером и Югом — движим теми же самыми факторами, что и торговля между странами ОЭСР, но она более прибыльна, нередко носит незаконный характер и, как правило, опасна с экологической точки зрения (Greenpeace, 1993). Все страны, составляющие объект нашего исследования, занимаются как законной, так и незаконной перевозкой своих опасных отходов в Западную Африку, Восточную Европу и в страны Юго-Восточной Азии. В странах получения не редко бывают случаи, когда перевозка осуществляется безо всякого юридически оформленного правительственного разрешения.

Нередки и такие случаи, когда отходы марки-

481

руются неправильно. То, что обозначается как безопасная продукция — специальные химикаты, отходы, предназначенные для рециклинга и вторичного использования, — часто оказывается чрезвычайно опасной и плохо упакованной смесью вредных отходов. Они редко сжигаются по прибытии на место. Чаще всего их просто сваливают на землю или выбрасывают в море, не соблюдая никаких норм хранения или надзора, что, в свою очередь, повышает уровень локального загрязнения окружающей среды до чудовищной и даже смертельно опасной отметки. Однако Базельская конвенция ЮНЕП, регулирующая трансграничные перевозки опасных отходов, объявила торговлю этой продукцией между Севером и Югом, Востоком и Западом, за исключением «продукции, поддающейся рециклингу», незаконной.

8.5 СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

На основании фактов, изложенных в этой главе (и представленных выше в схематической форме в текстовых таблицах 8л и 8.г), нетрудно сделать некоторые заключения относительно современных образцов глобализации окружающей среды. Во-первых, хотя экологические проблемы — местные, региональные и глобальные — имеют длинную историю, мы можем утверждать, что современные формы загрязнения окружающей среды более глобальны, чем в любом другом периоде

человеческой истории, и несут с собой самый существенный, с исторической точки зрения, набор всякого рода опасностей и угроз для человеческой жизни. Тот факт, что мы взираем на эту перспективу с головокружительных высот западного процветания, имеет свои причины и вызывает некоторую иронию. Во-вторых, эти угрозы и опасности создают проблемы истинно глобальные (истощение озонового слоя и глобальное потепление), косвенно глобальные (истощение ресурсов и последствия перенаселения), сугубо региональные (морское загрязнение), а также двусторонние, трансграничные и чисто национальные и локальные проблемы. Разные страны в разной степени сталкиваются с проблемами окружающей среды того или иного пространственного масштаба, последствия которых в той или иной степени привлекают к себе международный экологический интерес и требуют определенного рода действий и обязательств по отношению к окружающей среде. Тем не менее, совершенно ясно, что мы не можем с легкостью отделить экологическую политику от участия той или иной страны в решении международных проблем, связанных с окружающей средой. Для того чтобы понять, как международные экологические угрозы и обязательства по охране окружающей среды становятся проблемами внутривнутриполитическими и влияют на внутренние или международные политические акции, необходимо учитывать внутренние факторы.

В-третьих, хотя за время, прошедшее после войны, и экологические и политические проблемы обрели отчетливо выраженный глобальный характер, мы не сможем понять причины усиления загрязнения окружающей среды и политической реакции на этот процесс, если не примем в расчет глобализацию экономических вопросов. В экономической сфере происхождение и характер международных экологических проблем частично можно проследить по множеству глобальных явлений. Глобальное распространение индустриализации с Запада на

482

Юг и Восток значительно увеличило географический охват загрязнений, а наряду с этим значительно увеличилась совокупная способность планеты к потреблению ресурсов. Те модели индустриализации, которые были обусловлены сугубо национальными и локальными причинными факторами, тоже формировались под влиянием получивших глобальное распространение прозападных моделей экономического развития (как правого, так и левого толка).

Кроме того, международные экономические институты, которые предоставили часть капитала и инфраструктуры и взяли на себя большую часть экономических «консультаций» для такого развития (например, Мировой Банк) — внесли свой вклад в развитие этой экологически неустойчивой индустриализации (Schwartzman, 1986; Bank Information Centre, 1990). В странах с наиболее слабой экономикой и наиболее восприимчивой экологией эти процессы пошли по порочной нисходящей спирали разрушения окружающей среды и экономического отката. Кроме того, по некоторым индустриализирующимся странам Юга с их и без того ненадежной экономикой глобальная экономика нанесла удар, поскольку в течение последних двадцати лет цены на сырье и доходы от экспорта снижались, а международные рынки капитала ограничили ссуды для некоторых из них или ужесточили условия выплат для других. Причинная связь между этими глобальными экономическими ограничениями и процессом разрушения окружающей среды довольно сложна. Мы можем с уверенностью утверждать, что, например, неспособность большинства африканских стран, расположенных южнее Сахары, поддерживать темпы экономического роста, которые могли бы гарантировать быстро растущему населению достойный уровень индивидуального потребления, обусловлена отчасти ошибками национальных лидеров, отчасти — сомнительными сельскохозяйственными методами, которые способствовали прогрессирующему экологическому истощению плодородной земли. Но мы с такой же уверенностью можем утверждать, что международные экономические ограничения тоже сыграли при этом свою роль.

Итак, каково влияние этого исторически беспрецедентного уровня глобальной угрозы экологии окружающей среды на суверенитет и автономию развитых капиталистических государств? Мы считаем, что глобальные экологические опасности и угрозы в конце XX в. оказали значительное институциональное, дистрибутивное и структурное влияние на развитые капиталистические страны, а также на их сферу принятия решений. Действительно, вопросы, связанные с характером суверенитета и автономии даже самых крупных и наиболее мощных капиталистических государств, они ставят с большей ясностью, чем в какой бы то ни было другой форме, которую принимает процесс глобализации.

8.5.1 ВЛИЯНИЯ В ОБЛАСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Один из наиболее мощных ресурсов, имеющихся у развитых капиталистических государств, — их умение создавать специальные государственные учреждения и устанавливать законодательный контроль над программами, призванными решать те или иные возникающие перед ними внутриполитические проблемы. Их власть не является ни абсолютной, ни неоспоримой, но она весома и особенно эффективна при исключении некоторых вопросов из основных дебатов. Рост

483

дискуссий о глобальных проблемах окружающей среды, экологических движений и институтов гарантирует, что независимо от тех условий, в которых оказываются национальные движения защитников окружающей среды, немногие государства могут полностью исключить экологические проблемы из публичных дискуссий или воспрепятствовать выявлению своих собственных экологических проблем; высокоразвитые капиталистические страны особенно чувствительны к этим проблемам. Тем не менее бывают случаи, когда внутреннее экологическое давление становится главной силой, заставляющей устанавливать контроль над окружающей средой и регулировать возникающие в связи с этим проблемы. Международное давление на внутриполитическую ситуацию не всегда связано только с окружающей средой. Учитывая причины, в силу которых возникла, например, такая проблема, как глобальное потепление, национальная по своей сути политика в области транспорта, сельского хозяйства, лесоводства и энергетики все теснее переплетается с политикой международной, и она вынуждена считаться с международными обязательствами и перспективами на будущее. Это находит свое отражение в преобразовании некоторых государственных институтов. Традиционно узконаправленные министерства, такие как министерство транспорта и министерство сельского хозяйства, создали международные отделы, наладили регулярные международные контакты и трансправительственные связи.

Несмотря, однако, на то, что глобализация окружающей среды изменила баланс сил при составлении списка политических проблем, поменяла состав политических игроков, которых внутригосударственным политическим деятелям следует принимать в расчет, и изменила политические и бюрократические структуры существенно важных деталей национальных государственных машин, — несмотря на все это, ошибкой было бы сделать вывод, что развитые капиталистические государства обладают способностью создавать, регулировать и контролировать те самые экологические и экономические процессы, которые и вынудили их произвести все эти изменения. Экологическим службам развитых капиталистических государств понадобилось больше трех десятилетий, чтобы получить соответствующие законодательные и административные полномочия, обзавестись штатом сотрудников и научных экспертов, а также получить бюджетные ресурсы, необходимые для того, чтобы контролировать свою собственную национальную экологию. В развитых капиталистических странах неприятные последствия многих политических решений, принятых по поводу окружающей среды, для основных групп производителей и потребителей, а также вмешательство спорной экологической практики в сферу устоявшегося порядка повседневной жизни таковы, что немногие правительства, если таковые вообще имеются, проявили желание взять на себя затраты, связанные с реализацией — принудительной или добровольной — тех политических решений, которые могли бы привести экономическую и социальную практику в соответствие с требованиями глобальной экологической стабильности.

8.5.2 ДИСТРИБУТИВНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО С ЕДИНОЙ СУДЬБОЙ?

Существенное давление на развитые капиталистические государства оказывают коллективные проблемы окружающей среды, международные институты и

484

другие государства. Это давление принимает самые разнообразные формы в зависимости от степени участия той или иной страны в решении экологических проблем и от того, насколько она осознает свои интересы. Ибо ведущие экологические международные институты и страны создали механизм, вынуждающий другие государства принимать столь же высокие стандарты, как их собственные, — тем самым сводя к минимуму снижение международной конкурентоспособности, которое могло бы повлечь за собой внутригосударственное регулирование проблем, связанных с окружающей средой. Инертные государства, наоборот, хотя и соблюдают более строгие стандарты, чем могли бы они быть в ином случае, используют эти институты как инструмент для достижения других целей внешней политики, отклоняя внутреннюю критику и приобретая информацию и самые лучшие технологии, а при случае и финансовые дотации, от более богатых государств. Тем не менее перед лицом беспрецедентного глобального экологического кризиса все

дело заключается в том, могут ли международные экологические институты на самом деле решать проблемы, связанные с окружающей средой, и могут ли они решать их на демократической основе. Одно дело — передать, пусть даже декларативно, если не фактически, политическую власть национальных институтов институтам международным, и совсем другое — передать власть демократических государств с развитой капиталистической экономикой недемократическим и безответственным международным институтам. По крайней мере, мы должны иметь ясное представление о политических проблемах, которые могут возникнуть в результате подобного рода «обмена». Приведем два примера, чтобы прояснить суть дела.

История (в том объеме, в каком она известна нам из практики и по своим воздействиям) истощения озонового слоя и регулирования выбросов хлорфторуглеродов занимает позитивную сторону балансового счета. Успешные переговоры и протоколы 70-х и 80-х гг. XX в. сделали возможной появление общей международной схемы переговоров и помогли прийти к научному согласию перед лицом нестабильности. На основе этого появилась возможность принять политические решения о преобразовании производства и потребления хлорфторуглеродов сначала на Западе, а затем, благодаря новым финансовым механизмам, и на Юге. Однако медлительность переговоров, по сравнению со скоростью деградации окружающей среды, вызывает беспокойство, а относительная простота политических решений, принятых по поводу истощения озонового слоя (ограничение круга производителей, переход на другие материалы, отказ от использования не по назначению), вряд ли будет копироваться при решении других экологических проблем.

Случай глобального потепления иллюстрирует некоторые из причин, в силу которых международные экологические институты были до сих пор неспособны предложить долгосрочные рекомендации для решения многих проблем, связанных с окружающей средой. Трудно было прийти к соглашению по поводу перечня и масштаба экологических угроз. Глубокие разногласия были и относительно того, кто несет ответственность за возникновение проблемы, и в какой степени должен учитываться прошлый вклад в процесс глобального потепления при подсчете будущих затрат на восстановление. Факторов глобального потепления, как с точки зрения затрат на защиту окружающей среды, так и с точки зрения затрат на преобразование основных отраслей производства, таких как энергетика, сельское хозяйство и транспорт, такое множество, что прийти к соглашению по распределению этих затрат чрезвычайно сложно и трудно. Интересы разных государств и разных отраслей производства, существующих в рамках этих государств, радикальным образом отличаются друг от друга, и невозможно договориться о них за одну минуту. Даже там, где соглашение по поводу затрат и угроз в принципе возможно, международные институты не имеют ни морального веса, ни реальной исполнительной власти, чтобы принудить участников переговоров пойти на компромисс, заставить их пойти на серьезные уступки или совершить независимые акции.

На все эти расчеты национальные государства, если они того захотят, могут наложить эффективное вето, пребывая в бездействии и состоянии нерешительности. Не существует никакого механизма, с помощью которого можно было бы заставить несогласное государство принять то или иное решение. Но, даже если бы и был такой механизм, демократический статус этих процессов и результатов оставался бы спорным. Политические обсуждения и переговоры носят неизменно технический характер, а процесс принятия тех или иных решений — характер чаще всего безответственный. Скрываясь в водовороте международных переговоров, национальные правительства редко испытывают на себе значительное давление со стороны политических партий своей страны или кампаний в защиту окружающей среды. Хотя пространство для неправительственных экологических организаций в пределах этих институтов открыто, оно все еще невелико. Не существует сколько-нибудь значимых механизмов, с помощью которых можно было бы фиксировать или узнавать мнение национальной общественности или более широких сообществ с общей экологической судьбой. Так что перед лицом столь ошеломляющих коллективных глобальных проблем приходится признать, что нет более непродуктивной темы, чем сохранение государственной автономии или государственного суверенитета, и более прискорбного факта, чем отсутствие публичной ответственности.

Такие экологические проблемы, как глобальное потепление, истощение озонового слоя и использование ресурсов порождают «сообщество с общей экологической судьбой», которое превосходит любое отдельное национальное государство. Оно становится еще более прочным

из-за наличия таких явлений, как трансграничное загрязнение и экологическая взаимозависимость. По-видимому, сфера правового регулирования современного политического сообщества и степень взаимных обязательств, прав и обязанностей больше не ограничиваются пределами одной нации. Ясно, что географический охват экосистем и деградации окружающей среды позволяет экологическим проблемам с легкостью ускользнуть за пределы суверенной власти даже самого большого из развитых капиталистических государств. Никакое государство не обладает автономной способностью контролировать качество своей атмосферы, предотвращать загрязнение, приносимое ветром или, если уж на то пошло, предотвращать все отрицательные последствия своих собственных решений по поводу окружающей среды, которые перемещаются в пределы других стран. Более того, традиционный оплот государственного суверенитета — военная мощь — для защиты или расширения пределов этого суверенитета, хотя бы даже ценой жизненных интересов, оказывается теперь не просто бесполезна, а более чем бесполезна. Нет, разумеется, никакой надобности доказывать, что традиционные поводы для беспокойства в международной поли-

тике и традиционные представления о национальной безопасности претерпевают в наше время серьезные изменения (см. гл. 2) (Myers, 1993b). То же самое можно сказать и о проблемах трансграничного загрязнения, региональных «ничейных» компонентах окружающей среды и внешних проявлениях международной экономики, которые имеют более ограниченный географический масштаб. Неудивительно поэтому, что развитые капиталистические государства, способствуя приумножению договоров, институтов, соглашений и программ для разработки и принятия совместных решений по поводу этих общих угроз, находят, что представления о национальном суверенитете и автономии перед лицом глобализации экологических и политических проблем должны быть пересмотрены.

Эндрю Харрелл удачно обобщил все рассмотренные нами точки зрения, указав на то, что глобализация проблем, связанных с окружающей средой, имеет три структурных последствия для развитых капиталистических государств (Hurrell, 1994) — Во-первых, институционализация международных режимов, соглашений и организаций может поставить под вопрос юридическую и нормативную независимость развитых капиталистических государств, хотя это ни в каком случае не гарантирует их коллективную способность контролировать экологические опасности. Во-вторых, на внутригосударственном уровне способность развитых капиталистических государств самим справляться как с локальными, так и глобальными по своему происхождению экологическими проблемами независимо от намерений политических деятелей может оказаться недостаточной. Оба эти обстоятельства вносят свой вклад в третье структурное воздействие глобализации экологических проблем: поскольку возможности развитых капиталистических государств оказываются недостаточными для того, чтобы справляться с проблемами окружающей среды, это бросает явный вызов их внутригосударственной легитимности. Это вовсе не означает, что национальному государству, по всей видимости, наступает конец; скорее следует признавать, что глобализация экологического риска способствует коренным изменениям в природе и практике государственного суверенитета и автономии.

8.6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные модели глобализации окружающей среды во многих существенных отношениях являются исторически беспрецедентными. Оптимисты экологического движения утверждают, что возрастающее признание глобальной экологической взаимозависимости и моральная риторика глобального экологического движения бросают вызов национальному государству как традиционному средоточию политической легитимности и средоточию политической идентификации. Конечно, они могут указать на некоторые реальные изменения в представлениях международной политической мысли об окружающей среде. Путь от Стокгольмской конференции 1972 г. до конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и далее отмечен реальными изменениями, в то время как существенно возросла способность неправительственных экологических организаций обеспечивать внутригосударственную поддержку решениям, принятым по поводу международных проблем, связанных с окружающей средой. Тем не менее наберется, по-видимому, совсем немного явных свидетельств, позволяющих предполагать, что подобно рода изменения уже прочно укоренились в общественной жизни, если не счи-

тать активных сторонников экологической политики из наиболее богатых стран ОЭСР. Точно так же имеются серьезные основания полагать, что неспособность некоторых правительств

регулировать проблемы, связанные с окружающей средой, и их склонность давать обещания в том, что их страны будут соблюдать более высокие стандарты безопасности и качества окружающей среды, чем они способны обеспечить, внесли свой вклад в снижение степени общественного доверия к правительству в развитых капиталистических странах. Но в таком случае можно указать на массу не менее серьезных причин, не имеющих никакого отношения к окружающей среде, но которые вызвали эту эрозию общественной легитимности (Beck, 1992, 1995; Goldblatt, 1996). Тем не менее одно представляется несомненным: способность экологической глобализации создавать потенциальный риск и угрозу развитым капиталистическим государствам намного превышает имеющиеся у них возможности справляться с этими угрозами и создавать для этого альтернативные идентичности и дееспособные международные институты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация не является ни абсолютно новым феноменом, ни социальным явлением, свойственным исключительно современности. Ее формы менялись на протяжении времени и в зависимости от ключевых сфер взаимодействия людей — от политической до экологической. Кроме того, как пытались мы показать в предыдущих главах, глобализация в качестве исторического процесса не может быть описана как процесс эволюционного развития или спонтанного движения к заранее определенной цели. Исторические модели глобализации свидетельствуют о том, что этот процесс характеризуется чередованием колоссальных прорывов и попятных движений, тогда как временные ритмы глобализации в разных регионах земного шара тоже отличаются друг от друга. В этой, заключительной, главе мы попытаемся синтезировать сюжеты, изложенные в предыдущих главах, и дать общую панораму современного состояния глобализационного процесса. В частности, мы хотим непосредственно обратиться к трем вопросам, поставленным во Введении, но на которые только теперь мы можем ответить с некоторой долей уверенности:

- представляет ли собой современная глобализация новое состояние?
- связана ли глобализация с исчезновением, возрождением или преобразованием государственной власти?
- налагает ли современная глобализация новые ограничения на политику? как можно ввести ее в «цивилизованное» и демократическое русло?

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЧТО НОВОГО?

В предыдущих главах мы, так или иначе, использовали четырехэтапную периодизацию процесса глобализации, выделяя досовременную (premodern), раннесовременную (early modern), современную (modern) и новейшую (contemporary) стадии ее развития. По этой причине основное внимание сосредоточено в основном на четырех отличающихся друг от друга исторических формах глобализации, в каждой из которых по-своему сочетаются пространственно-временные и организационные характеристики. Хотя заселение планеты биологическим видом *homo sapiens* началось много тысячелетий тому назад, и этот период можно было бы представить как форму глобализации — в том смысле, что началось проникновение людей из Африки и Евразии во все пригодные для жизни части планеты, — тем не менее этот процесс состоял из ряда спорадических глобальных потоков в отличие от устойчивых глобальных отношений и связей. Исходя из этих соображений, мы не затрагивали вовсе доисторическую или доземледельческую эпоху, а предпочли сосредоточиться на анализе основных пространственно-временных и организационных особенностей четырех последующих исторических стадий глобализации. Сведя воедино аргументы и исторические свидетельства, изложенные в предыдущих восьми главах, мы можем теперь систематически описать основ-

489

ные черты первых трех из выделенных нами исторических форм глобализации, что послужит прелюдией к выяснению того, чем отличается ее новейшая стадия.

ДОСОВРЕМЕННАЯ СТАДИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Досовременная эпоха охватывает, конечно, чрезвычайно длительный период, который начался примерно 9—11 тыс. лет назад с возникновения изолированных друг от друга центров оседлой аграрной цивилизации в Евразии, Африке и Америке. В течение нескольких последующих тысячелетий эти и более поздние цивилизации научились распространять свою власть на большие расстояния и вести торговлю с еще более удаленными территориями.

Общим признаком этой эпохи является то, что глобализационный процесс, во всех его многочисленных формах, носил в то время ограниченный характер, и, хотя во многих сферах деятельности — особенно в транспортных и коммуникационных — возникали существенные социальные и инфраструктурные инновации, возможности для налаживания устойчивых глобальных взаимосвязей были чрезвычайно ограничены низким уровнем развития технологии. Кроме того, это была эпоха, когда для глобализации характерны были прежде всего, хотя и не исключительно, межрегиональные или междивизиационные переплетения в пределах Евразии. Океания же и Америка оставались автономными цивилизациями, в то время, как имелись незначительные прямые или упорядоченные сети или потоки, связывающие вместе западную (Атлантическая Европа), восточную (Юго-Восточная Азия и Япония) и южную (Южная Африка) оконечности афро-евроазиатского земельного массива. Тремя основными проводниками глобализации в эту эпоху были: политические и воинственные империи, мировые религии и миграционные перемещения как степных кочевников, так и аграрных обществ, население которых постепенно осваивало обитаемые, но невозделанные регионы. Дальняя торговля между регионами и цивилизациями составляла в это время четвертый, но несколько менее интенсивный источник глобализации. Формирование империй и расширение военной власти и продолжительных политических отношений на большие расстояния может быть прослежено со времен Шумерского царства, существовавшего в III тыс. до Р. Х. По своей географической протяженности, долговечности, изначальной прочности и слаженности работы государственного механизма имперские системы заметно отличались друг от друга, равно как и по своим усилиям и стратегиям, направленным на институционализацию этих отношений (об империях см. гл. 1 и 7). Однако эти империи в основном представляли собой крайне ограниченные формы глобализации. Большинство империй, существовавших в ту эпоху, занимали небольшие территории и оставались локальными. Разумеется, наиболее успешные и продолжительные из этих имперских цивилизаций тем или иным образом оказывали влияние на регионы, в которых они находились и между которыми впоследствии происходили столкновения глобального уровня; таковыми были: индийская цивилизация, Китайская империя при династии Хань, Западная Римская империя. Наряду с имперскими образованиями эта эпоха стала свидетелем возникновения, распространения и стабилизации так называемых мировых религий. Их универсальная весть о спасении, способность преодолевать культурные различия и объединять разные культуры, их инфраструктура теок-

490

ратий и широкое распространение священных текстов составили один из самых значительных эпизодов межрегиональных и междивизиационных столкновений (см. гл. 7). Однако мировые религии прежде чем они охватили почти все ранние империи оставались в пределах одного-двух регионов или одной-двух цивилизаций. Возникновение ислама в VI в. н. э. является в этом смысле исключением, будучи, возможно, первой глобализированной мировой религией. Третьим проводником глобализации были спорадически возникавшие, но разрушительные передвижения и завоевания, берущие начало от кочевых империй центральных евроазиатских степей. Участниками этих передвижений были германские племена, которые в V в. н. э. завоевали Западную Римскую империю и осели в Западной Европе и Северной Африке; а в период с XII по XIV в. — монголы. За каждой волной вторжения следовали, как правило, опустошение, принудительное переселение, порабощение, чума. Действительно, эта эпоха завершается разрывом и ослаблением многих из тех дальних связей, что были установлены в предшествующее тысячелетие и оказались разрушенными в результате кризиса, который принесла с собой в XIV в. «Черная смерть», и ослаблением, а потом и окончательным падением монгольской империи. Хотя все эти крупные передвижения оставили, конечно, после себя неизгладимые следы, институты и навыки общественной жизни, изначальное военное расширение этих кочевых народов часто перевешивала их продолжительное культурное, экономическое и политическое наследство. Напротив, более медленное, но непреклонное распространение сельскохозяйственных народов и государств на территориях, занятых охотниками и собирателями, оставило более глубокие исторические следы.

Глобализация, определяемая в этом контексте как межрегиональное и междивизиационное столкновение, осуществлялась в эту эпоху главным образом посредством военной и культурной власти и человеческих миграций — примерами чему могут служить воинствующие империи,

мировые религии, вторжения кочевников и распространение агрикультуры, сопровождавшиеся перемещением человеческих болезней. Политическое взаимодействие, если понимать под ним институционализированное, упорядоченное правление и осуществление властных полномочий, установить было гораздо труднее, и поэтому радиус его действия был намного меньше, чем у военной власти и влияния культуры. Экономические формы глобализации существовали в течение всего этого периода. Наряду с распространяющимся исламом это были единственные формы социального взаимодействия, которые достигли значительной степени глобальной протяженности. По сравнению с последующими эпохами глобализацию досовременного периода лучше всего охарактеризовать как разновидность «тонкой глобализации» (см. Введение). Цивилизации Океании и Америки оставались изолированными от Евразии и Африки. Фактически цивилизации этих регионов остались в значительной степени изолированными друг от друга, о чем свидетельствует чрезвычайно медленное или даже вовсе отсутствовавшее распространение выведенных сортов зерновых культур и технологий. Хотя между Евразией и Африкой существовали некоторые контакты, потоки и отношения в районе южнее Сахары, пустыня оказалась почти столь же эффективным средством обособления этих регионов друг от друга, как океаны — средством обособления обоих этих материков от Америки. Исламская культура, редкие караванные пути, по которым купцы, передви-

491

гающиеся на верблюдах, пересекали пустыню и вели торговлю вдоль побережья Индийского океана, способствовали установлению контактов между африканскими цивилизациями и Евразией. В пределах самой Африки, благодаря направленной на юг экспансии аграрной цивилизации народа банту, возникли дальние миграционные потоки, распространялись языки, металлургические и сельскохозяйственные навыки (Curtin, 1984). Тем не менее подавляющее большинство межрегиональных и межкультурных контактов и отношений происходило в пределах Евразии. Большая часть установившихся торговых, культурных и военных отношений приходилась на долю исламских стран Леванта и Ближнего Востока, центрально-азиатских степей, индийской цивилизации и Китая.

Количественные показатели интенсивности глобальных потоков, характеризующие локальные и региональные потоки той эпохи, привести фактически невозможно, как нельзя дать и точных оценок скорости передвижений. Как было сказано выше, спорадические стычки, особенно в тех случаях, когда цивилизации, их экологические особенности, генофонды и т. д., прежде существовавшие изолированно друг от друга, сталкивались впервые, могут оказаться гораздо сильнее в плане произведенного ими влияния, чем более устойчивые глобальные взаимодействия. Во всяком случае, военные и политические структуры не в состоянии были распространить отношения, свойственные регулярной форме правления, на действительно глобальные расстояния. Где бы ни предпринимались попытки подобного рода — например, в Арабском халифате на ранних этапах его истории, в монгольских империях XIII в., — всюду такая форма правления оказывалась чрезвычайно хрупкой. Но в некоторых случаях культурные и экономические отношения распространялись на более дальние расстояния, примерами чего могут служить торговля между Европой и Азией, торговля вдоль побережья Индийского океана и исламский мир, охвативший несколько континентов. Их влияние, однако, носило преимущественно характер диффузии и было более ограниченным, чем влияние военной и политической экспансии. Степень распространения новых религиозных идей была довольно значительной, хотя о пределах преобразующей мощи мировых религий свидетельствуют крайние географические точки, которых им удалось достигнуть. Причем почти всюду они были вынуждены идти на значительные теологические и обрядовые уступки, чтобы приспособиться к местным анимистическим представлениям и жреческим культам (ислам на побережье Индийского океана и в районе Сахеля, христианство на окраине крещеного мира среди кельтских племен) или к влиянию других мировых религий, распространяющихся на тех же территориях (буддизм и конфуцианство в Китае). Контакты и отношения между элитами, хотя и более «тонкие», чем эти столкновения, носили более интенсивный характер и служили каналами для налаживания более массовых коллективных диалогов и циркуляции новых идей и технологий. Влияние экономических связей было более ограниченным. Торговля и доход от торговли, имели, разумеется, жизненно важное значение для благосостояния многих государств и элит, которые прокладывали и охраняли главные торговые маршруты той эпохи. Кроме того, они играли существенную роль в качестве связующего звена, благодаря которому устанавливался культурный контакт между цивилизациями и осуществлялась передача технологий. Но подавляющее большинство населения земного шара

оставалось, в плане экономических отношений, совершенно в стороне от этих потоков.

492

Инфраструктуры глобализации этой эпохи были чрезвычайно разнообразны и неравномерны. Некоторые части мира оставались вообще незатронутыми ими. Многие регионы за пределами столичных центров имели лишь самые слабые связи с одной только метрополией, не говоря уже о других более отдаленных центрах власти. Размер и масштаб имперских систем в значительной степени определялся протяженностью любой данной инфраструктуры: в Римской империи и государстве инков дороги, в конце концов, не простирались за пределы их границ.

Инфраструктуры наземных путей сообщения оставались по большей части неизменными на протяжении всего этого периода. После того как были одомашнены или приручены животные для обеспечения перевозок — лошади, слоны, волю, верблюды, — скорость и частота путешествий стала зависеть только от степени их безопасности и поддержания в должном порядке ограниченного числа дорог. Но технологии дорожного строительства, продовольственное и материально-техническое обеспечение вдоль сухопутных путей, хотя и обеспечивалось благодаря усилиям Рима, но почти не улучшалось на протяжении всего этого периода. Даже в Китае каналы оставались в зачаточном состоянии, и при дорожных перевозках рассчитывали в основном на выючных животных, так что использовались каналы, во всяком случае в экономических целях, крайне редко и лишь для транспортировки ценных грузов и предметов роскоши. Иллюстрацией ко всему сказанному могут служить трансевроазиатские маршруты от Восточной Азии до стран Леванта, такие как Великий шелковый путь (Abu-Lughod, 1989). Некоторые усовершенствования и инновации произошли в сфере кораблестроительной технологии и водного транспорта. Сети торговли и путей сообщения могли быть установлены скорее на трансокеаническом уровне, нежели в пределах небольших замкнутых морей античного мира. Мусульманские купцы регулярно пересекали Индийский океан и устанавливали сети торговых отношений вдоль западного побережья Африки и на островах Юго-Восточной Азии (Chaudhuri, 1985, 1990). Появление и распространение письменности, затем начало книгопечатания и создание книгохранилищ означало, что теперь эти хрупкие инфраструктуры могли поддерживать все усиливающееся взаимодействие и обмен между культурами, но этот процесс по-прежнему был ограничен немногочисленными представителями теократических, военных и политических элит, торговцами-авантюристами и путешественниками. Таким образом, скорость регулируемых глобальных потоков была низкой; сообщения, товары, должностные лица и распоряжения могли циркулировать лишь с такой же скоростью, с какой мог их перевозить немеханизированный транспорт. Военные потоки могли передвигаться со скоростью чуть большей, чем все остальные, но и она была, в общем-то, минимальной.

Почти никаких институциональных форм глобального или хотя бы межрегионального и межцивилизационного регулирования в эту эпоху не было. Кое-где есть элементы зарождающейся дипломатии, встречаются отрегулированные межцивилизационные системы сбора дани, особенно в отношениях между Китаем и его доменами. Имела место также некоторая регуляция общекультурной жизни, которая обеспечивалась выработкой общей религиозной точки зрения и институционализированной церковью и теократией во всех христианских и исламских странах; хотя в обоих случаях сохранялась значительная фрагментация в виде различных религиозных учений и политических единиц. За пределами христианского и исламского мира по-прежнему происходили столкновения меж-

493

ду регионами и цивилизациями, носившие главным образом случайный и конфликтный, а не институциональный и регулируемый характер. Для понимания этой эпохи важно проводить различие между влиянием глобальных потоков — нередко представлявших собой случайные пересечения или стычки между цивилизациями и регионами — и влияниями устойчивых взаимоотношений. Влияние первых, т. е. таких потоков, как вторжения извне, обращение в веру, практиковавшееся мировыми религиями, или наступление пандемий, бывало зачастую громадным и заканчивалось крахом или изменением границ существовавших в ту пору государств.

Примерами таких потоков служат нашествия варваров на романскую Европу, обращение в ислам населения юго-западной Азии и северной Африки, эпидемия чумы, обрушившаяся на Китай в период правления династии Хань и распространении военных технологий по Евразии вслед за вторжением монголов. В тех случаях, когда эти потоки сопровождались устройством поселений для беженцев и недовольных, образованием новых политических систем и новых экономических отношений и методов ведения хозяйства, их влияние было более продолжительным. Влияние

более устойчивых взаимоотношений, таких как торговля, носило концентрированный характер. От торговли зависела главным образом величина государственных доходов и благосостояния торговых городов и сословий, в некоторых регионах она в течение долгого времени оказывала влияние на внутреннее производство. Однако большая часть населения земного шара в течение всей этой эпохи оставалась в стороне от этих экономических взаимодействий.

РАННЕСОВРЕМЕННАЯ СТАДИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ОК. 1500-1850)

Первые десятилетия XVI в. — условная дата, отмечающая начало того процесса, который принято называть «возвышением Запада»: исторического процесса, в результате которого возникли и получили дальнейшее развитие основные институты современной Европы, а европейские народы овладели технологиями и энергетическими ресурсами, которые со временем превысили ресурсы, доступные какой бы то ни было другой цивилизации, и способствовали созданию глобальных европейских империй (McNeill, 1963; Giddens, 1990). Следует подчеркнуть, что наше описание процесса глобализации не является ни пересказом общеизвестной истории возвышения Запада, ни изложением всемирной истории. Мы считаем, что европейская экспансия не была предначертана заранее и носила скорее вероятностный, а нередко и весьма хрупкий характер. Кроме того, мы считаем, что европейские инновации и европейская экспансия опирались не только на те изобретения, которые были сделаны в самой Европе, но и на евразийские технологии, ставшие известными европейцам и адаптированные ими. Европейская экспансия этой эпохи не была в полном смысле слова глобальной. Она ограничивалась главным образом Америкой и Океанией. Европейцы смогли победить и завоевать империи и племенные объединения Океании, Северной Америки и островов Карибского моря, а также аграрные государства Центральной и Южной Америки. Однако их возможности проникнуть в Африку и Азию оказались гораздо более ограниченными. Более того, как показывает эта модель «неполноценной глобальной экспансии», властные отношения между Европой и ее американскими колониями, а также крупными государствами и цивилизациями исламского

494

мира, Индии и Восточной Азии оставались строго сбалансированными в течение почти всей этой эпохи. Тем не менее основание европейских империй в Америке в XVI—XVII вв. и в Океании в XVIII—XIX вв. способствовало тому, что эти континенты и регионы, находившиеся до тех пор в изоляции, вошли в сферу действия новых и разнообразных глобальных отношений. Одновременно с этим в Западной Европе и Северной Америке происходил ряд событий, положивших начало социальным инновациям, которым суждено было преобразовать и углубить эту стадию глобализации.

Движущей силой глобализации в этот период были демографические, экологические и эпидемиологические потоки между Европой, Америкой и Океанией. Они усилились благодаря более длительным политическим и военным отношениям и образованию глобальных европейских империй. Кроме того, начали набирать темп новые формы экономической глобализации вроде тех, что положили начало крупным торговым компаниям (см. гл. 5). К середине XIX в. преобразование Америки и островов Карибского моря в результате воздействия, которое оказали на них европейские народы, империи, религии, флора, фауна и микроорганизмы, было закончено, и началось преобразование Австралии и Океании. На западном побережье и юге Африки были основаны малочисленные европейские поселения. На юге Азии усилилось британское присутствие в Индии, в то время как дальше к востоку, на островах и архипелагах Юго-Восточной Азии, стало ощутимым пока еще слабое влияние европейцев: испанцев — на Филиппинах, голландцев — на острове Ява, португальцев — в Макао и на Тиморе. Россия упорно осваивала обширные равнины и тундры Центральной Азии и Сибири, распространяя на эти территории свою власть и приближаясь к тихоокеанскому побережью.

Эти узловые точки общеевропейской империи были связаны между собой все более крепнущими глобальными экономическими отношениями, хотя в Евразии в течение какого-то времени многие межрегиональные модели торговли оставались такими же, что были и прежде, за исключением торговли пряностями, которую захватили себе европейцы. Со временем европейские колониальные корпорации — такие как Голландская и Британская Ост-Индские компании, — еще до того, как они, ближе к концу этого периода, были распущены и заменены колониальной администрацией, упорядочили многие аспекты колониальной торговли и экономических отношений. Трансатлантические торговые отношения — сначала это была торговля слитками золота, которые вывозились из Америки, потом появился «треугольник» работорговли и установились торговые взаимосвязи между Африкой, Америкой и Европой — достигли своего

апогея в период с XVI—XVIII вв. Действительно, в течение двух столетий торговля рабами была ядром трансатлантических экономических взаимоотношений, но к концу этой эпохи она сошла практически на нет (см. гл. 3 и 6). На ее месте вслед за европейской и американской индустриализацией возникала более интенсивная торговля сырьем, сельскохозяйственными продуктами и промышленными товарами. Одновременно с этим развивались международные банковские институты, и появился небольшой, но увеличивающийся поток финансовых инвестиций из Англии в Америку.

Мы уже говорили о том, что в досовременную эпоху интенсивность глобальных потоков и взаимосвязей вообще была ниже по сравнению с локальными.

495

Случайные потоки и первые столкновения между изолированными друг от друга странами и цивилизациями порождали иногда интенсивные одноразовые взаимосвязи, но институционализация и регуляция военной и политической власти на континентах была трудна и оказывалась устойчивой только на региональном, хотя нередко и на крупно региональном, уровне.

Экономические и культурные связи поддерживать было легче, но они существовали почти исключительно между элитами. Эта же модель, в общем, воспроизводится и в раннесовременную эпоху, но уже в контексте изменившегося глобального соотношения сил и на фоне европейского завоевания прежде изолированных континентов — Америки и Океании. Таким образом, хотя европейской военной и технической мощи хватило на то, чтобы пересечь Атлантический океан и сокрушить общества, существовавшие в Америке, европейские государства были не в состоянии ни *de facto*, ни *de jure* поддерживать контроль над многими из своих колониальных владений. К концу этой эпохи американцы освободились от британской зависимости, а большая часть Латинской Америки добилась независимости от Испании и Португалии. Контроль над остатками этих империй в Канаде и на островах Карибского моря был ограничен. Можно сказать, что глобальные экономические взаимодействия становились более интенсивными — конечно, для государств и обществ, наиболее тесно связанных с трансатлантической торговлей и трансатлантическими перемещениями. Поставки слитков золота из Америки в Испанию и Португалию приобрели такие размеры, что финансовые системы этих государств потерпели крах (Braudel, 1984). Хотя в конце концов отношения между работорговлей и плантационной экономикой, с одной стороны, и европейским накоплением капитала и индустриализацией, с другой, были решительно разорваны, очевидно, что эти глобальные экономические взаимодействия оказали большее влияние, чем просто расширение диапазона элитного потребления и затрат государственных финансов (Solow and Engerman, 1988; Blackburn, 1997). Новые отрасли промышленности и банковское дело, торговые и страховые компании и системы отношений, возникшие в северо-западной Европе — все это появилось именно на этой волне экономического взаимодействия.

На протяжении большей части этой эпохи инфраструктуры глобализации, как транспортные, так и коммуникационные, были основаны на технологиях, мало чем отличающихся от технологий предыдущей эпохи. Распространение книгопечатания в Европе, разумеется, способствовало ускорению и увеличению объемов культурного обмена. К концу этой эпохи появились железные дороги, пароходы, сделанные из железа, усовершенствовалось строительство каналов и дорог, что облегчало взаимосвязь на больших расстояниях. Но ни одна из этих технологий не получила большого распространения за пределами нескольких западных государств. Тем не менее расширение европейской экономики позволило интенсивнее, чем прежде, пользоваться всеми этими технологиями, особенно океанскими перевозками. Военные и политические инфраструктуры чрезвычайно расширились по своему охвату, протянувшись от Европы до Америки и Океании (см. гл. 1 и 2). Формирование связанных между собой рынков, расположенных по всему побережью Атлантического океана и от Европы по всей Африке на восток тоже сыграло свою существенную роль, так как позволило европейским торговцам постепенно обойти исламские страны (см. гл. 3). Одновременно с этим появились первые многонациональные корпорации, такие как Голланд-

496

екая и Британская Ост-Индские компании, хотя по своей структуре и функционированию они радикально отличались от современных многонациональных корпораций (см. гл. 5). Но скорость потоков в границах этих более устойчивых инфраструктур обмена и правления все еще ограничивалась скоростью морского судна и лошади.

Опять-таки, степень институционализации и регулирования этих глобальных отношений оставалась

весьма ограниченной. В пределах Европы возникла система межгосударственной дипломатии и взаимного признания, а также многостороннего регулирования разных аспектов межгосударственного поведения, осуществлявшегося путем заключения таких союзов, как «Европейское согласие» (Concert of Europe). Это сообщество европейских государств также стремилось, во все возрастающей степени и разными методами, распространить «нормы цивилизации» за пределы Европы и ее имперских аванпостов (Watson, 1992, 199/)-Вместе с тем чрезвычайно расширилась сфера влияния институтов Римско-католической церкви, хотя, — как и в случае с колониями и зависимыми от европейских государств странами — возможности центра контролировать периферию и у нее во многих отношениях были весьма ограничены. Столь же невелики были возможности и у периферийных аванпостов европейских империй работать, не принимая во внимание местные обстоятельства и местные институты.

Как в досовременную эпоху глобализации, так и в рассматриваемую нами сейчас первичные контакты и единичные потоки могли привести к мгновенному преобразованию или разрушению, тогда как влияние более стабильных отношений нередко сказывалось довольно медленно и было не столь однозначным. Первые европейцы, прибывшие в Латинскую Америку, занесли с собой и представителей евроазиатской флоры, фауны и микроорганизмов, что оказалось чрезвычайно важным событием для местных народов (см. гл. 6 и 8). Более длительные потоки, устремленные в Америку и из России в Сибирь, не производили столь непосредственных эффектов, но в конечном счете закончились глубокими демографическими, экологическими и политическими изменениями, произошедшими в этих регионах. Воздействие работорговли на африканские общества было разным, поскольку одни сообщества разрушались или распадались, в то время как другие преуспевали на почве сотрудничества с работорговцами. Но внутренние районы африканского континента оставались закрытыми для внешних влияний. В той части Азии, которая находится за пределами Индии, воздействие этих глобальных взаимосвязей не нашло никакого отклика. Культурный, военный и политический потенциал основных властных структур этого региона на протяжении большей части рассматриваемого нами периода оставался достаточно велик для того, чтобы глобальные связи были сведены к минимуму и вообще не оказывали почти никакого влияния на внутреннюю жизнь азиатских стран.

Возможно, наибольшее влияние все эти глобальные столкновения оказали на саму Европу. Хотя ее экономическая история все еще вызывает споры, можно с полным правом утверждать, что доступ к богатству и изобилию Нового Света, освобождение от избытка населения, обеспеченное трансатлантическими миграциями, и такой стимул, как соперничество между империями, — все эти факторы внесли свой вклад в развитие новых технологий и институтов внутри Европы, т. е. тех сил, которые во второй половине XIX в. будут в полной мере «развернуты» во всем мире.

497

В гл. 6, описывая миграции населения, мы уже отмечали, что для большей части истории человечества такие понятия, как «центр» и «периферия», «город» и «деревня», являются лучшей моделью политического пространства, чем когда его четко разбивают на участки в соответствии с установленными политическими границами. Но как раз в эту эпоху в Европе возникли новые формы территориального деления и появились — если не всегда в действительности, то, по крайней мере, на бумаге — фиксированные и демаркационные границы, ограждающие суверенное и автономное государство (см. гл. i, раздел о государстве и формировании границы). Развитие суверенных территориальных государств и их отношений с нациями происходит в течение всех выделенных нами эпох глобализации (см. гл. 7. раздел о понятиях и формированиях, которые в раннесовременную эпоху предшествовали нациям, государствам и национализму). Но можно с полным основанием утверждать, что эти процессы оставались не вполне завершенными в Европе — не говоря уж о государствах за ее пределами — вплоть до середины XIX в. Историю государства и формирования его границ, а также историю его отношений к глобализации мы рассмотрим ниже. Именно эта «история», равно как и новые формы и нарастающая интенсивность процесса глобализации, отмечает главный водораздел между раннесовременной и современной эпохами.

СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (ОК. 1850 — 1945)

Если некоторые из обширных и все более интенсифицирующихся глобальных структур и потоков были созданы в основном под контролем европейских держав, еще за три с половиной столетия до 1850 г., то следующий период, начавшийся с этого момента, стал свидетелем того огромного ускорения, которое получил процесс их распространения и

укрепления. Страны Запада в течение целого столетия, начиная с середины XVIII в., наблюдали за ураганом структурных экономических и политических преобразований. Европейские страны освоили или начали осваивать индустриально-капиталистический способ производства, разработали чрезвычайно усовершенствованные оружейные и военно-морские технологии и создали государственные институты, набиравшие все большую мощь. Благодаря всем этим инновациям территориальный охват западных глобальных империй, а стало быть, и влияние западной экономики и культуры, резко возросли. Европейская власть проникла почти во все уголки земного шара, которые прежде считались недоступными (районы Африки южнее Сахары) или куда европейцев всячески старались не допустить (Восточная Азия). Схватка за Африку, раздел Китая на сферы влияния, колонизация большей части Северной Африки и Юго-Восточной Азии, «открытие» Японии, — все это произошло после 1850 г. На фоне этого огромного расширения глобальных политических и военных отношений появились чрезвычайно обширные, интенсивные и социально значимые модели экономической глобализации — резко подскочили объемы глобальной торговли и инвестиций. Великие трансатлантические миграции из Европы в Новый Свет достигли максимума, превратившись в огромные потоки перед самым началом Первой мировой войны. В результате прекращения работорговли появились огромные волны работающих по контракту, которые покидали Азию и в поисках работы отправлялись в Северную и Южную Америку, в европейские колонии, расположенные в Океании, Азии, Африке и на островах Карибского мо-

498

ря. Усилилось распространение культурных образцов и взаимосвязей, распространились новые транспортные и коммуникационные технологии — железные дороги и телеграф, — и угроза того, что весь земной шар превратится в европейскую империю, побудила другие страны вступить в неравное культурное единоборство с Западом. Кроме того, эта эпоха стала свидетельницей начала новой волны международных взаимосвязей по проблемам окружающей среды, поскольку в Европе были зафиксированы первые случаи трансграничного загрязнения, хотя и небольшие по своим масштабам; набирало темпы уничтожение тропических лесов, происходившее с одобрения колониальных властей, а глобальное распространение промышленности и использования топлива органического происхождения привело к тому, что уже в то время начал изменяться, хотя еще и незаметно, состав атмосферы. Этот этап интенсивной и многогранной глобализации был резко и неожиданно остановлен начавшейся Первой мировой войной.

Основной чертой этой эпохи было то, что политический и военный охват европейских и американских империй достиг своего максимума, создав поистине глобальную структуру взаимосвязей, хотя и разделенную на фрагменты имперским соперничеством. Владения Британской империи распространялись на ее «белые доминионы» (Канаду, Австралию и Новую Зеландию), острова Карибского моря и Индию до границы с Бирмой, на острова Тихого океана и аванпосты в Китае, а также на всю южную и восточную Африку. Точно так же французы распространили свое владычество до Индокитая, взяли под контроль большую часть Северной Африки и предъявляли претензии на части Тихого океана и большую часть Западной Африки. Американская республика достигла, наконец, тихоокеанского побережья, закрыла границу и в порыве почти не требовавшей никаких усилий имперской экспансии приобрела у русских явно бесплодный штат Аляска и аннексировала острова Мидуэй в северо-восточной котловине Тихого океана. После поражения испанцев в войне 1898 г. к американцам отошли Гавайские острова, острова Уэйк, остров Гуам и Филиппины. В этом отношении то была эпоха, во времена которой насильственные формы глобализации приобрели поистине глобальный размах. Наряду с этими образцами политической и военной глобализации возникла огромная сеть международных экономических взаимодействий и потоков, которые по своей протяженности были подлинно глобальными. Торговля и инвестиция взмыли на новый исторический уровень, и, несмотря на то что экономические потоки между развитыми странами были весьма значительны, наибольший по своему объему экономический обмен происходил все-таки между имперскими центрами и периферией. Точно так же и модели перемещений становились более глобальными по мере возрастания трансатлантических миграций; параллельно с ними в эту эпоху начали возникать крупные азиатские диаспоры: индусы устремлялись на острова Карибского моря, в Африку и на тихоокеанские острова, китайцы — в Северную Америку и Юго-Восточную Азию, японцы — в Латинскую Америку.

Интенсивность глобальных отношений во многих сферах человеческой деятельности тоже возросла — наиболее же отчетливо в сферах торговли, капиталовложений и миграции. Соотношение объемов торговли и ВВП в развитых странах и в отдельных экономических секторах достигло новых высот (см. гл. 3).-Высокие уровни реальных иностранных инвестиций имели жизненно важное значение для индустриализации и инфраструктурного развития США, части Вое-
499

точной Европы, Скандинавии и некоторых стран Латинской Америки (см. гл. 4). Абсолютная численность мигрантов и их соотношение с численностью местного населения вообще и работоспособного в частности были одинаково значительны (см. гл. 6 о трансатлантических миграциях и азиатских диаспорах). Их влияние на экономику тоже было весьма существенным. Американская индустриализация процветала за счет притекающих в США потоков дешевого труда, в то время как европейская индустриализация была более быстрой и в социальном плане более спокойной, чем могла бы быть, если бы не такой спасительный клапан, как миграция бедных, безземельных и безработных. Интенсивность политического контроля, простирающегося на большие расстояния, также возросла. Рост территорий, их взаимосвязей и усиление власти государств-метрополий, в сочетании с увеличением скорости транспортных и телеграфных коммуникаций позволили европейским державам проводить более последовательную имперскую политику, хотя она по-прежнему оставалась слабой по сравнению с тем контролем и той властью, какими они обладали на своих исконных территориях. Усилилось и воздействие культурных взаимосвязей, хотя оно сильно отличалось от того воздействия, которое они оказывали в более ранние периоды. Ибо этот период стал свидетелем циркуляции, распространения и влияния светских западных идеологий и дискурсов, тогда как более ранним эпохам были свойственны в основном дискурсы теологические и религиозные. Как мы уже писали в гл. 7, влияние марксизма, либерализма, национализма и науки, хотя сначала оно и было фрагментарным и сказывалось исключительно на элитарных группах, в конечном счете способствовало значительным изменениям (хотя ни в коем случае не подавлению) культуры, идентичностей и навыков социальной жизни народов всего мира.

В основе политической, экономической и культурной глобализации лежало развитие новых транспортных и контролирующих инфраструктур, к которым, в качестве серьезного дополнительного импульса, добавились международные проблемы окружающей среды, — а в этой сфере временной нормой является скорее мир, нежели война. В период с 1850 по 1914 г.-волна инноваций начала связывать имперские системы и друг с другом; главную роль в этом процессе играли железные дороги и механизированные транспортные средства. Железные дороги, наконец, сняли те препятствия и ограничения, с которыми сталкивалось использование в качестве наземного транспорта вьючных животных. Теперь уже поток перевозимых грузов состоял в основном из сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров, а не только из предметов роскоши. Политический и военный контроль мог быть расширен от прибрежных аванпостов до внутренних областей тех регионов, которые не имеют выхода к морю. Переход от паруса к паровым машинам, а также строительство Панамского и Суэцкого каналов позволили сократить колоссальные расстояния и уменьшить опасности, поджидавшие суда на главных океанских магистралях. Транспортные затраты (и определенная доля риска) международной торговли и пассажирских перевозок резко пошли вниз, а объемы их увеличились. Если в XVII — начале XIX в. в Европе широкое распространение имела голубиная почта и было лишь несколько частных международных почтовых систем, то эпохальная «транспортная революция» и создание трансокеанского телеграфа изменили всю инфраструктуру глобальной связи, колоссально увеличив ее скорость. Политические, военные и экономические элиты, получив доступ к этим структурам, могли теперь получать более подробную

500

информацию о событиях в отдаленных регионах и с такой оперативностью, какой прежде никогда не было. Когда в некоторых странах была достигнута всеобщая грамотность и появилась пресса для народа, информация стала доступной и для широких масс их населения.

В отличие от более ранних эпох современный период глобализации характеризуется гораздо более

высоким уровнем институционализации. Так, например, когда появился более организованный и дееспособный рынок труда и наладилось регулярное сообщение между странами и континентами, правительственные органы и частные агентства установили более эффективный контроль над миграционными потоками как в тех странах, откуда они отправлялись, так и в странах, которые их принимали (см. гл. 6). Экономические отношения стали регулироваться развивающейся системой международных финансовых институтов, — прежде всего многонациональными банками и, конечно, системой золотого стандарта; ни та, ни другая система не имеет аналогов ни в одной из предшествующих эпох. К тому же появился целый ряд международных политических организаций для регулирования общих проблем и соблюдения общих интересов, такие как почтовые и навигационные системы, системы мер и весов, системы телеграфных коммуникаций (см. гл. 1 и Murphy, 1994)-

Что касается стратификации, то в эту эпоху дело с ней обстоит проще, чем в эпохи более ранние. Великие державы мира устанавливали и переустанавливали глобальные взаимосвязи, управляли инфраструктурами, которые их поддерживали, учреждали и контролировали институты, которые регулировали эти взаимосвязи. Соотношение сил между великими странами Запада носило характер неустойчивого равновесия, а сотрудничество и конкуренция между ними развивались по разным моделям. Другие страны и государства, не входящие в число великих, в рамках этих глобальных структур играли подчиненную роль, но по-разному и с разной степенью зависимости от этих структур. Влияние глобальных отношений сильно различается в зависимости от сфер взаимодействия и от степени участия стран и государств в этих сферах. О некоторых из них мы уже говорили, что же касается основных сфер взаимодействия, испытавших влияние глобализационных процессов рассматриваемой нами эпохи, то они суть следующие:

- Военно-политические последствия: многие неевропейские государства и элиты пришли в упадок или были разрушены. Кроме того, угроза потенциального европейского господства побудила некоторые страны, которые избежали непосредственной колонизации (Турцию, Японию, Китай), произвести внутреннюю модернизацию.
- Торговля и инвестиции: в основных странах Запада стимулировался экономический рост и структурное изменение, были созданы предпосылки для того, чтобы некоторые колонии встали на путь экономического развития, и накоплены средства для позднейшего индустриального развития периферии Европы и Северной и Латинской Америки.
- Миграции: в Северной и Южной Америке и некоторых европейских колониях произошли серьезные демографические изменения, Европа тем временем обрела клапан, обеспечивающий ее социальную безопасность.
- Культура: распространение христианства в некоторых регионах Африки и Восточной Азии; во всем мире получили распространение западные светские уче-

501

ния и идеологии, способствовавшие возникновению националистических и коммунистических движений и перестройке традиционного сознания, свойственного представителям элит.

Этому периоду глобализации решительный конец положила Первая мировая война. Это может казаться парадоксальным, поскольку на войну были мобилизованы огромные массы людей, составлявших население Французской и Британской империй (см. гл. 2). Кроме того, война стала свидетелем того, как огромные мощности, накопленные в Америке, Азии и Европе, были брошены в один общий костер. Но с точки зрения глобализации, этот «осадок» войны имел наиболее длительное влияние. На протяжении десятилетий после войны международная торговля, инвестиции и производство оставались в разрушенном состоянии. Некоторое оживление, наметившееся в 20-х гг. XX в., было пресечено Великой депрессией 30-х гг. Хотя удар, нанесенный крахом Уолл-Стрита и последовавшей затем депрессией, показал, до какой степени все страны и народы мира в экономическом отношении зависят друг от друга, главный его результат состоял в том, что он раздробил то, что еще оставалось от глобальной экономики в имперских блоках. Система золотого стандарта и свободная торговля исчезли, на смену им пришла имперская преференция, а в случае недавно образовавшегося Советского Союза и Третьего Рейха — явная экономическая автаркия (см. гл. 3 и 4)-

Период между мировыми войнами стал свидетелем появления некоторых глобальных политических институтов и потенциальных механизмов глобального управления — таких, как

Лига Наций, — но, как это случилось и с попытками учредить глобальные экономические институты, их эффективность была сведена практически к нулю — сначала имперской конкуренцией, а позднее — усиливающейся автаркией и потоком агрессивного национализма, который захлестнул всю Европу и все больше распространялся в других частях света.

Имперские и политические структуры, существовавшие в то время за пределами западного мира, теоретически говоря, оставались теми же, что и были, но на Востоке к ним добавился набиравший силу японский империализм. Однако во всех этих имперских образованиях распространение западных культурных дискурсов способствовало возникновению социальных сил и движений, которые впоследствии разнесут эти имперские механизмы на куски. Понадобится Вторая мировая война, которая достаточно сильно ослабит Японию и европейские державы, чтобы их глобальная империя могла быть наконец демонтирована. Их место займет новый гегемон — Соединенные Штаты, которые создадут формальные и неформальные структуры глобального правления и наряду с этим возобновят поток глобализации, усиленный новыми технологиями и инфраструктурами взаимодействия, распространят его по всему миру, над которым они доминируют и который будет состоять не из аморфных империй, а из национальных государств со строго зафиксированными территориальными границами.

НОВЕЙШИЙ ЭТАП ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В период, начавшийся с 1945 г., волна глобальных потоков и взаимосвязей возобновилась. Влияние Второй мировой войны и последующих событий было доста-

502

точно серьезным, так что мы можем рассматривать послевоенную эпоху скорее как особую историческую форму глобализации, нежели возвращение, как считают многие скептики, к моделям XIX в. Конечно, если судить по экстенсивности глобальных связей, то легко впасть в заблуждение и согласиться с тем, что мы восстановили *status quo ante*, что мир вернулся в эпоху классического золотого стандарта. Однако мы считаем, что почти во всех сферах современные модели глобализации не только в количественном отношении превосходили формы более ранних эпох, но обладают по сравнению с ними и не имеющими аналогов качественными отличиями — если судить о глобализации на основании того, как она организована и воспроизводится. Кроме того, мы считаем, что современная эпоха представляет собой исторически уникальное слияние или сочетание моделей глобализации в таких сферах, как политика, право и правление, военные отношения, культурные связи и миграции населения, во всех сферах экономической деятельности и деятельности, связанной с глобальными угрозами окружающей среде. Более того, эта эпоха принесла с собой необычайные инновации в транспортных и коммуникационных инфраструктурах и беспрецедентно большое количество институтов глобального правления и регулирования. Как это ни парадоксально, но одновременно с этим взрывом глобальных потоков и структур случилось так, что суверенное территориальное государство, с установленными и обозначенными границами, превратилось чуть ли не в универсальную форму политического правления и политической организации человечества.

На контуры новейшего этапа глобализации глубокое влияние оказали структурные последствия Второй мировой войны: поражение стран «оси», ослабление старых европейских колониальных держав и начало холодной войны между США и Советским Союзом, которая изменила соотношение сил в мире. Военная мощь и военные отношения стали играть первостепенную роль и обрели глобальные масштабы. Стратегическое пространство геополитики стало поистине глобальным, вслед за ним такой же характер приняли модели торговли оружием и передачи военных технологий, а также система военных альянсов (см. гл. 2). Одновременно с этим возник новый мировой политический порядок, основанный на Организации Объединенных Наций и ее основных институтах и подразделениях (см. гл. 1). Эта глобальная архитектура военных и политических отношений стала свидетелем распада европейских империй и огромной волны деколонизации, провозглашения независимости и образования государств в районах Африки, лежащих южнее Сахары, на Ближнем Востоке и севере Африки, в Южной и Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. К 1990 гг. основной политической единицей в мире было в подавляющем большинстве территориальное национальное государство, хотя оно обнаружило значительные вариации в плане внутреннего единства, прочности и степени автономии. После окончания холодной войны и распада Советского Союза одна из последних имперских структур мира уступила место новой мозаике национальных государств. С окончанием XX в. на смену империи — бывшей некогда основной формой политического правления и мировой политической организации —

пришла всемирная система национальных государств, связанных друг с другом многосторонними, региональными и глобальными системами регулирования и правления. Кроме того, если в предшествующие эпохи преобладала гегемония всех или ряда западных держав, то о современной нам эпохе можно утверждать, что она имеет одного-

503

единственного потенциального гегемона: Соединенные Штаты. Однако, несмотря на представившуюся им после окончания холодной войны возможность установить глобальную гегемонию, США отказались от любых претензий на глобальную империю или откровенную гегемонию, так как ее ужасная структурная власть глубоко въелась в характер и функционирование существующего мирового порядка. В этом отношении нынешний исторический период уникален, поскольку его модели глобализации, в отличие от предыдущих, больше не связаны с насильственно формируемыми империями и логикой экспансионизма и не ориентируются на них. Это не еще не означает, что нынешний период глобализации в чем-то мягче, чем прошлые ее этапы, скорее это означает, что у него совершенно иная политическая оболочка и иная причинная динамика. Отчасти это объясняется тем, что новые инфраструктуры и средства глобального наблюдения и правления (политического контроля) изменили условия, в которых формируется и воспроизводится структура глобальных властных отношений, и изменили сам механизм формирования и воспроизводства этой структуры.

Внутри этой парадоксальной структуры политических и военных отношений, которые все больше приобретают глобальный характер, и территориальных национальных государств, которые все сильнее стремятся отмежеваться друг от друга, нарастает целая волна других типов глобализации, свойственных нашей эпохе. В одном ряду с изначальными политическими и военными институтами американской гегемонии стоят экономические институты, появившиеся сразу же после войны и известные всем под названием Бреттон-Вудской системы (BBC/ BWS). Этот режим, сочетавший контроль над международными финансовыми сделками с почти полной свободой торговли и американскими зарубежными инвестициями, управлял экономическими взаимоотношениями на Западе и за его пределами до начала 70-х гг., когда он потерпел крах. Однако закат Бреттон-Вудской системы, в отличие от краха ее двойников, существовавших в период между мировыми войнами, не повлек за собой перехода на стадию экономической автаркии, а, напротив, способствовал наступлению периода еще более интенсивной экономической глобализации, в течение которого измененные правила BBC по-прежнему играли ведущую роль. И нефтяные кризисы в странах ОПЕК, и массивный приток нефтедолларов в международные банковские институты показали, какое значение имеют все возрастающие глобальные параметры экономического взаимодействия. Эти события в сочетании с новыми коммуникационными инфраструктурами и волной неолиберального дерегулирования, прокатившейся в первую очередь по развитым странам Запада, способствовали взрыву глобальной торговли, инвестиций и финансовых потоков (см. гл. 3 > 4 " 5). Хотя большая часть этих потоков шла по руслам, соединяющим три центра развитой капиталистической экономики (Северную Америку, страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Западную Европу), все больше возрастало участие в них и многих других регионов, — особенно тех, где была начата и успешно продвигалась индустриализация.

Интересно, что наряду с этим более либеральным мировым экономическим порядком, развивались более жесткие механизмы многостороннего и регионального экономического контроля. В этом отношении интенсификация экономической глобализации была связана с интенсификацией глобального экономического наблюдения, активизацией деятельности наблюдателей и усилением между-

504

народной регулирующей деятельности, например через ВТО. Дерегулирование в рамках национальной экономики сопровождалось новыми формами регулирования на глобальном уровне. Тем не менее эти процессы не получали дальнейшего развития, несмотря на то что гегемония американской мощи находилась в апогее, хотя и переживала относительный спад. В этом контексте нынешний период отличается от прошедшей эпохи тем, что ритм глобализации, по-видимому, больше не связан непосредственно с усилением и ослаблением одного главенствующего государства или блока (Keohane, 19843). Современные модели экономической глобализации отражают совокупную тенденцию, проявляющуюся в контексте новых многосторонних регулирующих и контролирующих инфраструктур, к более самостоятельным соглашениям на рыночной основе, политическое руководство которыми верховная власть берет на

себя, как правило, только во время кризисов.

Кроме того, нынешний этап глобализации возвестил об изменении моделей глобальной миграции. В течение более чем трех десятилетий после Второй мировой войны миграции шли в направлении от периферии Европы и из ее бывших колоний в экономически развитые страны Северной и Западной Европы, которым не хватало рабочих рук. Хотя они и продолжились, пусть и с меньшей скоростью, после снижения темпов экономического роста в начале /0-х гг., но уже соединившись с новыми моделями глобальной миграции. Эти модели включили в себя колоссальный наплыв беженцев и лиц, добывающихся предоставления им убежища, миграции из Латинской Америки и Азии в Северную Америку, потоки рабочей силы со всего Ближнего Востока и Южной Азии в обогатившиеся за последнее время страны Персидского залива. Глобальное распространение промышленного производства и потребления в сочетании с далекими — отравляющими окружающую среду — последствиями индустриальных революций на Западе привело к возникновению экологических форм глобализации, которые не имеют прецедентов. Эпоха холодной войны, ООН и глобальной экономики сопровождалась осознанием тех серьезных изменений, которые происходят с «ничейными составляющими» окружающей среды — климатом, атмосферой, океанами и приполярными территориями. Кроме того, степень внутренней деградации окружающей среды во многих странах и регионах достигла такой степени, что возникает опасность вынужденной «экологической эвакуации», участились и случаи трансграничного загрязнения, такие как кислотные дожди, возросли объемы торговли токсичными и ядерными отходами (см. гл. 8).

Как отходы, загрязняющие окружающую среду или угрожающие ей загрязнением, пересекают установленные после войны границы, так пересекают их и новые сети глобальных коммуникаций (гл. 7). В послевоенную эпоху получили дальнейшее развитие и прежние технологии, такие как подводный кабель, радио и телевидение, и прежние отрасли торговли — международный кинопрокат и книгопечатный бизнес, но в то же время появились и новые технологии — например, спутники и компьютеры. Они изменили скорость и территориальный охват всевозможных видов культурных и социальных связей. Если в предыдущие эпохи подавляющее большинство культурных взаимодействий носило элитарный характер и обслуживало в основном элиту, то большая часть такого рода взаимодействий осуществлялась благодаря культурным средствам массовой информации и популярным артефактам, что сопровождалось появлением уникаль-

ных многонациональных корпораций, владеющих СМИ. Они имеют некоторые аналоги в предыдущей эпохе в виде международных агентств новостей и издательств, но их охват, разнообразие и власть — совершенно иного порядка (гл. 7). Эхо этих изменений отозвалось во всех экономических, политических и других сферах жизни, поскольку различные формы социальной власти и социальной инфраструктуры переплетаются с ними и ими формируются. Стоит ли удивляться в таком случае, что в мире столь интенсивной глобализации предпринимались очень серьезные — с исторической точки зрения — попытки регулировать и институционализировать глобальные потоки и структуры с помощью многочисленных международных законов, договоров, организаций, политических переговоров и альянсов, сопутствующих всем этим столь разным сферам взаимодействия (см. гл. i; о проблемах окружающей среды см. гл. 8).

Большая часть этой книги была посвящена изучению контуров и характера различных областей глобализации с целью выяснения их влияния на суверенитет и автономию национальных государств; краткое изложение этого будет представлено в следующей части заключения. В конце же этой его части мы ограничимся выяснением главных различий между нынешним этапом глобализации и другими ее периодами, сосредоточиваясь на тех различиях, которые являются не просто количественными, но свидетельствуют и о существенных изменениях в организационной форме глобализации и о ее значении для социальной жизни.

Как мы уже отмечали, в более ранние эпохи, когда территория и суверенитет были не столь тесно связаны друг с другом, такие понятия, как «центр» и «периферия», «метрополия» и «колония», служили полезными моделями для описания политического пространства. В этом смысле многие межрегиональные и глобальные потоки изменили и расширили скорее те области, которые не обязательно связаны с границами. Сегодня исторически беспрецедентные по своему уровню глобальные потоки и взаимосвязи пересекают мир, который чуть ли не весь состоит из национальных государств. Почти универсальность национального государства имеет своей аналогией экстенсивность глобализации почти во всех сферах. Деградация «ничейных

компонентов» окружающей среды затрагивает, хотя и в разной степени, любой уголок планеты. Международная система торговли — особенно после краха советского и восточноевропейского коммунизма и превращение Китая в открытую страну — охватывает почти каждое государство на карте земного шара (см. гл. 3). Культурная продукция и технологии, такие как кинофильмы и телепередачи, циркулируют на всех континентах. Ни одно государство не отъединено полностью от глобальных сетей телекоммуникации. Этот образец взаимосвязи характерен только для нынешней эпохи. Следует, правда, сказать, что разные государства, а в этих национальных государствах разные социальные группы очень по-разному участвуют в этих потоках и в разной степени осуществляют контроль над ними.

Интенсивность глобальных потоков и взаимосвязей, в зависимости от национальной и локальной ситуации, тоже остается разной в разных областях и в разных странах. Некоторые государства, такие, например, как Северная Корея, сделали выбор в пользу максимально возможной изоляции от этих потоков; хотя даже Северная Корея оказалась не в состоянии целиком и полностью игнорировать геостратегические структуры и режимы. Наше исследование было построено в основном на материале выбранных нами государств, составляющих ядро

506

ОЭСР, которые — особенно в некоторых сферах — развиваются с интенсивностью, не всегда доступной для остальных стран мира. Тем не менее по ходу изложения мы выдвигаем на первый план именно возрастающую интенсивность глобальных потоков в целом ряде областей.

Интенсивность глобальных торговых связей возрастает как вообще, так и в плане соотношения объемов глобальной торговли к объему всемирного производства, а для многих стран — и в плане соотношения объема их торговли к объему внутреннего ВНП. Все больше секторов экономики западных стран во все большей степени зависит от экспорта товаров, идущих на продажу, и от импорта полуфабрикатов и запчастей. Кроме того, эти тенденции вряд ли значительно снизятся, поскольку Интернет превращает любой захолустный магазинчик в потенциальный глобальный супермаркет. Увеличился объем торговли глобальных финансовых рынков по сравнению с резервами национальной валюты, равно как и зависимость правительств и корпораций от международных рынков капитала из-за усиливающихся инвестиционных фондов. Уровни прямых зарубежных инвестиций для немногих стран все еще могут быть менее интенсивными, чем в конце XIX в., но сложность и обширность структур глобального производства намного превышают те же показатели, которые были характерны для более ранних эпох. Кроме того, в странах, входящих в состав ОЭСР, внутренние многонациональные корпорации и филиалы зарубежных компаний обеспечивают такие объемы национального экспорта и капиталовложений в развитие производства и технологий, настолько поднимают уровень занятости, что это не имеет прецедентов в истории (гл. 5).

Колоссальное усиление глобального и регионального сотрудничества во всех сферах деятельности стало возможным благодаря целому ряду изменений, произведенных в инфраструктуре глобального взаимодействия. Мы хотим особо подчеркнуть, что разработка некоторых из этих технологий не достаточна само по себе, чтобы объяснить их развертывание, использование и рост; но их вклад как в увеличение объема, так и в изменение характера современной глобализации не вызывает ни малейших сомнений. Что касается транспортной инфраструктуры, то послевоенная эпоха стала свидетелем как интенсивного использования и глобального распространения старых технологий, таких как двигатель внутреннего сгорания и железные дороги, так и появления и развития новых видов транспорта, которые являются гораздо более скоростными или намного более эффективными при перевозке большей части товаров на большие расстояния — т. е., соответственно, реактивных авиалайнеров и морских судов, предназначенных для контейнерной перевозки грузов. Все это вместе значительно улучшило способность изолированных друг от друга стран и регионов взаимодействовать между собой. Кроме того, значительно снизилась стоимость поездок и грузовых перевозок на огромные расстояния. По той причине, что эти транспортные сети труднее монополизировать и контролировать как государству, так и финансовой элите, они более открыты и доступны для широкой публики, чем в предыдущие эпохи: чему свидетельства служат развитие глобального туризма и неспособность государств полностью управлять миграцией или пресечь перевозку наркотиков через государственные сухопутные границы.

Аналогичный ряд факторов повлиял и на развитие коммуникационных систем и технологий. Послевоенная эпоха стала свидетелем воплощения в жизнь более старых технологий, таких как телевидение, радио и телефонная связь, и создания

новых — типа кабеля из оптического волокна, спутниковых и цифровых систем коммуникации. Кроме того, культурная и коммуникативная глобальная инфраструктура нашего времени отличается от инфраструктур более ранних эпох тем, что в ней господствует один язык — английский — как подлинно глобальный *lingua franca*, на котором общаются представители элит; что главную роль в производстве, регулировании и передаче культуры играют частные корпорации, а роль церкви и государства в этом отношении стала скромнее; тем, наконец, что в качестве аудитории и потребителя культурного экспорта выступают широкие массы народа, а не элита.

Управляются ли глобальные сети взаимосвязей более мягко, чем они управлялись через имперские структуры конца XIX в., — это вопрос спорный. Что не вызывает сомнений, так это то, что плотность и степень институционализации глобальных потоков и сетей, регулярность и предсказуемость многих связей и взаимодействий, количество институтов и режимов регионального и глобального правления уникальны. Огромное число межправительственных организаций, международных договоров, международных неправительственных организаций и т. д. возникло главным образом в послевоенный период (см. гл. 1). Точно так же модель стратификации нынешнего этапа глобализации сильно отличается от модели более ранних эпох. Во-первых, необыкновенное слияние различных форм глобализации породило разного рода неравенства и иерархии. В сфере политических и военных отношений большая часть рассматриваемого нами периода приходится на долю холодной войны, когда мир был расколот на две части. В результате этого возникла четкая иерархия государств — основные союзники, государства, находящиеся под покровительством, и неприсоединившиеся страны. После окончания холодной войны в глобальной военной иерархии уникальным образом доминируют США, вокруг которых широкий спектр второстепенных государств образует гораздо более многополярный мир. В экономической области стратификация состояла главным образом в том, что все страны делились на входящих и не входящих в состав ОЭСР, а внутри самой ОЭСР страны с наиболее развитой экономикой — так называемая «большая семерка» — контролировали большую часть глобальных сетей и инфраструктур. После краха Бреттон-Вудской системы США и в этой сфере уступили свое господство более многополярному миру. За последние два десятилетия, в течение которых — несмотря на временные экономические неурядицы — произошла индустриализация некоторых стран Восточной Азии и Латинской Америки и были созданы сети глобальных свободных рынков, соотношение сил в рамках глобальных экономических структур изменилось еще раз. Более того, старая иерархия между Севером и Югом уступила место более сложной картине глобальных экономических и производственных отношений между странами — новому глобальному разделению труда (см. гл. 3—5). Понятия «Север» и «Юг» все больше теряют свой смысл: в условиях глобализации дистрибутивные модели власти и богатства уже не согласуются с простым делением мира на центр и периферию, как в начале XX в., а отражают новую географию власти и преимуществ, которая переиначила установленные международные и транснациональные иерархии социальной власти и богатства независимо от политических и региональных границ. Если говорить об окружающей среде, то стратификация глобальных отношений в этой сфере по географическому принципу имеет несколько вариантов.

С одной стороны, деление на Север и Юг и на государства, входящие и не входящие в состав ОЭСР, позволяет выявить крайне неравномерное потребление ресурсов в мире, но что касается экологических угроз и степени испытываемого риска, то они распределяются гораздо сложнее. Некоторые проблемы, связанные с окружающей средой, такие как истощение озонового слоя и глобальное потепление, дают о себе знать почти во все уголки земного шара, тогда как множество других экологических опасностей, например, кислотный дождь, загрязнение токсическими отходами и снижение биоразнообразия, распределяются неравномерно (см. гл. 8). Наконец, в сфере культуры и культурных потоков деление мира на Запад и весь остальной мир, которое было характерно для XIX в., в значительной степени сохраняется. Однако возникшие в наше время культурные потоки и культурные инфраструктуры коренным образом отличаются от тех, что были прежде. Во-первых, старые имперские структуры телекоммуникаций были разрушены и заменены частными и более универсальными структурами. Во-вторых, по сравнению с предыдущими эпохами значительно возросла роль США в производстве и передаче как элитной, так и массовой культуры. Наконец, произошли некоторые существенные изменения в этих потоках, поскольку культурные идентичности, идеи, артефакты и продукция массовой культуры стали более разнообраз-

разными.

В итоге, несмотря на то что нынешние модели глобализации в некоторых существенных аспектах сохраняют преемственность с моделями предыдущих стадий, они представляют собой особые исторические формы, возникшие в результате уникального сочетания социальных, политических, экономических и технологических сил. Их фундаментальные особенности можно описать таким образом:

- *пространственно-временные характеристики* — исторически беспрецедентная протяженность, интенсивность, скорость и степень влияния глобальных потоков, взаимодействий и структур, охватывающих все сферы социальной жизни;
- *организационные характеристики* — беспрецедентная институционализация и организация всемирных социальных, политических и экономических властных отношений посредством новых контролирующих и коммуникационных инфраструктур. Глобализация далека от того, чтобы быть просто «вне контроля», а, напротив, является объектом новых форм многостороннего регулирования и многоступенчатого управления;
- *конъюнктурные характеристики* — уникальное сочетание воздействий, которые процесс глобализации оказывает на все аспекты социальной жизни, от политики до экологии;
- *разнообразие модальностей* — возрастающее значение дифференцированных образцов миграции, культурной и экологической глобализации наряду с сохраняющимися военными, экономическими и политическими аспектами глобализации, которые преобладали в конце XIX в.;
- *осмысленность* (reflexivity) — усиливающееся во всем мире осознание как представителями элит, так и широкими слоями населения глобальной взаимосвязанности, подкрепляемое глобализацией коммуникационных инфраструктур и индустрией средств массовой информации.

По сравнению с концом XIX в.,

509

когда глобализация представлялась проектом принудительного построения глобальной империи или геополитики, сегодня она представляет собой разные и осознанные политические или экономические проекты национальных элит и межнациональных социальных сил, которые зачастую совершенно по-разному представляют себе будущий мировой порядок;

дискуссионность (contestation) — возрастающая осведомленность о глобализации способствовала усилению споров по поводу ее проявлений во всех сферах жизни — от культурной до военной, поскольку государства, граждане и социальные движения стремятся противостоять глобализации или управлять ее воздействиями. Кроме того, институционализация мировой политики преобразовала способы ее обсуждения и руководства глобализацией, которые на рубеже XIX—XX вв. были сугубо внутренним имперским вопросом, в политику, направленную на составление списка наиболее актуальных проблем, связанных с глобализацией, создание коалиций с целью их многостороннего регулирования;

регионализация — если начало XX в. было свидетелем территориального расширения глобальных империй, то его конец отмечен их исчезновением и значительной регионализацией мировых экономических, политических и военных отношений. Но в отличие от более ранних периодов, когда империи и блоки стремились к автономному развитию, современные процессы регионализации и глобализации стали во многом усиливающими друг друга тенденциями, проявляющимися в глобальной политической экономике; *вестернизация* — история глобализации по большей части есть история вестернизации и тех дискуссий, которые вспыхивали по поводу ее во всем мире. Хотя современные модели глобализации, будь то в сфере военной, финансовой, культурной, экологической, политической или производственной, все еще остаются весьма асимметричными, но, по сравнению с аналогичными моделями, существовавшими на рубеже XIX—XX вв., они стали менее европоцент-ричными или менее западоцентричными;

территориальность — глобализация, как свидетельствуют о том серьезные политические сдвиги, рассмотренные нами в гл. 1, способствовала тому, что постепенно, в течение ряда столетий, устанавливались и изменялись границы государств и вырабатывались нормы международного права. Но если исходить из контекста территориально разграниченных и исключительно политических сообществ, то окажется, что реорганизация экономического, социального, культурного и экологического пространства, которую предполагают современные модели глобализации, бросает вызов территориальному принципу как единственному

или первичному основанию для организации политического правления и осуществления политических властных полномочий. Территория и территориальность, таким образом, остаются столь же сильно политизированными, какими они были в эпоху глобальных империй, хотя сегодня «угрозы» территориальной целостности национального государства не являются уже просто внешними или военными; военная сила больше не единственный рациональный или эффективный инструмент для решения или регулирования тех многочисленных проблем, которые связаны сегодня с пересечением границ. Соответственно, современная глобализация связана с принципиально иной территориальной политикой;

510

- *государственные формы* — разные исторические формы глобализации были связаны с весьма отличающимися друг от друга формами государственности. Современное правительство, по сравнению с тем, которое было в начале XX в., «больше» является правительством в том смысле, что государство распоряжается существенной долей национального дохода, обеспечивает работой значительную часть населения и несет разного рода ответственность не только за управление экономикой, но и за безопасность и благосостояние своих граждан. Вследствие чего сегодня политическое влияние глобализации, безусловно, сильнее отражается на развитых капиталистических государствах, чем в период до 1914 г., когда государство было в меньшей степени ориентировано на благосостояние и меньше вмешивалось в экономическую жизнь. Кроме того, внутренняя политика, направленная на приспособление к воздействиям глобализации, на управление ими или выполнение посреднической роли (как в случае со свободной торговлей), ныне значительно отличается от подобной политики эпохи имперских государств конца XIX в., хотя важно не преувеличивать это различие;
- *демократическое правление* — по сравнению с предыдущими эпохами, нынешний этап глобализация осуществляется на фоне глобальной системы государств, большинство которых провозглашают себя демократическими, но в которых демократический принцип лишь изредка охватывает те аспекты, которые связаны с многосторонним регулированием и глобальным управлением. Таким образом, сегодня глобализация сталкивается с абсолютно новой политической и нормативной проблемой, которая не имеет никаких реальных эквивалентов в предыдущие эпохи, а именно — как соединить систему демократического управления, укоренившуюся на той или иной территории, с межнациональной и глобальной организацией социальной и экономической жизни.

Короче говоря, современная глобализация имеет некоторые признаки того, что во введении было названо «глубокой» глобализацией (см. с. 25—31) — Это особенно относится к протяженности, интенсивности и скорости политических, экономических и культурных потоков и связей (см. текстовые таблицы 3.1 и 3.2; восприимчивость к влияниям представлена в текстовой таблице 3.3). Если эти тенденции продолжают развиваться, а наряду с этим возрастает их институционализация и степень организованности, то они все больше обретают признаки «плотных» глобальных потоков и структур взаимодействия. Однако траектория развития этих процессов остается неопределенной, поскольку они зависят как от специфического стечения исторических обстоятельств, так и от чрезвычайно разнообразных и сложных воздействий. В этом отношении, преобладающий ныне неолиберальный подход к глобализации не столь безобиден, как полагают многие из ее самых горячих сторонников или критиков. Когда в конце 90-х гг. XX в. проявились негативные последствия регионального экономического кризиса в Восточной Азии и начали угрожать глобальной стабильности, ограниченность и аргументы против неолиберального проекта стали более прозрачными. Предвещает ли этот кризис дальнейшее изменение — или, как выразился К. Поланьи, новое «попятное движение» — исторической формы глобализации, остается под вопросом. Но при сложившихся ныне обстоятельствах наиболее вероятным представляется такой вариант развития: после сдвига в сторону более регулируемой

Текстовая таблица 3.1 Основные глобальные потоки и структуры

	<i>Досовременный период</i>	<i>Ранний современный период</i>	<i>Современный период</i>	<i>Новейший период</i>
<i>Главные глобальные потоки и структуры</i>	Ранние имперские системы	Политическая и военная экспансия	Европейские глобальные империи, военные, политические, культурные потоки — геополитика	Формирование глобальных военных взаимоотношений в период холодной войны
	Мировые религии	Европа и Новый свет: демографические, экологические, эпидемиологические потоки	Глобальная циркуляция за-	периода холодной войны, начавшегося после ее окончания, с началом глобального и гло-
	Кочевые империи и распространение аграрной культуры			

	Эпидемии чумы и пандемии	Развитие европейских глобальных империй	падных светских учений и идеологий	правления и между го права
	Торговля на больших расстояниях	Новые трансатлантические экономические обмены	Трансатлантические миграции, азиатские диаспоры	Экономическая глобализация до и после Бреттон-Вудс: торговля, новые рынки, многоступенчатое производство, миграции, передача технологий, Глобальные экологические проблемы: «ничейные территории» окружающей среды, глобальная зависимость, транснациональное загрязнение
			Мировая экономика	Новые модели глобализации, миграции, Глобальное распространение транснациональных сетей, глобализация СМИ, западная культура и дискурс, Новые глобальные проблемы: транснациональные и транскультурные структуры

Текстовая таблица 3.1 продолжение

	<i>Досовременный период</i>	<i>Ранний современный период</i>	<i>Современный период</i>	<i>Новейший период</i>
<i>Государства, границы и территории</i>	Все границы — размыты и неопределенны	Протоны и возникновение в Европе абсолютистских и конституционных государств современной эпохи	Национальные государства развиваются на Западе и в Латинской Америке	Национальные государства преобладающее положение объединение
	Миграции и другие передвижения, как правило, проходят не через границы, а переформируют политическое пространство, что продолжалось и в течение последующих двух эпох	В конце периода — первые национальные революции (Франция, США)	Европейские и другие национальные империи и королевства доминируют повсюду	Возникающие региональные союзы
		Королевства, империи и довольно расплывчатый на границах «суверенитет» все еще остается доминирующей формой в Европе, нечто подобное наблюдается и за пределами Европы		Многослойное пространство

Текстовая таблица 3.2 Основные свойства исторических форм глобализации (в обобщенном виде)

	<i>Досовременная эпоха</i>	<i>Ранняя современная эпоха</i>	<i>Современная эпоха</i>	<i>Новейший период</i>
<i>Протяженность</i>	Большинство потоков только трансевроазиатские, некоторые — межрегиональные и межцивилизационные	Более глобальная в некоторых отношениях, по мере того как Америка и Океания все в большей степени оказываются связанными с Евразией. Больше взаимосвязей между Европой и Средним Востоком, а также Африкой	Возрастающая глобальность: европейские империи во все большей степени присоединяют Восточную Азию и Африку к глобальным сетям; Восток пробуждается. Глобальная экономика распространяется за пределы атлантического треугольника	Большинство основных потоков носят глобальный характер. Некоторые структуры, такие как транснациональные корпорации, связанные с глобализацией, носят глобальный характер. Глобальный характер, такие как торговля, глобальный

<i>Интенсивность</i>	Потоки интенсивные, но транзитные Устоявшиеся взаимоотношения, низкая интенсивность, уменьшающаяся на расстоянии	Потоки интенсивные, но транзитные Устоявшиеся политические взаимоотношения сохраняют низкую интенсивность: составные части трансатлантических империй мало связаны друг с другом Возрастающая интенсивность трансатлантических хозяйств и других глобальных экономических связей	Устанавливаются новые продолжительные политические и военные империи и структуры Интенсивность экономического и культурного влияния резко возрастает	Очень высока в то время Большая интенсивность в сфере культуры и миграции Миграция менее интенсивна, чем в более ранние периоды усиливается и при этом
<i>Скорость</i>	Низкая	Низкая	Средняя	Высокая для транзитных коммуникаций, и в некоторых случаях мгновенного времени (телеграф, финансовые рынки)
<i>Инфраструктуры</i>	Письменность В некоторых регионах книгопечатание	Европейские инновации и интенсификация морских технологий и искусства навигации	Железные дороги Перевозка грузов по воде на паровых судах	Авиация Телефонная связь, компьютерная и телевидение

Текстовая таблица 3.2 продолжение

	<i>Досовременная эпоха</i>	<i>Ранняя современная эпоха</i>	<i>Современная эпоха</i>	<i>Новейший период</i>
<i>Инфраструктуры</i>	Одомашнивание животных и использование их в виде транспорта Имперский мир — некоторые дорожные сети Некоторые усовершенствования в морских технологиях и картографии	Книгопечатание распространяется в Европе и затем — в ее колониях Учреждение европейской почтовой системы	Телеграфная и телефонная связь Появление, но еще незначительное использование двигателя внутреннего сгорания, радио, телевидения	системы связи Глобальные системы связи Глобальные системы связи Интернет Распространение радио и телевидения
<i>Институционализация</i>	Очень низка — лишь экumenическая (вселенской церкви) и племенные системы	Очень низка — только дипломатия и т. п.	Средняя, но увеличивающаяся в некоторых областях, особенно в экономике и миграции	Высока — все сферы жизни, множество форм
<i>Стратификация</i>	Внутри цивилизаций высоко стратифицированное участие в потоках, простирающихся на большие расстояния — только центры метрополии и элиты метрополии на ключевых торговых путях и т. п., — тесно связанные с этими потоками и сетями Между цивилизациями — исламской, китайской, индийской, — основные точки пересечения глобальных сетей; Европа, Африка, Юго-Восточная Азия остаются на периферии	Трансатлантические структуры, в которых преобладают европейские державы и колонии Структуры на побережье Индийского океана все сильнее контролируются европейцами, которым оказывают упорное сопротивление местные и исламские торговые структуры Европа не способна проникнуть во внутренние районы Азии и Африки или не способна их контролировать	Безусловное преобладание европейско-американских глобальных институтов и глобальных структур Британская империя — самая могущественная из всех европейских империй Некоторые неевропейские страны способны на большее сопротивление, нежели другие, некоторые способны к местной модернизации — Япония, Турция	Различные модели стратификации в разных сферах жизни Политическая/военная стратификация большую часть эпохи с доминированием США — СССР; сложную иерархию в этих сферах. Переход к холодной войне о более отчетливой стратификации Экономическая стратификация стран и регионов ОЭСР доминирующая
<i>Стратификация</i>		Центры метрополии и элиты метрополии на ключевых торговых путях и т. п. по-прежнему тесно связаны с глобальными потоками и структурами, но в некоторых сферах экономики, политики и т. д., находящихся под влиянием		роль участия в процессах глобализации и осуществления контроля над ней. Склонность от США к другим странам. Глобализация стран с недавно импортированной экономикой

		янием глобальных связей и ими формируемых, оно несколько возрастает		Культурная стратегия носит еще более национальный характер; в глобальном распространении и культуры преобладающая индустриальная индустрия — английский язык — являются неосознанными. Между Севером и Югом очень резкая экологическая стратификация в суровых условиях потребления касается создания и угроз и незащищенности, то здесь наблюдается равномерная скорость пространств
<i>Методы</i>	Принудительные Религиозные/идеологические	Принудительные Имперские Религиозные/идеологические	Принудительные Идеологические (все более светские) Соревнование и дискуссии	Соревнование и дискуссии Сотрудничество Идеологические/культурные

516

формы глобализации переход к поверхностной глобализации (поскольку протекционизм, эксклюзивный регионализм и национализм начинают одерживать верх), а затем — к более хищной форме неолиберальной экономической глобализации (см. гл. 3 и 4)-
КОНЕЦ, ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?

Особенности современной глобализации, как было показано в предыдущих главах, означают отнюдь не просто конец национального государства и даже не просто размывание государственной власти. Действительно, во всех рассмотренных выше сферах деятельности множество государств, и особенно развитых капиталистических государств, очевидно, стали более активными, хотя форма и модальности этой активности отличаются от ее форм и модальностей в прошлом. Подобно тому, как более ранние исторические формы глобализации были связаны с определенного рода деятельностью государства, направленной на строительство или преобразование, так и в наше время процессы глобализации тесно, хотя отнюдь не как единственная тому причина, связаны с изменением или реконструкцией властных полномочий современного национального государства (т. е. функций, роли, авторитета, независимости и суверенности). Это станет очевидным, если мы еще раз посмотрим, в какой степени современные модели глобализации оказывают институциональные, дистрибутивные и структурные воздействия на развитые капиталистические страны, а также на процесс и процедуру принятия ими тех или иных решений, влекущие за собой существенный пересмотр таких понятий, как государственный суверенитет и государственная независимость. Но прежде, чем обсуждать вопрос об этих влияниях, мы должны обратиться к другому вопросу, более существенному и с ним связанному, — к вопросу об основных факторах глобализации нашего времени, так как это играет основную роль при любой оценке ее совокупных последствий.

Как уже было отмечено во Введении, нет ни одной логически последовательной теории глобализации, хотя существует множество точек зрения по поводу ее движущих сил. Ко всякому существующему на сей счет мнению следует относиться с большой осторожностью, постольку категоричные общие суждения относительно причин социально-исторических процессов представляются вообще довольно сомнительными (Giddens, 1984; Graham, 1997; McCullagh, 1998). Стремление определить первопричины современной глобализации непременно должно сопровождаться пониманием того, что язык причинно-следственной

связи, используемый при оценке процессов социального изменения, не может быть аналогичен языку дедуктивного научного метода. При анализе причин многоаспектных процессов исторического изменения акцент обязательно делается на связи между тенденций и теми факторами, которые им препятствуют или, напротив, их поддерживают. Релевантная точка зрения на причинность соответствует здесь представлению об интеграции событий, процессов и условий, совокупным воздействием которых и объясняется тот или иной результат (McGullagh, 1998, ? 178). Несомненно, разные исторические формы глобализации могут иметь совершенно разные причинно-следственные связи, поскольку и относительная значимость тех или иных факторов меняется в зависимости от эпохи. Таким образом, досовременные и современные исторические формы глобализации отражают, как мы

517

уже видели, различные комбинации глобализационных тенденций. Если в до-современных исторических формах глобализации доминировали скорее миграционные движения, военная экспансия, создание империй и культурный или религиозный экспансионизм, то современная глобализация отражает главенствующую роль экономической, политической и военной экспансии. Это не означает отрицания других глобализационных факторов, а скорее показывает, что в зависимости от времени те или иные из этих факторов оказываются более значимыми, чем другие.

Глобализацию новейшего периода нельзя свести к какому-то одному причинно-следственному процессу, она объясняется лишь сложным переплетением причинно-следственных связей. Они были детально проанализированы в предыдущих главах и включают в себя экспансионистские стремления политических, военных, экономических, миграционных, культурных и экологических систем. При этом каждая из них испытала на себе последствия революции, произошедшей в сфере связи и транспорта в конце XX в., которая содействовала процессу глобализации во всех сферах общественной деятельности и чрезвычайно расширила — благодаря появлению охватывающих весь мир инфраструктур, обеспечивающих транспортировку людей, товаров и символов — возможности глобальных взаимодействий. Кроме того, этот набор факторов намного увеличил интенсивность и скорость глобальных взаимодействий, одновременно с этим видоизменив влияние глобализации, особенно в плане ее последствий для распределения власти (Deibert, 1997)- Однако особенно примечательно в связи с нынешним этапом глобализации слияние глобализационных тенденций, наблюдающихся во всех основных сферах социального взаимодействия. Это, соответственно, означает, что в каждой из этих сфер — политической, военной, экономической, миграционной, культурной и экологической — сложилась своя особая ситуация, и все они находятся в системе сложных взаимосвязей друг с другом, что и определяет своеобразие глобализации нашего времени и стимулирует ее развитие.

Следовательно, объяснение современной глобализации просто как продукта экспансионистской логики развития капитализма, распространения по всему миру массовой культуры или военной экспансии неизбежно является односторонним и редуccionистским. Что развитие капитализма, в различных его формах, подчинено логике экспансионизма — в этом нет никаких сомнений, точно так же нет их и насчет наличия этой логики в глобализационных устремлениях военной системы и определенных культурных комплексов. Хотя с аналитической точки зрения необходимо различать и оценивать исторические модели глобализации, распространенные в каждой сфере деятельности, это может привести к предвзятой и фрагментарной точке зрения. Для осмысления новейшего этапа глобализации нужно исследовать состояние глобализационных факторов и динамику их взаимодействия. Например, нынешняя модель глобализации торговли предполагает наличие глобальных политических, правовых и финансовых инфраструктур, что, в свою очередь, влечет за собой изменения в таких областях, как финансы, экология, миграция, политика, культура, армия. Взаимосвязи между этими процессами имеют тенденцию к объединению в систему, поскольку множество глобальных потоков, структур, взаимодействий и взаимозависимостей порождает структурное изменение организации социальных отношений и применения власти (Axford, 1995)-

Это структурное изменение или глобальную трансформацию не следует, однако, понимать, как некоторые гиперглобалисты, в том смысле, что современная глобализация — это необратимый и

линейный процесс, т. е. что она является постоянной исторической тенденцией и находится вне сферы политического контроля. Глобализация, как это неоднократно подчеркивалось в предыдущих главах, — не автоматический или самовоспроизводящийся (self-reproducing) процесс. Напротив, для современной глобализации характерны значимость ее политического регулирования, институционализация этого регулирования на всех уровнях и наличие в обществе множества сил, реализующих определенный глобальный проект по созданию глобального рынка или даже превращения земного шара в единое целое. Кроме того, нынешний этап глобализации отмечен весьма жесткой конкуренцией, так как инфраструктуры и институты мировой политики порождают новые сферы деятельности и механизмы, посредством которых в рамках мирового сотрудничества разворачиваются глобальные конфликты — начиная от кулуаров Европейской Комиссии и дискуссий экспертов ВТО и кончая альтернативными по отношению к саммитам «большой семерки» совещаниями представителей неправительственных организаций и ежегодными заседаниями МОТ. В этом отношении современная глобализация не обязательно ограничивается, как утверждают многие гиперглобалисты, сферой политической деятельности и государственных инициатив. Наоборот, как было показано в предыдущих главах, благодаря политизации и регулированию экономических, культурных и экологических процессов современная глобализация может чрезвычайно расширить эту сферу. Тем не менее констатация высокой политизированности и регулируемости современной глобализации не означает признания исходных положений «скептической школы», согласно которым глобализация находится под эффективным контролем национальных правительств (понимаемого как государственное руководство или молчаливое согласие), и что возможности национального государства (понимаемые в самом широком смысле) остаются, в сущности, неизменными. Ибо сложная картина всех этих воздействий свидетельствует о том, что трансформация высокоразвитых капиталистических стран усиливается.

Все эти влияния — т. е. их основные тенденции и модели — на ключевые сферы глобализации в обобщенном виде представлены в текстовой таблице 3.3. Что же касается влияния глобализации на процессы и процедуры принятия решений, ясно, что глобализация многих сфер жизни изменила стоимость затрат, связанных с принятием того или иного политического решения, и выгод, которые оно приносит, а также методы политического воздействия и соотношение между локальным, национальным, региональным и глобальным политическим правом выбора. Это очевидно, в частности, в экономической и экологической сферах, в которых одни политические решения, касающиеся макроэкономической политики или охраны окружающей среды, становятся, как правило, более дорогостоящими (в социальном, а также в финансовом смысле), а другие становятся более привлекательными. Так, например, в глобализирующейся финансовой системе экспансионистский макроэкономический курс для отдельных государств может стать весьма дорогостоящим, поскольку мировые финансовые рынки, осуществляющие кредитование, стремятся увеличить процентную ставку за счет надбавки за риск, особенно если такая экспансия усиливает (или считается усиливающей) инфляционные тенденции. Или возьмем глобальные экологические угрозы;

Текстовая таблица 3.3 Кумулятивные воздействия новейшего этапа глобализации на развитые капиталистические с

	<i>Влияния на сферу принятия решений</i>	<i>Институциональные влияния</i>	<i>Дистрибутивные влияния</i>	<i>Структурные влияния</i>
<i>Сфера политики</i>	Изменение соотношения между внутрполитическими и международными/транснациональными политическими акциями с точки зрения их цены и выгоды	Возникновение внутренних проблем, имеющих международное значение Многостороннее, региональное и многоступенчатое правление Новые сферы политической мобилизации, действия и авторитета — образование элементов транснационального гражданского общества	Построение коалиции, политическая мобилизация, диффузия власти и властных полномочий	Размывание границ между внутренним и внешним Диффузия политической власти и властных полномочий Новые режимы суверенитета и независимости Взаимопересекающиеся сферы с общей судьбой

				Властные полномочия в присутствии территории Переход от правительству к самоуправлению
<i>Военная сфера</i>	Изменение цены и выгоды использования военной силы Военная стратегия и изменение в праве выбора	Переосмысление национальной безопасности как безопасности международной Совместная безопасность и оборона Многосторонность	Транснационализация военной продукции Новые победители и проигравшие Переструктурирование оборонной промышленности, например в передовых странах Европы	Война как «рациональный» инструмент национальной политики ставится под сомнение Постмилитарное общество Переосмысление стратегии национальной политики безопасности

Текстовая таблица 3.3 продолжение

	<i>Влияния на сферу принятия решений</i>	<i>Институциональные влияния</i>	<i>Дистрибутивные влияния</i>	<i>Структурные влияния</i>
<i>Экономика: торговля, финансы, производство</i>	Изменения относительных затрат и выгод от проведения той или иной политики на уровне макроэкономики, производства в целом и отдельных сфер производства, а также использования тех или иных политических инструментов Изменение затрат и выгод, процентных ставок и обменного курса Тенденция к единой фискальной политике — обложения налогом и стимулирование корпораций Неуместность и прекращение интервенционистской экономической политики старого типа	Усиливающееся влияние глобального соревнования Рост глобальных и трансграничных производственных структур Рост многостороннего экономического надзора и регулирования Новые дилеммы: либерализации и дерегулирование или государственное управление?	Новое глобальное разделение труда Изменение соотношения сил между национальным и международным промышленным и финансовым капиталом Изменение границы между рыночным и нерыночным секторами Изменение стоимостного соотношения между квалифицированным и, напротив, неквалифицированным трудом Экономическая конкуренция между всеми развитыми капиталистическими странами	Изменение балансов государств и регионов Торговая специализация меняющиеся промышленные структуры Разделение производства на национальное и международное но-транснационализация Системный риск
<i>Сфера культуры</i>	Изменение стоимости и выгод национальной культурной политики Обилие культурных символов затрудняет цензуру	Изменение контекста воспроизводства национальной культуры Будущее национальной культуры под вопросом	Изменение баланса между западными и незападными культурами Новые социальные движения	Мультикультурализм Этнические общины Размывание культурных границ
<i>Миграция</i>	Новые дилеммы: пограничный контроль или наблюдение? Увеличение стоимости закрытых границ	Необходимость международного контроля Миграция как проблема безопасности	Дифференциальные модели занятости и процветания Трудовой рынок имеет разные последствия для квалифицированных и неквалифицированных групп	Национальная идентичность гражданство оказывается вопросом Возникновение мигрантских обществ

Экологическая сфера	Изменение соотношения цен/выгод внутренней политики и международных акций	Экологические проблемы на- всегда вошли в список гло- бальных и национальных проблем Мониторинг окружающей среды	Трансформация в сфере рас- пределения экологических благ и зол Страны, которые наиболее сильно загрязняют окружаю- щую среду не всегда несут в связи с этим наибольшие за- траты Торговля опасными отходами — грузовой экспорт эко- логических загрязнителей	Взаимопересекаю- щиеся экологические сооб- щей судьбой — на- чальной, региональной Под вопросом ока- зывается способ- ность государ- ства эффективно решать экологические проблемы Важность государствен- ных решений в этих проблем
---------------------	---	---	--	--

522

поскольку с политической точки зрения они делаются все более очевидными, социальные издержки и выгоды от координированных международных действий начинают перевешивать социальные издержки и выгоды от бездействия тех или иных государств.

Кроме того, нынешние модели глобализации оказывают серьезное институциональное влияние, поскольку создают иные институциональные проблемы и стимулируют институциональные инновации. Так, появление системы мировой торговли и развитие мировых производственных структур превратили глобальную конкуренцию в новый критерий национальной и корпоративной экономической эффективности и способствовали реорганизации государственного и частного секторов, призванной максимизировать преимущество отдельной страны в конкурентной борьбе, разворачивающейся в условиях глобального экономического порядка. Точно так же и в политической сфере глобализация привела к интернационализации деятельности бюрократических структур отдельных государств и потребовала в контексте этого процесса развития новых форм координирования политических линий этих государств и создания бюрократической структуры для управления интернационализацией процесса принятия политических решений.

Наряду с этими институциональными последствиями современная глобализация оказывает и значительное дистрибутивное влияние. В сфере экономики и производства она влечет за собой новый тип разделения труда, формирующий мировую и национальную модель относительных победителей и неудачников, исходя из экономической активности во всем мире. Однако модель экономической стратификации неприменима к другим сферам, поскольку географические модели мировых путей перемещения капитала, рабочей силы (arms), людей, распространения загрязнения окружающей среды часто, как указывалось выше, совершенно различны. Вследствие этого глобализация может углубить существующие в странах ОЭСР социальные различия, одновременно с этим порождая новые. Различное в разных странах влияние мировой миграции и загрязнения окружающей среды, похоже, подтверждает это. К тому же эти дистрибутивные влияния глобализации имеют важные последствия для внутренней политики и государственной власти, поскольку могут инициировать появление новых коалиций социальных сил и/или способствовать разрыву существовавших ранее социальных соглашений. Это очевидно, например, в сфере торговой политики, в которой традиционные протекционистские коалиции, по-видимому, исчезли, поскольку социальные силы, которым выгодны более открытые национальные рынки, становятся более самостоятельными в политическом отношении и более влиятельными, хотя и необязательно более многочисленными. Кроме того, такого рода дистрибутивные сдвиги могут способствовать и лежащим в их основе структурным изменениям.

Современная глобализация связана с возрождением государственной власти в развитых капиталистических странах. Те кумулятивные последствия глобализации, которые проявляются в этих странах, свидетельствуют о том, что они переживают процесс глубокой трансформации, в ходе которой их властные полномочия, роли и функции переосмысляются, перестраиваются и вступают в промежуточную сферу глобализирующих и регионализирующих систем и структур. Такие метафоры, как «утрата», «сужение» или «размывание» государственной

523

власти дают иногда искаженное представление об этой перестройке или трансформации. Действительно, подобного рода язык не позволяет адекватно осмыслить сущность власти и ее

сложные проявления, так как за ним скрывается примитивное представление о власти как об игре с нулевой суммой. В предыдущих главах было показано, что такое представление совершенно бесполезно при попытках понять и объяснить то явно противоречивое положение, в каком оказались развитые капиталистические страны в условиях современной глобализации. Поскольку в сфере экономики глобализация вызывает перестройку отношений между государством и рынком, высокоразвитые капиталистические страны и самые разные их институты оказываются глубоко вовлеченными в сам этот процесс. Экономическая глобализация совсем необязательно ведет к ослаблению государственной власти; она скорее изменяет условия, при которых проявляется эта власть. Более того, в других сферах, — таких, как миграция, экология, культура, — развитые капиталистические страны заняли более активную позицию, в области же политики взяли на себя ведущую роль в деле колоссального усиления и институционализации регионального глобального правления. Эти явления не относятся к числу тех, которые могут быть убедительно объяснены с помощью понятий упадка, размывания или гибели государственной власти *per se*. Подобного рода метафоры наводят на (ложную) мысль о том, что государственная власть была якобы гораздо сильнее в предыдущие эпохи; на самом же деле, как напоминает нам М. Манн, практически со всех точек зрения государственная власть в высокоразвитых капиталистических странах гораздо мощнее, чем когда бы то ни было (Mann, 1997). Но вследствие этого и требования, которые к ней предъявляются, намного выше. Происходящие в условиях современной глобализации одновременно и явное ослабление государственной власти, и расширение сферы ее действия, которые наблюдаются в развитых капиталистических странах, являются симптомами глубокой структурной трансформации. Нигде это так не очевидно, как в том, что касается государственного суверенитета и независимости, которые, как было отмечено во Введении, составляют наиболее существенные элементы современного национального государства. Есть много серьезных оснований для того, чтобы сомневаться в теоретической и эмпирической обоснованности утверждений о том, что в условиях современной глобализации национальные государства как бы уходят в тень. Позиция, которую мы последовательно отстаивали в этой книге, позволяет нам одинаково критически относиться и к гиперглобалистам, и к скептикам. Мы стремились подчеркнуть, что, хотя региональные и глобальные структуры взаимосвязей укрепляются, они влекут за собой сложные и разнообразные последствия для разных мест. Но при этом мы не стремились доказать, что суверенитет государства сегодня совершенно разрушен, даже если бы речь шла о таких сферах, где властные структуры пересекаются и властные полномочия оказываются разделенными — такое высказывание совершенно исказило бы нашу позицию. Мы же стремились доказать, что существуют обширные области и регионы, для которых характерно проявление взаимной лояльности, наличие противоречащих друг другу представлений о правах и обязанностях человека, взаимосвязях правовых и властных структур и т. п., в которых — особенно это относится к развитым капиталистическим странам — принято считать, что суверенитет есть абсолютная, неделимая и единственно возможная форма государственной власти. Модели ре-

524

гионального и глобального изменения трансформируют контекст политического действия, образуя систему многочисленных центров власти и взаимопересекающихся сфер ее проявления — поствестфальский порядок (см. гл. 1).

Ни суверенность, ни независимость государств отнюдь не слабеет в результате этих процессов. Действительно, любая оценка совокупных влияний глобализации должна признать их крайне дифференцированный характер, поскольку отдельные типы влияний — институциональные, структурные, дистрибутивные или связанные с процессом принятия решений — сказываются в разных государствах по-разному. Глобализация, как мы уже неоднократно подчеркивали, никоим образом не является всего лишь гомогенизирующей силой. Анализ степени участия в процессах глобализации шести стран, выбранных нами в качестве объекта нашего исследования и рассматриваемых на всем протяжении данного труда, обнаруживает значительные расхождения между ними — и внутри каждой из основных сфер глобализации, и во всех сферах, вместе взятых. Более того, влияние глобализации во многом зависит от положения государства в мировой политической, военной и экономической

иерархии; его внутренних экономических и политических структур; особенностей его правительства, а также от социеталь-ных стратегий в отношении тех требований глобализации, которые она предъявляет к конкуренции, управлению и совершенствованию (Hurrell and Woods, 1995; Keohane and Milner, 1996; Jessop, 1997; Mann, 1997). Происходящая сейчас трансформация вестфальской системы суверенитета и независимости имеет разные последствия для разных государств.

Политические сообщества и цивилизации больше не могут быть охарактеризованы как «обособленные друг от друга миры»; они вовлечены в сложные структуры пересекающихся сил, отношений и движений, которые по-разному влияют на них. Как мы видели, они, несомненно, структурированы существующим между ними неравенством и иерархией. Но даже самые сильные из них, включая самые мощные национальные государства, не остаются незатронутыми меняющимися моделями региональных и глобальных потоков и структур. Верно и то, что характер отдельных трансформаций и характер их влияний на отдельные формы политического сообщества весьма разнообразны. Две иллюстрации — одна из области законодательства по правам человека, другая — из сферы политики, проводимой в отношении процентных ставок — покажу, в чем тут суть дела.

В результате тех изменений, которые произошли в процессе развития международного законодательства по правам человека, индивиды, правительства и неправительственные организации оказались в новых системах правового регулирования. Международное право признает силу и принуждение, права и обязанности, которые во многих существенных отношениях ограничивают принцип государственного суверенитета; теперь суверенитет *per se* уже не является автоматической гарантией международной легитимности. Одной из самых важных сфер в этой связи, несомненно, является законодательство по правам человека и режимы прав человека; но несомненно и то, что влияние такого законодательства и таких режимов неодинаково. Хотя международное право постепенно отошло от принципа, согласно которому государственный суверенитет необходимо отстаивать независимо от того, какие последствия будет это иметь для индивидов, групп и сообществ, уважение, проявляемое к автономии субъекта и к широкому спектру прав человека, в разных регионах мира различно. В Европе сегодня прак-

тически все страны подписали конвенции, согласно которым государства больше не могут обращаться со своими гражданами так, как им вздумается. Режимы прав человека оказывают заметное влияние и на внутреннюю и внешнюю политику США — хотя это, конечно, совсем не означает, что они соблюдаются или применяются неукоснительно. Где-то еще, несмотря на очевидное, казалось бы, международное правовое регулирование, плюсы и минусы выбранного политического курса могут привести к совершенно иной расстановке приоритетов — например, во многих странах к югу от Сахары — таких, как Нигерия. Хотя там и признали, что требования, предъявляемые от имени межгосударственной системы, должны быть подчинены требованиям, предъявляемым от имени некой альтернативы, закладывающей основы такого мирового порядка, при котором неограниченный государственный суверенитет не является больше верховным принципом, последствия этого признания остаются весьма неопределенными и разными для разных регионов.

Изменения в международном праве и режимах прав человека посягают на суверенитет государств, но все-таки не на независимость всех государств, по крайней мере систематически. *De jure* легитимность власти может до известной степени измениться, но *de facto* независимость государства глубоко ущемлена быть не может — несомненно, вследствие слабости механизмов применения права. Примером обратного может служить финансовая глобализация и ее воздействие на макроэкономическую политику. Ибо это пример радикального влияния глобализации не на суверенитет *per se*, а на независимость государства. Финансовая глобализация *de jure* вообще не ставит под вопрос легитимность той или иной формы правления, но *de facto* ограничивает независимость государств в том, что касается выбора и преследовании ими их собственных политических предпочтений и интересов.

Финансовая глобализация предполагает, что национальные процентные ставки в значительной степени обусловлены общемировой ситуацией в данной сфере (см. гл. 4). Хотя это и трудно себе представить, но в принципе можно было бы объединить процентные ставки, выраженные в общей валюте, и установить единый стандарт реальных норм прибыли. В

условиях системы фиксированных валютных курсов правительства должны признать процентную ставку необходимой для поддержания паритета между валютами. При «плавающих» процентных ставках правительства стран свободны (в пределах рынка) в выборе своих процентных ставок при условии, что они мирятся с их последствиями — валютными курсами. Теоретически существование мировых финансовых рынков предлагает правительствам стран новую альтернативу, так как существование гибких валютных курсов предполагает ведение самостоятельной валютной политики: страны устанавливают выгодные для себя процентные ставки, и валютный курс становится гарантией сохранения паритета между процентными ставками разных стран. Правительства — по крайней мере, стран ОЭСР — имеют свободный доступ к мировым финансовым рынкам. Даже если они не могут сделать неограниченный заем при данной процентной ставке, давление на процентные ставки, нарастающее со стороны делающего заем правительства, гораздо меньше, чем оно могло бы быть (или было) при отсутствии мировых рынков ценных бумаг.

Таким образом, трудно согласиться с мнением, что финансовая глобализация просто ограничила независимость национальных государств в каком-то одном

526

направлении; она не привела к простому расширению или сокращению полной независимости государств или выбора ими того или иного политического курса. Но затраты и выгоды, связанные с этим выбором, безусловно, изменились. Так, финансовая либерализация заставила правительства стран больше полагаться на процентные ставки как *главный* инструмент своей валютной политики, поскольку манипулирование капиталом, выделение резервных денежных средств, кредитные ограничения и другие рычаги управления становятся менее эффективными и/или более дорогостоящими инструментами макроэкономической политики. В то же время контроль над всем, кроме краткосрочных процентных ставок, ослабел, и при политике фиксированного или регулируемого валютного курса контроль даже над краткосрочными процентными ставками был в значительной степени продиктован существованием фиксированной валюты и требуемой рынками надбавкой за риск. Отказ от использования рычагов манипулирования капиталом и масштабы финансовой глобализации предопределили строгое следование валютным принципам данной политики и порожденные этим антиинфляционные меры. Эти меры иногда усиливались тем же путем, каким надбавка за риск в некоторых странах ведет к повышению процентных ставок. Новую инициативу Европы по созданию единой европейской валюты можно рассматривать, в частности, как отражение той точки зрения, согласно которой независимая национальная валютная политика подорвана настолько, что восстановить ее можно только на европейском — региональном — уровне.

Финансовая глобализация усугубляет некоторые парадоксы национальной экономической политики. Краткосрочные процентные ставки стали основным инструментом валютной политики, поскольку контроль за предоставлением кредитов стал менее управляемым, а выделение резервных денежных средств как эффективный инструмент валютного регулирования открыто использоваться больше не может. В некоторых аспектах процентные ставки стали играть более важную роль в экономике: объемы кредитов больше зависят от них, чем от непосредственного регулирования; либерализация и рост индивидуальных займов увеличили влияние процентных ставок на семейные бюджеты и на потребление; наконец, большое значение с макроэкономической точки зрения имело их влияние на валютные курсы, а также на инвестиционные решения. Однако, хотя правительства стран (не входящих в состав Европейского валютного союза) могут сохранить формальный суверенитет в том, что касается установления краткосрочных процентных ставок, пределах, в которых они могут колебаться, жестко ограничены мировыми рынками. Более того, даже в тех пределах, в каких правительства стран в состоянии устанавливать эти ставки, влияние изменений процентных ставок стало менее предсказуемым и контролируемым. Соответственно, порождая изменения в международном праве и режимах прав человека, финансовая глобализация не обязательно влечет за собой *de jure* ограничение суверенитета, но она, несомненно, трансформирует режим финансовой независимости национальных государств, а значит, — и их возможности выбирать и проводить в жизнь свою экономическую стратегию.

Итак, традиционные представления о государственном суверенитете и независимости пересматриваются и переосмысливаются в рамках изменяющихся процессов и структур регионального и глобального порядка. Более того, государства заключены в различные сложным образом пересекающиеся друг с другом поли-

тические сферы — те, которые мы ранее определили как многоступенчатое правление. Таким образом, национальный суверенитет и независимость государства должны пониматься как включенные в более широкую систему правления, в рамках которой они составляют всего лишь один ряд принципов, которые наряду с прочими лежат в основе политической власти. Вестфальская система государственного суверенитета и независимости подвергается значительной трансформации, по мере того как она меняется в наиболее важных ее аспектах. Но отсюда вовсе не следует, что эта трансформация носит характер явный или неизменный.

НОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ? «ЦИВИЛИЗУЮЩАЯ» ИЛИ ДЕМОКРАТИЗИРУЮЩАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Если для многих гиперглобалистов современная глобализация ассоциируется с новыми ограничениями политики и размытием государственной власти, то мы отстаиваем здесь точку зрения, критическую по отношению к подобного рода политическому фатализму. Как было показано в предыдущих главах, современная глобализация не только инициировала или значительно усилила политизацию множества возникающих проблемных областей; она также сопровождалась чрезвычайным ростом институционализированных сфер и структур политической мобилизации, контроля, принятия решений и регулирования, которые функционируют, невзирая на национальные границы. Это значительно расширяет сферу и возможности политической деятельности и применения политической власти. В этом смысле глобализация не выходит — и вряд ли когда-нибудь выходила — за рамки регулирования и управления. Глобализация означает не столько «конец политики», сколько продолжение ее новыми средствами. Таким образом, перспективы «цивилизующей» и «демократизирующей» современной глобализации не так мрачны, как это кажется многим. Считать так, однако, не значит игнорировать глубокие интеллектуальные, институциональные и нормативные проблемы, которые она ставит перед существующей структурой политических сообществ. Политические сообщества находятся в состоянии трансформации. Конечно, трансформация *per se* — явление не новое. История политических сообществ, как это показано в гл. I, изобилует изменяющимися формами и структурами, начиная от империй и национальных государств и кончая появляющимися региональными структурами и организациями, осуществляющими глобальное правление. Одному из типов трансформации мы уделили особое внимание в этой книге, а именно — значительному, хотя и неравномерному, переплетению друг с другом со временем человеческих обществ. Хотя еще Римская империя, а во второй половине I тыс. Арабский халифат продемонстрировали внушительное проявление власти над временем и пространством, все более и более регулярно контактировать друг с другом почти во всех регионах мира человеческие сообщества стали лишь в последние несколько сот лет и общие судьбы человеческих сообществ переплелись окончательно. Этот сдвиг, а также его последствия для программы цивилизующей и демократизирующей глобализации мы и рассмотрим в этом — последнем — разделе Заключения.

Как неоднократно говорилось на протяжении всей этой книги, мы осознаем сегодня совокупность изменений в различных социально-экономических сферах, которые объединяются для образования исключительной по своей широте и ин-

тенсивности формы региональных и мировых взаимосвязей. Эта совокупность изменений содержит ряд преобразований, которые могут быть поняты как глубокие и показательные структурные трансформации. Они включают в себя эволюцию таких явлений, как режимы прав человека, которые способствуют тому, что один только суверенитет становится все меньшей и меньшей гарантией признания того или иного государства легитимным с точки зрения международного права; интернационализация безопасности и транснационализация огромного количества программ обороны и снабжения, подразумевающие, в частности, что некоторые основные системы вооружения производятся на базе комплектующих, изготовленных в нескольких странах; изменения состояния окружающей среды, прежде всего истощение озонового слоя и глобальное потепление, которые накладывают все больше ограничений на политику, проводимую исключительно в интересах того или иного государства; революции в сфере коммуникационных и информационных технологий, которые резко увеличили эластичность и интенсивность всевозможных социально-политических структур как внутри государств, так и

между ними; дерегулирование рынков капитала, усилившее власть капитала, финансового и не только, в тех аспектах, где он связан с трудом и государством.

Все эти весьма значительные изменения способствуют трансформации сущности политического сообщества и его перспектив. В основе этого лежит рост приграничных и трансграничных политических проблем и спорных вопросов, которые стирают различия между внутренними и внешними делами страны, внутренними политическими проблемами и внешними спорными вопросами, тем, что находится в компетенции суверенного национального государства и тем, что подлежит международному рассмотрению. Государства и правительства сталкиваются с такими проблемами, как СПИД, распространение бычьей губчатой энцефалопатии и малярии, эксплуатация невозстановимых ресурсов, хранение и утилизация ядерных отходов, проблемы культурных диаспор и распространение оружия массового уничтожения, — иначе говоря, с такими проблемами, которыми не могут быть однозначно определены в традиционных политических терминах, т. е. как внутренние или международные. Более того, такие проблемы, как местонахождение и инвестиционная политика многонациональных корпораций, регулирование мировых финансовых рынков, развитие Европейского валютного союза и грозящая налоговой базе отдельных стран опасность, являясь последствиями мирового разделения труда и отсутствия рычагов манипулирования капиталом, ставят вопрос о дальнейшей эффективности некоторых традиционных инструментов национальной экономической политики. Действительно, то, что национальные политические сообщества во всех основных сферах правительственной политики участвуют в различных региональных и политических процессах, вовлекает их в острые проблемы трансграничной координации и контроля. В том, что касается эффективного руководства и ответственности политической власти, понятие политического пространства больше не связано с национальной территорией, имеющей определенные границы. Увеличение числа трансграничных проблем ведет к образованию того, что было названо здесь «пересекающимися сообществами с единой судьбой»; т. е. к положению, при котором судьбы и перспективы отдельных политических сообществ все больше и больше сливаются друг с другом (см.: Held, 1995.1996; Archibugi et al., 1998). Сегодня поли-

529

тические сообщества в той или иной степени вовлечены во множество процессов и структур, которые по-разному их ранжируют и по-разному в них проявляются, разделяя их и вместе с тем связывая в сложные конstellации. Более того, национальные сообщества, решая такие проблемы, как регулирование сексуальной жизни, здоровья и состояния окружающей среды, принимают то или иное решение и выбирают тот или иной политический курс, исходя отнюдь не из своих собственных интересов; правительства стран устанавливают, что является оправданным и подходящим отнюдь не только для их граждан.

Предположение, что сущность политического сообщества и его возможности можно объяснить простой ссылкой на национальные структуры и механизмы политической власти, представляется сегодня, безусловно, анахронизмом. Хотя было бы ошибкой на основании видимого изменения современных структур взаимосвязей делать вывод, что политические сообщества сегодня не имеют четкого разделения или географического разграничения, но они сколько-то времени тому назад были сформированы многочисленными структурами взаимосвязей и властными системами, а потому и продолжают существовать, будучи более мощными. Таким образом, возникают вопросы как о судьбе идеи политического сообщества, так и о соответствующем локусе артикуляции политического блага. Если некто, находящийся в центре современного политического дискурса, будь то индивид, группа или правительство, вовлечен во множество взаимопересекающихся сообществ и сфер полномочий, то подлинное «место обитания» политики и демократии становится очень сложной для разрешения проблемой.

Наиболее очевидно такое положение дел в Европе, где развитие ЕС породило горячие дискуссии относительно будущего суверенитета и независимости отдельных национальных государств. Но эти вопросы важны не только для Европы и для Запада, но и для стран в других частях света — например, для Японии и Южной Кореи. Эти страны должны осознать появляющиеся новые проблемы, в частности проблемы, касающиеся СПИДа, миграции и новых вызовов безопасности, экономическому процветанию и миру во всем мире, которые распространяются невзирая на государственные границы. Кроме того, страны Восточной Азии, как показывают последние события, развиваются в контексте растущей взаимо-

связанности основных регионов мира. Эта взаимосвязанность отмечена в целом ряде сфер человеческой жизни, начиная с прав человека, торговли, финансов и состояния окружающей среды и кончая проблемами международной преступности. Появляются пересекающиеся сообщества с единой судьбой, что ведет к возникновению проблем, затрагивающих весь восточно-азиатский регион. Другими словами, Восточная Азия является неперменной составной частью мирового порядка, и она вовлечена во множество центров власти, которые формируют и обуславливают ее судьбу.

Глобальные трансформации сильно изменили наше представление о политическом сообществе и, в частности, наше представление о демократическом политическом сообществе как о чем-то таком, что нередко разделяется на «внутреннюю» и «внешнюю» сферы политической жизни. Нетрудно понять, что «качество» демократии определяется тем, насколько процесс принятия политических решений зависит от граждан данного сообщества. Ясно и то, что «качество» демократии зависит не только от формального доступа граждан к сфере публичных отношений и политике, но также и от доступа их к процессу обсуждения и

530
принятия государством тех или иных решений. Сегодня считается общепризнанным, что «качество» демократии зависит от сложных процессов, посредством которых граждане получают или не получают доступ к ресурсам и механизмам политической сферы — доступ, который отражает сложную модель, состоящую из экономических факторов, культурных процессов и участия в социальной жизни. Однако до сих пор редко еще признают, что характер, форма и перспективы политических сообществ затемнены различными взаимосвязями между ними. Хотя ввести у себя национальную демократию стремится все больше стран, мощные силы, определяющие наше социальное, экономическое, культурное благополучие, а также благополучное состояние окружающей среды, выходят сегодня за пределы границ национальных государств. В связи с этим возникают фундаментальные вопросы о смысле демократии и гражданства.

В современных либеральных демократиях доверие граждан правительству и легитимность правительственной деятельности зависят от электоральной политики и избирательной урны. Однако представление об этом доверии как о чем-то таком, что делает государство легитимным, и об избирательной урне как о механизме, посредством которого граждане как единое целое периодически предоставляют государству полномочия принимать те или иные законы и регулировать экономическую и общественную жизнь, становится проблематичным, как только встает вопрос о природе «релевантного общества». Что такое настоящий электорат и что такое подлинная сфера юрисдикции, если речь идет о проведении политики в отношении таких связанных со здоровьем проблем, как СПИД, наркотики, контроль за ядерными отходами, военная безопасность, вырубка тропических лесов, положение коренного населения, эксплуатация невозобновимых ресурсов, нестабильность мировых финансовых рынков, применение генной инженерии и манипулирование животными и людьми? Национальные границы традиционно служили тем основанием, по которому индивиды допускались к процессу принятия решений, затрагивающих их жизнь, и отстранялись от участия в нем; но если многие социально-экономические процессы и последствия решений, принимаемых по поводу этих процессов, выходят за пределы государственных границ, то последствия этого оказываются серьезными не только для таких категорий, как «доверие» и «легитимность», но и для всех важнейших демократических идей. Под вопросом оказывается природа политического сообщества: какие границы должны быть очерчены для него в рамках более регионального и глобального порядка? Кроме того, могут возникнуть вопросы относительно значения представительства (кто кого должен представлять и на какой основе?) и настоящей формы и сферы политического участия (кто должен участвовать и каким образом?). Поскольку фундаментальные процессы правления ускользают от описания их в категориях национального государства, традиционные национальные решения ключевых вопросов демократической теории и практики кажутся все более устаревшими.

Идея правительства или государства (демократического или не демократического) больше не может защищаться просто как идея, применимая к отдельному замкнутому политическому сообществу или национальному государству. Представление о политическом сообществе с единой судьбой, т. е. идея самоопределяющей общности, больше не может быть сколько-нибудь значимым образом определена в рамках границ одного государства-нации. Некоторые из наиболее

чимых сил и процессов, обуславливающих характер жизненных возможностей внутри политических сообществ, теперь находятся за пределами сферы влияния национальных государств. Система национальных политических сообществ, разумеется, продолжает существовать; однако сегодня она осмысливается и переосмысливается в рамках сложных экономических, организационных, управленческих, правовых и культурных процессов и структур, которые ограничивают и сдерживают ее эффективность. Если эти процессы и структуры не признаются и не приносятся в политическую сферу, то они, как правило, стремятся проигнорировать или как-то обойти традиционные механизмы политической подотчетности и регулирования. Поскольку «локусом» эффективной политической власти не может больше признаваться национальное правительство, то эффективная власть формируется и меняется под влиянием различных сил и факторов на национальном, региональном и глобальном уровнях, которые и ведут за нее борьбу. Другими словами, мы должны признать, что политическая власть репозиционируется, реконтекстуализируется и в значительной степени трансформируется под влиянием роста значимости других, в меньшей степени территориально обусловленных систем власти. Политическая власть сегодня занимает промежуточное положение между более сложными системами власти, которые с течением времени все больше выступают в связи с государственной властью.

Таким образом, мы должны признать, что живем в сложном взаимосвязанном мире, где обширность и острота проблем (экономических, политических или ин-вайронментальных) и оказываемое ими влияние заставляют задумываться о том, кому их уместнее адресовать. Если наиболее мощные геополитические силы не должны решать многие вопросы исключительно в своих собственных интересах и на основании своей мощи, то современные институты и механизмы подотчетности должны быть пересмотрены. В самом деле, их переосмысление уже началось как в практическом, так и теоретическом плане. Более того, можно выделить три основные школы, которые предлагают три взаимопересекающиеся программы по регулированию и демократизации современной глобализации. Эти три школы, или три программы, в обобщенном виде представлены в таблице 3.1.

Предположение о том, что демократизирующую и цивилизационную функцию вынуждает выполнять глобализацию политическая необходимость, свойственно либеральной интернационалистской мысли. Для того чтобы избежать глобального экологического кризиса и управлять распространяющейся социальной, экономической и политической дестабилизацией, вызванной процессами современной глобализации, «потребуется воспитать дух сотрудничества, основанного на принципах согласования, прозрачности и подотчетности... Иной альтернативы, кроме как трудиться вместе и применять коллективную власть с целью построить более совершенный [демократичный] мир — не существует» (Commission of Governance, 1995> P- 2, 5). В ключевых вопросах либеральный интернационализм является нормативной теорией, которая стремится превратить слабую форму национальной либерал-демократии в модель демократического мирового порядка (I. Clark, 1989, p. 215)- Такие ее современные сторонники, как Комиссия по глобальному управлению (Commission on Global Governance), стремятся построить идеал «неограниченной демократии» на основе системы теоретических взглядов современной либерально-демократической мысли.

Если либеральный интернационализм подчеркивает *реформистский* харак-

Таблица 3.1 Цивилизующая и демократизирующая глобализация новейшего времени: краткое содержание трех проектов

	Либеральный интернационализм	Радикальный республианизм	Космополитическая демократия
Кто должен управлять?	Народ через правительства, ответственные международные организации и международные режимы	Народ через самоуправляемые сообщества	Народ через сообщества, государства, международные организации, являющиеся субъектами космополитической ответственности

Форма глобального управления?	<i>Полирхия</i> (polyarchy) — плюралистическая фрагментированная система, разделенный суверенитет	<i>Демархия</i> (demarchy) — функциональное демократическое правление, лишенное национального суверенитета	демократического правления. <i>Гетерархия</i> (heterarchy) — разнородная система правления, являющаяся субъектом конституционного демократического права
Главные исполнительные институты/инструменты, процессы демократизации	Ускоряющаяся взаимозависимость, собственный интерес главных исполнительных институтов власти при создании более демократических/кооперативных форм глобального правления	Новые социальные движения, надвигающиеся глобальные экологические, экономические кризисы и кризисы безопасности	Конституциональная институциональная реконструкция, интенсификация глобализации и регионализации, новые социальные движения, возможные глобальные
Традиции демократической мысли Этика глобального	Либеральная демократическая теория — плюрализм и протекционистская демократия, социал-демократический реформизм «Общие права и разделенная ответственность»	Прямая демократия, представительная демократия, гражданский республиканизм, социалистическая демократия «Гуманное правление»	Либеральная демократическая теория, плюрализм и гражданская демократия, представительная демократия, гражданский республиканизм «Демократическая авторитарность»
Способ политическая трансформации	<i>Реформа</i> глобального правления	<i>Альтернативные структуры</i> глобального правления	<i>Реконструкция</i> глобального правления

Источник: McGrew, 1997> 254

Р-

533

тер преобразования существующих структур мирового правительства, то радикальная программа — создание *альтернативных* механизмов мировой социальной, экономической и политической организации, основанной на определенных республиканских принципах: т. е. самоуправление сообществ, для которых общественное благо превышает все (ср.: Burnheim, 1986; Walker, 1988; Falk, 1995). Радикальная республиканская программа касается формирования условий, необходимых для того, чтобы дать возможность людям самим контролировать свою жизнь и создавать сообщества, основанные на идеях равенства, общественного блага и гармонии с природной средой обитания. В глазах многих радикальных республиканцев агенты изменений должны найтись среди таких современных (критически настроенных) социальных движений, как движения в защиту окружающей среды, движения женщин и движения в защиту мира, которые порицают руководителей государств и международных организаций, а также традиционные определения «политического». Проводя политику сопротивления и одобрения, эти новые социальные движения играют, как представляется, такую же важную роль в мировой демократизации, какую играли в борьбе за национальную демократию такие традиционные социальные движения, как профсоюзы. Эти новые движения вовлекаются в образуемые транснациональные коалиции под знаменами солидарности в борьбе с грядущими глобальными кризисами в сфере экологии, экономики и безопасности. В основе этих программ лежит преданность делу достижения социального и экономического равенства, созданию условий, необходимых для самостоятельного развития, и образованию самоуправляющихся сообществ. Поощрение и развитие в гражданах чувства принадлежности к взаимопересекающимся (локальным и глобальным) сообществам, объединенным интересами и чувствами, составляет основную цель политической деятельности новых социальных движений, равно как и поиск новых моделей и форм социальной, политической и экономической организации, совместимых с республиканским принципом самоуправления. Радикальная республиканская модель представляет собой теорию «глубинной» демократизации и цивилизации мирового порядка. Это — нормативная теория «гуманного управления», которая опирается на факт существования множества «сообществ с общей судьбой» и социальных движений, в отличие от индивидуализма и призывов к рациональному эгоизму, свойственных либеральному интернационализму.

В третьем, космополитическом, проекте сделана попытка точно определить принципы подотчетности тех центров и форм власти, которые функционируют сегодня за пределами сферы демократического контроля, и разработать соответствующие институциональные устройства (см.: Held, 1995; Linklater, 1998; Archibugi et al., 1998). Согласно этому проекту, в грядущем тысячелетии каждый гражданин государства должен будет научиться быть «гражданином-космополитом», т. е. человеком, способным быть посредником между национальными тра-

дициями, сообществами с общей судьбой и альтернативными формами жизни. Гражданство в демократическом государстве будущего, утверждают сторонники этой программы, должно, по-видимому, привести к росту роли посредничества. Будучи погружено в диалог с чужими традициями и дискурсами, это посредничество имеет своей целью расширение горизонта собственной смысловой структуры и расширение области взаимопонимания. Политические агенты, которые могут «рассуждать с точки зрения других», будут лучше решать — при-

534

чем решать справедливо — новые и перспективные трансграничные проблемы и процессы, которые порождают взаимопересекающиеся сообщества с общей судьбой. Кроме того, космополитическая программа утверждает, что если современные формы власти должны стать подотчетными и если многие влияющие на нас сложные проблемы локального, национального, регионального и глобального характера должны демократически регулироваться, то люди должны будут иметь доступ в *различные* политические сообщества и быть их членами. Иначе говоря, в новом тысячелетии демократическое политическое сообщество превратится в такой мир, граждане которого будут иметь гражданство многих стран. Столкнувшись с взаимопересекающимися сообществами с общей судьбой, они вынуждены быть гражданами не только собственных сообществ, но и более широких регионов, в которых они живут, более широкого мирового порядка. Институты, разумеется, должны развиваться, чтобы отражать различные проблемы, вопросы и задачи, связующие людей воедино безотносительно к тому, в каких национальных государствах они родились или выросли.

Исходя из этого, сторонники космополитического подхода утверждают, что демократия должна быть переосмыслена как «двусторонний процесс». Под двусторонним процессом, или процессом двойной демократизации, подразумевается не только углубление демократии в рамках национального сообщества, включающее дальнейшую постепенную демократизацию государств и гражданских обществ, но и расширение демократических форм и процессов, происходящих независимо от национальных границ. В канун нового тысячелетия демократия должна позволить гражданам-космополитам получить доступ к разрывающим и трансформирующим границы их традиционного политического сообщества социальным, экономическим и политическим процессам и потокам, а также быть посредником между этими процессами и сделать их себе подотчетными. По сути, этот подход разрывает традиционную связь между возрожденной легитимной политической властью и постоянными границами и ограниченными территориями и, более того, осмысляет этот разрыв как неотъемлемый признак основных демократических соглашений или демократической конституции, которая в принципе может быть укреплена и использована в различных автономных объединениях, начиная от городов и субнациональных регионов и кончая национальными государствами, регионами и более широкими глобальными структурами. Очевидно, что процесс такого отделения уже начался, поскольку политическая власть и легитимные формы власти распространяются «вниз» и «вверх» в рамках национального государства, а также «около» него. Но приверженцы космополитической программы выступают за радикальное расширение этого процесса, насколько позволяют обязательства, выполнять которые необходимо даже при наличии самых широких демократических прав и обязанностей. Это предполагает ряд кратко- и долгосрочных мер при уверенности в том, что геополитические силы в процессе прогрессивного и углубляющегося развития превратятся в демократические организации и органы (см.: Held, 1995. pt- 3)-

Если глобализация касается этих процессов, подводя фундамент под трансформацию организации человеческой деятельности, сплачивая и расширяя эту деятельность таким образом, что она образует каркас межрегионального и межконтинентального изменения и развития, то многие наши заветные политические идеи, раньше сфокусированные на национальных государствах, должны быть пе-

535

реосмыслены и переработаны. Необходимо рассмотреть эти нормативные и институциональные проблемы чуть более подробно, чем мы делаем это сейчас. Однако раз мы живем в мире, характеризующемся глобальной политикой и многоуровневым управлением, то эффективность национальных демократических и правовых традиций весьма сомнительна.

Каким бы точным и подробным ни было изложение этой проблемы, оно неизбежно основано на признании, во-первых, взаимосвязанности сущности и характерных черт демократии в рамках отдельного сообщества и сущности и характерных черт демократических отношений между сообществами и, во-вторых, того, что для процветания демократии и самих политических сообществ должны быть созданы новые правовые и организационные механизмы. Но было бы совершенно неправильно заключить отсюда, что политика локальных или национальных демократических сообществ будет или должна быть полностью вытеснена новыми силами политической глобализации. Допустить это значило бы неправильно понять довольно сложное, многообразное и неравномерное влияние различных региональных и глобальных процессов на политическую жизнь. Разумеется, некоторые проблемы и политические решения останутся полностью на ответственности локальных правительств и национальных государств; другие будут признаны находящимися в ведении отдельных регионов; третьи же проблемы — такие, как элементы окружающей среды, обеспечение глобальной безопасности, вопросы мирового здравоохранения и экономическое регулирование — потребуют создания новых институтов, которые и будут заниматься их решением. Мы должны так переработать наши политические представления, чтобы не остаться политически пассивными перед этими региональными и глобальными метаморфозами. Есть все основания полагать, что новые политические меры не только необходимы, но и вполне возможны в свете уже происходящего изменения структуры региональных и глобальных процессов, возникновения центров по принятию политических решений — таких, как Европейский союз — и роста политических потребностей в новых формах политической дискуссии, разрешения конфликта и прозрачности в сфере принятия решений на международном уровне. В этом возникающем новом мире все города, национальные парламенты, региональные ассамблеи и глобальные власти могли бы получить различный, но взаимосвязанный набор ролей в рамках структуры, обеспечивающей подотчетность и публичное принятие решений. Выбор есть, и нам остается его сделать. Несомненно, вопрос о том, для того ли существуют культурные традиции и ресурсы, чтобы обеспечивать развитие демократизации не только национальных государств, но и более широкого регионального и глобального порядка, остается открытым (см. гл. 7). Хотя процессы глобализации и могут охватить фактически весь мир, они, как мы видели, необязательно порождают то ощущение глобального сообщества, от которого зависела бы легитимность мирового демократического правления. Действительно, многие мыслители утверждают, что ускоряющаяся глобализация лишь порождает и усугубляет конфликты, поскольку страны мира стремятся защитить свои интересы в рамках «мирового соседства» (Bull, 1977). Это дробление мира на нации, регионы, культуры и сообщества может сократить возможности транскультурного основания глобальной демократической политики. Так, в Азиатско-Тихоокеанском регионе процветает «азиатская» форма демократии, а в Африке рождаются местные демократические традиции и пред-

536

ставления о правах человека. Растущий национализм и глобальные различия усиливают культурные различия и раздробленность мира. Культурный релятивизм, все больше становясь заложником авторитарной политики, фактически подрывает основы консенсуса относительно демократии как мировой этики. Сегодня нет недостатка в аналитиках, предсказывающих, что современная международная система должна будет пониматься (и так будет всегда) в терминах эндемического конфликта и неравенства, пусть и смягченного редкими и робкими попытками глобального правления, не имеющего насильственных средств обеспечения мирового порядка. Легко впасть в пессимизм относительно будущего политических сообществ, демократии, перспектив достижения эффективной подотчетности в контексте меняющегося регионального и глобального порядка. Есть масса доводов в пользу таких настроений, в том числе и тот факт, что основные политические единицы мира по-прежнему состоят из национальных государств, хотя некоторые наиболее мощные в мире социально-политические силы вырываются за рамки этих единиц. Одно из последствий этого состоит в том, что наряду с новыми формами трайбализма появляются и новые формы фундаментализма, — и все они декларируют априорное преимущество особой религиозной, культурной или политической идентичности над всеми остальными, все они ставят свои цели и интересы превыше всего. Кроме того, реформа глобального правления,

которую планируют провести наиболее могущественные страны (например, реформу ООН), слишком часто сосредоточивается на попытках учесть интересы лишь других высокоразвитых стран — прежде всего Германии и Японии. Такая реформа укрепила бы определенные геополитические интересы, но сделав это за счет многих других стран, имеющих наиболее быстрые темпы экономического роста или наибольшую численность населения. Вероятно, такая позиция в конечном счете не получит поддержки.

Действуют, однако, и другие силы, дающие основания для более оптимистического взгляда на перспективы политического сообщества и демократической политики. Выше на протяжении всей книги обосновывалось существование сил и процессов, порождающих изменение политических культур, институтов и структур. Прежде всего, следует отметить появившиеся в XX в. региональные и глобальные институты и механизмы управления, пусть пока еще и слабые. Несомненно, у ООН много недостатков, но она образовалась сравнительно недавно и, будучи структурой, восприимчивой к инновациям, может быть перестроена. Структура ООН с несметным числом входящих в нее организаций служит с учетом всех ее слабых мест хорошим примером того, как нации могли бы лучше взаимодействовать при решении (и успешном решении) общих проблем. Иногда они так и действуют. Развитие такого мощного регионального сообщества, как Европейский Союз, также представляет собой поразительный факт. Еще пятьдесят лет назад Европа была на грани самоликвидации. С тех пор она разработала новые механизмы сотрудничества и соблюдения прав человека и новые политические институты не только для того, чтобы заставить государства-члены отчитываться по широкому кругу вопросов, но и для того, чтобы собрать воедино элементы их суверенитета. Кроме того, существует много региональных и транснациональных акторов, оспаривающих условия глобализации. Это не только корпорации, но и такие новые социальные движения, как движения в защиту окру-

537

жающей среды и женское движение. Эти «новые» голоса в пользу возникающего «транснационального гражданского общества» прозвучали, в частности, на конференции по охране окружающей среды в Рио-де-Жанейро, конференции по контролю за численностью населения в Каире и феминистской конференции в Пекине. Короче говоря, имеются тенденции к появлению новых форм общественной жизни и новых путей обсуждения региональных и глобальных проблем. Все они находятся на начальных стадиях своего развития; и нет никаких гарантий, что соотношение политических сил будет таково, что они смогут развиваться и дальше. Также нет никаких гарантий и того, что развитые капиталистические страны могут быть защищены и вскормлены в своей нынешней форме. Напротив, процессы трансформации, описанные в этой книге, предполагают, что эти страны, по крайней мере, реконтекстуализируются, репозиционируются и в какой-то степени видоизменяются под влиянием региональных и глобальных процессов. Если мы хотим сохранить наши самые заветные понятия (ограниченная политическая сфера, отличная от правителя и подданных, принцип господства права, политическая подотчетность, социальная справедливость и независимость индивидов — вот лишь некоторые из них) релевантными и эффективными и в грядущем тысячелетии, то должны изменить наши политические институты.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

В этом методологическом приложении дано обоснование некоторых предположений, которые были взяты за основу при обработке статистических данных и при выборе стран, ставших объектами настоящего исследования

ПОКАЗАТЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Для того чтобы оценить степень причастности того или иного государства к глобальной системе, мы разработали ряд количественных показателей. При этом мы ориентировались на уже существующие количественные исследования в области международных отношений, политической экономии, географии и социологии и на данные официальной статистики. Система показателей дает исключительную возможность для сбора эмпирических данных о взаимосвязях между странами, как на глобальном, так и региональном уровнях. Результаты исследования шести выбранных нами стран позволяют произвести сравнение относительной значимости глобальных сил (противостоящих в этом плане силам региональным) в формировании той окружающей среды, в которой действуют Великобритания, Германия, Франция, Швеция, США и Япония.

Для характеристики ключевых областей государственной активности и той степени, в какой они вовлечены в глобальные или региональные структуры взаимодействия, были разработаны пять категорий показателей. Эти пять категорий включают в себя следующие показатели:

1 *Политико-правовые показатели.* Эти показатели учитывают количество и типы договоров и

соглашений, налагающих на государство определенные обязательства; участие в международных правительственных институтах; взаимодействие с региональными межправительственными организациями и структурами, такими как Европейский Союз и Организации Американских государств; транспарентная деятельность внутреннего бюрократического аппарата; международное взаимодействие внутренних политических организаций, таких как политические партии, профсоюзы и коммерческие организации.

2 *Военные показатели.* Они складываются из величины затрат на оборону и содержание персонала, необходимых для выполнения союзнических обязательств; торговли оружием и той степени, в какой вооруженные силы зависят от зарубежных технологий и поставок; иностранного проникновения во внутреннее производство оружия; степени зависимости от зарубежных военно-командных и коммуникационных систем,

3 *Экономические показатели.* Они включают в себя объемы экспорта и импорта; размеры внешних и внутренних инвестиций; уровень внешних долгов и кредитов; степень активности на глобальных и региональных рынках; зависимость различных отраслей промышленности от зарубежных технологий; количество объединений с иностранными фирмами и корпорациями, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и на кооперацию в этой области.

4 *Социо-культурные показатели.* В их состав входят количественные данные об этническом, лингвистическом и религиозном составе населения; об уровне развития международной почтовой, телефонной и электронной связи; объемы экспорта и импорта культурной продукции; доля информационных и коммуникационных предприятий, которыми владеют и которые контролируют зарубежные корпорации; степень зависимости от иностранных коммуникационных систем.

539

5 *Экологические показатели.* Это показатели, характеризующие вклад той или иной страны в решение проблемы вывоза опасных отходов, уменьшения озонового слоя, кислотных дождей и глобального потепления; а также степень, в какой данная страна в настоящее время страдает от этих экологических угроз.

Каждая из этих категорий показателей применялась, по возможности, в ходе изучения выбранных нами шести стран: Великобритании, Германии, Франции, Швеции, США и Японии. Были разработаны и категории показателей различных отрезков глобального времени в зависимости от наличия данных, сохранившихся от тех или иных исторических периодов.

ВЫБОР СТРАН В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

При выборе в качестве основных объектов эмпирического исследования Великобритании, Германии, Франции, Швеции, США и Японии (из числа всех развитых капиталистических государств) мы руководствовались несколькими критериями. В частности, эти шесть государств:

- 1 все — без исключения — являются развитыми капиталистическими государствами, но занимают разные положения в иерархии мировых держав;
- 2 играют сопоставимые роли и занимают примерно одинаковые позиции в глобальной и региональных военных, политических и экономических иерархиях;
- 3 имеют различные политические системы и модели отношений между государством и гражданских обществом;
- 4 демонстрируют противоположные модели экономического взаимодействия с точки зрения «открытости» их экономики;
- 5 в плане формирования и проведения своей государственной политики они испытывают разного рода глобальные и региональные влияния;
- 6 ведут четкую внешнюю политику, которая укладывается в континууме от независимости до взаимозависимости; и
- 7 демонстрируют как общую, так и отклоняющуюся от общей реакцию на глобализирующие силы, т. е. региональную интеграцию, многосторонность, односторонность и т. д.

Именно эти сходства и различия, предопределившие наш выбор Великобритании, Германии, Франции, Швеции, США и Японии, особенно полезны при изучении различных воздействий глобализации на государственную автономию и суверенитет в развитом капиталистическом мире.

ПОДСЧЕТ ПРЯМЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Международный валютный фонд (IMF, 1993) дает такое определение прямых зарубежных инвестиций: «Прямыми инвестициями считаются инвестиции, направленные на долгосрочное участие в иностранном предприятии; при этом цель инвестора состоит в приобретении реального влияния на деятельность предприятия». Тот же источник описывает портфельные инвестиции как «долговременные облигации и обыкновенные акции, отличные от тех, что относятся к категории прямых инвестиций и резервных фондов». Возникает, однако, несколько трудностей, когда эти определения применяются на практике.

Минимальная доля акционерного капитала, необходимая для того, чтобы зарубежные инвестиции

соответствовали официальной дефиниции [прямых инвестиций], в разных странах, входящих в состав ОЭСР, должна составлять от 1/2 до 50% общей суммы капитала компании. Определение размера прямых зарубежных инвестиций осложняется в такой

540

ситуации, когда, например, компания, действующая в стране А, владеет 50% акций компании, действующей в стране В, которая, в свою очередь, приобретает 30% другой компании в стране В. Таким образом, компания из страны А владеет лишь 15% третьей компании, и это может соответствовать норме инвестиции, установленной в одной из этих стран, и не соответствовать норме, признаваемой в другой.

Имеющиеся статистические данные не различают валовые и вновь сделанные прямые инвестиции, т. е. не проводят различия между финансовыми и производственными активами, которые просто переходят из одних рук в другие, и действительным созданием нового капитала или изъятием старого. Это создает довольно сильные затруднения при выяснении более широких экономических последствий прямых зарубежных инвестиций для национальной экономики. Если просто вычесть все прямые зарубежные инвестиционные потоки из платежного баланса, то это может дать неправильное представление о размерах заграничных авуаров, поскольку концерны нередко финансируют свои заграничные филиалы, оставляя им прибыль и/или предоставляя заем. Некоторые страны, такие как США, учитывают как доходы, репатриированные из заокеанских филиалов обратно в страну, так и те, что были оставлены в филиалах, но другие страны не делают этого, и могут недооценить экспансию, осуществляемую в виде нерепатриированной прибыли или займов на финансовых рынках. В конечном итоге оценка инвестиционных капиталов в номинальных суммах на момент инвестирования игнорирует изменения стоимости таких фондов и, как правило, занижает их текущую стоимость и вместе с тем завышает прибыльность многонациональных корпораций (ср.: Kapler, 199/- К тому же прямые зарубежные инвестиции — это лишь приблизительный способ оценки глобальных производственных структур, поскольку они учитывают только такие связи между фирмами, в основе которых лежит непосредственное финансирование, и не учитывают такие связи, как субподрядные и аналогичные им соглашения. Не учитывают они и объем финансовых вложений в многонациональное производство, поскольку потоки прямых зарубежных инвестиций составляют всего лишь около 25% общих инвестиций в зарубежные производственные предприятия.

ИЗМЕРЕНИЕ УХУДШЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Любая попытка взглянуть на глобализацию процесса деградации окружающей среды и на экологическую политику с исторической точки зрения и дать им количественную оценку затруднена своеобразием экологических проблем (Weale, 1992; Beck, 1992> 1995)- *Во временном плане* между действиями, которые непосредственно или косвенно порождают процессы экологического разрушения, и действительным наступлением ухудшения могут быть существенные временные интервалы. Например, современный уровень нитратов в питьевой воде Британии объясняется тем, что несколько десятилетий тому назад применялись азотные удобрения. Объясняется это тем, что азотным соединениям, попавшим в почву, требуется много лет для того, чтобы пробить себе путь к водной поверхности. Аналогичным образом считается, что рост концентрации оксидов углерода, серы и азота в земной атмосфере послужил причиной начавшегося глобального потепления. Если это так, то причины и те конкретные действия, которые способствовали глобальному потеплению, надо искать в истории примерно последних ста лет, хотя мы, возможно, до сих пор еще не испытали самых тяжелых экологических последствий этого явления. Как замечалось в гл. 8, временной интервал, отделяющий причину экологического разрушения от следствия, имеет своей аналогией *пространственный* промежуток между корнями и плодами.

Другой характерной особенностью экологического разрушения являются его *кумулятивные последствия*. Например, уничтожение жизни в Балтийском море является не просто результатом современного уровня загрязнения, но совокупного воздействия как

541

нынешнего, так и прошлого сброса отходов. Накопление тяжелых металлов в организмах морских обитателей, происходящее в течение всей их жизни, помогает понять суть дела. Смесь тяжелых металлов, которая в конце концов убивает морскую жизнь в Балтике, является кумулятивной еще и в таком смысле: не одно какое-то вещество в какой-то определенной концентрации оказывается причиной разрушения экологии, а сложная комбинация веществ, произведенных в разное время и в самых разных местах, совокупное влияние которых больше, чем сумма их индивидуальных воздействий.

Все три черты, описанные выше — кумулятивный характер и временная и пространственная дистанция между причинами и следствиями, — делают восприятие экологических проблем чрезвычайно сложным делом. Эта сложность восприятия является четвертой существенной особенностью экологического разрушения, поскольку она может происходить, и регулярно происходит «за нашей спиной».

Безусловно, для местного населения наступление пустыни или уменьшение площади леса будет процессами, происходящими на их глазах. Но может быть не вполне понятным, в силу каких причин происходят подобного рода вещи, и не являются ли они лишь малая часть гораздо более глубоких процессов изменения окружающей среды. Множество типов экологического разрушения еще менее доступны повседневному восприятию и ощущению: наличие (и последствия этого) токсичных веществ в телах животных, клетках растений, водных потоках и, в конечном счете, в организме людей, — все это можно обнаружить с помощью биохимического анализа, для проведения которого необходимо сложное и дорогостоящее биохимическое оборудование. При отсутствии ряда научных дисциплин и методов многие формы экологического разрушения все равно сказались бы в свое время — отразившись на здоровье и самочувствии людей, — но реальный процесс деградации остался бы незаметным и неощутимым. Таким образом, в основе экологической политики и оценки уровня экологического разрушения лежит сложный технический и политический процесс выявления, локализации и обозначения процессов экологического изменения.

Тем не менее если проблема выявлена и локализована, то вряд ли стоит ограничиться определением характера экологического разрушения и измерением его размера, поскольку характер экологической политики поражает своей неуверенностью (OECD, 1991c). Во-первых, технические и научные аргументы, рисующие экологические разрушения, не говоря уж о причинах, вызывающих эти разрушения, редко бывают неоспоримыми. Дело осложняется еще и временным и пространственным разделением и сложными кумулятивными цепочками экологического изменения, о чем мы писали выше. Во-вторых, если большое экологическое беспокойство вызывают, как правило, происходящие в настоящий момент процессы экологической деградации, то стоит ли говорить о том, что не меньшее беспокойство вызывает и будущее — то, что может случиться. Это означает, что экологическая политика сосредоточена на опасностях и риске — на угрозе разрушения атомных электростанций, тенденциях климатических изменений, возможных последствиях разрушения озонового слоя или сроками, в течение которых будут исчерпаны все полезные ископаемые.

Как эти качества отражаются на количественном измерении причин, последствий и пространственной организации окружающей среды и, тем самым, на показателях глобализации экологических проблем? Возможно, самым важным в этом отношении является то, что с тех пор, как экологические проблемы стали причиной серьезного политического и общественного беспокойства, была накоплена хотя и ограниченная, но систематическая правительственная база всевозможных данных об окружающей среде. Даже если бы этот вопрос и не составлял никакой проблемы, кумулятивные и неопределенные качества процесса разрушения окружающей среды позволяют выдвинуть весьма ограниченное число количественных показателей, с помощью которых их можно хотя бы приблизительно измерить. Источников любого загрязняющего вещества так много, что почти невозможно точно и исчерпывающим образом установить их пространственное и временное место-

542

нахождение и привести их к какому-то общему знаменателю. Наконец, поскольку загрязнение окружающей среды носит в целом антисоциальный, а зачастую и незаконный характер, значительная часть случаев загрязнения и истребления ресурсов не попадает или очень редко попадает в официальные отчеты. Таким образом, мы должны ко всем данным об окружающей среде относиться с известной долей скепсиса. Тем не менее есть все основания полагать, что за последние годы объем, поле действия, уровень токсичности и тяжесть последствий экологического разрушения значительно увеличились.

БЛАГОДАРНОСТИ

Некоторые разделы этой книги представляют собой переработку ранее опубликованных материалов. Речь идет о следующих статьях:

David Held, 'Democracy: from city-states to a cosmopolitan order?', in D. Held D, (ed.), *Prospects for Democracy: North, South, East, West*, Cambridge: Polity Press, 1993, p. 13—52. Часть этой статьи в переработанном виде легла в основу раздела 1.3.1. первой главы.

David Held, 'The development of the modern state', in S. Hall, B. Gieben (eds), *Formations of Modernity*, Cambridge: Polity Press, 1992, p. 71—119. На основе отдельных фрагментов этой статьи написаны разделы i.i.i и i.i.i первой главы.

David Held, 'The transformation of political community', in I. Shapiro (ed.), *Democracy's Edges*, Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming 1999. Один из разделов этого очерка был положен в основу последней части «Заключения».

Anthony McGrew, 'World order and political space', in J. Anderson et al. (eds), *A Global World? Reordering Political Space*, Oxford: Oxford University Press, 1995. В более подробном виде основные идеи этого очерка изложены в разделах 1.2 и 1.3.2 первой главы.

Johnathan Perraton, David Goldblatt, David Held, Anthony McGrew, 'The globalization of economic activity', *New*

Political Economy, 2, no. 2 (July, 1997). На основе материалов этого очерка написаны главы 3—5. Кроме того, авторы и издатели выражают глубокую признательность за разрешение использовать в этой книге следующие материалы:

Cambridge University Press — за карту 2.4, которая под названием «Patterns of arms transfers, 1400—1700» была опубликована в книге К. Краусе, *Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade* (Cambridge University Press, 1992).

Kogan Page Ltd/Eartscan Publications Ltd — за диаграмму 8.3, представляющую собой переработку диаграммы «World CFC production», которая была опубликована в сборнике L. Brown et al. (eds), *Vital Signs 1996—1997* (Earthscan, 1996); диаграммы 8.2 и 8.5, опубликованные в сборнике L. Brown et al. (eds), *Vital Signs 1997—1998* (Earthscan, 1997) под названиями, соответственно, «World Carbon emissions» и «World fish catch».

Harper Collins Publishers — за карту 1.2, представляющую собой переработку карты 8, опубликованной в книге Р. Кеннеди, *The Rise and Fall of Great Powers* (Unwin Hyman, 1988).

MIT Press Journals — за диаграмму 8л, перепечатанную из статьи: John W. Meyer, David John Frank, Ann Hironaka, Evan Schofer, Nancy Brandon Turna, 'The structuring of a world environmental regime, 1870—1990', *International Organization*, 51.4 (Autumn, 1997), copyright © 1997 by IO Foundation and the Massachusetts Institute of Technology.

Myriad Editions — за карты 2.1 и 2.2, впервые опубликованные в книге Michael Kidron, Dan Smith, *The War Atlas* (Pan, 1983).

OECD — за таблицу 3.9, составленную на основании данных, опубликованных OECD в книге *Structural Adjustment and Economic Performance*, copyright © OECD 1987, и диаграммы 8.4 и 8.7, составленные на основании данных, представленных OECD в книге *State of the Environment*, copyright © OECD 1991.

Oxford University Press, Inc. — за таблицу i.i, перепечатанную из книги Craig N. Murphy, *International Organization and Industrial Change*, copyright © 1994 by Craig N. Murphy.

Polity Press — за таблицу i.i, перепечатанную из книги Craig N. Murphy, *International Organization and Industrial Change*, (Polity Press, 1994), таблицу 1.2, взятую из книги D. Potter et al., *Democratization* (Polity Press, 1997), и таблицу 3.1, которую Э. Мак-Грю опубликовал в сборнике *The Transformation of Democracy?* (Polity Press, 1997).

544

Routledge — за данные, использованные при составлении карты 6л и опубликованные в книге: А. Кенвуд, L. Loughheed, *The Growth of the International Economy 1820—1960* (Allen and Unwin, 1989).

Sage Publications и автора таблицы 7.3, которая под названием «Book translations by country of publication...» была опубликована в книге Goran Therborn, *European Modernity and Beyond* (Sage, 1995).

Stockholm International Peace Research Institute — за диаграмму 2.2, представляющую собой переработку диаграммы 8л, опубликованной в сборнике *SIPRI Yearbook 1998'-Armaments, Disarmament and International Security* (Oxford University Press, 1998).

UCL Press Ltd — за карту i.i, опубликованную в книге Jeremy Black, *European Warfare, 1600—1815* (i994)-

John Wiley and Sons Ltd — за карты 1.3, 2.3 и 3л, которые составлены на основании карт, опубликованных в монографии Tom Nierop, *Systems and Regions in Global Politics* (Wiley, 1994). copyright © John Wiley and Sons Ltd 1994.

World Resource Institute — за диаграмму 8.6, опубликованную в сборнике *World Resource 1996—1997* (Oxford University Press, 1997).

Worldwatch Institute — за таблицу 8л, которая под названием «Use of chlorofluorocarbons and halons...» была опубликована в сборнике L. Brown et al. (eds), *State of the World* (1997).

Несмотря на то, что издатели этой книги приложили все усилия для того, чтобы связаться с владельцами авторских прав, они просят извинить их за ошибки и упущения, которые, возможно, имеются в вышеприведенном перечне. В случае, если их оповестят об этом, они — при первой же возможности — с удовольствием внесут необходимые поправки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abulafia, D. (1997) 'The impact of Italian banking in the late Middle Ages and the Renaissance 1300—1500', in A. Teichova et al. (eds), *Banking, Trade and Industry*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Abu-Lughod, J. (1989) *Before European Hegemony: The World System AD 1250—1350*, New York: Oxford University Press.
- Adelman, H. (1995) 'The Palestinian diaspora', in Cohen 1995.
- Akbari, A. (1989) 'The benefits of immigrants to Canada: evidence on taxes and public services', *Canadian Public Policy*, 15.
- Akdogan, H. (1995) *The Integration of International Capital Markets*, Aldershot: Edward Elgar.
- Albrow, M. (1996) *The Global Age*, Cambridge: Polity Press.
- Allebeck, A. (1993) 'The EC — from the EC to the EU', in Wulf 1993d.

- Alien, J. and Hamnet, C. (eds) (1994) *A Shrinking World? Global Unevenness and Inequality*, Oxford: Oxford University Press.
- Alston, P. and Chiam, M. (eds) (1995) *Treaty-Making and Australia: Globalization versus Sovereignty?*, Sydney: Federation Press.
- Altman, I. (1995) 'Spanish migration to the Americas', in Cohen, 1995.
- Amendola, G., Guerrieri, P. and Padoan, P. (1998) 'International patterns of technological accumulation and trade', in D. Archibugi and J. Michie (eds), *Trade Growth and Technical Change*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Amin, S. (1996) 'The challenge of globalization', *Review of International Political Economy*, 2.
- Amin, S. (1997) *Capitalism in the Age of Globalization*, London: Zed Press.
- Ancharya, A. (1996) 'Aquaculture production rises', in Brown et al. 1996.
- Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, London: Verso.
- Anderson, K. and Norheim, H. (1993) 'History, geography and regional economic integration', in K. Anderson and R. Blackhurst (eds), *Regional Integration and the Global Trading System*, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.
- Anderson, K. and Norheim, H. (1993b) 'Is world trade becoming more regionalized?', *Review of International Economics*, i.
- Anderson, M. S. (1993) *The Rise of Modern Diplomacy 1450—1919*, London: Longman.
- Anderson, P. (1974) *Passages from Antiquity to Feudalism*, London: New Left Books.
- Anderson, P. (1974b) *Lineages of the Absolutist State*, London: New Left Books.
- Anthony, I. (1993) 'Arms production and arms trade', in *SIPRI Yearbook 1993*, Oxford: Oxford University Press.
- Anthony, I. (1994) 'Current trends and developments in the arms trade', *Annals of the American Association of Political and Social Sciences*, 535.
- Anthony, I. (1994b) 'The third tier countries', in Wulf 1993d.
- Anthony, I. and Claesson, P. (1994) 'Arms production and arms trade', in *SIPRI Yearbook 1994*, Oxford: Taylor and Francis.
- Appleyard, R. T. (ed.) (1988) *International Migration Today*, vol. i: *Trends and Consequences*, Paris: UNESCO.
- Appleyard, R. T. (ed.) (1989) *The Impact of Migration in Developing Countries*, Paris: OECD.
- Archibugi, D. and Michie, I. (1997) 'The globalisation of technology: a new taxonomy', in Archibugi and Michie 1997b.
- Archibugi, D. and Michie, J. (eds) (1997b) *Technology, Globalization and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- 546
- Archibugi, D., Held, D. and Kohler, M. (eds) (1998) *Re-imagining Political Community: Studies in Cosmopolitan Democracy*, Cambridge: Polity Press.
- Armingeon, K. (1997) 'Globalization as opportunity: two roads to welfare state reform', ECPR Conference Workshop 12, Bern.
- Armstrong, P., Glyn, A. and Harrison, J. (1991) *Capitalism since 1945*, Oxford: Blackwell.
- Atalik, G. and Beeley, B. (1993) 'What has mass migration meant for Turkey', in King 1993a.
- Axford, B. (1995) *The Global System*, Cambridge: Polity Press.
- Bade, K. (1985) 'German emigration to the United States and continental immigration to Germany in the late nineteenth and early twentieth centuries', in Hoerder 1985.
- Baily, M. and Gersbach, H. (1995) 'Efficiency in manufacturing and the need for global competition', *Brookings Papers on Economic Activity*, Microeconomics issue.
- Bailyn, B. (1986) *The Peopling of British North America: An Introduction*, Harvard: Harvard University Press.
- Baines, D. (1991) *Emigration from Europe, 1815—1930*, London: Macmillan.
- Bairoch, P. (1989) 'European trade policies, 1815—1915', in P. Mathias and S. Pollard (eds), *The Cambridge Economic History of Europe, Volume VIII*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bairoch, P. and Kozul-Wright, R. (1996) 'Globalization myths: some historical reflections on integration, industrialization and growth in the world economy', UNCTAD Discussion Paper 113, Geneva.
- Balan, J. (1988) 'International migration in Latin America today: trends and consequences', in Apple-yard 1988.
- Baldwin, T. (1992) 'The territorial state', in H. Gross and T. R. Harrison (eds), *Jurisprudence, Cambridge Essays*, Oxford: Clarendon Press.
- Ballance, R., Pogany, J. and Forstner, H. (1992) *The World's Pharmaceutical Industries*, Aldershot: Edward Elgar.
- Bank Information Centre (1990) *Funding Ecological and Social Destruction: The World Bank and International Monetary Fund*, Washington: Bank Information Centre.
- Banuri, T. and Schor, J. (eds) (1992) *Financial Openness and National Autonomy*, Oxford: Oxford University Press.
- Barker, E. (1915) *Political Thought in England, 1848—1914*, London: Thornton Butterworth.
- Barnet, R. and Cavanagh, J. (1994) *Global Dreams: Imperial Corporations and the New World Order*, New York: Simon and Schuster.
- Barnet, R. and Muller, R. (1974) *Global Reach*, London: Jonathan Cape.
- Bartlett, C. J. (1984) *The Global Conflict 1880—1970*, London: Longman.
- Bartlett, R. (1994) *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change 960—1350*, London: Penguin.
- Baylis, J. (1986) "'Greenwoodery' and British defence policy", *International Affairs*, 62.
- Beasley, W. G. (1995) *Japan Encounters the Barbarian*, New Haven: Yale University Press.
- Beck, U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage.
- Beck, U. (1995) *Ecological Politics in an Age of Risk*, Cambridge: Polity Press.
- Beck, U. (1997) *The Reinvention of Politics*, Cambridge: Polity Press.
- Beetham, D. (1998) 'Human rights as a model for cosmopolitan democracy', in Archibugi et al. 1998.

- Beitz, C. (1979) *Political Theory and International Relations*, Princeton: Princeton University Press.
- Bell, D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society*, New York: Basic Books.
- Benedick, R. (1991) *Ozone Diplomacy: New Directions in Safeguarding the Planet*, Cambridge: Harvard University Press.
- Bentley, J. H. (1993) *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Premodern Times*, Oxford: Oxford University Press.
- Bentley, J. H. (1996) 'Cross-cultural interaction and periodization in world history', *American Historical Review*, 101, June.
- Benton, L. (1996) 'From the world systems perspective to institutional world history: culture and economy in global theory', *Journal of World History*, 7, 547.
- Berger, S. and Dore, R. (eds) (1996) *National Diversity and Global Capitalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Bergesen, A. and Fernandez, R. (1995) 'Who has the most Fortune 500 firms? A network analysis of global economic competition, 1956—1989', *Journal of World-Systems Research*, i.
- Best, G. (1980) *Humanity in Warfare: The Modern History of the Law of Armed Conflict*, London: Weidenfeld and Nicolson.
- BIS (1997) *Annual Report*, Basle: Bank for International Settlements.
- BIS (19983) *International Banking and Financial Market Developments*, Basle: Bank for International Settlements.
- BIS (19980) 'Central bank survey of foreign exchange and derivatives market activity in April 1998', press release, Bank for International Settlements (www.bis.org).
- Bitzinger, R. A. (1993) *The Globalization of Arms Production: Defence Markets in Transition*, Washington DC: Defence Budget Project.
- Bitzinger, R. A. (1994) 'The globalization of the arms industry', *International Security*, 19.
- Black, J. (1991) *A Military Revolution? Military Change and European Society 1550—1800*, London: Macmillan.
- Black, J. (1994) *European Warfare 1660—1815*, New Haven: Yale University Press.
- Black, J. (1998) *War and the World: Military Power and the Fate of Continents 1450—2000*, New Haven: Yale University Press.
- Blackburn, R. (1988) *The Overthrow of Colonial Slavery, 1776—1848*, London: Verso.
- Blackburn, R. (1997) *The Making of New World Slavery: From the Baroque to the Modern, 1492—1800*, London: Verso.
- Bleaney, M. (1993) 'Politics and the exchange rate', *Economic Notes*, 22.
- Blomstrom, M. (1990) *Transnational Corporations and Manufacturing Exports from Developing Countries*, New York: United Nations.
- Blomstrom, M. and Lipsey, R. (1989) 'The export performance of US and Swedish multinationals', *Review of Income and Wealth*, 35.
- Blomstrom, M. and Lipsey, R. (1993) 'The competitiveness of countries and their multinational firms', in L. Eden and E. Potter (eds), *Multinationals in the Global Political Economy*, Basingstoke: Macmillan.
- Blomstrom, M., Lipsey, R. and Zejan, M. (1992) 'What explains developing country growth?', in W. Baumol et al. (eds), *Convergence of Productivity*, Oxford: Oxford University Press.
- Bloomfield, A. (1959) *Monetary Policy under the International Gold Standard, 1880—1914*, New York: Federal Reserve Bank of New York.
- Blowers, A. and Lowry, D. (1991) 'The politics of radioactive waste disposal' in Blunden and Reddish 1991.
- Blunden, J. and Reddish, A. (eds) (1991) *Energy, Resources and Environment*, London: Hodder and Stoughton.
- Bobbio, N. (1987) *Which Socialism?*, Cambridge: Polity Press.
- Bobbio, N. (1989) *Democracy and Dictatorship*, Cambridge: Polity Press.
- Boehmer-Christiansen, S. and Skea, J. (1991) *Acid Politics: Environmental and Energy Policies in Britain and Germany*, London: Belhaven Press.
- Bohning (1991) 'Integration and immigration pressures in Western Europe', *International Labour Review*, 130.
- Boltho, A. (19963) 'Convergence, competitiveness and the exchange rate', in N. Crafts and G. Toniolo (eds), *Economic Growth in Europe since 1945*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Boltho, A. (1996b) 'Was Japanese growth export-led?', *Oxford Economic Papers*, 48.
- Bond, B. (1984) *War and Society in Europe 1870—1970*, London: Fontana.
- Bonturi, M. and Fukasaku, K. (1993) 'Globalization and infra-firm trade', *OECD Economic Studies*, 20.
- Booth, K. (1991) 'Security in anarchy: Utopian realism in theory and practice', *International Affairs*, 67, 548.
- Borjas, G. (1987) 'Immigrants, minorities and labour market competition', *Industrial and Labour Relations Review*, 40.
- Borjas, G. (1990) *Friends or Strangers: The Impact of Immigration on the US Economy*, New York: Basic Books.
- Borjas, G. (1993) 'The impact of immigrants on employment opportunities of natives', in OECD 19933.
- Borjas, G. and Trejo, S. (1993) 'The macroeconomic impact of immigration: review of the literature published since the mid-1970s', in OECD 19933.
- Borras, M. and Zysman, J. (1997) 'Wintelism and the changing terms of global competition: prototype of the future', BRIE Working Paper 966, Berkeley.
- Boyer, R. and Drache, D. (eds) (1996) *States against Markets*, London: Routledge.
- Bracken, P. (1983) *The Command and Control of Nuclear Forces*, New Haven: Yale University Press.
- Braudel, F. (1982) *The Wheels of Commerce*, vol. 2 of *Civilization and Capitalism*, London: Collins.
- Braudel, F. (1984) *The Perspective of the World*, vol. 3 of *Civilization and Capitalism*, London: Collins.
- Breuilly, J. (1992) *Nationalism and the State*, Manchester: Manchester University Press.
- Brodie, B. (1973) *War and Politics*, London: Cassell.

- Broeck, I. van den (ed.) (1996) *The Economics of Labour Migration*, London: Edward Elgar.
- Brown, L. et al. (1990) *State of the World: 1990*, London: Unwin Hyman.
- Brown, L. et al. (eds) (1995) *Vital Signs, 1995—1996*, London: Earthscan.
- Brown, L. et al. (eds) (1996) *Vital Signs, 1996—1997*, London: Earthscan.
- Brown, L. et al. (eds) (1997) *State of the World 1997*, Washington: Worldwatch Institute.
- Brown, L. et al. (eds) (1997b) *Vital Signs, 1997—1998*, London: Earthscan.
- Brown, S. (1994) *The Causes and Prevention of War*, New York: St Martins Press.
- Bruce, I. et al. (eds) (1995) *Climate Change 1995: Economic and Social Dimensions of Climate Change*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunn, S. and Leinbach, T. (eds) (1991) *Collapsing Time and Space: Geographic Aspects of Communication and Information*, London: HarperCollins.
- Bryant, R. (1987) *International Financial Intermediation*, Washington DC: Brookings Institution.
- Brysk, A. (1993) 'From above and below: social movements, the international system, and human rights in Argentina', *Comparative Political Studies*, 26.
- Bryson, R. and Murray, T. (1977) *Climates of Hunger: Mankind and the World's Changing Weather*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Brzoska, M. and Ohlson, T. (1986) 'Arms production in the Third World', in M. Brzoska and T. Ohlson (eds), *Arms Production in the Third World*, Oxford: Taylor and Francis.
- Brzoska, M. and Ohlson, T. (1987) *Arms Transfers to the Third World 1971—1985*, Oxford: Oxford University Press.
- Brzoska, M. and Pearson, F. S. (1994) 'Developments in the global supply of Arms', *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 535.
- Bull, H. (1977) *The Anarchical Society*, London: Macmillan.
- Burbach, R. et al. (1997) *Globalization and its Discontents*, London: Pluto Press.
- Burnett, R. (1992) 'Dressed for success; Sweden from Abba to Roxette', *Popular Music*, 11.
- Burnheim, J. (1986) *Is Democracy Possible?*, Cambridge: Polity Press.
- Busch, B. C. (1985) *The War against the Seals: A History of the North American Seal Fishery*, Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Bustamante, J. (1989) 'Measuring the flows of undocumented immigrants', in Cornelius and Bustamante 1989.
- Buzan, B. (1987) *Strategic Studies: Military Technology and International Relations*, London: Macmillan.
- Buzan, B. (1991) *People, States and Fear*, Brighton: Harvester.
- Buzan, B. (1998) 'The Asia-Pacific: what sort of region, in what sort of world?', in McGrew and Brook 1998.
- Buzan, B., Little, R. and Jones, C. (1993) *The Logic of Anarchy*, New York: Columbia University Press.
- 549
- Buzan, B., Wæver, O. and de Wilde, Jaap (1998) *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder: Lynne Rienner.
- Cain, P. J. and Hopkins, A. G. (1993) *British Imperialism: Crisis and Deconstruction 1914—1990*, London: Longman.
- Cain, P. J. and Hopkins, A. G. (1993b) *British Imperialism: Innovation and Expansion 1688—1914*, London: Longman.
- Callinicos, A. et al. (1994) *Marxism and the New Imperialism*, London: Bookmarks.
- Cameron, R. and Bovykin, V. (eds) (1991) *International Banking, 1870—1914*, New York: Oxford University Press.
- Cammilleri, J. A. (1990) 'Rethinking sovereignty in a shrinking, fragmented world', in R. B. J. Walker and S. H. Mendlovitz (eds), *Contending Sovereignities: Redefining Political Community*, Boulder and London: Lynne Rienner.
- Cammilleri, J. A. and Falk, J. (1992) *The End of Sovereignty? The Politics of a Shrinking and Fragmented World*, Aldershot: Edward Elgar.
- Cantwell, J. (1989) *Technological Innovation and Multinational Corporations*, Oxford: Blackwell.
- Cantwell, J. (1997) 'The globalization of technology: what remains of the product cycle?', in Archibugi and Michie 1997b.
- Capotorti, F. (1983) 'Human rights: the hard road towards universality', in R. St J. Macdonald and D. M. Johnson (eds), *The Structure and Process of International Law*, The Hague: Martinus Nijhoff.
- Carlos, A. and Nicholas, S. (1988) '"Giants of an earlier capitalism": the chartered trading companies as modern multinationals', *Business History Review*, 62.
- Carnoy, M. (1993) 'Multinationals in a changing world economy', in M. Carnoy et al. (eds), *The New Global Economy in the Information Age*, University Park: Pennsylvania State University Press.
- Carr, E. H. (1981) *The Twenty Years Crisis 1919—1939*, London: Papermac.
- Carus, W. S. (1994) 'Military technology and the arms trade', *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 535.
- Cassese, A. (1986) *International Law in a Divided World*, Oxford: Clarendon Press.
- Cassese, A. (1988) *Violence and Law in the Modern Age*, Cambridge: Polity Press.
- Cassese, A. (1991) 'Violence, war and the rule of law in the international community', in D. Held (ed.), *Political Theory Today*, Cambridge: Polity Press.
- Casson, M. (1995) *The Organization of International Business*, Aldershot: Edward Elgar.
- Cassou, S. (1997) 'The link between tax rates and foreign direct investment', *Applied Economics*, 29.

- Castells, M. (1996) *The Rise of the Network Society*, Oxford: Blackwell.
- Castells, M. (1998) *The End of the Millennium*, Oxford: Blackwell.
- Castles, S. and Kosack, G. (1985) *Immigrant Workers and the Class Structure in Western Europe* (2nd edn), Oxford: Oxford University Press.
- Castles, S. and Miller, M. (1993) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, London: Macmillan.
- Caves, M. (1996) *Multinational Enterprise and Economic Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ceckak, O. (1993) 'Czechoslovakia', in Wulf 1993d.
- Cerny, P. (1990) *The Changing Architecture of the State*, London: Sage.
- Chan, S. (ed.) (1995) *Foreign Direct Investment in a Changing Global Political Economy*, Basingstoke: Macmillan.
- Chapman, K. (1991) *The International Petrochemical Industry*, Oxford: Blackwell.
- Chase-Dunn, C. (1989) *Global Formation*, Oxford: Blackwell.
- Chatterjee, P. (1986) *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse?*, London: Zed Books.
- Chatterjee, P. (1993) *The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories*, Princeton: Princeton University Press.
- Chaudhuri, K. (1985) *Trade and Civilisation in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750*, Cambridge: Cambridge University Press.
- 550
- Chaudhuri, K. (1990) *Asia before Europe: Economy and Civilisation of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Childers, E. (1993) *In a Time beyond Warnings*, London: CIIR.
- Cipolla, C. (1978) *The Economic History of World Population*, Brighton: Harvester Press.
- Clarence-Smith, W. G. (ed.) (1989) *The Economics of the Indian Ocean Slave Trade in the Nineteenth Century*, London: Frank Cass.
- Clark, I. (1989) *The Hierarchy of States*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Clark, J. (1981) 'Land armament in France: the tradition of etatism', in B. F. Cooling (ed.), *War, Business and World Military Industrial Complexes*, London: National University Publications.
- Clark, R. P. (1997) *The Global Imperative: An Interpretative History of the Spread of Mankind*, Boulder: Westview Press.
- Clarke, C., Peach, C. and Vertovec, S. (eds) (1990) *South Asian Overseas: Migration and Ethnicity*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Clarke, M. (1992) *Britain's External Relations*, London: Macmillan.
- Clausewitz, C. (1984) *On War*, Princeton: Princeton University Press.
- Clegg, J. (1987) *Multinational Enterprise and World Competition*, Basingstoke: Macmillan.
- Cohen, R. (1981) *International Politics: The Rules of the Game*, London: Longman.
- Cohen, R. (ed.) (1995) *The Cambridge Survey of World Migration*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Colley, L. (1992) *Britons: Forging the Nation, 1707—1837*, New Haven: Yale University Press.
- Colten, C. (1986) 'Industrial wastes in south-east Chicago: production and disposal, 1870—1970', *Environmental Review*, Summer.
- Commission on Global Governance (1995) *Our Global Neighbourhood*, Oxford: Oxford University Press.
- Commission on Neutrality Policy (1994) *Had There Been a War: Preparations for the Reception of Military Assistance 1949—69*, Stockholm: Statens Offentliga Utredningar.
- Connca, K. (1992) 'Third World military industrialization and the evolving security system', in W. Sandholtz et al. (eds), *The Highest Stakes: The Economic Foundations of the Next Security System*, New York: Oxford University Press.
- Connolly, W. E. (1991) 'Democracy and territoriality', *Millennium*, 20.3.
- Connolly, W. E. (1996) *The Ethos of Pluralization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Contamine, P. (1984) *War in the Middle Ages*, Oxford: Blackwell.
- Cornelius, W. and Bustamante, J. (eds) (1989) *Mexican Migration to the United States: Origins, Consequences and Policy Options*, La Jolla: Centre for US-Mexican Studies, University of California.
- Corvens, F. and Grip, A. de (1997) 'Explaining trade in industrialized countries by country-specific human capital endowments', *Economic Modelling*, 14.
- Cowhey, P. F. (1990) 'The international telecommunications regime', *International Organization*, 44.
- Cowling, K. and Sugden, R. (1996) 'Capacity, transnational and industrial strategy', in J. Michie and J. Grieve Smith (eds), *Creating Industrial Capacity*, Oxford: Oxford University Press.
- Cox, R. (1996) 'Globalization, multilateralism and democracy', in R. Cox (ed.), *Approaches to World Order*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Cox, R. (1997) 'Economic globalization and the limits to liberal democracy', in McGrew 1997.
- Crawford, J. (19793) 'Decisions of British courts during 1979 involving questions of public or private international law', *British Year Book of International Law*, 50.
- Crawford, J. (1979b) 'The international law standard in the statutes of Australia and the United Kingdom', *American Journal of International Law*, 73.
- Crawford, J. (1994) *Democracy in International Law*, Inaugural lecture, Cambridge: Cambridge University Press.
- Crawford, J. (1995) 'Prospects for an international criminal court', in M. D. A. Freeman and R. Halson (eds), *Current Legal Problems 1995*, 48, pt 2, collected papers, Oxford: Oxford University Press.
- Crawford, J. and Marks, S. (1998) 'The global democracy deficit: an essay on international law and its limits', in Archibugi et al. 1998.

- Crevelld, M. van (1989) *Technology and War: From 2000 BC to the Present*, New York: Free Press.
- 551
- Crevelld, M. van (1991) *The Transformation of War*, New York: Free Press.
- Crevelld, M. van (1993) *Nuclear Proliferation and the Future of Conflict*, New York: Free Press.
- Cronon, W. (1983) *Changes in the Land: Indians, Colonists and the Ecology of New England*, New York: Hill and Wang.
- Cronon, W. (1991) *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West*, New York: Norton.
- Crosby, A. (1972) *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences* 0/1492, Westport: Greenwood.
- Crosby, A. (1983) *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Cross, G. S. (1983) *Immigrant Workers in Industrial France*, Philadelphia: Temple University Press.
- Crystal, D. (1997) *English as a Global Language*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Curtin, P. (1969) *The Atlantic Slave Trade: A Census*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Curtin, P. (1978) 'Post-war migrations in sub-Saharan Africa', in McNeill and Adams 1978.
- Curtin, P. (1984) *Cross-Cultural Trade in World History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Curtin, P. (1997) 'Africa and global patterns of migration', in Wang 1997.
- Dahl, R. A. (1989) *Democracy and its Critics*, New Haven: Yale University Press.
- Daniels, P. (1993) *Service Industries in the World Economy*, Oxford: Blackwell.
- Darby, M. and Lothian, J. (1983) *The International Transmission of Inflation*, Chicago: University of Chicago Press.
- Dasmann, R. (1988) 'Towards a biosphere consciousness', in Worster 1988.
- D'Aveni, R. (1998) 'Hyper-competition closes in', *Financial Times*, Supplement: Mastering Global Business, Part 2 (Feb.).
- Davis, C. (1993) *The Politics of Hazardous Waste*, Englewood Cliffs: Prentice Hall.
- Davis, E. (1991) 'International diversification of institutional investors', *Journal of International Securities Markets*, 5.
- Deardorff, A. and Stern, M. (1986) *The Michigan Model of World Production and Trade*, Cambridge: MIT Press.
- Deibert, R. (1997) *Parchment, Printing and Hypermedia*, New York: Columbia University Press.
- De Jong, N. and Vos, R. (1995) 'Regional blocs or global markets? A world accounting approach to analyze trade and financial linkages', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 131.
- de Las Casas, Bartolome (1992) *The Destruction of the Indies* (1552), Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- de Mello, L. (1997) 'Foreign direct investment in developing countries and growth', *Journal of Development Studies*, 34, no. 1.
- Deng, G. (1997) 'The foreign staple trade of China in the pre-modern era', *International History Review*, 19, no. 2.
- Derian, J. der (1987) *On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement*, Oxford: Blackwell.
- De Swann, A. (1991) 'Notes on the emerging global language system: regional, national and supranational', *Media, Culture and Society*, 13.
- Deutsch, K. and Burrell, S. A. (1957) *Political Community and the North Atlantic Area*, Princeton: Princeton University Press.
- Diamond, J. (1997) *Guns, Germs and Steel: A Short History of Everybody for the Last 13,000 Years*, London: Cape.
- Diaz, B. (1963) *The Conquest of New Spain*, London: Penguin.
- Dicken, P. (1998) *Global Shift* (3rd edn), London: Chapman.
- Dickenson, D. (1997) 'Counting women in', in McGrew 1997.
- Dinstein, Y. (1993) 'Rules of war', in J. Krieger (ed.), *The Oxford Companion to Politics of the World*, Oxford: Oxford University Press.
- Directorate General X (1997) *Eurobarometer: Public Opinion in the European Union*, Report 47, Brussels: European Commission.
- Dollar, D. and Wolff, E. (1993) *Competitiveness, Convergence and International Specialization*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Dominguez, K. (1993) 'The role of international organizations in the Bretton Woods system', in 552
- M. Bordo and B. Eichengreen (eds), *A Retrospective on the Bretton Woods System*, Chicago: University of Chicago Press.
- Dominguez, K. and Frankel, J. (1993) *Does Foreign Exchange Intervention Work?*, Washington DC: Institute for International Economics.
- Donnelly, J. (1993) *International Human Rights*, Boulder: Westview Press.
- Donnelly, J. (1998) 'Human rights: a new standard of civilization?', *International Affairs*, 74, no. 1.
- Dooley, M. and Isard, P. (1980) 'Capital controls, political risk, and deviations from interest rate parity' *Journal of Political Economy*, 88.
- Downmunt, T. (ed.) (1991) *Channels of Resistance: Global Television and Local Empowerment*, London: BFI.
- Doyle, M. (1986) *Empires*, New York: Cornell University Press.
- Dugard, J. (1997) 'Obstacles in the way of an international criminal court', *Cambridge Law Journal*, 56.
- Dunning, J. (1988) 'Changes in the level and structure of international production: the last one hundred years', in J. Dunning, *Explaining International Production*, London: Unwin Hyman.
- Dunning, J. (1993b) *The Globalization of Business*, London: Routledge.
- Dunning, J. (1993b) *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Wokingham: Addison-Wesley.
- Dunning, J. (1997) *Alliance Capitalism and Global Business*, London: Routledge.
- Ecologist, The (1972) 'Blueprint for survival', *The Ecologist*, 2.

Economist (1996) 'The coming global tongue', *The Economist*, 21 Dec.

Economist Intelligence Unit (1994) 'Military aerospace', *The Economist*, 333.

Economist Intelligence Unit (1995) 'Change at the checkout: a survey of retailing', *The Economist*, 334.

Eichengreen, B. (1992) *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919—1939*, New York: Oxford University Press.

Eichengreen, B. (19943) 'History of the international monetary system', in F. van der Ploeg (ed.), *The Handbook of International Macroeconomics*, Oxford: Blackwell.

Eichengreen, B. (1994b) *International Monetary Arrangements for the Twenty-First Century*, Washington DC: Brookings Institution.

Eichengreen, B. (1996) *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System*, Princeton: Princeton University Press.

Eichengreen, B. and Irwin, D. (1995) 'Trade blocs, currency blocs and the reorientation of world trade in the 1930s', *Journal of International Economics*, 38.

Eisenstadt, S. (1963) *The Political System of Empires*, New York: Free Press.

Emmer, P. (1993) 'Intercontinental migration as a world historical process', *European Review*, i, no. i.

EPAC (1996) Tariff reform and economic growth', Commission Paper 10, Economic Planning Advisory Commission, Canberra.

Ernst, D. (1997) 'From partial to systemic globalization: international production networks in the electronics industry', Working Paper 98, Berkeley Roundtable on the International Economy, University of California at Berkeley.

Evans, R. (1987) *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830—1910*, Oxford: Oxford University Press.

Evans, T. (1997) 'Democratization and human rights', in McGrew 1997.

Pagan, B. (1990) *The Journey from Eden: The Peopling of our World*, London: Thames and Hudson.

Falk, R. (1969) The interplay of Westphalian and Charter conceptions of the international legal order', in R. Falk and C. Black (eds), *The Future of the International Legal Order*, vol. i, Princeton: Princeton University Press.

Falk, R. (1970) *The Status of Law in International Society*, Princeton: Princeton University Press.

Falk, R. (19753) *A Global Approach to National Policy*, Cambridge: Harvard University Press.

Falk, R. (1975b) *A Study of Future Worlds*, New York: Free Press.

Falk, R. (1990) 'Economic dimensions of global civilization', working paper prepared for the Cai-553

ro meeting of the Global Civilization Project, Center for International Studies, Princeton University.

Falk, R. (1995) *On Humane Governance: Toward a New Global Politics*, Cambridge: Polity Press. FAO (1994) *Yearbook of Fisheries Statistics*, Rome: Food and Agriculture Organisation. Fawcett, J. and Carino, B. (eds) (1987) *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*, New York: Centre for Migration Studies. Feinstein, C. (1972) *National Income, Expenditure and Output in the United Kingdom, 1855—1968*, London: Cambridge University Press. Feldstein, M. and Horioka, C. (1980) 'Domestic saving and international capital flows', *Economic Journal*, 90.

Fernandez-Armesto, F. (1995) *Millennium*, London: Bantam. Ferro, M. (1997) *Colonization: A Global History*, London: Routledge. Fieldhouse, D. K. (1966) *The Colonial Empires: A Comparative Survey*, London: Weidenfeld and Nicolson.

Financial Times (1997) 'When capital collides with labour', *Financial Times*, 24 Oct. Findlay, R. (1990) The "triangular trade" and the Atlantic economy of the eighteenth century', *Essays in International Finance*, no. 177, International Finance Section, Princeton University. Fischer, R. (1963) *The Russian Fur Trade, 1550—1700*, Berkeley: University of California Press. Fischman, B. C. and Moodie, M. L. (1989) 'Alliance armaments co-operation: toward a NATO industrial base', in D. G. Haglund (ed.), *The Defence Industrial Base and the West*, London: Routledge. Fisher, J. (1989) *Mothers of the Disappeared*, London: Zed Books. Fong, P. E. (1993) *Regionalisation and Labour Flows in Pacific Asia*, Paris: OECD. Foot, P. (1965) *Immigration and Race in British Politics*, Harmondsworth: Penguin. Ford, A. (1989) 'International financial policy and the gold standard, 1870—1914', in P. Mathias and S. Pollard (eds), *The Cambridge Economic History of Europe, Volume VIII*, Cambridge: Cambridge University Press. Forsyth, M. (1992) 'The tradition of international law', in T. Nardin and D. R. Mapel (eds), *Traditions of International Ethics*, Cambridge: Cambridge University Press. Fox-Genovese, E. and Genovese, E. (1983) *Fruits of Merchant Capital: Slavery and Bourgeois Property in the Rise and Expansion of Capitalism*, Oxford: Oxford University Press. Frank, A. G. and Gills, B. K. (eds) (1996) *The World System*, London: Routledge. Frankel, J. (1993) *On Exchange Rates*, Cambridge, Mass.: MIT Press. Frankel, J. (ed.) (1994) *The Internationalization of Equity Markets*, Chicago: University of Chicago Press. Frankel, J. and Chinn, M. (1993) 'Exchange rate expectations and the risk premium: tests for a cross section of 17 currencies', *Review of International Economics*, i. Frankel, J. and Froot, K. (1990) 'Chartists, fundamentalists and the demand for dollars', in A. Courakis and M. Taylor (eds), *Private Behaviour and Government Policy in Interdependent Economies*,

- Oxford: Oxford University Press. Frankel, J. and MacArthur, A. (1988) 'Political versus currency premia in international real interest differentials', *European Economic Review*, 32. Frankenstein, J. (1993) 'Peoples Republic of China', in Wulf 1993d.
- Freeman, C. (1997) 'The national system of innovation in historical perspective', in Archibugi and Michie 1997b. Freeman, G. (1979) *Immigrant Labour and Racial Conflict in Industrial Societies: The French and British Experiences, 1945—1975*, Princeton: Princeton University Press. French, H. (1990) 'Clearing the air', in Brown et al. 1990.
- Friedberg, A. L. (1991) 'The end of autonomy: the United States after five decades', *Daedalus*, 120. Frieden, J. (1991) 'Invested interests: the politics of national economic policies in a world of global finance', *International Organization*, 45. Frieden, J. A. and Rogowski, R. (1996) 'The impact of the international economy on national policies; an analytical overview', in Keohane and Milner 1996. Friedmann, W. (1964) *The Changing Structure of International Law*, London: Stevens and Son.
- 554
- Fukao, M. (1993) 'International integration of financial markets and the costs of capital', *Journal of International Securities Markets*, 7.
- Fukao, M. (1995) *Financial Integration, Corporate Governance and the Performance of Multinational Corporations*, Washington DC: Brookings Institution.
- Fukuyama, F. (1989) 'The end of history?', *National Interest*, 16.
- Furnivall, J. S. (1948) *Colonial Policy and Practice*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gagnon, J. and Unferth, M. (1995) 'Is there a world real interest rate?', *Journal of International Money and Finance*, 14.
- Gansler, J. (1995) *Defense Conversion*, Boston: MIT Press.
- Garcia, S. (ed.) (1993) *European Identity and the Search for Legitimacy*, London: Pinter.
- Garrard, J. (1971) *The English and Immigration: A Comparative Study of the Jewish Influx*, London: Oxford University Press.
- Garrett, G. (1996) 'Capital mobility, trade, and the domestic politics of economic policy', in Keohane and Milner 1996.
- Garrett, G. and Lange, P. (1991) 'Political responses to interdependence: what's "left" for the left?', *International Organization*, 45.
- Garrett, G. and Lange, P. (1996) 'Internationalization, institutions, and political change', in Keohane and Milner 1996.
- Gellner, E. (1981) *Muslim Society*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gereffi, G. (1994) 'The organization of buyer driven global commodity chains', in Gereffi and Korze-niewicz 1994.
- Gereffi, G. and Korzeniewicz, M. (eds) (1994) *Commodity Chains and Global Capitalism*, Westport: Praeger.
- Germain, R. (1997) *The International Organization of Credit*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Geyer, M. and Bright, C. (1995) 'World history in a global age', *American Historical Review*, 100.
- Ghosh, A. (1995) 'International capital mobility amongst the major industrialized countries: too little or too much?', *Economic Journal*, 105.
- Ghosh, B. (1996) 'Economic migration and the sending countries', in Broeck 1996.
- Giddens, A. (1979) *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*, London: Macmillan.
- Giddens, A. (1981) *A Contemporary Critique of Historical Materialism* vol. i, London: Macmillan.
- Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1985) *The Nation-State and Violence*, vol. 2 of *A Contemporary Critique of Historical Materialism*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-identity*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1995) *Beyond Left and Right*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1996) 'Globalization: a keynote address', *UNRISD News*, 15.
- Gill, B. (1994) 'Arms acquisitions in East Asia', in *SIPRI Yearbook 1994*, Oxford: Taylor and Francis.
- Gill, S. (1995) 'Globalization, market civilization, and disciplinary neoliberalism', *Millennium*, 24.
- Gilpin, R. (1981) *War and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin, R. (1987) *The Political Economy of International Relations*, Princeton: Princeton University Press.
- Gilroy, P. (1987) *There Ain't No Black in the Union Jack*, London: Hutchinson.
- Gilroy, P. (1993) *The Black Atlantic*, London: Verso.
- Gjerde, J. (1995) 'The Scandinavian migrants', in Cohen 1995.
- Glebe, G. and O'Loughin, J. (1987) *Foreign Minorities in Continental European Cities*, Wiesbaden: Steiner.
- Glennon, M. J. (1990) *Constitutional Diplomacy*, Princeton: Princeton University Press.
- Goldblatt, D. (1996) *Social Theory and the Environment*, Cambridge: Polity Press.
- Golini, A., Gerrano, G. and Heins, F. (1991) 'South-north migration with special reference to Europe', *International Migration*, June.
- 555
- Golub, S. (1990) 'International capital mobility: net versus gross stocks and flows', *Journal of International Money and Finance*, 9.
- Goodhart, C. (1985) *The Evolution of Central Banks*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Goodman, J. (1997) 'The European Union: reconstituting democracy beyond the nation-state', in McGrew 1997.
- Goody, J. (1986) *The Logic of Writing and the Organisation of Society*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Gopinath, P. (1997) 'Global production systems', paper delivered at the Conference on International Solidarity and Globalisation, Stockholm, 18 and 29 Oct.
- Gordon, D. (1988) 'The global economy: new edifice or crumbling foundations?', *New Left Review*, 168.
- Grabel, I. (1995) 'Speculation-led economic development: a post-Keynesian interpretation of financial liberalization programmes in the Third World', *International Review of Applied Economics*, 9.
- Graham, E. (1996) *Global Corporations and National Governments*, Washington DC: Institute for International Economics.
- Graham, G. (1997) *The Shape of the Past: A Philosophical Approach to History*, Oxford: Oxford University Press.
- Gray, C. (1997) *Postmodern War*, London: Routledge.
- Gray, J. (1996) *After Social Democracy*, London: Demos.
- Gray, J. (1998) *False Dawn*, London: Granta.
- Green, A. and Urquhart, M. (1976) 'Factor and commodity flows in the international economy of 1870—1914', *Journal of Economic History*, 36.
- Green, N. (1985) "'Filling the void": immigration to France before World War I', in Hoerder 1985.
- Greenpeace (1990) *The International Trade in Toxic Wastes: An International Inventory*, Washington: Greenpeace International.
- Greenpeace (1993) *The International Trade in Toxic Wastes: An International Inventory*, Washington: Greenpeace International.
- Greenwood, C. (1993) 'Is there a right of humanitarian intervention?', *The World Today*, Feb.
- Gregorio, J. de, Giovannini, A. and Wolf, H. (1994) 'International evidence on tradables and nontradables inflation', *European Economic Review*, 38.
- Greider, W. (1997) *One World, Ready or Not: The Manic Logic of Global Capitalism*, New York: Simon Schuster.
- Grove, E. (1997) *Ecology, Climate and Empire: Colonial and Global Environmental History 1400—1940*, London: White House Press.
- Grugel, J. (1996) 'Latin America and the remaking of the Americas', in A. Gamble and A. Payne (eds), *Regionalism and World Order*, London: Macmillan.
- Guehenno, J. M. (1995) *The End of the Nation-State*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Gustavsson, P., Hansson, P. and Lundberg, L. (1997) 'Technical progress, capital accumulation and international competitiveness', in J. Fagerberg et al. (eds), *Technology and International Trade*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Gyory, M. and Glas, G. (1994) *Statistics on the Film Industry in Europe*, Brussels: European Centre for Research and Information on Film and Television.
- Haas, E. (1990) *When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organisations*, Berkeley: University of California Press.
- Haas, P. (1990) *Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation*, New York: Columbia University Press.
- Haas, P. (1992) 'Introduction: epistemic communities and international policy coordination', *International Organization*, 43.
- Haas, P. (1993) 'Protecting the Baltic and North Seas', in Haas et al. 1993.
- Haas, P., Keohane, R. and Levy, M. (eds) (1993) *Institutions for the Earth: Sources of Effective International Environmental Protection*, Cambridge: MIT Press.
- Haggard, S. and Maxfield, S. (1996) 'The political economy of financial internationalization in the developing world', in Keohane and Milner 1996.
- 556
- Haglund, D. G. (1989) 'Techno-nationalism and the contemporary debate over the American defence industrial base', in D. G. Haglund (ed.), *The Defence Industrial Base and the West*, London: Routledge.
- Haigh, N. (1990) *EEC Environmental Policy and Britain* (and edn), London: Longman.
- Haigh, N. (1992) 'The EC and international environmental policy', in Hurrell and Kingsbury 1992.
- Hall, J. A. (1986) *Powers and Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West*, London: Penguin.
- Hall, J. A. (1996) *International Orders: An Historical Sociology of State, Regime, Class and Nation*, Cambridge: Polity Press.
- Ham, R. and Mowery, D. (1997) 'The United States of America', in J. Dunning (ed.), *Governments, Globalization and International Business*, Oxford: Oxford University Press.
- Hamelink, C. (1988) *Cultural Autonomy in Global Communication*, London: Longman.
- Hamelink, C. (1995) *World Communication: Disempowerment and Self-Empowerment*, London: Zed Books.
- Hamilton, K. and Langhorne, R. (1995) *The Practice of Diplomacy*, London: Routledge.
- Hannertz, U. (1990) 'Cosmopolitans and locals in world culture', *Theory, Culture and Society*, 1.
- Hannigan, J. (1995) *Environmental Sociology: A Social Constructivist Perspective*, London: Routledge.
- Hanson, J. (1980) *Trade in Transition: Exports from the Third World, 1840—1900*, New York: Academic Press.
- Hansson, P. and Henrekson, M. (1994) 'Catching-up in industrialized countries', *Journal of International Trade and Economic Development*, 3.
- Harkavy, R. (1975) *The Arms Trade and International Systems*, New York: Ballinger.
- Harkavy, R. (1989) *Bases Abroad: The Global Foreign Military Presence*, Oxford: Oxford University Press.
- Harkavy, R. (1994) 'The changing international system and the arms trade', *Annals of the American Association of Political and Social Science (AAPSS)*, 535.

- Harrigan, J. (1993) 'OECD imports and trade barriers in 1983', *Journal of International Economics*, 35.
- Harris, G. (1990) *The Dark Side of Europe: The Extreme Right Today*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Harvey, D. (1989) *The Condition of Postmodernity*, Oxford: Blackwell.
- Hassiz, R. (1985) *Trade, Tribute and Transportation: The Sixteenth Century Political Economy of the Valley of Mexico*, Norman: University of Oklahoma Press.
- Hatzius, J. (1997a) 'Domestic jobs and foreign wages: labour demand in Swedish multinationals', Discussion Paper 337, LSE Centre for Economic Performance, London.
- Hatzius, J. (1997b) 'Foreign direct investment, capital formation and labour costs: evidence from Britain and Germany', Discussion Paper 336, LSE Centre for Economic Performance, London.
- Hawthorn, G. (1993) 'Sub-Saharan Africa', in Held 1993.
- Hayek, F. A* (1960) *The Constitution of Liberty*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Headrick, D. R. (1981) *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century*, Oxford: Oxford University Press.
- Headrick, D. R. (1988) *The Tentacles of Progress: Technology Transfer in the Age of Imperialism, 1850—1940*, Oxford: Oxford University Press.
- Hecht, S. and Cockburn, A. (1989) *The Fate of the Forest: Developers, Destroyers and Defenders of the Amazon*, London: Verso.
- Helbling, T. and Wescott, R. (1995) 'The global real interest rate', in *Staff Studies for the World Economic Outlook*, Washington: International Monetary Fund.
- Held, D. (1989) *Political Theory and the Modern State*, Cambridge: Polity Press.
- Held, D. (1991) 'Democracy, the nation-state, and the global system', in D. Held (ed.), *Political Theory Today*, Cambridge: Polity Press.
- Held, D. (1992) 'The development of the modern state', in S. Hall and B. Gieben (eds), *Formations of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Held, D. (ed.) (1993) *Prospects for Democracy: North, South, East, West*, Cambridge: Polity Press.
- 557
- Held, D. (1995) *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*, Cambridge: Polity Press.
- Held, D. (1996) *Models of Democracy* (2nd edn), Cambridge: Polity Press.
- Held, D. and McGrew, A. G. (1993) 'Globalization and the liberal democratic state', *Government and Opposition*, 28.
- Helleiner, E. (1994) *States and the Re-emergence of Global Finance*, Ithaca: Cornell University Press.
- Helleiner, E. (1997) 'Braudelian reflections on economic globalization: the historian as pioneer', in S. Gill and J. Mittleman (eds), *Innovation and Transformation in International Studies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Helpman, E. and Krugman, P. (1985) *Market Structure and Foreign Trade*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Hepworth, M. (1989) *The Geography of the Information Economy*, London: Belhaven Press.
- Herbert, U. (1990) *A History of Foreign Labour in Germany, 1880—1980: Seasonal Workers, Forced Labourers, Guest Workers*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Herman, E. S. and McChesney, R. W. (1997) *The Global Media: The New Missionaries of Corporate Capitalism*, London: Cassell.
- Herz, J. H. (1976) *The Nation-State and the Crisis of World Politics*, New York: McKay.
- Higham, R. (1981) 'Complex skills and skeletons in the military industrial relations in Great Britain', in B. F. Cooling (ed.), *War, Business and World Military-Industrial Complexes*, London: National University Press.
- Hines, C. and Lang, T. (1993) *The New Protectionism*, London: Earthscan.
- Hinrichsen, D. (1990) *Our Common Seas: Coasts in Crisis*, London: Earthscan.
- Hintze, O. (1975) *Historical Essays*, New York: Oxford University Press.
- Hirst, P. (1997) 'The global economy: myths and realities', *International Affairs*, 73.
- Hirst, P. and Thompson, G. (1996) 'Globalization: ten frequently asked questions and some surprising answers', *Soundings*, 4.
- Hirst, P. and Thompson, G. (1996b) *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*, Cambridge: Polity Press.
- Hobsbawm, E. (1969) *Industry and Empire*, London: Pelican.
- Hobsbawm, E. (1990) *Nations and Nationalism since 1780*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobsbawm, E. (1994) *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991*, London: Michael Joseph.
- Hobsbawm, E. and Ranger, T. (eds) (1983) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodgson, M. G. S. (1993) 'The interrelations of societies in history', in E. Burke HI (ed.), *Rethinking World History: Essays on Europe, Islam and World History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoekman, E. and Karsenty, G. (1992) 'Economic development and international transactions in services', *Development Policy Review*, 10.
- Hoekman, E. and Kostecki, G. (1995) *The Political Economy of the World Trading System: From GATT to WTO*, Oxford: Oxford University Press.
- Hoerder, D. (ed.) (1985) *Labour Migration in the Atlantic Economies in Crisis*, London: Earthscan.
- Hollifield, J. F. (1992) *Immigrants, Markets and States: The Political Economy of Postwar Europe*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Holsti, K. J. (1991) *Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648—1989*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Homze, E. (1967) *Foreign Labour in Nazi Germany*, Princeton: Princeton University Press.

- Homze, E. M. (1991) 'The German military industrial complex', in B. F. Cooling (ed.), *War, Business and World Military-Industrial Complexes*, London: National University Press.
- Hood, S. and Young, S. (1997) 'The United Kingdom', in J. Dunning (ed.), *Governments, Globalization and International Business*, Oxford: Oxford University Press.
- Hoogvelt, A. (1997) *Globalisation and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development*, London: Macmillan.
- 55»
- Hoskins, W. G. (1977) *The Making of the English Landscape*, London: Hodder and Stoughton.
- Howard, M. (1981) *War and the Liberal Conscience*, Oxford: Oxford University Press.
- Howard, M. (1984) 'The military factor in European expansion', in H. Bull and A. Watson (eds), *The Expansion of International Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Howard, M., Andreopoulos, G. and Shulman, M. (eds) (1994) *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, New Haven: Yale University Press.
- Howells, J. and Wood, M. (1993) *The Globalisation of Production and Technology*, London: Belhaven Press.
- Hu, W. (1992) 'Global corporations are national firms with international operations', *California Management Review*, 34.
- Huebner, B. (1989) 'The importance of arms exports and armament cooperation for the West German defence industrial base', in D. G. Haglund (ed.), *The Defence Industrial Base and the West*, London: Routledge.
- Hufbauer, G. (1991) 'World economic integration: the long view', *International Economic Insights*, 2, no. 3.
- Hui, Ong Jin (1995) 'Chinese indentured labour', in Cohen 1995.
- Hung, M. and Morencos, E. (1990) *World Record Sales, 1969—1990*, London: IFPI.
- Hunt, E. (1994) *The Medieval Super-companies: A Study of the Peruzzi Company of Florence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hunter, L. and Markusen, J. (1988) 'Per-capita income as a determinant of trade', in R. Feenstra (ed.), *Empirical Methods for International Trade*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Huntington, S. P. (1991) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Norman: University of Oklahoma Press.
- Huntington, S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon and Schuster.
- Hurrell, A. (1994) 'A crisis of ecological viability? Global environmental change and the nation-state', *Political Studies*, 42.
- Hurrell, A. and Kingsbury, B. (eds) (1992) *The International Politics of the Environment*, Oxford: Oxford University Press.
- Hurrell, A. and Woods, N. (1995) 'Globalization and inequality', *Millennium*, 2.
- Ichino, A. (1993) 'The economic impact of immigration on the host country', in Luciani 1993.
- IDATE (1993) *Media and Cultural Industries*, London: Institut de L'Audiovisuel et des Telecommunications en Europe.
- IFPI (1994) *The Recording Industry in Numbers, 1994*, London: International Federation of Phonographic Industries.
- Ikegami-Andersson, M. (1992) *The Military Industrial Complex: The Cases of Sweden and Japan*, Aldershot: Dartmouth.
- Ikegami-Andersson, M. (1993) 'Japan', in Wulf 1993d.
- ILO/UNDP (1988) *Agenda for Policy: Asian Migration Project*, Bangkok: International Labour Organization.
- Imber, M. (1997) 'Geo-governance without democracy? Reforming the UN system', in McGrew 1997.
- IMF (1988) 'International financial statistics supplement on trade statistics', *Supplement 15*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IMF (1993) *Balance of Payments Manual*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IMF (1994) *International Capital Markets: Developments, Prospects and Policy Issues*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IMF (1995) *International Capital Markets: Developments, Prospects and Policy Issues*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IMF (1996) *International Capital Markets: Developments, Prospects and Policy Issues*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IMF (1997) *Exchange Arrangements and Exchange Restrictions: Annual Report 1997*, Washington DC: International Monetary Fund.
- 559
- IMF (1999b) *World Economic Outlook: Globalization — Challenges and Opportunities*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IMF (19983) 'Summary of reports on the international financial architecture', Washington DC (www.imf.org).
- IMF (1998b) *International Financial Statistics Yearbook*, Washington DC: International Monetary Fund.
- IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change) (1990) *Climate Change: The IPCC Scientific Assessment*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Irwin, D. (1993) 'Multilateral and bilateral trade liberalization in the world trade system: an historical perspective', in J. de

- Melo and A. Panagariya (eds), *New Dimensions in Regional Integration*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Isserlis, L. (1938) 'Tramp shipping cargoes and freights', *Journal of the Royal Statistical Society*, 101.
- ITU (1993) *Yearbook of Common Carrier Telecommunication Statistics*, Geneva: International Telecommunication Union.
- ITU (1994a) *Direction of Traffic: International Telephone Traffic 1994*, Geneva: International Telecommunication Union.
- ITU (1994b) *World Telecommunication Development Report 1994*, Geneva: International Telecommunication Union.
- Jackson, J. (1989) *The World Trading System*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Jacobs, M. (1991) *The Green Economy*, London: Pluto.
- Jacquemin, A. and Sapir, A. (1988) 'European integration or world integration?', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 124.
- Jasani, B. and Lee, C. (1984) *Countdown to Space War*, London: Taylor and Francis/SIPRI.
- Jenks, C. (1963) *Law, Freedom and Welfare*, London: Stevens and Son.
- Iervic, R. (1997) *System Effects*, Princeton: Princeton University Press.
- Jessop, B. (1997) 'Capitalism and its future: remarks on regulation, government and governance', *Review of International Political Economy*, 4.3.
- Johansson, O. (1967) *The Gross Domestic Product of Sweden and its Composition*, Stockholm: Almqvist and Wicksell.
- Johnson, D. and Siklos, P. (1996) 'Political and economic determinants of interest rate behaviour: are central banks different?', *Economic Inquiry*, 34.
- Johnson, K. and Williams, M. (1981) *Illegal Aliens in the Western Hemisphere*, New York: Praeger.
- Joll, J. (1984) *The Origins of the First World War*, London: Longmans.
- Jones, G. (1993) *British Multinational Banking, 1830—1990*, Oxford: Oxford University Press.
- Jones, G. (1996) *The Growth of International Business*, London: Routledge.
- Jones, R. J. B. (1995) *Globalization and Interdependence in the International Political Economy*, London: Frances Pinter.
- Jonquieres, G. de (1998) 'Rules for regulators', *Financial Times*, 2 Mar.
- Joyce, J. (1993) 'The globalization of music: expanding spheres of influence', in Mazlish and Buultjens 1993.
- Julius, D. (1990) *Global Companies and Public Policy*, London: Pinter.
- Juselius, K. (1996) 'An empirical analysis of the changing role of the German Bundesbank after 1983', *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 58.
- Kaldor, M. (1998) 'Reconceptualizing organized violence', in Archibugi et al. 1998.
- Kaldor, M. and Falk, R. (eds) (1987) *Dealignment*, Oxford: Blackwell.
- Kapler, J. (1997) 'The theory of transnational firms: an empirical reassessment', *International Review of Applied Economics*, 11.
- Kapstein, E. B. (1994a) 'America's arms trade monopoly', *Foreign Affairs*, May.
- Kapstein, E. B. (1994b) *Governing the Global Economy: International Finance and the State*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Kapstein, E. B. (1996) 'Workers in the world economy', *Foreign Affairs*, 75.
- Kearns, G. (1993) 'Fin de siecle geopolitics', in P. J. Taylor (ed.), *Political Geography of the Twentieth Century*, London: Belhaven Press.
- 560
- Kegley, C. W. and Raymond, G. (1994) *A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century*, New York: St Martins Press.
- Kegley, C. W. and Wittkopf, E. R. (1989) *World Politics*, London: Macmillan.
- Kelly, R. (1995) 'Derivatives: a growing threat to the international financial system', in J. Michie and J. Grieve Smith (eds), *Managing the Global Economy*, Oxford: Oxford University Press.
- Kemp, R. (1992) *The Politics of Radioactive Waste Disposal*, Manchester: Manchester University Press.
- Kennedy, P. (1988) *The Rise and Fall of the Great Powers*, London: Unwin Hyman.
- Kenwood, A. and Lougheed, L. (1989) *The Growth of the International Economy, 1820—1960*, London: Alien and Unwin.
- Keohane, R. O. (1984a) *After Hegemony*, Princeton: Princeton University Press.
- Keohane, R. O. (1984b) 'The world political economy and the crisis of embedded liberalism', in J. H. Goldthorpe (ed.), *Order and Conflict in Contemporary Capitalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Keohane, R. O. (1995) 'Hobbes' dilemma and institutional change in world politics: sovereignty in international society', in H. H. Holm and G. Sorensen (eds), *Whose World Order?*, Boulder: West-view Press.
- ».
- Keohane, R. O. and Hoffmann, S. (eds) (1990) *The New European Community*, Oxford: Westview Press.
- Keohane, R. O. and Milner, H. V. (eds) (1996) *Internationalization and Domestic Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Keohane, R. O. and Nye, J. (1977) *Power and Interdependence*, Boston: Little Brown.
- Khan, L. A. (1996) *The Extinction of the Nation-State: A World without Borders*, The Hague: Kluwer Law International.
- Kidron, M. and Segal, R. (1995) *The State of the World Atlas* (sth edn), London: Penguin.
- Kidron, M. and Smith, D. (1983) *The War Atlas*, London: Pan.
- Killick, T. (1995) *IMF Programmes in Developing Countries*, London: Routledge.
- Kim, S. S. (1984) 'Global violence and a just world order', *Journal of Peace Research*, 21.
- Kindleberger, C. (1967) *Europe's Postwar Growth: The Role of Labour Supply*, New York: Oxford University Press.
- King, R. (ed.) (1993a) *Mass Migration In Europe; The Legacy and the Future*, London: Belhaven Press.
- King, R. (ed.) (1993b) *The New Geography of European Migrations*, London: Belhaven Press.
- King, R. (1995) 'Migration, Globalization and Place', in Massey and Jess 1995.

- King, R. and Rybczuk, K. (1993) 'Southern Europe and the international division of labour', in King 1993b.
- Kitson, M. and Michie, J. (1995) 'Trade and growth: a historical perspective', in J. Michie and J. Grieve Smith (eds), *Managing the Global Economy*, Oxford: Oxford University Press.
- Klein, B. S. (1994) *Strategic Studies and World Order*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Korajczyk, R. (1996) 'A measure of stock market integration for developed and emerging markets', *World Bank Economic Review*, 10.
- Korten, D. (1995) *When Corporations Rule the World*, New York: Berett-Koehler.
- Korzeniewicz, M. (1994) 'Commodity chains and marketing strategies', in Gereffi and Korzeniewicz 1994.
- Krasner, S. (1983) *International Regimes*, Ithaca: Cornell University Press.
- Krasner, S. (1993) 'Economic interdependence and independent statehood', in R. H. Jackson and A. James (eds), *States in a Changing World*, Oxford: Oxford University Press.
- Krasner, S. (1995) 'Compromising Westphalia', *International Security*, 20, no. 3.
- Krause, K. (1992) *Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kravis, I. and Lipsey, R. (1992) 'Sources of competitiveness of the United States and of its multinational firms', *Review of Economics and Statistics*, 74.
- Kritz, M. (ed.) (1983) *US Immigration and Refugee Policy*, Lexington: Lexington Books.
- 561
- Krol, R. (1996) 'International capital mobility: evidence from panel data', *Journal of International Money and Finance*, 15.
- Krugman, P. (1995) 'Growing world trade: causes and consequences', *Brookings Papers on Economic Activity*, pp. 327—62.
- Krugman, P. (1996) *Pop Internationalism*, Boston: MIT Press.
- Kulischer, E. (1948) *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917—1947*, New York: Columbia University Press.
- Kurzer, P. (1993) *Business and Banking: Political Change and Economic Integration in Western Europe*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kuznets, S. (1967) 'Quantitative aspects of the economic growth of nations: X. Level and structure of foreign trade: long term trends', *Economic Development and Cultural Change*, 15.
- Lamb, H. H. (1977) *Climate: Past, Present and Future* (2 vols), London: Methuen.
- Lash, S. and Urry, J. (1994) *Economies of Signs and Spaces*, London: Sage.
- Latham, A. (1986) 'The international trade in rice and wheat since 1868: a study in market integration', in W. Fischer, R. McInnis and J. Schneider (eds), *The Emergence of a World Economy 1500—1914*, Wiesbaden: Steiner.
- Laurance, E. J. (1992) *The International Arms Trade*, New York: Lexington.
- Lawrence, R. (1994) 'Multinationals, trade and labour', Discussion Paper 4836, National Bureau of Economic Research, New York.
- Lawrence, R. (1996) *Single World, Divided Nations? International Trade and OECD Labor Markets*, Washington DC: Brookings Institution.
- League of Nations (1942) *The Network of World Trade*, Geneva: League of Nations.
- Learner, E. (1996) 'Wage inequality from international competition and technological change', *American Economic Review*, 86.
- Lee, J. (1978) 'Migration and expansion in Chinese history', in McNeill and Adams 1978.
- Leggett, J. (ed.) (1990) *Global Warming: The Greenpeace Report*, Oxford: Oxford University Press.
- Leifer, M. (1996) *The ARF*, Adelphi Paper 302, London: IISS.
- Leonard, H. (ed.) (1985) *Divesting Nature's Capital: The Political Economy of Environmental Abuse in the Third World*, New York: Holmes and Meier.
- Leonard, M. (1998) *Making Europe Popular: The Search for European Identity*, London: Demos.
- Levathes, L. (1994) *When China Ruled the Seas: The Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405—1433*, Oxford: Oxford University Press.
- Levy, M. (1993) 'European acid rain: the power of tote board diplomacy', in P. Haas et al. 1993.
- Levy-Leboyer, M. and Bourguignon, F. (1990) *The French Economy in the Nineteenth Century*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Liebes, T. and Katz, E. (1993) *The Export of Meaning: Cross-Cultural Readings of Dallas*, Cambridge: Polity Press.
- Light, I. and Bonacich, E. (1988) *Immigrant Entrepreneurs*, Berkeley: University of California Press.
- Linklater, A. (1996) 'Citizenship and sovereignty in the post-Westphalian state', *European Journal of International Relations*, 2.
- Linklater, A. (1998) *The Transformation of Political Community*, Cambridge: Polity Press.
- Linklater, A. and MacMillan, J. (1995) 'Boundaries in question', in J. MacMillan and A. Linklater (eds), *Boundaries in Question*, London: Frances Pinter.
- Lipsey, R., Blomstrom, M. and Ramstetter, E. (1995) 'Internationalized production in world output', Discussion Paper 5385, National Bureau of Economic Research, New York.
- Lipson, C. (1985) *Standing Guard: Protecting Foreign Capital in the Nineteenth and Twentieth Centuries*, Berkeley: University of California Press.
- Lithman, E. (1987) *Immigration and Immigrant Policy in Sweden*, Stockholm: Swedish Institute.
- Liu, P. and Tanner, E. (1996) 'International intertemporal solvency in industrialized countries', *Southern Economic Journal*, 62.

- Lloyd, P. (1992) 'Regionalism and world trade', *OECD Economic Studies*, no. 18.
- Luard, E. (1977) *International Agencies: The Framework of Interdependence*, London: Macmillan.
- Luard, E. (1990) *The Globalization of Politics*, London: Macmillan.
- 562
- Lucassen, J. (1987) *Migrant Labour in Europe, 1600—1900*, London: Groom Helm.
- Lucassen, J. (1995) 'Emigration to the Dutch colonies and the USA' in Cohen 1995.
- Luciani, G. (ed.) (1993) *Migration Policies in Europe and The United States*, Dordrecht: Kluwer.
- Lukes, S. (1974) *Power: A Radical View*, London: Macmillan.
- McCann, D. (1995) *Small States, Open Markets and the Organisation of Business Interests*, Aldershot: Dartmouth Press.
- McCormick, J. (1989) *Reclaiming Paradise: The Global Environmental Movement*, Bloomington: Indiana University Press.
- McCullagh, C. B. (1998) *The Truth of History*, London: Routledge.
- McEvedy, C. and Jones, R. (1978) *Atlas of World Population History*, Harmondsworth: Penguin.
- McFail, M. and Goldeier, J. M. (1992) 'A tale of two worlds: core and periphery in the post-Cold War era', *International Organization*, 46.
- McGoodwin, J. (1990) *Crisis in the World's Fisheries: People, Problems and Policies*, Stanford: Stanford University Press.
- McGrew, A. G. (1988) 'Conceptualizing global polities', unit 1 in A. G. McGrew (ed.), *Global Politics*, Milton Keynes: Open University.
- McGrew, A. G. (1992) 'Conceptualizing global polities', in McGrew and Lewis et al. 1992.
- McGrew, A. G. (ed.) (1997) *The Transformation of Democracy? Globalization and Territorial Democracy*, Cambridge: Polity Press.
- McGrew, A. G. and Brook, C. (eds) (1998) *Asia-Pacific in the New World Order*, London: Routledge.
- McGrew, A. G. and Lewis, P. G. et al. (1992) *Global Politics*, Cambridge: Polity Press.
- MacKenzie, D. (1993) *Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance*, Boston: MIT Press.
- McKeown, T. (1991) 'A liberal trade order? The long-run pattern of imports to the advanced capitalist states', *International Studies Quarterly*, 35.
- McNeill, W. H. (1963) *The Rise of the West: A History of the Human Community*, Chicago: Chicago University Press.
- McNeill, W. H. (1976) *Plagues and Peoples*, New York: Doubleday.
- McNeill, W. H. (1978) 'Human migration: an historical overview', in McNeill and Adams 1978.
- McNeill, W. H. (1982) *The Pursuit of Power*, Oxford: Blackwell.
- McNeill, W. H. (1995) 'The "rise of the West" after twenty-five years', in S. K. Sanderson (ed.), *Civilizations and World Systems*, Walnut Creek: Altamira.
- McNeill, W. H. and Adams, R. S. (eds) (1978) *Human Migration: Patterns and Policies*, Bloomington: Indiana University Press.
- Maddison, A. (1991) *Dynamic Forces in Capitalist Development*, Oxford: Oxford University Press.
- Magnusson, L. (1994) *Mercantilism*, London: Routledge.
- Malmans, K. (1982) 'Phonograms and cultural policy in Sweden', in K. Blaukopf (ed.), *The Phonogram in Cultural Communication*, Vienna: Springer-Verlag.
- Mancini, G. (1990) 'The making of a constitution for Europe', in Keohane and Hoffmann 1990.
- Mann, M. (1986) *The Sources of Social Power*, vol. i: *A History of Power from the Beginning to AD 1760*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann, M. (1993) *The Sources of Social Power*, vol. 2: *The Rise of Classes and Nation-States, 1760—1914*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann, M. (1997) 'Has globalization ended the rise and rise of the nation-state?', *Review of International Political Economy*, 4.
- Mansbach, R. W., Ferguson, Y. H. and Lampert, D. E. (1976) *The Web of World Politics*, Englewood Cliffs: Prentice Hall.
- Marks, S. and Richardson, P. (eds) (1984) *International Labour Migration: Historical Perspectives*, London: Temple Smith.
- Markusen, J. Y. and Yudken, A. (1992) *Dismantling the Cold War Economy*, New York: Basic Books.
- Marston, R. (1993) 'Interest differentials under Bretton Woods and the post-Bretton Woods float', in M. Bordo and B. Eichengreen (eds), *A Retrospective on the Bretton Woods System*, Chicago: University of Chicago Press.
- 563
- Marston, R. (1995) *International Financial Integration: A Study of Interest Differentials between the Major Industrial Countries*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Martin, J. (1986) *The Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance in Mediaeval Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Martin, P. L. (1991) 'Labour migration in Asia: conference report', *International Migration Review*, 25.1.
- Massey, D. and Jess, P. (eds) (1995) *A Place in the World? Culture, Places and Globalisation*, Oxford: Oxford University Press.
- Mazlish, B. and Bultjens, R. (eds) (1993) *Conceptualizing Global History*, Boulder: Westview Press.

- Meadows, D. et al. (1972) *Limits to Growth*, London: Earth Island.
- Melosi, M. (ed.) (1985) *Pollution and Reform in American Cities, 1870—1930*, Austin: University of Texas Press.
- Meyer, J. et al. (1997) 'The structuring of a world environmental regime, 1870—1990', *International Organisations*, 5(4).
- Meyrowitz, J. (1985) *No Sense of Place*, Oxford: Oxford University Press.
- Michalet, C. A. (1997) 'France', in J. Dunning (ed.), *Governments, Globalization and International Business*, Oxford: Oxford University Press.
- Millar, F. et al. (1967) *The Roman Empire and its Neighbours*, London: Weidenfield and Nicolson.
- Miller, D. (1994) *Modernity — An Ethnographic Approach: Dualism and Mass Consumption in Trinidad*, Oxford: Berg.
- Miller, M. (1995) *The Third World In Global Environmental Politics*, Milton Keynes: Open University Press.
- Milner, H. (1989) *Resisting Protectionism: Global Industries and the Politics of International Trade*, Princeton: Princeton University Press.
- Milner, H. V. and R. O. Keohane (1996) 'Internationalization and domestic politics', in Keohane and Milner 1996.
- Minami, R. (1994) *The Economic Development of Japan*, Basingstoke: Macmillan.
- Minford, P., Riley, J. and Nowell, E. (1997) Trade, technology and labor markets in the world economy *Journal of Development Studies*, 34.
- Ministry of Foreign Affairs (1971) *Development of Overseas Japanese* (2 vols), Tokyo: Ministry of Foreign Affairs.
- Mitchell, B. (1975) *European Historical Statistics, 1750—1970*, London: Macmillan.
- Mitchell, B. (1983) *International Historical Statistics: The Americas and Australasia*, London: Macmillan.
- Mitchell, B. (1992) *International Historical Statistics: Europe, 1750—1988*, London: Macmillan.
- Mitchell, R. (1993) 'International oil pollution of the oceans', in Haas et al. 1993.
- Modelski, G. (1972) *Principles of World Politics*, New York: Free Press.
- Montiel, P. (1994) 'Capital mobility in developing countries', *World Bank Economic Review*, 8.
- Moravcsik, A. (1991) 'The European armaments industry at the crossroads', *Survival*, 33.
- Morawska, E. and Spohn, W. (1997) 'Moving Europeans in the globalizing world: contemporary migrations in a historical-comparative perspective (1955—1994 vs 1870—1914)', in Wang 1997.
- Morgenstern, O. (1959) *International Financial Transactions and Business Cycles*, Princeton: Princeton University Press.
- Morgenthau, H. (1967) *Politics among Nations*, New York: Knopf.
- Morner, M. (1976) 'Spanish migration to the New World prior to 1810: a report on the state of research', in F. Chiappelli (ed.), *First Images of America*, Berkeley: University of California Press.
- Morris, B. (1987) *The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947—1949*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Morris, C. T. and Adelman, I. (1988) *Comparative Patterns of Economic Development, 1850—1914*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Morse, E. (1976) *Modernization and the Transformation of International Relations*, New York: Free Press.
- Moshirian, E. (1994) 'Trade in financial services', *World Economy*, 17.
- 564
- Mowery, D. and Oxley, J. (1997) 'Inward technology transfer and competitiveness', in Archibugi and Michie 1997b.
- Mueller, J. (1989) *Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War*, New York: Basic Books.
- Murphy, A. B. (1996) 'The sovereign state system as a political-territorial ideal: historical and contemporary considerations', in T. J. Biersteker and C. Weber (eds), *State Sovereignty as Social Construct*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Murphy, C. (1994) *International Organization and International Change: Global Governance since 1850*, Cambridge: Polity Press.
- Myers, N. (1986) *The Primary Source: Tropical Forests and our Futures*, New York: Norton.
- Myers, N. (1993a) 'Environmental refugees in a globally warmed world', *Bioscience*, 43.
- Myers, N. (1993b) *Ultimate Security: The Environmental Basis of Political Security*, New York: Norton.
- Narula, R. (1996) *Multinational Investment and Economic Structure: Globalization and Competitiveness*, London: Routledge.
- National Science Board (1989) *Loss of Biological Diversity: A Global Crisis Requiring International Solutions*, Washington: National Science Foundation.
- Neal, L. (1990) *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nectoux, F. and Dudley, N. (1987) *A Hard Wood Story: Europe's Involvement in the Tropical Timber Trade*, London: Friends of the Earth.
- Nectoux, F. and Kuroda, Y. (1989) *Timber from the South Seas: An Analysis of Japan's Tropical Timber Trade and its Environmental Impact*, Gland: WWF International.
- Nef, J. (1977) 'An early energy crisis and its consequences', *Scientific American*, 237.
- Negus, K. (1993) 'Global harmonies and local discords: transnational policies and practices in the European recording industry', *European Journal of Communication*, 8.
- Neunreither, K. (1993) 'Subsidiarity as a guiding principle for European Community activities', *Government and Opposition*, 28.
- Neven, D. and Roller, L. H. (1991) 'European integration and trade flows', *European Economic Review*, 35.
- Newman, S. G. (1984) 'International stratification and Third World military industries', *International Organization*, 38, no. 1.
- Nierop, T. (1994) *Systems and Regions in Global Politics: An Empirical Study of Diplomacy, International Organization and Trade 1950—1991*, Chichester: John Wiley.
- Nilsson, S. and Pitt, D. (1994) *Protecting the Atmosphere: The Climate Change Convention and its Context*, London:

Earthscan.

Nishimura, S. (1997) 'International banking in China, 1890—1913', in A. Teichova et al. (eds), *Banking, Trade and Industry*, Cambridge: Cambridge University Press.

Noel, J. (1989) 'The Single European Act', *Government and Opposition*, 24.

Nolan, J. E. (1991) *Trappings of Power: Ballistic Missiles in the Third World*, Washington DC: Brookings Institution.

Noland, M. (1997) 'Has Asian export performance been unique?', *Journal of International Economics*, 43, nos 1—2.

Nordenstreng, K. and Varis, T. (1974) *Television Traffic: A One Way Street? A Survey and Analysis of the International Flow of Television Programme Material*, Reports and Papers on Mass Communication no. 70, Paris: UNESCO.

Nordlinger, E. (1981) *On the Autonomy of the Democratic State*, Cambridge: Harvard University Press.

Norman, H. and Runblom, H. (1987) *Transatlantic Connections: Nordic Migration to the New World*, Oslo: Universitetsforlaget.

Northedge, F. S. (1976) *The International Political System*, London: Faber.

Nugent, W. (1995) 'Migration from the German and Austro-Hungarian empires to North America', in Cohen 1995. 565

Obstfeld, M. (1995) 'International capital mobility in the 1990s', in P. Kenen (ed.), *Understanding Interdependence*, Princeton: Princeton University Press.

Obstfeld, M. (1996) 'Models of currency crises with self-fulfilling features', *European Economic Review*, 40.

Ochoa, O. (1996) *Growth, Trade and Endogenous Technology*, Basingstoke: Macmillan.

O'Doherty, D. (ed.) (1995) *Globalisation, Networking and Small Firm Innovation*, London: Graham and Trotman.

OECD (1983) *The Internationalisation of Banking*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1985) *Twenty-Five Years of Development Cooperation*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1986) *Tourism Statistics*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1987) *Structural Adjustment and Economic Performance*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (19913) *Environmental Indicators: A Preliminary Set*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1991b) *Japan: The State of the Environment*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1991c) *The State of the Environment*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1991d) *Taxing Profits in a Global Economy*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1992) *Globalisation of Industrial Activities*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (19933) *The Changing Course of International Migration*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1993b) *Germany: The State of the Environment*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1993c) *Trade Policy Issues: Infra-Firm Trade*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (19943) *The Performance of Foreign Affiliates in OECD Countries*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1994b) *Transfrontier Movements of Hazardous Waste, Statistics 1991*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (19963) *Globalisation of Industry: Overview and Sector Reports*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1996b) *International Capital Market Statistics, 1950—1995*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1996c) *International Direct Investment Statistics Yearbook 1996*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1997) *Communications Outlook*, Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

OECD (1998) 'How the OECD promotes the rule of law', Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development.

Offe, C. (1985) *Disorganized Capitalism*, Cambridge: Polity Press.

Ohkawa, K. and Shinohara, M. (eds) (1979) *Patterns of Japanese Economic Development*, New Haven: Yale University Press.

Ohlson, T. and Blacksby, F. (1982) 'Military expenditure and the arms trade: problems of data', *Bulletin of Peace Proposals*, 13.

Ohmae, K. (1990) *The Borderless World*, London: Collins.

Ohmae, K. (1995) *The End of the Nation State*, New York: Free Press.

Oliveira Martins, J. (1994) 'Market structure, trade and industry wages', *OECD Economic Studies*, no. 22. 566

O'Loughlin, H. (1993) 'Political geography of war and peace', in P. J. Taylor (ed.), *Political Geography of the Twentieth*

- Century, London: Belhaven Press.
- Oppenheim, L. (1985) *International Law*, vol. i, London: Longman.
- O'Rourke, K. and Williamson, J. (1994) 'Late nineteenth century Anglo-American factor price convergence', *Journal of Economic History*, 54.
- O'Rourke, K., Taylor, A. and Williamson, J. (1996) 'Factor price convergence in the late nineteenth century', *International Economic Review*, 37.
- Osiander, A. (1994) *The States System of Europe, 1640—1990*, Oxford: Clarendon Press.
- Ostrom, E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press.
- OTA (1991) *Global Arms Trade: Commerce in Advanced Military Technology and Weapons*, Washington DC: US Congress GPO.
- O'Tuathail, G. (1996) *Critical Geopolitics*, London: Routledge.
- Paarlberg, R. (1993) 'Managing pesticide use in developing countries', in Haas et al. 1993.
- Pacey, A. (1991) *Technology in World Civilization*, Boston: MIT Press.
- Page, S. (1994) *How Developing Countries Trade*, London: Routledge.
- Paine, T. (1987) *The Thomas Paine Reader*, Harmondsworth: Penguin.
- Pakenham, T. (1992) *The Scramble for Africa*, London: Abacus.
- Panic, M. (1988) *National Management of the International Economy*, London: Macmillan.
- Panic, M. (1992) *European Monetary Union: Lessons from the Classical Gold Standard*, Basingstoke: Macmillan.
- Paolini, J. (1994) 'The French case', in T. Taylor (ed.), *Reshaping European Defence Policy*, London: RIIA.
- Papademetriou, D. G. (1991) 'South-North migration in the western hemisphere and US responses', *International Migration*, June.
- Parker, G. (1988) *The Military Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Parson, E. (1993) 'Protecting the ozone layer', in Haas et al. 1993.
- Passmore, J. (1974) *Mans Responsibility for Nature*, London: Duckworth.
- Pattie, C. J. (1994) 'Forgetting Fukuyama: new spaces of politics', *Environment and Planning*, 26.
- Pauly, L. (1997) *Who Elected the Bankers?*, New York: Cornell University Press.
- Pearce, F. (1991) *Green Warriors: The People and the Politics behind the Environmental Revolution*, London: Bodley Head.
- Pearton, M. (1982) *The Knowledgeable State*, London: Burnett.
- Pendakur, M. and Subramanyam, R. (1996) 'Indian cinema beyond national borders', in Sinclair et al. 1996.
- Pepper, D. (1984) *The Roots of Modern Environmentalism*, London: Routledge.
- Perlmutter, H. V. (1991) 'On the rocky road to the first global civilisation', *Human Relations*, 44.
- Perraton, J. (1999) 'What are global markets? The significance of networks of trade', in R. Germain (ed.), *Globalization and its Critics*, Basingstoke: Macmillan.
- Perraton, J. et al. (1997) 'The globalization of economic activity', *New Political Economy*, 2, July.
- Perroni, C. and Whalley, J. (1994) 'The new regionalism: trade liberalization or insurance?', Working Paper 4626, New York: National Bureau of Economic Research.
- Peterson, M. (1993) 'International fisheries management', in Haas et al. 1993.
- Petri, P. (1993) 'The East Asian trading bloc', in J. Frankel and M. Kahler (eds), *Regionalism and Rivalry: Japan and the United States in Pacific Asia*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pfaller, A., Gough, I. and Therborn, G. (1991) *Can the Welfare State Compete?*, Basingstoke: Macmillan.
- Phillips, J. R. S. (1988) *The Medieval Expansion of Europe*, Oxford: Oxford University Press.
- Pieterse, J. N. (1997) 'Going global: futures of capitalism', *Development and Change*, 28.
- Pinder, J. (1961) *European Community*, Oxford: Oxford University Press.
- Pinder, J. (1991) *European Community: The Building of a Union*, Oxford: Oxford University Press.
- Piano, J. C. and Olton, R. (1988) *The International Relations Dictionary*, Santa Barbara: ABC Clio.
- 567
- Plasschaert, S. (ed.) (1994) *Transnational Corporations: Transfer Pricing and Taxation*, London: Routledge.
- Poggi, G. (1978) *The Development of the Modern State*, London: Hutchinson.
- Polanyi, K. (1944) *The Great Transformation*, Boston: Beacon Press.
- Pomfret, R. (1988) *Unequal Trade: The Economics of Discriminatory International Trade Policies*, Oxford: Blackwell.
- Porter, A. (1994) *European Imperialism 1860—1914*, London: Macmillan.
- Porter, M. (1990) *The Competitive Advantage of Nations*, London: Macmillan.
- Porter, T. (1993) *States, Markets and Regimes in Global Finance*, Basingstoke: Macmillan.
- Fortes, A. and Bach, R. (1985) *Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants to the United States*, Berkeley: University of California Press.
- Potter, D., Goldblatt, D., Kiloh, M. and Lewis, P. (eds) (1997) *Democratization*, Cambridge: Polity Press.
- Potts, L. (1990) *The World Labour Market: A History of Migration*, London: Zed Books.
- Pringle, P. (1983) *SIOP: Nuclear War from the Inside*, London: Sphere Books.
- Pugliese, E. (1993) 'Restructuring of the labour market and the role of Third World migrations in Europe', *Society and Space*, 11.
- Qureshi, A. (1996) *The World Trade Organization: Implementing International Trade Norms*, Manchester: Manchester University Press.
- Rackham, O. (1986) *The History of the Countryside*, London: Dent.
- Ralston, D. B. (1990) *Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions*

into the Extra-European World 1600—1914, Chicago: Chicago University Press.

Ramstetter, E. (1998) 'Measuring the size of foreign multinationals in the Asia-Pacific', in G. Thompson (ed.), *Economic Dynamism in the Asia Pacific*, London: Routledge.

Ravenhill, J. (1998) 'The growth of intergovernmental collaboration in the Asia-Pacific region', in Mc-Grew and Brook 1998.

Ray, M. and Jacka, E. (1996) 'Indian television: an emerging regional force', in Sinclair et al. 1996.

Redwood, J. (1993) *The Global Marketplace*, London: HarperCollins.

Reich, R. (1991) *The Work of Nations: Preparing Ourselves for Twenty-First Century Capitalism*, New York: Simon and Schuster.

Reif, K. (1993) 'Cultural convergence and cultural diversity as factors in European identity', in Garcia 1993.

Renard, J. and Litman, B. (1985) 'Changing dynamics of the overseas markets for TV programming', *Telecommunications Policy*, 9, no. 3.

Reynolds, C. (1981) *Modes of Imperialism*, Oxford: Martin Robertson.

Richards, J. and Tucker, R. (eds) (1983) *Global Deforestation and the Nineteenth Century World Economy*, Durham: Duke University Press.

Riemers, D. (1985) *Still the Golden Door*, New York: Columbia University Press.

Riley, J. (1980) *International Government Finance and the Amsterdam Capital Market, 1740—1815*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rip, M. R. and Lusch, D. P. (1994) 'The precision revolution: the NAVSTAR GPS in the, Second Gulf War', *Intelligence and National Security*, 9.

Ritz, M. (1989) 'International migration policies: conceptual problems', *International Migration Review*, 21.

Roberts, J. M. (1995) *The Penguin History of the World*, London: Penguin.

Robertson, R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: Sage.

Robinson, D., Buck, E. and Cuthbert, M. (1991) *Music at the Margins: Popular Music and Global Cultural Diversity*, London: Sage.

Rock, M. (1996) 'Pollution intensity of GDP and trade policy: can the World Bank be wrong?', *World Development*, 24.

Rodrik, D. (1997) *Has Globalization Gone Too Far?*, Washington DC: Institute for International Economics.

568

Rogowski, R. (1989) *Commerce and Coalitions: How Trade Affects Domestic Political Alignments*, Princeton: Princeton University Press.

Rohde, J. and Sandrat, H. H. von (1994) 'German defence and force structure planning', in T. Taylor (ed.), *Reshaping European Defence Policy*, London: RIIA.

Roling, B. (1960) *International Law in an Expanded World*, Amsterdam: Djambatan.

Rose, A. (1991) 'Why has trade grown faster than income?', *Canadian Journal of Economics*, 24.

Rose, A. (1996) 'Explaining exchange rate volatility', *Journal of International Money and Finance*, 15, no. 6.

Rosenau, J. (1980) *The Study of Global Interdependence*, London: Frances Pinter.

Rosenau, J. (1990) *Turbulence in World Politics*, Brighton: Harvester Wheatsheaf.

Rosenau, J. (1992) 'Governance, order and change in world politics', in J. Rosenau and E. O. Czempiel (eds), *Governance without Government*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rosenau, J. (1994) 'New dimensions of security', *Security Dialogue*, 25.

Rosenau, J. (1997) *Along the Domestic-Foreign Frontier*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rosenau, J. (1998) 'Government and democracy in a globalizing world', in D. Archibugi, D. Held and M. Kohler (eds), *Re-imagining Political Community*, Cambridge: Polity Press.

Ross, A. L. (1987) 'Dimensions of militarization in the Third World', *Armed Forces and Society*, 13.

Ross, G. (1995) *Jacques Delors and European Integration*, Cambridge: Polity Press.

Roudometof, V. and Robertson, R. (1995) 'Globalization, world-system theory, and the comparative study of civilizations', in S. K. Sanderson (ed.), *Civilizations and World Systems*, Walnut Creek: Al-tamira Press.

Rousslang, D. (1997) 'International income shifting by US multinational corporations', *Applied Economics*, 29.

Rowlands, I. (1994) *The International Politics of Atmospheric Change*, Manchester: Manchester University Press.

Rowthorn, R. and Wells, J. (1987) *De-industrialization and Foreign Trade*, Cambridge: Cambridge University Press.

Ruggie, J. G. (1982) 'International regimes, transactions and change: embedded liberalism in the post war economic order', *International Organization*, 36.

Ruggie, J. G. (1993) 'Territoriality and beyond', *International Organization*, 41.

Ruggie, J. G. (1996) *Winning the Peace: America and World Order in the New Era*, New York: Columbia University Press.

Ruigrok, W. and Tulder, R. van (1995) *The Logic of International Restructuring*, London: Routledge.

Rushdie, S. (1991) *Imaginary Homelands*, London: Granta Books.

Sabine, G. H. (1963) *A History of Political Thought*, London: Harrap.

Sabloff, J. and Lamberg-Karlovsky, C. (eds) (1975) *Ancient Civilization and Trade*, Albuquerque: University of New Mexico Press.

Sachs, J. and Shatz, H. (1994) 'Trade and jobs in US manufacturing', *Brookings Papers on Economic Activity*, i.

Sachs, J. and Warner, A. (1995) 'Economic reform and the process of global integration', *Brookings Papers on Economic Activity*, pp. i—95.

- Safarian, A. (1993) *Multinational Enterprise and Public Policy: A Study of the Industrial Countries*, Aldershot: Edward Elgar.
- Salaman, R. (1947) *The History and Social Influence of the Potato*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Salt, J. and Findlay, A. (1989) 'International migration of highly skilled manpower: theoretical and development issues', in Appleyard 1989.
- Salt, J. and Ford, R. (1993) 'Skilled international migration in Europe', in King 1993.
- Sandel, M. (1996) *Democracy's Discontent*, Cambridge: Harvard University Press.
- Sassen, S. (1996) *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*, New York: Columbia University Press.
- Scharpf, F. (1991) *Crisis and Choice in European Social Democracy*, New York: Cornell University Press.
- 569
- Schattschneider, E. F. (1960) *The Semi-Sovereign People: A Realist View of Democracy in America*, New York: Rinehart and Winston.
- Schiller, H. (1969) *Mass Communication and the American Empire*, New York: Augustus Kelly.
- Scholte, J. A. (1993) *International Relations of Social Change*, Buckingham: Open University Press.
- Schon, L. (1986) 'Market development and structural change in the mid-nineteenth century — with special reference to Sweden', in W. Fischer, R. McInnis and J. Schneider (eds), *The Emergence of a World Economy 1500—1914*, Wiesbaden: Steiner.
- Schwartzman, S. (1986) *Bankrolling Disasters: International Development Banks and the Global Environment*, San Francisco: Sierra Club.
- Screen Digest (1996) 'World cinema and market shares: clarity in the confusion', *Screen Digest*, Sept. Screen Digest (1997) 'Europe's other channels: numbers double every three years', *Screen Digest*, Mar.
- Screen Digest (1997b) 'Film production and distribution: a shifting balance', *Screen Digest*, May. Screen Digest (1997c) 'World cinema market: start of the European fightback', *Screen Digest*, Aug. Seecombe, I. and Lawless, R. (1986) 'Foreign worker dependence in the Gulf and international oil companies', *International Migration Review*, 20.
- Segal, A. (1993) *An Atlas of International Migration*, London: Hans Zell.
- Segal, G. (1994) 'China: arms trade policies and practices', *Contemporary Security Policy*, 15.
- Sepstrup, P. (1991) *Transnationalization of Television in Europe*, London: John Libbey.
- Shafer, J. (1995) 'Experience with controls on international capital movements in OECD countries', in S. Edwards (ed.), *Capital Controls, Exchange Rates, and Monetary Policy in the World Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Sharp, J. (1991) 'Disarmament and arms control: a new beginning?', in K. Booth (ed.), *New Thinking about Strategy and International Security*, London: HarperCollins.
- Shaw, M. (1991) *Post-Military Society*, Cambridge: Polity Press.
- Shaw, M. (1997) 'Globalization and post-military democracy', in McGrew 1997.
- Shepherd, W. (1994) *International Financial Integration*, Aldershot: Avebury.
- Shimo, M. (1995) 'Indentured migrants from Japan', in Cohen 1995.
- Silverberg, D. (1994) 'Global trends in military production and conversion', *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 535.
- Simon, J. (1984) 'Immigrants, taxes and welfare in the United States', *Population and Development Review*, 10.
- Simon, J. (1989) *The Economic Consequences of Migration*, Oxford: Blackwell.
- Sinclair, J. (1996) 'Mexico, Brazil and the Latin World', in Sinclair et al. 1996.
- Sinclair, J., Jacka, E. and Cunningham, S. (eds) (1996) *New Patterns in Global Television: Peripheral Vision*, Oxford: Oxford University Press.
- Sinn, S. (1992) 'Savings-investment correlations and capital mobility' *Economic Journal*, 102.
- SIPRI (1991) *SIPRI Yearbook 1991*, Oxford: Oxford University Press.
- SIPRI (1998) *SIPRI Yearbook 1998: Armaments, Disarmament and International Security*, Oxford: Oxford University Press.
- 570
- Sivard, R. L. (1991) *World Military and Social Expenditures*, Washington DC: World Priorities.
- Skeldon, R. (1992) 'International migration within and from the East and Southeast Asian Region: a review essay', *Asian and Pacific Migration Journal*, 1.
- Skinner, Q. (1978) *The Foundations of Modern Political Thought*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Skipp, V. (1978) *Crisis and Development: An Ecological Case Study of the Forest of Arden, 1570—1674*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Skons, E. (1993) 'Western Europe: internationalization of the arms industry', in Wulf 1993d.
- Skons, E. (1994) 'The internationalization of the arms industry', *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 535.
- Sloutski, N. M. (1941) *The World Armaments Race 1919—1939*, Geneva: Geneva Research Centre.
- Small, M. and Singer, J. D. (1973) 'The diplomatic importance of states, 1816—1970', *World Politics*, 25.
- Smith, A. (1971) *Theories of Nationalism*, London: Duckworth.
- 570
- Smith, A. (1990) 'Towards a global culture?', in M. Featherstone (ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity*, London: Sage.
- Smith, A. (1992) 'National identity and the idea of European unity', *International Affairs*, 68.
- Smith, A. (1995) *Nations and Nationalism in a Global Era*, Cambridge: Polity Press.
- Smith, A. K. (1991) *Creating a World Economy: Merchant Capital, Colonialism and World Trade, 1400—1825*, Boulder:

Westview Press.

- Smith, M. R. (1977) 'Military arsenals and industry before World War One', in B. F. Cooling (ed.), *War, Business and American Society*, London: National University Publications.
- Smith, T. (1981) *The Pattern of Imperialism: The United States, Great Britain and the Late Industrializing World since 1815*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith, T. (1994) *America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century*, Princeton: Princeton University Press.
- Snow, P. (1988) *The Star Rafts: China's Encounters with Africa*, London: Weidenfeld and Nicolson.
- Snyder, C. (1996) 'Emerging regional security co-operation in Europe and the Asia Pacific', *Pacific Review*, 9, no. 4.
- Soete, L. and Verspagen, B. (1994) 'Competing for growth: the dynamics of technology gaps', in L. Pa-sinetti and R. Solow (eds), *Economic Growth and the Structure of Long-Term Development*, Basingstoke: Macmillan.
- Solomos, J. (1993) *Race and Racism in Contemporary Britain* (2nd edn), London: Macmillan.
- Solomos, J. and Wrench, J. (1993) *Racism and Migration in Europe*, Oxford: Berg.
- Solow, B. and Engerman, S. (1988) *British Capitalism and Caribbean Slavery*, Cambridge: Cambridge University Press.
- SOPEMI (1991) *Continuous Reporting System on Migration*, Paris: OECD.
- SOPEMI (1992) *Trends in International Migration*, Paris: OECD.
- Spear, P. (1990) *A History of India*, vol. 2, London: Penguin.
- Staple, G. (ed.) (1991) *The Global Telecommunications Traffic Report, 1991*, London: International Institute of Communications.
- Staple, G. (ed.) (1996) *Telegeography, 1996*, London: International Institute of Communications.
- Steinmo, S., Thelen, K. and Longstretch, F. (eds) (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stone, J. and Lee, H.-H. (1995) 'Determinants of intra-industry trade: a longitudinal, crosscountry analysis', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 131.
- Stopford, J. and Strange, S. (1991) *Rival States, Rival Firms: Competition for World Market Shares*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stowsky, J. (1992) 'From spin-off to spin-on: redefining the military's role in American technological development', in M. B. J. Zysman and W. Sandholtz (eds), *The Highest Stakes: The Economic Foundations of the Next Security System*, New York: Oxford University Press.
- Strange, S. (1996) *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Street, J. (1997) *Politics and Popular Culture*, Cambridge: Polity Press.
- Swan, N. et al. (1991) 'Economic and social impacts of immigration', a research report for the Economic Council of Canada, Ottawa.
- Talbott, S. (1997) 'Globalization and diplomacy: a practitioner's perspective', *Foreign Policy*, no. 108, Fall.
- Tanzi, V. (1995) *Taxation in an Integrating World*, Washington DC: Brookings Institution.
- Tapinos, G. and de Rugy, A. (1993) 'The macroeconomic impact of immigration: review of the literature published since the mid-1970s', in OECD 1993.
- Taplin, E. (1994) 'Strategic reorientations of US apparel firms', in Gereffi and Korzeniewicz 1994.
- Tarr, J. (1985) 'Historical perspectives on hazardous waste management in the United States', *Waste Management and Research*, 3.
- Taylor, P. J. (1993) 'Geopolitical world orders', in P. J. Taylor (ed.), *Political Geography of the Twentieth Century*, London: Belhaven Press.
- 571
- Taylor, R. and Buttel, F. (1992) 'How do we know we have global environmental problems? Science and the globalization of environmental discourse', *Geoforum*, 23.
- Taylor, T. (1990) 'Defence industries in international relations', *Review of International Studies*, 16.
- Taylor, T. (1994b) 'British defence policy', in T. Taylor (ed.), *Reshaping European Defence Policy*, London: RIIA.
- Taylor, T. (1994b) 'Conclusions', in T. Taylor (ed.), *Reshaping European Defence Policy*, London: RIIA.
- Taylor, T. (1994c) 'Western European security and defence cooperation', *International Affairs*, 70.
- Taylor, T. and Hartley, K. (1989) *The UK Defence Industrial Base*, London: Brassey's.
- TeBrake, W. (1974) 'Air pollution and fuel crisis in pre-industrial London, 1250—1650', *Technology and Culture*, 16.
- Tesar, L. and Werner, I. (1995) 'Home bias and high turnover', *Journal of International Money and Finance*, 14.
- Therborn, G. (1995) *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945—2000*, London: Sage.
- Thiara, R. (1995) 'Indian indentured workers in Mauritius, Natal and Fiji', in Cohen 1995.
- Thomas, K. (1983) *Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500—1800*, London: Alien Lane.
- Thompson, G. (1998b) 'Financial systems and monetary integration', in G. Thompson (ed.), *Economic Dynamism in the Asia-Pacific*, London: Routledge.
- Thompson, G. (1998b) 'International competitiveness and globalization', in T. Baker and J. Kohler (eds), *International Competitiveness and Environmental Policies*, Brighton: Edward Elgar.
- Thompson, G. and Allen, J. (1997) 'Think global, then think again: economic globalization in context', *Area*, 29, no. 3.
- Thompson, J. B. (1990) *Ideology and Modern Culture*, Cambridge: Polity Press.
- Thompson, J. B. (1995) *The Media and Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Tilly, C. (ed.) (1975) *The Formation of National States in Western Europe*, Princeton: Princeton University Press.
- Tilly, C. (1990) *Coercion, Capital and European States, AD 990—1990*, Oxford: Blackwell.

- Tilly, R. (1991) 'International aspects of the development of German banking', in Cameron and Bovykin 1991.
- Tinker, H. (1974) *A New System of Slavery: The Export of Indian Labour Overseas*, London: Oxford University Press.
- Titus, J. (1986) *Effect of Changes in Stratospheric Ozone and Global Climate*, Washington: Environmental Protection Agency.
- Tracey, M. (1988) 'Popular culture and the economics of global television', *Intermedia*, 16, no. 2.
- Trebilcock, M. (1996) 'Competition policy and trade policy: mediating the interface', *Journal of World Trade*, 30.
- Triffin, R. (1960) *Gold and the Dollar Crisis*, New Haven: Yale University Press.
- Tripp, C. (1995) 'Regional organisations in the Arab Middle East', in L. Fawcett and A. W. Hurrell (eds), *Regionalism in World Politics*, Oxford: Oxford University Press.
- Ullman, R. H. (1989) 'The covert French connection', *Foreign Policy*, 75.
- UN (1988) *Human Rights: A Compilation of International Instruments*, New York: United Nations.
- UNCTAD (1993) *World Investment Report 1993: Transnational Corporations and Integrated International Production*, New York: United Nations.
- UNCTAD (1994) *World Investment Report 1994: Transnational Corporations, Employment and the Workplace*, New York: United Nations.
- UNCTAD (1995) *World Investment Report 1995: Transnational Corporations and Competitiveness*, New York: United Nations.
- UNCTAD (1996) *World Investment Report 1996: Investment, Trade and International Policy Arrangements*, New York: United Nations.
- UNCTAD (1997) *World Investment Report 1997: Transnational Corporations, Market Structure and Competition Policy*, New York: United Nations.
- 572
- UNCTAD (1998) *World Investment Report 1998: Trends and Determinants. Overview*, New York: United Nations (www.unctad.org).
- UNCTC (1983) *Transnational Corporations in World Development: Third Survey*, New York: United Nations.
- UNCTC (1988) *Transnational Corporations in World Development: Trends and Prospects*, New York: United Nations.
- UNCTC (1991) *World Investment Report 1991: The Triad in Foreign Direct Investment*, New York: United Nations.
- UNDP (1994) *Human Development Report 1994*, Oxford: Oxford University Press.
- UNEP (1993) *Report of the United Nations Conference on Environment and Development* (3 vols), New York: United Nations.
- UNESCO (1950) *World Communications Report*, Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- UNESCO (1963) *Statistics on Radio and Television, 1950—1960*, Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- UNESCO (1980) *Many Voices, One World*, Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- UNESCO (1988) *Statistical Yearbook*, Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- UNESCO (1989) *World Communications Report*, Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- UNFPA (1994) *The State of the World's Population*, New York: United Nations Fund for Population Activities.
- Unger, R. (1984) 'Energy sources for the Dutch golden age: peat, wind and coal', *Research in Economic History*, 9.
- UNHCR (1993) *Populations of Concern to UNHCR*, Geneva: United Nations High Commission for Refugees.
- UNHCR (1994) *The State of the World's Refugees: The Challenge of Protection*, New York: Penguin.
- Union of International Associations (1996) *Yearbook of International Organizations 1996—7*, Munich: K. G. Saur.
- UN-TCMD (1992) *World Investment Report 1992: Transnational Corporations as Engines of Growth*, New York: United Nations, Transnational Corporations and Management Division.
- Urry, J. (1990) *The Tourist Gaze*, London: Sage.
- US Congress (Office of Technology Assessment) (1991) *Arms Trade 1991*, Washington DC: USGPO.
- US Department of Commerce (1972) *Historical Statistics of the United States: From Colonial Times to 1970*, Washington DC: US Department of Commerce.
- US Department of Commerce (1995) *Statistical Abstract of the United States*, Washington DC: US Department of Commerce.
- Utterstrom, G. (1988) 'Climatic fluctuations and population problems in early modern history', in Worster 1988.
- Varis, T. (1986) *International Flow of Television Programmes*, Reports and Papers on Mass Communication no. 100, Paris: UNESCO.
- Vertovec, S. (1995) 'Indian indentured migration to the Caribbean', in Cohen 1995.
- Vestel, P. (1993) *L'Industrie européenne de l'armement*, Brussels: GRIP.
- Vilar, P. (1991) *A History of Gold and Money, 1450—1920*, London: Verso.
- Vincent, J. (1986) *Human Rights and International Relations*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Vincent, J. (1992) 'Modernity and universal human rights', in McGrew and Lewis 1992.
- Vogel, S. (1992) 'The power behind spin-ons: the military implications of Japan's commercial technology', in W. Sandholtz et al. (eds), *The Highest Stakes: The Economic Foundations of the Next Security System*, New York: Oxford University Press.
- Vogler, J. (1992) 'Regimes and the global commons', in McGrew and Lewis et al. 1992.
- Vos, R. (1994) *Debt and Adjustment in the World Economy*, Basingstoke: Macmillan.
- 573
- Wagner, P. et al. (1991) *Social Sciences and the Modern States: National Experiences and Theoretical Crossroads*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Waldinger, R. et al. (1990) *Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies*, London: Sage.

- Walker, R. B. J. (1988) *One World, Many Worlds: Struggles for a just World Peace*, Boulder, Colo.: Lynne Rienner.
- Walker, R. B. J. (1993) *Inside/Outside*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wallace, M. and Choudhry, T. (1995) 'The gold standard: perfectly integrated world markets or slow adjustment of prices and interest rates?', *Journal of International Money and Finance*, 14.
- Wallace, W. (1994) 'Rescue or retreat? The nation state in Western Europe', *Political Studies*, 42.
- Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*, New York: Academic Press.
- Wallerstein, I. (1980) *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy 1600—1750*, New York: Academic Press.
- Walter, A. (1993) *World Power and World Money*, London: Macmillan.
- Walters, F. P. (1952) *A History of the League of Nations*, London: Oxford University Press.
- Waltz, K. (1979) *The Theory of International Politics*, New York: Addison-Wesley.
- Waltz, K. (1993) 'The emerging structure of international politics', *International Security*, 18.
- Wang, G. (ed.) (1997) *Global History and Migration*, Boulder: Westview Press.
- Wang, S. (1978) *The Organization of Chinese Emigration, 1848—1888*, Beijing: Chinese Materials Centre.
- Wapner, P. (1996) *Environmental Activism and World Civic Politics*, New York: State University of New York Press.
- Ward, B. (1989) Telecommunications and the globalization of financial services', *Professional Geographer*, 41.
- Ware, A. (1992) 'Liberal democracy: one form or many?', *Political Studies*, 40, special issue.
- Watson, A. (1967) 'Back to gold — and silver', *Economic History Review*, 20.
- Watson, A. (1992) *The Evolution of International Society*, London: Routledge.
- Watson, A. (1997) *The Limits of Independence*, London: Routledge.
- Watson, R., Zinyowera, M. and Moss, R. (eds) (1995) *Climate Change 1995: Impacts, Adaptations, and Mitigation of Climate Change: Scientific-Technical Analyses*, Cambridge: Cambridge University Press.
- WCED (World Commission on Environment and Development) (1987) *Our Common Future*, Oxford: Oxford University Press.
- Weale, A. (1992) *The New Politics of Pollution*, Manchester: Manchester University Press.
- Webb, M. (1995) *The Political Economy of Policy Co-ordination: International Adjustment since 1945*, Ithaca: Cornell University Press.
- Weber, M. (1951) *The Religion of China*, Glencoe: Free Press.
- Weber, M. (1958) *The Religion of India*, New York: Free Press.
- Weber, S. (1993) 'Shaping the postwar balance of power: multilateralism in NATO', in J. G. Ruggie (ed.), *Multilateralism Matters*, New York: Columbia University Press.
- Weiss, L. (1998) *The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*, Cambridge: Polity Press.
- Weller, M. (1997) 'The reality of the emerging universal constitutional order: putting the pieces together', *Cambridge Review of International Studies*, Winter/Spring.
- Wells, A. F. (1972) *Picture Tube Imperialism? The Impact of US Television on Latin America*, New York: Orbis.
- Westing, A. (ed.) (1986) *Global Resources and International Conflict*, Oxford: Oxford University Press.
- White, P. (1984) *The West European City: A Social Geography*, London: Longman.
- Widgren, J. (1993) 'Movements of refugees and asylum seekers: recent trends in comparative perspective' in *OECD1993*, 574.
- Wigley, T., Ingram, M. and Farmer, G. (1981) *Climate and History: Studies in Past Climates and their Impact on Man*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wildman, S. and Siwek, S. (1988) *International Trade in Films and Television Programmes*, Washington DC: American Enterprise Institute.
- Wilkins, M. (1974) *The Maturing of the Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Wilkins, M. (ed.) (1991) *The Growth of Multinationals*, Aldershot: Edward Elgar.
- Wilkins, M. (1994) 'Comparative hosts', *Business History*, 36.
- Wilkinson, R. (1973) *Poverty and Progress: An Ecological Perspective on Economic Development*, New York: Praeger.
- Williams, J. E. D. (1992) *From Sails to Satellites: The Origin and Development of Navigational Science*, Oxford: Oxford University Press.
- Williams, P. (1994) Transnational criminal organizations and international security', *Survival*, 36.
- Williamson, J. (1995) 'The evolution of global labor markets since 1830', *Explorations in Economic History*, 32.
- Wilson, F. (1972) *Labour in the South African Gold Mines, 1911—1969*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilson, K. (1995) 'Refugees, displaced people and returnees in Southern Africa', in Cohen 1995.
- Wohl, A. (1983) *Endangered Lives: Public Health in Victorian Britain*, London: Dent.
- Wolff, E. (1997) 'Productivity growth and shifting comparative advantage on the industry level', in J. Fagerberg et al. (eds), *Technology and International Trade*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Wood, A. (1994) *North-South Trade, Employment and Inequality: Changing Fortunes in a Skill-Driven World*, Oxford: Oxford University Press.
- Wood, A. (1995) 'How trade hurt unskilled workers', *Journal of Economic Perspectives*, 9.
- Woodruff, W. (1966) *Impact of Western Man: A Study of Europe's Role in the World Economy, 1750—1960*, London: Macmillan.
- Woods, L. T. (1998) 'Regional co-operation: the transnational dimension', in McGrew and Brook 1998.
- World Bank (1992) *World Development Report, 1992*, Washington DC: World Bank.
- World Bank (1993) *International Trade and the Environment*, Washington DC: World Bank.

- World Bank (1994) *World Development Report 1994*, New York: Oxford University Press.
- World Bank (1995) *World Development Report 1995*, New York: Oxford University Press.
- World Bank (1997) *Global Economic Prospects and the Developing Countries*, Washington DC: World Bank.
- WMO (1990) *Atmospheric Ozone*, Global Ozone Research and Monitoring Reports, Geneva: World Meteorological Organization.
- World Resources Institute (1992) *World Resources 1992—1993*, Oxford: Oxford University Press.
- World Resources Institute (1993) *Biodiversity Prospecting*, Baltimore: World Resources Institute.
- World Resources Institute (1995) *World Resources 1994—1995*, Oxford: Oxford University Press.
- World Resources Institute (1997) *World Resources 1996—1997*, Oxford: Oxford University Press.
- World Tourist Organization (1991) *World Tourism Statistics*, Madrid: World Tourist Organization.
- World Tourist Organization (1997) *World Tourism Statistics*, Madrid: World Tourist Organization.
- Worldwatch Institute (1992) *The World Nuclear Industry Status Report, 1992*, London: Worldwatch Institute.
- Worster, D. (ed.) (1988) *The Ends of the Earth: Perspectives on Modern Environmental History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley, E. A. (1988) *Continuity, Chance and Change*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wriston, W. (1992) *The Twilight of Sovereignty*, New York: Charles Scribners Sons.
- WTO (1995) *International Trade*, Geneva: World Trade Organization.
- WTO (1996) 'Participation of developing countries in world trade: overview of major trends and underlying factors', Working Paper 15, World Trade Organization, Geneva.
- WTO (1997) *Annual Report 1997*, vol. i, Geneva: World Trade Organization.
- WTO (1998) 'Agreement on the Liberalization of Financial Services', <http://www.wto.org>.
- 575
- Wulf, H. (1986) 'India: the unfulfilled quest for self-sufficiency', in M. Brzoska and T. Ohlson (eds), *Arms Production in the Third World*, Oxford: Taylor and Francis.
- Wulf, H. (1993a) 'Soviet Union and successor republics: arms exports and the struggle with the heritage of the military industrial complex', in Wulf 1993d.
- Wulf, H. (1993b) 'The US: arms exports and implications for arms production', in Wulf 1993d.
- Wulf, H. (1993c) 'Western Europe: facing overcapacity', in Wulf 1993d.
- Wulf, H. (ed.) (1993d) *Arms Industry Limited*, Oxford: Oxford University Press.
- Yamamoto, T. (ed.) (1995) *Emerging Civil Society in the Asia-Pacific Community*, Tokyo: Japan Centre for International Exchange.
- Yates, P. L. (1959) *Forty Years of Foreign Trade*, London: Alien and Unwin.
- Yearly, S. (1995) 'Dirty connections: transnational pollution', in Alien and Hammet 1994.
- Yearly, S. (1996) *Sociology, Environmentalism, Globalization*, London: Sage.
- Young, O. (1989) *International Regimes*, Ithaca: Cornell University Press.
- Young, O. (1994) *International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society*, Ithaca: Cornell University Press.
- Yü, Y. (1997) *Trade and Expansion in Han China*, Berkeley: University of California Press.
- Zacher, M. (1992) 'The decaying pillars of the Westphalian temple', in J. N. Rosenau and O. E. Czempiel (eds), *Governance without Government*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Zacher, M. W. (1993) 'International organizations', in J. Krieger (ed.), *The Oxford Companion to Politics of the World*, Oxford: Oxford University Press.
- Zegeye, A. (1995) 'Hunger, war and flight: the horn of Africa', in Cohen 1995.
- Zelikow, P. (1992) 'The new Concert of Europe', *Survival*, 34, no. 2.
- Zeppenfeld, W. (1979) 'The economics and structure of the record and tape industry: the example of West Germany', in H. Fischer and S. Melnik (eds), *Entertainment: A Cross-Cultural Examination*, Hastings: Communication Arts Books.
- Zevin, R. (1992) 'Are world financial markets more open? If so, why and with what effects?', in T. Banuri and J. Schor (eds), *Financial Openness and National Autonomy*, Oxford: Oxford University Press.
- Zimmern, A. (1936) *The League of Nations and the Rule of Law*, London: Macmillan.
- Zlotnik, H. (1989) 'The concept of international migration as reflected in national data collection systems', *International Migration Review*, 21.
- Zolberg, A. (1983) 'Contemporary transnational migrations in historical perspective', in Kritz 1983.
- Zolberg, A. (1993) 'Are the industrial countries under siege?', in Luciani 1993.
- Zolberg, A. (1997) 'Global movements, global walls: responses to migration, 1885—1925', in Wang 1997-Zolberg, A., Suhrke, A. and Aguyano, S. (1989) *Escaping from Violence: Conflict and the Refugee Crisis in the Developing World*, Oxford: Oxford University Press.
- Zurn, M. (1995) 'The challenge of globalization and individualisation', in H. H. Holm and G. So-
rensen (eds), *Whose World Order?* Boulder: Westview Press.
- Дэвид Хелд, Энтони Макгрю, Дэвид Гольдблатт, Джонатан Перратон

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

Перевод с английского В. В. Сапов, Б. Л. Рубанов,
Л. В. Сапоев, М. В. Соколова, Л. В. Ясная

Оформление обложки *А. Кулагин*

Макет и верстка *А. В. Иванченко*

Издательская группа «Праксис» ИД № 02945 от 03.10.2000

Подписано в печать 20.03.2004. Формат 70 х 100 Vie

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,8

Тираж 2000 экз. Заказ 4231

ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“»

127486, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп. 2

<http://www.politizdat.ru>

<http://www.praxis.su> e-mail: praxis@hotbox.ru

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия»

Управления делами Президента РФ

127994, ГСП-4, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5

Контактные телефоны: 200-3636, 200-3020

ISBN 5-901574-35-4

9 785901 574355

Книга **«Глобальные трансформации»** представляет собой коллективное исследование ведущих специалистов в области проблем глобализации: Дэвида Хелда, Энтони Макгрю, Дэвида Гольдблатта и Джонатана Перратона. Эта книга, ставшая сегодня классическим трудом по теории глобализации, проливает свет на сложные процессы, происходящие в современном мире. Слишком часто дебаты о глобализации – и, в частности, о том, влечет ли она за собой конец национального государства – переходили в ожесточенные споры и заканчивались совершенной путаницей. Книга **«Глобальные трансформации»** преодолевает эти трудности.

Основываясь на данных многолетних кропотливых исследований, она стремится отобразить форму и масштаб глобализации и дает всеобъемлющее введение в проблему, сочетая его с ясной и доступной подачей материала. Книга проясняет понятие глобализации и помещает современные общественные процессы в широкий исторический контекст. В ней подробно объясняется, как нынешняя фаза глобализации трансформирует современные общества в сфере политики, экономики, культуры и коммуникации, а также в области миграции, охраны окружающей среды, войны и международного права. Опираясь на уникальный набор данных из различных сфер жизни общества, авторы объясняют, как в каждой из этих сфер происходили глобальные трансформации. На протяжении всего исследования авторы стремятся проанализировать последствия глобализации для суверенитета и независимости современных государств, а также для политики и демократии вообще.

«Глобальные трансформации» – самое систематическое из существующих на сегодняшний день исследований глобализации. Книга, безусловно, будет интересна не только ученым и студентам, изучающим глубокие преобразования современных обществ, но также людям, занятым в сфере политики и управления, и всем тем, кому интересны происходящие сегодня глобальные процессы, меняющие облик современного мира.

Дэвид Хелд – профессор Лондонской Школы
Экономических и Политических Наук;

Энтони Макгрю – профессор факультета международных
отношений Университета Саутгемптона;

Дэвид Гольдблатт – преподаватель кафедры социальных наук
Открытого Университета Великобритании;

Джонатан Перратон – преподаватель экономики
Университета Шеффилда.

www.politizdat.ru

www.praxis.su

В оформлении обложки использован фрагмент фотоколлажа Кевина Смита
Дизайн обложки Андрея Кулагина